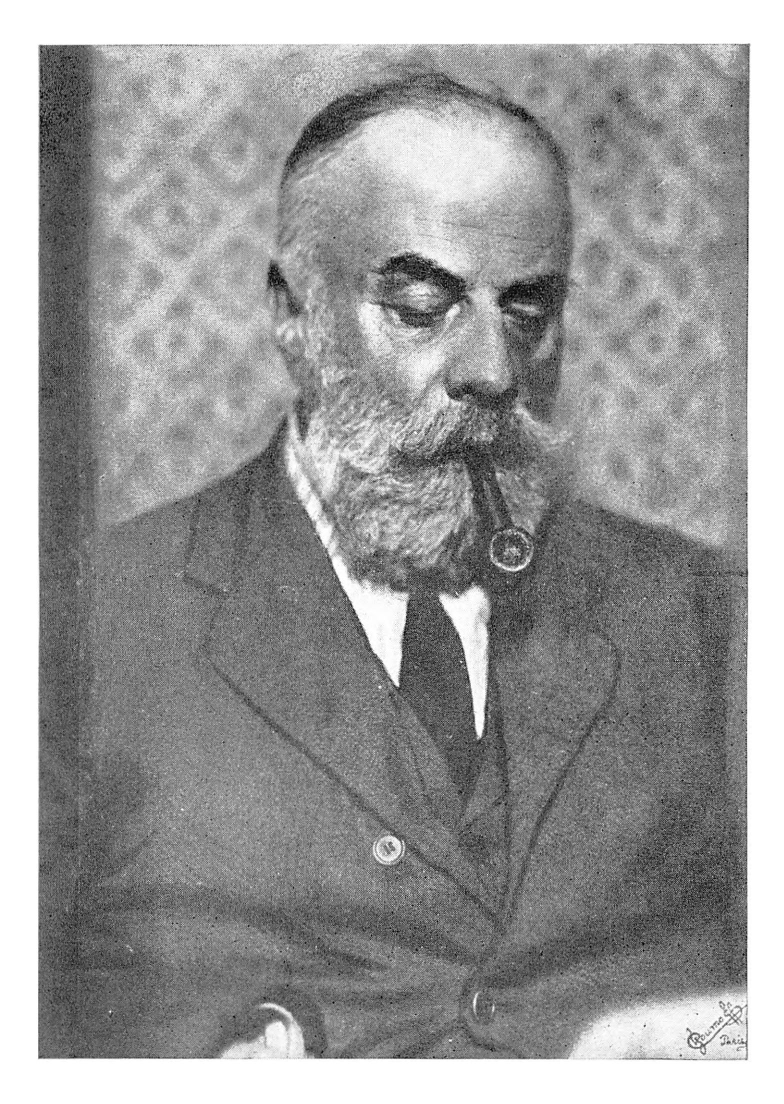
Кн. Павелъ Дмитр. Долгоруковъ — Великая разруха

Кн. Павелъ Дмитр. Долгоруковъ

ВЕЛИКАЯ РАЗРУХА

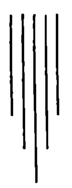
Мадридъ
1964



Князь Павелъ Дмитріевичъ Долгоруковъ
(Парижъ 1921 г.)
Фотографія Шумова.

Кн. Павелъ Дмитр. Долгоруковъ

ВЕЛИКАЯ РАЗРУХА



Мадридъ
1964

Número de Registro, 4418.—1964
Depósito Legal M.-14065.—1964

Imp. Rafael Taravilla Paul. Mesón de Paños, 6, Madrid

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

Книга, предлагаемая вниманію читателей, дѣлится на двѣ почти равныхъ части. Первая часть — это воспоминанія Князя Павла Дмитріевича Долгорукова, разстрѣляннаго большевиками въ ночь съ 9-го на 10-е іюня 1927 года, послѣ его второго нелегальнаго проникновенія въ Россію. Воспоминанія эти, озаглавленныя авторомъ — «Великая разруха», — охватываютъ десятилѣтній періодъ (1916-1926 г. г.) Въ качествѣ дополненія къ воспоминаніямъ печатается короткій очеркъ «10 Пасхъ». Вторая часть — это біографія Кн. Павла Дмитріевича, составленная самымъ близкимъ ему человѣкомъ, его братомъ Кн. Петромъ Дмитріевичемъ Долгоруковымъ. Обѣ части книги представляютъ исключительный и равный интересъ, будучи объединены личностью Кн. Павла Дмитріевича. Въ дореволюціонной Россіи имя это было извѣстно каждому политически грамотному человѣку. Въ эмиграціи въ концѣ 20-хъ годовъ врядъ-ли хоть кто-нибудь не зналъ о патріотическомъ подвигѣ, дважды имъ совершенномъ.

Конечно, читатели, принадлежащіе къ политическимъ лагерямъ, по разному оцѣнятъ отдѣльныя сужденія и высказыванія, заключающіяся въ «Великой разрухѣ» (и въ біографическомъ очеркѣ), соглашаясь съ ними или не соглашаясь. Это совершенно естественно, поскольку воспоминанія эти не бытового, а политическаго характера. Кромѣ того нельзя забывать, что написаны они ак-

тивнымъ политикомъ. Центръ тяжести всей книги заключается не столько даже въ высказываніяхъ автора, часто мѣткихъ и глубокихъ, сколько въ **личности автора** воспоминаній. Особенно ясно станетъ для читателя, когда онъ, уже знакомый изъ «Великой разрухи» съ подробностями перваго путешествія, перейдетъ ко второй половинѣ второй части книги, гдѣ помѣщено описаніе послѣдняго путешествія. Безъ преувеличенія можно сказать, что все умостроеніе и поведеніе Кн. Павла Дмитріевича является безпримѣрнымъ и единственнымъ для русской эмиграціи за всѣ долгіе годы ея жизни внѣ Родины. Поведеніе это таково, что совершенно невольно къ чувству преклоненія и восхищенія передъ нимъ примѣшивается какое то чувство изумленія и даже недоумѣнія, до такой степени поразительны твердость, спокойствіе и величественность, съ которой этотъ пожилой и больной человѣкъ, во имя исполненія поставленной себѣ задачи, осознанной имъ какъ велѣніе долга, шелъ почти на вѣрную смерть. При этомъ нельзя не принять во вниманіе еще и того, что никто его не уговаривалъ, не убѣждалъ, не посылалъ в СССР, а наоборотъ всѣ знавшіе о его намѣреніяхъ горячо убѣждали и даже умоляли его не идти туда. Невольно въ памяти встаютъ дорогія каждому русскому патріоту историческія имена трехъ предковъ Князя Павла Дмитріевича Долгорукова: Св. Князя Михаила Черниговскаго, Князя Якова Долгорукова, вѣрнаго и нелицемѣрнаго сподвижника Великаго Петра и Князя Василія Долгорукова, покорителя Крыма. И поистинѣ можно сказать, что имя Князя Павла Долгорукова навсегда останется въ самыхъ первыхъ рядахъ того пантеона нашихъ русскихъ героевъ и мучениковъ, которые оправдываютъ самое наше эмигрантское существованіе и наполняютъ наши сердца умиленіемъ, гордостью и вѣрой въ возрожденіе Великой Національной Россіи.

Настоящее изданіе пріурочено ко дню столѣтія со дня рожденія Кн. Павла и Кн. Петра Дмитріевичей Долгоруковыхъ (1866 — 1966).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ВЕЛИКАЯ РАЗРУХА

Личныя воспоминанія кн. Павла Дмитріевича Долгорукова.

(1916-1926 г. г.)

I.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ 1917 г.

Осенью 1916 г. у меня на квартирѣ въ Москвѣ засѣдалъ пленарный центральный комитетъ партіи Народной Свободы (К.-Д.). Настроеніе тогда было тревожное. Военныя неудачи. Значительная часть русской земли была занята непріятелемъ. Замѣтно было ослабленіе власти и ея авторитета. Распутинство, министерская чехарда. Слабость Государя чувствовалась всей страной и приводила въ отчаяніе монархистовъ. Не только Великіе Князья, но и отдѣльныя дамы-патріотки начали подавать Государю петиціи и записки объ угрожающемъ для династіи положеніи и подвергались за это высылкѣ. Убійство Распутина не улучшило положенія, а только подлило масла. Первоисточникъ слабости власти и ея растеренности остался: слабость характера Государя и вмѣшательство въ назначенія Государыни. Чувствовалась возможность паденія власти и многіе патріоты сознавали, что вести войну такая власть не можетъ.

Тѣмъ то и объясняется, что нѣкоторые монархисты и военные, все командованіе арміи, при первой вспышкѣ революціи высказались за отреченіе Государя: надѣялись оздоровленіемъ верховъ спасти военное положеніе, выправить войну, принесшую милліоны жертвъ, поднять духъ народа и войска.

Оказалось, дѣла не поправили. Или оно вообще бы-

ло неисправимо или, къ несчастью русскаго народа, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ не могъ выдвинуться во время надлежащій вождь-диктаторъ. Когда осенью 1917 г. появился Корниловъ, было уже поздно, власть оказалась въ слабыхъ, неумѣлыхъ рукахъ, способствовавшихъ дальнѣйшему ея разложенію и захвату ее большевиками.

На засѣданіи Центральнаго Комитета К.-Д. партіи, о которомъ я говорилъ, т. е. за полъ года до революціи, вслѣдствіе царившихъ тогда настроеній и предчувствій уже поднятъ былъ вопросъ, какъ быть, если власть выпадетъ изъ рукъ Государя, кого русская общественность сможетъ выставить ея носителемъ.

Назвали Кн. Г. Е. Львова, организатора и главноуполномоченнаго Земскаго Союза. Русская дѣйствительность смогла выставить лишь этого хорошаго человѣка и работника, талантливаго организатора.

Я усомнился въ пригодности Львова на столь отвѣтственную политическую роль. Я съ нимъ работалъ въ Японскую войну, когда я былъ уполномоченнымъ пяти передовыхъ санитарныхъ отрядовъ московскаго земства, а онъ былъ главноуполномоченнымъ объединявшихся тогда земствъ. Съ нимъ какъ милымъ, хорошимъ человѣкомъ и авторитетнымъ, талантливымъ организаторомъ было очень пріятно вести дѣло. Но я напомнилъ о бывшихъ у меня съ нимъ разговорахъ въ китайской фанзѣ, въ которой мы съ нимъ жили подъ Лаойаномъ, которые затягивались до глубокой ночи и о которыхъ упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Т. И. Полнеръ. Въ нихъ Львовъ обнаружилъ свою политическую малограмотность и незнаніе конституціонныхъ терминовъ. Напримѣръ, путая отвѣтственность министерства передъ монархомъ и передъ парламентомъ, онъ не разбирался въ разницѣ между парламентскимъ и парламентарнымъ строемъ. И вообще онъ мнѣ казался политически мало подготовленнымъ и подходящимъ человѣкомъ. На высказанныя мной сомнѣнія

меня спросили: кого же вы бы намѣтили на роль главы правительства? — Я никого не могъ назвать. Помнится, что и другіе никого не назвали. Такимъ образомъ тогда у насъ уже намѣтилась кандидатура Львова.

Не допускаю, чтобы среди полутороста милліоннаго населенія не нашлось въ нужный моментъ сильнаго, властнаго человѣка, но русская дѣйствительность и политическій строй вѣроятно не способствовали выдвиженію и развитію сильныхъ политическихъ фигуръ, а хорошаго человѣка, земца и организатора оказалось по моменту недостаточнымъ.

Атмосфера все сильнѣе наэлектризовывалась, тучи сгущались. Въ концѣ февраля 1917 г. я былъ у себя въ подмосковной деревнѣ Рузскаго уѣзда, гдѣ я ранѣе предводительствовалъ пять трехлѣтій. Неожиданно я получаю изъ г. Рузы отъ моего бывшаго секретаря записку, что изъ Москвы телефонъ сообщилъ, что въ Петербургѣ переворотъ, что правительство низложено и власть перешла къ Государственной Думѣ. Собираюсь тотчасъ же въ Москву, гдѣ застаю смятеніе и неразбериху и противорѣчащія одно другому извѣстія. Говорятъ объ отреченіи Государя. Ѣду въ Петроградъ. Поѣздъ пришелъ въ Петроградъ съ опозданіемъ. Говорили, что ночью на какой то станціи за Бологимъ стоялъ поѣздъ Государя. По дорогѣ на узловыхъ станціяхъ садились офицеры съ фронта. Тяжелое впечатлѣніе производило отобраніе на Петроградскомъ вокзалѣ у нихъ револьверовъ и шашекъ какими то молодыми людьми съ красными бантами. Смущеніе и недоумѣніе офицеровъ. Старый генералъ съ георгіевскимъ оружіемъ говоритъ, что непріятель не могъ у него отобрать оружіе, которымъ онъ заслужилъ Георгія, почему же онъ долженъ отдать его русскимъ, какъ преступникъ. Но никакого военнаго и жандармскаго начальства нѣтъ. Сумрачно офицеры отдаютъ оружіе. Кажется потомъ имъ его вернули. Отсылаю багажъ въ Еврепей-

скую гостинницу и ѣду прямо въ Таврическій Дворецъ. Городовыхъ уже нѣтъ.

Въ Таврическомъ Дворцѣ картина толчеи и сумятицы, которая уже часто описывалась. Толпа и улица завладѣли зданіемъ. Въ Думскомъ залѣ уже засѣдаютъ солдатскіе и рабочіе депутаты. Члены Думы ютятся въ маленькихъ комнатахъ флигеля. Въ длинномъ коридорѣ, ведущемъ къ нему, еле можно протолкнуться въ людской массѣ, идущей взадъ и впередъ. Колонная зала и другія — переполнены, солдаты, штатскіе. Уже колонны, стѣны и полы загрязнены. Въ большомъ кабинетѣ предсѣдателя Думы — думская комиссія по пріему арестованныхъ. Нѣсколько знакомыхъ членовъ Думы сидятъ въ ней. Все время представители «народа», рабочіе, приводятъ арестованныхъ городовыхъ, сановниковъ, министровъ. Всѣхъ болѣе важныхъ арестованныхъ направляютъ в министерскій павильонъ. Нѣкоторые министры идутъ съ сверточками, съ необходимыми подъ арестомъ вещами. Нѣкоторые сановники приходятъ и сами просятъ, чтобы ихъ арестовали, т. к. они боятся за свою участь. Не помню, кто стоялъ во главѣ дѣла арестовъ, кажется Керенскій, назначенный Министромъ Юстиціи. Въ маленькихъ комнатахъ флигеля только что образовалось Временное правительство. Всюду видна крупная фигура Родзянко. Члены правительства постоянно ходятъ въ колонную залу и во дворъ говорить привѣтственныя рѣчи войскамъ, въ строѣ приходившимъ при своихъ офицерахъ, засвидѣтельствовать свою вѣрность Думѣ и Временному правительству. Съ гвардейскимъ экипажемъ пришелъ и Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ, кажется наканунѣ, во всякомъ случаѣ **до** отреченія Государя. Краснаго банта на немъ не замѣтилъ. Многіе члены Временнаго правительства и Думы охрипли отъ постоянныхъ рѣчей. Разъ я пошелъ за Милюковымъ во дворъ. Онъ обходилъ построившуюся передъ Думой часть, привѣтствующую въ его лицѣ новое правительство. Меня поразила увѣренность и

апломбъ, съ которымъ онъ здоровался съ людьми, обходя фронтъ и говорилъ нѣсколько словъ офицерамъ и солдатамъ.

Нѣкоторые изъ членовъ Думы и правительства въ изнеможенiи лежали въ промежуткахъ между рѣчами на диванѣ во флигелѣ. Родственники и знакомые приносили имъ закуски. Съ Керенскимъ случился какой то припадокъ, кажется сердечный. Кажется потомъ онъ повторялся. Часть войскъ проникала въ колонную залу. И тамъ члены Думы и правительства говорили рѣчи. Говорили и посторонніе. Какой то безпрерывный митингъ.

Меня уже тогда съ перваго дня поразило, что Дума была вытѣснена изъ своего помѣщенія и члены ея, какъ и члены правительства, ютились во флигелѣ. Я поздравилъ Родзянко, съ той ролью, какъ мнѣ казалось, спасительной, которую онъ съ Думой сыграли, взявъ власть, выпавшую изъ рукъ Государя, и направивъ революцію въ извѣстное русло сформированіемъ правительства. Но тогда же я ему замѣтилъ, что мнѣ кажется, что народное представительство напрасно уступаетъ свое помѣщеніе и позволяетъ себя физически оттерѣть на второй планъ. — «Что же вы хотите дѣлать — баситъ онъ, — я и хотѣлъ настоять на своихъ правахъ, да вашъ же Милюковъ и другіе не поддержали меня и считаютъ, что Дума не должна вступать въ конфликтъ съ солдатскими и рабочими депутатами».

И дѣйствительно, Милюковъ, какъ я потомъ выяснилъ, полагалъ, что Дума сыграла свою роль и какъ выбранная по недемократическому закону не можетъ быть въ такой моментъ авторитетна. Онъ настаивалъ на полнотѣ власти Временнаго правительства и на его рѣшительныхъ дѣйствіяхъ. Я не говорю о депутатахъ соціалистахъ или о такомъ мелкопробномъ демагогѣ, какъ Некрасовъ. Но и большинство другихъ членовъ Думы было противъ рѣшительныхъ мѣръ, недостаточно, какъ мнѣ казалось, понимая, что Временное правительство должно было опи-

раться на выбранную все таки Думу, чтобы не повиснуть въ воздухѣ. Родзянко и меньшинство не сумѣли отстоять своего мнѣнія и уступили.

Некрасовъ уже много позднѣе, когда Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ уже забралъ большую силу, все говорилъ на кадетскихъ собраніяхъ: — «Ничего, мы съ ними сговоримся». Онъ отвратительно показалъ себя еще раньше въ Думѣ, некорректно ведя себя по отношенію къ Милюкову и всей К.-Д. фракціи и на послѣднемъ съѣздѣ партіи въ Петроградѣ я съ москвичами старался провалить этого негосударственнаго человѣка и демагога при выборахъ въ Центральный Комитетъ партіи. Но такъ какъ петроградцевъ и провинціаловъ было болѣе, то онъ прошелъ незначительнымъ числомъ голосовъ. Когда я убѣждалъ Милюкова баллотировать противъ Некрасова, то онъ отвѣтилъ, что ему неудобно (!), какъ будто онъ сводитъ личные счеты. Не болѣе государственненъ былъ и Винаверъ, когда я возмущался отвѣтомъ мнѣ Милюкова: — «Милюковъ умный человѣкъ, онъ понимаетъ, что лѣвое теченіе должно быть представлено въ Центральномъ Комитетѣ». — Отвѣтъ не очень то любезный по отношенію ко мнѣ. Оказался ли онъ съ Милюковымъ умными, отстаивая такого «государственнаго» дѣятеля, показала вся дальнѣшая роль и этика Некрасова, бывшаго однимъ изъ предателей Корнилова.

Полиція была снята. Извозчики первые дни почему то исчезли, за исключеніемъ очень немногихъ. Трамваи, кажется, стали. Вскорѣ появились ухабы. Мнѣ изъ Европейской гостинницы въ Таврическій Дворецъ было ходить довольно далеко. Въ тѣ дни часто обращались къ незнакомымъ попутчикамъ съ просьбой подвезти или взять въ долю. Какъ то я пошелъ отъ себя въ Думу и лишь у Лѣтняго Сада встрѣтилъ даму, ѣхавшую на извозчикѣ по тому же направленію, оказалось на Сергіевскую. Попросилъ подвезти. Согласилась. «Потому, — говоритъ, — согласилась вас подвезти, что нѣтъ у васъ крас-

наго банта. И прежде не любила я придворной ливреи, но красный революціонный бантъ мнѣ противенъ». А въ то время многіе и изъ аристократовъ, и изъ гвардейскихъ офицеровъ надѣли красные банты. Мнѣ тоже это было противно. Какъ разъ въ эту поѣздку на углу Сергіевской и Литейной встрѣтилъ лейбъ-гусара Кн. Л. съ краснымъ бантомъ. Нѣкоторые объясняли это тѣмъ, что хотѣли показать, что признали переворотъ и новый строй.

Разъ пришла въ Думу, къ ея президіуму, депутація отъ литераторовъ, артистовъ и художниковъ, которые организовались съ цѣлью оберегать художественныя цѣнности. Они заявили, что на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ начался грабежъ и что музею завода грозитъ опасность. Туда сейчасъ же было послано войско. Помнится, въ составѣ депутаціи человѣкъ въ десять, были Шаляпнинъ, Горькій, Добужинскій.

Правительство уже сформировалось. На него надѣялись и военные, и правые. Какъ то я обѣдалъ у двоюроднаго брата Гр. Орлова-Давыдова на Сергіевской. Обѣдалъ и В. Кн. Николай Михайловичъ. Онъ разсказывалъ, что познакомился съ Кн. Львовымъ и что онъ ему очень понравился, — "Mais il est très bien" — повторилъ онъ нѣсколько разъ. Тогда хозяйка дома на него набросилась и замѣтила: — «Да почему же Князю Львову не быть хорошимъ? Какъ будто это Васъ удивляетъ. Я удивляюсь, почему Васъ можетъ удивлять это». Такъ какъ это было сказано въ очень рѣзкомъ тонѣ, то мужъ ея, указавъ на прислугу, сказалъ ей, что онъ не можетъ допустить у себя въ домѣ такого тона съ Великимъ Княземъ. Въ виду переворота и низверженія лицъ Императорской фамиліи съ ихъ пьедестала мнѣ понравилось поведеніе Орлова-Давыдова.

Великій Князь Николай Михайловичъ, не особенно симпатичный мнѣ, строптиваго характера, говорятъ, очень доблестно умеръ. И въ предварилкѣ онъ все время шутилъ и подбадривалъ другихъ заключенныхъ. Когда

его вывели на разстрѣлъ, онъ отказался отъ завязыванія глазъ, скрестилъ руки, поднялъ голову и такъ вызывающе смотрѣлъ солдатамъ въ глаза, что смутилъ многихъ изъ нихъ и не всѣ стрѣляли. Онъ внесъ своими изданіями и изслѣдованіями такой цѣнный вкладъ въ русскую исторію, что справедливо, чтобы въ исторіи было отмѣчена его доблестная смерть.

Разъ утромъ пришелъ ко мнѣ молодой К. Нарышкинъ и говоритъ, что его мать, мою двоюродную сестру Е. К. Нарышкину, ночью арестовали по обвиненію Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ чуть не въ шпіонажѣ и что она теперь находится въ Думскомъ павильонѣ Министровъ. Ѣду въ Министерство на Дворцовой площади къ Милюкову. Министръ не принимаетъ. Объясняю, кто я. Пропускаютъ. У Милюкова кто то сидитъ. Дожидаюсь и прогуливаюсь въ амфиладѣ обширныхъ залъ и гостинныхъ съ аляповатою казенною роскошью. Въ одной изъ комнатъ, — маленькая фигурка А. С. Милюковой, принесшей мужу въ газетной бумагѣ завтракъ. Поговорилъ съ ней. Пріѣхалъ какой то посолъ. Милюковъ вышелъ извиниться, но пришлось разумѣется еще довольно долго ждать. Наконецъ я удостоился пріема. Разсказываю про Нарышкину. Онъ слышалъ про ея арестъ. Говоритъ, что ее обвиняютъ въ сношеніяхъ съ противниками, въ какихъ то переговорахъ въ Швейцаріи во время войны. Объясняю ему, что по личнымъ дѣламъ и семейнымъ обстоятельствамъ жизнь ея сложилась такъ, что она почти всегда живетъ заграницей въ своемъ домѣ во Флоренціи, а лѣтомъ обыкновенно ѣздитъ въ Швейцарію. Что домъ у нея, какъ и раньше въ Петербургѣ, былъ очень свѣтскій и у нея и у ея мужа на охотахъ всегда было много дипломатовъ, но что я не допускаю никакого шпіонажа съ ея стороны и что если нѣтъ какихъ либо фактическихъ, вѣскихъ уликъ, прошу объ ея освобожденіи и беру ее на поруки. Милюковъ говоритъ, что дѣла этого онъ не знаетъ, и не знаетъ, есть ли какія нибудь доказательства,

что дѣло ея, теперь, какъ арестованной, за Министромъ Юстиціи и что онъ сегодня же переговоритъ съ Керенскимъ. Ѣду въ Думу, справляюсь относительно заключенныхъ въ Министерскомъ павильонѣ. Оказывается, что Нарышкину перевезли оттуда утромъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ она и провела ночь. На другой день она была освобождена. Оказывается Керенскій самъ ее освободилъ, и сказалъ, что никакихъ уликъ не имѣется. Онъ очаровалъ Нарышкину своей любезностью.

Почти ежедневно въ это время засѣдалъ центральный комитетъ К.-Д. партіи, въ которомъ обсуждалось предварительно много вопросовъ, поставленныхъ жизнью на разрѣшеніе Временнаго правительства, въ томъ числѣ и вопросъ личныхъ кандидатуръ. Засиліе Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ уже начало насъ безпокоить, но, по моему, недостаточно; лѣвое крыло наше, особенно Некрасовъ, насъ успокаивали. Полнымъ же устраненіемъ Думы, кромѣ меня, кажется, никто не смущался. Въ началѣ же марта Центральный Комитетъ рѣшилъ, что историческія обстоятельства заставляютъ партію изъ конституціонно-монархической перейти въ республиканскую. У насъ всегда въ партіи было много идеологовъ республиканцевъ, лишь тактически стоявшихъ на конституціонно-монархической платформѣ въ данный моментъ. Но разъ, что «монархія себя изжила» и никто не шевельнулся для ея защиты, теперь наступилъ моментъ къ переходу къ республикѣ и т. д. (Послѣдовавшій съѣздъ партіи согласился съ этимъ).

Помню, что Милюкова въ началѣ этого засѣданія Ц. К. не было и когда онъ пріѣхалъ, вопросъ былъ уже рѣшенъ. Онъ ничего не сказалъ, но, кажется, былъ удивленъ и смущенъ такимъ рѣшеніемъ вопроса. Кажется, ему казалось такое рѣшеніе преждевременнымъ.

Часто засѣданія Центральнаго Комитета происходили у М. М. Винавера, т. к. его обширная квартира находилась на Захарьевской, близъ Думы. Однажды мы тамъ

засѣдали. Входитъ возбужденный нашъ сочленъ А. А. Свѣчинъ, бывшій гусаръ, и приноситъ намъ знаменитый приказъ по арміи № 1. Свѣчинъ горячится, волнуется, говоритъ, что необходимо принять мѣры къ немедленному аннулированію приказа, иначе армія пропадетъ, война будетъ проиграна. Я, бѣгло прослушавъ приказъ, а можетъ быть, какъ штатскій, не сразу понялъ всю его разрушительную силу, а лишь когда обсудили и растолковали его. Я даже сначала подсмѣивался надъ горячностью Свѣчина. Сейчасъ же рѣшили сдѣлать все, что можно. Такъ какъ авторитетомъ у войскъ тогда очевидно наиболѣе пользовался Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, то послали къ нему депутацію изъ трехъ человѣкъ, въ томъ числѣ и меня. Въ Думѣ — обычная толчея, въ залѣ засѣданія Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ обычныя митинговыя рѣчи, возмутительная безграмотная демагогія, самоувѣренность и самовосхваленіе силы физической. Наконецъ дождались перерыва, ловимъ предсѣдателя Чхеидзе и объясняемъ ему въ боковой комнатѣ, бывшей нашей фракціонной, весь ужасъ создаваемый приказомъ № 1. Чхеидзе охрипшимъ голосомъ (отъ предсѣдательствованія въ такомъ собраніи) говоритъ, что онъ понимаетъ и раздѣляетъ наши опасенія: — «но что же вы хотите, я безсиленъ что либо сдѣлать, движеніе пошло черезъ наши головы и зашло слишкомъ далеко». Тогда мы поняли весь трагизмъ положенія, искренне ли или не искренне говорилъ Чхеидзе. Гучковъ, военный министръ, потомъ издалъ какой то приказъ, разъясняющій приказъ № 1 и имѣвшій его ослабить. Но послѣдняго ему не удалось и Свѣчинъ оказался правъ въ своемъ предчувствіи.

Въ это время Государь уже отрекся отъ престола въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича. Послѣдній колебался. Большинство министровъ было противъ вступленія его на тронъ. Сторонниками его явились Милюковъ и еще кто-то, кажется Гучковъ. Министерство

поѣхало къ нему. Милюковъ убѣжденно уговаривалъ его принять власть. Я тоже тогда былъ не согласенъ съ нимъ. Мнѣ казалось, что разъ что министерство ѣдетъ для рѣшенія столь важнаго вопроса, то разнобоя не должно быть, министерство должно быть солидарнымъ и всякое разногласіе въ немъ, вынесенное наружу, ослабитъ его авторитетъ и силу. Потомъ, вопреки мнѣнію своихъ товарищей по Кабинету, онъ уговаривалъ Великаго Князя принять власть. Онъ мотивировалъ это тѣмъ, что законное титло должно существовать, что Временное правительство должно на него опереться, иначе оно повиснетъ въ воздухѣ и ему трудно будетъ довести Россію до Учредительнаго Собранія. Конечно возможно, что и при Михаилѣ Александровичѣ накатившую на Россію волну нельзя было бы удержать и Великаго Князя убили бы, но все таки было болѣе шансовъ сохранить государственность до Учредительнаго Собранія, тогда еще казавшагося спасительнымъ. Великій Князь Михаилъ Александровичъ былъ соломинкой, за которую хотѣлъ Милюковъ ухватиться, когда Россія начинала тонуть. Я считаю, что Милюковъ, котораго я знаю пятьдесятъ лѣтъ, съ дѣтства, человѣкъ кабинетный, теоретикъ, лишенный вообще государственнаго и національнаго чутья, въ эпоху Временнаго правительства проявилъ всего болѣе по сравненію со всей предыдущей своей дѣятельностью государственный разумъ, тогда какъ и болѣе правые его товарищи какъ въ данномъ случаѣ ошиблись, такъ и впослѣдствіи проявили менѣе его твердости и болѣе поддавались соглашательству съ товарищами по Кабинету — соціалистами, а черезъ нихъ и съ надвигавшимся большевизмомъ.

Милюковъ имѣлъ мужество отстаивать кандидатуру Великаго Князя и въ Колонной залѣ Государственной Думы, рядомъ съ Совѣтомъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ. Я видѣлъ, какъ онъ, стоя на стулѣ среди враждебно настроенной толпы, которая кричала и угрожала

ему кулаками, смѣло приводилъ свои доводы въ пользу Михаила Александровича. Когда онъ кончилъ, его еле протащили среди возбужденной толпы. Насколько онъ былъ не правъ, пренебрегая опорой для Временнаго правительства преемственной властью Государственной Думы, настолько онъ былъ правъ, цѣпляясь теперь за авторитетъ преемственнаго возглавленія государства.

Въ Москву я уѣхалъ въ смутномъ, тревожномъ настроеніи. Въ Москвѣ на разстояніи десяти часовъ отъ Петрограда, положеніе казалось еще менѣе опредѣленнымъ и яснымъ. Москва бурлила. Я устроилъ собраніе въ театральной залѣ Литературно-Художественнаго Кружка, вмѣщавшаго 300-400 человѣкъ и сдѣлалъ докладъ о своихъ петроградскихъ впечатлѣніяхъ. Залъ былъ переполненъ. Былъ цвѣтъ всей интеллигентско-прогрессивной Москвы, «Русскія Вѣдомости», «Русское Слово», профессура, адвокаты, литераторы, артисты, политическіе, земскіе и городскіе дѣятели...

Послѣ доклада и отвѣтовъ на многочисленные вопросы выступило нѣсколько ораторовъ. Въ заключеніе собраніе **единогласно** приняло предложенную резолюцію, обращенную къ Временному правительству, съ требованіемъ проявленія твердой власти и недопущенія раздвоенія власти, которая неминуемо поведетъ страну къ анархіи и кровопролитію, съ требованіемъ энергичнаго подавленія всякой узурпаціи власти правительства.

Такимъ образомъ вся интеллигентская Москва высказалась противъ захвата власти классовымъ Совѣтомъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ, противъ уступчивости и соглашательства, — за единую, твердую власть. Не помню, припоминалось ли въ резолюціи о необходимости сохраненія Государственной Думы, образовавшей правительство, какъ авторитета, на который оно могло бы опираться. Разолюція эта была напечатана въ московскихъ и, вѣроятно, въ провинціальныхъ газетахъ и имѣла цѣлью освѣтить политическое положеніе и устано-

вить государственную позицію въ обществѣ. Кажется правительству были посланы резолюціи и изъ другихъ мѣстъ, но Керенщина (да и Львовщина) и, въ особенности, Некрасовщина, не были въ состояніи воспріять эти элементарныя государственныя истины; соглашательство и попустительство пышно расцвѣтали.

Между тѣмъ съ фронта поступали все болѣе и болѣе печальныя извѣстія. Приказъ № 1 возымѣлъ свое разрушающее дѣйствіе. Поѣзда уже стали приходить переполненные и облѣпленные солдатами. Государственная Дума стала посылать своихъ членовъ, а также членовъ бывшихъ Думъ, на фронтъ для бесѣды въ войскахъ. Тогда еще надѣялись, что рѣчами можно задержать развалъ арміи. Придавая первенствующее значеніе фронту и благополучному окончанію войны, я рѣшился, какъ делегатъ Государственной Думы, ѣхать на фронтъ.

II.

ПОѢЗДКА НА ФРОНТЪ
Апрѣль 1917 г.
(Начало разложенія арміи).

Пасху, кажется раннюю въ этомъ году, я встрѣтилъ въ Москвѣ, въ Кремлѣ на Соборной площади. Опредѣливъ въ Петроградѣ районъ фронта для объѣзда и получивъ отъ Думской комиссіи соотвѣтствующую делегатскую бумагу, около 10-го апрѣля, я выѣхалъ на фронтъ въ западныя губерніи и на Волынь. Не только масса солдатъ ѣхало съ фронта, но много еще офицеровъ и солдатъ ѣхало и на фронтъ изъ отпуска, послѣ лѣченія. Было слышно, что деревня не особенно то ласково встрѣчала дезертировъ и выпроваживала ихъ вновь на фронтъ. Вѣроятно часть ихъ и возвращалась, предпочитая осѣдлый спокойный бытъ съ пайкомъ бродяжничеству. Разговоры съ офицерами и солдатами началъ уже въ поѣздѣ. У офицеровъ уже замѣчалось уныніе и скептицизмъ. Они съ горечью указывали на встрѣчные поѣзда, переполненные разнузданными солдатами, ѣхавшими съ пѣніемъ и гиканіемъ, которые иногда съ насмѣшками и площадной бранью встрѣчали ѣхавшихъ въ нашемъ поѣздѣ солдатъ, настроеніе которыхъ было сумрачное, неопредѣленное. И имъ вѣроятно не ясно было, на что они ѣдутъ.

Первая часть, которую и посѣтилъ, была Казачья дивизія подъ командой генерала Краснова, при которой

работала одна изъ летучекъ отряда Союза Городовъ, уполномоченнымъ котораго я былъ въ 14-мъ и 15-мъ году въ Галиціи. Генералъ Красновъ заставилъ меня принять парадъ. Дивизія была построена въ карэ. «Смирно, г. г. офицеры!» И я въ сопровожденіи генерала обхожу карэ, здороваюсь полу-повоенному, въ отвѣтъ на что казаки гаркаютъ — «Здравья желаемъ». Потомъ вся дивизія съ генераломъ во главѣ дефилируютъ передо мной. Я каждую сотню благодарю.

Потомъ я спросилъ генерала Краснова, зачѣмъ этотъ парадъ понадобился и почему онъ меня, штатскаго человѣка, поставилъ въ неловкое положеніе. Онъ мнѣ сказалъ, во первыхъ, чтобы я видѣлъ въ какомъ состояніи дивизія, а главное, чтобы казаки видѣли, что онъ и офицеры подчиняются новому правительству.

Затѣмъ съ спеціально устроеннаго помоста я произношу рѣчь. Казаки стройными рядами подходятъ къ помосту и вольно становятся вокругъ. Громкое ура! Потомъ говоритъ генералъ Красновъ. Онъ превосходный ораторъ. Вновь громкое ура!, казаки подхватываютъ меня на руки и несутъ къ автомобилю. Я былъ пораженъ военной выправкой и духомъ казаковъ. Отъ персонала моей летучки я узналъ, что дѣйствительно дивизія уцѣлѣла отъ разложенія и что парадированіемъ въ данномъ случаѣ не втирались очки. Да, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, другіе начальники частей при всемъ желаніи уже были бы не въ состояніи представить подобный парадъ. Я случайно попалъ съ самаго начала на наиболѣе, изъ всѣхъ видѣнныхъ мною, сохранившуюся часть. Генералъ Красновъ — выдающійся организаторъ и военный администраторъ, какъ я потомъ убѣдился и въ Новочеркасскѣ въ 1919 г. Онъ тамъ уже въ борьбѣ съ большевиками отлично сорганизовалъ Донское Казачество. Въ политическомъ отношеніи я съ нимъ впослѣдствіи въ эмиграціи разошелся, такъ какъ онъ придерживался партійно-

монархической линіи, вредной для національнаго объединенія вообще, въ частности и казачества.

При моемъ объѣздѣ, при начавшемся развалѣ арміи я воочію убѣдился, какую роль играетъ личность командира. Помню, въ одинъ и тотъ же день я посѣтилъ два полка, стоявшихъ на противоположныхъ опушкахъ одного лѣса, верстахъ въ двухъ одинъ отъ другого. Въ одномъ полку престарѣлый командиръ совсѣмъ растерялся и даже отсовѣтовалъ мнѣ выступать, говоря, что неизвѣстно, какъ солдаты меня еще примутъ. И дѣйствительно, когда я съ высокаго пня началъ говорить, то скоро изъ заднихъ рядовъ стали слышаться замѣчанія и возраженія, мѣшавшія мнѣ говорить. Вмѣшался было командиръ полка, ставшій уговаривать выслушать посланца отъ правительства, но ему уже совсѣмъ не дали говорить, кричали, что довольно его слушались и проч... Я предложилъ возражавшимъ подойти, чтобы я могъ каждому въ отдѣльности отвѣтить. Но никто не подошелъ. (И впослѣдствіи я замѣчалъ, что возражавшіе и смутьяны обыкновенно становились сзади, скрываемые передней толпой. А вечеромъ, въ сумерки, было труднѣе говорить, потому что оппозиціонеры бывали обыкновенно въ темнотѣ смѣлѣе, чѣмъ днемъ, и дисциплину было труднѣе поддержать). Возгласы были обычные, митинговые:— «Довольно повоевали, пора миръ и по домамъ!» — «Хорошо тебѣ говорить. Пріѣхалъ изъ Питера, да и назадъ. А каково намъ вшей кормить въ окопахъ!» — «Чего его слушать, будемъ сидѣть на мѣстѣ, впередъ не пойдемъ» и т. п. Иногда постоятъ, погалдятъ и демонстративно расходятся. Офицеры въ такихъ случаяхъ сумрачно, потупившись стоятъ. Жалко смотрѣть на нихъ.

Другой полкъ въ томъ же лѣсу. Командиръ — лихой кавказецъ, мусульманинъ. Команда: — «смирно» — Стоятъ не шелохнутся. Я прошу скомандовать — «вольно»! Обступаютъ автомобиль, съ котораго я говорю, тѣсной толпой, плечо къ плечу, слушаютъ молча, внима-

тельно. Когда, окончивъ рѣчь, я предлагаю задать вопросы, то сначала спрашиваютъ Командира полка разрѣшеніе спросить меня, а потомъ, когда Командиръ объясняетъ имъ, что я уполномоченъ правительствомъ прямо съ ними говорить, они меня забрасываютъ вопросами. — «А какъ-же намъ говорятъ, ... какъ же слышно, ... какъ же понять, что пишутъ...» потомъ слѣдуютъ искаженныя демагогическія мысли, обычныя въ призывахъ пропагандистовъ и соціалистическихъ газетъ и листовокъ. И въ этихъ вопросахъ слышатся и сомнѣнія, и обида — «Какъ же это?» И дѣйствительно они служатъ, воюютъ, сидятъ въ окопахъ, ихъ ранятъ, убиваютъ, а тутъ, какъ-же это, безъ нихъ — землю крестьянамъ дѣлить будутъ? и т. п. Отвѣчаю, объясняю. Слушаютъ внимательно, какъ будто понимаютъ, иногда благодарятъ.

Подъ конецъ — краткое мое заключеніе, громкое ура!, потомъ меня и Командира неустъ на рукахъ въ штабъ полка.

Вотъ два «митинга» въ двухъ рядомъ стоящихъ полкахъ; тотъ же самый «сермяжный» человѣческій матеріялъ, но два различныхъ Командира и «товаръ» получился совершенно различный.

Я всѣ мои рѣчи начиналъ привѣтствіемъ: — «Христосъ Воскресе!» — Въ отвѣтъ многосотенное: — «Воистину Воскресе»! Потомъ я объяснялъ, что я москвичъ, только что изъ Москвы, что гулъ кремлевскихъ пасхальныхъ колоколовъ еще въ моихъ ушахъ, что я имъ принесъ не только привѣтъ правительства и Государственной Думы, но и привѣтъ и чаянія изъ сердца Россіи. Объясняю, что отъ нихъ чаютъ и ожидаютъ, значеніе и трудность положенія, предостерегаю отъ ложныхъ слуховъ и призывовъ, напримѣръ, отъ призыва вести лишь окопную войну, не двигаться впередъ, и т. д. Потомъ — бесѣда, отвѣты на вопросы. Въ заключеніе — краткій патріотическій призывъ и клики — ура! Иногда — благодарность Командира и ура въ мою честь и Временнаго правительства. Не

только по бесѣдѣ, но и по слушанію солдатами моей рѣчи сразу можно было заключить о степени сохраненности или разложенія части. Я объяснялъ и финансовыя затрудненія, почему Временное правительство не въ состояніи, какъ хотѣлось бы, удовлетворить всѣ нужды солдата. Въ заключеніе моей рѣчи мнѣ иногда приносили фуражки полныя серебряныхъ солдатскихъ георгіевъ, среди которыхъ попадались и серебряные рубли для передачи правительству. Такихъ георгіевскихъ крестовъ я привезъ въ Петроградъ цѣлый мѣшокъ. Это былъ трогательный жестъ простыхъ, незачумленныхъ еще русскихъ людей. Но не было ли тутъ и несознательности, недооцѣнки, значенія такого ордена, какъ Георгій? Я, лично, отнесшій въ Московскій Государственный Банкъ въ началѣ войны единственную носильную цѣнность, которую имѣлъ, — золотой портсигаръ, врядъ ли, думается, разстался бы съ такой легкостью съ Георгіевскимъ крестомъ.

Послѣ рѣчи я бесѣдовалъ въ столовой или въ штабѣ части съ офицерами. Нечего говорить, что положеніе офицера было ужасное. Уже начали повсюду образовываться воинскіе комитеты, дисциплина заколебалась или уже рухнула, двойственность власти обнаружилась и на фронтѣ. Жадно слушали офицеры на глухихъ болотистыхъ берегахъ Стохода или въ маленькихъ еврейско-польскихъ мѣстечкахъ вѣсти изъ Питера. Здѣсь все казалось еще болѣе неяснымъ и неопредѣленнымъ. Разумѣется я имъ говорилъ не въ духѣ московской резолюціи, гдѣ была подчеркнута вся гибельность двоевластія, я старался подбодрить, утѣшить этихъ разныхъ людей, нѣсколько лѣтъ въ ужасныхъ условіяхъ воевавшихъ, большинство раненыхъ по нѣсколько разъ и видѣвшихъ крушеніе воинской дисциплины и потерю своего офицерскаго авторитета. Я старался объяснить имъ неизбѣжность временныхъ (!) уродливыхъ явленій при такомъ государственномъ потрясеніи и т. д. Часто я замѣчалъ слезы на глазахъ иногда старыхъ, сѣдыхъ офицеровъ и генераловъ.

Они трогательно благодарили меня, просили еще посѣщать и передать Временному правительству, что они исполнятъ долгъ свой до конца, какъ имъ ни тяжело, но чтобъ оно оберегало войско отъ такихъ то и такихъ то явленій и поддержало бы ихъ авторитетъ. Бесѣда затягивалась, жаль было ихъ покидать, но еще разъ обнадеживъ и подбодривъ, ихъ, я прощался и спѣшилъ въ другую часть, при чемъ бесѣда иногда уже происходила въ вечернія сумерки или даже въ темнотѣ, при свѣтѣ фонарей, когда дисциплину труднѣе было поддержать и нарушители порядка и говоруны были смѣлѣе.

Когда подбодришь такъ офицеровъ или попадешь въ не сильно еще тронутую пропагандой часть, чувствуешь, что не все еще пропало, кажется, что полезное дѣло дѣлаешь. Но послѣ бесѣды съ разваливающейся уже частью, когда къ тебѣ настроены враждебно, недовѣрчиво, когда натыкаешься на грубые отвѣты, а иногда и ругань, когда взвѣсишь всю обстановку, въ которой пребываетъ армія, тогда становилось яснымъ, что все напрасно. И дѣйствительно, командованіе было уже тогда поставлено въ ужасныя условія.

Помню, во время моей рѣчи въ одномъ полку пріѣхалъ тоже изъ тыла какой то делегатъ, врядъ ли отъ Думы, такъ какъ тамъ Комиссіи удавалось не пропускать съ порученіями на фронтъ членовъ Думы соціалистовъ. Вѣроятно это былъ делегатъ отъ Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ и несчастные командиры обязаны были допускать и ихъ въ свои части. Полкъ былъ изъ среднихъ, хотя солдаты и слушали меня безъ энтузіазма, безъ ура, но не мѣшали говорить и дали договорить до конца. Бесѣду вели недовѣрчиво, но не грубо. Послѣ меня начинаетъ говорить пріѣхавшій делегатъ. Слышу: — « Вотъ я, примѣрно, состоялъ рабочимъ на Кожевенномъ заводѣ Алафузова въ Казани. Заводъ огромнѣйшій, купецъ богатѣйшій. Цѣлый день деньской дублю въ вони и грязи кожи, получаю за это гроши, а вся прибыль

идетъ Алафузову. И такъ тысячи рабочихъ. Мы работаемъ и карманы у насъ вотъ какіе. (При этомъ онъ выворачиваетъ оба пустые карманы). А Алафузовъ живетъ въ свою сласть, только похаживаетъ по заводу, да на насъ покрикиваетъ, а карманы у него во какіе! (Онъ жестомъ обѣихъ рукъ показываетъ, какъ разбухли его карманы. При каждомъ такомъ жестѣ смѣхъ и гоготаніе солдатъ). Такъ не правильно ли я говорю, пусть всѣ одинаковую прибыль получаютъ, что Алафузовъ, что я?» — «Правильно, правильно!» — «Не должонъ ли я, работникъ, получать столько же, сколько и хозяинъ, на котораго я работаю въ потѣ и трудѣ? Почему не работающій хозяинъ получитъ болѣе? Весь барышъ долженъ быть раздѣленъ между хозяиномъ и работниками поровну! Правильно ли я говорю, товарищи?» — «Правильно вѣрно!» — «Теперь настала свобода и уровненіе для всѣхъ правовъ, земель и имущества, все дѣлить поровну...» и т. д. въ томъ же духѣ. Въ заключеніе, такъ какъ онъ былъ вѣроятно тоже посланъ для укрѣпленія фронта, то сказалъ, что для полученія всего этого и закрѣпленія революціи, не надо пущать нѣмцевъ далѣе въ Россію, а надо поддерживать солдатскую и рабочую власть. Она нѣмцевъ не пуститъ. Его рѣчь на демагогическихъ выкрикахъ и обращеніяхъ къ товарищамъ все время прерывавась одобреніемъ, смѣхомъ, гоготаніемъ и имѣла несравненно болѣе успѣха, чѣмъ моя рѣчь. Послѣдній призывъ — не пущать нѣмцевъ, я думаю запечатлѣлся у слушателей слабо, а вотъ что настало время все дѣлить, — это запало глубоко, попало на воспріимчивую почву. Послѣ такого наглянднаго опыта и слуховъ о все усиливающейся пропагандѣ, надежда на благополучный исходъ войны и вѣра въ цѣлесообразность моей миссіи у меня подрывалась.

Свою рѣчь и бесѣду я видоизмѣнялъ сообразно обстоятельствамъ и состоянію частей. Въ штабѣ дивизіи или корпуса я старался предварительно узнать, гдѣ и въ

чемъ выразилось разложеніе и старался попасть въ наихудшія въ этомъ отношеніи части, чтобы помочь по возможности командованію. Командиры охотно и съ благодарностью принимали мое предложеніе, иногда ухватывались за меня и указывали на слабѣйшія части ввѣреннаго имъ войска.

Такъ, напримѣръ, одинъ старый корпусной командиръ просилъ меня переговорить съ Елецкимъ полкомъ. Онъ не знаетъ, что съ нимъ дѣлать. Полкъ прогналъ своего командира, который уже недѣлю здѣсь у него проживаетъ и не можетъ вернуться въ полкъ, избравшій себѣ молодого командира изъ ротныхъ командировъ. Онъ познакомилъ меня съ изгнаннымъ командиромъ, котораго аттестовалъ, какъ заслуженнаго боевого офицера и образцоваго требовательнаго командира полка. Послѣдній, серьезный, симпатичный полковникъ говоритъ мнѣ, что понимаетъ, что послѣ происшедшаго, онъ не можетъ командовать полкомъ, но по настоянію начальства долженъ явиться въ полкъ и принять командованіе хоть на нѣсколько дней, чтобы въ это время можно было вызвать въ корпусъ самозваннаго командира, и назначить командиромъ полка подходящаго человѣка. Командиръ корпуса подтвердилъ мнѣ это и сдазалъ, что старому командиру онъ дастъ или другой полкъ или бригаду.

Ѣду не безъ волненія въ Елецкій полкъ съ горячимъ желаніемъ помочь разрѣшенію конфликта. Подъѣзжаю къ штабу полка, вызываю командира. Отсутствуетъ. Предлагаю адъютанту собрать офицеровъ и когда они подходятъ, предлагаю собрать полкъ черезъ два часа, а пока я предупредилъ по телефону сосѣднюю часть, что пріѣду на бесѣду. Офицеры какъ то мнутся, говорятъ между собой. — «Какъ же безъ командира? Полкъ разбросанъ». — Вызываю старшаго по чину, полковника, объясняю цѣль моей поѣздки — объѣздъ фронта по порученію Государственной Думы и Временнаго правительства, что кромѣ бесѣды — никакихъ исполнительныхъ правъ и пору-

ченій не имѣю и именемъ правительства и съ согласія корпуснаго командира предписываю ему, за отсутствіемъ командира полка, собрать офицеровъ и солдатъ полка. — «Слушаюсь». (Полкъ былъ отведенъ въ резервъ). Поговоривъ часа полтора съ какой то командой телеграфистовъ или телефонистовъ, сильно распропагандированной, возвращаюсь къ Ельцамъ. Собралось человѣкъ 350-400, очевидно далеко не весь полкъ. Потомъ подошло еще человѣкъ сто. Начинаю бесѣду обычнымъ христосываніемъ. Разсказываю про посѣщеніе другихъ частей, про дисциплину казаковъ, про себя, что я бывшій членъ Думы, что теперь никакой должности и власти не имѣю, о необходимости додержаться до учредительнаго собранія, не нарушая воинскій уставъ и дисциплины, что равносильно предательству и т. п. Прямо о конфликтѣ съ командиромъ не говорилъ и они не касались этой темы, задавая обычные вопросы. Впечатлѣніе —среднее, неопредѣленное. Солдаты какъ будто остались довольны рѣчью и бесѣдой, подъ конецъ держались непринужденно. Передъ бесѣдой я поручилъ офицеру, сопровождавшему меня изъ корпуса, узнать, гдѣ находится выбранный командиръ полка. Онъ доложилъ, что онъ тутъ же въ домикѣ на опушкѣ лѣса. Прощаясь съ полкомъ я спросилъ: — «Могу ли я разсказать въ Москвѣ и доложить правительству въ Питерѣ, что вы не будете слушать вздорныхъ людей, не нарушите свой долгъ и воинскую дисциплину, что Ельцы не сдадутъ фронтъ нѣмцамъ, и стойко постоите за Россію и свою свободу?» — «Вѣстимо постоимъ, къ чему сдаваться», и даже нѣсколько «благодаримъ покорно». Потомъ обращаюсь къ старшему полковнику: — «потрудитесь провести меня къ капитану...» Называю фамилію вновь избраннаго командира. Заминка. — «Не знаю, гдѣ онъ въ настоящее время находится». — «А вотъ въ этомъ домѣ, — указываю ему, — проведите меня и скажите, что я хочу съ нимъ поговорить» — Идемъ. Входимъ. Пропускаю полковника. Потомъ тотъ выходитъ, вхожу въ

комнату я. Трое офицеровъ пьютъ чай. — «Я хотѣлъ бы переговрить съ капитаномъ... наединѣ». — Двое неторопясь, нехотя уходятъ. Остающійся, совсѣмъ молодой человѣкъ стоитъ, избѣгаетъ все время смотрѣть мнѣ въ глаза, тупо молчитъ, или неохотно, кратко отвѣчаетъ. Прошу чаю, съ утра ничего не ѣлъ. Прямо приступаю къ дѣлу, объясняю, что я штатскій, безъ всякой власти надъ нимъ, являюсь добровольцемъ-посредникомъ и обращаюсь къ нему, какъ русскій человѣкъ къ русскому и т. п. и совѣтую ему явиться къ командиру Корпуса, обѣщаю исходатайствовать переводъ его въ другую часть (по чрезвычайности обстоятельствъ, а не преданіе суду), а то полкъ можетъ быть расформированъ, онъ строго отвѣтитъ и сотни людей изъ за него пострадаютъ. — «Вѣдь я же выбранъ солдатами, не самъ себя поставилъ» повторяетъ онъ тупо. — «Не мнѣ, штатскому, объяснять вамъ, что вы въ корнѣ подрываете дисциплину». — «Если кто и можетъ поддержать въ полку дисциплину, такъ только я, они мнѣ довѣряютъ». — «Но вѣдь даже приказъ № 1 не даетъ права отстранять и выбирать командировъ. Нарушеніе такое грубое дисциплины немыслимо въ арміи; это перекинется на другія части, да и въ вашемъ же полку это послужитъ началомъ разложенія и васъ скоро замѣнитъ какой нибудь демагогъ писарь или простой солдатъ». — «Но стараго командира полкъ не пожелаетъ вновь принять». — «Можетъ быть и самъ онъ не пожелаетъ послѣ всего остаться въ полку. Дѣло не въ старомъ командирѣ, я не знаю и не уполномоченъ вмѣшиваться, кто будетъ назначенъ, дѣло въ васъ, чтобы вы явились съ повинной и чтобы старый ли, новый ли командиръ былъ назначенъ законной властью, а не беззаконно и самочинно». Молчитъ. «Такое отношеніе къ службѣ равносильно, говорю я, измѣнѣ и переходу на сторону противника». — «Но вы уже черезчуръ...» — «Не черезчуръ, а такая явная измѣна менѣе была бы губительна для русскаго фронта, чѣмъ ваши дѣйствія», и т. п. Упор-

но молчитъ или тупо твердитъ свое: — «Не я захотѣлъ, меня выбрали». — «Почему вы не явились, когда я предложилъ всѣмъ чинамъ полка явиться на бесѣду?» — «Я не обязанъ». — «Такъ, значитъ вы не признаете Временное правительство и Государственную Думу?» — «Признаю». — «Вѣдь ихъ именемъ и съ разрѣшенія командира Корпуса я дѣйствовалъ». — «Я не зналъ», и т. д. Посовѣтовавъ ему еще разъ явиться въ штабъ Корпуса поскорѣе, что въ его же интересахъ, пока я оттуда не уѣду, я вышелъ. Около автомобиля толпились офицеры и солдаты. Я прощаюсь съ солдатами. — «Здравія желаемъ. В. Пр!» Подаю руку старшему полковнику: — «За отсутствіемъ командира полка полковника... обращаюсь къ вамъ какъ къ старшему офицеру полка съ пожеланіемъ, чтобы вамъ и всѣмъ офицерамъ удалось поддержать славу, дисциплину и служеніе родинѣ Елецкаго полка». — Онъ низко кланяется и благодаритъ. Съ офицерами отдѣльно я нарочно не бесѣдовалъ. По отрывочнымъ фразамъ отдѣльныхъ офицеровъ, когда я только что пріѣхалъ, я убѣдился, что между ними разладъ и что они кѣмъ то запуганы, вѣроятно солдатами, какъ мнѣ казалось по нѣкоторымъ взглядамъ и оглядываніямъ, когда говорили со мной.

Когда мы отъѣхали, шоферъ-солдатъ сказалъ, что онъ опасался за мою жизнь, т. к. солдаты вообразили, что я пріѣхалъ арестовать ихъ командира и нѣкоторые имѣли при себѣ ручныя бомбы во время бесѣды на этотъ случай.

На другой день я бесѣдовалъ съ другимъ полкомъ того-же Корпуса и уѣхалъ отъ Командира Корпуса лишь послѣ обѣда, такъ и не узнавъ, чѣмъ все это кончилось. Изъ Елецкаго полка никто не пріѣзжалъ. Потомъ уже я гдѣ то слышалъ, но не поручусь за достовѣрность, что все таки выбраннаго командира какъ то удалось устранить, чуть ли не арестовавъ его.

Нарочно такъ подробно остановился на этомъ эпи-

зодѣ, какъ характерномъ, чтобы выявить всю трудность, подчасъ трагизмъ положенія командованія всего черезъ полтора мѣсяца послѣ февральскаго переворота.

Посѣтилъ я и Гвардейскій Кавалерійскій Корпусъ. Командовалъ тогда имъ молодой, бравый генералъ Арсеньевъ. Къ моему удивленію я узналъ, что это сынъ К. К. Арсеньева одного изъ редакторовъ «Вѣстника Европы», съ которымъ приходилось встрѣчаться на общественномъ поприщѣ. Разложеніе коснулось уже и гвардіи. Изъ осмотрѣнныхъ мной частей наиболѣе стойкими оказались казаки, потомъ кавалерія, потомъ пѣхота. Первый изъ гвардейскихъ полковъ я посѣтилъ Конногвардейскій. Я подъѣзжалъ къ мѣстоположенію полка съ ѣхавшимъ изъ тыла генераломъ Гартманъ, который уже, неугодный полку, долженъ былъ сдать командованіе имъ, для чего и пріѣхалъ. На станціи никто изъ полка его не встрѣтилъ. Не знаю исторіи его устраненія и не помню, кто его тогда замѣнилъ. Бесѣда моя съ чинами полка не представляла ничего особеннаго и аудиторія была немногочисленна вслѣдствіе растяженія линіи расположенія. Вся кавалерія несла пѣшую окопную службу, лошади были въ обозѣ. Потомъ посѣтилъ остальные полки. Изъ петроградскихъ знакомыхъ офицеровъ встрѣтилъ немногихъ, все болѣе была незнакомая уже мнѣ молодежь, а старшіе получили или командное назначеніе въ другихъ частяхъ или были перебиты. Лейбъ-Гвардіи Гусарскій и Уланскій полки были растянуты длинной линіей на передовыхъ позиціяхъ по рѣкѣ Стоходу, а потому въ окопахъ и въ перелѣскахъ приходилось бесѣдовать съ небольшими группами офицеровъ и солдатъ. Никакихъ эксцессовъ и рѣзкостей въ этихъ частяхъ не замѣчалось, но полковые и другіе Комитеты уже начали формироваться и потомъ, по слухамъ, разложеніе быстро пошло и въ гвардейскихъ частяхъ.

Война была въ этомъ мѣстѣ чисто позиціонная, перестрѣлка вялая. Разъ только, когда я бесѣдовалъ подъ ве-

черъ въ катловинкѣ съ группой уланъ, насъ вѣроятно замѣтили, нѣсколько снарядовъ перелетѣло, а когда они стали ложиться ближе, эскадронный командиръ просилъ прекратить бесѣду, пока не стемнѣетъ.

Много времени отнимали переѣзды, приходилось ѣздить и въ товарныхъ вагонахъ и по временной дековилькѣ. Поѣзда были переполнены. Къ мѣсторасположенію частей ѣздилъ обыкновенно на автомобилѣ, иногда въ экипажѣ, разъ верхомъ. Передъ Луцкомъ, гдѣ я прожилъ три дня, выѣзжая оттуда на фронтъ, а получилъ въ мое распоряженіе маленькій, ветхій служебный вагонъ перваго класса съ 2-3 купэ, въ которомъ я и жилъ въ Луцкѣ. При переѣздахъ этотъ вагонъ прицѣплялся къ пассажирскимъ и товарнымъ поѣздамъ. Въ Луцкѣ, въ развалинахъ стараго крѣпостного замка мнѣ пришлось выступить на вновь образованномъ комитетѣ одной изъ армій, гдѣ я встрѣтилъ московскихъ знакомыхъ.

Полковые и другіе Комитеты уже повсюду сформировались. Не буду говорить о нихъ подробно: ихъ печальная роль слишкомъ общеизвѣстна. Иногда предсѣдатели и члены Комитетовъ искренне старались помочь командирамъ частей сохранить фронтъ. Но по большей части они увлекались властью и своей ролью и, создавая двойственность власти, только портили дѣло. Но очень часто въ Комитеты выбирались самые плохіе офицеры, демагоги, ухаживавшіе за солдатами, чѣмъ нибудь недовольные и озлобленные противъ своего начальства, которые свое новое положеніе и власть ставили превыше всего и съ самаго начала стремились подорвать авторитетъ командованія. Мнѣ приходилось не разъ сталкиваться съ отвратительными типами честолюбцевъ, демагоговъ и авантюристовъ-офицеровъ, которыхъ выплеснуло на гребень революціонной волны. Навѣрно большинство ихъ служатъ большевикамъ и преуспѣваютъ у нихъ. Армейскій Комитетъ въ Луцкѣ былъ сравнительно приличенъ и интеллигентенъ.

Такимъ образомъ на фронтѣ я могъ наблюдать ту же двойственность, а потому и ослабленіе власти, что и въ Петроградѣ, и выводы изъ моего доклада о поѣздкѣ были печальные.

Впрочемъ съ начала войны я мало ожидалъ отъ нея хорошаго, хотя конечно такого печальнаго конца съ Брестъ-Литовскимъ апофеозомъ, какъ результата революціи докатившейся до большевизма во время военныхъ дѣйствій, — никакъ нельзя было ожидать. Уже въ началѣ 1915 года, когда я съ своимъ передовымъ отрядомъ Союза Городовъ былъ въ Галиціи, на сотни германо-австрійскихъ снарядовъ мы выпускали десятки, а потомъ единицы. Снарядовъ не было. Мы всю зиму проработали въ Тарновѣ на Дунайцѣ подъ ударами шестнадцатидюймовой Берты, которая образовывала воронки въ десять аршинъ діаметромъ дробила окна, засыпала насъ землей и камнями. Нѣсколько разъ попадалъ я подъ ураганный обстрѣлъ — (разъ съ священникомъ Востоковымъ на Дунайцѣ, разъ въ Карпатахъ въ Горлицѣ, куда можно было изъ за обстрѣла проникнуть только ночью, и гдѣ черезъ нѣсколько дней произошелъ извѣстный Горлицкій прорывъ, положившій начало всему Галиційскому отступленію). И нельзя было въ такихъ случаяхъ показаться не только автомобилю, но и пѣшимъ, чтобъ не быть забросанными снарядами. А у насъ, когда Радко-Дмитріевъ командующій 3-й арміей, объѣзжалъ фронтъ, то все время только и говорилъ: — «Берегите снаряды!» Невольно сопоставлялось съ этимъ — Треповское — «Патроновъ не жалѣть!» — на Дворцовой площади. Радко-Дмитріевъ безотвѣтно храбрый боевой генералъ, былъ принужденъ это дѣлать, такъ какъ снарядовъ у его арміи не было. И такъ во всемъ. Не буду здѣсь перечислять недочеты. Даже малостоющихъ и простыхъ по производству освѣтительныхъ ракетъ у насъ въ началѣ войны совсѣмъ не было, а австро-германцы цѣлыми ночами освѣщали ракетами подступы къ своимъ позиціямъ. И вѣдь это былъ

ихъ второстепенный фронтъ! И тогда-же я пришелъ къ выводу, что при современной военной техникѣ мы, какъ болѣе отсталые, не можемъ побѣдить. Какъ и Турція, тогда еще огромная страна, не могла въ семидесятыхъ годахъ побѣдить Россію, несмотря на храбрость и выносливость своихъ солдатъ и несмотря на многіе у насъ недочеты. Болѣе культурная Россія не могла въ концѣ концовъ не сломить отсталой Турціи. Въ современной войнѣ побѣждаетъ культурность вообще, въ частности развитіе промышленности. Виноватъ не одинъ Сухомлиновъ, причины болѣе глубокія, ихъ искать надо въ русскомъ бытѣ, въ русской исторіи. И по сверженіи большевиковъ, чтобъ Россія могла занять подобающее ей мѣста, надо будетъ длительно подымать до общеевропейскаго уровня ея промышленность, ея культуру, ея грамотность. Иначе Россіи грозитъ участь Турціи въ Европѣ, то есть она будетъ оттиснута въ Азію.

Послѣднимъ я посѣтилъ по дорогѣ въ Кіевъ отведенный въ резервъ Кавалергардскій полкъ. Половина его стояла въ Знаменкѣ. Командиръ полка Шиповъ, племянникъ Д. Н. Шипова, просилъ меня посѣтить и другую половину полка на станціи Шепетовка, куда мы съ нимъ проѣхали въ моемъ вагончикѣ.

Всего за 18 дней пребыванія на фронтѣ я произнесъ рѣчи и велъ бесѣду въ 33 частяхъ, не считая бесѣдъ съ маленькими группами, телеграфистовъ, циклистовъ, желѣнодорожниковъ и т. п. Такъ какъ приходилось говорить иногда передъ многотысячной аудторіей, на вѣтру, при свѣжей погодѣ, то въ Москву я пріѣхалъ безъ голоса.

Въ Кіевѣ, всемъ въ цвѣту, прекрасномъ въ весеннюю пору, я пробылъ съ утра до вечера. Уличная жизнь большого тылового центра била ключомъ. Масса военныхъ. Проводникъ моего вагона на мой вопросъ, докуда онъ можетъ меня довести, сказалъ, что ему ничего на этотъ счетъ неизвѣстно. Очевидно я могъ бы въ немъ проѣхать

до Владивостока. Такъ какъ всѣ поѣзда съ фронта были переполнены, то рѣшилъ его задержать еще на сутки и доѣхать до Москвы. Въ виду того, что вагонъ былъ крохотный, его охотно прицѣпили къ скорому поѣзду. По дорогѣ въ Москву пришлось быть все время въ осадномъ положеніи. Солдаты взобрались на крышу, сидѣли на ступенькахъ, ломились съ руганью внутрь. Напрасно проводникъ увѣщевалъ, говоря, что вагонъ служебный. Ни разу не пришлось выйти изъ вагона. Къ счастью со мной была провизія. За кипяткомъ, хлѣбомъ и проч. проводникъ ухитрялся какъ то вылезать черезъ окно служебнаго отдѣленія. Въ Брянскѣ солдаты ворвались въ коридоръ, но ихъ удалось удалить и они заняли уборную и тормозные коридорчики. Двери въ коридоръ пришлось забарикадировать досками такъ, чтобы ручки не отворялись. Всю ночь стучали въ двери, въ окна, на крышѣ, ругались, что не впускали. На станціяхъ мы всѣ шторы спускали. Стекла въ выходныхъ дверяхъ оказались разбитыми. Въ Москвѣ я не торопился выйти, пока не разошлись мои внѣшніе непріятели, покидавшіе фронтъ, но храбро взявшіе приступомъ мой вагонъ. Этимъ тревожнымъ путешествіемъ окончилась моя поѣздка на фронтъ, съ рѣчами и уговариваніемъ беречь фронтъ! Чѣмъ я не маленькій Керенскій? На вокзалѣ меня узналъ, пріѣхавшій тѣмъ же поѣздомъ солдатъ, часть котораго я посѣтилъ. Онъ меня благодарилъ, говоря, что очень ужъ я хорошо, благородно все имъ объяснилъ, что очень мною солдаты остались довольны.

— «Куда же ѣдете?» — «Домой, на Волынь». — «Въ отпускъ, или совсѣмъ?» — «Какой отпускъ, ѣду домой. Всѣ ѣдутъ, чего же мнѣ оставаться. Сказываютъ — мириться теперь будутъ».

Очевидно тѣ, которые говорили менѣе «благородно» добились болѣе реальнаго успѣха, чѣмъ я.

Докладъ и мѣшокъ съ Георгіевскими крестами я представилъ въ Комиссію Государственной Думы. Докладъ

былъ очень подробный, съ цифрами, съ копіями документовъ изъ штабовъ частей, съ просьбами, съ мнѣніями командировъ. Если и другіе делегаты представили подобные же доклады, то картина всего фронта въ данный моментъ получилась бы очень яркая. Копію доклада я отвезъ въ Военное Министерство Гучкову, но не думаю, чтобы кто нибудь прочиталъ даже цѣликомъ мой докладъ, кончавшійся опредѣленными тезисами. Общій же выводъ былъ аналогиченъ московской резолюціи: необходимость возстановленія авторитета и власти офицера и устраненіе двоевластія.

III.

ПРЕДДВЕРІЕ БОЛЬШЕВИЗМА И ОКТЯБРЬСКІЙ ПЕРЕВОРОТЪ

(Москва и Московская губ. 1917 г.)

Лѣтомъ 1917 года большею частью я жилъ въ Москвѣ, наѣзжалъ въ деревню въ Рузскомъ уѣздѣ, ѣздилъ раза три въ Петроградъ на различныя совѣщанія, а также на засѣданія Центральнаго Комитета и на съѣздъ партіи К.-Д. Въ Петроградѣ митинги уже происходили на улицѣ. Излюбленное мѣсто для типичныхъ солдатскихъ митинговъ было — Конногвардейскій бульваръ. Никакой должности я не занималъ и не стремился къ этому, а когда партія намѣтила меня въ предпарламентъ, то отказался, такъ какъ не придаватъ ему никакого значенія, выставивъ свою кандидатуру въ Учредительное Собраніе, которое должно было вывести Россію изъ состоянія почти анархическаго. Министры мѣнялись, власть ихъ постепенно умалялась, власть Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ все росла, фронтъ окончательно разваливался, большевизмъ крѣпъ, становился на ноги, расправлялъ свои корявые члены.

Въ Московскомъ Кадетскомъ клубѣ въ Брюсовскомъ переулкѣ цѣлый день кипѣла работа. Предвыборная кампанія въ Учредительное Собраніе сосредоточивалась здѣсь на всю Россію. Происходили ежедневно большія и малыя засѣданія. Изготовлялись и разсылались плакаты

и листовки, посылались лекторы и проч. Работало много молодежи. Энергично, какъ и всегда, работалъ Н. М. Кишкинъ, неутомимый организаторъ. Онъ уже въ это время былъ Комиссаромъ Москвы и успѣвалъ изъ Чернышевскаго переулка заѣзжать въ нашъ клубъ. Человѣкъ исключительной энергіи и работоспособности, въ государственномъ масштабѣ онъ оказался слабъ. Общая трагедія русской интеллигенціи! Государственнаго инстинкта въ немъ не было и его соглашательскія тенденціи даже въ то время смущали москвичей и осуждались.

Остановлюсь подробнѣе на этомъ примѣрѣ, какъ характерномъ, тѣмъ болѣе, что Кишкинъ очень хорошій человѣкъ и мой старый политическій пріятель и соратникъ. Когда онъ былъ назначенъ Комиссаромъ, то Московскій Совѣтъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ уже завладѣлъ Генералъ-Губернаторскимъ домомъ на Тверской и Кишкину пришлось расположиться во флигелѣ, въ канцеляріи въ Чернышевскомъ переулкѣ. Но этого мало. Совѣтъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ захватываетъ себѣ и сосѣднюю гостинницу «Дрезденъ». Владѣлецъ ея Андреевъ жалуется Кишкину. — Безъ послѣдствія. Андреевъ доходитъ до Временнаго правительства и даже оно удовлетворяетъ его просьбу. Кишкинъ и не думаетъ даже привести въ исполненіе рѣшеніе высшей власти! Совѣтъ не выселяютъ и Андреева за захватъ никто не вознаграждаетъ. Еще примѣръ. Служащіе «Мюръ и Мерелизъ» предъявляютъ владѣльцамъ неисполнимыя и невыдерживающія коммерческаго расчета требованія. Кишкинъ предписываетъ удовлетворить эти требованія и за неисполненіемъ его магазинъ закрывается и всѣ служащіе оказываются безработными. Дворники предъявляютъ свои требованія. Кишкинъ назначаетъ обязательное минимальное жалованіе дворникамъ въ 100 рублей въ мѣсяцъ. А вѣдь въ Москвѣ еще внѣ Садовой много деревянныхъ домишекъ уѣзднаго типа, владѣльцы которыхъ мѣщане и ремесленники, не въ состояніи этого платить, и —

массовое увольненіе дворниковъ, при чемъ они не соглашаются съѣхать. И такъ все. Соглашательство, разстройство экономической жизни, и — прогрессирующій параличъ власти. Самъ Кишкинъ работаетъ во всю, заставляетъ работать другихъ. Эта работа удовлетворяетъ его энергичную натуру, ему кажется, что благодаря этой работѣ весь механизмъ начинаетъ работать... Но энергія его не можетъ восполнить отсутствія административнаго навыка и инстинкта государственности. Онъ до конца вѣритъ въ Керенскаго. Я опасался, что Кишкинъ попадетъ въ министры Внутреннихъ Дѣлъ.

Впрочемъ онъ былъ бы во всякомъ случаѣ не худшимъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, чѣмъ Авксентьевъ. Двоевластіе, а потому и безвластіе, и чрезмѣрное соглашательство по всему фронту — въ правительствѣ, въ арміи, внутри страны. Ансамбль не нарушался. О роли и дѣятельности Городской Думы говорить не буду, такъ какъ я не городской дѣятель и не непосредственный наблюдатель. О ней много писалось и еще будетъ написано.

Центральный Комитетъ К.-Д. партіи постоянно собирался и, между прочимъ, обсуждалъ кандидатуру министровъ изъ партіи, когда тѣ смѣнялись. Интересный историческій матеріалъ представляли бы протоколы засѣданій, если они сохранились, какъ потомъ и на Югѣ Россіи. Въ нихъ запечатлѣлись тогдашнія событія въ переживаніяхъ политическаго центра. Ушелъ Львовъ, ушелъ Милюковъ, или скорѣе, какъ теперь почему то безграмотно говорится, — ихъ «ушли». Они были слишкомъ правыми.

Тогда началось первое серьезное расхожденіе Милюкова съ партіей. Когда онъ вышелъ изъ правительства, ему и нѣкоторымъ другимъ казалось, что партія болѣе не должна участвовать въ правительствѣ. Большинство же находило, что разъ мы приняли въ критическій моментъ участіе въ временной верховной власти, то и взяли на себя часть отвѣтственности довести страну до Уч-

редительнаго Собранія и что мы не должны дезертировать въ трудный моментъ, хотя бы въ чисто партійномъ отношеніи это было бы и выгодно. И мы вновь посылали министровъ, но уже безъ энтузіазма, какъ бы на закланіе. Нѣкоторые нехотя принимали постъ послѣ долгихъ колебаній, подчиняясь партійной дисциплинѣ, но были и рѣшительные отказы.

Помню, послѣ одного такого засѣданія мы пріѣхали съ Шингаревымъ, министромъ финансовъ, въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей». Тамъ состоялось совѣщаніе съ сотрудниками газеты (каковыми были и мы съ Шингаревымъ) по поводу проэктируемыхъ Шингаревымъ для пополненія казны казенныхъ монополій. Онъ энергично защищалъ ихъ. Редакція высказывалась столь-же энергично противъ и потомъ все время газета вела кампанію противъ монополій.

Теперь весной 1926 года, аналогичный вопросъ поднятъ во Франціи министромъ финансовъ Родлемъ Пере и дебатируется въ палатахъ. Кстати: призывъ Эріо и другихъ членовъ лѣваго картеля идти на выборахъ съ коммунистами противъ національнаго блока, почему коммунисты и побѣждаютъ иногда на выборахъ, напоминаетъ выборный блокъ С. Р. и меньшевиковъ съ большевиками при выборахъ въ Учредительное Собраніе.

Не на долго уѣзжалъ я въ деревню. И тутъ въ г. Рузѣ я участвовалъ на двухъ митингахъ на «Городкѣ», на высокомъ холму, обнесенномъ стариннымъ валомъ, надъ рѣкой съ чуднымъ видомъ. Здѣсь я, во время моего предводительства, устроилъ отъ Попечительства Трезвости музей, читальню, гимнастическій залъ и проч. и превратилъ площадку городка въ паркъ, валъ — въ бульваръ. Эти собранія, въ нашемъ тихомъ, не фабричномъ уѣздѣ уже происходили очень бурно, главнымъ образомъ благодаря солдатамъ, пришедшимъ изъ Клементьевскаго артиллерійскаго лагеря и нѣсколькимъ московскимъ рабочимъ. Первое собраніе они даже сорвали въ началѣ моей

рѣчи, галдежомъ и выкриками и не дали мнѣ говорить, что очень смутило и возмутило горожанъ, привыкшихъ видѣть во мнѣ въ теченіе пяти трехлѣтій Предводителя. Но черезъ двѣ недѣли я вновь устроилъ собраніе и провелъ его до конца.

Уже при большевикахъ въ 1918 году въ Москвѣ на улицѣ остановилъ меня одинъ человѣкъ и сказалъ, что онъ С.-Р. и срывалъ мой митингъ въ прошломъ году въ Рузѣ, а вотъ теперь оба мы пострадали. И я и онъ попали въ тюрьму. — «Кто бы могъ ожидать?» Я ему возразилъ, что я какъ разъ тогда на митингахъ предупреждалъ и остерегалъ соціалистовъ отъ поддержки большевиковъ. Въ моихъ же оппонентахъ въ Рузѣ по пріемамъ и рѣчамъ нельзя было отличить соціалистовъ отъ коммунистовъ. Въ Москвѣ собранія, иногда, бурныя, происходили все таки въ лучшихъ условіяхъ. И въ Москвѣ мнѣ пришлось на одномъ собраніи пережить нѣсколько непріятныхъ минутъ изъ за Милюкова. Я поѣхалъ на большой мусульманскій, преимущественно татарскій съѣздъ въ Замоскворѣчье, для привѣтствованія Съѣзда отъ К.-Д. партіи. Говорю краткое привѣтствіе и о взглядахъ партіи на права національнаго самоопредѣленія народностей. Жиденькіе апплодисменты. Когда иду черезъ залу обратно, то подымается шумъ, вижу подъ ермолками, возбужденные, даже свирѣпыя лица и угрожающіе жесты. Провожающіе меня смущенные члены президіума, среди которыхъ былъ и членъ Государственной Думы К.-Д., объясняютъ, что это манифестируютъ фанатики-панисламисты, криками — «Проливы! Милюковъ», протестуя противъ извѣстнаго заявленія Милюкова о Константинополѣ и проливахъ. Они вступились за единовѣрную Турцію.

Въ Москвѣ начиналась дороговизна, но городская жизнь шла своимъ чередомъ. Вечеромъ часто бывалъ въ Англійскомъ Клубѣ, сжатомъ лазаретомъ съ начала войны въ двухъ комнатахъ. Игра въ карты и на билліардѣ продолжалась.

Въ деревнѣ въ концѣ лѣта начался бандитизмъ. Въ нашемъ мирномъ уѣздѣ по сосѣдству съ нами въ селѣ Дубровѣ убили и ограбили священника и его жену. Онъ былъ добросовѣстнымъ законоучителемъ въ земской школѣ, въ которую я часто заѣзжалъ. На похороны съѣхались священники съ половины уѣзда, большинство которыхъ я тоже хорошо зналъ, какъ законоучителей. Настроеніе на поминкахъ было мрачное, тревожное.

Помню, что я пріѣхалъ въ шарабанѣ съ кучеромъ Сергѣемъ, пятидесятилѣтній юбилей службы котораго у насъ на конюшнѣ предстояло въ этомъ году отпраздновать. Живъ ли онъ? Онъ былъ замѣчательный троечникъ. Но всѣхъ моихъ лучшихъ лошадей постепенно позабирали на войну, а у меня были доморощенныя чистопородныя лошади, полукровныя пристяжки, призовыя одиночки и тройки. Послѣдній конскій наборъ былъ особенно опустошителенъ и члены Комиссіи — крестьяне особенно настаивали на заборѣ у меня кровныхъ лошадей, не всегда для тяжелой работы, особенно безъ подготовки, пригодныхъ. И на этотъ разъ я ѣхалъ въ шарабанѣ на одиночкѣ, или на старой заводской маткѣ или на невтянувшейся еще трехлѣткѣ.

На исходѣ лѣта я урвался на десять дней въ Кисловодскъ, прелестный, освѣжительный съ своимъ паркомъ, Нарзаномъ и Подкумкомъ. Народу была масса изъ за отсутствія во время войны заграничныхъ курортовъ. Курзалъ переполненъ.

Въ Москву пріѣхалъ прямо на Государственное Совѣщаніе, бывшее въ серединѣ августа, въ Большомъ театрѣ. Керенскій былъ тогда на зенитѣ своей популярности. Я слышалъ, какъ въ трамваѣ двѣ барышни съ восторгомъ говорили: — «Я встрѣтила Керенскаго, ѣдетъ въ автомобилѣ...» — «А я вчера встрѣтила его два раза!» О Совѣщаніи скажу кратко, оно у всѣхъ на памяти и много свидѣтелей живы, которые писали и будутъ писать о немъ.

Двойственность, царившая въ Россіи повсюду и все

усиливающаяся, наглядно была представлена двумя секторами партера. Одна стояла за обереганіе государственности, другая, соціалистическо-большевицкая — все дѣлала для ея крушенія. Бурныя сцены съ депутатомъ-казакомъ Карауловымъ и съ раненымъ офицеромъ. На сценѣ появляются бурно привѣтствуемые нашимъ секторомъ и большинствомъ публики въ ярусахъ генералы Алексѣевъ, Корниловъ. Первый говоритъ мягко, примирительно, послѣдный категорично, по военному отчеканивая фразы. Лѣвый (сидящій справа) секторъ свиститъ, неистовствуетъ. Милюковъ обвиняеть правительство въ слабости и къ концу рѣчи обрушивается на министровъ Чернова и... Авксентьева, съ которымъ потомъ въ Парижѣ онъ все блокировалъ. Какъ всегда своеобразную и язвительную рѣчь произнесъ Шульгинъ. За мной ерзаетъ на своемъ мѣстѣ Пуришкевичъ, недовольный тѣмъ, что ему не дали слова и подающій реплику съ мѣста. Кооператоръ Беркенгеймъ отъ имени нѣсколько милліоновъ кооператоровъ торжественно присоединяется къ декларацiи гражданина Чхеидзе. За Керенскимъ смѣшно и театрально все время стоятъ два адьютанта въ морской формѣ. Онъ предсѣдательствуетъ рѣзко, нервно. Правый и лѣвый секторъ — два враждебныхъ лагеря, слышны подчасъ насмѣшки, перебранка, иногда сопровождаемая жестами, сжатыми кулаками. Ненависть между обоими секторами конечно сильнѣе, чѣмъ у воюющихъ въ то время между собой русскихъ и нѣмцевъ. На нашъ секторъ особенно гадливое впечатлѣніе производитъ самодовльный, ухмыляющійся селянскій министръ Черновъ, окруженный во время перерыва депутатами крестьянами. Какая то чуйка фамильярно хлопаетъ его по плечу. Особенная ненависть на лѣвомъ секторѣ къ офицерству. Я самъ слышалъ, когда проходилъ офицеръ изъ Союза Георгіевскихъ Кавалеровъ безъ руки, солдатскій-депутатъ, кто-то крикнулъ оттуда — «оторвать бы ему и другую руку!» — Вообще Государственное Совѣщаніе, которое должно было найти

общій языкъ, объединить страну, подпереть колеблющуюся власть, — оказалось антигосударственнымъ митингомъ, показавшимъ взаимное озлобленіе и непримиримость, подчеркнувшимъ безсиліе барахтающагося между двумя теченіями, тонущаго правительства. Въ видѣ демонстраціи исторіи революціи, какъ характеризовалъ это Керенскій, — рѣчи Крапотника, Плеханова, Брешко-Брешковской. Символическое рукопожатіе представителей двухъ секторовъ — Бубликова и Церетели, оказавшееся лжепророчествомъ.

Керенскій началъ свою заключительную рѣчь твердо, съ своими обычными паузами и обрываніями, срывая иногда апплодисменты и на нашемъ секторѣ. Но сидѣвшіе за мной нѣкоторые члены четвертой Думы, изъ которыхъ я мало кого зналъ, злобно шипѣли: — «фигляръ! шарлатанъ!» Потомъ Керенскій какъ то вдругъ сдалъ, и это въ моментъ, когда онъ очевидно хотѣлъ себя проявить диктаторомъ. Онъ заговорилъ что то о желѣзѣ и крови, къ которымъ прибѣгнетъ, если хотятъ этого. Какой то женскій голосъ сверху крикнулъ: — «Не надо, Александръ Феодоровичъ!» Керенскій въ изнеможеніи опускается на кресло и умолкаетъ. Театральный жестъ не удался. Общее смущеніе. Министры и публика начинаютъ подыматься, чтобы уходить. Родзянко изъ перваго ряда говоритъ все сидящему на сценѣ за столомъ Керенскому: — «Александръ Федоровичъ, вы забыли закрыть Совѣщаніе». Керенскій объявляетъ Государственное Совѣщаніе закрытымъ. Былъ ли это припадокъ, которыми кажется страдалъ Керенскій, или результатъ переутомленія? Но финалъ не скрасилъ засѣданія и все вмѣстѣ не могло успокоить страну.

Нашъ секторъ имѣлъ много пофракціонныхъ и объединенныхъ совѣщаній и докладовъ въ аудиторіяхъ университета, между прочимъ съ генералами. Лѣвые тоже гдѣ то собирались.

При пріѣздѣ Корнилова съ фронта, толпа, кажется

большею частью офицеры, его восторженно встрѣтила и вынесла съ Александровскаго вокзала на рукахъ.

Такъ какъ партія меня выставила кандидатомъ въ Учредительное Собраніе по Московской губерніи, то съ сентября я началъ объѣздъ уѣздныхъ городовъ и до переворота успѣлъ побывать на собраніяхъ въ большинствѣ уѣздовъ. Въ помощь себѣ я обыкновенно бралъ одного изъ выдававшихся ораторовъ среди нашей студенческой франкціи.

Въ Москвѣ шла отчаянная борьба. Постоянныя собранія. Но насколько помню, уличныхъ митинговъ еще не было. Былъ послѣдній мѣсяцъ передъ большевицкимъ переворотомъ. Большевики при помощи соціалистовъ все болѣе насѣдали. На Страстной и Арбатской площадяхъ черезъ улицу были протянуты полотнища съ призывомъ голосовать за **объединенный списокъ С.-Р., С.-Д. меншевиковъ и С.-Д. — большевиковъ.** Это объединеніе и помощь соціалистовъ въ проведеніи большевизма не должны быть забыты.

Въ Подольскѣ на предвыборномъ собраніи я встрѣтилъ сплоченную оппозицію въ лицѣ рабочихъ фабрики Зингеръ и цементнаго завода. Въ одномъ изъ фабричныхъ центровъ — г. Богородскѣ, гдѣ Морозовская и много другихъ фабрикъ, на собраніи у рабочихъ имѣлъ большой успѣхъ пріѣхавшій изъ Москвы анархистъ. Послѣ нашихъ рѣчей онъ взялъ слово для возраженія, сталъ меня высмѣивать и поясничать, смѣша аудиторію. Меня поддерживали всюду торговцы, обыватели и мѣстные К.-Д. — интеллигенты. Собранія устраивали мѣстные уѣздные Комитеты нашей партіи. Какъ эти два собранія, такъ и остальныя прошли все-таки въ общемъ удачно и по отзывамъ мѣстныхъ К.-Д. производили хорошее впечатлѣніе. Мнѣ съ молодыми моими коллегами не трудно было возражать, а иногда припирать къ стѣнѣ мѣстныхъ соціалистовъ.

Когда я вечеромъ ѣхалъ въ Москвѣ на вокзалъ для

поѣздки въ серединѣ октября въ Верею и Можайскъ, то уже слышались отдѣльные ружейные выстрѣлы. По слухамъ — въ Петроградѣ Временное правительства пало. На слѣдующее утро приходитъ ко мнѣ въ Vереѣ (верстъ 30 отъ желѣзной дороги) пожилой Комиссаръ города и проситъ отмѣнить собраніе во избѣжаніи безпорядковъ. По его свѣдѣніямъ въ Москвѣ идетъ бой. А афиши уже были расклеены по городу. Я настаиваю на неотмѣнѣ собранія въ маленькой Вереѣ, ссылаясь на свой опытъ и на то, что и въ фабричныхъ городахъ собранія прошли благополучно. Онъ увѣрялъ, что съ Нара-Фоминской фабрики въ Верею направляется толпа рабочихъ, чтобы сорвать собраніе, и безпорядокъ можетъ перекинуться на улицу. Какъ я ни возражалъ, пришлось подчиниться распоряженію растерявшагося начальства и я уѣхалъ въ Можайскъ. Я увѣренъ, что собраніе прошло бы благополучно.

Такъ какъ я пріѣхалъ ночью, то до утра дремалъ сидя въ буфетѣ вокзала. Изъ Москвы дѣйствительно шли тревожныя вѣсти.

Въ Можайскѣ собраніе прошло очень гладко, несмотря на присутствіе желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ.

Въ Москву я пріѣхалъ поздно вечеромъ. Александровскій вокзалъ оказался уже во власти большевиковъ, которые никого не пропускали ночью въ городъ. Пришлось опять переночевать сидя въ буфетѣ переполненнаго вокзала. Ночью я выходилъ нѣсколько разъ на площадь. Вокзалъ былъ оцѣпленъ рѣдкой цѣпью большевиковъ, какъ мнѣ казалось изъ фабричныхъ рабочихъ. Слышались рѣдкіе выстрѣлы. Виднѣлось зарево около Храма Спасителя, гдѣ я живу. Разговаривалъ съ большевиками и съ вокзальной публикой. Оказывается были уже кровопролитные бои, пожары. Кремль и центръ города еще не взяты.

На слѣдующее утро, часовъ въ 9, когда обыкновенно

уже бываетъ движеніе, иду съ вокзала, хотя меня увѣряютъ, что пройти въ городъ не удастся. Слышна сильная ружейная стрѣльба и рѣдкая орудійная. Стараюсь идти переулками, избѣгаю площадей. Всѣ магазины заперты. На улицахъ почти никого. У встрѣчныхъ солдатъ и вооруженныхъ штатскихъ красные банты или повязки. Къ Никитской площади не могъ подойти: тамъ сильная ружейная и пулеметная трескотня. На Кудринской площади тоже. Изъ пріотворенныхъ воротъ и дверей боязливо выглядываютъ любопытные. Переулками пересѣкаю Никитскую, Поварскую, Арбатъ. Черезъ большія улицы стараюсь пройти скорѣе, когда никого не замѣтно. Хотя выстрѣлы близко, но не было замѣтно, гдѣ проходитъ боевая линія. Около Поварской замѣтилъ молодыхъ людей уже съ бѣлой повязкой. Объясняютъ мнѣ, что организовалась не то оборона, не то охрана. Оказывается, что я уже въ станѣ бѣлыхъ. Не совѣтуютъ идти на Арбатскую площадь, гдѣ Александровское военное училище и штабъ полковника Рябцова, такъ какъ она сильно обстрѣливается изъ орудій. А мой домъ рядомъ съ Александровскимъ училищемъ. Пошелъ на Сивцевъ-Вражекъ, пересѣкъ Пречистенскій бульваръ и попалъ наконецъ къ себѣ въ домъ съ наглухо закрытыми воротами.

Оказывается всѣ сидятъ по домамъ, на улицу не выходятъ. Наши запаслись кое какой провизіей. Когда канонада стихаетъ, бѣгаютъ за подкрѣпленіемъ въ дома, гдѣ есть лавки, хотя съ улицы онѣ заперты. Не помню, дѣйствовало ли электричество.

Такъ какъ нашъ домъ рядомъ съ Александровскимъ училищемъ, контръ-революціоннымъ штабомъ, то въ него и въ обширную при немъ усадьбу, попадало много снарядовъ, нѣсколько десятковъ. Бьютъ, какъ говорятъ, съ Воробьевыхъ Горъ. Но поврежденія не велики: пробита крыша въ нѣсколькихъ мѣстахъ, снесена труба, повреждены каменные ворота. Разъ, когда мы сидѣли у себя внизу, послышался на верху сильный разрывъ снаряда, на-

помнившій мнѣ «Берту» въ Тарновѣ. Оказывается снарядъ влетѣлъ въ трубу и разорвался въ ней. Вся комната во второмъ этажѣ, въ которой никого не было, была въ копоти и усыпана щебнемъ. Нѣсколько разъ, когда я выходилъ, картеченки, утерявшія живую силу (вѣроятно отъ рикошета), обсыпали меня и катились по асфальту двора.

Контръ-революціонный районъ все сужался. Главными цитаделями его были Кремль, который тоже обстрѣливался, и Александровское училище. Нѣсколько разъ въ эти дни ходилъ днемъ по совершенно пустыннымъ улицамъ къ знакомымъ на Моховую и на Арбатъ. Цѣлые дни и часть ночи проводилъ въ Александровскомъ училищѣ, гдѣ царило большое оживленіе. Приходили части, посылались, формировались. Было въ этихъ частяхъ много офицеровъ и молодежи, юнкера, кадеты, добровольцы. Навѣрно не помню, кажется были и регулярныя части. Полковника Рябцова, который былъ или оказался комендантомъ Москвы, обвиняли въ нерѣшительности и нераспорядительности. Его защищалъ и поддерживалъ оказавшійся въ Москвѣ членъ Временнаго правительства Прокоповичъ. Бѣдному С. Н. Прокоповичу, который тоже постоянно бывалъ въ Александровскомъ училищѣ, приходилось принимать участіе въ рѣшеніяхъ стратегическихъ вопросовъ. Мнѣ тоже тогда казалось, что Рябцовъ былъ не на высотѣ положенія, но можетъ быть онъ былъ и правъ, не предпринимая рѣшительныхъ дѣйствій. Мнѣ было не ясно соотношеніе силъ. Когда въ концѣ концовъ Рябцовъ сдалъ Москву большевикамъ, то онъ, поддерживаемый Прокоповичемъ и другими, считалъ, что не слѣдуетъ зря вести на убой молодыя жизни. На сторонѣ большевиковъ былъ почти весь гарнизонъ. Большинство-же полагало, что слѣдуетъ биться до конца и подъ конецъ сдѣлать попытку пробиться на встрѣчу казакамъ, прибытія которыхъ ждали съ Дона. Недовольство противъ Рябцова все росло. Иногда казалось, что

его низложатъ и выберутъ другого командующаго. До чего была тяжелая атмосфера, показываетъ слѣдующій случай. Бывалъ въ Александровском училищѣ и одинъ служащій въ Правительствѣ, кажется товарищъ министра. Онъ при всѣхъ говорилъ, что Рябцовъ не годится, что онъ дѣйствуетъ лишь въ интересахъ большевиковъ и т. п. Тогда, наконецъ, Прокоповичъ сказалъ ему, что онъ какъ служащій въ Правительствѣ, не имѣетъ права такъ дѣйствовать и что если онъ будетъ продолжать это, то онъ Прокоповичъ дезавуируетъ его. Но и дезавуація бѣднаго Прокоповича тогда уже не была страшна. Кромѣ того на психику офицеровъ несомнѣнно удручающе дѣйствовала мысль: умирать за кого, за Керенскаго? А его они презирали и ненавидѣли. Въ огромныхъ залахъ-дортуарахъ верхняго этажа, кое гдѣ поврежденныхъ снарядами, происходили бесѣды и совѣщанія у отдыхавшихъ частей. Произносились зажигательныя, воодушевляющія рѣчи, также и скептическія, указывающія на малочисленность обороняющихся сравнительно съ большевиками. Опасались, и это было вполнѣ возможно, что были въ училищѣ и подосланные большевиками. На военныхъ совѣщаніяхъ у Рябцова въ нижнемъ этажѣ я не былъ, но участвовалъ съ нимъ и съ другими въ бесѣдахъ и какихъ то совѣщаніяхъ. Поѣзда, оказывается, ходили. Молодой Арсеньевъ (сынъ С. Арсеньева) взялся и поѣхалъ на Донъ «торопить казаковъ» идти на выручку Москвы (!). Тогда всѣ, помню, и въ Рузѣ были увѣрены въ скорой помощи казаковъ, какъ потомъ Чехо-Словаковъ изъ Сибири. Мнѣ удалось отправить съ бумагой Рябцова въ Тверь въ Кавалерійское училище молодого А. Гутхейля, съ просьбой прислать юнкеровъ. Но все это оказалось поздно.

Между тѣмъ защитники Москвы проявляли геройскіе подвиги. Орудій у насъ не было и очень мало пулеметовъ. Больной вопросъ — недостатокъ патроновъ. Иногда они были совсѣмъ на исходѣ. Тогда было предпринято нѣ-

сколько отчаянныхъ вылазокъ: вооруженные люди ѣхали на нѣсколькихъ грузовикахъ, прорывались въ станъ непріятеля, подъѣзжали неожиданно къ ихъ казармамъ или складамъ, захватывали патроны и привозили въ Александровское училище. Разъ проѣзжая мимо генералъ-губернаторскаго дома, такой бронированный автомобиль обстрѣлялъ его съ засѣдавшимъ тамъ Совѣтомъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ изъ пулеметовъ. Поздно ночью, когда канонада прекращалась, возвращался я изъ Александровскаго училища домой.

Ужасная, но порой странная вещь гражданская война въ большомъ городѣ. Въ домѣ у насъ толпилась наша молодежь. Но подчасъ она развлекалась, играла, пѣла. Я поощрялъ это и заставлялъ племянницу пѣть цыганскіе романсы. Помню еще такой случай. Изъ оконъ Александровскаго училища мы наблюдали, какъ черезъ постоянно обстрѣливаемую Арбатскую площадь, пробѣгала изъ церкви обвѣнчавшаяся парочка, она въ бѣломъ, и за ними нѣсколько человѣкъ. Жизнь пробивалась и подъ обстрѣломъ. Очевидно не хотѣли упустить время передъ Рождественскимъ постомъ. Конечно огромная часть жителей, какъ и всегда, проявляла обывательскую трусость, преувеличивая опасность и ужасно пострадавъ впослѣдствіи отъ этой трусости.

Петроградъ уже палъ. Въ одну непрекрасную ночь защитники должны были покинуть Кремль, а къ утру Рябцевъ сдалъ большевикамъ Александровское училище, подъ условіемъ свободнаго выхода изъ него всѣхъ. Правильно ли онъ поступилъ? Въ военное время его судили бы, какъ Стесселя.

Просыпаюсь поздно, нѣтъ обычной канонады. Миръ. Можно свободно ходить по улицамъ. Открываются магазины. На слѣдующій день свѣжій хлѣбъ. Вмѣстѣ съ испытываемою горечью, я понимаю обывательское настроеніе и... удовлетвореніе послѣ осаднаго положенія. Вѣдь каково было сидѣть нѣсколько дней со скуднымъ умень-

шающимся запасомъ продовольствія, не выходя на улицу и дрожа за свою драгоцѣнную жизнь. Да, признаюсь, и я съ удовольствіемъ шелъ по ожившимъ вдругъ улицамъ, вчера еще мертвымъ, гдѣ приходилось жаться къ стѣнамъ и спѣшно перебѣгать улицу. Обывательская поговорка — худой миръ — лучше доброй ссоры — познается, когда обыватель испытываетъ войну, да еще не хорошую, на своей шкурѣ, на своемъ желудкѣ, и она происходитъ не гдѣ то тамъ далеко, на фронтѣ, а тутъ же рядомъ.

Особенно пострадала Никитская площадь. Два огромныхъ дома на ней совсѣмъ разрушены, кн. Гагарина — снарядами. Коробковой — отъ пожара. Сильно были обстрѣляны Воскресенская площадь, гостинница Метрополь. Въ Кремлѣ — въ Чудовомъ монастырѣ, на соборахъ и во многихъ мѣстахъ Кремлевскихъ стѣнъ — поврежденія. На большинствѣ улицъ попадаются разбитыя стекла, обвалившаяся штукатурка, слѣды пуль. Не знаю, много ли было человѣческихъ жертвъ, но думаю, что не много. Надъ Кремлевскимъ Дворцомъ развѣвается огромный красный флагъ. Грустно, отвратительно! Хотя съ чисто пейзажной точки зрѣнія это красное пятно пожалуй и красиво.

На слѣдующій же день Александровское училище занялъ штабъ крнсноармейцевъ и онъ былъ окруженъ патрулями. Подъ вечеръ я возвращался домой. Патруль не пропускаетъ. Я объясняю, что живу рядомъ съ Училищемъ въ переулкѣ и меня пропустили. Другой патруль, уже на углу моего сада, останавливаетъ, арестовываетъ и ведетъ въ Александровское училище. Въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ я провелъ только что нѣсколько дней и которыя были заполнены бѣлыми, теперь снуютъ красные. Приводятъ въ какую то комнату, спрашиваютъ кто я и документъ. Я отвѣчаю: «Князь Павелъ Дмитріевичъ Долгоруковъ», подаю свидѣтельство домового комитета и объясняю, что живу рядомъ. Черезъ нѣкоторое время они говорятъ, что дадутъ мнѣ пропускъ, но что теперь

князей нѣтъ, и я получаю пропускъ — гражданину Долгорукову.

Въ Москвѣ стало спокойно, довольно свободно. Я удивлялся, какъ въ такое короткое время у большевиковъ оказалось столько исполнителей и столько перешло къ нимъ. Террора еще сильнаго не было. Напримѣръ въ Англійскомъ Клубѣ, гдѣ мало стало бывать народу, какъ-то пришли красноармейцы, заставили поднять руки вверхъ игравшихъ въ карты, обыскали кассу, въ которой почти ничего не было, выпили, и забрали нѣсколько бутылокъ вина и ушли.

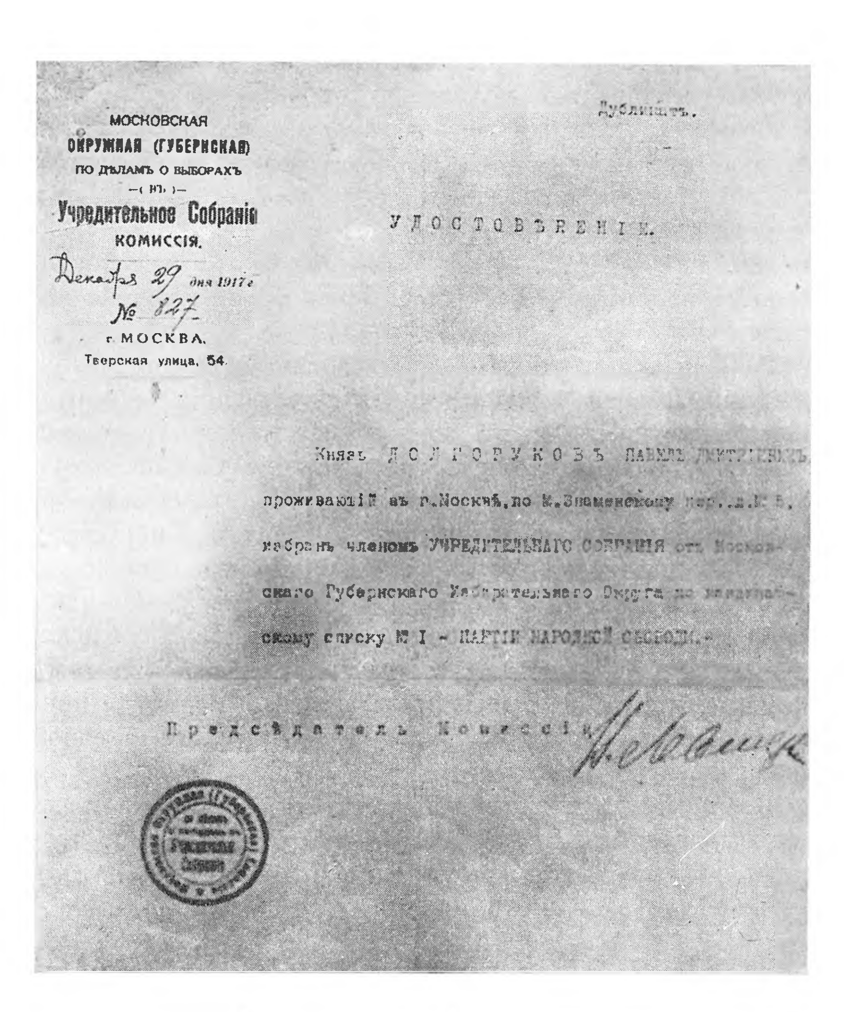
Кажется въ началѣ ноября состоялись выборы въ Учредительное Собраніе. Выборнымъ производствомъ, а потомъ и подсчетомъ голосовъ вѣдали служившіе до этого въ губернскомъ присутствіи, и все шло правильно. Въ день выборовъ я объѣхалъ на автомобилѣ нѣсколько городскихъ выборныхъ пунктовъ. На улицѣ стояли столики, гдѣ раздавались партійные списки, между прочимъ и наши, кадетскіе. Но уже на глазъ было видно, что гораздо болѣе берутъ соціалистическо-большевицкіе списки. Оживленія, какъ при выборахъ въ Думы, не замѣтно. Въ участковыхъ комиссіяхъ сидятъ и буржуазные члены (Маклаковъ, Новгородцевъ). По Москвѣ, гдѣ мы всегда имѣли такое преобладаніе, мы провели кажется только двоихъ — Кокошкина и Астрова. По Московской губерніи по кадетскому списку былъ выбранъ только я, и то при помощи правыхъ. У насъ въ комитетѣ было изъ за партійной вражды много противниковъ соединенія списковъ и тогда всѣ, — и мы, и правые, провалились бы. Но благоразуміе и логика арифметики взяли верхъ. Хотя у насъ предвыборнаго блока и не было, и всѣ мы шли съ особыми списками, но мы эти списки соединили. Такимъ образомъ я прошелъ благодаря добавочнымъ голосамъ правыхъ и клерикальныхъ группъ, старовѣровъ, какихъ то хоругвеносцевъ изъ Сергіевскаго посада и проч. Они, какъ получившіе менѣе голосовъ, чѣмъ кадеты, своихъ

не провели, но дѣйствовали разумно, такъ какъ способствовали проведенію К.-Д. вмѣсто большевика или С.-Р.

Этимъ простымъ соображеніемъ и логикой затуманенные партійностью люди не руководствуются и теперь, даже послѣ урока большевизма. Напримѣръ отколавшаяся отъ насъ группа К.-Д., назвавшая себя «демократической» и даже другіе К.-Д., которые за Милюковымъ стремятся еще дробить партію, образуя какихъ то средняковъ, не сходясь съ остальными по нѣкоторымъ тактическимъ вопросамъ. Выборы по Московской губерніи показательны.

Если прежде въ борьбѣ противъ самодержавія за конституцію и правопорядокъ былъ естественъ и допускался нами кренъ налѣво, то какъ же въ борьбѣ съ несравненно болѣе жестокимъ деспотизмомъ большевиковъ не допустить крена направо? Но однобокихъ, какъ и горбатыхъ, исправитъ очевидно только могила. Гибкость у нихъ — лишь на одну сторону, а потому они, дробясь, и пребываютъ теперь въ блестящей бездѣйственной изоляціи, въ положеніи оппозиціи Его Величества большевизма. Съ самаго начала угрозы большевизма, а потомъ на Югѣ Россіи и въ эмиграціи я стоялъ за широкое противобольшевицкое единеніе, не смущаясь его естественной правизной.

Всего кадетъ въ Учредительное Собраніе прошло человѣкъ двадцать. Въ немъ мы были бы крайними правыми. Отъ губерній, не отъ городовъ, кромѣ меня изъ К.-Д. никто не прошелъ.



МОСКОВСКАЯ
ОКРУЖНАЯ (ГУБЕРНСКАЯ)
ПО ДѢЛАМЪ О ВЫБОРАХЪ
—(ВЪ)—
Учредительное Собраніе
КОМИССІЯ.
Декабря 29 дня 1917 г.
№ 827.
г. МОСКВА.
Тверская улица, 54.

Дубликатъ.

У Д О С Т О В Ѣ Р Е Н І Е.

Князь Д О Л Г О Р У К О В Ъ Павелъ Дмитріевичъ, проживающій въ г.Москвѣ, по М.Знаменскому пер., д.№ 5, избранъ членомъ УЧРЕДИТЕЛЬНАГО СОБРАНІЯ отъ Московскаго Губернскаго Избирательнаго Округа по кандидатскому списку № I - ПАРТІИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ.-

П р е д с ѣ д а т е л ь К о м и с с і и

Удостовѣреніе объ избраніи членомъ Учредительнаго Собранія.

IУ.

ВСЯ ВЛАСТЬ УЧРЕДИТЕЛЬНОМУ СОБРАНIЮ!

(Петропавловская крѣпость).

Съ благопожеланiями и съ огромными надеждами на Учредительное Собранiе выѣхали мы 26-го ноября * съ Астровымъ, Шингаревымъ и Кокошкинымъ тоже выбранными въ Учредительное Собранiе, изъ Москвы въ Петроградъ. Такъ какъ большевики начали уже проявлять полноту своей власти, то намъ нѣкоторые отсовѣтовали ѣхать, но мы не сочли возможнымъ этого сдѣлать, разъ что выбирались и были выбраны, какъ это мотивировалъ Шингаревъ въ своемъ предсмертномъ дневникѣ. Нѣкоторые же наши сочлены по партiи, будучи тоже выбраны, предпочли даже уѣхать из Петрограда съ чужими паспортами. Шингаревъ и Кокошкинъ остановились у гр. С. В. Паниной на Сергiевской, а я въ Европейской гостиницѣ, которая уже успѣла быстро опуститься. Въ передней всегда было толпа, въ комнатахъ постоянно бывали обыски, какъ говорили для борьбы съ спекуляцiей. И мою комнату поверхностно обыскали.

Весь день 27-го до глубокой ночи мы были у С. В. Паниной на засѣданiи Центральнаго Комитета К.-Д. партiи,

* Такъ какъ у меня записей и никакого матерiала не имѣется, то въ срокахъ и числахъ могутъ быть небольшiя неточности.

обсуждая нашу тактику на завтрашнемъ открытіи Учредительнаго Собранія. Пришли туда только что освобожденные изъ Смольнаго, арестованные нѣсколько дней тому назадъ В. Д. Набоковъ и Н. Н. Авиновъ, работавшій въ правительственной комиссіи по выборамъ въ Учредительное Собраніе. Они разсказывали про грязь и заплеванность Смольнаго. Насколько помню, въ декларацiи нашей въ Учредительномъ Собраніи мы должны были требовать установленія нормъ элементарной свободы, неприкосновенности личности и правового строя, грубо нарушаемыхъ большевиками. На другой день мы, члены Учредительнаго Собранія, условились придти въ 10 часовъ утра къ С. В. Паниной, чтобы вмѣстѣ идти въ Таврическій Дворецъ на открытіе Учредительнаго Собранія.

Прихожу я къ Паниной 28-го утромъ. Въ передней нѣсколько человѣкъ съ винтовками. Швейцаръ говоритъ мнѣ, что Графиню, Шингарева и Кокошкина рано утромъ арестовали и отвезли въ Смольный. Выхожу и иду по направленнію къ Литейной. Сейчасъ же вышли за мной двое и сказали, что меня приказано вернуть. Оказывается это была засада, которая должна была арестовывать всѣхъ, пришедшихъ къ Паниной. Когда стало извѣстно, объ арестѣ Паниной, Шингарева и Кокошкина и о находящихся въ домѣ красноармейцахъ, вблизи по Сергіевской были разставлены молодые люди и барышни К.-Д., чтобы предупреждать долженствующихъ собраться. Предупрежденный такимъ образомъ Астровъ, не вошелъ къ Паниной и успѣлъ проншмыгнуть въ сосѣднюю парикмахерскую. Меня же какъ-то проглядѣли, не предупредили и я попался въ западню. Правда я нѣсколько запоздалъ и потому наши молодые товарищи можетъ быть подумали, что никто уже болѣе не придетъ.

Между тѣмъ кто то телефонируетъ въ Смольный о моемъ арестѣ, оттуда приказываютъ меня задержать и ведутъ наверхъ. Вскорѣ такимъ же образомъ арестовывается инженеръ, Товарищъ Министра Путей Сообщенія,

случайно зашедшій къ Паниной. Просидѣли мы съ нимъ тутъ часа три, такъ какъ по Сергіевской шли безконечныя депутаціи къ Учредительному Собранію отъ партійныхъ и профессіональныхъ группъ съ знаменами и значками, на большинствѣ которыхъ были надписи: — **Вся власть Учредительному Собранію**! Хороша власть, когда Членъ этого Собранія сидитъ тутъ же подъ арестомъ и глядитъ на процессію. Проходятъ съ зелеными значками и наши кадетскія группы, среди которыхъ есть знакомые. Если бы они подозрѣвали, что я тутъ сижу! Если бы я могъ сообщить о моемъ арестѣ, то меня навѣрно освободили бы, такъ какъ въ процессіи участвовали тысячи людей. Но изъ дома никого не выпускали. Бывшія въ домѣ пріятельницы Паниной дали намъ чаю и закуску, но мои записки не могли переслать.

Когда процессія кончилась, пріѣхалъ комиссаръ изъ Смольнаго Гордонъ, юркій, молодой человѣкъ. Короткій опросъ и протоколъ. Я требую запись моего протеста противъ ареста члена Учредительнаго Собранія, лица неприкосновеннаго. Комиссаръ везетъ насъ въ закрытомъ автомобилѣ въ Смольный. Встрѣчаемъ на Кирочной возвращающуюся процессію, которая огибаетъ Таврическій Садъ. Опять — **«Вся власть Учредительному Собранію!»** Гордонъ подсмѣивается надъ буржуазнымъ составомъ депутаціи.

Въ Смольномъ большое оживленіе. Масса автомобилей. Насъ ведутъ черезъ длинный коридоръ въ большой залъ, въ одномъ концѣ котораго сидятъ арестованные, въ томъ числѣ Панина, Шингаревъ и Кокошкинъ, которые радостно меня привѣтствуютъ. Въ другомъ концѣ зала столы, за которыми сидятъ и присаживаются большевики, постоянно снующіе изъ коридора въ боковую дверь. Нѣсколько разъ прошла жена Ленина. Нѣсколько матросовъ; одинъ изъ нихъ кудрявый, препротивный матросъ цѣлый день здѣсь околачивается. Въ дверяхъ — красноармеецъ съ винтовкой. По всему залу мы ходили совер-

шенно свободно и къ намъ свободно всѣхъ пропускаютъ съ улицы. Съ Шингаревымъ — его сынъ гимназистъ и сестра, съ Кокошкинымъ — его жена. У гр. Паниной, какъ Петербуржанки, за день перебывала масса друзей — аристократовъ, и изъ интеллигенціи. Ей принесли много провизіи, которая съ избыткомъ хватила на насъ всѣхъ. Черезъ одну изъ ея знакомыхъ я выписалъ управляющаго моего двоюроднаго брата, члена Думы Дымша. Его я попросилъ привезти мнѣ кое какія вещи изъ гостинницы, на случай, если насъ не отпустятъ и оплатить въ такомъ случаѣ завтра счетъ въ гостинницѣ и взять мой багажъ.

Цѣлый день мы томимся, ходимъ, разговариваемъ, дѣлаемъ предположенія. Оказывается Панину арестовали за ея отказъ, какъ Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія Временнаго правительства, сдать большевикамъ 70.000 казенныхъ денегъ. Шингарева и Кокошкина арестовали, какъ остановившихся у нея, а меня и инженера, — какъ пришедшихъ къ ней. Другихъ же членовъ Учредительнаго Собранія, бывшихъ на его открытіи, напримѣръ Родичева, — не тронули. А такъ какъ мы, кромѣ Паниной, къ этимъ деньгамъ были не причастны и даже ничего не знали до сихъ поръ о нихъ, то мы предполагали, что опасность ареста угрожаетъ только ей, а насъ отпустятъ, или что нашъ арестъ, какъ Набокова и другихъ, будетъ не продолжителенъ. Я громко, не стѣсняясь большевиковъ, ругался по поводу незаконности нашего ареста.

Приводятъ новыхъ арестованныхъ. Врѣзался мнѣ въ память арестованный за расклейку какихъ то политическихъ афишъ въ рваной шинели болѣзненнаго вида солдатъ, который въ изнеможеніи садится на полъ у стѣны. Тутъ же кипа афишъ, которыя онъ развѣшивалъ за плату. Смотрю афишы: — **«Вся власть Учредительному Собранію!»** Шингаревъ даетъ солдату хлѣбъ и мясо. Были два мальчика, нѣсколько женщинъ. Въ уборную, до невозможности загрязненную и мокрую, насъ водили съ часовымъ.

Вскорѣ стемнѣло. Пьемъ чай. Дымша привезъ мнѣ бѣлье и умывальныя принадлежности. Движенія нашего дѣла никакого. Говорятъ — засѣдаетъ Совѣтъ Нардныхъ Комиссаровъ, — отъ него зависитъ. Шагаемъ, разговариваемъ. Съ посѣтителями въ нашемъ концѣ зала образовалась довольно большая группа, которая стала все энергичнѣе возмущаться нашимъ арестомъ, началась перебранка съ подходившими большевиками. Тогда насъ, арестованныхъ, оцѣпили красноармейцами при офицерѣ, а посѣтителей оттѣснили и черезъ нѣкоторое время удалили.

Разговариваемъ съ офицеромъ, спрашиваемъ, какъ это онъ, сражавшійся на фронтѣ, перешелъ къ большевикамъ? — Тупые отвѣты — разъ что власть и командованіе перешло къ нимъ, какъ же не подчиниться? Вѣдь нужно же, чтобы кто нибудь командовалъ солдатами и т. п. Особенно горячился Кокошкинъ: — «А совѣсть, а долгъ, а ваша присяга? Развѣ вы не видите, что они разрушаютъ армію, государство, что это на руку нѣмцамъ и что это измѣна присягѣ?» — Все тѣ же тупые отвѣты. Впечатлѣніе, что переходъ къ большевикамъ его былъ несознательный, механическій; это былъ не солдатъ, а ремесленникъ — ландскнехтъ.

Томимся, не дремлется. Часовъ въ десять начинаютъ насъ вызывать по одиночкѣ къ слѣдователю Красикову. Допросъ не длинный, начинается съ выясненія нашего отношенія къ укрывательству Паниной казенныхъ денегъ. Такъ какъ мы трое только что пріѣхали въ Петроградъ, то алиби и наша полная непричастность выясняются сами собою. Затѣмъ идетъ принадлежность къ партіи и нѣсколько другихъ незначительныхъ вопросовъ, изъ которыхъ никакого обвиненія нельзя усмотрѣть. Настаиваемъ на включеніи въ протоколъ нашего протеста противъ ареста неприкосновенныхъ членовъ Учредительнаго Собранія. Черезъ полъ часа какой то господинъ намъ объявляетъ, что инженеръ, арестованный со мной, освобож-

дается, а мы арестовываемся. По обвиненію въ чемъ? Неизвѣстно. Мы требуемъ письменнаго постановленія слѣдователя. Проходитъ въ ожиданіи еще часа два. Оказывается самъ Совнаркомъ обсуждаетъ нашу участь. Какъ будто у него въ этотъ день не было болѣе важныхъ дѣлъ! Около часу ночи приходитъ тотъ же господинъ и приноситъ декретъ, подписанный Ленинымъ, Троцкимъ, Бончъ-Бруевичемъ и друг., по которому Члены Центральнаго Комитета партіи Народной Свободы объявляются «врагами народа» и «внѣ закона»! Вотъ такъ законное рѣшеніе! Придумали! Это было бы комично, если бы не привело впослѣдствіи къ убійству Шингарева и Кокошкина. Удивляемся, смѣемся, негодуемъ. На основаніи этого декрета — постановленіе слѣдователя объ арестѣ «Членовъ Центральнаго Комитета партіи Народной Свободы». Юристъ Кокошкинъ придирается и протестуетъ; неизвѣстно какіе три члена арестуются: — «Я не вижу постановленія о моемъ арестѣ». — Снова господинъ уходитъ и возвращается съ тѣмъ же постановленіемъ съ вставкой нашихъ фамилій. Характерно. Теперь все «законно». Прощаемся съ Паниной, которую увозятъ въ Кресты, а насъ въ двухъ автомобиляхъ везутъ въ Петропавловскую Крѣпость. Въ переднемъ — Шингаревъ и Кокошкинъ, въ заднемъ я съ нѣсколькими конвоирами, исключительно латышами.

Проѣзжаемъ мимо Таврическаго Дворца; окна купола и фасада залиты почему то электрическимъ свѣтомъ, несмотря на поздній часъ. (Учредительное Собраніе разошлось до января). Латыши лопочатъ на своемъ языкѣ. На ухабѣ одинъ изъ нихъ выпустилъ винтовку, которую я еле успѣлъ устранить и штыкъ былъ уже около моихъ глазъ. А вѣдь я вижу лишь однимъ глазомъ.

Въѣзжаемъ въ ворота Крѣпости и, миновавъ соборъ, останавливаемся у Крѣпости налѣво. Выходимъ и идемъ какими то закоулками и простѣнками, заваленными снѣгомъ. Зима была очень снѣжная. Въ глухомъ застѣнкѣ

остаемся очень долго, минутъ 20-30. Я въ осеннемъ пальто, такъ какъ ватнаго почти никогда не ношу. Морозъ въ 20 градусовъ и мы безпокоимся за чахоточнаго Кокошкина. Просимъ, чтобы ввели въ помѣщеніе и черезъ нѣкоторое время насъ вводятъ въ старую мрачную гауптвахту, а еще черезъ нѣкоторое время — къ коменданту, гдѣ у насъ отбираются деньги, ножики и, наконецъ, черезъ длинные коридоры Трубецкого Бастіона — въ одиночныя камеры, расположенныя рядомъ. Моя камера № 72 была самой послѣдней въ Бастіонѣ.

Тяжелая дверь захлопнулась, щелкнулъ замокъ и шаги удалились. Я помню В. Д. Набоковъ разсказывалъ, какъ профессоръ криминалистъ водилъ ихъ студентами въ тюрьму и какое сильное впечатлѣніе на него произвело, когда при демонстраціи одиночной камеры для наглядности за нимъ заперли дверь и онъ остался одинъ въ камерѣ. Я былъ скорѣе озадаченъ всѣмъ происшедшимъ въ сегодняшній день: — неприкосновенность личности, «Вся власть Учредительному Собранію», «врагъ народа» и... камера № 72.

Я какъ то старался выдавить въ себѣ ужасъ, но ничего изъ этого не выходило. Я думаю, что демонстрація ужасовъ въ кинематографахъ, описаніе въ романахъ или даже демонстрація тюрьмы студентамъ производитъ гораздо болѣе впечатлѣнія, чѣмъ когда испытываешь ихъ самъ въ жизни. Тогда все приспособлено и пріурочено къ воспріятію «ужаса», а въ жизни вниманіе отвлекается массой деталей настоящаго, соображеніями о будущемъ.

Бѣгло осмотрѣвъ камеру, я завалился не раздѣваясь на кровать и, страшно усталый, сейчасъ же заснулъ, не подозрѣвая, что пробуду здѣсь около трехъ мѣсяцевъ и выйду уже одинъ изъ тюрьмы, безъ моихъ убитыхъ друзей.

Нашъ коридоръ былъ самый сырой и холодный и особенно моя камера, какъ крайняя. Черезъ день Кокошкина, какъ чахоточнаго перевели въ другой коридоръ, а меня

въ камеру 69, рядомъ съ сидѣвшимъ въ № 70 Шингаревымъ, гдѣ мы съ нимъ все время и просидѣли.

Камеры были большія, хорошія. Привинченныя къ стѣнѣ кровать и столикъ рядомъ, надъ которымъ за матовымъ стекломъ въ стѣнѣ электрическая лампа (только вечеромъ). Болѣе мебели никакой, такъ что сидѣть приходилось на кровати. Вещи клались на газетной бумагѣ на полу. Дверь съ глазкомъ и небольшое высокое окно съ рѣшеткой. Огромное удобство — отсутствіе параши и проведенная вода. Раковина съ краномъ и судно съ откидывающимся сидѣніемъ, такъ что чистоту и воздухъ можно было отлично поддерживать. Полъ мели мы ежедневно сами. Такъ какъ я здоровъ и не боюсь холода, то всего хуже было отсутствіе свѣта въ зимніе Петроградскіе мѣсяцы. Лампочка была тусклая и рано гасла. Потомъ двоюродная сестра принесла лампу и керосинъ и я читалъ до поздней ночи. Надписи на стѣнахъ были не интересныя, современныя.

Первоначальное настроеніе? — Я уже говорилъ, что трагизма никакого не ощущалъ. Было только возмущеніе беззаконнымъ арестомъ моей «неприкосновенной» особы и наивно-грубой мотивировкой его. Поэтому въ первые дни я старался объяснить, какъ и офицеру въ Смольномъ, надзирателямъ и красноармейцу, карауливщему на прогулкѣ, всю беззаконность нашего ареста, но встрѣчая лишь тоже отношеніе — механическій переходъ и подчиненіе новой власти, — я вскорѣ умолкъ. Общее же настроеніе было хорошее. **Я былъ оглушенъ тишиной.** Тишина, спокойствіе и... свобода. Свобода располагать своимъ временемъ. Ни звонковъ, ни телефона. Вообще въ жизни я мало искалъ личнаго спокойствія, а въ послѣдній годъ — революція, фронтъ, предвыборные митинги, штурмъ Москвы. Какое наслажденіе (тоже вопреки общему мнѣнію), что заключеніе одиночное, а не общая камера! Я привыкъ къ одиночеству, живя долгіе годы и зимой въ деревнѣ совершенно одинъ въ своемъ

флигелѣ, отдѣльно отъ другихъ. Только прогулки, и то если желаешь, въ опредѣленное время. Въ остальномъ — газеты, свиданія, провизія — ослабленный, сравнительно съ царскимъ, революціонный тюремный режимъ. Встаешь и ложишься, когда хочешь, особенно съ своей лампой. Надзиратели продаютъ газеты всѣхъ направленій изъ тюремной библіотеки и со стороны. Прочелъ много книгъ, преимущественно беллетристики, нѣсколько прекрасныхъ вещей Горькаго, преимущественно же русскихъ классиковъ, нѣкоторыя сочиненія которыхъ не читалъ уже 20-30 лѣтъ. Кромѣ поэтовъ перечелъ съ наслажденіемъ почти всего Тургенева, — Дворянское гнѣздо, Записки охотника, Ася, Вешнія воды и проч. Много времени удѣлялось хожденію по обширной, къ счастью, камерѣ. Въ общемъ изъ угла въ уголъ пройдено сотни верстъ въ думахъ, въ мурлыканіи напѣвовъ. Вынужденное спокойствіе и отдыхъ. А снаружи — продолжающаяся война, углубленіе революціи, усиливающійся, терроръ, отзвуки которыхъ къ намъ проникаютъ черезъ газеты и посѣтителей.

Посѣщенія — два раза въ недѣлю. Насъ вызываютъ по нѣскольку человѣкъ въ комендатскую и мы сидимъ и свободно общаемся съ посѣтителями, получаемъ и передаемъ черезъ нихъ письма. Не такъ, какъ при посѣщеніи брата, Муромцева и другихъ «Выборжцевъ», когда мы были отдѣлены отъ заключенныхъ двойною рѣшеткой. Меня посѣщали двоюродная сестра Васильчикова (остальные родственники уже уѣхали изъ Петрограда), г-жа X., наша партійная пріятельница и швейцарецъ Акерманъ; были также А. В. Тыркова и М. Я. Пуаре. Посѣщенія, разумѣется, ожидались нами съ нетерпѣніемъ. Благодаря одиночному заключенію только при посѣщеніяхъ приходилось встрѣчаться съ Кокошкинымъ, Шингаревымъ и другими заключенными (Пуришкевичъ, Бурцевъ, министры Временнаго правительства, Сухомлиновъ, Щегловитовъ). По окончаніи процесса гр. Паниной, на кото-

ромъ она была приговорена къ «общественному порицанію» (или что то въ этомъ родѣ), приходила и она.

Благодаря обильному снабженію приношеніями, мы ѣли вполнѣ удовлетворительно. Особенно обильную пищу привозила намъ изъ Москвы г-жа X., хотя въ то время, да еще съ поклажей, было очень трудно ѣздить. Кокошкина снабжала жена. Шингарева — многочисленные петроградскіе партійные пріятели и пріятельницы, а мнѣ, какъ одинокому и москвичу, первые дни пришлось поголодать. Давали отвратительный жидкій супъ, немного каши, обыкновенно затхлой. Ввиду скуднаго пропитанія я эти дни бралъ за деньги улучшенный офицерскій обѣдъ, тоже плохой, чтобъ увеличить количество хлѣба. Въ камерахъ насъ раза три посѣтили представители политическаго Краснаго Креста. Изъ знакомыхъ были докторъ И. И. Манухинъ и М. Ф. Андреева-Горькая, которую я зналъ по Художественному театру въ Москвѣ. Я думаю, что она сочла меня за сумасшедшаго. Я только что въ Москвѣ встрѣчался съ первой женой Горькаго Пѣшковой. Слышу отъ надзирателя, что жена Горькаго обходитъ камеры. Когда она въ декабрьскія сумерки вошла въ темную камеру, то я сказалъ ей: «А давно ли мы съ вами видѣлись въ Москвѣ у И. Н. Сахарова?» Она что то сказала утвердительное и вышла. А я съ ней не видѣлся нѣсколько лѣтъ. Изрѣдка обходилъ камеры и тюремный врачъ.

Помощникъ коменданта былъ съ нами очень корректенъ и любезенъ, но судя по короткимъ разговорамъ, онъ былъ идейнымъ большевикомъ. Замѣчательно симпатиченъ и мягокъ былъ старшій надзиратель изъ матросовъ. Ему мы многимъ обязаны. Надзиратели были смѣшаннаго состава, ставленники Временнаго правительства, большевиковъ и нѣсколько еще царскихъ. Они каждый день дежурили въ разныхъ коридорахъ и дней черезъ десять снова возвращались.

Можно было бы написать цѣлый психологическій

этюдъ объ этихъ тюремныхъ надзирателяхъ разныхъ режимовъ и какъ на нихъ отражалось переживаемое время и тюремный режимъ. Остановлюсь кратко на надзирателяхъ изъ большевиковъ. Они попали изъ гарнизона. И если тѣ же разнузданные, кровожадные солдаты, не спаянные дисциплиной, превращаются подъ вліяніемъ воинской дисциплины въ регулярное войско, охраняющее порядокъ и государство, то даже ослабленный тюремный режимъ съ его обязанностями благотворно вліялъ на большевиковъ. Въ то время, какъ ихъ товарищи были совершенно праздны, грызли сѣмячки, облѣпляли трамваи и митинговали, эти въ извѣстные часы дежурили, разносили обѣдъ, кипятокъ, а главное — несли отвѣтственность не только за надежность нашего заключенія, но и за нашу жизнь. Они насъ оберегали отъ кровожаднаго и празднаго многотысячнаго гарнизона Петропавловской Крѣпости и имъ мы много обязаны навѣрно въ сохраненіи нашей жизни. Ничего такъ не дисциплинируетъ, какъ извѣстныя обязанности и отвѣтственность. И самые заядлые большевики-надзиратели не были чужды этому вліянію. До нашего заключенія, въ первые дни революціи, солдаты и рабочіе ходили по коридорамъ, входили въ камеры, вступали въ бесѣду («Довольно попили нашей кровушки» и т. п.). При мнѣ уже это было устранено, но въ январѣ, послѣ покушенія на Ленина, гарнизонъ Крѣпости освирѣпѣлъ и жизнь наша была въ опасности. Одно дѣло, когда человѣкъ въ многоголовой толпѣ, праздной, опоенной демагогіей, другое дѣло когда съ нимъ говоришь съ глазу на глазъ, да еще онъ обузданъ отвѣтственностью и дѣломъ.

Припоминается такой случай. Одинъ изъ надзирателей былъ матросъ-большевикъ, рыжій, коренастый, завитой, съ золотой цѣпочкой и съ кольцами. У заключенныхъ стали пропадать вещи во время прогулокъ преимущественно во время его дежурствъ. Мы всѣ его не любили, да и другіе надзиратели его недолюбливали. Было предпо-

ложеніе, что онъ обкрадываетъ заключенныхъ, чтобы одарять свою возлюбленную. Онъ былъ угловатъ и грубъ. Я себѣ выписалъ гутаперчевый тэбъ и черезъ день обливался и мылся въ немъ. Надзиратели приносили мнѣ ведро горячей воды изъ кухни и помогали обливаться, за что получали папиросы. Въ день его держурства прошу его принести воды. Отказывается: — «Мы вамъ не слуги; прошло время господъ и услужающихъ; теперь всѣ равны.» — «Не хотите, не надо. А ваши товарищи приносятъ мнѣ воду; завтра попрошу другого дежурнаго». — «А меня и не просите, хоть вы и князь». — «Я и не прошу», сказалъ я, повернулся и уткнулся въ газету. Онъ постоялъ, какъ всегда въ шапкѣ, съ папиросой въ зубахъ, усмѣхнулся и вышелъ хлопнувъ тяжелой дверью. Каково же было мое удивленіе, когда черезъ полъ часа онъ принесъ мнѣ воды и не только обливалъ, но и предложилъ потерѣть спину. Когда я одѣлся, онъ подсѣлъ ко мнѣ на кровать и, куря одну за другой мои папиросы, сталъ меня распропагандировать коммунизмомъ, а я ему доказывалъ, что онъ ведетъ къ порабощенію и разоренію народа и ругалъ его вождей за беззаконіе. Мы другъ друга не убѣдили, но отношеніе было человѣческое, а въ толпѣ до такого разговора не дошло бы и мнѣ не поздоровилось бы отъ него перваго при выясненіи взаимоотношеній господъ и слугъ. Нѣкоторые заключенные изъ министровъ и изъ соціалистовъ называли надзирателй по имени и отчеству, подавали руку и находили (когда я подъ конецъ сидѣлъ съ ними вмѣстѣ), будто я веду себя слишкомъ вызывающе и могу повредить не только себѣ, но и имъ. Я же былъ вѣжливъ, за все благодарилъ, но не отказывался пользоваться ихъ добровольными услугами просто какъ заключенный, не игралъ въ равенство и не скрывалъ несочувствія коммунизму. А въ результатѣ, я увѣренъ, судя по ихъ обращенію, я пользовался во всякомъ случаѣ не меньшимъ ихъ уваженіемъ, чѣмъ другіе. Когда я напечаталъ въ «Рѣчи» открытое письмо Народ-

нымъ Комиссарамъ, то я досталъ нѣсколько экземляровъ газеты и роздалъ ихъ надзирателямъ.

Съ этимъ письмомъ дѣло было такъ. Кончился процессъ Пуришкевича, присужденнаго къ каторжнымъ работамъ, а вслѣдствіе отсутствія таковыхъ, снова водвореннаго въ Крѣпость, (въ видѣ работъ онъ топилъ наши печи). Кончился процессъ Паниной, арестованной съ нами, она выпущена на свободу, а мы болѣе мѣсяца томимся, намъ не предъявляютъ никакого обвиненія и ничего о нашемъ дѣлѣ не слышно, да я увѣренъ, что никакое дѣло и не вчинялось: слишкомъ абсурденъ былъ нашъ арестъ и декретъ, мотивировавшій его. (Кстати, на случай процесса, партія позаботилась обставить его, и защитники должны были быть у насъ лѣвѣе К.-Д., у Шингарева и Кокошкина — госпожи Фигнеръ и Кускова, а у меня — старикъ Чайковскій). Тогда я передъ Рождествомъ напечаталъ въ «Рѣчи» тоже черезъ посѣтителей, открытое письмо Народнымъ Комиссарамъ, въ которомъ я разсказывалъ удивительную исторію нашего ареста, обвинялъ ихъ въ томъ, въ чемъ они обвиняли царское правительство, — въ содержаніи въ тюрьмѣ безъ привлеченія къ отвѣтственности, да еще народныхъ избранниковъ. Письмо это было перепечатано во всѣхъ газетахъ, тогда еще издававшихся, «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ... Какая свобода печати тогда была! Оно встрѣтило, кажется, тоже опасеніе нѣкоторыхъ заключенныхъ, а топившій печь Пуришкевичъ крикнулъ мнѣ изъ коридора: — «Молодецъ Долгоруковъ!» Кокошкинъ тоже одобрилъ мое выступленіе.

Онъ въ Москвѣ жилъ рядомъ со мной и я часто у него наводилъ справки, какъ у выдающагося юриста и государствовѣда, когда составлялъ докладъ или писалъ статью въ «Русскія Вѣдомости», онъ былъ ходячая энциклопедія и я, не юристъ по образованію, чувствовалъ себя школьникомъ, передъ авторитетнымъ учителемъ. Онъ же меня называлъ своимъ политическимъ учителемъ,

потому что впервые былъ мною привлеченъ къ политикѣ, когда я, узнавъ и оцѣнивъ его въ Московскомъ Губернскомъ Земствѣ, привлекъ въ началѣ столѣтія въ собиравшійся у меня политическій и издательскій кружокъ «Бесѣда», въ которомъ участвовали лидеры всѣхъ будущихъ центральныхъ политическихъ партій (К.-Д., октябристы, мирнообновленцы, націоналисты). И на этотъ разъ для открытаго письма мнѣ понадобилась консультація Кокошкина. Такъ какъ мы съ нимъ не видѣлись, то я вызвалъ помощника коменданта и объяснилъ ему, что по дѣлу о нашемъ заключеніи мнѣ нужна юридическая консультація Кокошкина. Онъ меня повелъ въ его камеру и я ему тамъ сообщилъ наскоро о моемъ намѣреніи, замаскировавъ для помощника коменданта якобы намѣреніемъ подать жалобу по начальству. Онъ понялъ мое намѣреніе, одобрилъ его и далъ мнѣ нужную юридическую справку. Когда я простился, то помощникъ коменданта сказалъ ему: — «А вѣдь я, Федоръ Федоровичъ, Вашъ ученикъ по Московскому Университету». Кокошкинъ страшно заволновался и сказалъ ему: — «Уже лучше бы не признавались въ этомъ. Слушали у меня Государственное Право — и служите большевикамъ, попирающимъ и не признающимъ никакого права». Тотъ что то сталъ возражать, но Кокошкинъ горячился, волновался, доказывалъ преступность для интеллигентнаго человѣка служить большевикамъ. Я прервалъ его, хотя онъ еще многое хотѣлъ очевидно сказать. Руки у него были потныя, холодныя. Я жалѣлъ, что моимъ приходомъ я невольно такъ взволновалъ его. Онъ видимо таялъ въ тюрьмѣ.

Одиночныя прогулки по четверть часа происходили два раза, иногда одинъ разъ въ день въ тюремномъ дворикѣ посереди нашего бастіона. Среди дворика была ветхая баня, которой я не пользовался, изъ которой постоянно вылетали окна изъ прогнившихъ рамъ, когда поддавали пару. Кружишь быстро по дорожкѣ, а въ силь-

ные крещенскіе морозы (зима была лютая) и рысцой побѣгаешь въ моемъ осеннемъ пальто. Когда деревья на дворикѣ были покрыты инеемъ, все розовѣло въ мглистомъ холодномъ воздухѣ, а подъ ногами скрипѣла, натоpенная заключенными, жесткая дорожка. Розовѣлъ при раннихъ сумеркахъ и шпиль собора съ вращающимся флюгеромъ-ангеломъ, единственное, что видно было изъ потустороннягo міра. Насъ выводилъ и караулилъ красноармеецъ. Обыкновенно они были не разговорчивы, тупо-механическіе служащіе новой власти. Какъ то попался разговорчивый.

Интересная психологическая черта. Какъ и другіе заключенные, я приносилъ крошки хлѣба и какъ только что спускался съ крылечка, стая голубей окружала меня. Это было наше развлеченіе. Разговорчивый стражъ разсказывалъ, какъ онъ рубилъ нѣмцевъ, потомъ, какъ разстрѣливалъ гдѣ-то подъ Петроградомъ офицеровъ и прикалывалъ недострѣлянныхъ. Въ то же время онъ замѣтилъ одного хромолапаго голуба, который ковыляя не поспѣвалъ подбѣгать къ хлѣбу. — «Ишъ, болѣзный, не поспѣваешь за товарищами! Гуль, гуль, гуль, сердешный, на тебѣ хлѣбца». — Одно — сочленъ кровожадной, зачумленой толпы, другое — простой человѣкъ въ жизненномъ обиходѣ; прикалываемые безжалостно офицеры и жалость къ хромому голубю!

Сухомлиновъ и Щегловитовъ всегда гуляли вмѣстѣ, большинство же заключеныхъ — группами, напримѣръ, всѣ члены Временнаго правительства гуляли вмѣстѣ. Мнѣ Шингаревъ сказалъ, что ему, какъ члену Временнаго правительства, было совѣстно глядѣть на Щегловитова и что онъ избѣгаетъ съ нимъ встрѣчаться. Онъ нѣсколько разъ въ правительствѣ говорилъ о невозможности такъ держать людей безъ предъявленія имъ обвиненія. Муравьевско-Переверзевскую Комиссію, вѣдавшую дѣломъ арестованныхъ въ февралѣ сановниковъ, онъ назвалъ срамной. И дѣйствительно, продержавъ тамъ Щегловитаго и

другихъ въ заключенiи около восьми мѣсяцевъ до октябрьскаго переворота, они ихъ предали во власть большевикамъ. Щегловитовъ былъ ими потомъ разстрѣлянъ.

Морозы крѣпнутъ. Здоровье Кокошкина, да и Шингарева, ухудшается. Близится Рождество. Я такъ описываю это Рождество въ рождественскомъ № 20 «Свободной Рѣчи» въ Екатеринодарѣ въ 1918 году.

«ГОДЪ ТОМУ НАЗАДЪ»

Въ Рождественскiй сочельникъ мнѣ посчастливилось. Въ первый разъ мнѣ пришлось побыть съ А. И. Шингаревымъ минутъ пять. Хотя наши камеры были сосѣднiя и мы сидѣли въ нихъ уже мѣсяцъ, но благодаря одиночному заключенiю мы до сихъ поръ только мелькомъ, случайно встрѣчались въ коридорѣ, когда насъ водили на свиданье или на прогулку.

Прогулка большинству заключенныхъ разрѣшалась групповая и продолжительная, до полутора часовъ, а мнѣ, Кокошкину и Шингареву, вѣроятно, какъ «врагамъ народа», находящимся «внѣ закона» и гулять, то есть вертѣться по тюремному дворику четверть часа, приходилось въ-одиночку.

Къ вечеру надзиратель, поднявъ дощечку наблюдательнаго глазка, постучался ко мнѣ и крикнулъ, чтобы я готовился выйти въ коридоръ на время мытья пола въ камерѣ. Надзиратель этотъ былъ изъ лучшихъ по отношенiю къ намъ, пожилой солдатъ-эстонецъ, не большевикъ. Благодаря ослабѣвшей тюремной дисциплинѣ, когда онъ бывалъ дежурнымъ въ нашемъ коридорѣ, къ нему часто прибѣгала его пятилѣтняя дочь, звонкiй голосокъ которой гулко раздавался подъ сводами мрачнаго коридора и оживлялъ его. Иногда она входила и въ камеры заключенныхъ съ отцомъ, приносившимъ намъ обѣдъ или кипятокъ, и мы давали ей лакомства, если таковыя у насъ

были изъ приношеній милыхъ нашихъ товарокъ по партіи.

И въ этотъ день она утромъ заходила ко мнѣ похвастаться полученной на праздникъ куклой, причемъ безъ умолка лопотала что-то.

Когда звякнулъ замокъ, тяжелая дверь съ шумомъ отворилась и вошло нѣсколько человѣкъ съ шайками и швабрами — цѣлое событіе въ тишинѣ монотонныхъ, тусклыхъ дней — я вышелъ въ коридоръ и увидалъ Шингарева, которому разрѣшили еще остаться минутъ пять, пока сохнулъ вымытый полъ его камеры. Онъ стоялъ на корточкахъ и держалъ въ обѣихъ рукахъ руки дѣвочки. Я засталъ конецъ такого діалога:

— «А какъ тебя зовутъ?»

— «Рута».

— «А у меня есть такая же маленькая дѣвочка, Рита. Ея имя — Маргарита, а мы зовемъ ее «Рита».

Разумѣется, мы съ жадностью стали впервые послѣ ареста разговаривать и дѣлиться впечатлѣніями. Шингаревъ жаловался на печень, на отсутствіе аппетита; онъ осунулся.

Когда дверь за нимъ захлопнулась, я, благодаря снисходительности надзирателя, прильнувъ къ окошечку двери, еще нѣсколько времени съ нимъ разговаривалъ, пока не пришлось вернуться въ свою камеру. Кокошкинъ въ первые дни былъ здѣсь же, а потомъ его, какъ чахоточнаго, перевели въ болѣе теплый коридоръ. Такъ какъ, кромѣ ввинченныхъ въ полъ кровати и столика около нея, никакой мебели и полокъ въ камерѣ не было, то я занялся вновь раскладкой своихъ вещей съ кровати на полъ на листы газетъ.

Вскорѣ принесли намъ по восковой свѣчкѣ, съ поздравительными открытками отъ нашихъ партійныхъ пріятельницъ. Оказывается онѣ намъ прислали и по маленькой елочкѣ, но ихъ не разрѣшили передать намъ.

Чѣмъ же еще ознаменовался для насъ Праздникъ? Да

вотъ, чѣмъ: ни въ сочельникъ, ни въ первые два дня Праздника почему то не давали горячей, или скорѣе, еле тепловатой пищи, а одинъ день давали невозможно соленую колбасу, а другой — баночку мясныхъ консервовъ въ застывшемъ салѣ.

Въ безконечныя петроградскія зимнія сумерки ходишь изъ угла въ уголъ. Сколько еще придется здѣсь просидѣть? Не прійдется ли встрѣтить здѣсь и Пасху? Въ камерѣ Шингарева слышенъ глухой стукъ. Онъ или колетъ сахаръ или мастеритъ что-то. Какъ ему, бѣдному, должно быть, тяжело такъ встрѣчать Рождество! Онъ боленъ, потерялъ два мѣсяца тому назадъ жену, оторванъ отъ дѣтей. Воронежскій хуторокъ его разгромленъ. Но сидя все время рядомъ съ нимъ, я не подозрѣвалъ всей остроты и болѣзненности его переживаній. Отчасти я узналъ о нихъ во время пяти общихъ прогулокъ, разрѣшенныхъ намъ передъ его убійствомъ, а главнымъ образомъ, при чтеніи впослѣдствіи его тюремнаго дневника.

Многіе стараются быть переведенными отсюда въ Кресты, которые, какъ современная, усовершенствованная тюрьма, свѣтлѣй и суше здѣшней. Но я, будучи здоровъ, предпочиталъ нашъ старый бастіонъ, новой тюремной казармѣ. Старина, даже тюремная, грѣетъ и придаетъ уютъ. Москву, съ ея кривыми улицами, я предпочитаю Петрограду, Кіевъ — Одессѣ.

Двухъэтажное пятигранное зданіе съ мрачными сводами, коридорами и темными проходами охватывало маленькій дворикъ, гдѣ мы гуляли и откуда былъ виденъ только золотой шпиль собора. Старыя, толстыя, сырыя стѣны, сколько поколѣній политическихъ узниковъ было заключено въ нихъ! Здѣсь же витаетъ духъ Пестеля, Рылѣева и прочихъ декабристовъ, о которыхъ вспоминалось намъ 14 декабря. Декабристы сидѣли впрочемъ не въ бастіонѣ, а въ сосѣднемъ Равелинѣ, который былъ не такъ давно разрушенъ, а теперь остался Трубецкой бастіонъ, какъ одиночная тюрьма, и Екатерининская Кур-

тина съ нѣсколькими общими камерами. Весной въ газетахъ писали, что большевики хотятъ разрушить эту нашу бастилію. Жаль, если они въ стремленіи подражать французской революціи, это сдѣлаютъ. Слѣдовало бы превратить крѣпость въ памятникъ-музей, въ которомъ камеры Шингарева, Кокошкина и многихъ другихъ трагически погибшихъ русскихъ людей, любившихъ Родину и человѣчество, посѣщались бы, служа нагляднымъ пособіемъ къ изученію отечественной исторіи. «А самоубійствъ тутъ много?» — спрашивалъ я у самаго стараго надзирателя, прослужившаго здѣсь около тридцати лѣтъ: «были ли отсюда побѣги?»

— «Пытались бѣжать многіе», — отвѣчалъ онъ, — «но ни при мнѣ никому это не удалось, ни, какъ говорятъ, съ самого основанія Крѣпости. Вотъ самоубійствъ было много. Въ этой самой вашей камерѣ два года тому назадъ повѣсилась женщина -- студентка. Взяла въ библіотекѣ много книгъ, стала на нихъ у окна, изъ простыни свила жгутъ и повѣсилась на немъ, привязавъ его къ оконной рѣшеткѣ и оттолкнувъ книги изъ подъ ногъ. Въ камерѣ (такой-то) при моемъ дежурствѣ старикъ одинъ умеръ, пустивъ кровь изъ жилъ».

И много подобныхъ случаевъ разсказалъ мнѣ старикъ.

Я зажегъ полученную восковую свѣчку и поужиналъ. Потомъ читалъ газеты. Еле-еле слышался колокольный звонъ Петропавловскаго собора. Я позвалъ надзирателя и попросилъ отворить форточку. Была тихая, очень морозная ночь и звонъ колоколовъ слышался ясно какъ и игра часовыхъ курантовъ. А когда бываетъ сѣверный вѣтеръ, то и сосѣдней полуденной пушки не всегда бываетъ слышно, такъ какъ окно мое обращено не на Неву; такъ мало тюремное окно и такъ заглушаетъ звукъ толщина стѣнъ.

Въ газетахъ я читалъ про кровопролитные бои въ Шампани; про бомбы съ аэроплановъ и трескъ пулеметовъ; про давящіе все и уничтожающіе танки; про наступленіе на древній Псковъ нѣмцевъ, гонящихъ передъ собой толпы «товарищей», изображающихъ изъ себя россійское воинство; про кровавую расправу красноармейцевъ съ контръ-революціонерами...

Черезъ закрытое уже окно еле слышался, скорѣе угадывался, звонъ колоколовъ. Въ церкви пѣли:

«На землѣ миръ въ человѣцѣхъ благоволеніе!»

***

Новый годъ не принесъ ничего новаго. Въ 12 часовъ ночи мы съ Шингаревымъ перестукивались, единственный разъ за все время.

И потомъ я не перестукивался, когда послѣ Шингарева въ его камеру посадили офицера и онъ все стучалъ мнѣ. Онъ въ коробочкѣ папиросъ прислалъ мнѣ записку, рекомендуясь и предлагая прислать мнѣ шифръ для перестукиванія. Но такъ какъ я не имѣлъ никакой охоты къ этому, да и надо было изъ осторожности опасаться подосланнаго провокатора, то въ кускѣ сыра я послалъ ему вмѣстѣ съ привѣтствіемъ отказъ и онъ оставилъ меня въ покоѣ.

Поздно ночью на новый годъ я услышалъ въ коридорѣ шумъ, громкіе голоса и непонятную рѣчь. На другой день оказалось, что арестовали членовъ Румынскаго посольства, тоже, казалось бы, неприкосновенныхъ. Къ вечеру на другой день ихъ освободили. Передъ уходомъ имъ разрѣшили видѣться съ сидѣвшимъ въ Крѣпости Терещенко, который былъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ послѣ Милюкова. Курьезное свиданіе посольства съ министромъ!

Далѣе я опять привожу двѣ статьи «Свободной Рѣчи» (№ 5, Екатеринодаръ, отъ 6 января и № 6 отъ 8 января 1919 года).

«ГОДЪ ТОМУ НАЗАДЪ»
(Послѣдніе дни Шингарева и Кокошкина).

6 января перевели Шингарева и Кокошкина изъ Крѣпости въ больницу.

Въ началѣ года мы переживали въ Трубецкомъ бастіонѣ тревожные дни. 2-го января былъ день свиданій и приношеній. Но въ первый разъ къ намъ никто не пришелъ. Въ эту ночь былъ гдѣ то въ Крѣпости незначительный пожаръ и надзиратели намъ объяснили, будто посѣтителей не пустили изъ-за переполоха вслѣдствіе близости къ мѣсту пожара склада снарядовъ. На самомъ дѣлѣ гарнизонъ Крѣпости въ нѣсколько тысячъ человѣкъ вслѣдствіе бутафорскаго покушенія наканунѣ у Михайловскаго манежа на Ленина, самочинно воспретилъ посѣщенія, выставивъ у воротъ отрядъ. Какъ мы потомъ узнали, у воротъ столпилась толпа посѣтителей съ обычными узелками. Ихъ грубо отстранили.

Настроеніе въ городѣ было очень тревожное и ходили всевозможные слухи. Насъ считали или обреченными или уже погибшими. Начались протесты толпившихся посѣтителей, не обошлось безъ истерики, особенно когда ихъ начали разгонять выстрѣлами въ воздухъ. Въ это время выстрѣлы въ Петроградѣ были обычнымъ явленіомъ и во время тюремныхъ прогулокъ мы часто слышали то близкую, то отдаленную ружейную трескотню: то отбивали грабившихъ среди бѣла дня склады и винныя лавки. Въ это же время Петропавловскій гарнизонъ опубликовалъ кровожадную резолюцію: за каждое покушеніе на одного изъ своихъ вождей они обѣщали уничтожить сотню заключенныхъ. Такимъ образомъ они насъ объявили заложниками.

На болѣе нервныхъ и впечатлительныхъ заключенныхъ все это производило подавляющее впечатлѣніе. Даже Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, самъ натравлявшій

своихъ подданныхъ на «враговъ народа», былъ смущенъ этой резолюціей и издалъ на другой же день декретъ, въ которомъ, воздавая должное революціонному подъему Петропавловскаго гарнизона, предостерегалъ противъ самосуда надъ заключенными, такъ какъ это пресѣкло бы нити къ раскрытію контръ-революціонныхъ заговоровъ.

На 2 января насъ ожидала и радость. Когда меня вызвали на прогулку, то торопили, чтобы я не задерживался, такъ какъ буду гулять съ другими. Шингаревъ, сіяющій, уже ждалъ меня въ коридорѣ. Потомъ къ намъ присоединились Кокошкинъ, В. А. Степановъ, который былъ заключенъ сравнительно на короткое время, с.-р. Авксентьевъ, Аргуновъ и н.-с. Питиримъ Сорокинъ. Въ этой компаніи мы и гуляли всѣ пять дней до 6 января по два раза въ день и уже по полъ часа.

Эти полъ часа пробѣгали гораздо скорѣе, чѣмъ четверть часа одиночнаго круженія по дворику. И это тревожное время, благодаря общенію, переживалось гораздо легче. Сколько слуховъ и предположеній проникавшихъ въ тюрьму, спѣшили мы обсудить, сколькими переживаніями и впечатлѣніями съ 28 ноября, когда мы вмѣстѣ съ Шингаревымъ и Кокошкинымъ были арестованы, хотѣлось обмѣняться съ друзьями, съ которыми мы дружно работали болѣе десяти лѣтъ, съ которыми рядомъ сидѣли въ тюрьмѣ и были въ то же время такъ разобщены до этого дня!

О чемъ мы переговорили за пять дней въ эти пять часовъ? Въ газетную статью не втиснешь и десятой доли. Слухи о готовящейся гарнизономъ расправѣ съ нами... О предстоящемъ 5 января открытіи Учредительнаго Собранія. О надеждахъ нашихъ, что оно отстоитъ неприкосновенность своихъ членовъ, о неминуемомъ запросѣ о нашемъ арестѣ... Каково же было наше разочарованіе, когда мы узнали, что Учредительное Собраніе разогнано и что оно не удосужилось даже упомянуть объ участи

своихъ членовъ, а выслушало безконечную рѣчь Чернова, являющуюся бездарной перефразировкой большевицкой программы. С-Р-ы тоже недоумѣвали и возмущались Черновымъ. У нихъ въ партіи было рѣшено, что Черновъ скажетъ совсѣмъ краткую рѣчь. Очевидно Селянскій Предсѣдатель разошелся и только матросъ Желѣзнякъ могъ его обуздать. Помню, какъ Кокошкинъ горячо протестовалъ противъ всякаго покушенія и насилія, когда кто-то удивился, какъ это террористическія партіи, умѣвшія организовывать покушенія на царскихъ сановниковъ, испытывая и на своей шкурѣ гнетъ большевиковъ, не примѣняютъ противъ нихъ столь же энергично своихъ методовъ борьбы.

Несмотря на морозъ чахоточный Кокошкинъ въ эти минуты общенія оживлялся, картавый голосъ его громко раздавался по дворику и мы постоянно останавливали его. Благодаря своему возбужденному оживленію, онъ нѣсколько разъ терялъ свое пенснэ и мы со смѣхомъ откапывали его въ рыхломъ снѣгѣ. Онъ замѣтно таялъ и говорилъ, что навѣрно потерялъ за это время много въ вѣсѣ. Шингаревъ тоже сильно осунулся. Печень мучила его. Онъ былъ тихъ, сосредоточенъ и, какъ всегда, улыбался лишь губами, глаза же въ улыбкѣ не участвовали, и оставались грустными. Ихъ обоихъ уже освидѣтельствовала комиссія врачей и признала тяжко больными. Переводъ ихъ въ больницу ожидался со дня на день.

* * *

6-го января мнѣ удалось видѣться съ Шингаревымъ три раза, причемъ за обѣдней -- въ теченіе двухъ часовъ. Намъ въ первый разъ разрѣшили итти въ церковь и наканунѣ еще мы рѣшили воспользоваться этимъ. Но Кокошкинъ не пошелъ, такъ какъ была страшная метель. Насъ пошло девять человѣкъ — я, Аргуновъ, Сорокинъ, Сухомлиновъ, Щегловитовъ и министры Временнаго правительства — Шингаревъ, Карташовъ, Терещенко и Бер

нацкій. Въ первый разъ мы вышли за ограду бастіона и въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ по глубокому снѣгу прошли въ Петропавловскій соборъ.

Насъ поставили близъ гробницы Петра I и мы свободно разговаривали другъ съ другомъ. Къ Сухомлинову и Щегловитову подошли ихъ жены, которыя простояли съ ними всю обѣдню. Они, какъ уже давнишніе узники, использовали свой тюремный опытъ для такого свиданія. Я стоялъ съ Шингаревымъ и Карташовымъ, который объяснялъ намъ службу и называлъ композиторовъ пѣснопѣній. Пѣлъ очень хорошій хоръ. Священникъ произнесъ проповѣдь противъ насилія и мести, имѣя очевидно въ виду гарнизонъ. Изъ тысячнаго гарнизона было 2-3 десятка солдатъ. Болѣе уже насъ въ церковь не водили, какъ намъ объяснили надзиратели, изъ за опасенія все того же гарнизона, который былъ противъ всякихъ поблажекъ намъ и особенно былъ враждебно настроенъ противъ Сухомлинова.

За прогулкой мы обсуждали вчерашній разгонъ Учредительнаго Собранія. Я сказалъ Кокошкину, что напрасно онъ вышелъ въ такую страшную метель; онъ отвѣтилъ, что для чахоточныхъ необходимъ свѣжій воздухъ и что спертый, сырой воздухъ камеры опаснѣе стужи. Вслѣдствіе сосѣдства камеръ, тюрьма особенно меня сблизила съ Шингаревымъ. Съ Кокошкинымъ, сидѣвшимъ въ другомъ коридорѣ, я, какъ москвичъ, былъ, раньше болѣе друженъ. Насъ связывала съ нимъ, кромѣ партійной работы, давнишняя наша служба въ Московскомъ земствѣ, политическая работа дореволюціоннаго періода и сосѣдство домовъ, въ которыхъ мы въ Москвѣ жили, а потому и видѣлись постоянно. Пріѣзжалъ онъ разъ ко мнѣ съ женой и въ деревню. Сосѣдство камеръ сблизило меня болѣе прежняго съ Шингаревымъ и это сближеніе навѣрно отразилось бы на нашихъ отношеніяхъ навсегда, если бы Шингареву суждено было попасть на свободу. Я радъ былъ прочитать въ дневникѣ его о хорошихъ ко мнѣ чув-

ствахъ и о сожалѣніи по поводу оставленія меня одного въ Крѣпости при переводѣ его въ больницу.

Часовъ въ семь вечера я услыхалъ шорохъ въ камерѣ Шингарева. Вскорѣ онъ постучался ко мнѣ изъ коридора въ дверь и простился, объявивъ, что его увозятъ въ больницу. Я попросилъ открыть дверь. Хорошій по отношенію къ намъ солдатъ, помощникъ коменданта, разрѣшилъ отворить дверь. Мы въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни поцѣловались съ А. И... «Скоро, дай Богъ, увидимся», сказалъ я. «Ну, разумѣется!» — «Привѣтъ Кокошкину!» — крикнулъ я ему уже вдогонку. Дверь за мной захлопнулась. Я радъ былъ за больныхъ товарищей, но грустно было остаться одному и знать, что сосѣдняя камера пуста. Боязнь за нашу участь, вслѣдствіе разнузданности и кровожадности совершенно празднаго гарнизона Крѣпости была столь велика, что близкіе мои при посѣщеніи совѣтовали мнѣ «заболѣть» чѣмъ нибудь, лишь бы вырваться изъ Крѣпости. Если бы я послушался и мнѣ удалось это, меня постигла бы участь несчастныхъ моихъ товарищей. Часа черезъ четыре, послѣ прощанья съ Шингаревымъ, они уже были убиты въ больницѣ ворвавшимися матросами и красноармейцами!

Впервые я услыхалъ объ этомъ ужасѣ на другой день, 7-го января, когда мы собрались на прогулку уже въ уменьшенномъ составѣ. Мы съ Степановымъ отказывались вѣрить. Но уже сторожившій насъ солдатъ сказалъ, что слышалъ объ этомъ. Когда я проходилъ мимо камеры нашего пріятеля Н. М. Кишкина, я крикнулъ ему черезъ дверь, слышалъ ли онъ что нибудь о Шингаревѣ и Кокошкинѣ. Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Слава Богу, ихъ отвезли въ больницу». Я не рѣшился ему сразу повѣдать ужасную вѣсть и только крикнулъ: «Съ ними не ладно». Впервые послѣ ареста состояніе духа у меня было ужасно. Когда стемнѣло, но электричество еще не загоралось, мнѣ стало невтерпежъ. Я постучался и попросилъ, чтобы позвали кого-нибудь изъ конторы, чтобы узнать истину. Га-

зетъ въ этотъ день не было. Черезъ часъ пришелъ наконецъ тотъ же помощникъ коменданта, который наканунѣ уводилъ Шингарева. Не рѣшаясь прямо спросить его, сначала я обратился къ нему съ какимъ то хозяйственнымъ вопросомъ. Потомъ я попросилъ его сказать, все что онъ знаетъ про участь Шингарева и Кокошкина. Онъ подтвердилъ ужасную вѣсть и разсказалъ нѣкоторыя подробности. Сомнѣній болѣе уже не было! «Натравили!» только и могъ я произнесть. Онъ какъ то испуганно оглянулся, сейчасъ же вышелъ и заперъ дверь. Послышались голоса въ коридорѣ. Очевидно онъ былъ не одинъ и испугался, чтобы я не распространился о натравливаніи. Все замолкло. Въ этотъ вечеръ я не могъ ужинать и до поздней ночи шагалъ по камерѣ. Въ сосѣдней камерѣ глухая тишина, и лишь черезъ три дня посадили въ нее арестованнаго офицера. Вскорѣ черезъ 3-4 камеры отъ меня посадили участниковъ убійства — Босова и Куликова, голосъ которыхъ, проходя мимо, я слышалъ, и которыхъ встрѣчалъ въ коридорѣ.

«РѢЧЬ ВЪ ЗАЩИТУ УБІЙЦЪ ШИНГАРЕВА И КОКОШКИНА»

По выходѣ изъ Петропавловской Крѣпости я рѣшился выступить на процессѣ убійцъ Шингарева и Кокошкина защитникомъ ихъ. Но большинство «убійцъ» не разыскали, а двухъ заточенныхъ выпустили изъ тюрьмы безъ суда. Вотъ, что я приблизительно сказалъ бы на процессѣ въ защиту убійцъ.

Какъ и за что были арестованы Шингаревъ и Кокошкинъ? 28 ноября было назначено открытіе Учредительнаго Собранія и мы трое, только что избранные членами его, наканунѣ пріѣхали изъ Москвы.

28 рано утромъ мы собрались у гр. Паниной и тутъ то вмѣстѣ съ ней и были арестованы и перевезены въ

Смольный. Гр. Паниной инкриминировался отказъ ея, какъ бывшаго товарища министра народнаго просвѣщенія, выдать 70.000 тысячъ рублей казенныхъ денегъ большевицкой власти.

Какъ арестовавшій насъ комиссаръ Гордонъ высказывалъ предположеніе, что мы соучастники сокрытія денегъ, такъ и на краткомъ допросѣ въ Смольномъ Красиковъ все время допытывался объ этихъ деньгахъ и о причинѣ нашего пребыванія у Паниной. Мы трое въ Петроградѣ съ середины лѣта не были, а о томъ, что мы члены Учредительнаго Собранія, Красиковъ не зналъ. Казалось, недоразумѣніе съ нашимъ арестомъ вполнѣ выяснилось. На вопросы же Красикова о нашихъ политическихъ убѣжденіяхъ мы отвѣчать отказались, протестуя противъ ареста народныхъ представителей, какъ лицъ неприкосновенныхъ.

Скоро Панину увезли въ Кресты. Послѣ этого было вполнѣ вѣроятно, что насъ троихъ отпустятъ. Мы даже условились между собой, что въ такомъ случаѣ мы будемъ требовать нашего ареста и заключенія до освобожденія Паниной, чтобъ выразить протестъ противъ ея ареста. Но часы проходили за часами и мы томились, оцѣпленные красноармейцами. Одинъ изъ служащихъ по нашей просьбѣ узналъ, что наше дѣло обсуждается самимъ Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ. Наконецъ около часа ночи намъ прочли декретъ, подписанный Троцкимъ, Ленинымъ, Бончъ-Бруевичемъ и прочими народными комиссарами, объявляющій насъ, какъ руководителей партіи народной свободы — «врагами народа» и «состоящими внѣ закона». На основаніи этого декрета мы были заключены въ Петропавловскую Крѣпость и преданы военно-революціонному суду.

Кто же были убитые впослѣдствіи «враги народа»?

Во-первыхъ, они были оба тяжко больные, которымъ уже одно пребываніе въ холодныхъ, сырыхъ казематахъ Крѣпости могло угрожать смертью. У чахоточнаго Ко-

кошкина были сильно поражены легкія, у Шингарева, только что потерявшаго жену, была мучительная хроническая болѣзнь печени.

Врагъ народа Кокошкинъ, болѣзненный и хрупкій, былъ человѣкъ науки, въ дѣйствіяхъ ни революціонныхъ, ни анти-революціонныхъ не могъ принимать непосредственнаго участія. Но извѣстный въ Европѣ государственникъ, профессоръ Государственнаго Права, онъ былъ дѣйствительно врагомъ безправія, произвола и деспотіи. Кабинетный ученый, членъ губернской земской управы, членъ первой Думы, выдающійся публицистъ-передовикъ серьезной газеты, — откуда онъ могъ быть извѣстенъ и страшенъ этимъ матросамъ и красноармейцамъ, сидящимъ на скамьѣ подсудимыхъ? Имъ указалъ на него декретъ 28 ноября.

Врагъ народа Шингаревъ, которому предлагали остаться при университетѣ, отказался отъ науки, отказался даже отъ званія земскаго врача, чтобы вольнымъ сельскимъ врачемъ пойти въ народъ. И тысячи воронежскихъ крестьянъ повалили лѣчиться къ нему за назначенный имъ пятикопѣечный гонораръ. Они ли, воронежскіе крестьяне, подбили обвиняемыхъ убить своего врача? Кто указалъ на него? И какого народа онъ былъ врагомъ?

Оба — безсеребрянники, все здоровье, всю душу свою они отдали русскому народу, и на обезпеченіе осиротѣлыхъ семей послѣ убійства ихъ пришлось собирать деньги по подпискѣ.

Какъ только Шингаревъ и Кокошкинъ были перевезены изъ тюрьмы въ больницу, обвиняемые ворвались къ нимъ и застрѣлили ихъ ночью, больныхъ, истощенныхъ тюрьмой, только что заснувшихъ въ теплѣ, на мягкихъ кроватяхъ. Потомъ они смѣясь разсказывали, какъ одинъ изъ убиваемыхъ, проснувшись, крикнулъ: «Братцы! Что вы дѣлаете?» и въ смертельномъ ужасѣ щелкалъ зубами!

Какой ужасъ! Какое озвѣрѣніе! Отъ этого убійства со-

дрогнулись не только въ Россіи, но и въ Европѣ, несмотря на ужасы войны.

И я, другъ убитыхъ и товарищъ ихъ по заключенію, -- взялся защищать ихъ убійцъ?! Оправдать это убійство нельзя, но необходимо разобраться, кто истинные убійцы и кто явился лишь слѣпымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ.

Вѣдь лицъ «внѣ закона», «враговъ народовъ» преслѣдовать и убивать можетъ каждый. Въ этомъ видятъ даже заслугу, какъ и въ истребленіи хищныхъ звѣрей.

Есть охотничій законъ, оберегающій безвредную и полезную дичь и разрѣшающій всѣмъ истреблять въ теченіе цѣлаго года всякими способами вредныхъ животныхъ. И эти послѣдніе находятся внѣ охотничьяго закона, какъ враги человѣка. Земства назначаютъ денежныя преміи за уничтоженіе этихъ животныхъ. Убившій ихъ приноситъ въ земскую управу хвосты или шкуры ихъ и получаетъ соотвѣтствующее вознагражденіе. И обвиняемые убійцы «враговъ народа», изъятыхъ изъ подъ защиты закона, въ слѣпомъ повиновеніи призыву вождей своихъ, сдѣлавши свое ужасное дѣло, имѣли бы право войти въ комнату Совѣта Народныхъ Комиссаровъ и съ торжествомъ выкатить передъ ними на красное сукно головы враговъ народа — Шингарева и Кокошкина и требовать награды по заслугамъ, ожидать за свой подвигъ многотысячной награды или производства въ наркомы, главковерхи. И вмѣсто этого — тюрьма, преданіе суду.

Съ чувствомъ ужаса встрѣтилъ я обвиняемыхъ Басова и Куликова въ коридорахъ Трубецкого бастіона. Черезъ нѣсколько дней послѣ убійства я слышалъ ихъ голоса, проходя мимо ихъ камеръ. И, сидя въ своей камерѣ, рядомъ съ опустѣвшей камерой Шингарева, я старался вникнуть въ ихъ психологію. Не были ли они удивлены, озадачены своимъ заточеніемъ? Я представлялъ себѣ ихъ возмущеніе. Не считали ли они, народные «герои», это предательствомъ? Они вѣдь послушались призыва своихъ вождей, а тѣ ихъ предали.

Кромѣ Іуды-предателя, не особенно лестную репутацію въ исторіи человѣчества заслужилъ и Пилатъ. Но тотъ старался защитить Обвиняемаго и лишь по слабости предалъ Его толпѣ, умывъ руки. Здѣсь же слабости не замѣтно. Здѣсь сначала сами распалили толпу, сами указали ей на невинныя жертвы и натравили ее на нихъ, признавъ ихъ «внѣ закона» и «врагами народа», а послѣ ихъ убійства тоже умыли руки. Бончъ-Бруевичъ, скрѣпившій декретъ 28 ноября, сейчасъ же полетѣлъ въ часовню Маріинской больницы и «въ ужасѣ отшатнулся отъ труповъ Шингарева и Кокошкина», самъ распоряжаясь производствомъ слѣдствія. Ленинъ, первый подписавшій декретъ, распорядился всѣхъ «поставить на ноги и совершенно немедленно» разслѣдовать преступленіе, «опозорившее» великую соціальную революцію.

Дѣйствительно ли они ужаснулись содѣяннаго злодѣянія, раскаялись ли они въ своихъ дѣйствіяхъ? По всему послѣдующему **не замѣтно** этого. Кого же обманетъ это умовеніе рукъ? Къ чему плеснули они водой на свои кровавыя руки?

И теперь, вы, революціонные судьи, судите этихъ слѣпыхъ, обманутыхъ людей за то, что они вняли призыву своихъ и вашихъ вождей. Но, увы, милліоны несознательныхъ и темныхъ русскихъ людей слѣпо идутъ за этими вождями. Это лишь наиболѣе рьяные и безпрекословные исполнители ихъ велѣній, наиболѣе добросовѣстные чтецы ихъ декретовъ, это «краса и гордость революціи»!

Трудно не отшатнуться въ ужасѣ отъ труповъ Шингарева и Кокошкина, трудно и оправдать ихъ убійцъ. Но вы должны разобраться въ степени ихъ виновности и, разобравшись, вы должны признать, что главные, наиболѣе сознательные убійцы Шингарева и Кокошкина это тѣ, кто подписалъ декретъ 28-го ноября.

А если это такъ, то судебная власть, заточившая въ тюрьму этихъ слѣпыхъ исполнителей предначертаній свы-

ше, власть обвиняющая и судящая ихъ, если бы она была независима, должна была бы вынести постановленіе о привлеченіи къ суду и главныхъ виновниковъ убійства. Иначе — вашъ судъ — не судъ, а классовая и политическая расправа, гдѣ подъ личиной суда и правды царитъ месть и безправіе.

***

Дня черезъ два послѣ трагедіи я встрѣтилъ въ коридорѣ возвращавшихся съ прогулки Сухомлинова и Щегловитова. Я счелъ долгомъ сказать послѣднему, какъ возмущался Шингаревъ дѣйствіемъ Комиссіи Муравьева и, что онъ, какъ бывшій членъ Временнаго правительства, избѣгалъ встрѣчи съ нимъ, незаконно державшимъ столько времени его подъ арестомъ безъ предъявленія обвиненія. Въ темнотѣ коридора мнѣ показлось, что Щегловитовъ прослезился. Онъ мнѣ отвѣтилъ: — «Мы съ Андрей Ивановичемъ были политическими противниками, но я глубоко его уважалъ и цѣнилъ, какъ честнаго и талантливаго человѣка.»

Тотъ же Щегловитовъ, какъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Бьюкененъ, встрѣтивъ въ Петропавловской Крѣпости Терещенко, который будто далъ большія деньги на революцію, сказалъ ему: — «Вы дали пять милліоновъ, чтобы попасть сюда. Жалѣю, что раньше не посадилъ Васъ даромъ».

Какъ то зашелъ ко мнѣ проститься освобожденный вскорѣ В. А. Степановъ. Однако, въ моемъ еще большемъ одиночествѣ я оставался не долго; меня перевели въ «Министерскій» коридоръ, гдѣ сидѣли Терещенко, Бернацкій, Кишкинъ, Авксентьевъ, Аргуновъ, П. Сорокинъ, Рутенбергъ (убійца Гапона). Третьякова, Карташова, Бурцева и другихъ перевели кого — въ Кресты, кого въ лечебницу. Карташовъ передъ этимъ умудрился за что то попасть въ карцеръ, крошечную темную конуру, изъ

котораго его на слѣдующій день освободили, такъ какъ коридоръ объявилъ голодовку. Мы, сидя тогда въ нашемъ коридорѣ, не могли къ ней присоединиться, ничего не зная.

Наступили «веселые» дни. Въ этомъ коридорѣ общеніе между камерами было свободнѣе, а главное прогулки общія — два раза въ день по часу! Къ нашему коридору, на прогулкахъ присоединяли камеру изъ Екатерининской Куртины, преимущественно молодежь, офицеры, моряки. Ходили, не торопясь разговаривали, скалывали ледъ, прочищали въ снѣгу новыя дорожки. Подчасъ было шумно, бросались снѣжками, валили другъ друга въ снѣгъ. Насколько дисциплина была ослаблена, показываетъ, что разъ кто то изъ Куртины принесъ фотографическій аппарат и снялъ всѣхъ насъ въ группѣ. Интересно было бы найти эту фотографію, если она сохранилась. Нѣсколько разъ во время прогулокъ въ воротахъ какіе то люди, съ виду рабочіе, съ любопытствомъ насъ разсматривали. Вѣроятно рабочіе депутаты провѣряли нашу наличность. Во время этихъ прогулокъ я узналъ отъ министровъ много подробностей о послѣднихъ дняхъ Временнаго правительства и о защитѣ Зимняго Дворца.

Съ начала февраля намъ по вечерамъ на два часа стали открывать камеры и мы свободно общались, гуляли по коридору, дѣлали другъ другу визиты, собирались вмѣстѣ. Это уже стало походить на клубъ.

Но во время этой «клубной» жизни и шумныхъ многлюдныхъ прогулокъ съ удовольствіемъ вспоминалъ одиночное верченіе по двору и сидѣніе въ полномъ одиночествѣ рядомъ съ Шингаревымъ. Это казалось уже чѣмъ то далекимъ, историческимъ. Съ удовольствіемъ бы промѣнялъ нашъ клубъ на это время, чтобъ, если и не видаться съ Шингаревымъ, то чувствовать и слышать его бытіе въ сосѣдней камерѣ.

Этотъ коридоръ былъ теплѣе нашего, но всеже температура подымалась рѣдко выше 10°. Многіе спали въ плать-

яхъ, сидѣли въ галошахъ или въ валенкахъ. Такъ какъ я привыкъ къ холоду и не боялся его, то на ночь раздѣвался, а галошъ я никогда не носилъ, Асфальтовый полъ меня не страшилъ и принесенный мнѣ коврикъ я далъ сначала больному Степанову, а послѣ него Кишкину. Нѣкоторые учились языкамъ, писали что-то. Неутомимый Кишкинъ, съ рвеніемъ коловшій ледъ и разгребавшій снѣгъ на прогулкахъ, лѣпилъ фигурки изъ хлѣба, а потомъ изъ глины. Я ничего не дѣлалъ, только читалъ газеты, Тургенева и друг. Сдружившіеся Бернацкій и Терещенко поселились въ одной камерѣ и обучали другъ друга Финансовому Праву и англійскому языку. Насколько «начальство» къ намъ благоволило: въ нашъ коридоръ помѣстили совсѣмъ юнаго соціалиста, полуинтеллигентнаго, арестованнаго съ бомбой. Онъ намъ пришелся не ко двору, попросили перевести его, и его перевели къ молодежи въ Куртину.

У насъ въ коридорѣ образовалась коммуна. Мы обязались вносить въ нее наши продукты извнѣ и выбранный въ старосты Авксентьевъ, дѣлилъ ихъ поровну. У запасливаго Кишкина оказался большой запасъ сухарей изъ чернаго хлѣба «про черный день». Впрочемъ и фигурки свои изъ хлѣба птицъ и животныхъ онъ могъ бы въ черный день съѣсть въ качествѣ жаркого.

Душой общества былъ Авкентьевъ. Онъ оказался премилымъ и превеселымъ с.-р.-омъ, отлично разсказывалъ армянскіе и еврейскіе анекдоты, пѣлъ куплеты. Онъ очень выигрывалъ въ тюремной обстановкѣ. С.-Р.-ы были привычны къ тюрьмѣ. Аргуновъ, производившій серьезное впечатлѣне, ухитрился какъ то уже при большевикахъ въ столь коротое время быть арестованнымъ въ третій разъ. Всего въ Россіи и въ Сибири онъ сидѣлъ 18 разъ.

Молодой Питиримъ Сорокинъ, оставленный при университетѣ или приватъ-доцентъ, былъ арестованъ сейчасъ же послѣ свадьбы. Къ нему на свиданье приходила совсѣмъ молодая хорошенькая жена.

У насъ образовался даже хоръ. Но одиночные изъ со-

сѣдняго коридора просили прекратить пѣніе; оно ихъ раздражало. Многіе надзиратели постоянно напѣвали въ коридорѣ во время своего дежурства, пѣли и нѣкоторые одиночные заключенные. Какой то сильный, но непріятный теноръ оралъ цѣлыми днями и надоѣдалъ намъ, а нѣкоторыхъ, какъ ранѣе и Шингарева, раздражалъ.

Иногда удостаивалъ насъ своимъ посѣщеніемъ и Пуришкевичъ, который свободно расхаживалъ по своей «каторгѣ». Но не въ своей средѣ онъ долго не засиживался. Теперь мы уже сами топили печи подъ руководствомъ Авксентьева. Это совсѣмъ не такъ просто растопить печь, особенно когда дрова не сухіе. Для этого у насъ было установлено дежурство.

Оказались у насъ и поэты: Пуришкевичъ, Терещенко и Бернацкій. Я какъ то между ними устроилъ конкурсъ. Написанъ въ юмористическомъ тонѣ благодарность г-жѣ Х., въ которой я говорилъ, что благодаря ея пирожкамъ и котлетамъ, тюрьма моя сдѣлалась раемъ, что они не только питаютъ меня тѣлесно и холодные согрѣваютъ мнѣ душу и т. п., я передалъ это имъ перефразировать въ стихи. Пуришкевичъ написалъ звучную, но совсѣмъ не подходящую элегію, Терещенко подпустилъ еще болѣе неподходящее легкомысліе, чуть не парнографію и пальму первенства получилъ Бернацкій, очень хорошо, почти дословно обратившій прозу въ стихи. Я ихъ переписалъ, подписалъ и при слѣдующемъ свиданіий вручилъ этотъ плагіатъ по назначенію.

Въ отнынѣ, какъ я шутилъ, историческую дату 19 февраля, состоялось мое освобожденіе.

Послѣ убійства Шингарева и Кокошкина мои московскіе друзья рѣшили во что бы то ни стало добиться моего освобожденія. Все та же неутомимая г-жа Х. взялась за это трудное дѣло и не мало прожила для этого въ Петроградѣ, обивая пороги власти. Оказалось, какъ я и предполагалъ, никакого дѣла обо мнѣ не было, кромѣ ареста по декрету 28 ноября. Наконецъ ей выдали ордеръ на

мое освобожденіе. Но она его не взяла, опасаясь, что солдаты Петропавловскаго гарнизона меня убъютъ, какъ Шингарева и Кокошкина. Она добилась, чтобы меня вызвали, якобы для допроса въ Чрезвычайную Комиссію и чтобъ освободили оттуда, лишь бы не изъ Крѣпости.

Послѣ обѣда меня вызываютъ для допроса въ Ч.К., во Дворецъ Николая Николаевича, куда я иду съ молодымъ солдатомъ съ винтовкой, совершенно незнающимъ Петрограда. Дворецъ совсѣмъ близко. Подойдя къ Троицкому мосту иду къ нему. Солдатъ останавливаетъ и говоритъ, что ему объяснили, что надо черезъ мостъ идти. — «Да куда же вы меня ведете?» — «Да гдѣ была Дума, а теперь Совѣтъ». Пришлось идти черезъ мость. Показываю ему дорогу черезъ набережную и Шпалерную.

Петроградъ еще больше опустился и въ эту первую мою послѣ заточенія прогулку произвелъ удручающее впечатлѣніе. Улицы въ ухабахъ, занесены снѣгомъ. Многочисленныя афишы о танцулькахъ, между прочимъ въ бывшемъ Дворянскомъ Собраніи.

Г-жа Х. меня ждала въ Ч:К., она увидала изъ окна, какъ мы подошли къ мосту и свернули на него. Она заподозрѣла что то недоброе. На мосту она увидѣла толпу. Въ это время рѣзали ледъ на Невѣ и толпа смотрѣла. Кто то изъ служащихъ, тоже смотрѣвшихъ въ окно, привлеченныхъ испугомъ г-жи Х., сказалъ: — «Не сбросили ли они его съ моста?» — Убійство Шингарева и Кокошкина было еще у всѣхъ на памяти. Можно себѣ представить состояніе бѣдной г-жи Х. Она умоляла послать кого нибудь, сама хотѣла бѣжать, но ее не пустили, говоря, что хуже будетъ. Такъ боялись даже въ Ч. К. неподчиняющагося автономнаго гарнизона Крѣпости. Телефонируютъ въ Крѣпость. Отвѣтъ: — «Долгоруковъ отправленъ четверть часа тому назадъ къ вамъ». Оказывается и тамъ тоже всполошились, начали звонить, разыскивая меня.

Между тѣмъ мы подошли къ Таврическому Дворцу.

Входимъ. Знакомый швейцаръ, съ котораго Трубецкой лѣпилъ Александра III, привѣтливо встрѣчаетъ. На вопросъ конвоира гдѣ здѣсь Ч. К., оказывается, что здѣсь ея нѣтъ. Совѣтую солдату телефонировать въ Крѣпость. Телефонъ тутъ же. Вокругъ, въ загрязненной до невозможности комнатѣ, снуютъ люди, какъ мнѣ показалось дегенеративнаго типа. — «Ну и кабакъ же у васъ», — говорю я громко швейцару (вродѣ того, какъ В. А. Маклаковъ выразился про вторую Думу). Швейцаръ оглянулся и отошелъ отъ меня съ опаской.

По телефону выяснилось, что идти конечно надо было во Дворецъ Николая Николаевича. Тогда же изъ Крѣпости телефонировали въ Ч. К., что я нашелся въ Таврическомъ Дворцѣ. Говорю солдату, что я усталъ, пѣшкомъ не пойду, сядемъ на трамвай. Онъ говоритъ, что ему денегъ не дадено. Я отвѣчаю, что у меня есть. На Шпалерной не садимся. Мнѣ захотѣлось побаловаться и зайти къ двоюродной сестрѣ на Сергіевской. Объясняю, что это не попутный трамвай. На Сергіевской звоню у подъѣзда. Солдатъ говоритъ, что не полагается. Я его убѣждаю, что тутъ двоюродная сестра, которая у меня бываетъ въ Крѣпости, что мнѣ только сказать, чтобъ зашла. Выходитъ служащій и съ удивленіемъ смотритъ на меня. — «Скажите г-жѣ У., что она давно не была у меня въ гостяхъ, что я ее жду». Я и не подозрѣвалъ, что не вернусь въ Крѣпость. Идемъ далѣе и садимся на Воскресенской въ трамвай съ пересадкой. Я могъ бы моего солдата завести куда угодно и легко могъ бы скрыться. На пересадкѣ на Инженерной пропустили вагона четыре, всѣ были переполнены, висѣли грозди людей, преимущественно солдатъ, на ступенькахъ. Наконецъ я втискиваюсь на площадку перваго вагона, а солдатъ попадаетъ въ прицѣпной! — «Не забудьте сойти, какъ переѣдемъ Неву», — успѣваю я крикнуть моему охранителю. Переѣхавъ мостъ соединяемся съ нимъ и уже въ сумерки подходимъ ко Дворцу.

Солдатъ меня сдаетъ подъ расписку. Меня ведутъ на-

верхъ по лѣстницѣ, украшенной трофеями великокняжеской охоты. Подымаемся въ третій этажъ. Посѣдніе служащіе расходятся по окончаніи присутствія. Въ одной изъ комнатъ къ моему удивленію вижу г-жу X. Ничего не понимаю. Она указываетъ пальцемъ на ротъ, чтобы я молчалъ: — « Молчите! Вы свободны!» —

Садимся въ темный уголъ и она мнѣ все объясняетъ. Она была увѣрена, что подвела меня на смерть, когда я исчезъ на Троицкомъ мосту, и болѣе часа томилась, пока изъ Крѣпости не телефонировали, что я нашелся. Потомъ опять болѣе часа ожиданія. Она приноситъ мнѣ откуда-то чаю. Оказывается служащіе приняли въ ней горячее участіе, успокаивали ее, давали пить воды, угощали чаемъ. Теперь уже служба кончилась, но какой то Николай Николаевичъ и 3-4 машинистки спеціально изъ за нея остались по окончаніи службы, чтобъ вывести меня, когда совсѣмъ стемнѣетъ, такъ какъ къ моменту выхода служащихъ, когда легко было выйти съ толпой незамѣченнымъ, я опоздалъ. Всего мы просидѣли часа полтора. Такъ они опасались Крѣпостного гарнизона! Подошелъ Николай Николаевичъ. Шучу съ нимъ: — «Это Вашъ Дворецъ?» — Машинистки интересуются моими впечатлѣніями въ Крѣпости. Одна изъ нихъ, когда заговорили о гарнизонѣ, воскликнула: — «Звѣри!» И тутъ я столкнулся съ двоевластіемъ: Ч. К. охраняла мою жизнь отъ красноармейцевъ! Правда это былъ первый годъ власти большевиковъ.

Наконецъ, когда уже всѣ залы были пусты и было совершенно темно, мы стали спускаться по черной неосвѣщенной лѣстницѣ съ электрическимъ ручнымъ фонаремъ, который гасили на двухъ площадкахъ и внизу, гдѣ дремали солдаты и матросы. — «Кто идетъ?» — Николай Николаевичъ называлъ себя и насъ пропускали. Я шелъ посерединѣ, окруженный тѣснымъ кольцомъ моихъ ангеловъ-хранителей — чекистовъ. Еще наверху они посовѣтовали мнѣ не идти на мостъ, такъ какъ если солдаты

Крѣпости спохватятся, узнавъ о моемъ освобожденіи, то могутъ устроить на мосту засаду. Мы сердечно поблагодарили Николая Николаевича и милыхъ чекистокъ, которыхъ г-жа Х. готова была расцѣловать, и пошли направо по Каменноостровскому.

На углу Архіерейской у больного двоюроднаго брата жилъ посѣщавшій меня Акерманъ, который былъ крайне удивленъ моему появленію. Горячій ужинъ впервые послѣ трехъ почти мѣсяцевъ, хорошее вино, ванна, мягкая постель. Совершенно измотанная въ этотъ день г-жа Х. хотѣла идти въ университетъ на Васильевскій островъ, гдѣ она остановилась, но Акерманъ уговорилъ ее остаться, уступивъ ей свою комнату. Ужинъ и утренній кофе были очень веселые.

За вещами своими я предпочелъ не ѣхать, а для безопасности просилъ съѣздить Акермана, швейцарскаго гражданина. Въ коммуну нашу я послалъ икры и другихъ гостинцевъ, описаніе моего освобожденія и добрыя пожеланія. Помощникъ коменданта прислалъ мнѣ съ вещами немного денегъ и вещи, отобранныя 28 ноября у Шингарева и Кокошкина, которыя они не успѣли взять при выѣздѣ въ больницу.

V.

ВЪ БОЛЬШЕВИЦКОЙ МОСКВѢ. 1918 г.

Въ Петроградѣ я остался дня три. Настроеніе тогда было на улицѣ антибольшевицкое, власть большевиковъ какъ-то сдала и можно было громко критиковать ее. Помню, на другой день послѣ освобожденія, наткнулся я на углу Надеждинской и Литейной на митинги. Я былъ пораженъ, какъ на нихъ ругали большевиковъ и даже самъ выступилъ съ критикой ихъ. Одинъ господинъ оказавшійся Петроградскимъ Кадетомъ Новицкимъ, узналъ меня и, отведя въ сторону, убѣдилъ меня изъ осторожности не выступать, такъ какъ большевики могли меня узнать.

Выѣхавъ въ Москву во второмъ классѣ, встрѣтился случайно съ Родичевымъ, отпустившимъ большую бороду и изображавшимъ изъ себя итальянца. Въ Любани нашъ вагонъ испортился и намъ прицѣпили третій классъ. Когда утромъ Родичевъ зашелъ ко мнѣ въ купэ, то ѣхавшій со мной господинъ спросилъ, не Родичевъ ли это, очень онъ на него похожъ. Я ему сказалъ, что это обрусѣвшій итальянецъ.

На масляницу я съѣздилъ въ послѣдній уже разъ въ деревню въ Рузу, и ѣлъ даже тамъ блины съ икрой. Весной и лѣтомъ уже ѣхать туда не могъ и въ Москвѣ приходилось скрываться и жить нелегально. Изъ нашей чудной старинной усадьбы мы вывезли лучшіе портреты французской работы — Lebrun, Lampi, Roslin — которые

дали на храненіе въ Третьяковскую Галлерею, а также вывезли письма Екатерины II Долгорукову Крымскому и кое какія историческія и цѣнныя вещи, которыя вѣроятно теперь погибли. Уже заграницей мнѣ попался большевицкій художественный журналъ, въ которомъ описывался попавшій въ Румянцевскій Музей мой альбомъ съ 52 рисунками старыхъ мастеровъ — Рубенса, Дж. Белини, Карпачіо, Сарто и другихъ изъ коллекціи извѣстнаго англійскаго коллекціонера Уэльполь съ его ex libris. Радъ, что эта художественная цѣнность сохранилась.

Верхъ нашего большого Московскаго особняка самовольно заняла броневая команда. Съ лѣстницы было слышно, какъ они наверху пѣли, вѣроятно пировали, барабанили по Бехштейну. Мы помѣщались въ двухъ нижнихъ квартирахъ. Когда министерства стали переѣзжать въ Москву, то домъ былъ назначенъ подъ Морское Министерство, но броневая команда, считая себя автономной, отказалась очистить помѣщеніе и даже выставила на дворѣ броневики съ пулеметами. Долго ее уговаривали, но и Троцкій, военный и морской министръ, ничего не могъ сдѣлать. Наконецъ, когда имъ отвели домъ Манташева на Ходынкѣ, они переѣхали. Морское Министерство заняло сначала верхъ и часть флигеля, потомъ понемногу стало насъ выживать, сначала заняло одну нижнюю квартиру, а къ осени стали зариться и на мою половину, въ которой мы уплотнились. Впослѣдствіи, какъ я узналъ изъ нѣмецкой газеты, переданной мнѣ Гучковымъ, въ нашемъ домѣ помѣщался университетъ имени Маркса и Энгельса съ библіотекой въ 500.000 (?) томовъ.

Пасху, какъ и въ прошломъ году, встрѣтилъ въ Кремлѣ. Но какая разница. Закрытый для публики Кремль для пасхальной ночи открыли, но народу было очень мало. Нарочно ли, случайно ли, но электричества на площадяхъ Кремля въ эту ночь не было и было совсѣмъ темно. На колокольнѣ Ивана Великаго горѣло нѣсколько плошекъ. Совершенно просторно было на темной площа-

ди съ рѣдкими огоньками свѣчекъ во время крестнаго хода; свободно было и въ соборахъ. Ничего общаго съ обычной торжественной свѣтлой Кремлевской пасхальной ночью. Казалось, колокола звучали какъ то глухо. Было мрачно и зловѣще.

До мая я жилъ у себя дома безпрепятственно «подъ сѣнью броневыхъ штыковъ», а затѣмъ — матросскихъ. Когда я вернулся въ Москву, сталъ формироваться «Національный Центръ», который потомъ въ Москвѣ и на югѣ Россіи получилъ большое развитіе. Не настало время подробно говорить о дѣятельности и дѣятеляхъ Національнаго Центра. Многіе его Московскіе члены, мои политическіе и общественные друзья, въ 1919 году были разстрѣляны. Національный Центръ сразу принялъ надпартійную платформу аналогичную лозунгамъ Корнилова и Алексѣева, какъ и впослѣдствіи заграницей «Національнаго Комитета», всегда стояшаго на надпартійныхъ лозунгахъ арміи и поддерживавшаго ее.

Часто видѣлся съ принимавшимъ дѣятельное участіе въ Національномъ Центрѣ — Д. Н. Шиповымъ, моимъ долголѣтнимъ сотрудникомъ и пріятелемъ по Московскому Земству. Онъ сильно страдалъ головными болями, постарѣлъ, но сохранилъ удивительную энергію. Онъ умеръ въ Москвѣ, когды мы были на югѣ. Упомяну еще о Н. Н. Щепкинѣ, разстрѣлянномъ со многими другими членами Н. Ц. въ Москвѣ, и Червенъ-Водали, Тверскомъ нотаріусѣ, командированномъ впослѣдствіи съ Н. К. Волковымъ Національнымъ Центромъ изъ Екатеринодара въ Сибирь къ Колчаку и разстрѣлянномъ тамъ большевиками. Пріѣзжалъ изъ Ростова М. М. Федоровъ. Національный Центръ впослѣдствіи развилъ свою дѣятельность по сношенію Москвы съ Колчакомъ и Добрарміей.

Какъ и ранѣе, въ Москвѣ формировались всѣ политическія группировки. На Мясницкой начиналъ дѣйствовать Торгово-промышленный Союзъ, съ которымъ у насъ было тоже постоянное соприкосновеніе. Собирались

и умѣренные правые, монархисты, среди которыхъ были многіе пріѣхавшіе изъ Петрограда (Кн. Алексѣй Дмитріевичъ Оболенскій, Гурко). Среди правыхъ господствовала нѣмецкая оріентація, которая сильно была распространена въ Петроградскихъ бюрократическихъ сферахъ.

На ту же оріентацію перешелъ въ Ростовѣ и Милюковъ, рѣшившій уклониться отъ Учредительнаго Собранія, въ которое былъ выбранъ и уѣхавшій прошлой осенью съ чужимъ паспортомъ на югъ. Многіе наиболѣе активные члены Центральнаго К.-Д. Комитета въ Москвѣ стали работать въ надпартійномъ Національномъ Центрѣ (О «Правомъ Центрѣ» упомяну впослѣдствіи).

Но и партійная жизнь продолжалась. До мая дѣйствовалъ кадетскій клубъ въ Брюсовскомъ переулкѣ. Въ началѣ мая состоялась послѣдняя партійная конференція съ пріѣзжими иногородними членами, подтвердившая союзническую оріентацію партіи и высказавшаяся противъ соглашенія съ нѣмцами.

18 мая, когда въ клубѣ было какое то совѣщаніе, часа въ четыре нагрянули большевики и арестовали до 60 членовъ Центральнаго Комитета, городского и нѣкоторыхъ провинціальныхъ Комитетовъ. Ихъ на открытыхъ грузовикахъ повезли и заключили въ Ч. К. на Лубянкѣ. Очевидно разгромъ клуба произошелъ съ одобренія, если не по настоянію нѣмцевъ, такъ какъ мы всѣ значились не только въ большевицкихъ, но и въ нѣмецкихъ проскрипціонныхъ спискахъ. Въ тотъ же день было произведено нѣсколько обысковъ и арестовъ на квартирахъ. Я въ это время былъ на засѣданіи въ Художественномъ Театрѣ, пайщикомъ котораго я состоялъ и куда мнѣ телефонировали о разгромѣ клуба и чтобъ я не ходилъ домой, гдѣ происходитъ обыскъ. Я оставался долго въ театрѣ, бесѣдуя съ двоюроднымъ братомъ А. Стаховичемъ и артистами и лишь подъ вечеръ пошелъ къ себѣ.

Иду съ Волхонки переулкомъ — шестилѣтняя дѣвочка идетъ навстрѣчу и не останавливаясь говоритъ: — «не хо-

дите!» Тогда у воротъ нашего дома я замѣтилъ какихъ то людей. Я какъ ни въ чемъ не бывало, вошелъ въ сосѣднюю гостинницу «Княжій Дворъ», откуда потомъ и ушелъ обратно на Волхонку. Оказывается, у меня была устроена засада и служившій у меня въ конторѣ отецъ многочисленнаго семейства, размѣстилъ своихъ дѣтей по тремъ переулкамъ, окружающимъ домъ, чтобы меня предупредить. Такимъ образомъ шестилѣтняя дѣвочка спасла меня отъ засады и ареста, что не удалось 28 ноября нашимъ кадетамъ въ Петроградѣ у дома Паниной. Потомъ у меня было произведено еще нѣсколько безрезультатныхъ обысковъ. Ничего компрометирующаго я конечно у себя не держалъ.

Изъ арестованныхъ въ клубѣ товарищей нѣкоторыхъ отпустили черезъ нѣсколько недѣль, но многимъ пришлось сидѣть долго, а нѣкоторымъ до Рождества. Теперь уже я посылалъ провизію г-жѣ X., такъ какъ она была въ числѣ арестованныхъ. На свиданіе же не могъ ходить. Раза два я ходилъ по переулку, выходящему на Лубянку, куда выходило большое окно комнаты, гдѣ заключены были Кишкинъ, Комиссаровъ, г-жа X., и другіе мои партійные друзья, съ которыми я и раскланивался съ улицы.

Но какъ то разъ я рѣшился добиться свиданія. Въ день свиданій я пришелъ въ пріемную Ч. К. на Лубянкѣ. Много знакомыхъ, родственниковъ заключенныхъ, которые ужаснулись, что я пришелъ и гнали меня вонъ. Но я подаю листокъ съ просьбой о свиданіи, жду часа полтора и наконецъ мнѣ отказываютъ, кажется, какъ не родственнику. Тогда я изъ передней прохожу въ боковую дверь, гдѣ стоитъ часовой, намѣреваясь форсировать препятствія. Часовой спрашиваетъ пропускъ. Я принимаю начальническій видъ и тонъ и спрашиваю: — «Нечто не знаешь, кто я? Я самъ даю пропуска!» Когда я прошелъ, то обернулся и сказалъ ему, что я скоро выйду, чтобъ онъ запомнилъ меня. Подымаюсь наверхъ, гдѣ по расположенію окна я предполагаю находится комната заклю-

ченныхъ пріятелей. Но въ массѣ коридоровъ запутываюсь. Рѣшаюсь открыть одну дверь. Оказывается слѣдователь разговариваетъ или допрашиваетъ кого то. — «Что вамъ нужно?» — «Гдѣ камера заключенныхъ такихъ то?» — «Не здѣсь, сюда входъ запрещенъ», говоритъ онъ сердито. Спрашиваю у какого то солдата, потомъ у женщины и прислуги. Говорятъ, что въ другомъ корпусѣ. Отсюда нѣтъ хода. Пришлось возвращаться безъ результата. Едва нашелъ дорогу. Когда я выходилъ, часовой какъ разъ смѣнялся и когда новый хотѣлъ спросить у меня пропускъ, то старый узналъ во мнѣ «начальство» и сказалъ пропустить. Опоздай я на полъ минуты, можетъ быть меня задержали бы.

Съ мая началось кошмарное для меня лѣто. Послѣ прекраснаго нашего подмосковнаго имѣнія и прохладнаго дома въ Москвѣ со сводами и большимъ садомъ пришлось нелегально ютиться все жаркое лѣто въ пыльномъ городѣ по чужимъ квартирамъ. Бюро Центральнаго Комитета К.-Д. партіи собиралось очень часто въ маленькихъ душныхъ комнатахъ, преимущественно въ переулкахъ въ концѣ Пречистенки и Остоженки и на Дѣвичьемъ Полѣ. Два раза состоялись и пленарные комитеты съ кое кѣмъ изъ Петроградцевъ. Гр. Панина жила все лѣто въ Москвѣ и работала съ нами.

Когда я не могъ вернуться къ себѣ въ домъ изъ за засады, я прожилъ у знакомаго въ мезонинѣ особнячка въ глухомъ переулочкѣ у Зачатьевскаго монастыря недѣли полторы. Но какъ разъ въ день, когда должно было у меня собраться бюро Центральнаго Комитета, меня хозяинъ квартиры предупредилъ, что утромъ, когда меня не было, заходили два подозрительныхъ субъекта, якобы отъ Санитарнаго надзора. Онъ просилъ не собираться, а меня съѣхать. Наскоро нашли мѣсто для засѣданія въ другомъ концѣ города, а послѣ засѣданія я со сверткомъ вещей отправился ночевать къ А. Стаховичу на Страстной бульваръ. И хорошо сдѣлалъ, что съѣхалъ, такъ какъ ночью

въ домикѣ, гдѣ я жилъ, былъ обыскъ, открывали шкафы, шарили на чердакѣ, въ подвалѣ: очевидно искали меня.

У Стаховича, съ которымъ я былъ въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ, я переночевалъ на диванѣ лишь одну ночь. Онъ нервничалъ и на другой день, ссылаясь на домовый комитетъ и возможность подвести кого то, сказалъ, что мнѣ тутъ оставаться опасно. Онъ былъ очень деликатный человѣкъ, но не изъ храбрыхъ. Еще въ революцію 1905 года, когда я свободно ходилъ по улицамъ, онъ съ артистомъ. А. Л. Вишневскимъ заперлись въ меблированныхъ комнатахъ на Неглинной и просидѣли въ фортѣ «Шаброль», какъ я смѣялся надъ ними, около недѣли. Стаховичъ, замѣчательно милый и способный человѣкъ, страдалъ наслѣдственной хандрой. Въ 1919 году, онъ удавился въ этой же квартирѣ на дверной ручкѣ. Когда я въ Ростовѣ узналъ о его смерти, то показывался фильмъ съ его участіемъ. Странно и грустно было видѣть это посмертное выступленіе...

Когда утромъ выяснилось, что надо съѣзжать отъ Стаховича, то я, выйдя на улицу большого города, въ которомъ прожилъ полъ вѣка, не зналъ, гдѣ преклонить голову вечеромъ. Къ счастью я встрѣтилъ пріятеля гр. Д. А. Олсуфьева, который мужественно пріютилъ меня у себя въ Мерзляковскомъ переулкѣ безъ всякой прописки, и гдѣ я прожилъ до поздней осени, до отъѣзда изъ Москвы, такъ что очевидно рискъ для него отъ моего пребыванія былъ не малый. Я очень былъ ему признателенъ. Немного спустя я сталъ днемъ заходить къ себѣ въ домъ, гдѣ у меня на квартирѣ жили племянникъ съ женой, просто такъ, или чтобъ разбираться въ вещахъ.

Англійскій клубъ былъ уже закрытъ, въ большіе рестораны, еще дѣйствовавшіе, мнѣ было опасно ходить, да и цѣны уже были недоступныя. Лишь два раза меня угощали въ Эрмитажѣ и въ Прагѣ. Ходилъ же я по маленькимъ неважнымъ столовымъ, часто вегетаріанскимъ, которыхъ расплодилось очень много.

Разъ въ такой столовой подходитъ ко мнѣ элегантный молодой человѣкъ. Не узнаю. «Авксентьевъ» — шепчетъ онъ мнѣ. Онъ былъ неузнаваемъ в нелегальномъ видѣ съ сбритой бородой.

Въ Москвѣ росли какъ грибы антикварные и комиссіонные магазины. Старая Москва распродавала свою старину. Многіе представители и представительницы общества сами торговали въ открываемыхъ ими сообща магазинахъ.

Я много игралъ въ шахматы. Устраивались шахматные турниры. (Кн. А. Оболенскій съ сыновьями, гр. Олсуфьевъ, гр. С. Л. Толстой, гр. Б. С. Шереметевъ и друг).

Послѣднее пленарное засѣданіе Центральнаго Комитета К.-Д. съ пріѣздомъ Петроградцевъ, состоялось въ концѣ іюля. И это засѣданіе мы должны были отложить на два дня и перенести въ другое мѣсто, потому что намъ сообщили, что большевики узнали о нашемъ засѣданіи. Незадолго передъ этимъ подтвердился слухъ объ убійствѣ 3 іюля Царской Семьи. Открывая засѣданіе, я сказалъ по этому поводу слѣдующее:

«Хотя мы и стѣснены временемъ и условіями нашей работы, я считаю себя обязаннымъ въ самомъ началѣ засѣданія посвятить нѣсколько словъ подтвердившемуся слуху объ убійствѣ бывшаго Государя. Мы во многомъ не сочувствовали его способу управленія Россіей, наша партія была въ оппозиціи къ назначаемымъ имъ правительствамъ, какъ нелегальная организація. Но совершенно независимо отъ нашего къ нему отношенія, какъ къ человѣку и Монарху, независимо отъ того, республиканцы мы или монархисты, мы друзья Кокошкина и Шингарева и по человѣчески не можемъ не ужаснуться отъ этого звѣрскаго умерщвленія узника и его семьи, а равно и съ государственной точки зрѣнія, такъ какъ узурпаторами власти убитъ человѣкъ, бывшій до своего отреченія законнымъ носителемъ верховной власти въ Россіи. А потому эта новая, всероссійская жертва выдѣляется изъ

тысячъ жертвъ русской революцiи и всѣ русскiе, не потерявшiе совѣсти и государственнаго разума, должны содрогнуться, узнавъ объ этомъ злодѣянiи. И мы, по существу и по формѣ стремившiеся быть «оппозицiей Его Величества», обязаны почтить сегодня память этого несчастнаго русскаго Монарха».

Молчаливымъ вставанiемъ мы почтили память Государя Николая II.

Когда черезъ годъ, 3 iюля 1919 года въ Екатеринодарѣ въ № 143 «Свободной Рѣчи» я привелъ эту мою рѣчь, то какая то соцiалъ-сепаратистская Кубанская газетка высмѣяла насъ и въ окнѣ какого-то мѣстнаго прессъ-бюро была выставлена моя статья, обведенная краснымъ карандашомъ и съ таковой же надписью: — «Вотъ они, кадеты-царисты!!!»... Такъ политическiя и партiйныя страсти бушевали въ двухъ шагахъ отъ ставки Деникина!

Почти ежедневно происходили всякаго рода засѣданiя въ душныхъ комнатахъ маленькихъ домовъ. Только два раза я, деревенскiй житель, вырвался за это лѣто изъ Москвы.

Провизiя страшно дорожала, часто былъ недостатокъ продуктовъ, огромные хвосты у лавокъ. Москва питалась мѣшечниками. Въ концѣ iюля по приглашенiю Шнеерзона, К.-Д., бывшаго Черниговскаго равина, а теперь организатора какихъ то кооперативныхъ учрежденiй въ Рязани, выдающагося по энергiи организатора, я, г-жа X. и еще двое поѣхали въ Рязань за продуктами. На желѣзныхъ дорогахъ была мука тогда ѣздить и мы рѣшились поѣхать на пароходѣ. До Рязани по желѣзной дорогѣ ѣзды часовъ 5-6, а на пароходѣ двое сутокъ, такъ что оставаясь въ Рязани лишь отъ утра до вечера, мы всего проѣздили болѣе четырехъ сутокъ! Но какая прелесть была эта поѣздка на маленькомъ пароходикѣ, вырванная изъ Московскаго лѣта!

Старые Московскiе монастыри съ башнями и бойница-

ми, историческое село Коломенское съ его шатровой церковью-пасхой, барскія усадьбы въ старыхъ паркахъ, шлюзы по Москвѣ-рѣкѣ, знаменитые Бронницкіе заливные луга съ рядами косцовъ, Коломна съ монастырями, церквами, лѣсистые высокіе берега Оки. До Коломны сутки и сутки до Рязани. Все время по Москвѣ-рѣкѣ запахъ скошеннаго сѣна съ близкихъ береговъ, а ночью — таборы и костры косцовъ. Отъ пристани до Рязани мы прошли поемными лугами пѣшкомъ.

Мы закупили при посредствѣ гостепріимнаго Шнеерзона чуть не за полъ цѣны противъ Московскихъ цѣнъ, много муки, крупы, окороковъ и проч. и провезли все благополучно въ Москву, несмотря на два обыска парохода изъ за преслѣдуемаго мѣшечничества. Мы дали продукты запрятать пароходной прислугѣ. Почему то конфисковали только флакончикъ съ одеколономъ.

Другой разъ я поѣхалъ съ гр. С. Л. Толстымъ на два дня къ гр. Д. А. Олсуфьеву, въ г. Дмитровъ. Онъ жилъ въ хорошемъ домѣ съ тѣнистымъ садомъ покойнаго своего брата, Дмитровскаго Предводителя. Въ городкѣ много зелени. Гр. С. Л. Толстой хорошій музыкантъ, много игралъ на рояли. Мы много играли въ шахматы. Познакомился съ старикомъ Крапоткинымъ, который снималъ комнаты у Олсуфьева въ видѣ дачи и пріѣхалъ на слѣдующій день изъ Москвы. Онъ очень мирный и національный анархистъ.

Конечно велись и политическіе разговоры. Въ Москвѣ тогда былъ очень вліятельной особой германскій посолъ гр. Мирбахъ и нѣмецкая оріентація все болѣе развивалась. Преклоненіе передъ нѣмецкой силой, растерянность и отсутствіе національнаго достоинства у правыхъ заходили очень далеко. И тутъ гр. Олсуфьевъ, членъ Государственнаго Совѣта отъ Саратовскаго Земства, горячился и упрекалъ меня, что мы К.-Д. худшіе враги Россіи (тоже «враги народа»!), что если бы мы не упорствовали, Мирбахъ уже давно привелъ бы войска и прогналъ бы боль-

шевиковъ и т. д. Я спокойно возразилъ ему, что по моральнымъ соображеніямъ мы не хотимъ измѣнять союзникамъ, хотя въ международной политикѣ моральныя соображенія еще не играютъ пока надлежащей роли; но и по соображеніямъ чисто практическимъ, по даннымъ стратегическаго, политическаго и экономическаго характера, мы убѣжденно стоимъ на союзнической оріентаціи, имѣя въ виду будущій мирный конгрессъ и неминуемый разгромъ германскаго милитаризма. Присутствовавшая при спорѣ дама потомъ пожала мнѣ руку и сказала, что ея покойный отецъ былъ бы всецѣло на моей сторонѣ. Это была графиня Милютина, дочь военнаго министра, который еще при Александрѣ II предвидѣлъ пагубность для Россіи германофильской политики.

Гр. Милютина, другъ дома гр. Олсуфьевыхъ, жила въ своемъ домѣ рядомъ, построенномъ на той же усадьбѣ.

Но Олсуфьевъ не унимался и договорился до слѣдующаго: — «Пусть, нѣмцы, освободивъ насъ отъ большевиковъ, превратятъ Россію лѣтъ на 50 въ германскую провинцію. Какое благоденствіе наступитъ у насъ! Они покроютъ Россію сѣтью шоссе и желѣзныхъ дорогъ...» и т. д.

Но, несмотря на политику, поѣздка въ Дмитровъ тоже оставила хорошее впечатлѣніе свѣжести и зелени. Помѣщиковъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ еще не трогали, а въ свою Волынщину, Рузскаго уѣзда, я уже не могъ ѣхать. Въ серединѣ лѣта многіе уѣздные наркомы стали выселять помѣщиковъ и ихъ управляющихъ. Постановили выселить моего одного знакомаго помѣщика. Но онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ мѣстными крестьянами и волостной совѣтъ отказался это выполнить. Тогда пріѣхалъ изъ уѣзднаго города комиссаръ, бойкій еврейчикъ лѣтъ 18-19 съ понятыми, увезъ его отъ больной жены и дѣтей за 40 верстъ въ городъ, гдѣ онъ и просидѣлъ въ тюрьмѣ недѣли три. Какъ у человѣка нервнаго, у него

отнялись ноги и въ Москву онъ пріѣхалъ совсѣмъ больной. Онъ человѣкъ прогрессивнаго направленія и отнюдь не шовинистъ, сталъ съ ненавистью говорить о «жидахъ». Такъ воздѣйствовало непосредственное участіе евреевъ въ причиненныхъ бѣдствіяхъ на обывателей.

Наша Волынщина разгромлена не была и впослѣдствіи, говорятъ, тамъ было коммунальное хозяйство.

Въ Москвѣ я еще разъ былъ арестованъ. Когда къ осени большинство нашихъ арестованныхъ въ маѣ было выпущено, а обыски у насъ и въ частности у меня прекратились, я часто бывалъ у себя на квартирѣ и даже спалъ по нѣсколько ночей подрядъ дома. Только что я разъ легъ въ постель въ 2 часа ночи, раздается стукъ въ окно и голоса. Я всталъ, но не зажигаю электричество. Стукъ и голоса усиливаются. Приходитъ встревоженная племянница. Я все не отвѣчаю. Черезъ нѣсколько минутъ звонокъ изъ передней и стукъ въ дверь. Входятъ для производства обыска красноармейцы въ сопровожденіи моего бухгалтера, который былъ предсѣдателемъ домового комитета, мною же назначеннаго, такъ какъ домъ нашъ былъ особнякъ. Требую ордеръ на обыскъ. Показываютъ. Подробно осмотрѣли всю квартиру, перерыли мой письменный столъ и бумаги; всего часа полтора провозились. Какъ всегда, фуражки и шапки набекрень, папиросы въ зубахъ, неистово курятъ мои папиросы. Горничная племянницы дрожитъ, стучитъ зубами. «Что, говорю я, боитесь? Вонъ сколько жениховъ понаѣхало! Такіе же русскіе люди, небось не обидятъ». Ухмыляются: — «Конечно такіе же люди, къ чему обижать!» — «Въ отдѣльности, говорю, каждый изъ васъ хорошій парень, а какъ въ толпѣ, да натравятъ васъ начальники ваши, то своихъ же русскихъ убиваете какъ звѣрей». — Забравъ бумаги, еще кое что, кошелекъ съ монетами, оставшимися отъ заграничныхъ путешествій, между прочимъ египетскій золотой и нѣсколько золотыхъ луидоровъ и фунтовъ, приказываютъ

садиться и объявляютъ, что я, племянница и камердинеръ арестованы и выводятъ насъ на дворъ.

«Гдѣ же, спрашиваю, автомобилъ? Я привыкъ въ автомобилѣ въ тюрьму ѣздить». — «Да вамъ тутъ-же, рядомъ». Оказывается насъ повели въ сосѣднiй особнякъ Соловыхъ, гдѣ помѣщалась военная контръ-развѣдка.

Въ сводчатой комнатѣ стараго особняка уже сидѣло нѣсколько мужчинъ и женщинъ, потомъ подвели еще нѣсколькихъ, между прочимъ аббата Абрикосова. Мы всю ночь продремали сидя и на допросъ насъ стали вызывать лишь послѣ обѣда. На обѣдъ намъ дали какой то бурды. Племянница ничего не ѣла, я ѣлъ только черный хлѣбъ,а служащiй нашъ съѣлъ всѣ три тарелки супа.

Слѣдователь допытывался, имѣлъ ли я отношенiе къ какой то экспедицiи Абрикосова на Мурманъ. Такъ какъ ни я, ни племянница ничего не знали и ясна была наша полная неприкосновенность къ этому дѣлу, то слѣдователь насъ сейчасъ же отпустилъ. Я требовалъ было указать, по чьему доносу я арестованъ, но онъ, корректно въ общемъ себя ведшiй, отказалъ. Такъ я и во второй разъ при арестѣ не узналъ, за что арестованъ. Думаю, что разыскивали моего племянника который къ счастью наканунѣ выѣхалъ въ Добровольческую Армiю. Черезъ нѣсколько дней вернули всѣ забранныя бумаги и вещи, даже иностранныя деньги. Не возвратили лишь «оружiе» — дамское ружье племянницы и мою предводительскую шпагу съ клинкомъ, вывезеннымъ мной изъ Толедо.

Къ осени положенiе въ Москвѣ сдѣлалось для насъ невыносимымъ. Приведу здѣсь выдержки изъ воспоминанiй моихъ въ «Свободной Рѣчи» (20 декабря, № 17) о политической дѣятельности нашей за это лѣто.

«Когда я изъ Петропавловской Крѣпости въ февралѣ вернулся въ Москву, то Центральный Комитетъ К.-Д. партiи уже высказался по поводу Брестскаго договора, за нерушимую вѣрность союзникамъ».

«На послѣдней партійной московской конференціи въ маѣ, резолюція о вѣрности союзникамъ была вновь принята единодушно (послѣ блестящаго доклада Винавера). Сейчасъ же послѣ конференціи послѣдовалъ разгромъ партіи (60 арестованныхъ въ клубѣ, обыски и аресты по домамъ) очевидно съ одобренія нѣмцевъ. Затѣмъ наступило кошмарное лѣто...» (Уже описано у меня).

«Кіевскій одинъ пріятель, когда я бѣжалъ въ Кіевъ, сказалъ мнѣ: — «Вы тамъ были лишены возможности заниматься реальной политикой, а реальное дѣло дѣлали мы здѣсь, на Украинѣ. Исторія покажетъ, кто на самомъ дѣлѣ велъ болѣе реальную политику».

«Мы считали, что дѣлаемъ большое національное дѣло, и **«Московское сидѣніе»,** думается, займетъ должное мѣсто въ исторіи нашей партіи.

Изгнанные изъ дачъ и имѣній, занесенные не только въ большевицкіе, но и въ нѣмецкіе проскрипціонные списки, мы должны были все лѣто, изъ за опасенія ареста и разстрѣла, вести въ Москвѣ кочевую жизнь, въ поискахъ ночлега безъ прописки, опасаясь доноса швейцаровъ и дворниковъ, постоянно мѣняя мѣстожительство. Собиралось 2-3 раза въ недѣлю лишь бюро Центральнаго Комитета, человѣкъ 5-6 все лѣто по разнымъ душнымъ квартиркамъ на окраинахъ.

Москва изнемогала подъ большевицкимъ гнетомъ. Германская оріентація дѣлала огромные успѣхи. Со всѣхъ сторонъ, и даже изъ нѣдръ партіи, насъ упрекали въ утопичности, въ нереальности нашей позиціи, требовали призыва нами нѣмцевъ для введенія порядка и охраны имущества. Въ то же время кіевскіе наши товарищи, разобщенные съ нами, учредили автономный Главный Комитетъ партіи на Украинѣ и повели свою линію, не соотвѣтствовавшую тактикѣ, принятой партіей. Но еще болѣе насъ смутилъ отходъ отъ нашей тактики виднѣйшихъ нашихъ товарищей по Центральному Комитету, ошибка

которыхъ заключалась въ томъ, что они, находясь на югѣ Россіи, болѣе полугода не сообщались съ партіей черезъ бывшія оказіи, и, будучи хуже насъ информированы, повели самостоятельную политику съ креномъ на нѣмцевъ. Стали говорить и писать, что кадеты перемѣнили оріентацію на нѣмецкую. Партіи грозилъ расколъ, а, можетъ быть, и гибель, такъ какъ послѣ пережитыхъ страной войны и революціи, всѣ отдѣлы партійной программы подлежали пересмотру, и, при отходѣ программныхъ вопросовъ при данныхъ условіяхъ на второй планъ, мы могли быть крѣпко связаны лишь тактикой.

И «Московскимъ сидѣніемъ» мы спасли партію. Центральный Комитетъ въ Москвѣ, его петроградское отдѣленіе, а затѣмъ въ іюлѣ и пленарный Центральный Комитетъ въ Москвѣ единодушно вновь высказались, несмотря на внѣшній и отчасти партійный натискъ, за союзническую оріентацію. Расхожденіе съ цѣлыми группами, Кіевской, съ виднѣйшими отдѣльными нашими товарищами, (Милюковъ и др.) сильно насъ смущало. Да, смущеніе было, но **смятенія — ни минуты,** и партія, какъ таковая, стойко выдержала искусъ. Ввиду отсутствія печати и нелегальнаго нашего положенія, слухи о перемѣнѣ оріентаціи партіи распространились и въ провинцію. Къ намъ начали пріѣзжать смущенные партійные товарищи спеціально, чтобъ выяснить положеніе, и, узнавъ о твердой и неизмѣнной позиціи партіи, съ облегченіемъ уѣзжали. По возможности личными и письменными сношеніями мы возстановили и въ провинціи стройность нашихъ рядовъ, что при большевицкомъ гнетѣ и успѣхахъ Германіи на Западѣ было не легко. Лишь въ октябрѣ, когда Германія дрогнула, наша линія вполнѣ оправдалась и вопросъ о нѣмецкой оріентаціи потерялъ свою остроту и опасность, мы покинули Совдепію, не безъ труда и приключеній выѣхали въ мѣста, куда политическая жизнь стала переливаться изъ изолированной, голодающей и замираю-

щей Москвы. Разумѣется, и выбраться изъ Москвы весной или лѣтомъ было бы легче и жить гдѣ нибудь въ Крыму или Кіевѣ было бы безопаснѣй, беззаботнѣй и сытнѣй...

А въ теченіе лѣта натискъ на насъ германофиловъ все усиливался. Тогда, какъ нѣкоторые правые дворянскіе круги Москвы (Самарины, гр. Шереметевы и другіе) были противъ измѣны союзникамъ, другія лица, преимущественно изъ право-бюрократическихъ петроградскихъ сферъ, опредѣленно склонялись къ нѣмцамъ. Укажу изъ многихъ на нѣсколько характерныхъ примѣровъ. Въ серединѣ лѣта кн. Д. Д. Оболенскій разсказывалъ мнѣ, пріѣхавъ прямо отъ гр. Мирбаха, какъ онъ его умолялъ направить въ Москву хоть одинъ германскій корпусъ, чтобъ прогнать большевиковъ. Гр. Мирбахъ отвѣчалъ ему, что ежедневно къ нему съ такой же просьбой обращается нѣсколько человѣкъ. — «Вы, правые умѣете только просить, но за вами никто не стоитъ. Организуйте сначала въ этомъ направленіи общественное мнѣніе. А русское общественное мнѣніе пока противъ насъ» — и онъ указалъ ему на нашу кадетскую резолюцію. — «Вотъ, если бы кадеты насъ звали — другое дѣло, а то кого мы теперь будемъ освобождать?» И кн. Оболенскій горько упрекалъ насъ въ томъ, что мы губимъ Россію, упорствуя въ нашемъ доктринерствѣ и не выклянчивая помощи у враговъ Россіи. Черезъ нѣкоторое время, проходя по Арбату, я встрѣтилъ похоронную процессію убитаго Мирбаха. Представителей большевиковъ не замѣтилъ. Шло нѣсколько нѣмцевъ въ сюртукахъ и цилиндрахъ. Меня поразила малочисленность публики для Москвы, гдѣ была до войны такая внушительная нѣмецкая колонія.

Правые бюрократы съ нѣмецкой оріентаціей, войдя въ непосредственные переговоры съ нѣмцами, погубили тѣмъ и междупартійное объединеніе — Правый Центръ, изъ котораго вслѣдствіе этого мы должны были съ нѣкоторыми группами выйти и образовать Національный

Центръ *. Главная партійная работа наша и состояла именно въ образованіи широкаго междупартійнаго и общественно-политическаго фронта, долженствующаго подпереть противобольшевицкую военную силу, дать точку приложенія союзнической помощи и способствовать образованію русской государственности. Съ этой же цѣлью нѣкоторые изъ насъ входили въ болѣе лѣвое объединеніе — «Союзъ Возрожденія». Мы были связующимъ звеномъ его съ Національнымъ Центромъ. Это надпартійное дѣло партія народной свободы и считала своимъ главнымъ національнымъ заданіемъ и ему преимущественно посвятила свои силы.

При этомъ обнаружилось, какое значеніе имѣетъ для образованія между партійныхъ организацій сплоченная, вліятельная партія».

Осенью Милюковъ переѣхалъ изъ Ростова въ Кіевъ. Мы ему посылали съ оказіей информацію въ Ростовъ, онъ болѣе полугода намъ ни разу не писалъ. Изъ Кіева, онъ, оторвавшійся отъ партіи, поведшій свою линію съ небольшимъ сравнительно числомъ членовъ партіи, прислалъ намъ рѣзкое, какъ нѣкоторые въ бюро Центральнаго Комитета выразились, дерзкое письмо, въ которомъ онъ упрекаетъ насъ, что мы (!) въ Москвѣ уклонились отъ линіи партіи. Никто не хотѣлъ вѣрить, что это могъ написать Милюковъ, говорили, что это апокрифъ. Такъ съ тѣхъ поръ и стало это письмо называться апокрифи-

---

* Организаціонная работа по подготовкѣ Зарубежнаго Съѣзда въ Парижѣ, показала, какой огромный трудъ требуетъ междупартійное объединеніе даже въ условіяхъ свободной работы. Можно себѣ представить, какъ трудны были всѣ эти перепетіи при подпольной работѣ, безъ возможности конференціи и при разобщенности. Вскорѣ Правый Центръ захирѣлъ и прекратилъ свое существованіе.

ческимъ. Лишь я, знавшій Милюкова съ моего дѣтства, около полувѣка, утверждалъ, что это Милюковское произведеніе. Пылкій Кизеветтеръ воскликнулъ: — «Вѣдь тогда его надо было бы исключить изъ партіи!»

Дѣло въ томъ, что Милюковъ самъ, сознательно или не сознательно, велъ постепенно къ выходу своему изъ партіи. Недовольный тѣмъ, что партія не поддержала его при выходѣ его изъ Временнаго правительства и вопреки его мнѣнія постановила посылать въ него своихъ членовъ, онъ въ 1918 году, уже игнорируя партію, повелъ, оторвавшись отъ нея, свою линію и окончательно разорвалъ съ партіей въ 1921 году въ Парижѣ, когда третій разъ остался въ меньшинствѣ и образовалъ тогда свою отколовшуюся «Демократическую» группу меньшинства. Лично я не упрекаю его въ расхожденіи съ партіей по существу. Въ мучительныхъ поискахъ спасенія Россіи, я убѣжденъ, и Скоропадскій, и Красновъ и многіе другіе дѣлали ставку на нѣмцевъ тоже изъ національныхъ, патріотическихъ побужденій. Я упрекаю его въ томъ, что онъ, ставя свое мнѣніе превыше всего, желая непремѣнно быть вождемъ, и въ то же время оставаясь въ важнѣйшихъ тактическихъ вопросахъ въ меньшинствѣ, поступилъ не общественно и не партійно, пренебрегая судьбой партіи, выше которой онъ ставилъ свое мнѣніе, свое я.

VI.

БѢГСТВО ИЗЪ МОСКВЫ.

Екатеринодаръ 1918-1919 г. г.

Въ Москвѣ уже нѣкоторые мои пріятели днемъ не выходятъ, кто отпустилъ, кто сократилъ бороду. Въ началѣ октября въ день выѣзда съ паспортомъ украинца Черниговской губерніи Зайцева, я тоже подстригъ бороду, чтобъ походить на хохла. Въ Москвѣ же я все время ходилъ по улицамъ въ своемъ видѣ. Какъ то на Никитскомъ бульварѣ сижу и читаю газету. Подходитъ такой видоизмѣненный знакомый и удивляется, что я не скрываюсь. — «Развѣ вы не видите, отвѣчаю я, я скрываюсь за газетой».

Черезъ Биркенгейма я съ трудомъ получилъ въ счетъ проданныхъ кооперативу досокъ, привезенныхъ въ Москву черезъ Нижній на баржахъ, съ моего Костромского завода, — 50.000 рублей, изъ коихъ себѣ взялъ 18.000, а остальные, къ сожалѣнію, оставилъ на расходы по имѣніямъ. Купилъ за 500 рублей четыре золотыхъ десятирублевки и одну десятимарковую, чтобъ подкупать на границѣ большевиковъ и нѣмцевъ. Мнѣ казалось тогда, что я заплатилъ очень дорого за золото. Жалѣю, что не купилъ его на всю сумму. Парспортъ купилъ черезъ полицейскій участокъ за 1.200 рублей.

Какъ мнѣ, такъ и многимъ другимъ помогъ въ полученіи разрѣшенія на выѣздъ мой партійный пріятель и сочленъ по К.-Д. Центральному Комитету А. Р. Ледниц-

кій, бывшій во главѣ польскаго ликвидаціоннаго комитета. Черезъ него же я досталъ пропускъ застрявшему на нелегальномъ положеніи члену французкой военной миссіи Эрлишу, депутату-соціалисту, которому при наличіи нѣмцевъ было особенно въ Москвѣ опасно.

Пришлось не мало мнѣ походить по большевицкимъ и украинскимъ учрежденіямъ и наконецъ я получилъ разрѣшеніе выѣхать въ украинскомъ теплушечномъ поѣздѣ. Пріѣзжаю около 10 октября на Брянскій вокзалъ — весь поѣздъ уже набитъ биткомъ и приходится ѣхать обратно. На слѣдующій день какая то дама, — распорядительница, сжалилась надо мной и втиснула меня въ теплушку того-же поѣзда. Никакъ не предполагалъ, что уѣзжаю изъ Москвы на такъ долго. Я уѣзжалъ за счетъ большевиковъ на даровомъ поѣздѣ для бѣжавшихъ съ мѣстъ боевъ украинцевъ при наступленіи нѣмцевъ. Даже чай и обѣдъ въ дорогѣ давали даромъ. Было произведено на безконечныхъ остановкахъ три поверхностныхъ обыска. Спичечную коробку съ золотыми я успѣвалъ при этомъ прятать въ траву около пути. Но на границѣ подкупать мнѣ, вопреки предсказаніямъ, никого не пришлось и эти пять золотыхъ сохранились до сихъ поръ въ видѣ моего неприкосновеннаго золотого фонда.

Черезъ два дня къ вечеру мы подъѣхали къ конечной русской станціи «Зерново», находящейся въ трехъ верстахъ отъ Хутора-Михайловскаго на нѣмецкой украинѣ. Въ тотъ же вечеръ комендантъ поѣзда, выбранный вагонными старостами (двустепенные выборы) отправился въ Хуторъ-Михайловскій съ бумагами для переговоровъ о принятіи нашей партіи. Поѣздъ былъ демократическій, и такъ какъ я одинъ изъ сотенъ пассажировъ говорилъ по нѣмецки, то просили и меня пойти съ нимъ.

Отойдя немного, мы встѣртили пограничный пикетъ съ пулеметами на желѣзнодрожной насыпи. На окрикъ мы объясняемъ и насъ пропускаютъ. Хуторъ-Михайловскій — большое мѣстечко при сахарномъ заводѣ Терещенко.

Нѣмецкіе часовые приводятъ въ комендатуру. Тамъ, просматриваютъ бумаги, приказываютъ пассажирамъ явиться завтра. Возвращаемся опять вдвоемъ въ лунную ночь благополучно, хотя насъ предупреждали, что въ пограничной полосѣ развился бандитизмъ. Въ сторонѣ слышны отдѣльные выстрѣлы. Большевицкій пикетъ насъ узнаетъ и пропускаетъ. Близъ поѣзда — живописный таборъ съ кострами. Пришлось еще ночь переночевать въ Рос... въ Совдепіи. На слѣдующій день нагружаемъ нашу поклажу на телѣги, которыя доставляютъ за дорогую плату крестьяне, и мы съ комендантомъ ведемъ партію въ сосѣднее государство. Длинная процедура у коменданта. Непріятное впечатлѣніе отъ того, какъ нѣмецкіе унтеры хворостинкой регулируютъ и направляютъ движеніе послушной русской толпы. Оказывается намъ придется прожить дней пять въ карантинѣ до дальнѣйшей отправки. Партіями насъ направляютъ въ карантинъ — ужасные, временные бараки для желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Мой баракъ помѣщался подъ самымъ желѣзнодорожнымъ мостомъ. Ночью очень холодно.

На слѣдующій день я рѣшилъ превратиться изъ Зайцева въ Долгорукова и проситься ѣхать далѣе, хотя доказательствъ моей личности никакихъ не имѣлъ. Къ счастью переводчикомъ у коменданта былъ служившій у Терещенко петроградскій кадетъ, который узналъ меня и подтвердилъ мое identité. Обѣщали меня отпустить. Прозябъ еще одну ночь въ баракѣ, а на утро пришелъ ко мнѣ переводчикъ и принесъ разрѣшеніе. Въ тотъ же день я выѣхалъ въ Кіевъ. Проѣзжая надъ бараками, я изъ вагона раскланялся съ моими компаньонами, которые навѣрно мнѣ завидовали. Оказывается какіе то студенты еще въ московскомъ поѣздѣ узнали меня.

Противно было смотрѣть, какъ въ вагонахъ нѣмецкій вахмистръ, попыхивая сигарой, что то разсказываетъ, объясняетъ жестами, а публика чуть не съ подобострастіемъ его слушаетъ, старается понять, поддакиваетъ по-

бѣдителю. Нѣмцевъ на станціяхъ почти нѣтъ, да и въ Кіевѣ войска мало видно.

Кіевъ съ апрѣля прошлаго года, когда я возвращался изъ поѣздки на фронтъ, мало внѣшне измѣнился. Статуя Столыпина съ пьедестала убрана. Скоропадскій возведенъ на гетманскій пьедесталъ. Распоряжаются нѣмцы. Кое гдѣ слѣды разрушенія. Остановился я у Д. Н. Григоровича-Барскаго, предсѣдателя Кіевскаго К.-Д. Комитета и пробылъ въ Кіевѣ дней десять.

Въ то время Кіевъ былъ первымъ бѣженскимъ этапомъ. Онъ былъ переполненъ московскими и петроградскими бѣженцами, интеллигенціей, аристократіей. Устраивались какіе то еженедѣльные обѣды съ публикой преумущественно яхтклубной. Олсуфьевъ повелъ меня на такой обѣдъ, но я чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ и что я тутъ лишній и скоро ушелъ. Олсуфьевъ потомъ мнѣ сказалъ, что ему досталось за мой приводъ. Послѣ обѣда Мятлевъ читалъ и пѣлъ свои талантливые, ѣдкіе памфлеты и куплеты на политическія злобы дня. Помню куплеты — «Ни гу-гу». Мой пріятель гр. Дмитрій Адамовичъ Олсуфьевъ жилъ тогда у своего родственника Скоропадскаго. Незадолго до его паденія онъ отъ него переѣхалъ. Тогда въ очередномъ памфлетѣ Мятлева была такая строфа:

«И учтя, что зрѣетъ драма,
Въ ночь изъ гетманскихъ хоромъ
Графъ Олсуфьевъ, сынъ Адама,
Переѣхалъ въ частный домъ».

Кто имѣлъ недвижимость в Малороссіи, спѣшилъ продать лѣсъ на срубъ, получить деньги подъ имѣнія, заводы. У таковыхъ съ утра околачивались евреи.

Тутъ же впервые открылось аристократическое кабарэ, которыхъ потомъ въ эмиграціи было не мало. Кое кто бросился въ спекуляцію, используя связи съ Скоро-

падскимъ и другими для полученія разрѣшенія на пропускъ вагоновъ товаровъ.

Такъ какъ въ гетманскомъ правительствѣ были и министры-кадеты, то у Григоровича-Барскаго бывали совѣщанія и разговоры по поводу дѣятельности министерства, въ которыхъ я не принималъ участія. Я не знакомъ съ дѣятельностью министерства, но со стороны оно почему то отдавало опереткой. Настоящая власть чувствовалась у нѣмцевъ.

Я не шовинистъ и не германофобъ. Но непріятно было ходить добиваться права на жительство, на выѣздъ въ нѣмецкія присутствія въ русскомъ древнемъ Кіевѣ. Каюсь: мнѣ менѣе претило посѣщеніе въ Москвѣ присутственныхъ мѣстъ большевиковъ, мною ненавидимыхъ и власть которыхъ мнѣ отвратительна. Это явленіе психологическое. А въ самомъ началѣ войны, въ разгаръ шовинизма, я же, какъ пасифистъ и предсѣдатель Общества Мира, на многолюдномъ собраніи этого Общества въ Москвѣ въ переполненной залѣ Политехническаго Музея возсталъ противъ погромовъ магазина съ вывѣсками нѣмецкихъ владѣльцевъ, высмѣивалъ переименованіе въ ресторанахъ филе по Гамбургски и Вѣнскаго шницеля въ филе славянскій и шницель по сербски, и, призывая къ отчаянной борьбѣ съ врагомъ, призывалъ и къ гуманному отношенію къ мирному нѣмецкому населенію, приводя слова французскаго соціалиста Вальяна въ 70-мъ году: — «Мы воюемъ съ германскимъ милитаризмомъ и имперіализмомъ, но не съ мирнымъ нѣмецкимъ народомъ». Въ юности мнѣ приходилось жить въ Германіи и мнѣ прирейнское и Баденское населеніе очень симпатично. И тѣмъ не менѣе спокойное пребываніе за гранью вражескихъ штыковъ въ Кіевѣ мнѣ болѣе претило, чѣмъ тѣмъ правымъ элементамъ, о которыхъ я говорилъ въ предыдущей главѣ.

Нѣмцы проявили себя хорошими администраторами. Въ частности отлично были организованы отправки сол-

датами пищевыхъ посылокъ въ Германію съ жирами, мукой и проч. Я видѣлъ на станціяхъ горы этихъ ящиковъ, которые посылались въ Германію цѣлыми поѣздами. Тамъ, какъ говорятъ, семьи солдатъ и офицеровъ продавали часть продуктовъ на сторону, такъ что Украина въ значительное степени питала оскудѣвшую Германію.

Въ это время и на Украинѣ уже замѣчалось въ нѣмецкихъ войскахъ начало разложенія и отзвуки начинавшейся въ Германіи ноябрьской революціи. Солдаты начали ругать Вильгельма и дисциплина въ отношеніи офицеровъ ослабѣла. Я это замѣтилъ по разговорамъ съ солдатами въ вагонахъ и на станціяхъ. Впослѣдствіи въ Бѣлградѣ М. В. Челноковъ разсказывалъ мнѣ, что онъ въ это время жилъ въ Черниговѣ и что жившій надъ нимъ старый нѣмецъ полковникъ плакалъ, когда говорилъ о настроеніи солдатъ и было слышно, какъ онъ цѣлыми ночами шагалъ по своей комнатѣ.

И въ Кіевѣ было много кадетскихъ засѣданій мѣстной группы и наличныхъ членовъ Центральнаго Комитета. Кромѣ мѣстныхъ членовъ Центральнаго Комитета припоминаю присутствіе Милюкова, Вернадскаго, Демидова. При личныхъ сношеніяхъ стирались углы и недоразумѣнія, возникшія вслѣдствіе разобщенности между Кіевлянами и Центральнымъ Комитетомъ въ Москвѣ. Но я доказывалъ, что мы въ Москвѣ, отнюдь не посягая на фактическую автономность Кіевлянъ кадетъ, какъ результата разобщенности, считали неправильнымъ образованіе самочиннаго формально автономнаго какого то Украинскаго Главнаго Комитета, непредусмотрѣннаго уставомъ, какъ бы вытекающаго изъ самостійности Украины. Совершенно аналогично провозглашенію автокефаліи заграничныхъ православныхъ церквей, безъ надобности отходящихъ отъ Тихоновской церкви, которая отнюдь не ограничивала ихъ фактическую автономію вслѣдствіе разобщенности. Ефимовскій, бывшій предсѣдатель Московской студенческой К.-Д. партіи, когда я былъ предсѣда-

телемъ Центральнаго Комитета, теперь въ Кіевѣ сблизившійся съ Шульгинымъ, сталъ въ прессѣ очень рѣзко нападать на Милюкова. Такъ какъ Ефимовскій не выходилъ изъ партіи и бывалъ на засѣданіяхъ мѣстной группы, то я имѣлъ съ нимъ сепаратный разговоръ о недопустимости выносить наружу и въ такой формѣ разногласія внутри партіи, да еще съ предсѣдателемъ Центральнаго Комитета. И на засѣданіи группы, не называя его, я высказалъ, что болѣе чѣмъ когда либо нужно поддерживать партійную дисциплину и что партія, извѣстная таковой, сумѣетъ настоять на ея соблюденіи. (Если теперь я и позволяю печатно и опредѣленно говорить о разногласіяхъ съ Милюковымъ, то потому, что это уже отошло въ область исторіи, а Милюковъ первый, въ публичныхъ выступленіяхъ и въ своей газетѣ отмежевался отъ партіи, отколовши меньшинство ея и признавая, что политическій водораздѣлъ якобы долженъ пройти по тѣлу партіи).

Тогда же, рѣзко расходясь съ тактикой Милюкова, я счелъ нужнымъ оградить его отъ публичныхъ выпадовъ младшаго нашего товарища. Впрочемъ Милюковъ, чувствуя свой разладъ съ партіей, тогда же въ Кіевѣ на первомъ засѣданіи членовъ Центральнаго Комитета заявилъ, что онъ слагаетъ съ себя званіе предсѣдателя Центральнаго Комитета, такъ что предсѣдательствовать на засѣданіяхъ пришлось мнѣ. Такъ какъ нѣмцы къ этому времени ослабли и одолѣніе ихъ союзниками было неминуемо, то и въ оріентаціи своей онъ поколебался. На бывшей тогда же въ Екатеринодарѣ конференціи, на которую онъ и многіе К.-Д. изъ Кіева поѣхали, онъ пошелъ въ Каноссу и принялъ позицію партіи по отношенію къ союзникамъ, которую мы съ такимъ трудомъ отстояли нашимъ московскимъ сидѣніемъ.

На конференцію я не поѣхалъ, такъ какъ достаточно пришлось поработать въ послѣднее время и надъ партій-

ными дѣлами и хотѣлось между Москвой и Екатеринодаромъ хоть немного отдохнуть въ Кіевѣ.

Изъ Кіева въ серединѣ октября я пріѣхалъ въ Ростовъ въ служебномъ вагонѣ съ какими то инженерами, а изъ Ростова въ Екатеринодаръ. Границы между нѣмецкой Украиной и казацко-Добрармейскими владѣніями какъ то не замѣтилъ. Въ Екатеринодарѣ я засталъ еще не уѣхавшихъ послѣ конференціи Милюкова, Родичева, Винавера и другихъ. Въ Екатеринодарѣ пришлось прожить десять мѣсяцевъ.

Милый Екатеринодаръ съ его пылью или грязью, съ его особняками, утопающими въ садахъ. «Сколько надеждъ дорогихъ» съ нимъ связано! Дѣловой провинціальный городъ, столица богатой Кубани, безъ претензій города — парвеню — Ростова, съ его интернаціональной публикой и аляповато безвкусной убогой роскошью домовъ.

Меня устроилъ членъ мѣстнаго Комитета К.-Д. партіи у богатаго мукомола Ерошова, гостепріимствомъ котораго я пользовался до самой его смерти отъ сыпного тифа.

Корнилова и Алексѣева я уже въ серединѣ октября 1918 года не засталъ, пріѣхавъ послѣ ихъ недавней смерти. Въ красивомъ склепѣ величественнаго собора покоился прахъ Алексѣева, впослѣдствіи оттуда увезенный, а могила Корнилова съ бѣлымъ деревяннымъ крестомъ была на возвышенномъ берегу Кубани въ пригородной фермѣ, гдѣ онъ былъ убитъ снярядомъ. Впослѣдствіи гробъ его, перенесенный въ другое мѣсто, былъ найденъ большевиками и тѣло Корнилова, привязанное къ лошади, таскалось на поруганіе по улицамъ Екатеринодара.

Въ одинъ изъ поминальныхъ дней я былъ на панихидѣ у могилы Корнилова въ присутствіи Деникина и всей его ставки, на которой замѣчатльно краснорѣчивый и горячій ораторъ Эрлишъ произнесъ по русски рѣчь, пробившую слезу у присутствовавшихъ. Эрлишъ, котораго я

мелькомъ видѣлъ и въ Кіевѣ, гдѣ онъ скрывался отъ нѣмцевъ, былъ здѣсь военнымъ агентомъ, а потомъ состоялъ при французской военной миссіи.

Не состоя ни въ какой должности, я Деникина видалъ очень рѣдко, считая, что Главнокомандующаго слѣдуетъ возможно менѣе отвлекать гражданскими дѣлами (а къ нему лѣзъ всякій), по каковымъ бывалъ у его помощника, генерала Драгомирова.

Деникинъ производилъ прекрасное впечатлѣніе своей прямотой, простотой и рыцарствомъ. Бывшій въ Добрарміи съ ея зарожденія, Быховскій узникъ, на немъ былъ ореолъ сподвижничества съ Алексѣевымъ и Корниловымъ, преемникомъ коихъ онъ былъ. Но въ тотъ періодъ, когда я его засталъ, у него уже замѣчались признаки утомленія и разочарованности. Благодаря за привѣтъ, который я ему привезъ отъ москвичей, онъ мнѣ тутъ же сказалъ, какъ трудно ему работать, какъ мало подходящихъ людей, какъ «опошлились» теперь люди.

Посильное ли бремя на него свалилось? Онъ недавно женился и почти не выѣзжалъ на фронтъ, а впослѣдствіи изъ Таганрога или изъ своего вагона. Онъ всей своей персоной внушалъ къ себѣ довѣріе и уваженіе, но могъ ли онъ воодушевить людей на смерть? Конечно онъ готовъ былъ самъ умереть за Россію, какъ и его предшественники, но была ли въ немъ потенціальная энергія вождя и диктатора? Былъ ли онъ достаточно властенъ? По моему нѣтъ. Компетентный приговоръ вынесетъ исторія изъ многочисленныхъ данныхъ, я же высказываю лишь мои сомнѣнія и мое мнѣніе на основаніи личнаго впечатлѣнія. Вся моя дѣятельность тогда, какъ и моихъ товарищей, была разумѣется направлена къ всемѣрной его поддержкѣ, такъ какъ въ силѣ его власти мы видѣли наше спасеніе, спасеніе Россіи.

Другой упрекъ, который дѣлаютъ Деникину, что у него не было достаточно гибкости въ переговорахъ съ государственными новообразованіями (Украина, Грузія,

Крымъ, Казачество). Въ этихъ крайне сложныхъ, болѣзненныхъ вопросахъ не то внѣшней, скорѣе внутренней политики, мнѣ кажется, скорѣе былъ допущенъ невѣрный тонъ въ переговорахъ, чѣмъ ошибочныя мѣропріятія, тонъ слишкомъ великодержавный.

Но эти «областные» вопросы, хотя бы казачій, ужасно осложняли задачу Командованія. Съ одной стороны — пребываніе на казачьей землѣ и комплектованіе арміи главнымъ образомъ казаками, съ другой стороны — демагоги Кубанской Рады и Донского Круга своими самостійными устремленіями тутъ же все время деморализируютъ тылъ и создаютъ внутренній фронтъ.

Рада засѣдала недалеко отъ моей квартиры въ театрѣ и я часто бывалъ въ ней.

Торжественное засѣданіе Рады въ присутствіи Деникина. Онъ произноситъ прекрасную рѣчь, обрисовывая общія національныя лозунги Добрарміи и роль въ возсозданіи Россіи казачества, на самобытность и самоуправленіе котораго никто не посягаетъ. Вся Рада встаетъ, бурная овація, а потомъ, въ обыденной обстановкѣ, — подтачивающая работа самостійниковъ Быча, Рябовола и другихъ. Вскорѣ послѣдовало убійство Рябовола при таинственной обстановкѣ, въ которомъ обвиняли Командованіе.

Рѣчи въ Радѣ обнаруживали убожество и политическую малограмотность ея членовъ. На одномъ изъ засѣданій присутствовалъ предсѣдатель Донского Круга Харламовъ, мой пріятель по партіи и по фракціи во второй Думѣ. Онъ милый, прекрасный человѣкъ, былъ очень хорошимъ учителемъ, рядовымъ, ничѣмъ особенно себя не заявившимъ членомъ Думы и видной государственной особой на Дону... тонъ и стиль дѣятельности которой былъ мелкаго калибра. И въ привѣтственной рѣчи, произнесенной въ Радѣ, которая конечно была восторженно принята, черезъ два слова въ третье — демократія, демократизмъ, мы демократы. Все почти содержаніе рѣчи исчерпывалось

и выѣзжало на демократіи во всѣхъ видахъ, падежахъ и числахъ.

А вѣдь настоящій демократизмъ не требуетъ постояннаго подчеркиванія и провозглашенія. Только Милюковско-Винаверскій демократизмъ, къ которому впослѣдствіи примкнулъ и Харламовъ, могъ придумать — «Демократическую группу Конституціонно-Демократической партіи», этотъ демократизмъ въ квадратѣ!

Иногда настроеніе въ Радѣ бывало очень бурное. Деникину нельзя было отказать въ личномъ обояніи. Работавшіе при немъ въ Особомъ Совѣщаніи мои друзья, Астровъ, Федоровъ и Степановъ были безъ лести ему преданы.

Апогеемъ популярности Деникина былъ моментъ признанія имъ власти Колчака. На обѣдѣ, данномъ въ честь англійскаго генерала, онъ такъ просто и неожиданно сдѣлалъ этотъ патріотическій жестъ, сказавъ, что для пользы Родины, онъ подчиняется Адмиралу Колчаку, что многіе заплакали, нѣкоторые бросились цѣловать ему руку. Невольно прошибало слезу и послѣ обѣда, когда онъ на парадѣ у собора провозгласилъ передъ гарнизономъ — «ура, Верховному Правителю Россіи Адмиралу Колчаку», столь еще дальнему, изъ Сибири идущему, на освобожденіе Россіи. Безкорыстный, самоотверженный патріотизмъ Деникина былъ внѣ сомнѣнія.

Особое Совѣщаніе при Правительствѣ Деникина было довольно грузнымъ совѣщательнымъ аппаратомъ гражданскаго управленія, состоящемъ изъ министровъ и лицъ безъ портфелей. Въ немъ было много треній. Среди правыхъ и нѣкоторыхъ военныхъ онъ былъ не популяренъ, какъ слишкомъ «кадетскій».

Членовъ Центральнаго Комитета — К.-Д. партіи въ Екатеринодарѣ было человѣкъ 7-8, мы постоянно собирались и направляли дѣятельность Національнаго Центра, мѣстной К.-Д. группы Ростовскаго Областного Комитета, и, по возможности, всей партіи на югѣ Россіи.

Мы всецѣло старались поддерживать надпартійную національную общественную работу и диктатуру Деникина, за что были и не въ милости у нѣкоторыхъ разобщенныхъ съ нами товарищей, находившихъ, что мы «отступаемъ отъ духа и программы партіи» (!).

Засѣданій партійныхъ и Національнаго Центра было множество. Я организовалъ и выступалъ на многочисленныхъ публичныхъ собраніяхъ Національнаго Центра въ Екатеринодарѣ и другихъ городахъ.

Я былъ товарищемъ предсѣдателя Національнаго Центра, а предсѣдателемъ былъ энергичный, неутомимый М. М. Федоровъ, человѣкъ уже не молодой, вѣчно въ хлопотахъ, достающій деньги, весь день бѣгающій по городу. И въ страшно душные здѣсь лѣтніе дни, въ черномъ сюртукѣ, красный и потный, передъ вечерними засѣданіями онъ успѣетъ побывать въ банкахъ, убѣждая жертвовать на армію и организаціи, у министровъ, у иностранныхъ представителей, у генераловъ. Когда у нихъ не было пріемовъ, онъ къ нимъ врывался со двора, что давало поводъ нашимъ недоброжелателямъ говорить, что кадеты ходятъ интриговать съ задняго крыльца. Онъ былъ членомъ Особаго Совѣщанія безъ портфеля, какъ и Н. И. Астровъ. Послѣднему была поручена разработка земскаго и городского самоуправленія для отвоеванныхъ мѣстъ. У него на квартирѣ происходили безконечныя засѣданія комиссіи, вырабатывающей это положеніе. Я въ ней не участвовалъ, но со стороны мнѣ казалось, что проэктъ вырабатывался уже слишкомъ детально и академично по обстоятельствамъ времени.

В. А. Степановъ, сблизившійся еще съ Кіева лично и политически съ Шульгинымъ, былъ главой контроля у Деникина. Онъ болѣе занимался общей политикой, чѣмъ работавшимъ по извѣстному шаблону контрольнымъ аппаратомъ; къ тому же у него былъ зудъ передвиженія и онъ не сидѣлъ болѣе 2-3 недѣль на мѣстѣ; онъ постоян-

но уѣзжалъ, то въ Ростовъ, то въ Одессу, то въ Крымъ, то въ Константинополь.

П. И. Новгородцевъ уклонялся отъ официіальныхъ выступленій и предложеннаго ему завѣдованія Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, такъ какъ боялся за свою семью, оставшуюся въ Россіи, но негласно онъ принималъ участіе, какъ въ нашихъ общественныхъ дѣлахъ, такъ и въ разработкѣ законопроэктовъ Особаго Совѣщанія. Мы его всячески щадили и оберегали изъ за его боязни за семью. Но впослѣдствіи въ Севастополѣ и заграницей, когда его семья уже выѣхала изъ Россіи, онъ уклонялся отъ активной политической работы и ударился въ аполитизмъ, чѣмъ, какъ вліятельный профессоръ въ Прагѣ, былъ по моему даже вреденъ, и мы большіе съ нимъ пріятели и сосѣди по Москвѣ и еще сблизившіеся на югѣ, ожесточенно по этому поводу спорили. Я ему доказывалъ, что аполитизмъ при борьбѣ съ большевиками — это пассивная помощь большевикамъ и что у молодежи аполитизмъ зачастую ведетъ къ смѣновѣховству. Теперь послѣ смерти Новгородцева, я думаю, что это явилось у него въ связи съ физически надорваннымъ организмомъ и общимъ разочарованіемъ.

П. П. Гронскій былъ вродѣ товарища министра Внутреннихъ Дѣлъ. Онъ отличался внѣшней порывистостью и дѣлалъ все какъ то съ налета. Въ ближайшіе свои помощники онъ привлекъ Соловейчика. Къ разсмотрѣнію какого то его проэкта былъ привлеченъ и Новгородцевъ, нашедшій проэктъ безграмотнымъ съ точки зрѣнія государственнаго права. На засѣданіи онъ уничтожающе раскритиковалъ проэктъ и приперъ Гронскаго къ стѣнѣ и тотъ долженъ былъ сознаться, что онъ недостаточно ознакомился с представленнымъ имъ проэктомъ.

Въ Министры Внутреннихъ Дѣлъ былъ намѣченъ Донской сенаторъ Носовичъ. Мы съ М. М. Федоровымъ поѣхали за нимъ въ Новочеркасскъ, но онъ оттуда неизвѣстно куда уѣхалъ. Такъ какъ въ министры хотѣли почему

то назначить изъ судейскихъ, то я вспомнилъ о Н. Н. Чебышевѣ, бывшемъ въ Москвѣ прокуроромъ, хорошемъ судебномъ ораторѣ и сумѣвшемъ при Щегловитовѣ отстоять свою независимость отъ административнаго давленія. Потомъ эту кандидатуру обсуждали въ Національномъ Центрѣ и въ Особомъ Совѣщаніи и онъ былъ назначенъ министромъ. Не помню почему онъ потомъ передъ Ростовомъ былъ замѣненъ Носовичемъ.

Кромѣ меня, Астрова, Паниной, Степанова и Новгордцева, были здѣсь еще члены К.-Д. — Центральнаго Комитета К. Н. Волковъ, который былъ командированъ въ Сибирь къ Колчаку съ Червенъ-Водали, котораго большевики разстрѣляли. К. Н. Соколовъ начальникъ освѣдомительнаго бюро-Освага, А. В. Тыркова, пріѣхавшая надолго изъ Англіи с мужемъ сотрудникомъ «Times'a» Вильямсъ и П. П. Юреневъ, инженеръ, дѣятельный и хорошій организаторъ, кандидатура котораго въ Министры Путей Сообщеній была отклонена, какъ члена Временнаго правительства и какъ слишкомъ лѣвая. Отклонена была и кандидатура въ министры Внутреннихъ Дѣлъ В. Ф. Зеелера, энергичнаго Ростовскаго общественнаго дѣятеля и предсѣдателя областнаго К.-Д. Комитета, а также кандидатура въ министры Земледѣлія К.-Д., Н. Н. Ковалевскаго (въ пользу А. Д. Билимовича). Упреки Деникина со стороны правыхъ въ засиліи у него Кадетовъ были неправильны, такъ какъ они были въ значительномъ меньшинствѣ въ правительствѣ.

Какъ я уже говорилъ, вся дѣятельность нашей партіи была направлена на внѣпартійное объединеніе Національнаго Центра и, при его посредствѣ, — на болѣе широкое объединеніе. Намъ удалось подчеркнуть такое наше стремленіе на устроенномъ нами въ переполненномъ театрѣ торжественномъ объединенномъ засѣданіи Національнаго Центра, Союза Возрожденія (слѣва) и монархистовъ (справа). Отъ насъ ораторомъ выступилъ Астровъ, отъ Союза Возрожденія (Народные-Соціалисты Мякотинъ,

И. П. Алексинскій, Титовъ и другіе) и отъ монархистовъ Н. В. Савичъ, который вызвалъ громъ аплодисментовъ сказавъ, что онъ убѣжденный монархистъ, но если посверженіи большевиковъ въ Россіи будетъ республика, онъ ей присягнетъ и будетъ ей служить.

Такую простую и правильную мысль центральныя политическія группы проводятъ уже восьмой годъ, но зарубежная общественность все толчется почти на одномъ мѣстѣ и на происходящемъ теперь въ Парижѣ Зарубежномъ Съѣздѣ правые монархисты туго и нехотя свертываютъ свои партійныя знамена, а лѣвые не пришли на Съѣздъ и въ ихъ рядахъ что то не слышно, чтобъ они, убѣжденные республиканцы, готовы были присягнуть монарху, если монархія будетъ возстановлена. Имъ также трудно, или какъ видно даже труднѣе, чѣмъ крайнимъ правымъ отрѣшиться отъ узкой партійности и возвыситься до нацональной надпартійной высоты.

Въ газетахъ появились свѣдѣнія, что въ Омскѣ осуществленъ блокъ изъ Союза Возрожденія, К.-Д., Торгово-Промышленниковъ, Кооператоровъ и другихъ группъ.

Въ то же время мы получили изъ Москвы письмо отъ Н. Н. Щепкина, вскорѣ потомъ съ другими нашими друзьями разстрѣляннаго, онъ пишетъ, что и они осуществляютъ широкій политическій фронтъ. Они категорически заявляютъ о необходимости соглашенія справа на лѣво на одной временной платформѣ и говорятъ, что такое соглашеніе у нихъ уже состоялось между Союзомъ Возрожденія, Національнымъ Центромъ и группой общественныхъ дѣятелей, а черезъ нея направо съ монархистами-конституціоналистами, причемъ они признали, что при всѣхъ програмныхъ различіяхъ всѣ здоровые патріотическіе элементы должны объединяться на ближайшихъ тактическихъ задачахъ. Они полагаютъ, что между этими группами могутъ быть разное отношеніе къ той власти, которая эти задачи осуществитъ, но какова бы она ни была въ настоящій моментъ, если за ней идутъ войска

и она обладаетъ достаточной мощью, чтобы освободить Россію отъ большевиковъ и возстановить ея государственное единство, — она должна быть признана всѣми.

Въ то же время по вопросамъ грядущаго соціальнаго и политическаго бытія Россіи отдѣльныя группы и партіи остаются каждая при своихъ убѣжденіяхъ. Въ заключеніи друзья мои пишутъ, что демократическіе круги, примыкающіе къ Народнымъ Соціалистамъ, солидарны съ ними и по ихъ мнѣнію мы будемъ безсильны и для нихъ непонятны, если не объединимся. Они предлагаютъ намъ устыдить тѣхъ политическихъ дѣятелей и тѣ партіи, которые дѣйствуютъ иначе. Будучи разобщены съ югомъ и плохо информированы, они съ тревогой спрашиваютъ о нашихъ настроеніяхъ.

Въ началѣ зимы я съ нѣсколькими членами Центральнаго Комитета партіи ѣздилъ въ Ялту на засѣданіе Центральнаго Комитета съ жившими тамъ членами его Петрункевичемъ, Родичевымъ и Крымскими министрами Винаверомъ и Набоковымъ. Такъ какъ престарѣлый И И. Петрункевичъ жилъ въ прелестной Гаспрѣ, принадлежащей его падчерицѣ гр. Паниной, которая тоже тамъ остановилась, то большая часть засѣданій происходила тамъ и ѣздили мы въ автомобиляхъ министровъ (символъ власти). Со мной пріѣхали еще Астровъ, Степановъ и Новгородцевъ. Въ Ялтѣ было большое скопленіе бѣженцевъ, она имѣла почти свой обычный оживленный видъ. Въ Ялтѣ мы засѣдали на дачѣ В. В. Келлера. Хотя не безъ труда, но все таки, мы старые товарищи по партіи, сошлись на общихъ тактическихъ резолюціяхъ, путемъ личнаго общенія, свиданій и выяснивъ начавшіяся уже тогда нѣкоторыя разногласія между крымчаками и Деникинцами. Между Крымскимъ правительствомъ и Деникинымъ происходили постоянныя тренія изъ за тона взаимоотношеній скорѣе, чѣмъ по существу. Тонъ у Деникина, какъ я говорилъ, вообще былъ слишкомъ великодержавный, а Крымское правительство пожалуй слишкомъ держалось

за свою автономную власть, ссылаясь на свое происхожденіе, тогда какъ оно управляло всего лишь одной губерніей или скорѣе частью Таврической губерніи, тогда какъ континентальная ея часть, по ту сторону Перекопа была еще во власти большевиковъ. Но, разумѣется, никто изъ членовъ Крымскаго правительства не былъ самостійникомъ и смотрѣли они на свою власть, какъ на временную. Потому предубѣжденіе Командованія противъ ихъ тона, ихъ игры во власть, было неосновательно и съ нѣкоторыми разногласіями (напримѣръ нормальная, болѣе медленная юстиція, а не военный судъ), можно было бы помириться, кое въ чемъ договориться, принимая во вниманіе пользу ихъ управленія и порядокъ ими установленный.

Незадолго передъ этимъ былъ близъ Ялты таинственно убитъ мой пріятель, долго жившій въ моемъ домѣ, Московскій фабрикантъ французъ Гужонъ, человѣкъ выдающейся энергіи и способностей. Убійцы не обнаружены, но молва упорно приписывала преступленіе кружку гвардейскихъ офицеровъ, убившихъ его не то за его германофильство (!?), не то за непочтительный отзывъ о членахъ Императорской фамиліи (?).

На обратномъ пути изъ Ялты въ Новороссійсъ мы попали въ штормъ со снѣгомъ и такъ какъ каюты были переполнены и всѣ страдали отъ качки, то я ночью на палубѣ чуть не замерзъ и около Феодосіи меня совсѣмъ окоченѣлаго едва свели въ каюту.

Во главѣ освѣдомительнаго бюро или «Освага» стоялъ профессоръ К. Н. Соколовъ. Это учрежденіе всѣ ругали и оно оставило по себѣ плохую память. Но въ то же время, казалось бы, что общественныя силы мѣстныя и пріѣзжія, сами бы должны были организовать въ тылу и въ освобожденныхъ губерніяхъ противобольшевицкую пропаганду, хотя бы въ мѣстномъ масштабѣ. Дѣло это общественное и помогло бы Командованію. Но общественные элементы, въ томъ числѣ и наши мѣстныя кадет-

скія группы, какъ я ни старался ихъ побудить къ тому, не проявили ни въ Екатеринодарѣ, ни въ Ростовѣ и въ другихъ мѣстахъ никакой инициативы.

Соколовъ, располагавшій большими средствами на пропаганду, придалъ организаціи очень бюрократическій характеръ и не пытался придать ей мало мальски общественный характеръ. Во главѣ отвѣтственныхъ отдѣловъ стояли люди совершенно ничтожные въ общественно-политическомъ отношеніи. Общій тонъ Освагу былъ приданъ неподходящій. Что же касается по существу и объему произведенной работы, то Соколовъ, самъ человѣкъ выдающейся эрудиціи и хорошій работникъ, сдѣлалъ очень много и въ общемъ я являюсь убѣжденнымъ защитникомъ Освага отъ несправедливыхъ нареканій. Выставка Освага въ Ростовѣ показала, какая огромная работа была произведена. Несмотря на плохую репутацію Освага, я не гнушался все время работать съ нимъ рука объ руку, устраивая при его технической помощи многочисленныя публичныя собранія, на которыхъ самъ выступалъ и привлекалъ другихъ, въ Екатеринодарѣ, Ростовѣ и другихъ городахъ, издалъ брошюру, писалъ статьи черезъ Pycпрессъ и т. д. И зная дѣло не только съ показной стороны, по выставкѣ, но и по существу, я удостовѣряю, что при трудныхъ обстоятельствахъ и деморализаціи того времени, сдѣлано было очень много и огульныя нападки на Соколова несправедливы. Поводъ къ нареканіямъ имъ давался отъ внѣшнихъ пріемовъ работы, отъ тона Освага, который портилъ музыку далеко не плохую по существу.

Значительное оживленіе и надежды привезли намъ союзники, сначала французы, а потомъ и англичане. Подъемъ былъ огромный. Весело ѣхали мы встрѣчать французовъ въ спеціальномъ поѣздѣ въ Новороссійскъ. Музыка, флаги, толпа. Большой банкетъ подъ предсѣдательствомъ Кутепова, бывшаго тогда въ Новороссійскѣ военнымъ губернаторомъ, почему то временно не въ

строю. Блестящая рѣчь Эрлиша. Такая же встрѣча въ Екатеринодарѣ.

Если въ Крымскій періодъ Врангелю болѣе помогали французы, то Деникину болѣе помогали англичане, во главѣ военной миссіи которыхъ стояли симпатичные, энергичные генералы, Пуль, потомъ Бриггсъ, который помогъ даже въ разрѣшеніи конфликта Деникина съ Красновымъ. Послѣдній въ свое время опиравшійся на нѣмцевъ, атаманъ Войска Донского, самъ хорошій администраторъ, много при ихъ содѣйствіи сдѣлавшій для возсозданія Донскихъ частей, не хотѣлъ подчиниться Деникину, который въ интересахъ единаго Командованія, преемственно державшійся все время союзнической оріентаціи, при поддержкѣ общественнаго мнѣнія и союзниковъ, тщетно добивался этого объединенія и подчиненія. Генералъ Бриггсъ ѣздилъ въ Ростовъ и добился того, что Красновъ пріѣхалъ на пограничную станцію между Кубанской и Донской областями, гдѣ у него произошло въ вагонѣ свиданіе съ Деникинымъ, на которомъ единое Командованіе, при извѣстной автономіи Донцовъ, было достигнуто. Вскорѣ Красновъ ушелъ и уступилъ мѣсто А. Богаевскому.

Трудно предположить, чтобы англичане допустили, чтобъ въ конфликтъ между двумя своими генералами вмѣшался бы русскій генералъ!

Англичане, правда старыми остатками отъ войны, дѣйствительно очень широко помогали матеріально: оружіемъ, снаряженіемъ, обмундировкой, обувью, консервами обтрепанной и во всемъ нуждавшейся Добрарміи. Френчи и тяжелыя ботинки распространились по всей ея территоріи и, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, появились и на базарахъ и на гражданскомъ населеніи. Прогрессирующая дороговизна отразилась главнымъ образомъ на мануфактурѣ, на тканяхъ. Я, какъ и многіе другіе, щеголялъ лѣтомъ въ курткѣ, сшитой изъ мѣшковъ. Англійское старье пришлось очень кстати.

Руссофильское англійское военное вѣдомство, руководимое Черчилемъ, только и могло помогать намъ остатками, не требуя новыхъ кредитовъ, въ которыхъ парламентъ отказалъ бы. Офиціально англійской интеревенціи не было и впослѣдствіи Черчиля обвиняли, что онъ помогалъ Добрарміи не только безъ одобренія парламента, но и безъ разрѣшенія правительства, во главѣ котораго стоялъ далеко намъ не дружелюбный Ллойдъ-Джоржъ. И при этихъ обстоятельствахъ находились у насъ хамы-критики съ претензіей, что англичане снабжаютъ насъ рванью, — на самомъ же дѣлѣ очень добророкачественнымъ старьемъ.

Эта двойственность англійской политики нами осязалась. Съ одной стороны — широкая дружественная помощь военнаго министра, съ другой — тутъ же подъ бокомъ въ Грузіи, политика ихъ министерства Иностранныхъ Дѣлъ, поощрявшая отдѣленіе Грузіи и грузинскихъ меньшевиковъ, подготовлявшихъ какъ и въ Россіи, приходъ большевиковъ. Положеніе дѣйствительно создавалось трудное, такъ какъ въ тылу Добрарміи уже возникли совдепы и ее и Деникина открыто ругали и были явно враждебное настроеніе и дѣйствія. Какъ я говорилъ, въ великодержавномъ тонѣ и вообще въ дипломатіи Деникина были ошибки, но образованіе такого тыла подъ протекторатомъ и при содѣйствіи англичанъ было невыносимо. Генералы Пуль и Бриггсъ отлично это чувствовали, доносили объ этомъ Черчилю, но не въ его было силахъ уничтожить эту двойственность англійской политики. Двойственность политики союзниковь еще обнаруживалась, когда они воспрепятствовали продвиженію отряда полковника Бермонтъ изъ Курляндіи одновременно съ продвиженіемъ Деникина на Москву. Одной рукой давали, другой мѣшали.

Особенный восторгъ возбудили привезенные англичанами танки. Они стояли и маневрировали для обученія русскихъ на лугу за городскимъ паркомъ. Изъ этого пар-

ка, вечеромъ очень оживленнаго, съ хорошимъ казачьимъ оркестромъ и чудными аллеями каштановъ, открывался видъ на предгорье Кавказскаго хребта по направленію Майкопа. На лугу между этимъ паркомъ и желѣзнодорожнымъ мостомъ черезъ Кубань переваливающіеся черезъ рвы и валы, подминающіе подъ себя деревца и кустарники, танки первые дни собирали большую толпу любопытныхъ.

Кромѣ матеріальной и инструкторской помощи Добрармія отъ союзниковъ ничего не получила. Да врядъ ли и можно было бы заставить англичанъ сражаться за Россію. Солдаты были плохо дисциплинированы, смотрѣли на свое пребываніе, какъ на пикникъ и сильно пьянствовали. Въ Екатеринодарѣ по вечерамъ постоянно происходили буйства и драки. Разъ я наткнулся на избіеніе пьяными солдатами своего товарища, у котораго лицо было все въ крови. Англичане очень жестоки, когда пьяны. Я пробовалъ было на плохомъ англійскомъ языкѣ объяснить имъ, что въ Россіи боксъ не полагается, но чуть чуть самъ ему не подвергся и былъ ими обруганъ. Врядъ ли городовой, котораго я прислалъ съ главной улицы, могъ что нибудь съ ними сдѣлать. Другой разъ въ ресторанѣ, въ которомъ я сидѣлъ, солдатъ началъ пальбу. Его едва разоружили и отвели къ коменданту. Ежедневно пьяные, буйствующіе англійскіе солдаты приводились къ коменданту, который ихъ передавалъ англійскому командованію. Тамъ съ ними, говорять, строго поступали, посылали въ Новороссійскъ на суда подъ арестъ и отсылали въ Англію.

Еще въ январѣ генералъ Шкуро освободилъ отъ большевиковъ Минеральныя Воды съ большимъ количествомъ согнанныхъ туда, какъ стая куропатокъ въ бурю, припертыхъ къ Кавказскому хребту бѣженцевъ, изъ которыхъ многіе были разстрѣляны въ Пятигорскѣ (Генералы Рузскій, Радко-Дмитріевъ и др.). Съ первымъ же поѣздомъ я проѣхалъ въ Кисловодскъ къ жившему тамъ съ

семьей и скрывавшемуся при большевикахъ брату. Вотъ какъ я описываю Кисловодскъ въ интервью («Свободная Рѣчь» № 17, 1919 г.).

— «Я пробылъ въ Кисловодскѣ около двухъ сутокъ. Ѣхалъ быстро и удобно въ служебномъ поѣздѣ. Пассажирское движеніе еще не открылось. Теперь уже въ Кисловодскѣ длинная вереница получающихъ пропуски на выѣздъ. Всѣ желающіе покинуть Воды послѣ вынужденнаго длительнаго пребыванія выѣдутъ очень не скоро. Станціи, сравнительно съ германскимъ и австрійскимъ фронтомъ, пострадали незначительно. По разрушеніямъ выясняется партизанскій характеръ войны. Только кое гдѣ стекла выбиты. Сильно поврежденъ телеграфъ: столбы повалены, проволка спутана. Нерѣдко по бокамъ полотна лежатъ вагоны колесами вверхъ. Не мало и погорѣлыхъ остововъ. Даже станція Курсавка и Суворовская, гдѣ было столько боевъ, на видъ мало пострадали.

Близъ станціи Минеральныя Воды сильно повреждены два моста черезъ Куму и поѣздъ тихонько перебирается по возстановленному одному изъ путей. Въ самомъ Кисловодскѣ разрушеній тоже немного. Я видѣлъ только одинъ домъ въ центрѣ изрѣшетенный пулеметами. Тополевая аллея вырублена въ началѣ, саженей тридцать, остальная не тронута. По всему парку вырублено не мало деревьевъ, но онъ не особенно пострадалъ. На Рождествѣ въ Кисловодскѣ и Ессентукахъ столичная аристократія и буржуазія проявила вандализмъ во всякомъ случаѣ не меньшій, чѣмъ большевики, вырубая для дѣтей посаженныя въ паркахъ елочки.

Кисловодскъ еще переполненъ. Многіе возвращаются изъ Баталпашинска и изъ окрестныхъ станицъ. Въ день моего пріѣзда изъ Кисловодска ѣздили въ спеціальномъ вагонѣ въ Пятигорскъ родственники главнымъ образомъ родственницы разстрѣлянныхъ подъ Машукомъ (г-жа Рузская и друг.) опозновать откопанные трупы.

Кромѣ террора и холода, страшную нужду испытывали въ продовольствiи и въ одеждѣ. Вотъ цѣны послѣдняго времени: десятокъ яицъ — 45 руб. *, коробка спичекъ — 5-7 руб., большая катушка нитокъ — 100-125 руб. Вмѣсто чая — роза, морковь; сахару давно нѣтъ. Хлѣбъ мѣшанный изъ кукрузы и ячменя. Разумѣется, недоѣданiе и у зажиточныхъ очень большое. Большинство сами все дѣлаютъ. Тифъ свирѣпствуетъ. Часть города и домовъ освѣщена электричествомъ, а половина — погружена во мракъ, такъ какъ большевики увезли динамо.

Въ Грандъ-Отелѣ, гдѣ я провелъ одну ночь, морозъ, комнаты не отапливаются, пыль, грязь. Только что начинаютъ прибирать. Нельзя достать даже кипятку. Всѣ магазины, булочныя заколочены. Дѣйствуютъ 2-3 ресторанчика, въ кафе-паркѣ играетъ даже оркестръ.

Вообще отъ Кисловодска обычно столь оживленнаго впечатлѣнiе давящее, удручающее. Жизнь только начинаетъ пробиваться.

Въ самомъ центрѣ на пригоркѣ близъ Тополевой аллеи поставлены теперь для большевиковъ двѣ висѣлицы. Въ день моего прiѣзда на одной изъ нихъ висѣлъ цѣлыя сутки молодой парень, какъ гласитъ расклеенный приказъ, за отказъ сдать оружiе. Онъ въ одномъ бѣльѣ и бѣлое пятно, покачивающееся на вѣтрѣ, видно отовсюду, изъ оконъ гостинницъ, съ Тополевой аллеи.

Первый набѣгъ Шкуро на Минеральныя Воды былъ неудаченъ; ему пришлось отступить и это вызвало кровавую расправу съ бѣженцами. Лишь послѣ второго наступленiя Минеральная группа была окончательно взята.

Съ молодыми генералами партизанскаго типа Шкуро и Покровскимъ я видался въ Екатеринодарѣ. Шкуро вспомнилъ, что онъ бывалъ въ моемъ отрядѣ Союза Городовъ въ началѣ войны въ Тарновѣ, когда онъ совсѣмъ

* А черезъ годъ я платилъ въ Сочи 1.000 р. за десятокъ.

молодымъ офицеромъ съ товарищами приходилъ пить чай къ намъ и подарилъ моей племянницѣ — сестрѣ милосердія кавказскій красный башлыкъ. Теперь генералъ, онъ имѣлъ и несомнѣнныя качества и недостатки молодого партизанскаго героя; Покровскій геройски погибъ въ 1921 году въ Болгаріи во время Стамболійскаго, друга большевиковъ, когда онъ — Покровскій готовилъ смѣлый набѣгъ въ Россію.

Тифъ, какъ и повсюду, въ Екатеринодарѣ страшно развивался. На кладбище маленькаго Екатеринодара во время похоронъ моего хозяина Ерошова, умершаго отъ тифа, подошло 5-6 похоронныхъ процессій. Мрачная картина, напомнившая сцену изъ «Пира во время чумы» въ Художественномъ театрѣ.

Послѣ смерти Ерошова я переѣхалъ въ типичный для Екатеринодара домикъ. Здѣсь ежедневно мы обѣдали съ столовавшимся у моей хозяйки П. И. Новгородцевымъ въ садикѣ полномъ цвѣтовъ, цвѣтущихъ весной деревьевъ, лѣтомъ покрытыхъ черешнями.

Въ это время происходило удачное продвиженіе на Москву. Деникинъ переѣхалъ въ Таганрогъ, а въ самомъ началѣ августа 1919 года мы всѣ, большинство учрежденій и все гражданское управленіе — въ Ростовъ. Чтобы передать наше настроеніе при этомъ переѣздѣ, приведу здѣсь двѣ мои статьи въ №№ 169 и 170 «Свободной Рѣчи».

1. Прощаніе съ Кубанью.

«Ставка и гражданское управленіе Главнокомандующаго покидаютъ Кубань, и Екатеринодаръ перестаетъ быть временной столицей Юга Россіи. Съ радостью мы устремляемся къ Москвѣ, но и съ нѣкоторой грустью покидаемъ Кубань. Здѣсь столько пережито, столько славныхъ воспоминаній! Нѣкоторые впечатлительные политики и публицисты давно уже мечтали вырваться изъ здѣш-

няго «болота». Они говорили о болотѣ въ переносномъ смыслѣ. Но Екатеринодаръ окруженъ и дѣйствительными болотами, посылающими въ городъ стаи комаровъ. Правда, мы изнывали отъ здѣшняго тяжелаго, влажнаго зноя и днемъ и ночью, какъ въ банѣ, мы мокры, мы искусаны комарами. Но когда нибудь культура коснется и этого уголка Россіи, болота будутъ высушены и климатъ здѣсь будетъ здоровѣе и политическое заболочиваніе исчезнетъ, не будетъ «болота», на почвѣ котораго развиваются самостійныя и украинскія ржавыя теченія. Съ возрожденіемъ Россіи и стихійнымъ ростомъ въ ней мощи и государственности неминуемо оздоровленіе и Кубанской стихіи. А пока что — было бы болото, а черти найдутся!...

Но такъ ли ужъ страшны здѣшніе болотные обитатели?

Разумѣется, они не мало причинаютъ хлопотъ высшему командованію, вмѣсто объединенія всѣхъ надъ созданіемъ Россіи вносятъ смуту среди слабыхъ и несознательныхъ и болѣе всего вредятъ собственному краю, о которомъ такъ хлопочутъ, такъ какъ чѣмъ менѣе данная область проявитъ государственнаго пониманія, тѣмъ менѣе народъ русскій при учрежденіи будущаго государственнаго строя будетъ склоненъ дать этой области широкую автономію. Но не государственныя эти теченія не глубоки ни въ Малороссіи, ни здѣсь. Группу политиковъ и политикановъ не слѣдуетъ смѣшивать съ казачей массой, а при возрожденіи Россіи центроустремленіе неизбѣжно одержитъ верхъ надъ центробѣжностью. Теперь нѣкоторымъ кажутся еще страшными всѣ эти болота, въ которыхъ вязнетъ не окрѣпшая еще Россія, страшны и водящіеся въ нихъ обитатели съ комариными жалами. Но для будущей единой и сильной Россіи никакія Чухломскія и Царевококшайскія республики не будутъ страшны. При трагизмѣ и величіи переживаемаго момента вся эта чертова свистопляска на различныхъ болотахъ Россійс-

кой равнины будетъ впослѣдствіи казаться мелкой и даже смѣшной и къ великой россійской трагедіи въ перспективѣ исторіи подмѣшается доза опереточнаго элемента.

Маленькія области и небольшіе люди, очутившись на свободѣ послѣ гнета петербургскаго централизма и большевицкаго каблука, стали «играть въ государства». И теперь, разставаясь съ Екатеринодаромъ и его комариными уколами, мнѣ живо припоминается первый годъ студенчества, когда мы, вырвавшись изъ тѣсныхъ стѣнъ гимназіи, почувствовали себя вольными гражданами университета и испытывали потребность протестовать и участвовать въ студенческихъ безпорядкахъ, идти непремѣнно наперекоръ учебному начальству и зачастую и здравому смыслу.

Но все мелкое и смѣшное стушевывается передъ величіемъ кубанскаго періода возрожденія Россіи. Съ чувствомъ благодарности и доброжелательства покидаемъ мы эту благодатную частичку Россіи, пріютившую насъ бѣженцевъ, «проходимцевъ», какъ склонны были назвать всѣхъ пріѣзжихъ, работавшихъ здѣсь надъ возсозданіемъ единой Россіи нѣкоторые члены Рады на своемъ изысканномъ государственномъ языкѣ.

Кубань — колыбель новой Россіи и имя ея будетъ благословенно въ исторіи Россіи, а значитъ и въ исторіи человѣчества. Здѣсь казацкая удаль сочеталась съ великорусской доблестью, крѣпостью духа и мудростью русскихъ вождей, казачья боевая слава сплелась съ творческимъ геніемъ великихъ русскихъ витязей, стойкихъ и сильныхъ своей вѣрой въ Россію и въ конечное торжество правды.

Мы уѣзжаемъ отсюда, мы движемся на Москву. Но и изъ Москвы мы будемъ присылать нашихъ сыновъ и внуковъ сюда, къ кубанскимъ памятникамъ казацкой и всероссійской славы. Здѣсь, въ Екатеринодарѣ, они преклонятъ колѣни въ склепѣ подъ величественными сводами

Екатерининскаго собора и на высокомъ берегу Кубани, гдѣ у фермы бѣлѣетъ крестъ. Уходя отсюда Добровольческая Армія оставляетъ Кубани эти дорогіе для Россіи останки и памятники своего возрожденія. Многія мѣстечки и станицы Кубани будутъ теперь связаны съ исторіей этого возрожденія, и по степямъ Кубанскимъ разбросано много безизвѣстныхъ могилъ борцовъ за бытіе Россіи. Въ степяхъ этихъ, орошенныхъ слившейся въ одинъ потокъ казацкой и великорусской кровью, зародилась и зрѣетъ нива новой русской государственности.

И это кровное родство дѣлаетъ Кубань еще болѣе близкой и дорогой для Россіи.

Мы покидаемъ героическую Кубань съ лучшими чувствами къ ея населенію, къ Черноморью, къ Линіи и къ нагорнымъ ауламъ. Мы желаемъ процвѣтанія и мирнаго развитія Кубани. Ея автономія и мѣстные интересы обезпечены въ будущей единой Россіи. Мѣстные интересы «своей колокольни», естественны и законны. Но и для жителей Кубани, какъ и для всѣхъ русскихъ, одна колокольня должна выситься надъ всѣми остальными — колокольня Ивана Великаго».

2. На новосельѣ.

«Въ теченіе восьми мѣсяцевъ «Свободная Рѣчь» издавалась въ Екатеринодарѣ на героической Кубани. Всю зиму и большую половину лѣта мы провели въ этомъ миломъ провинціальномъ городѣ, съ его пылью и грязью, съ его особнячками, утопающими въ садахъ. Теперь временной столицей Юга Россіи становится Ростовъ.

Ростовъ, Новочеркасскъ, Донъ!

Сколько горькихъ и славныхъ воспоминаній связано съ этими мѣстами! Вспоминается, что было здѣсь годъ, полтора года тому назадъ и что становится уже достояніемъ новѣйшей русской исторіи. И здѣсь, какъ на Ку-

бани, въ лаврово-терновомъ вѣнкѣ сплетаются казацкая лихость и слава съ великорусской доблестью, съ государственной мудростью и стойкостью великихъ вождей Добровольческой Арміи. Вмѣстѣ съ священными для русскихъ именами Корнилова и Алексѣева въ терновый вѣнокъ вплетены имена славнаго донца Каледина, Богаевскаго, Назарова и другихъ донскихъ казаковъ, павшихъ за великую Россію и тихій Донъ.

Что дастъ намъ новый донской періодъ, когда фронтъ уже далекъ отсюда, а здѣсь пребываютъ ставка и правительство? Мы вышли на большую московскую дорогу. Будемъ надѣяться, что дальнѣйшее закрѣпленіе зародившейся въ проселкахъ и болотахъ Кубани и уже значительно окрѣпшей новой русской государственной власти будетъ происходить при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, что вставшій, но еще слабый послѣ тяжкихъ потрясеній организмъ Россіи не будетъ вязнуть въ зыбкой трясинѣ и найдетъ здѣсь болѣе твердую почву подъ ногами. Будемъ надѣяться, что здѣсь, на Дону состоится для общаго блага соглашеніе и будетъ болѣе единодушія при предстоящемъ государственномъ строительствѣ.

Итакъ, мы вышли на большую московскую дорогу. Но скоро ли мы будемъ въ Москвѣ? Какъ мы ни стремимся въ Москву, мы обязаны учитывать всѣ предстоящія еще нашей доблестной арміи трудности и предвидѣть, на ряду съ ея подвигами и блестящими успѣхами и неминуемыя неудачи и частичныя отступленія. Большевики, которымъ терять нечего, будутъ при своемъ издыханіи дѣлать отчаянныя, судорожныя усилія и, какъ это ни печально, а для жителей Совдепіи какъ ни трагично, мы допускаемъ возможность и зимней кампаніи. При огромномъ протяженіи фронта, слишкомъ смѣлые броски и поспѣшность при необезпеченности тыла могли бы быть пагубны и для Москвы и для конечнаго освобожденія Россіи.

Стремясь въ Москву мы не будемъ ныть, какъ чехов-

скія сестры, — «Въ Москву, въ Москву!» Мы не будемъ отъ разочарованій съ тыловой паники быстро переходить къ обывательскому оптимизму. Лучшимъ средствомъ для успѣховъ и упорядоченія фронта, а слѣдовательно и для достиженія Москвы, является упорядоченіе тыла и всемѣрная поддержка временной власти и новой государственности. Въ этомъ — первѣйшая задача и національной, патріотической прессы. Разумѣется, при общественной поддержкѣ власти мы допускаемъ и нелицепріятную критику вводимыхъ ею реформъ и отрицательныхъ ея проявленій на мѣстахъ.

Для выполненія этой государственной задачи и для лучшей освѣдомленности «Свободная Рѣчь» переѣхала въ новую временную столицу Юга Россіи; она намѣрена и впредь слѣдовать за временной властью, несмотря на огромныя техническія затрудненія кочевого существованія газеты, пока она не заживетъ осѣдлою жизнью и не превратится въ замолкнувшую на время столичную «Рѣчь», выходя въ Петроградѣ или въ Москвѣ, тамъ, гдѣ суждено быть всероссійской столицѣ.

Безъ излишней торопливости и оптимизма будемъ надѣяться, что скоро это время настанетъ! Въ кровавомъ маревѣ мерещатся стѣны Кремля; за грохотомъ орудій и трескомъ пулеметовъ глухо звучитъ призывный колоколъ Ивана Великаго».

Грустно теперь читать о тогдашнихъ нашихъ настроеніяхъ и надеждахъ. Обстоятельства измѣнились, многое — достояніе исторіи. Но въ исторіи великой разрухи все это, какъ и послѣдующее — лишь эпизоды, которые не должны и не могутъ убить нашихъ надеждъ и пришибить наше настроеніе.

УII

РОСТОВЪ. НОВОРОССIЙСКЪ 1919-1920 гг.

Въ Ростовѣ я сначала пользовался гостепріимствомъ В. Ф. Зеелера, а потомъ тоже двухъ сочленовъ по партіи. Жизнь большого города, театры, рестораны, бѣга, спекуляція — все въ Ростовѣ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ въ Екатеринодарѣ. Дѣятельность наша была приблизительно той же, но Ростовскій періодъ оставилъ у меня худшее воспоминаніе. Во-первыхъ самъ городъ интернаціональный, съ претензіей на роскошь, съ безвкусіемъ домовъ на главныхъ улицахъ, а главное — подъ конецъ — періодъ отступленія, разложенія Добрарміи и эвакуаціи города. Прилегающая Нахичевань, съ домиками, утопающими въ зелени, симпатичнѣе.

Та-же масса засѣданій партійныхъ, Національнаго Центра, тотъ-же неутомимый М. М. Федоровъ, бѣгающій цѣлыми днями по городу. Но Деникинъ со своимъ Штабомъ поселился, и хорошо сдѣлалъ, въ тихомъ Таганрогѣ, поодоль отъ правительственнаго аппарата. Я продолжалъ писать въ «Свободной Рѣчи», организовывать собранія и читать на нихъ доклады. Въ Ростовѣ нѣсколько разъ выступалъ въ большевизирующихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, въ Новочеркасскѣ, Таганрогѣ (съ Тырковой и Рыссомъ).

Когда было получено извѣстіе о разстрѣлѣ въ Москвѣ нашихъ друзей Н. Н. Щепкина, Астровыхъ. Алферовыхъ

и другихъ, за ихъ работу въ секретномъ отдѣлѣ Національнаго Центра, мы устроили въ ихъ память торжественное собраніе въ Городской Думѣ.

Велика была наша печаль объ утратѣ нашихъ товарищей. Но теперь, разсуждая хладнокровно, можно ли среди массы невинныхъ жертвъ большевиковъ винить ихъ особенно за это убійство? Думаю, что настолько же, насколько въ убійствѣ бѣлыхъ борцовъ на фронтѣ, насколько вообще убійство въ войнѣ допустимо. Мы не знаемъ подробностей дѣла, кажется, нѣкоторые пострадали и невинно. Но нѣкоторые пострадали за передачу непріятелю (съ точки зрѣнія большевиковъ) свѣдѣній и за помощь ему, что карается какъ шпіонажъ во всѣхъ войнахъ. Оплакивая доблестную смерть нашихъ товарищей на внутреннемъ фронтѣ, мы должны смотрѣть на ихъ смерть, какъ и на разстрѣлъ Червенъ-Водали въ Сибири такъ же, какъ военные смотрятъ на естественную смерть своихъ товарищей въ бою. Особенно въ гражданской войнѣ — гражданская доблесть не должна уступать воинской доблести.

Когда Харьковъ былъ взятъ, тамъ захватили и гастролировавшую труппу Московскаго Художественнаго театра (Книперъ, Качаловъ, Германова и друг.). Пріятно было вспомнить Москву и повидать моихъ театральныхъ друзей, пріѣхавшихъ въ Ростовъ на гастроли.

«Гастролировали» у насъ и пріѣхавшіе вмѣстѣ Крамаржъ и В. А. Маклаковъ (Посолъ Временнаго правительства въ Парижѣ). Вѣчно бодрый, энергичный Крамаржъ, вѣрный другъ Россіи, заслуженный борецъ за чешскую независимость, ободрялъ насъ въ нашей борьбѣ однимъ своимъ видомъ, своимъ прошлымъ, свидѣтельствуя, что у насъ есть истинные друзья въ Европѣ. Маклаковъ пріѣзжалъ выяснить положеніе дѣлъ, которое было неопредѣленно и неясно на разстояніи, чтобы во всеоружіи знанія дѣла освѣщать его французамъ и истолковывать имъ наши чаянія. Уже тогда началась усиленная критика бѣ-

лаго движенія среди русскихъ же въ эмиграціи и искаженіе его подлиннаго лица.

Да и въ значительной уже части занятой Добрарміей Россіи (Украина, Одесса, Харьковъ) требовалось объединеніе лозунговъ и цѣлей и потому, какъ это ни было трудно, мы рѣшили созвать въ началѣ ноября кадетское совѣщаніе въ Харьковѣ. Въ это время мы были полны надеждъ, отрядъ Май-Маевскаго достигъ Орловской губерніи, всѣ были увѣрены въ скоромъ достиженіи Москвы.

Изъ Ростова со мной поѣхали Степановъ, Тыркова, Новгородцевъ и нѣкоторые другіе кадеты. Съѣхалось довольно много народу, были представители Кіева, Екатеринослава, Одессы. Энергично работалъ Н. В. Тесленко, котораго мы нашли въ Харьковѣ. Новгородцевъ сильно заболѣлъ, мы очень опасались за его жизнь и его съ трудомъ потомъ эвакуировали передъ самымъ паденіемъ Харькова. Написанный имъ тактическій докладъ прочли на совѣщаніи безъ него. О Харьковскихъ впечатлѣніяхъ я говорю слѣдующее въ № 250 «Свободной Рѣчи».

Харьковскія впечатлѣнія.

«При современныхъ условіяхъ наше кадетское совѣщаніе, разумѣется, не могло быть многолюднымъ. Тѣмъ не менѣе совѣщаніе прошло очень живо и было очень плодотворно. Впервые послѣ годичнаго пребыванія въ казачьихъ областяхъ и послѣ Екатеринодарскихъ конференцій мы имѣли возможность собраться въ центрѣ Россіи и возобновить личный обмѣнъ мнѣній съ нашими товарищами изъ малороссійскихъ и великорусскихъ губерній. При неизбѣжности различія мнѣній, послѣ горячихъ преній столковывались и находили общій языкъ въ резолюціяхъ. Такимъ образомъ, Харьковское Совѣщаніе послужитъ несомнѣнно къ вящему сплоченію партіи на нашей національно-государственной платформѣ, основы

которой были вывезены въ прошломъ году изъ Москвы и получили свое развитіе и формулировку въ Екатеринодарѣ. Правда, и ранѣе при нашей оторванности мы убѣждались въ томъ, что наша линія пріемлется партіей. Наши Сибирскіе и Кавказскіе товарищи намѣчали аналогичную линію совершенно независимо отъ насъ, а Одесскій, Кіевскій и Крымскій комитеты партіи потомъ единодушно присоединились къ нашимъ резолюціямъ. Но личное обсужденіе и выработка платформы съ вышедшими изъ подъ большевицкаго гнета товарищами еще болѣе сплотитъ партію.

При насъ пріѣхалъ генералъ Бриггсъ, котораго Харьковцы чествовали параднымъ спектаклемъ и роскошнымъ банкетомъ, на которомъ Бриггсъ предъ своими обильно покушавшими и еще обильнѣе выпившими хозяевами сказалъ рѣчь о настроеніи тыла. Генералъ Бриггсъ навѣрно въ своей рѣчи не говорилъ о «генералѣ Харьковѣ», какъ Ллойдъ-Джорджъ.

Не знаю, какое это произвело на нихъ впечатлѣніе, но на посторонняго и трезваго человѣка чтеніе въ газетахъ рѣчи англійскаго генерала съ откровенными, но справедливыми упреками, не могло не произвести удручающаго впечатлѣнія.

Генералъ Бриггсъ сказалъ, что съ пассивнымъ, спекулирующимъ тыломъ и съ еврейскими погромами въ тылу, немыслимо воевать, и что если тылъ не измѣнится, то ничего намъ не поможетъ и намъ придется искать помощи только у Господа Бога.

Отъ такихъ истинныхъ друзей Россіи и столько для нея поработавшихъ во время своего пребыванія при ставкѣ Главнокомандующаго, какъ генералы Бриггсъ, Пуль и Кизъ, мы должны, не обижаясь, выслушивать, хотя жестокую, но несомнѣнно доброжелательную критику.

Я не пошелъ на банкетъ, и считаю такого рода пріемъ гостей въ настоящее время совершенно неподходящимъ. А если бы я былъ и мнѣ пришлось бы держать рѣчь, то

вмѣстѣ съ глубокой признательностью за помощь друзей, которые познаются въ несчастьѣ, въ отвѣтъ на дружественные упреки, я, признавъ ихъ справедливость, тоже по дружески позволилъ бы себѣ высказать надежду и увѣренность, что политика Англіи на Кавказѣ, въ Средней Азіи и Лифляндіи будетъ впредь болѣе согласована съ рыцарской ихъ помощью генералу Деникину въ возсозданіи имъ **единой** Россіи. Кромѣ банкета былъ еще и парадный спектакль, на которомъ англійскимъ генераламъ сдѣлали овацію.

**
*

Въ Харьковѣ при насъ была настоящая зима, болѣе десяти градусовъ мороза съ вѣтромъ. Съ фронта, нуждающагося въ теплой одеждѣ, привозится много больныхъ. Уже въ началѣ августа я опубликовалъ въ «Свободной Рѣчи» воззваніе о снабженіи теплой одеждой арміи. № газеты попалъ къ г-жѣ Третьяковой въ Парижѣ, она образовала тамъ дамскій кружокъ, который прислалъ мнѣ большой транспортъ фуфаекъ и теплаго бѣлья. Но вещи гдѣ то въ пути затерялись и я ихъ такъ и не получилъ.

Стали приходить извѣстія объ оставленіи нами Курска. Между тѣмъ, внѣшній видъ Харькова производитъ впечатлѣніе грубокаго тыла. Болѣе десяти кабарэ различныхъ наименованій: «Кривой Джинъ», «Веселая Канарейка» и т. п. Въ этомъ отношеніи «передовой» Харьковъ перещеголялъ «спекулирующій» тыловой Ростовъ.

Я устроилъ публичное собраніе на тему — «Подвигъ фронта и задачи тыла»». Выступали съ докладами выдающіеся ораторы изъ извѣстныхъ публицистовъ и членовъ Государственной Думы. Немногочисленная публика сидѣла въ шубахъ въ неотопленной залѣ Городской Думы и плохо согрѣвалась пламенными призывами подпереть фронтъ.

Когда мы шли съ собранія, многочисленные кабарэ

блистали электрическими вывѣсками. Въ нихъ, вѣроятно, было тепло и многолюдно...

Во время войны, особенно когда нѣмцы наступали на Парижъ, онъ какъ бы слился съ фронтомъ. На улицѣ не могъ показаться здоровый молодой человѣкъ, чтобы его не освистали и не осмѣяли. Всѣ автомобили были посланы на фронтъ. Всѣ увеселенія закрыты. Все населеніе сосредоточенно работало надъ защитой страны и самозащитой.

Погруженный въ мракъ Парижъ въ сосредоточенномъ напряженіи какъ бы замеръ.

Харьковъ, послѣдній большой тыловой центръ на пути въ Москву; онъ аванпостъ Москвы. Какъ Парижъ участвовалъ въ охранѣ Франціи, такъ и Харькову предстоитъ огромная роль въ послѣдней схваткѣ съ большевиками.

Будутъ ли Харьковцы на высотѣ положенія?

Харькову суждено быть для Добрарміи маленькимъ Парижемъ.

Но не соперничествомъ числомъ кабаковъ съ Парижемъ мирнаго времени это достигается».

Пріѣзжалъ со мной изъ Ростова въ Харьковъ и бывшій раввинъ Шнеерзонъ, организаторскія способности котораго по продовольствію я оцѣнилъ въ Рязани. Мы съ нимъ устроили большое совѣщаніе съ представительствомъ города, земства, всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, банковъ, коопераций, купечества и проч. для выработки мѣръ снабженія тыла. Послѣдовавшая вскорѣ эвакуація Харькова не дала возможности развить дѣятельность выбраннаго на этомъ совѣщаніи органа. Потомъ Шнеерзонъ представилъ отъ себя министру продовльствія С. Н. Маслову широкій проэктъ снабженія арміи и населенія, но на этомъ проэктѣ послѣдовала резолюція Деникина — «никакихъ Шнеерзоновъ». По существу проэктъ могъ

вызвать возраженія, ибо по обстоятельствамъ времени, размахъ его былъ слишкомъ широкъ.

Въ концѣ ноября кадетская газета «Свободная Рѣчь» отпраздновала скромно свой юбилей. Основанная въ прошломъ году въ Екатеринодарѣ К. Н. Соколовымъ, потомъ она перешла къ Петроградскому молодому кадету Б. Е. Малютину, очень милому, серьезному человѣку. Онъ былъ замѣчательный шахматистъ и далъ въ Екатеринодарѣ сеансъ одновременной игры въ слѣпую съ двадцатью партнерами, которыхъ и обыгралъ почти всѣхъ. Я въ газетѣ помѣстилъ около тридцати статей. Кромѣ того я помѣстилъ нѣсколько статей въ «Пріазовскомъ Краѣ», въ Харьковской и Симферопольской газетахъ, а также черезъ «Руспрессъ» циркулярно въ нѣсколькихъ провинціальныхъ газетахъ. У меня сохранилось нѣсколько номеровъ «Свободной Рѣчи», которая въ послѣднее время въ Ростовѣ издавалась иногда на сѣрой, иногда на коричневой бумагѣ, иногда чуть не на картонѣ.

Въ Ростовѣ же возникла болѣе правая, національная «Великая Россія», издаваемая Н. Н. Львовымъ, Чебышевымъ и Шульгинымъ. Близкое участіе принималъ въ ней пріѣхавшій въ Ростовъ Струве. Впослѣдствіи газета была перенесена въ Севастополь.

Въ «Пріазовскомъ Краѣ» мнѣ пришлось полемизировать съ моимъ большимъ другомъ Н. Н. Львовымъ, который нашелъ умѣстнымъ въ «Великой Россіи» напасть на прежнія прегрѣшенія К.-Д. партіи, на партійность вообще, призывая къ стойкой политикѣ.

Я ему въ статьѣ «А судьи кто?» возразилъ, что не ему, побывавшему въ трехъ партіяхъ, между прочимъ и въ кадетской, и нигдѣ не ужившемуся, ставшему «дикимъ», учить стойкости, а что кликушество патріотовъ-индивидуалистовъ создаетъ обыкновенно болѣе вредную и нетерпимую, чѣмъ партія, кружковщину; я доказывалъ ему, что партія наша въ общемъ въ эти тяжелые годы была именно въ своемъ цѣломъ на національной высотѣ, орга-

низуя и призывая къ надпартійному объединенію и поддерживая армію. И почему онъ напалъ именно на кадетъ и, между прочимъ, за ихъ дѣйствія въ Одессѣ, когда въ той же Одессѣ болѣе правыя организаціи и его друзья надѣлали гораздо болѣе ошибокъ и шли на компромиссы до ставки на Петлюру включительно. На это онъ мнѣ возразилъ въ «Великой Россіи», причемъ, насколько помню, самымъ сильнымъ его возраженіемъ-предостереженіемъ было то, что я наживу себѣ геморой, сидя въ К.-Д. партіи. Ему, не нашедшему для возраженія фактическихъ аргументовъ въ прошломъ, пришлось, прибѣгнуть къ такого рода физіологическому прогнозу!

Какъ я уже говорилъ по поводу Харьковскаго совѣщанія, мы твердо установили нашу національную, надпартійную работу, поддерживающую диктатуру и армію, закрѣпивъ партійную тактику на всемъ Югѣ Россіи, во всѣхъ партійныхъ организованныхъ группахъ, до Харькова, Кіева и Одессы включительно, вполнѣ согласную съ тактикой нашихъ Кавказскихъ и Сибирскихъ товарищей, а также и Московскихъ, судя по письму Щепкина. Признаніе диктатуры и призывъ къ широкому единенію какъ налѣво, такъ и направо (именно это послѣднее), стало волновать нѣкоторыхъ нашихъ товарищей, оторванныхъ отъ русской дѣйствительности, не работающихъ при арміи, живущихъ заграницей.

Я получилъ два длинныхъ письма отъ Петрункевича и Винавера, жившихъ на дачѣ послѣняго въ Cap d'Aill близъ Ниццы, въ которыхъ они насъ упрекаютъ въ томъ, что мы измѣняемъ программѣ и духу партіи и не бережемъ **завоеваній революціи».** Я имъ отвѣтилъ тоже большими письмами, обстоятельно доказывая фактически, что мы отнюдь не измѣнили партіи и партійнымъ конференціямъ въ Москвѣ и Екатеринодарѣ, а что слушать о «завоеваніяхъ революціи» намъ здѣсь дико, что извѣстныя завоеванія несомнѣнно останутся въ возстановленной Россіи, но что въ отчаянной борьбѣ, въ мертвой схват-

кѣ, при которой мы присутствуемъ и въ которой посильно принимаемъ участіе — не время и не мѣсто говорить и заботиться о «завоеваніяхъ революціи».

И дѣйствительно, горитъ домъ, гибнетъ наше имущество въ немъ и даже наши дѣти и близкіе, а мы, владѣльцы и квартиранты дома, не дѣлаемъ все возможное, чтобы спасти отъ огня людей и достояніе наше, помогая и подчиняясь брандмейстеру, будь онъ даже бурбонъ, а стоимъ и утѣшаемъ себя, что пожаръ истребитъ клоповъ и крысъ дома, видя въ этомъ завоеваніе огня. А вѣдь ни Деникинъ, ни Врангель не бурбоны, а «завоеванія революціи», когда самыя стѣны нашего дома — Родины — рушатся и отъ него грозитъ остаться одно пепелище — сравнительно не большая радость, чѣмъ гибель клоповъ и крысъ въ огнѣ.

Кстати, почти также умѣстны при этомъ и разговоры о будущемъ государственномъ строѣ. Когда самыя стѣны дома готовы рухнуть въ огнѣ, два совладѣльца дома вмѣсто дружной работы по спасенію близкихъ и имущества, ожесточенно (?) спорятъ, въ какомъ стилѣ они возобновятъ домъ, въ стилѣ ампиръ (Марковъ) или въ стилѣ модернъ (Милюковъ).

Какъ младенцы, лишенные еще зрительной перспективы, одинаково простираютъ руки къ близкимъ и отдаленнымъ предметамъ, такъ и плѣшивые уже подчасъ младенцы, лишенные политической перспективы, хватаются и за ближайшія и за отдаленныя задачи, ссорятся изъ за нихъ, а потому ничего не ухватываютъ, упуская ближайшую задачу...

Когда мы еще были въ Харьковѣ, былъ отданъ большевикамъ Курскъ. Потомъ палъ и Харьковъ. Волна откатывалась. Ноябрь и декабрь въ Ростовѣ были мрачны. Армія обнаруживала признаки разложенія; возжи какъ бы выпадали изъ рукъ Деникина. Была ли имъ сдѣлана коренная стратегическая ошибка — занятіе Малороссіи и быстрое продвиженіе на Москву зимой, плохо одѣтой и

снабженной арміи? Было два мнѣнія: одни были за этотъ планъ, а другіе, въ томъ числѣ Врангель, за ограниченное продвиженіе на западъ и за направленіе не на Москву, а изъ Царицына на Самару, на соединеніе съ Колчакомъ. Когда продвиженіе на Москву рухнуло, большинство стало обвинять Деникина въ стратегической ошибкѣ. Горе побѣжденнымъ, побѣдителя не судятъ. А если бы не удался рейдъ къ Колчаку, который въ свою очередь былъ отброшенъ? Тогда у большинства Деникинъ былъ бы виноватъ въ томъ, что увлекся далекимъ Колчакомъ и побоялся одинъ идти на Москву. Два такіе стратега, какъ я и Новгородцевъ, спорили между собой; онъ былъ за Московскій планъ (не было ли кромѣ нашего общаго стремленія еще субъективное его стремленіе къ семьѣ), я за Самарскій.

Тифъ страшно развивался, унося многочисленныя жертвы. Лазареты Ростова и Нахичевани были переполнены.

Съ начала декабря начали говорить объ эвакуаціи Ростова, о переѣздѣ вновь въ Екатеринодаръ, въ Новороссійскъ, а съ середины декабря черезъ Ростовъ на мостъ черезъ Донъ потянулись воинскіе обозы, а затѣмъ и войска и гражданское населеніе. Не хватало вагоновъ и особнно паровозовъ, между Ростовомъ и Батайскомъ образовывалась постоянно пробка. На мосту для конныхъ и пѣшихъ, въ двадцатыхъ числахъ декабря творилось что то невообразимое. Чины нѣкоторыхъ управленій принуждены были дойти до Батайска пѣшкомъ. Магазины стали закрываться, а городъ сталъ плохо освѣщаться и нѣкоторыя улицы тонули въ темнотѣ.

Проходящія войска являли признаки разложенія. А что хуже вооруженныхъ людей, не связанныхъ дисциплиной? Офицеры усталые, озлобленные, зачастую нетрезвые. Я на себѣ испыталъ прелесть такого настроенія. Въ трамваѣ два такихъ выпившихъ офицера придрались ко мнѣ, какъ то вечеромъ, за то, что я не уступилъ мѣста

одному изъ нихъ раненому, хотя никакихъ признаковъ раненія не было и онъ потомъ ходилъ за мной полъ часа. Слѣзаю на Таганрогскомъ проспектѣ, они за мной. Сворачиваю въ темный переулокъ — они тоже. Начинаютъ меня ругать большевикомъ, издѣваться, не позволяютъ курить, угрожаютъ револьверами. Я стараюсь объясниться — не даютъ, все время размахивая, въ пустынномъ, темномъ переулкѣ, револьверами. Наконецъ, одинъ изъ нихъ говоритъ: — «ведемъ его въ комендатуру, тамъ съ нимъ скоро расправятся!» — Я обрадовался. Но потомъ, когда пересѣкая Садовую, они встрѣтили товарищей, которые урезонили ихъ: — «охота возиться съ старикомъ!» — и ужъ я сталъ настаивать, чтобы идти къ Коменданту, они еще разъ обругавъ меня, удалились.

Дня за два до Рождества на главной улицѣ — Садовой и на другихъ улицахъ появились на деревьяхъ, окаймляющихъ улицу, повѣшенные. Разъ мы съ Новгородцевымъ около вокзала натолкнулись на толпу, окружающую только что вздернутаго на дерево человѣка. Спрашиваю кого-то — за что? — «Говорятъ за спекуляцію; дорого продавалъ офицерамъ». Вѣроятно это былъ уличный разносчикъ. Былъ ли тутъ же самочинно организованъ летучій военный судъ? Былъ ли вообще судъ? Если вѣшались по суду, то почему трупы висѣли по всему городу? Не было ли иногда, это результатомъ обиды за дорогія цѣны, или за отказъ дать даромъ, или просто результатомъ безпричинной придирки, какъ со мной въ трамваѣ? Усталые, можетъ быть голодные, пьяные, озлобленные на тылъ, люди, можетъ быть недавно проявлявшіе геройскіе подвиги на фронтѣ, теперь были часто отвратительны.

Творились ли звѣрства въ Добрарміи? Конечно, да. Трудно, почти невозможно облагородить и регулярную войну и, такъ называемыя, правила войны рѣдко соблюдаются. Тѣмъ труднѣе облагородить гражданско-партизанскую, худшую изъ войнъ. Наряду съ геройствомъ раз-

вращеніе, особенно юношества, огромное. Я самъ слышалъ, какъ юный доброволецъ, почти мальчикъ, товарищъ моего племянника, разсказывалъ, какъ они приканчивали шашками раненыхъ большевиковъ: — «Вжи, вжи, раздавалось только». Можетъ быть это было такъ, а можетъ быть онъ только «хвастался», но и хвастовство это было отвратительно.

Я описываю это ужасное явленіе только въ Добрарміи, потому что повѣствую только о мною лично видѣнномъ. Превосходили ли звѣрства большевиковъ количественно и качественно? Не знаю. По слухамъ и анкетамъ съ нашей стороны — да. Но на войнѣ всегда преувеличиваются злодѣянія противника и у большевиковъ бѣлый терроръ изображался куда ужаснѣе краснаго. И вотъ мнѣ кажется, что разница заключается именно въ томъ, что при несомнѣнномъ наличіи неизбѣжныхъ при гражданской войнѣ звѣрствъ, особенно въ періодъ разложенія арміи, въ Добрарміи не было террора, какъ системы и неизбѣжное зло преслѣдовалось высшимъ командованіемъ, тогда какъ у большевиковъ, судя по тому, что я видѣлъ еще въ Петроградѣ и Москвѣ, терроръ возводится въ систему, на ней зиждется большевицкая власть, которая даже въ декретахъ отдаетъ должное революціонному подъему своихъ адептовъ, красы и гордости революціи.

Нужна ли была гражданская война со всѣми этими звѣрствами?

Если мы считаемъ большевизмъ зломъ, разрушающимъ нашу Родину, то должны были сдѣлать все, не смущаясь даже ужасами гражданской войны, чтобы вырвать ее изъ этого зла и, увы! не приходится при современномъ состояніи государственности и человѣчества смущаться звѣрствами войны, какъ съ неизбѣжнымъ пока зломъ, каковымъ является всякая война. И описывая нелицепріятно отрицательныя явленія, до звѣрствъ включительно, отъ которыхъ самъ чуть не пострадалъ, я въ то же время преклоняюсь передъ подвигомъ солдатъ и

офицеровъ Добрарміи, въ ея легендарной, неравной борьбѣ. Передъ отъѣздомъ я нѣсколько разъ посѣтилъ въ переполненномъ госпиталѣ лежавшаго въ тифѣ въ полусознательномъ состояніи редактора «Свободной Рѣчи» Малютина, котораго эвакуировать уже было невозможно. Онъ меня иногда узнавалъ и съ мольбой смотрѣлъ на меня. Языкъ въ пересохшемъ рту заплетался. Навѣрно онъ скоро умеръ, а попасть живымъ къ большевикамъ для него была та же смерть. По моему, его ближайшіе сотрудники по газетѣ не важно съ нимъ поступили и боялись даже его навѣщать въ больницѣ. Все, что я могъ сдѣлать, это передать его на попеченіе двухъ близъ живущихъ барышень, переболѣвшихъ тифомъ, остающихся въ Ростовѣ.

Съ трудомъ 23-го утромъ, перевезя свой бѣженскій скарбъ въ теплушку поѣзда, стоявшаго на безконечныхъ путяхъ между вокзаломъ и Дономъ, я, наконецъ, въ нее втиснулся.

Къ нашему теплушечному поѣзду были прицѣплены два частныхъ слабосильныхъ локомобиля, съ какого то частнаго подъѣздного пути, но мы простояли на путяхъ еще сутки, вслѣдствіе «пробки» отъ затора поѣздовъ и возстановленія только одного пути на поврежденномъ въ прошломъ году мосту. Всѣ поѣзда спѣшили отойти, чтобы не застрять въ заторѣ, но Батайскъ и слѣдующія перегруженныя станціи плохо принимали. Много поѣздовъ такъ и не могли во время, до прихода большевиковъ, отправиться. Постоянно ходили на вокзалъ упрашивать пустить насъ. Наконецъ, въ сочельникъ утромъ мы двинулись. До Новороссійска мы ѣхали 8-9 дней. Въ Батайскѣ, откуда виденъ Ростовъ, мы простояли полтора сутокъ, въ Екатеринодарѣ и на Тонельной сутки.

Опять теплушечная жизнь. Публика чистая, но присутствіе дамъ стѣснительно. Ѣдутъ нѣкоторыя Министерства, Новгородцевъ, Федоровъ, Фенинъ (министръ Торговли) и другіе. По шоссе тянутся непрерывно войска и

обыватели въ экипажахъ и пѣшіе. Въ Батайскѣ, гдѣ стоитъ поѣздъ Деникина и штабной поѣздъ, мы встрѣчаемъ Рождество. Въ Батайской станицѣ разыскиваемъ провизію, которую приносимъ въ общій котелъ вагона. Мнѣ посчастливилось: жена дьякона пожалѣла меня и дешево отпустила обильную провизію ради Праздника. Помню, какъ на одной изъ безконечныхъ стоянокъ, въ полѣ передъ закрытымъ семафоромъ П. И. Новгородцевъ поджаривалъ близъ пути на угляхъ костра ветчину. Подъ Новый Годъ мы въ нашей теплушкѣ устроили вечеръ, на которомъ Гуревичъ, талантливый импровизаторъ, читалъ звучные стихи на задаваемыя темы. Я, какъ импрессаріо, водилъ его и въ другія теплушки къ знакомымъ, гдѣ онъ тоже имѣлъ большой успѣхъ и насъ радушно угощали. Разумѣется по большей части разговоръ въ поѣздѣ вертѣлся вокругъ создавшагося положенія, возникали споры. Говорятъ, что бѣднаго М. М. Федорова какой то компаньонъ по теплушкѣ упрекалъ во всѣхъ бѣдствіяхъ: — «Засѣдали, засѣдали; говорили, говорили всю жизнь, ну и договорились!» Въ Екатеринодарѣ я успѣлъ посѣтить нѣсколькихъ новыхъ моихъ пріятелей. Грустно было это посѣщеніе Екатеринодара при настоящихъ обстоятельствахъ. Въ нашемъ поѣздѣ отъ тифа умерло всего лишь два человѣка, въ другихъ поѣздахъ смертей было болѣе. Наконецъ, въ самомъ началѣ января мы добрались до Новороссійска.

Въ Новороссійскѣ пришлось пробыть всего три съ половиной мѣсяца. Если пребываніе въ Ростовѣ оставило во мнѣ тяжелое впечатлѣніе, то еще худшее впечатлѣніе оставилъ Новороссійскъ.

Въ день пріѣзда, какъ почти и во все время нашего пребыванія, дулъ знаменитый нордъ-остъ. Была метель. Оставивъ вещи въ теплушкѣ, утромъ я поѣхалъ въ далекій отъ вокзала переполненный городъ искать пристанища. Весь день я ничего не нашелъ и усталый, холодный, намѣревался уже устроиться въ ночлежкѣ, въ которой вѣ-

роятно кишѣли носители тифа — вши, какъ уже подъ вечеръ, къ счастью, встрѣтилъ гр. Д. А. Олсуфьева, который во второй разъ оказалъ мнѣ большую услугу, пріютивъ меня на диванѣ въ своей маленькой комнатѣ на краю города, гдѣ я и прожилъ все время. Комната плохо отапливалась и на окнѣ у моего изголовья, когда свирѣпствовалъ нордъ-остъ, замерзали чернила. На полу у насъ ночевалъ, единственный уцѣлѣвшій послѣ обѣихъ войнъ, сынъ Н. Н. Львова, да и онъ самъ зачастую ночевалъ рядомъ съ сыномъ. Подъ вечеръ почти каждый день приходили онъ и Е. Н. Трубецкой до своего заболѣванія играть въ шахматы.

Тѣ же собранія кадетскія (рѣдкія — мѣстный К.-Д. комитетъ не дѣятельный), Національнаго Центра, публичныя собранія въ театрѣ, статьи въ «Свободной Рѣчи», возобновленной Соколовымъ послѣ упраздненія Освага...

Сосредоточіе общественной дѣятельности (Красный Крестъ и проч) было въ Думѣ. Столовались мы въ дешевой столовой Союза Городовъ. Переполненный городъ плохо вмѣщалъ все прибывавшую публику. Ею были переполнены цѣлые поѣзда, а также и вокзалъ, гдѣ на полу спали вповалку. Союзныя базы обосновались въ Стандартѣ, по ту сторону бухты.

Хорошо размѣстились англичане въ помѣщеніяхъ заграничнаго типа поселка при цементномъ заводѣ. Здѣсь же они пріютили и кормили нѣкоторое количество бѣженцевъ съ Черноморскаго побережья. Въ Новороссійскѣ же расположилась большая часть правительственныхъ и военныхъ учрежденій съ генераломъ Лукомскимъ во главѣ. Деникинъ жилъ въ своемъ поѣздѣ на станціяхъ отъ Батайска до Екатеринодара.

Въ это время и познакомился съ генераломъ Врангелемъ, проживавшимъ въ вагонѣ съ генераломъ Шатиловымъ. Онъ разошелся съ Деникинымъ, долженъ былъ покинуть фронтъ, гдѣ у него было столько блестящихъ дѣлъ, и теперь выжидалъ рѣшенія своей участи. Черезъ

нѣкоторое время онъ уѣхалъ въ Константинополь. Я пришелъ спросить его мнѣнія по поводу возникшаго тогда въ Новороссійскѣ проэкта формированія добровольныхъ дружинъ для гарнизонной службы и пополненія частей. Врангель отнесся къ проэкту отрицательно. Изъ Константинополя онъ написалъ Деникину письмо съ рѣзкой критикой всей его стратегіи. Даже если бы Врангель по существу былъ и правъ во многомъ, что вполнѣ допускаю, то во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія воинской дисциплины, онъ былъ не правъ въ это трудное время подрывая авторитетъ Деникина, такъ какъ это письмо широко распространялось въ копіяхъ. Аналогично поступилъ бы Деникинъ, если бы послѣ взятія Перекопа, въ Севастополѣ распространялось его письмо съ критикой защиты Перекопскаго перешейка.

Дулъ нордъ-остъ. Косилъ тифъ.

Скосилъ онъ и буйнаго Пуришкевича, на похоронахъ котораго было много народу. Уже въ концѣ февраля, передъ эвакуаціей, умеръ отъ тифа и кн. Е. Н. Трубецкой. Грустно было его отпѣваніе: — простой, досчатый гробъ, почти пустая церковь.

Въ началѣ февраля Деникину пришлось реорганизовать правительство, чтобы въ этотъ критическій моментъ привлечь симпатіи и энергичное содѣйствіе казачества, съ политическими лидерами которыхъ онъ все время воевалъ. Ставка на г. г. Агѣевыхъ и Тимошенко, представителей «революціонной демократіи», была послѣдней, отчаянной ставкой. Министерство, задачей котораго было поддержать фронтъ, было коалиціонное. Въ него подъ предсѣдательствомъ Донца Мельникова, вошли кадеты — Бернацкій (Финансы) и Зеелеръ (Внутреннихъ Дѣлъ), кажется остальные были казаки (Агѣевъ — Министръ Труда, Харламовъ, Сушковъ и другіе). Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ былъ назначенъ, вызванный изъ Батума генералъ Баратовъ.

По состоявшемуся соглашенію единоличная власть Де-

никина сильно умалялась и создался какой то федеративно-парламентарный строй. Члены Центральнаго Комитета К.-Д. партіи вынесли резолюцію о поддержкѣ этого правительства, какъ совершившагося факта, не входя въ критику его политической физіономіи и личнаго состава. Подчиняясь настоянію Національнаго Центра, Бернацкій вступилъ въ Министерство противъ своей воли, за что ему отъ Національнаго Центра былъ поднесенъ горячій адресъ. Вотъ, что я писалъ въ № «Свободной Рѣчи» отъ 13 февраля.

«Россія представляетъ теперь изъ себя клокочущее море; русская государственность — утлое судно, потерпѣвшее аварію. Это судно, въ послѣднее время съ креномъ налѣво борется съ волнами. И если намъ и не суждено быть въ командномъ составѣ этого судна, мы должны работать въ кочегарномъ отдѣленіи, должны спуститься въ трюмъ, выкачивать воду и заклепывать пробойны, чтобы не дать погибнуть судну.

И темъ болѣе мы имѣемъ основаніе надѣяться доплыть до желаннаго берега, что руль не выпускаетъ изъ рукъ испытанный кормчій, привыкшій къ непогодамъ. Корабль и съ креномъ можетъ дойти до берега. Придать же болѣе устойчивое положеніе кораблю можно и въ морѣ, если ослабнетъ буря, или причаливъ къ берегу и введя корабль въ сухой докъ. Ослабнетъ ли бушующая въ Россіи буря при завоеваніи Харькова, Курска или придется Москвѣ сыграть роль сухого дока?

Отъ скептиковъ я слышалъ и такую фразу: — «Офицерство умирало за Россію, но оно не пойдеть умирать за Агѣева и Макаренко, за казачью республику». — Я лучшаго мнѣнія о геройскомъ нашемъ офицерствѣ. Конечно, среди нихъ есть малодушные, усталые, тыловики и поддавшіеся развалу и разложенію.

Лишь у таковыхъ можетъ возникнуть подобная извращенная мысль. Огромное же большинство офицеровъ

поймет, что оно и теперь умираетъ не за Макаренко и Агѣева, а за ту же Россію, какъ оно умирало за Россію и прежде, а не за Драгомирова или Лукомскаго, да въ концѣ концовъ и не за Деникина или Колчака. Но Деникинъ самъ всегда готовъ отдать свою жизнь за Россію и офицеры это отлично знаютъ, а потому у здороваго офицерства никогда такого сомнѣнія не возникнетъ».

И такъ все для попытки удержанія фронта и ради этого — примиреніе и съ личнымъ составомъ правительственной власти и съ ея нелѣпой конструкціей. Мы все дѣлали, чтобы подкрѣпить Деникина, изъ ослабѣвшихъ рукъ котораго вываливались возжи.

Потому же я не подписалъ ходатайство, иниціаторомъ котораго былъ, кажется, пріѣхавшій тогда Струве, подписанное многими моими друзьями, обращенное къ Деникину, съ просьбой назначить Врангеля Командующимъ войсками въ Крыму, которому предстояло сыграть роль послѣдняго пристанища бѣлыхъ силъ, если Кубани и Новороссійску суждено было пасть. Пока Деникинъ былъ Главнокомандующимъ, я не считалъ правильнымъ гражданскимъ лицамъ вмѣшиваться въ дѣла Командованія, а потому, хотя по существу я раздѣлялъ точку зрѣнія Струве, я отказался подписать это ходатайство.

Въ февралѣ въ Новороссійскъ все прибывала военная и гражданская публика и въ то же время началась эвакуаціонная лихорадка, причемъ ею обуревались и молодые и одиночки. И на собраніяхъ и въ газетѣ я горячо возсталъ прстивъ этой паники тыла, которая не могла не отразиться и на фронтѣ. Вотъ что я, между прочимъ, писалъ. («Свободная Рѣчь» отъ 6 февраля.)

Лицомъ къ Россіи.

«Мы работали для Добрарміи и въ Совдепіи съ ея возникновенія. Работали на нее въ Москвѣ, въ Екатери-

нодарѣ, въ Ростовѣ, и будемъ работать въ Новороссійскѣ.

При ея успѣхахъ и продвиженіяхъ мы были съ ней и радовались ея радостями. И въ черные дни, при ея неудачахъ и послѣ ея катастрофическаго послѣдняго отступленія мы обязаны быть съ ней и съ Деникинымъ. Не только мы обязаны сами проявлять гражданское мужество, но и должны призывать къ нему и другихъ, предостерегать отъ гражданскаго дезертирства. Если мы имѣли право гордиться успѣхами Добрарміи, посильно работая на нее, то и въ ошибкахъ власти мы, какъ и другіе, повинны. Всѣ мы должны учитывать эти ошибки; какъ и армія, мы обязаны перестроиться и съ удесятиренной энергіей продолжать работать на нее.

Ничего нѣтъ легче и неправильнѣе, какъ заявлять, что власть Добрарміи не слушала нашихъ предостереженій, а потому и провалилась. Если и провалилось что то, то провалились мы всѣ вмѣстѣ. Правые говорятъ, что слѣдовало бы провозгласить принципъ монархіи, за который, якобы, охотно пошелъ бы умирать народъ; лѣвые видятъ причину неудачи въ недостаточной демократичности реформъ и въ реакціонности власти. Такимъ образомъ каждый дуетъ въ свою дудку; какъ и ранѣе многіе не способны встать даже въ такіе моменты на надпрограммную національную высоту и не учитываютъ всю сложность задачъ и конструкціи Добрарміи, всю необычность условій ея возникновенія и обстановки, при которыхъ ей приходится бороться.

Если Добрармія потерпѣла неудачу, то ея идея, ея лозунги не побѣждены и въ концѣ концовъ несомнѣнно восторжествуютъ надъ ложью и насиліемъ большевизма.

Правда, мы временно приперты къ морю. И Новороссійскъ представляетъ изъ себя пока болѣе неблагоустроенный эвакуаціонный пунктъ молодушныхъ обывателей, чѣмъ средоточіе возрожденія и перестроеніе власти.

Многіе уже уѣхали. Другіе, одержимые стаднымъ инстинктомъ и паникой, съ растеряннымъ видомъ, мутными

глазами смотрятъ на море, чтобы куда нибудь да уѣхать. И среди нихъ много не старыхъ, способныхъ работать и въ тылу и на фронтѣ. Пусть старики, женщины, слабые обыватели уѣзжаютъ, но граждане, способные держать въ рукахъ винтовку, лопату или перо, должны остаться.

Пусть они станутъ спиной къ морю и лицомъ къ Россіи. И, вглядѣвшись въ ея многострадальный ликъ, русскій гражданинъ не уѣдетъ зря.

На Серебряковской — толпа бѣглецовъ. Десятки знакомыхъ задаютъ все тотъ же вопросъ:

— На долго ли остаетесь, куда ѣдете?

— Остаюсь пока въ Новороссійскѣ.

— А потомъ?

— А потомъ, дасть Богъ, на Ростовъ, на Харьковъ и т. д.

Сами въ состояніи психоза они на васъ смотрятъ, какъ на помѣшаннаго.»

Въ томъ же духѣ я написалъ рядъ статей, стараясь, главнымъ образомъ, воздѣйствовать на интеллигенцію и пристыдить ее. Послѣдняя моя статья была 8-го марта. Въ это-же время возникло Общество Добровольныхъ Отрядовъ, предсѣдателемъ котораго я былъ. Поэтому поводу я писалъ: («Свободная Рѣчь» отъ 13 февраля).

«Когда спасеніе Родины зависитъ главнымъ образомъ отъ военнаго успѣха и армія претерпѣваетъ трагическую неудачу, обязанность всякаго гражданина, даже и непризывного возраста, могущаго носить оружіе — становиться въ ряды арміи и пополнять уронъ фронта. И прежде всего именно интеллигенція должна провозгласить лозунгъ: — Всѣ на фронтъ и претворить его въ жизни. Союзники въ Новороссійскѣ и Харьковѣ говорили: «Среди русской интеллигенціи много талантливыхъ, можетъ быть, геніальныхъ людей, но нація потеряла сердце. Мы

не видимъ подлиннаго патріотизма. Вмѣсто защиты Родины, только всѣ и думаютъ о бѣгствѣ изъ Россіи».

И дѣйствительно, просить помощи у англичанъ, призывать славянъ проливать кровь за Россію мы можемъ только, будучи сами мужественны и патріотами. Роль «гнилой», какъ ее называютъ, интеллигенціи показать въ подобную минуту всему свѣту, что русская нація, потерявъ почти всю территорію, не потеряла своего сердца. Надежда на спасеніе организма возможна, пока бьется сердце. Замерло сердце — организмъ обреченъ на смерть и разложеніе.

Нельзя смотрѣть на себя, какъ на соль земли, которую нужно беречь въ интересахъ будущаго въ сухомъ и безопасномъ мѣстѣ. Эта соль будетъ подмочена и потеряетъ всякое значеніе. Всѣ, кто можетъ, должны идти въ армію для несенія гарнизонной службы, для защиты отъ бандъ и, главнымъ образомъ, для пополненія убыли на фронтѣ.»

Небольшой Кружокъ Иниціаторовъ Общества Добровольныхъ Отрядовъ энергично принялся за дѣло. Но на полученіе разрѣшенія и утвержденія Устава прошло много времени и потому съ этимъ дѣломъ было опоздано, большевики взяли Екатеринодаръ и все побѣжало изъ Новороссійска. Деникинъ жилъ въ вагонѣ у пристани. Я спорилъ и съ своими друзями, бывшими членами Особаго Совѣщанія и стоявшими во главѣ Союза Городовъ, стремившимися уѣхать въ Константинополь. Я убѣждалъ ихъ остаться или переѣхать на черноморское побережье или въ Крымъ. Они меня называли Донъ Кихотомъ, а я ихъ — гражданскими дезертирами. Такіе энергичные общественные дѣятели, какъ Астровъ, Юреневъ, Жекулина, Дмитріевъ и Федоровъ, стоявшіе во главѣ Союза Городовъ, уѣхали въ Константинополь, а потому этотъ Союзъ влачилъ въ Крыму при Врангелѣ довольно жалкое существованіе. Земскіе уполномоченные Шликевичъ и Эйлеръ

тоже уѣхали, но случайно въ Крыму была база и склады Земскаго Союза съ уполномоченными гр. Капнистомъ и Хрипуновымъ, а потому этотъ Союзъ развилъ въ Крымскій періодъ борьбы очень широкую дѣятельность.

Въ предыдущихъ главахъ я забылъ сказать, что оба эти Союза плодотворно работали при Добрарміи.

Когда всѣ хлопотали объ иностранныхъ визахъ и пароходныхъ билетахъ, я такъ и остался безъ визы. На случай, если бы мнѣ не удалось въ послѣднюю минуту сѣсть на пароходъ, я досталъ винтовку, чтобы идти на Черноморское шоссе, по которому впослѣдствіи отступало много войскъ, главнымъ образомъ казаковъ, которые не успѣли эвакуироваться. Потомъ эти части изъ Туапсе и Сочи перевозились въ Крымъ. Меня, пасифиста (но не антимилитариста), обучалъ обращенію съ винтовкой братъ милосердія изъ моего передового отряда на войнѣ — Вонсовичъ. Олсуфьевъ, «учтя, что зрѣетъ драма» уже давно уѣхалъ и я жилъ въ комнатѣ одинъ, а когда Панина, Федоровъ и Астровъ уѣхали, я переѣхалъ въ ихъ помѣщеніе въ Азовскомъ банкѣ.

Когда уже большевики изъ Екатеринодара шли на Тонельную, за день до моего отъѣзда, я проходилъ мимо цирка-балагана у моря и зашелъ въ него на нѣсколько минутъ, заинтересовавшись, что можетъ тамъ происходить во время начавшейся паники и поголовнаго бѣгства изъ Новороссійска. Въ переполненномъ циркѣ были преимущественно солдаты и офицеры. Много пьяныхъ. Офицеры съ трудомъ выводятъ изъ ложи буянящаго товарища. На сценѣ крошечный мальчикъ накувыркавшись, тяжело дыша, выкрикиваетъ патріотическіе контръ-революціонные стихи, размахивая національнымъ флагомъ. Вѣроятно тотъ же мальчикъ дня черезъ четыре, размахивая краснымъ флагомъ, высмѣивалъ Добрармію.

На слѣдующій день начались пожары и грабежъ. О послѣднемъ я впервые узналъ, купивъ у солдата спички за два рубля, тогда какъ они продавались послѣднее вре-

мя за 25 рублей. Въ тотъ же день по городу начали бѣгать и бродить на свободѣ, брошенныя на произволъ судьбы, лошади, выпряженныя изъ обозовъ и отъ орудій. На узкомъ шоссе между старымъ городомъ и новымъ, гдѣ вокзалъ и пароходныя пристани, творится нѣчто невообразимое.

Подъ вечеръ пріѣзжаетъ ко мнѣ въ банкъ на автомобилѣ фрацузскій представитель генералъ Мондіи, узнавшій отъ кого то, что я еще въ городѣ. Какъ онъ пробрался по шоссе, не понимаю. — «Mais qu'est ce que vous faites donc, mon ami? Il est temps. Большевики въ Тонельной, могутъ быть завтра здѣсь». Даетъ мнѣ пропускъ на французскую пристань и торопитъ сегодня-же пріѣхать. Бросаюсь искать подводу и не нахожу, никто не рѣшается ѣхать ночью, такъ какъ обратно проѣхать будетъ невозможно. Устраиваю двуколку Союза Городовъ на завтрашнее утро. Съ вечера слышна канонада. Съ утра выѣзжаю. Канонада приблизилась. На узкомъ приморскомъ шоссе 4-5 рядовъ повозокъ и масса пѣшихъ. Идутъ и въ обратномъ направленіи. Продвигаемся 15-20 шаговъ — остановка на полъ часа. Очевидно такъ не доберемся и до вечера. Встрѣчные говорятъ, что на лошади все равно не проберемся. Нѣкоторые бросаютъ подводы и экипажи и несутъ поклажу на рукахъ. Что дѣлать? У меня три мѣшка и ящикъ съ пишущей машинкой Національнаго Центра. Назадъ тоже уже не проѣдешь по шоссе. Сворачиваемъ въ сторону, нѣсколько разъ чуть не топимъ лошадь, еле сами ступая по колѣни въ грязи и, наконецъ, попадаемъ обратно въ городъ. Выпрашиваю въ Согорѣ четырехъ санитаровъ для моего багажа и иду съ ними. И пѣшкомъ продвигаться трудно. Приходится пролѣзать подъ лошадьми, запряженными и брошенными на свободу, лавировать между повозками и людьми. Санитаровъ, которыхъ я не знаю въ лицо и по имени, постоянно оттираютъ. Нѣсколько снарядовъ пролетѣло въ море Паника усиливается и мои санитары трусятъ. Въ морѣ и на берегу стоятъ бро-

шенныя повозки, орудія, танки. Горятъ желѣзнодорожные пакгаузы, огромные склады съ товарами и вагоны разграбляются.

Я видывалъ виды, но и Галицiйское, и Мукденское отступленіе не могутъ сравняться по скученности и замѣшательству съ Новороссійскомъ: вся противобольшевицкая Россія, припертая къ морю, мечется на этомъ шоссе.

Солдаты съ кипами товаровъ. Подъ ногами людей и лошадей бархатъ, сукна, кожа, консервы, винтовки. Въ воздухѣ — матерщина. Офицеры отбираютъ у солдатъ товары, заставляютъ подбирать брошенныя винтовки. На поворотѣ къ вокзалу, съ котораго еще вливается потокъ людей и лошадей, въ бѣлой шапкѣ съ адъютантами распоряжается генералъ Кутеповъ, но урегулировать движеніе уже не въ состояніи. Нѣсколько разъ еле отстаиваю мой багажъ, на который набрасываются подъ предлогомъ, что это краденный товаръ. Ящикъ съ машинкой разбиваютъ, чтобы убѣдиться, что въ немъ. Теряю постоянно изъ виду санитаровъ, наконецъ, троихъ изъ нихъ теряю окончательно и къ пристани прихожу лишь съ ящикомъ съ пишущей машинкой. Оставляю ящикъ на пристани и иду съ санитаромъ на набережную разыскивать остальныхъ трехъ. Нахожу одного, а двухъ другихъ не нашелъ и все мое платье и бѣлье такъ и пропало, хотя я просилъ санитаровъ потомъ принести вещи, если бы ихъ товарищи вернулись въ городъ съ вещами.

Уже на французскомъ катерѣ, стоявшемъ у пристани, на который я попалъ въ довольно растерзанномъ видѣ, меня подкормили, а когда я очутился на дредноутѣ — Вальдекъ Русо, то я сразу попалъ послѣ моихъ скитаній и ужасной Новороссійской обстановки — какъ бы въ Европу, на плавучую почву Франціи: обѣдъ у капитана изъ пяти блюдъ, вина, ликеры, сигары, ванна, душъ, парикмахеръ. Вальдекъ Русо былъ переполненъ, главнымъ образомъ военной толпой; у многихъ солдатъ не было ору-

жія, то, что было, отбиралось французами до высадки. Отличались выправкой и дисциплиной, были частью, а не толпой, юнкера Алексѣевскаго Училища, которые выстраивались пѣть молитву, благодарить французовъ. Мнѣ капитанъ уступилъ свою вахтенную каюту на вышкѣ.

Мы стояли делеко на рейдѣ. Къ счастью для эвакуаціи была тихая погода. Ночью взошла луна. Она и пожары отсвѣчивались въ водѣ. Особенно сильно пылали нефтяные баки и вагоны-цистерны. До поздняго вечера лодки подвозили бѣженцевъ.

Поздно утромъ я проснулся отъ страшнаго шума и сотрясенія. Это съ Вальдека Русо стали обстрѣливать горы за городомъ, чтобы прикрыть отступленіе. Огромное, кажется 12-дюймовое чудище было подъ моей вышкой. Меня не предупредили о стрѣльбѣ; слѣдовало пріоткрыть окно, чтобы дать выходъ сотрясенному воздуху, а то у меня вдребезги разбились окно и посуда. Прибѣжавшій на шумъ битаго стекла матросъ-дневальный убралъ осколки и далъ ваты заткнуть уши, какъ и они всѣ дѣлаютъ, чтобы не лопнула барабанная перепонка. Обстрѣлъ подступовъ къ городу продолжался еще нѣкоторое время. Офицеры и прислуга орудій, смотря въ бинокль, радовались, когда снаряды разрывались около «большевиковъ», людскихъ скопищъ на склонѣ холмовъ. Долженъ ли и я радоваться? На меня тяжелое впечатлѣніе производилъ обстрѣлъ русской земли и русскихъ людей съ иностраннаго судна, на которомъ я бѣжалъ. Да и были ли то большевики? Можетъ быть это населеніе, бѣгущее отъ большевиковъ, можетъ быть запоздавшія части или бѣженцы съ застрявшихъ въ Тонельной поѣздовъ, ищущіе выхода къ морю? Нашъ капитанъ былъ противъ обстрѣла, но приказъ былъ данъ старшимъ по чину англійскимъ адмираломъ, который тоже открылъ огонь съ своихъ судовъ.

Переполненные, черные отъ народу пароходы, проходи-

ли мимо насъ, направляясь въ Крымъ. Нѣкоторые пароходы тащили на буксирѣ какія то металическія плоскія баржи, тоже переполненныя. Разумѣется это было возможно только благодаря спокойному морю. Что бы было при нордъ-остѣ?

Къ намъ цѣлый день подплываютъ лодки съ бѣглецами. Къ вечеру они разсказываютъ, что большевики уже въ городѣ, что ихъ лодки ими обстрѣливались. А можетъ быть это были бандиты или Новороссійскіе друзья большевиковъ? Было послано нѣсколько миноносцевъ въ ихъ числѣ и русскіе, обстрѣлявшихъ кого то изъ пулеметовъ. Ружейные выстрѣлы, бывшіе сначала одиночными, стали все чаще раздаваться.

Въ прибывающихъ лодкахъ стали появляться убитые и раненые. Когда судовой врачъ у трапа констатировалъ смерть, то къ ногамъ мертвеца привязывали гири и его сбрасывали въ море. Вѣроятно такіе мертвецы съ грузомъ на ногахъ, достигнувъ дна, стоя покачивались въ водѣ. Одна переполненная лодка въ сумятицѣ опрокинулась. Мужчины и женщины барахтались и кричали. Имъ бросили круги, спустили лодки. Предполагали, что спасли всѣхъ, но количество ѣхавшихъ было неизвѣстно.

Еще ночь переночевалъ на рейдѣ. Я пользовался гостепріимствомъ симпатичнаго, расторопнаго капитана въ его роскошныхъ гостинныхъ. Бывалъ и въ офицерской каютъ-кампаніи. Ночью усилился ружейный и пулеметный обстрѣлъ вдоль черноморскаго побережья. Или большевики, или зеленые обстрѣливали вѣроятно отступающихъ по шоссе на Туапсе. Утромъ большевики начали обстрѣливать рейдъ. Прошелъ русскій крейсеръ съ Деникинымъ, въ честь котораго на Вальдекъ Русо выстраивали команду. Когда снаряды стали ложиться близъ насъ, снялся и Вальдекъ Русо, взявъ курсъ на Феодосію.

Злополучный Новороссійскъ сталъ скрываться изъ виду, завалакиваясь дымкой; мы покидали русскій материкъ

и намъ оставалось лишь уцѣпиться за послѣдній полуостровъ Россіи. У многихъ были слезы на глазахъ, нѣкоторыя женщины плакали. Помню молодого казака-солдата, по лицу котораго катилась крупная слеза.

Мнѣ вспомнилась старая казацкая пѣсня про казака, ѣдущаго въ походъ, какъ при прощаньи съ семьей у него

«и слезинка изъ глазъ,
точно ясный алмазъ,
типъ да капъ, типъ да капъ
на усы сиротинушки».

УIII.

ФЕОДОСІЯ. СЕВАСТОПОЛЬ. 1920 г.

Насъ обогналъ болѣе быстроходный англійскій дредноутъ «Императоръ Индіи» подъ адмиральскимъ флагомъ. На Вальдекъ Русо одна дама дала мнѣ носовой платокъ, Харламовъ, который гораздо меньше меня — рубашку. Уже въ Феодосіи я, что могъ найти на мой ростъ, получилъ изъ Американскаго Краснаго Креста и заказалъ бѣлье по очень дешевымъ цѣнамъ въ Земскомъ Союзѣ. На «Вальдекъ Русо» я встрѣтился и съ профессоромъ Даватцемъ, нашимъ Харьковскимъ К.-Д., поступившимъ солдатомъ-добровольцемъ въ Добрармію и подъ пулеметнымъ обстрѣломъ едва выбравшимся на лодкѣ въ послѣднюю минуту. Какъ разъ въ это время я на кормѣ разговаривалъ съ офицеромъ-георгіевскимъ кавалеромъ, который собирался изъ Крыма ѣхать въ Константинополь. На мое удивленіе, почему онъ не останется въ Крыму, онъ обнаружилъ полное разочарованіе, считая, что все кончено. Какъ онъ, такъ и нѣкоторые другіе доблестные офицеры, какъ я замѣчалъ, еще болѣзненнѣе насъ переживали разложеніе арміи и крушеніе дисциплины. Даватцъ поддерживалъ горячо мою точку зрѣнія, что надо защищать Крымъ, но безуспѣшно.

Въ Феодосіи я пробылъ болѣе мѣсяца, прогостивъ у товарищей по партіи братьевъ Саломона, Ибрагима и Шепетея Саломоновичей Крымовъ въ ихъ чудной виллѣ

на приморскомъ бульварѣ. Эта современная часть города тянется вдоль моря и состоитъ изъ прекрасныхъ виллъ, большею частью караимовъ,—Хаджи, Крымъ, Стамболи и другихъ. Здѣсь же большая дача бывшая Суворина съ чуднымъ садомъ у моря. Старая часть небольшого городка съ пристанью и старой крѣпостью имѣетъ прелесть старины отъ сохранившихся остатковъ турецкаго владычества. Попадаются въ раскопкахъ и предметы древне-греческой бывшей здѣсь колоніи. Изъ дома-музея Айвазовскаго картины были убраны.

Для меня Феодосія, куда я попалъ впервые, связана съ воспоминаніями дѣтства, такъ какъ въ нашемъ подмосковномъ имѣніи въ церкви похороненъ В. М. Долгоруковъ-Крымскій, покорившій восточную часть Крыма и въ залѣ дома висѣли два огромныхъ плана-картины взятія имъ Феодосіи и Керчи и турецкаго флота. На дворѣ же стояли, подаренныя ему Екатериной II, пушки съ серебряными надписями, отбитыя у турокъ въ этихъ сраженіяхъ.

Къ западу отъ Феодосіи начинаются скалистыя горы Крымскаго хребта съ чудными дачными мѣстами — Коктебель, Судакъ и друг.

На виллѣ же Крыма помѣстилась съ полковникомъ во главѣ французская военная миссія, съ очень милыми молодыми офицерами, съ которыми я очень дружилъ. На сосѣдней площадкѣ ежедневно происходили оживленныя футбольныя состязанія между французскими и англійскими моряками.

Наступилъ апрѣль, все было въ цвѣту. Я прожилъ въ тихой Феодосіи съ комфортомъ и въ полномъ отдыхѣ, что послѣ Новороссійска и передъ Севастополемъ было очень пріятно, и полезно.

Вблизи было маленькое кладбище при церкви подъ сѣнью кипарисовъ. На немъ были свѣжія могилы молодыхъ знакомыхъ москвичей, чуть не мальчиковъ, гр. Пушкина и Тучкова, погибшихъ въ славныхъ бояхъ при за-

щитѣ Крыма отъ большевиковъ Слащевымъ. Тутъ-же въ тифозномъ госпиталѣ Краснаго Креста лежалъ въ бреду мой племянникъ, доброволецъ-солдатъ Ахтырскаго полка.

Деникинъ съ остатками своего штаба занялъ гостинницу противъ вокзала. Онъ не выходилъ изъ нея. Онъ не захотѣлъ своей властью назначить себѣ преемника, а предоставилъ это сдѣлать собравшимся въ Севастополѣ высшимъ чинамъ командованія, которые и выбрали Главнокомандующимъ Врангеля, находившагося тогда въ Константинополѣ и немедленно прибывшаго въ Севастополь. Деникинъ скромно, какъ всегда, почти незамѣтно сѣлъ на англійскій миноносецъ и уѣхалъ съ Начальникомъ Штаба генераломъ Романовскимъ въ Константинополь. При прощаніи многіе изъ штабныхъ плакали.

Такъ перевернулась страница и окончилась глава исторіи бѣлой борьбы, и началась новая глава — Врангелевскій періодъ.

Генералъ Романовскій, очень нелюбимый въ арміи, былъ убитъ въ передней русскаго посольства въ Константинополѣ. Странное явленіе: насколько главнокомандующіе были любимы арміей и пользовались огромнымъ авторитетомъ, настолько же не любили ихъ начальниковъ штаба. Съ одной стороны В. Кн. Николай Николаевичъ, Деникинъ, Врангель, съ другой стороны — генералы Янушкевичъ, Романовскій, Шатиловъ...

Сразу, прибывшее въ маленькую Феодосію большое количество войскъ изъ Новороссійска и все продолжавшія прибывать съ Черноморскаго побережья разрозненныя части, или скорѣе банды солдатъ оказали свое дѣйствіе и скоро началась нехватка провіанта, а также начались грабежи и безчинства. Послѣ Новороссійскаго погрома солдаты прибывали въ лохмотьяхъ, безъ обозовъ, часто безъ оружія. Это было не войско, а военный сбродъ который внушалъ опасеніе въ настоящемъ и мало обѣщалъ хорошаго въ будущемъ.

Собралась Городская Дума для обсужденія положенія дѣлъ. На это собраніе былъ приглашенъ и я съ нѣкоторыми общественными дѣятелями. Было принято спроэктированное мной обращеніе къ генералу Врангелю, въ которомъ изображалось угрожающее положеніе города и намѣчался рядъ необходимыхъ мѣропріятій.

Въ то же время съ Кавказскаго побережья начали прибывать кавалерійскіе солдаты, преимущественно казаки, не только съ оружіемъ, но даже и съ лошадьми.

Въ скоромъ времени продвиженіе воинскихъ чиновъ въ мѣста формированія частей, какъ по желѣзной дорогѣ такъ и по шоссе урегулировалось и произошло, какъ я классифицирую, чудо № 1 генерала Врангеля, — быстрое превращеніе деморализованныхъ, разрозненныхъ, неодѣтыхъ и невооруженныхъ бандъ въ регулярное войско, о чемъ я буду говорить впослѣдствіи.

Кромѣ думскаго засѣданія былъ я еще на двухъ засѣданіяхъ маленькой мѣстной кадетской группы; этимъ и ограничилась здѣсь моя общественная дѣятельнось и отдыхъ мой былъ полный.

Отдыхомъ и развлеченіемъ была и поѣздка въ Сочи за бѣженцами. Пасха была поздняя, 1-го мая. Въ самомъ концѣ апрѣля французская миссія получила изъ Севастополя распоряженіе отправить судно въ Сочи для эвакуированія оттуда бѣженцевъ въ Ялту. На небольшомъ военномъ транспортѣ изъ миссіи былъ командированъ лейтенантъ. Такъ какъ въ Сочи находился мой братъ съ семьей, которому пора было эвакуироваться, то я попросился поѣхать. Полковникъ очень обрадовался, такъ какъ я могъ быть полезенъ въ качествѣ помощника, совѣтчика и переводчика при молодомъ лейтенантѣ. Погода была чудная. Мы ѣхали вдвоемъ на пароходѣ, какъ на своей яхтѣ, и послѣ обѣда стрѣляли въ кувыркающихся дельфиновъ. Подъ утро 1-го мая мы подъѣхали къ Сочи и, не зная навѣрно въ чьихъ оно рукахъ, изъ предосторожности остановились поодаль. Утромъ подъѣхала комен-

дантская лодка и мы съ леитенантомъ поѣхали на ней къ городу. Сдѣлавъ распоряжене о погрузкѣ бѣженцевъ, мы гуляли по городу и зашли на дачу, гдѣ жилъ братъ. Оказывается онъ наканунѣ выѣхалъ въ Ялту на англійскомъ суднѣ. Потомъ мы пошли въ гостинницу Ривьера къ генералу Шкуро, который сталъ во главѣ войскъ, отступающихъ по Кавказскому побережью. Съ сѣвера по шоссе безпрерывно шли конныя и пѣшія группы солдатъ. Туапсе уже было въ рукахъ большевиковъ и все побережье, очевидно, агонизировало.

У Шкуро мы застали разгавливаніе съ обильной выпивкой. Тутъ же пришло духовенство съ крестомъ. Шкуро меня разспрашивалъ о передачѣ власти Деникинымъ Врангелю и былъ недоволенъ этой передачей, будучи сторонникомъ перваго и не желая признать власть второго. Онъ потомъ въ Крыму и не былъ, а прямо поѣхалъ въ Константинополь. На своемъ участкѣ въ трехъ верстахъ отъ Сочи я не успѣлъ побывать.

Когда къ вечеру погрузка бѣженцевъ окончилась (кажется человѣкъ 1200) и пароходъ былъ биткомъ набитъ, мы выѣхали въ Ялту. Я дѣйствительно былъ полезенъ. Мало того, что публику французы даромъ перевозили и давали хлѣбъ и консервы, бѣженцы все время заявляли мнѣ разнаго рода претензіи на счетъ горячей пищи, чая и т. п., которыя я просто не передавалъ лейтенанту, совѣстясь за безцеремонность соотечествениковъ.

Вечеромъ я пригласилъ, ѣхавшаго съ нами, полковника Гнилорыбова, который потомъ стяжалъ себѣ такую печальную извѣстность, и другого казачьяго полковника въ капитанскую каюту, чтобы получить у нихъ свѣдѣнія о побережьѣ для доклада, который составлялъ лейтенантъ для начальства. Положеніе, въ смыслѣ обороны, было безнадежное: полное отсутствіе патроновъ, острый продовольственный и фуражный кризисъ. Помнится, что десятокъ яицъ въ Сочи стоилъ 1000 рублей.

На другой день, пока пароходъ въ Ялтѣ разгружался

и чистился, я показывалъ лейтенанту городъ, погулявъ и покатавшись по нему. Ялта вся въ цвѣту, но съ прошлаго года какъ то еще опустилась и посѣрѣла. Пообѣдавъ съ знакомыми мнѣ москвичами, мы выѣхали въ Феодосію. забравъ нѣсколькихъ пассажировъ.

Вскорѣ послѣ этого я выѣхалъ изъ Феодосіи на пароходѣ въ Севастополь, гдѣ поселился на біологической станціи-акваріумѣ у завѣдующаго ею Гольцова. Я жилъ въ комнатѣ при лабораторіи и изъ окна, выходящаго въ паркъ, слушалъ вечеромъ музыку въ бульварной раковинѣ, Собинова и друг. Станція помѣщалась въ самомъ центрѣ города на Приморскомъ бульварѣ съ его чахлой растительностью. Купанье было подъ бокомъ. Главную прелесть квартиры составляла громадная квадратная терраса вдоль всего второго этажа зданія, отдѣленная отъ моей комнаты лабораторіей. Она подходила къ самому морю и во время бури брызги долетали до нея. Послѣ душнаго Севастопольскаго дня, чудно было на этой террасѣ, откуда слышалась сирена, поставленная гдѣ то въ морѣ при входѣ въ бухту. Въ лунныя ночи была картина «достойная кисти Айвазовскаго». Тутъ же жилъ извѣстный инженеръ старикъ Бѣлелюбскій. Въ комнатѣ рядомъ со мной на лабораторныхъ столахъ спала молодежь.

Разумѣется Севастополь, самъ по себѣ живописный, довольно благоустроенный для русскаго города, былъ переполненъ и очень оживленъ въ роли столицы. Его историческіе памятники — Малаховъ Курганъ, Братская могила, 4-й бастіонъ и друг. были еще въ хорошемъ состояніи, которые, какъ и иностранныя воинскія кладбища, постоянно посѣщались союзными моряками. Въ музеѣ я нашелъ посланный мной портретъ отца, бывшаго адъютантомъ у кн. Горчакова. Въ теченіе лѣта я принималъ участіе въ нѣсколькихъ пикникахъ въ Херсонесскій монастырь съ его древне-греческими раскопками, въ Березовую (?) Балку и въ другія окрестности.

Врангель помѣщался въ верхней части города. Я былъ

у него всего два-три раза. Отъ всей его фигуры вѣяло энергіей и сразу почувствовалась его молодая, крѣпкая рука. Тотъ военный сбродъ, который я видѣлъ въ Феодосіи, Врангель и его сотрудники въ короткое время преобразили въ регулярныя части, способныя не только оборонять Крымъ, но и наступать. Лѣтомъ была занята сѣверная часть Таврической губерніи, Мелитополь и Бердянскъ. И это при страшной трудности комплектованія, при недостаткѣ обозовъ, лошадей, артиллеріи и при ограниченныхъ ресурсахъ населенія небольшой территоріи.

Грабежи и насилія въ войскахъ, благодаря строгимъ мѣрамъ, исчезли, произошло то чудо, о которомъ я говорилъ ранѣе, въ которое не вѣрили и потрясенные разложеніемъ Добрарміи военные. Приведу характерный примѣръ. Въ какомъ то селеніи, кажется татарскомъ, около Карасубазара, должна была формироваться часть. Населеніе, уже испытавшее прелести гражданской войны, составило приговоръ, прося не ставить у нихъ формирующуюся часть, говоря, что они платятъ откупъ зеленымъ въ горахъ, которые ихъ за это не трогаютъ и даже оберегаютъ. Но часть была у нихъ поставлена и мѣсяца черезъ два, когда она должна была продвинуться на фронтъ, то же населеніе просило не уводить всѣхъ войскъ. Оно не испытало отъ нихъ никакого насилія, за всѣ продукты получало деньги, зеленые исчезли.

По всему своему облику Врангель, съ его порывистыми манерами и стройной фигурой кавалериста-гвардейца, для меня, вращавшагося болѣе въ либерально-интеллигентскихъ кругахъ въ моей земской, политической и общественной дѣятельности, былъ болѣе чуждъ, чѣмъ скромный, болѣе демократическаго облика, Деникинъ. На плечи Деникина, послѣ смерти Корнилова и Алексѣева, свалилось тяжелое и отвѣтственное бремя. Онъ съ достоинствомъ несъ это бремя и снискалъ къ себѣ общее уваженіе. Онъ былъ коренастый, крѣпкій солдатъ, кото-

рый твердо стоялъ на своемъ посту и честно выполнялъ свой патріотическій подвигъ. Но онъ не былъ диктаторъ.

Въ Врангелѣ болѣе чувствовалось потентной энергіи. И онъ впослѣдствіи доказалъ, что не только можетъ изъ деморализованной массы формировать, воодушевлять и вести въ бой боеспособное войско, но не выпускалъ изъ своихъ крѣпкихъ рукъ возжей и послѣ катастрофы. И послѣ военнаго крушенія люди вѣрили въ него и онъ, въ неимовѣрно трудныхъ условіяхъ, находилъ возможность поддерживать ихъ морально и матерьяльно, поддерживать въ нихъ воинскій духъ и порывъ къ національному подвигу. Онъ былъ ближе къ типу диктатора, а это въ настоящее время и требовалось, а потому я прогрессистъ, кадетъ и пасифистъ, всецѣло и убѣжденно сталъ его поддерживать, какъ въ Крыму, такъ и зарубежомъ. «Какова бы власть ни была въ настоящій моментъ, если за ней идутъ войска, — она должна быть признана всѣми», писалъ намъ изъ Москвы Щепкинъ незадолго до своего разстрѣла. А для признанія власти и роли Врангеля многимъ моимъ друзьямъ, которые никакъ не могли потомъ спѣться съ нимъ въ Константинополѣ, слѣдовало помнить, что до окончанія Военной Академіи, онъ окончилъ Горный Институтъ, и, какъ человѣкъ всесторонне образованный и развитой, онъ могъ быстро оріентироваться въ непривычной ему политической обстановкѣ и — неопытный, дѣлавшій много ошибокъ политикъ — былъ способенъ эволюціонировать.

И не только въ него увѣровали русскіе люди, но ему удалось черезъ нѣкоторое время добиться и того, что не удалось Деникину, официіальнаго признанія своей власти Франціей.

Въ Деникинскій періодъ борьбы болѣе существенную помощь оказали англичане, а въ Крымскій — французы, которые снабжали Врангеля артиллеріей, оружіемъ и боевыми припасами, а англичане какъ то стушевались и даже при эвакуаціи Крыма почти не помогли. Во главѣ фран-

цузской миссіи былъ генералъ Mangin, а дипломатическимъ представителемъ послѣ признанія Франціей, былъ назначенъ Графъ Мартель, бывшій до того въ Грузіи.

Послѣ первоначальнаго устроенія военнаго управленія было приступлено къ образованію гражданскаго правительства. Когда потомъ критиковали правленіе Врангеля, съ его дѣйствительно крупными дефектами, то забываютъ, какое было въ Крыму безлюдіе, а большинство бѣжало изъ Новороссійска заграницу, или проживало тамъ ранѣе и далеко не всѣ согласились оттуда пріѣхать на предложеніе Врангеля различныхъ должностей.

Во главѣ правительства сталъ, пріѣхавшій изъ заграницы Кривошеинъ, и въ общемъ, какъ не узко-партійный, спокойный и опытный бюрократъ, онъ былъ подходящимъ помощникомъ Врангеля. Но при эвакуаціи Крыма онъ какъ и вообще при такихъ обстоятельствахъ многіе гражданскіе чины и въ Новороссійскѣ и въ Севастополѣ, былъ не на высотѣ. Онъ уѣхалъ въ Константинополь заблаговременно, даже не увѣдомивъ своихъ коллегъ. По крайней мѣрѣ Бернацкій узналъ объ его отъѣздѣ post factum чуть не изъ газетъ.

Бернацкій опять завѣдывалъ финансами. Большимъ подспорьемъ было то, что еще при Деникинѣ часть экспедиціи по печатанію денегъ была въ Феодосіи и потому это дѣло, уже налаженное, пришлось только расширить. Бернацкаго многіе упрекали въ томъ, что онъ недостаточно печатаетъ денегъ, въ коихъ дѣйствительно чувствовался большой недостатокъ. И безъ того рубль стремительно падалъ. Но не могъ же Бернацкій неограниченно печатать деньги, играя на ихъ пониженіе, и имѣть въ виду лишь эвакуацію. Согласно общему плану Командованія, онъ долженъ былъ разсчитывать на продвиженіе арміи въ Россію, а туда двигаться съ окончательно обезцѣненнымъ рублемъ было нельзя.

Струве вѣдалъ иностранными дѣлами и помощникомъ одно время былъ у него кн. Г. Н. Трубецкой. Не помню,

кто сыгралъ главную роль въ признанiи Врангеля Францiей. Если Струве, — то это его большая заслуга и удача. Онъ, какъ и всегда мѣткими словечками, почти афоризмами, характеризовалъ общую линiю Врангелевской политики: «лѣвая политика правыми руками». Проводя эту политику и симпатизируя ей, онъ приговоздилъ къ ней эту этикетку, которая получила широкую огласку, чѣмъ врядъ ли онъ оказалъ услугу проведенiю въ жизнь этой политики, къ которой и безъ того относились недовѣрчиво. Къ какимъ печальнымъ результатамъ приводила на практикѣ такая тактика, будетъ видно въ частности на мелкомъ сравнительно примѣрѣ въ моей дѣятельности, о которомъ разскажу ниже. Торговлей вѣдалъ Харьковскiй горно-промышленникъ А. И. Фенинъ, юстицiей — Н. Н. Таганцевъ, внутренними дѣлами — Тверской. Послѣднiй — опытный чиновникъ и симпатичный человѣкъ, не отличался самостоятельностью и твердостью и совершенно пасовалъ и затирался различными теченiями и военнымъ элементомъ.

Во главѣ вѣдомства земледѣлiя стоялъ Глинка. Земельный законъ, проводимый имъ, былъ достаточно широкъ и «либераленъ», какъ и вообще вся программа Врангелевскаго правительства вполнѣ подходила подъ Струвовскiй афоризмъ.

Севастополь — первый городъ на Югѣ Россiи, въ которомъ я засталъ кадетскiй комитетъ не дѣйствующимъ. Довольно многчисленная К.-Д. группа рѣзко раздѣлилась на лѣвую и правую половины, которыя, какъ это ни нелѣпо было въ переживаемое время, никакъ не могли сговориться между собой, и потому уже около года комитетъ вовсе не собирался. Благодаря наплыву прiѣзжихъ членовъ партiи, мнѣ удалось перестроить группу и мы часто собирались, какъ и вездѣ обсуждая и стараясь главнымъ образомъ направить дѣятельность въ направленiи надпартiйнаго объединенiя.

Таковое возникло подъ моимъ предсѣдательствомъ

подъ названіемъ «Объединеніе Общественныхъ и Государственныхъ дѣятелей» (О. О. и Г. Д.), которое развило лѣтомъ широкую дѣятельность, главнымъ образомъ, устраивая публичныя собранія. Національный Центръ прекратилъ свое существованіе въ Новороссійскѣ, всѣ руководители его, кромѣ меня, уѣхали заграницу и мнѣ пришлось преемственно одному организовать это объединеніе, послужившее звеномъ между Національнымъ Центромъ и возникшимъ въ 1921 году въ Парижѣ Національнымъ Комитетомъ. Платформа всѣхъ этихъ трехъ общественныхъ организацій была тождественна, національно-надпартійная, аналогичная лозунгамъ Добрарміи, а нынѣ Русской Арміи, и всемѣрно армію поддерживающая. (Мое предложеніе возобновить дѣятельность Національнаго Центра не было принято).

Въ Севастополѣ собранія устраивались въ Морскомъ Собраніи и въ большомъ Городскомъ Театрѣ.

Особенной торжественностью отличались собранія въ переполненномъ театрѣ въ присутствіи Врангеля, правительства и генералитета, на которомъ Струве, Бернацкій и Глинка дѣлали доклады, въ которыхъ разъясняли программу и мѣропріятія своихъ вѣдомствъ. Когда Врангель, въ началѣ собранія, проходилъ въ первый рядъ, то рѣчь превывалась, мы на сценѣ и вся публика въ театрѣ вставала и привѣтствовала его. Я дѣлалъ краткое вступленіе и послѣ докладовъ (всѣ три очень обстоятельные и интересные) — болѣе подробное заключеніе, освѣщая вопросъ съ общественной точки зрѣнія и призывая общество и тылъ поддерживать армію и работать надъ упорядочіемъ тыла. Такъ какъ входъ былъ свободный и безплатный, то обширный театръ со стоявшею во всѣхъ проходахъ публикою далеко не могъ вмѣстить всѣхъ желающихъ.

И Врангель съ своими сотрудниками и публика были очень довольны этимъ способомъ личнаго общенія и ознакомленія широкой публики съ политикой Коман-

дованія. Отчеты о собраніяхъ печатались въ газетахъ и въ видѣ суррогата замѣняли собой отчеты о парламентскомъ законодательствѣ. Собраній съ докладами другихъ вѣдомствъ я не успѣлъ уже организовать. На одномъ изъ засѣданій О. О. и Г. Д. была предложена кандидатура въ члены Переверзева, но ее пришлось снять, такъ какъ многіе были противъ него, какъ члена злополучной Комиссіи Муравьева, которая восемь мѣсяцевъ держала въ заключеніи нѣкоторыхъ сановниковъ безъ предъявленія къ нимъ обвиненія и тѣмъ обрекла ихъ при октябрьскомъ переворотѣ на разстрѣлъ большевиковъ. (Объ этой «Муравьевско-Переверзевской» Комиссіи говорилъ мнѣ со стыдомъ Шингаревъ въ Петропавловской Крѣпости послѣ встрѣчи съ Щегловитовымъ).

Осенью, какъ у насъ полагается, началось было разслоеніе общественности на различныя теченія. Милѣйшій Н. Н. Львовъ затѣялъ было какое то болѣе правое національное объединеніе. Мой большой пріятель, другъ дѣтства, Львовъ, путанникъ въ организаціонныхъ вопросахъ, идеалистъ, но не реальный политикъ, постоянно воевавшій съ партійностью и призывавшій къ объединенію, самъ не замѣчалъ, какъ онъ только подрывалъ единеніе, образуя вмѣсто него какую то расплывчатую, патріотическую кружковщину. Съ другой стороны Зеелеръ, не вошедшій въ О. О. и Г. Д., задумывалъ какое то демократическое объединеніе съ соціалистами. Но изъ обоихъ начинаній къ моменту сдачи Севастополя такъ ничего и не вышло.

Кромѣ общественной дѣятельности я имѣлъ и скромное служебное дѣло. Врангель меня привлекъ къ устройству болѣе планомѣрныхъ лекцій о политическомъ положеніи и на фронтѣ и въ тылу на казенныя деньги. (Да и для существованія я нуждался хоть въ скромномъ содержаніи). Съ Кривошеинымъ мы условились, что это дѣло будетъ при управленіи печати, то есть въ вѣдомствѣ Тверского. Остановлюсь на этомъ маленькомъ, сравнительно,

дѣлѣ поподробнѣе, такъ какъ оно характерно для проведенія «лѣвой политики правыми руками».

Я собралъ въ Севастополѣ и изъ другихъ городовъ Крыма кадры лекторовъ и образовалъ изъ нихъ группы для отправки въ прифронтовые и другіе районы. Съ ними вырабатывалась программа лекцій и общая для нихъ инструкція. Предварительно передъ посылкой на мѣста, лекторы выступали на собраніяхъ въ Севастополѣ, на которыя приглашался и Тверской. Выступленія эти были признаны удачными. Цѣлью дѣятельности такихъ группъ было ознакомленіе прифронтового населенія и тыла съ лозунгами арміи, съ платформой Врангеля, чтобъ выяснить, съ чѣмъ мы идемъ въ Россію.

Послѣ нѣсколькихъ выступленій лекторовъ въ прифронтовой части, они вернулись въ Севастополь, такъ какъ завѣдующій гражданской частью въ сѣверной Тавріи (Мелитополь) гр. Гендриковъ, непосредственный помощникъ Тверского, запретилъ лекціи. Тутъ обнаружилась несамостоятельность Тверского. Онъ, его вѣдомство организуетъ дѣло, а его помощникъ отмѣняетъ. Правда, этотъ помощникъ былъ товарищемъ Врангеля и личнымъ его ставленникомъ и... Тверской пасуетъ. Иду къ Кривошеину и онъ совѣтуетъ мнѣ переговорить лично съ Врангелемъ. Какой я ни былъ противникъ загроможденія Главнокомандующаго гражданскими, да еще такими мелкими дѣлами, пришлось обратиться къ нему. Онъ мнѣ сказалъ, что дѣйствительно, прифронтовую часть надо оставить, такъ какъ армія, должна быть «внѣ политики» (!) Я кратко возражалъ, но не сталъ переубѣждать. Пріемная было полна народу. Я имѣлъ передъ собой молодого генерала, вступившаго на войну эскадроннымъ командиромъ и нельзя было требовать, чтобы онъ разбирался въ вопросахъ политической тактики. Мнѣ было жаль, что ему приходится отвлекаться отъ фронта этими, несвойственными ему, дѣлами.

Впослѣдствіи онъ политически очень эволюціониро-

валъ. Въ Константинополѣ и въ Бѣлградѣ мнѣ приходилось уже на свободѣ и подолгу съ нимъ говорить и спорить. Онъ уже сталъ значительно лучше разбираться въ политическихъ вопросахъ и самъ на какомъ то собраніи опредѣленно сказалъ, что въ гражданской войнѣ армія не можетъ быть внѣ политики. А въ Севастополѣ онъ совершенно еще не разбирался въ политическихъ терминахъ, не отличалъ понятія политика отъ политиканства и партійности.

Какъ же дѣйствительно можно воевать, вести междуусобную брань противъ большевиковъ, то есть противъ большевицкой фракціи С. Д. партіи, не объяснивъ борющимся и населенію суть большевизма и что ему противопоставляется? Когда онъ меня привлекалъ къ этому дѣлу, онъ какъ будто это понималъ, а потомъ очевидно «правыя руки» его сбили.

И по существу являлся абсурдъ. На фронтѣ, да и въ тылу велась усиленная большевицкая пропаганда. Кромѣ того на фронтѣ же велась безпрепятственно со стороны тѣхъ же властей, монархическая агитація священникомъ Востоковымъ и другими. А между этими, дѣйствительно, партійными теченіями и политиканствомъ, не было мѣста для пропаганды политики Врангеля, большой національной внѣпартійной политики.

Затрачены милліоны (правда тогдашніе милліоны) казенныхъ денегъ на организованное «министромъ» Внутреннихъ Дѣлъ Тверскимъ. дѣло, а его помощникъ отмѣняетъ и Главнокомандующій соглашается съ нимъ. По патріотическимъ побужденіямъ и изъ за довѣрія ко мнѣ нѣкоторые лекторы и семейные, бросаютъ свои мѣста и занятія (работа въ садахъ, на виноградникахъ), пріѣзжаютъ изъ Феодосіи, Керчи, и остаются не у дѣлъ. А я получаю и по почтѣ отъ командировъ частей просьбу прислать лекторовъ, да и лично ко мнѣ заѣзжалъ генералъ и два-три полковника съ фронта, умоляя прислать лекторовъ, говоря, что они сами не разбираются въ зе-

мельномъ и другихъ законахъ, что необходимо ихъ разъяснять солдатамъ и населенію въ виду большевицкой пропаганды. Но «правая рука» помѣшала осуществить это «лѣвое» дѣло и оно, съ такимъ трудомъ налаженное, рухнуло. Еще въ самомъ началѣ начавшихся препятствій, на послѣднемъ собраніи въ театрѣ въ присутствіи Врангеля, его сотрудниковъ и тысячной аудиторіи, я въ заключительномъ словѣ подчеркнулъ, что такое общеніе между властью и населеніемъ, которое происходитъ здѣсь, въ «столицѣ», необходимо и на мѣстахъ, иначе эти торжественныя собранія явятся лишь дешевыми декораціями, прикрывающими взаимное непониманіе и разобщенность власти и населенія, при которой немыслимо вести гражданскую войну.

Но и здѣсь, подъ бокомъ у Главнокомандующаго, эта плохая политика «правыхъ рукъ» давала свои плоды.

Между мной и Тверскимъ стоялъ Начальникъ печати Немировичъ-Данченко, дальній родственникъ Владиміра и Василія Ивановичей Немировичъ-Данченко, въ вѣдомствѣ котораго находилось мое лекціонное дѣло. Онъ былъ крайне правый и мое кадетство, очевидно, ему претило. Я получалъ гроши, а онъ такъ и не включилъ меня въ штатъ, такъ что я и уѣхалъ послѣ эвакуаціи, не дополучивъ тысячъ восемьсотъ. На службѣ, я уже не молодой, не могъ даже получить никакъ стола и стула, всякій карандашъ приходилось брать съ боя, а принимать довольно много посѣтителей приходилось стоя или сидя на подоконникахъ, тогда какъ другіе служащіе, и молодые, имѣли свои мѣста. Мои молодые сотрудники и узнавшіе про обстоятельства моей службы партійные товарищи находили, что такое положеніе не соотвѣтствуетъ моему достоинству и убѣждали уйти. Но я не смущался всѣмъ этимъ и оставался. Когда прекратились бесѣды въ прифронтовомъ районѣ, онѣ продолжались кое-гдѣ въ тылу, главнымъ образомъ въ Севастополѣ, гдѣ для портовыхъ и другихъ рабочихъ въ пригородныхъ слободахъ чита-

лись, кромѣ того, все время и культурные популярные курсы по естествознанію, исторіи и политической экономіи.

Наконецъ, я нашелъ себѣ какую то трехугольную коморку, съ разбитыми окнами и обосновался въ ней. Получилъ даже въ свое распоряженіе для переписки на машинкѣ генеральшу Патрикѣеву. Какъ то она смущенно и со слезами на глазахъ говоритъ мнѣ про порученіе, данное ей ротмистромъ. Я его фамиліи, къ сожалѣнію, не помню. Онъ былъ помощникомъ Немировича-Данченко, мрачный, въ темныхъ очкахъ. Оказывается онъ ей поручилъ слѣдить за мной, сказавъ, что ему доподлинно извѣстно, что Долгоруковъ противъ Врангеля и арміи, и пообѣщалъ ей очень много денегъ, если она найдетъ въ моихъ бумагахъ и перепискѣ съ лекторами что нибудь компрометирующее меня. Я посмѣялся и успокоилъ г-жу Патрикѣеву, сказавъ, что мнѣ и бумагъ то некуда прятать, такъ какъ не имѣю ни одного шкафа или ящика въ столѣ, а что всѣ мои бумаги и переписка лежатъ открыто въ папкахъ на столѣ и ротмистръ можетъ ихъ самъ перерыть въ мое отсутствіе. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ приходилось работать мнѣ «лѣвому» (?) у правыхъ рукъ.

Потомъ этотъ Немировичъ-Данченко сталъ издавать (вѣроятно на казенныя деньги) понедѣльничный черносотенный листокъ, въ которомъ ругалъ Врангелевскихъ министровъ! Тогда Врангель вызвалъ его и немедленно уволилъ. Я радъ, что это увольненіе состоялось помимо меня и что я дрязгами, касающимися лично меня, не безпокоилъ не только Главнокомандующаго, но не говорилъ о нихъ и Кривошеину.

Въ Гендриковѣ Врангелю тоже пришлось скоро разочароваться, такъ какъ онъ оказался совершенно непригоднымъ къ занимаемому посту и что то натворилъ такое, что тоже былъ отстраненъ и уѣхалъ изъ Крыма въ обидѣ на Врангеля и поссорившись с нимъ.

Остановился я такъ подробно на мелкихъ дрязгахъ не потому, что они касались меня, но какъ на очень характерныхъ примѣрахъ проведенія правыми руками «лѣвой» (Врангелевской) политики не такими уже мелкими сошками, а управляющимъ сѣверной Tавріей на правахъ генералъ-губернатора и начальникомъ управленія печати, находившимся здѣсь же, въ центральномъ правительствѣ. А сколько было другихъ примѣровъ! Я на этихъ примѣрахъ, по личному опыту убѣдился, что политика въ Крыму была слаба, если подъ политикой подразумѣвать не только предначертанія и программы, но и проведеніе ихъ въ жизнь. И это только въ предѣлахъ одной губерніи! Что было бы при продвиженіи далѣе?

Послѣ увольненія Немировича-Данченко, мнѣ еще пришлось въ короткій срокъ мѣнять начальство и новыя назначенія были довольно характерны. На его мѣсто былъ назначенъ сначала Аладьинъ (!), бывшій членъ Государственной Думы, а потомъ передъ эвакуаціей молодой Г. Вернадскій.

Плохая политика не такъ еще мѣшала веденію войны, какъ экономическое состояніе тыла. Какія бы чудеса не дѣлалъ Врангель въ военно-административномъ отношеніи, формируя боеспособное войско, какъ бы оно доблестно не было, съ такимъ небольшимъ и разстроеннымъ тыломъ трудно было воевать. Лѣтомъ уже было недоѣданіе, граничащее съ голодомъ. Базарныхъ цѣнъ не помню, такъ какъ обѣдалъ въ дешевыхъ столовыхъ частныхъ и общественныхъ. Въ ресторанахъ уже мясныя блюда стоили до 10.000 рублей. Живя у моря, рыбы совсѣмъ не ѣли. Почему? Совсѣмъ не было рыболовныхъ снастей. Сѣти приходилось выписывать изъ Константинополя за милліоны. Лодки разсохлись, а чтобы ихъ оснастить не было ни смолы, ни краски. И такъ во всемъ. При недостаткѣ валюты на привозъ изъ заграницы нельзя было разсчитывать. Обѣдая въ плохихъ столовыхъ, вечеромъ у себя ѣлъ преимущественно черный хлѣбъ и чеснокъ, ко-

торый очень люблю. Когда пріѣзжалъ кто нибудь изъ Константинополя съ турецкой валютой, ему казалось все очень дешевымъ. Помню, что когда такой пріѣзжій, обѣдая въ ресторанѣ, угощалъ меня послѣ моего скуднаго обѣда въ столовой, я съ удовольствіемъ ѣлъ въ дополненіе десятитысячный бифштексъ. При пріѣздѣ въ Константинополь оказалось, что мы съ братомъ потеряли по два пуда.

Но недоѣданіе ничего сравнительно съ жаждой во время лѣтней жары въ бѣломъ, ослѣпительномъ, каменномъ и накаленномъ Севастополѣ. Часто портился водопроводъ, а бутылка подозрительной содовой воды, пить которую не рекомендовалось, изъ за желудочныхъ заболѣваній, стоила 300-400 рублей. Кипятокъ для чая въ свой акваріумъ я бралъ изъ ресторановъ и столовыхъ и при порчѣ водопровода днями его нельзя было получить.

На пристани произошелъ страшный взрывъ склада снарядовъ, которые потомъ еще взрывались нѣсколько часовъ. Съ трудомъ отвели близъ стоявшія суда и отстояли другіе склады взрывчатыхъ веществъ. Какъ полагается, стали говорить, что опасность угрожаетъ всему городу и, говорятъ, женщины начали уже вязать узлы съ пожитками, чтобы унести ихъ къ морю.

Какъ въ свое время къ Деникину, такъ теперь къ Врангелю пріѣзжалъ изъ Парижа Маклаковъ, чтобы выяснить положеніе. Огромная заслуга Врангеля, что онъ ведя ожесточенную борьбу на фронтѣ, предвидѣлъ возможность пораженія и подготовилъ эвакуацію. Маклакову онъ, разумѣется, ничего о возможности эвакуаціи не сказалъ и вселилъ въ немъ увѣренность въ успѣхѣ. Могъ ли Главнокомандующій съ кѣмъ либо поступить иначе, а тѣмъ болѣе съ ѣдущимъ въ Парижъ? А Маклаковъ серьезно былъ на него потомъ въ претензіи, какъ я смѣясь говорилъ, за сдачу Перекопа. Онъ говорилъ, что французы были на него въ претензіи, что онъ ихъ обманулъ, увѣряя въ неприступности Перекопа. Мало ли что они въ

претензіи! Могъ ли русскій Главнокомандующій высказывать сомнѣніе во время войны въ ея успѣхѣ? Да и могъ ли посолъ антибольшевицкой Россіи высказывать то же сомнѣніе передъ французами? Маклаковъ не профессіональный дипломатъ. Но мнѣ кажется, что и профессіональные русскіе дипломаты часто грѣшили тѣмъ, что черезчуръ были угодливы передъ правительствомъ, при которомъ были аккредитованы, иногда въ ущербъ достоинству Россіи.

Пріѣзжалъ на короткое время Гучковъ. На пристани онъ подвергся оскорбленію со стороны одного офицера. Въ арміи не могли ему простить приписываемаго ему (справедливо ли?) приказа № 1.

Новгородцевъ, жившій у сестры, всецѣло ушелъ въ свою научную работу. Я съ нимъ ожесточенно спорилъ. Досадно было при безлюдьѣ въ Крыму, потерять для практической работы, такого выдающагося дѣятеля. П. И. Новгородцевъ былъ замѣчательный человѣкъ, ученый и практикъ-администраторъ (учрежденіе Коммерческаго Училища въ Москвѣ, завѣдываніе топливомъ въ Москвѣ во время войны). Разочарованный, а можетъ быть, и подорванный физически, онъ ударился въ аполитизмъ.

Львовъ съ Чебышевымъ возобновили изданіе офиціоза Врангеля «Великая Россія».

Какъ только что Врангель укрѣпился, а затѣмъ сталъ продвигаться на сѣверъ, стали понемногу возвращаться нѣкоторые общественные дѣятели, бѣжавшіе изъ Новороссійска. Сейчасъ же Севастополь оживился. Пріѣхали изъ заграницы дѣльцы. Стали открываться новые банки. Но тылового разгула, какъ это было въ Ростовѣ и Харьковѣ, не было.

Незадолго передъ паденіемъ Крыма состоялось многолюдное экономическое совѣщаніе, созванное Врангелемъ. Многіе приглашенные не пріѣхали, но нѣкоторые

пріѣхали даже изъ Парижа и Лондона. Они эвакуировались уже съ нами.

Кажется въ октябрѣ пришлось оставить сѣверную Таврію. Наступали рѣдкіе для Крыма, особенно въ эту пору, морозы. Я мерзъ въ своей неотапливаемой комнатѣ. Сивашъ замерзъ и по немъ могли переходитъ не только люди, но и лошади. Перекопскій перешеекъ въ значительной степени потерялъ свое исключительное значеніе сухопутнаго сообщенія съ материкомъ и въ ноябрѣ Крымъ палъ.

Почему палъ Крымъ? Я до сихъ поръ не могу указать непосредственной причины. Одни приписываютъ катастрофу замерзанію Сиваша, другіе — плохому укрѣпленію Перекопа, третьи — измѣнѣ. Я уже указалъ на одну изъ основныхъ, по моему, причинъ, — на экономическую разруху маленькаго тыла. Кромѣ того, мнѣ стало ясно, что положеніе наше отчаянное, когда поляки заключили съ большевиками лѣтомъ перемиріе, а затѣмъ Рижскій миръ, и большевики могли перебросить на югъ силы съ западнаго фронта. Тутъ можно было вѣрить только въ чудо, но на этотъ разъ Врангелю не удалось совершить ветхозавѣтнаго чуда и Давидъ не прошибъ башки Голіафа пращей. Разумѣется, нельзя было претендовать, чтобы Польша, столько претепрѣвшая въ войну съ нѣмцами, а затѣмъ воевавшая съ большевиками, послѣ своей побѣды надъ ними съ помощью французовъ продолжала бы, ради спасенія Россіи, наступленіе на Москву. Но если бы Польша при помощи и по настоянію союзниковъ, продолжила бы позиціонную войну, задержавъ силы большевиковъ на своемъ фронтѣ, то тогда еще можно было бы ожидать другого результата борьбы на Югѣ.

Для эвакуаціи изъ Симферополя, Евпаторіи и изъ другихъ мѣстъ все начало стекаться въ Севастополь. Братъ мой съ семьей пріѣхалъ за недѣлю до эвакуаціи изъ Алушты и, не найдя помѣщенія, поселился въ сырой подвальной кладовой подъ флигелемъ Біологической

станціи. Чтобы крысы не ѣли провизію, онъ долженъ былъ подвѣшивать ее на веревкѣ съ потолка. Но крысы объѣли у него корешки книгъ, переплетенныхъ на крахмалѣ. Очевидно и крысамъ стало голодно въ Севастополѣ.

Симферополь палъ очень быстро послѣ прорыва на Перекопѣ. Одинъ поѣздъ за другимъ сталъ прибывать изъ Симферополя. Кн. В. А. Оболенскій разсказывалъ, въ какихъ условіяхъ приходилось ѣхать. Вслѣдствіе перегруженности и длины поѣзда сверхъ нормы, при большихъ подъемахъ онъ останавливался или происходили разрывы. Тогда публика высаживалась, толкала отдѣльные вагоны до конца подъема, поѣздъ вновь сцѣплялся и катилъ далѣе. И такъ нѣсколько разъ.

Но въ общемъ, заранѣе подготовленная эвакуація 130-140.000 людей, не помню на сколькихъ судахъ (150-200?) займетъ блестящую страницу въ военной исторіи. Огромную помощь большимъ количествомъ судовъ оказали французы, тогда какъ англичане, въ противоположность Новороссійску, совсѣмъ не помогли, хотя у нихъ стоялъ большой флотъ въ Константинополѣ.

А какихъ усилій стоило подготовить, при тогдашнихъ условіяхъ, русскія суда! Кромѣ Врангеля, огромная заслуга лицъ морского вѣдомства, работавшихъ надъ этимъ и имена ихъ слѣдуетъ внести на славныя страницы исторіи Крымской Эпопеи. Надо было добыть уголь, собрать команду, исправить поврежденія.

Я былъ лѣтомъ на крейсерѣ «Адмиралъ Корниловъ». Вмѣсто блеска и роскоши военныхъ судовъ — все мрачно, погнуто, темно. Электричество не проведено, въ каютахъ и трюмахъ огарки и лампы. Часть котловъ и машинъ еще не исправлена и т. д. Команда сборная, большею частью изъ добровольцевъ пѣхотныхъ частей. Работа при этихъ условіяхъ въ кочегарномъ и другихъ отдѣленіяхъ, крайне трудная. Составъ перемѣнный. Тѣ, которые стремились съ фронта попасть на суда, въ тылъ, не выдерживаютъ

тяжелой работы и часто при отпускѣ на берегъ, не возвращаются, дезертируютъ. Тѣмъ большая заслуга оставшихся до конца. Къ моменту эвакуаціи, всѣ предназначенныя суда, хоть съ грѣхомъ пополамъ, могли выйти въ море. Вѣдь суда эти потерпѣли въ бояхъ, пострадали отъ бунта матросовъ, побывали въ рукахъ большевиковъ.

Понемногу переполненныя суда стали выходить въ море. Шла цѣлая армада. Нѣкоторые инвалиды шли съ креномъ. У нѣкоторыхъ въ пути испортились машины и они вмѣсто сутокъ, трое сутокъ оставались въ открытомъ морѣ и приходили къ Константинополю на буксирѣ подобравшихъ ихъ пароходовъ. Въ трюмѣ и на палубѣ люди лежали и сидѣли въ страшной тѣснотѣ, страдая на палубѣ и отъ холода. Передъ уборными стояли хвосты въ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Нѣкоторые ѣхали на турецкихъ моторныхъ шхунахъ. Никогда еще въ Босфоръ не приходила такая многочисленная флотилія.

Я отвезъ свои вещи на тотъ же «Вальдекъ Русо», на которомъ эвакуировался изъ Новороссійска и который теперь несъ вымпелъ адмирала Дюмениль, большого друга русскихъ, женатаго на русской. Оставивъ вещи, я поѣхалъ въ Севастополь и переночевалъ еще тамъ. Оказывается, что при посадкѣ брата съ семьей, упалъ въ море ихъ сундукъ. Къ счастью матросъ со станціи, подвезшій кого то, подобралъ его и плавающія вещи и привезъ на станцію. Я бросилъ сундукъ и часть вещей, выбралъ наиболѣе нужное и наименѣе испорченное водой и на слѣдующій день привезъ мокрый узелъ на «Вальдекъ Русо».

Зашелъ на слѣдующее утро въ Думу, гдѣ оставшіеся члены управы и гласные лихорадочно организовали временную власть и милицію. Въ городѣ начались небольшіе грабежи, магазины запирались, но въ общемъ было спокойно.

Врангель днемъ покинулъ городъ, когда послѣднія войска сѣли на суда, и переѣхалъ на русскій крейсеръ.

На лодкахъ еще подъѣзжали къ стоявшимъ на рейдѣ судамъ запоздавшіе и изъ Севастополя всѣ хотѣвшіе, уѣхали. Остались лишь тѣ, которые слишкомъ поздно прибыли въ Севастополь или по какому нибудь несчастному случаю.

Какъ всегда, ходили разные слухи о подступающихъ и входящихъ уже въ городъ большевикахъ, но кажется они еще были въ Бахчисараѣ.

Поздно вечеромъ крейсеръ съ Врангелемъ двинулся въ путь и «Вальдекъ Русо» — вслѣдъ за нимъ. Мы покидали живописную бухту Севастополя, озаренную яркимъ пламенемъ горящаго арсенала.

Такъ какъ Врангель направился на Ялту и Феодосію, чтобы посмотрѣть, какъ тамъ шла эвакуація, то мы пошли вслѣдъ за нимъ. Въ Ялтѣ мы были днемъ и Врангель сходилъ на берегъ. Въ Евпаторіи, въ Севастополѣ и Ялтѣ эвакуація произошла въ полномъ порядкѣ. Въ Феодосіи, гдѣ мы были слѣдующей ночью, говорятъ, казаки, прибывшіе изъ Джанкоя, внесли нѣкоторое смятеніе, а въ Керчи было менѣе порядка. Но въ общемъ эвакуація Крыма прошла блестяще.

Изъ Феодосіи мы взяли курсъ прямо на Константинополь. Такъ какъ «Вальдекъ Русо» былъ переполненъ и ѣхало много дамъ, то на этотъ разъ мнѣ постелили матрацъ на полу около каюты баронессы Врангель. На послѣднемъ, передъ Константинополемъ, обѣдѣ у адмирала Дюмениль, многочисленные его гости попросили меня произнести по французски благодарственный тостъ. Я сказалъ слѣдующее: — «Во второй разъ, къ счастью и къ несчастью, я очутился на «Вальдекъ Русо». Къ несчастью, такъ какъ я и мы всѣ, вынужденные къ этому, лишились Родины. Къ счастью, потому что мы попали на гостепріимную пловучую почву Франціи. Послѣ паденія Новороссійска зубами и окровавленными ногтями мы уцѣпились за послѣднюю русскую скалу, вдающуюся въ

море. Теперь мы сброшены и съ нея въ пучину и вы дружественно подобрали насъ.

Дружелюбныя отношенія установились между двумя народами задолго до формальнаго союза. Позвольте отъ лица всѣхъ моихъ товарищей по несчастью васъ привѣтствовать возгласомъ, который съ прошлаго столѣтія распространенъ по всей Россіи, сталъ въ ней обычнымъ — Vive la France!"

На это французы горячо отвѣтили возгласомъ – Vive la Russie! и отдѣльный голосъ заключилъ: – Et elle vivra!

IX.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. 1920-1921 гг.

Рано утромъ, покидая Черное море, омывающее Россію, мы вступаемъ въ Босфоръ и медленно идемъ за русскимъ крейсеромъ съ Врангелемъ на борту по чудному проливу, прибрежные холмы котораго — сплошной садъ съ многочисленными бѣлѣющими мѣстечками, виллами, дворцами, развалинами. Ученики американскаго колледжа на горѣ высыпаютъ и привѣтствуютъ насъ кликами. Изъ за этого Босфора и вожделѣній Милюкова я чуть не былъ побитъ въ Москвѣ татарами на мусульманскомъ съѣздѣ.

При приблеженіи къ Константинополю бѣженская масса на судахъ, мимо которыхъ мы проходили, восторженно привѣтствуетъ криками — ура, вывезшаго ихъ Главнокомандующаго, а многочисленныя союзныя военныя суда выстраиваютъ команду и салютуютъ флагомъ. Потомъ они салютуютъ и нашему адмиральскому флагу.

Въ Константинополѣ я былъ при Нелидовѣ еще въ прошломъ столѣтіи. Тогда еще электричество было запрещено въ немъ, женщины всѣ ходили покрытыя чадрами, а на улицахъ жили стаи собакъ. Но и теперь Константинополь, въ которомъ мнѣ пришлось прожить полтора года, былъ живописенъ и красоченъ. И торговое оживленіе Галаты, и особенно Стамбулъ съ турецкими и главнымъ образомъ византійскими древностями, и чудныя

окрестности Константинополя яркими пятнами скрашивали нашу сѣрую бѣженскую жизнь.

Первый мѣсяцъ я гостилъ у П. В. Ратнера, предсѣдателя Одесскаго К.-Д. Комитета, а нынѣ Константинопольской группы К.-Д. Потомъ я снималъ одну за другой двѣ холодныя, плохія комнаты, причемъ въ одну надо было спускаться по крутымъ улицамъ и лѣсенкамъ и ночью легко было сломать въ темнотѣ шею. Лишь лѣтомъ я нашелъ приличную комнату.

Мои партійные товарищи Шнеерзонъ изъ Бѣлграда и Ельяшевичъ изъ Берлина, сами люди семейные и трудомъ своимъ живущіе въ бѣженствѣ, услыхавъ отъ кого то о печальномъ состояніи, въ которомъ я пріѣхалъ въ Константинополь (исхудавшій, безъ денегъ, оборванный, послѣ потери багажа въ Новороссійскѣ), прислали мнѣ денегъ, совершенно для меня неожиданно. Я никого ни о чемъ не просилъ и кромѣ нихъ ни отъ кого не получилъ ничего. Не только евреи сильны взаимопомощью, но, какъ я на себѣ убѣдился, они отзывчивы и на помощь вообще, въ несчастьи. У русскихъ и организація взаимопомощи слабѣе, да и помощи даже отъ близкихъ по родству и связямъ лицъ, трудно дождаться.

Врангель поселился сначала въ посольствѣ, а потомъ переѣхалъ на небольшую паровую военную яхту Лукуллъ, стоявшую въ началѣ Босфора недалеко отъ дворца Долма-Бахче. Милый, славный Лукуллъ! Сколько совѣщаній и бесѣдъ на немъ было въ каютѣ Главнокомандующаго или на палубѣ съ дивной панорамой расширяющагося передъ Мраморнымъ моремъ Босфора и видомъ на Константинополь. Въ маленькой столовой, увѣшанной произведеніями кадетъ и юнкеровъ, поднесенныхъ Врангелю въ Галлиполи, много разъ приходилось съѣдать далеко не лукулловскій обѣдъ. Другія суда вскорѣ ушли въ Бизерту и только на Лукуллѣ еще развѣвался андреевскій флагъ.

Чудное зданіе русскаго посольства съ огромными фли-

телями было заполнено различными учрежденіями гражданскими и военными и только въ нижнемъ этажѣ были аппартаменты Врангеля и управляющаго миссіей А. А. Нератова. Въ парадныхъ залахъ помѣщался госпиталь. Во дворѣ и у воротъ на улицѣ Пера всегда стояла толпа бѣженцевъ. Все въ зданіи было сѣро и загрязнено.

Русскія суда были отведены къ азіатскому берегу Мраморнаго моря за Скутари. Тамъ долго еще томились десятки тысячъ бѣженцевъ, отчасти за неимѣніемъ пристанища на сушѣ, отчасти вслѣдствіе неполученія еще разрѣшенія властей сойти на берегъ. Константинополь послѣ войны находился подъ управленіемъ союзниковъ. Въ межсоюзной комиссіи главнымъ образомъ распоряжались французы и англичане, подъ начальствомъ своихъ верховныхъ комиссаровъ. Земскій Союзъ ежедневно снабжалъ суда хлѣбомъ и консервами. Войска стали отбывать въ Галлиполи и на островъ Лемносъ (казаки). Черезъ недѣлю стали освобождаться и суда съ бѣженцами; кто переѣхалъ въ городъ, а большинство въ бѣженскіе лагери въ окрестностяхъ Константинополя на европейскомъ и на азіатскомъ берегу. Въ городѣ, на Принцевыхъ островахъ и въ другихъ мѣстахъ уже находилось много бѣженцевъ, преимущественно Одесской и Новороссійской эвакуаціи. Мнѣ часто приходилось бывать въ лагерѣ Ланъ, гдѣ поселилась семья брата. Лагерь помѣщался въ казармахъ кожевеннаго завода на берегу Мраморнаго моря, за старинной городской стѣной, близъ мрачнаго Семибашеннаго замка. Неказистое помѣщеніе и, какъ и въ другихъ лагеряхъ, обзавелись скоро церковкой, хоромъ, а также при помощи Союза Городовъ — читальней. Питаніе бѣженцевъ въ лагеряхъ производилось, главнымъ образомъ, на счетъ частной американской благотворительности. Американцы широко помогали все время одеждой, пищей и въ культурныхъ начинаніяхъ (обученіе).

Въ городѣ русская рѣчь слышалась постоянно и повсюду встрѣчалась русская военная форма.

Бывшіе офицеры торговали на улицахъ пончиками и другими предметами. Открывалось масса русскихъ магазиновъ, столовыхъ, ресторановъ и различныхъ учрежденій до тараканьихъ бѣговъ включительно. Въ числѣ русскихъ ресторановъ были и самые лучшіе и дорогіе въ Константинополѣ. Во многихъ ресторанахъ служили русскія дамы. Богатые интернаціональные кліенты (греки, армяне, левантинцы, евреи, еспаньолы), вносили наиболѣе соблазна среди нихъ и не мало моральныхъ и семейныхъ устоевъ рухнуло въ Константинополѣ, который и въ обычное время представлялъ изъ себя международное торжище съ свободными нравами.

Турецкая монархія доживала свои послѣдніе дни. Султанъ жилъ узникомъ въ Ильдизъ-Кіоскѣ. Я былъ на селамликѣ въ одну изъ пятницъ. Какая разница съ блестящими селамликами при Абдуллъ-Гамидѣ въ концѣ прошлаго столѣтія, съ блестящей свитой, чуднымъ войскомъ и великолѣпными лошадьми. Теперь — жиденькая процессія, безъ каретъ гарема и толпы евнуховъ за коляской султана, а малочисленныя войска пополнены пожарными. Въ Константинополѣ хозяйничаютъ союзники, а въ Малой Азіи въ войнѣ съ греками возвышается, хозяйничаетъ Кемаль, который одно время подходилъ близко къ Константинополю, а падишаху и повелителю правовѣрныхъ остался одинъ Ильдизъ-Кіоскъ.

Среди русскихъ бѣженцевъ, разумѣется, страшная нужда. Широко дѣйствуетъ Земскій Союзъ, возглавляемый Хрипуновымъ, и американская помощь. Въ городѣ и лагеряхъ устраиваются безплатныя и дешевыя столовыя, организуется трудовая помощь. Обладающій меньшими средствами, возглавляемый Юреневымъ, Союзъ Городовъ въ которомъ работаю и я, какъ членъ его Комитета, удовлетворяетъ культурныя потребности (обученіе, библіотеки). Открывается гимназія, перенесенная на слѣ-

дующій годъ въ Чехію. Главная заслуга въ открытіи гимназіи принадлежитъ А. В. Жекулиной, удивительно способной и энергичной организаторшѣ въ школьномъ дѣлѣ. Она и Сомова, представительница американскаго филантропа Уитимора, пользуются большимъ авторитетомъ у американцевъ и черезъ нихъ получаются отъ нихъ значительныя средства.

Черезъ годъ отъ Совѣщанія Пословъ въ Парижѣ пріѣзжалъ ревизовать Союзы В. Д. Кузминъ-Караваевъ. Онъ произвелъ удивительную, исключительную, по тому времени общей нервности и сумятицы, ревизію, тщательную, обстоятельную и объективную. Наряду съ большими заслугами, онъ констатировалъ и недочеты, у Согора — главнымъ образомъ въ дѣлопроизводствѣ, а въ Земскомъ Союзѣ и по существу, а именно въ томъ, на что особенно было распространено обвиненіе Земскаго Союза — въ тратѣ имъ самимъ значительныхъ средствъ, переданныхъ черезъ кн. Львова на нужды арміи и предназначавшихся Командованію и въ недачѣ этому послѣднему отчета въ полученной отъ него суммѣ. Въ этомъ отношеніи воевалъ съ Хрипуновымъ и Врангель и Русскій Совѣтъ при немъ. Земсоюзъ не только не возвращалъ Врангелю выданной ему ссуды, но и отказался дать отчетъ въ израсходованіи этой ссуды.

Въ Константинополѣ собралась значительная группа кадетъ (К.-Д.). Часть ихъ устроила общежитіе, гдѣ жилъ и мой братъ и Юреневъ, снявъ двухэтажный домъ въ кварталѣ Харбіэ. Кромѣ того, лѣтомъ на азіатскомъ берегу Мраморнаго моря была и К.Д. дача, при школьной колоніи Согора. Мы еженедѣльно, особенно въ первое время, засѣдали, а члены Центральнаго Комитета собирались изрѣдка. Главной нашей задачей было образованіе, а затѣмъ и направленіе дѣятельности межпартійнаго объединенія ПОК (Политическій Объединенный Комитетъ) подъ предсѣдательствомъ Юренева, въ который кромѣ кадетъ входили представители Земскаго Союза, Согора,

Торгово-промышленнаго Союза и другихъ организацій. Частыя собранія ПОК'а были многочисленны и иногда очень оживленны. Впослѣдствіи ПОК принялъ на себя функціи Отдѣла Національнаго Комитета.

Много времени общественныя организаціи посвящали выясненію своего отношенія къ арміи и Врангелю. Въ самомъ началѣ Константинопольская общественность (въ томъ числѣ Юреневъ, Хрипуновъ и другіе) письменно выразила Врангелю готовность всецѣло поддерживать его преемственную власть, какъ Главнокомандующаго. Потомъ, когда зарождался Русскій Совѣтъ, стали предъявлять всякія условія при выработкѣ взаимоотношеній. Было много совѣщаній въ посольствѣ и на Лукуллѣ, которыя ни къ чему не привели, между общественностью и Врангелемъ установились холодныя отношенія и Русскій Совѣтъ потомъ многими бойкотировался.

Теперь, я думаю, что тогда изъ за пустяковъ ломали копья. Я лично, не придавая большого значенія параграфамъ выработанной конституціи, рѣшилъ для себя всецѣло поддерживать армію, какъ политическую и національную силу и, думаю, что моей непосредственной работой при ней, я внесъ свою скромную лепту для конечной правильной оцѣнки эмиграціей арміи съ политической точки зрѣнія.

Кромѣ политическаго объединенія ПОК'а дружно и плодотворно работалъ ЦОК (Центральный Объединенный Комитетъ) благотворительныхъ учрежденій (Красный Крестъ, Союзъ Городовъ, Земскій Союзъ), подъ предсѣдательствомъ Б. Е. Иваницкаго.

О лѣвыхъ политическихъ организаціяхъ не было слышно. Сформировалась монархическая группа.

Въ редакціи одной изъ турецкихъ газетъ въ Стамбулѣ я присутствовалъ на рядѣ бесѣдъ съ турецкими редакторами и публицистами. Турки въ общемъ замѣчательно хорошо относились къ русскимъ и ненавидѣли французовъ и особенно англичанъ. Напримѣръ, безъ установлен-

ныхъ пропусковъ они ни за что ихъ не пропускали въ Св. Софію, а меня, узнавъ, что я русскій, пропускали безъ всякихъ билетовъ. Бѣженцамъ они помогали насколько могли. Недалеко отъ посольства, на маленькой площадкѣ, возвышавшейся надъ улицей, среди трехъ стѣнъ, устроились бѣженцы на подобіе табора, въ которомъ они жили и мерзли зимой. Я самъ видѣлъ, какъ сгорбленный старикъ-мулла раздавалъ имъ деньги. И это далеко не единичный примѣръ.

Я получилъ телеграфный вызовъ отъ Коновалова изъ Парижа въ «Учредиловку», какъ членъ Учредительнаго Собранія. Какъ ни соблазнительно было поѣхать въ Парижъ съ даровымъ проѣздомъ и оплатой пребыванія тамъ, я не поѣхалъ, такъ какъ считалъ ненужной затѣю подымать тѣнь Учредительнаго Собранія съ его С. Р-ско — Большевицкимъ подавляющимъ большинствомъ, выборы въ которое производились уже при большевикахъ, въ смутное время — ноября 1917 года. Небольшая кучка его членовъ заграницей не могла ни у кого пользоваться авторитетомъ. И дѣйствительно, этотъ пустоцвѣтъ черезъ нѣкоторое время завялъ, ничего не сдѣлавъ и поглотивъ зря извѣстное количество труда и денегъ.

Въ большомъ вестибюлѣ парадной посольской лѣстницы торжественно состоялось открытіе Русскаго Совѣта въ присутствіи многочисленныхъ гостей. Врангель и нѣкоторые изъ насъ произнесли рѣчи. Всего членовъ Русскаго Совѣта было человѣкъ 45; предсѣдательствовалъ Врангель. Нѣсколько человѣкъ было по назначенію (я, Шульгинъ), остальные по выборамъ общественныхъ (не политическихъ) группъ: земскихъ гласныхъ, городскихъ гласныхъ, парламентскаго комитета, торгово-промышленнаго союза, а впослѣдствіи и территоріальные представители отъ Болгаріи и Сербіи. Русскій Совѣтъ былъ финансово-контрольнымъ аппаратомъ при арміи; кромѣ того онъ долженъ былъ быть посредникомъ между арміей и гражданской эмиграціей, быть истолкователемъ нуждъ

арміи и ея политическаго значенія, облегчая Главнокомандующему его роль въ трудномъ международномъ положеніи, то есть косвенно функціи Русскаго Совѣта были и политическія. При этомъ считалось нужнымъ поддерживать моральную связъ и преемственность арміи отъ Добрарміи и преемственность власти Врангеля, какъ Главнокомандующаго отъ Корнилова. Засѣдали мы или въ кабинетѣ Врангеля внизу, или въ одной изъ залъ посольства, оставаясь изъ за холода въ пальто и шапкахъ.

Казалось бы, что такія задачи были вполнѣ естественны и надо было идти навстрѣчу Главнокомандующему, разъ онъ искалъ общественной опоры, но Русскій Совѣтъ встрѣтилъ враждебное отношеніе не только среди лѣвыхъ партій, не признававшихъ армію, но и среди большей части политическаго центра, который не зналъ и не понималъ арміи.

Къ сожалѣнію долгіе переговоры не привели и къ представительству казаковъ. Соединенный Совѣтъ Дона, Кубани и Терека потребовалъ около половины мѣстъ своимъ представителямъ и предъявилъ рядъ требованій, до права самостоятельнаго сношенія съ иностранными державами включительно (!) Какъ ни странно было это послѣднее требованіе, препираться изъ за этого по моему не стоило. Богъ съ ними, пускай сносились бы, все равно ничего изъ этого не вышло бы.

Для популяризаціи условій жизни арміи на чужбинѣ, я взялся выпускать гектографированную офиціозную еженедѣльную информацію «Д. и Л.» (Иниціалы мои и Львова, который предполагалъ сначала сотрудничать). Свѣдѣнія я получалъ изъ штаба и изъ частей, а информацію посылали въ русскіе газеты, нѣкоторымъ учрежденіямъ и лицамъ во всѣ страны. За два года веденія мной этого дѣла, было выпущено въ Константинополѣ и Бѣлградѣ болѣе ста бюллетеней и, при оторванности Лемноса, Галлиполи и Балканскихъ странъ отъ прочей эмиграціи, они сыграли извѣстную роль въ усвоеніи этой по-

слѣдней истиннаго положенія и задачъ переброшенныхъ и сохраненныхъ остатковъ арміи, что особенно въ началѣ мало кому было извѣстно и ясно. Изъ газетъ всецѣло поддерживало армію и печатало мою информацію «Общее Дѣло» Бурцева, которое въ 1921 году прекратило свое существованіе, а также нѣсколько маленькихъ провинціальныхъ газетъ, въ томъ числѣ «Новое Время», газета монархическая и націоналистическая. «Руль» систематически информацію не печаталъ и вообще почти игнорировалъ армію, а лѣвая пресса была клеветническо-враждебна арміи. Отсутствіе внѣпартійной національной газеты, стоящей на платформѣ арміи, нами очень болѣзненно ощущалось. Теперь этотъ пробѣлъ въ значительной мѣрѣ пополненъ выходомъ «Возрожденія», на которое армія можетъ вполнѣ разсчитывать.

Чтобы лично узнать, въ какихъ условіяхъ очутилась наша армія, всего черезъ мѣсяцъ послѣ эвакуаціи, въ серединѣ декабря я посѣтилъ Галлиполи.

Галлиполи, маленькій городокъ съ развалиной-крѣпостью у входа въ Дарданельскій проливъ, перешелъ послѣ войны къ Греціи. Онъ весь въ развалинахъ отъ землетрясеній и отъ перекидной бомбардировки союзниковъ черезъ полуостровъ. Я встрѣтился тамъ съ одновременно прибывшимъ Врангелемъ, возвращавшимся съ Лемноса.

О Галлиполи существуетъ цѣлая литература и я не стану подробно описывать тѣ лишенія и ужасныя условія, въ которыхъ находилась армія въ городѣ и въ лагерѣ въ шести верстахъ отъ него, переброшенная сюда зимой. Подробный отчетъ мной представленъ Врангелю и въ ПОК. Еще только что начинали устраиваться. Впослѣдствіи условія, благодаря исключительной энергіи Кутепова, улучшились. Въ городѣ жило тоже въ отвратительныхъ условіяхъ много семей офицеровъ и солдатъ. Сначала даже нѣкоторые жили въ пещерахъ и подъ лодками. Женщины и дѣти часто жили въ комнатахъ разру-

шенныхъ домовъ съ тремя стѣнами или безъ потолка, завѣшивая и задѣлывая бреши досками или матеріей. Госпитали были еще въ самомъ примитивномъ состояніи, большинство больныхъ лежало на полу, медикаментовъ и инструментовъ почти не было. Потомъ американцы снабдили всѣмъ этимъ; заразные больные различными болѣзнями лежали вмѣстѣ.

Такъ какъ Врангель уѣхалъ въ лагерь на автомобилѣ съ французскимъ адмираломъ Ле-Бонъ, а мнѣ хотѣлось видѣть смотръ войскъ, то я пошелъ въ лагерь пѣшкомъ по холмистой грязной дорогѣ. Вдали виднѣются горы азіатскаго берега пролива. По дорогѣ въ городъ шли солдаты съ сучьями, такъ какъ топливо въ городъ доставлялось съ горъ за лагеремъ, а обратно они несли по 2-3 кирпича съ развалинъ города для кладки печей въ лагерѣ.

Лагерь расположенъ въ долинѣ. По одну сторону рѣчки — четыре кавалерійскихъ полка, по другую — четыре пѣхотныхъ расположены въ большихъ французскихъ палаткахъ. Я засталъ конецъ смотра, когда Врангель въ сопровожденіи адмирала Де-Бонъ здоровался съ двумя послѣдними полками и говорилъ имъ рѣчь. Люди съ восторгомъ встрѣчали своего Главнокомандующаго.

Сразу уже можно было видѣть, что это были **войска,** кадръ **арміи,** а не сбродъ людей. Послѣ смотра Врангель бесѣдовалъ съ генералитетомъ и съ командирами полковъ въ палаткѣ и, хотя бесѣда была очень интимная и касалась больныхъ мѣстъ, коихъ было не мало, Врангель пригласилъ меня, штатскаго, присутствовать, какъ бы подчеркивая необходимость связи арміи съ общественностью. По окончаніи бесѣды я испросилъ у него позволеніе посѣщать лагерь для бесѣдъ и высказалъ увѣренность, что общественность поддержитъ армію и что мы, съ своей стороны, должны опираться на армію, какъ на твердый фундаментъ, такъ какъ она символъ борьбы съ большевиками, вывезла изъ Россіи и сохранила общіе всѣмъ

намъ національные лозунги этой борьбы. На обратномъ пути въ автомобилѣ, въ которомъ мы ѣхали, Кутеповъ разсказывалъ Врангелю о затрудненіяхъ, чинимыхъ французскими властями. Комендантъ и гарнизонъ были французскіе. На караулахъ стояли преимущественно чернокожіе сенегальцы, «Сережки», какъ ихъ звали русскіе солдаты.

Въ это время баронесса Врангель, сопровождавшая мужа, была въ дамскомъ комитетѣ и посѣщала русскія учрежденія въ городѣ. Врангель въ тотъ же день уѣхалъ въ Константинополь и союзники не разрѣшали ему болѣе посѣщать Галлиполи и Лемносъ. Боясь присутствія русской вооруженной силы, они по предписанію изъ Парижа и Лондона, старались всячески распылить армію и трактовали ее, какъ бѣженскую массу. Недомогавшій Кутеповъ свалился на другой день въ тифу и я его больше не видѣлъ.

Остановился я въ штабѣ, въ комнатѣ съ молодыми штабными офицерами, большею частью инвалидами. Такъ какъ мнѣ не было койки, то я спалъ на полу, даже не подославъ мое жиденькое пальто, которымъ покрывался вслѣдствіе сильнаго холода ночью. Начальникомъ штаба былъ генералъ Достоваловъ, который произвелъ на меня неважное впечатлѣніе. Впослѣдствіи онъ передался большевикамъ и служитъ теперь въ СССР.

Три дня подрядъ я ѣздилъ въ лагерь и велъ бесѣды съ офицерами въ каждомъ полку отдѣльно. Сначала я спрашивалъ о нуждахъ и записывалъ ихъ, а потомъ велъ политическую бесѣду. Офицеры, оторванные отъ всего міра, очутившіеся внезапно въ пустынномъ Галлиполи, слушали меня съ огромнымъ интересомъ. Изъ за недостатка времени приходилось кончать бесѣду. Какъ я писалъ въ отчетѣ, «армія висѣла тогда на волоскѣ» и нужна была огромная сила воли Врангеля и исключительныя административныя способности и энергія Кутепова, чтобы сохранить этихъ людей въ лохмотьяхъ, почти безъ

оружія, въ тискахъ международныхъ условій, какъ войско. Оказывается около половины людей не присутствовало на смотру Врангеля изъ за недостатка обуви и одежды. Моего племянника (Ахтырскаго полка) я засталъ въ рваной шинели, надѣтой на рваную рубашку, безъ верхняго платья. Я ему привезъ водки, закуску и табаку. Онъ тутъ же съ товарищемъ все выпилъ и съѣлъ съ жадностью, а потомъ съ наслажденіемъ курилъ. Они здѣсь курили сухіе дубовые листья, вмѣсто табака. Изъ за массы работы по оборудованію лагеря, строевыя занятія еще не начинались (они были введены впослѣдствіи). Офицерамъ самимъ было не ясно, кто они, бѣженцы или воины и что ихъ можетъ ожидать. Ихъ старались распылить французы, большевицкая пропаганда и..., къ стыду, часть эмиграціи и русской прессы. Я ихъ старался ободрить, сравнивалъ ихъ съ сербами, принужденными бѣжать во время войны на Корфу, съ знаменитой тысячью гарибальдійцевъ, у которыхъ, казалось, все было потеряно и которые въ концѣ концовъ побѣдили и создали объединенную Италію, и т. д. Тяжело было имъ говорить все это, зная ихъ лишенія. Они недоѣдали при голодномъ французскомъ пайкѣ, денегъ, чтобы прикупить хлѣба, не было, ночью зябли, такъ какъ печи только еще начали складывать въ палаткахъ. Не было мыла, стирали въ рѣчкѣ безъ мыла. Бани только что начали копать. Не было бѣлья, посуды, одна кружка на 5-6 человѣкъ. Спали безъ коекъ, на земляномъ полу или на доскахъ и такъ тѣсно, что старались поворачиваться съ бока на бокъ разомъ вмѣстѣ и т. д. Вечеромъ рано ложились, потому что не было освѣщенія. Великимъ постомъ это былъ уже благоустроенный лагерь съ проложенной дековилькой къ морю, съ конной тягой и ежедневно производилось строевое ученіе. Въ городѣ я тоже бесѣдовалъ съ расквартированными въ немъ частями, посѣтилъ всѣ лазареты и учрежденія. При мнѣ прибылъ американскій представитель и открылъ складъ съ предметами оборудованія. Городской

и Земскій Союзы тоже потомъ прислали своихъ представителей. Особенно Земскій Союзъ принесъ существенную пользу.

Трудно было тогда предположить, что вскорѣ будетъ тутъ гимназія, перенесенная затѣмъ въ Болгарію, церкви, военные курсы, гимнастическія и спортивныя состязанія, театръ, хоры и проч. Въ Галлиполи все время жила Н. В. Плевицкая, жена командира Корниловскаго полка, постоянно пѣвшая въ концертахъ.

Совершенный вздоръ, будто людей держали какъ въ плѣну, какъ писали «Послѣднія Новости». Напротивъ, всѣхъ желающихъ поступить въ университетъ, свободно отпускали и поощряли это, помогая матеріально имъ выѣхать.

На слѣдующій годъ я въ этомъ убѣдился, присутствуя въ Прагѣ на вечерѣ студентовъ-галлиполійцевъ, которыхъ было тамъ уже много.

Зимой еще Кутеповъ объявилъ, что всѣ не желающіе подчиняться воинской дисциплинѣ, могутъ въ извѣстный срокъ покинуть лагерь. Уѣхало очень немного. Отъ оставшихся требовалось, правда, подчиненіе очень строгой Кутеповской воинской дисциплинѣ. За появленіе одѣтымъ не по формѣ, за неотданіе чести и т. д. люди сажались на гауптвахту, такъ называемую «губу». За преступленія, напримѣръ, за пропаганду не подчиняться дисциплинѣ и призывъ сбросить «военное иго» и разойтись (то, что дѣлала и либеральная пресса), двое были даже разстрѣляны по приговору военнаго суда, приравнявшаго это къ призыву къ бунту.

Многіе, какъ пріѣзжавшій сюда Кузминъ-Караваевъ, строгій законникъ, возмущались этимъ. Дѣйствительно, съ точки зрѣнія буквы закона и международнаго права, на чужой территоріи расправляться по русскимъ законамъ, было верхъ беззаконія, какъ и само существованіе арміи. Но французы не протестовали, такъ какъ имъ было легче имѣть дѣло съ строго дисциплинирован-

ными и организованными десятками тысячъ людей, чѣмъ съ разнузданными бандами, для усмиренія которыхъ имъ пришлось бы разстрѣлять десятки людей. Кутеповъ желѣзной рукой скрутилъ, дѣйствительно, людей, сразу поставивъ Галлиполійскій лагерь на военное положеніе. Но въ то же время Врангель и Кутеповъ матерьяльно и морально поддержали это скопище людей, объединили ихъ національной идеей, воодушевили ихъ на подвигъ. Свершилось то, что я называю вторымъ чудомъ Врангеля. Послѣ Крымскаго пораженія, онъ не выпустилъ возжей изъ своихъ крѣпкихъ рукъ и, увезя отъ большевиковъ до 150.000 людей военныхъ и гражданскихъ, сумѣлъ, вопреки мнѣнію многихъ авторитетныхъ военныхъ, на чужой территоріи, противъ воли союзниковъ «незаконно» сохранить **армію,** хотя и безъ оружія. И ему, побѣжденному, повиновались и молились на него. Я видѣлъ, когда онъ черезъ годъ, на транспортахъ въ Константинополѣ, проходя своимъ быстрымъ шагомъ мимо выстроенныхъ войскъ, перевозимыхъ въ Болгарію, здоровался съ ними, у людей навертывались слезы. А онъ только быстро проходилъ. Но тогда они уже знали и поняли, что для нихъ сдѣлалъ этотъ узникъ союзниковъ, не могшій даже къ нимъ ѣздить изъ Константинополя, ведшій все время изъ за нихъ тяжелую, упорную борьбу съ союзными властями. Кутеповъ былъ вѣрный исполнитель его начертаній и я, прогрессистъ и гуманистъ, подписывавшій въ мирное время протесты противъ смертной казни, преклоняюсь передъ силой этого человѣка, спасшаго много русскихъ людей въ бѣдѣ отъ моральной и физической гибели.

На Пера въ Константинополѣ можно было лѣтомъ встрѣтить бодро идущихъ въ чистыхъ бѣлыхъ рубахахъ, съ воинской выправкой, отдающихъ воинскую честь генераламъ, молодыхъ людей и безошибочно узнать въ нихъ Галлиполійцевъ. А въ то же время несчастные, голодные люди, въ рваныхъ шинеляхъ, угрюмо, продавали на улицѣ фіалки, спички, карандаши, — то были офи-

церы, покинувшіе армію. Сколькіе изъ нихъ погибли, сколькіе опустились! Другіе офицеры служили въ ресторанахъ, въ кафе-шантанахъ, въ различныхъ вертепахъ. Это были люди, убоявшіеся тяготъ военной службы и «Кутеповщины» и въ своемъ малодушіи повѣрившіе людямъ и газетамъ, говорившимъ, что арміи нѣтъ и быть не можетъ...

Такъ какъ пароходное сообщеніе Галлиполи съ Константинополемъ очень рѣдкое, то мнѣ пришлось пробыть здѣсь цѣлую недѣлю. Маленькій городокъ очень оживился, благодаря пребыванію русскихъ, вмѣстѣ съ живущими въ лагерѣ превысившихъ все его населеніе. Открывались новыя греческія лавки и кафе, немало домовъ отремонтировалось. Впослѣдствіи греки открыли лавки и близъ лагеря. Открылось и нѣсколько русскихъ ресторанчиковъ, одинъ даже съ музыкантами. Въ городѣ образовался оживленный «толчекъ», на которомъ офицеры продавали и «загоняли» послѣднія вещи, чтобы купить хлѣба, халвы, мыла, табаку. Населеніе, само не богатое, очень отзывчиво относилось къ нуждамъ бѣженцевъ; турки и греки давали имъ доски, гвоздей и проч., чтобы штопать жилища. Врангель, во время своего пріѣзда, благодарилъ городского голову и муллу за это отношеніе населенія. Ко мнѣ изъ лагеря каждый день приходили съ разными вопросами и за объясненіями и для бесѣдъ, по наболѣвшимъ вопросамъ. Наконецъ, я уѣхалъ, какъ и пріѣхалъ, на греческомъ товарномъ пароходикѣ, на которомъ спалъ среди мѣшковъ апельсиновъ и мандариновъ.

Въ Константинополѣ я дѣлалъ доклады о Галлиполи въ ПОК'ѣ, ЦОК'ѣ и у К.-Д. Но несмотря на лично мною видѣнное, многіе общественные дѣятели не вѣрили мнѣ, что армія существуетъ. Удивительная вещь, самовнушеніе: они были глухи и слѣпы. Они не хотѣли, чтобы армія существовала, вѣроятно боясь ея реакціонности и реставраціонности ея вождей. А между тѣмъ Кутеповъ, согласно директивѣ Врангеля, вывелъ даже понемногу пѣніе гимна

въ Галлиполи, подъ тѣмъ предлогомъ, что кощунственно молиться за сохраненіе Царя, когда мы сами его не сохранили и его нѣтъ. О внѣпартійности Галлиполійцевъ подтвердилъ при проѣздѣ черезъ Константинополь въ Болгарію и Кутеповъ, о чемъ скажу ниже. Далеко не вся общественность, даже Константинопольская и не Милюковскаго толка, не поддержала армію, въ томъ числѣ и многіе изъ моихъ партійныхъ товарищей. Такая выдающаяся, напримѣръ, дѣятельница, какъ А. В. Жекулина, которой бѣженство многимъ обязано за ея культурно-педагогическую дѣятельность, на всѣ мои данныя о Галлиполи, твердила, что меня генералы обошли, что никакой арміи нѣтъ. Извѣстный Ялтинскій врачъ и общественный дѣятель И. Н. Альтшуллеръ говорилъ тоже самое. И лишь когда лѣтомъ пріѣхавшіе изъ Парижа Карташовъ и Кузминъ-Караваевъ, побывавшіе въ Галлиполи, восторженно засвидѣтельствовали о бытіи арміи, онъ этому повѣрилъ и сознался, что я былъ правъ, когда «по интуиціи» утверждалъ это съ прошлаго года. Я не знаю, интуиція ли это, или просто русскіе глаза и уши, видящіе и слышащія то, что есть, а не дальтонизмъ и атрофія слуха, оторванныхъ отъ дѣйствительности лицъ, или слѣпыхъ и глухихъ по предвзятости людей. Если Милюкову за тысячи верстъ это вмѣняется въ вину, то совсѣмъ жалкое впечатлѣніе производила часть интеллигенціи въ Константинополѣ, которой потребовалась чуть не экспертиза двухъ профессоровъ изъ Парижа, чтобы узнать то, что было у нея тутъ-же подъ бокомъ.

Потомъ уже часть интеллигенціи въ Прагѣ, Парижѣ и другихъ центрахъ, гдѣ существуютъ кружки студентовъ-Галлиполійцевъ, давшихъ лучшихъ по успѣхамъ русскихъ студентовъ и техниковъ, должны были понять, что мощно поддержанные и объединенные въ арміи молодые люди, не только способны послужить Россіи мечомъ, но и ораломъ, что при возсозданіи Россіи, ради котораго они вновь готовы проливать кровь, они будутъ

полезны и для мирнаго строительства. Сколько мнѣ пришлось еще ломать копій изъ за этихъ простыхъ истинъ съ моими ближайшими политическими друзьями въ Парижѣ и какимъ нападкамъ въ «правизнѣ» я подвергался за «защиту» арміи и Врангеля. Я въ Галлиполи вложилъ персты въ раны русской арміи и готовъ былъ грмко воскликнуть: — «Вѣрую, Господи, помози невѣрію русской интеллигенціи!» Но въ ея средѣ были не только Фомы, но и Іуды.

Въ казацкихъ лагеряхъ въ Чаталджѣ и на островѣ Лемносѣ я не былъ, а я передаю здѣсь лишь личныя впечатлѣнія. Галлиполи былъ ближе Лемноса, въ немъ былъ преимущественно офицерскій составъ, въ немъ было у насъ больше родственниковъ и знакомыхъ, чѣмъ въ болѣе демократическомъ лагерѣ на Лемносѣ, а потому о Галлиполи значительно болѣе писалось и оно стало символомъ доблести русской арміи на чужбинѣ. Но заслуги генерала Абрамова не меньшія, чѣмъ Кутепова. Въ нѣкоторой степени задача его была труднѣе даже, чѣмъ у Кутепова, сразу взявшаго въ свои твердыя руки галлиполійскій десантъ. Абрамовъ прибылъ на Лемносъ изъ Чаталджи, когда большевицкая и французская пропаганда возвращенія и распыленія, уже сдѣлала свое дѣло и у казаковъ-солдатъ, томящихся по землѣ и своимъ станицамъ, политически менѣе сознательныхъ, уже началось разложеніе. Отправилось уже нѣсколько транспортовъ казаковъ въ Россію, участь которыхъ, по дошедшимъ свѣдѣніямъ, была печальна; отправился транспортъ казаковъ при помощи французовъ въ Бразилію, но доѣхавъ до Корсики, вернулся обратно. Французы вывѣшивали афиши о возможности выѣхать въ Россію и въ Бразилію, опрашивали желающихъ, устранивъ офицеровъ, пугали скорымъ прекращеніемъ голоднаго пайка и т. д.

Абрамовъ, пріѣхавшій въ клокочущій и разлагавшійся лагерь, спокойно, съ удивительной скромностью и тактомъ, но въ то же время твердостью взялъ дѣло въ руки

и скоро Лемнось сталъ неузнаваемъ и имена Абрамова и Лемноса станутъ на почетномъ мѣстѣ въ военной русской исторіи наряду съ именами Кутепова и Галлиполи. Врангель въ одномъ изъ приказовъ назвалъ Кутепова и Абрамова по справедливости русскими витязями.

Вѣроятно изъ Галлиполи я привезъ тифозную инфекцію. Я вскорѣ заболѣлъ и не спалъ цѣлыя ночи отъ боли въ ногахъ, въ моей холодной мрачной комнатѣ. Я спалъ только днемъ и дремалъ вечеромъ на засѣданіяхъ съ сильно повышенной температурой. Когда я недѣли черезъ двѣ обратился къ Альтшуллеру, то онъ опредѣлилъ тифъ въ легкой формѣ и сталъ дѣлать вспрыскиванія. Такъ я и перенесъ тифъ на ногахъ.

Въ началѣ лѣта 1921 года въ Парижѣ созывался Національный Съѣздъ и совѣщаніе членовъ Центральнаго Комитета К.-Д. партіи и я выѣхалъ на французскомъ пароходѣ въ Марсель. Море было спокойное и этотъ дешевый способъ передвиженія очень удобенъ. Пріятно было прокатиться по морю между Константинополемъ и парижской страдой. Каюты третьяго класса были чистыя, койки хорошія, столъ сносный. Я ходилъ пить чай и играть въ шахматы въ первый классъ къ двумъ офицерамъ французской миссіи, съ которыми сошелся въ Феодосіи. Отъ Константинополя до Марселя ни одной остановки. Миновавъ Галлиполи и острова Эгейскаго архипелага, мы обогнули Грецію и вечеромъ проѣхали чудный Мессинскій проливъ съ сверкающими электричествомъ городами Сициліи и Калабріи, который мнѣ хорошо извѣстенъ, такъ какъ я три раза бывалъ въ Сициліи. Миновавъ Сциллу и Харибду и Липарскіе острова, изъ которыхъ Стромболи дышетъ своимъ вулканомъ, мы проѣхали черезъ Корсиканскій проливъ и 30 апрѣля, на пятые, кажется, сутки, прибыли въ Марсель.

Такъ какъ ожидалась первомайская забастовка, чтобы не застрять въ пути я заѣхалъ на два дня къ знакомымъ на Ривьеру. Посѣтилъ и прелестное Монте-Карло, въ ко-

торое заѣзжалъ до войны постоянно по дорогѣ изъ Италіи въ Парижъ. Публика посѣрѣла. Былъ конецъ сезона, но столы въ Казино были облѣплены. Мнѣ кажется исчезла главная притягательная сила игры: послѣ войны — золото исчезло, играютъ на фишки и не видно кучъ золота, не слышно его звона и характернаго стука золотыхъ монетъ о загребающія ихъ лопаточки.

Въ Парижѣ я остановился у Маклакова въ русскомъ посольствѣ. Комната съ полнымъ комфортомъ въ чудномъ старомъ барскомъ особнякѣ съ великолѣпнымъ цвѣтущимъ садомъ. Маклаковъ, несмотря на свое двусмысленное положеніе — посла несуществующей державы, да еще не успѣвшій до октябрьскаго переворота вручить свои ввѣрительныя грамоты, сумѣлъ занять извѣстное положеніе у французовъ; съ нимъ считаются и онъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ вліятельными чинами на Quai d'Orsay. Очень ему помогла создать положеніе въ Парижѣ его сестра М. А. Маклакова, которая очень умѣло, просто и радушно всѣхъ принимаетъ, устраиваетъ завтраки и обѣды. Ея энергія въ культурно-благотворительной дѣятельности поразительна. Она помогаетъ массѣ бѣженцевъ, основала и содержитъ на собираемыя ею сотни тысячъ франковъ въ годъ, русскую гимназію. Ей удалось завязать хорошія отношенія съ французской аристократіей и плутократіей, благодаря чему ей удаются ея благотворительныя предпріятія. Великолѣпное зданіе посольства въ запустѣніи и все оно заполнено разными учрежденіями.

Въ Парижѣ у меня масса друзей и родственниковъ изъ Москвы и Петрограда. Хотя онъ не такъ еще былъ переполненъ бѣженцами, какъ впослѣдствіи, но уже ихъ не мало и онъ дѣлается политическимъ ихъ центромъ. До войны я съ юныхъ лѣтъ каждый годъ бывалъ въ Парижѣ, очень его люблю, но въ эти два весенніе мѣсяцы мало его видѣлъ, такъ какъ все больше пребывалъ на засѣданіяхъ и въ метро. Все же удалось побывать на Grand-Prix. И здѣсь

эмиграція начинаетъ устраиваться и почтенно зарабатывать свое пропитаніе. Особенно въ этомъ отношеніи отличились нѣкоторыя дамы-аристократки, не побоявшіяся открыть въ Парижѣ модныя мастерскія и сумѣвшія привлечь англійскую и американскую кліентуру. Дворъ во время обѣдни въ русской церкви, прозванный «брехаловкой», полонъ народу. По всему Парижу открыто много десятковъ столовыхъ, ресторановъ и ночныхъ кабаковъ. Въ общемъ въ парижскомъ бѣженствѣ гораздо больше денежныхъ людей, чѣмъ въ Константинополѣ и вообще на Балканахъ, но чувствуется большая, чѣмъ тамъ, оторванность отъ Россіи. Разумѣется и здѣсь бѣженцы — патріоты, мечтаютъ вернуться въ Россію, но патріотизмъ ихъ пассивный, не дѣйственный. «Сестрочеховская» тоска по Москвѣ, но гражданъ мало, все обыватели, занятые своими личными интересами и, отчасти, развлеченіями. О жертвенной любви къ Родинѣ, которую я наблюдалъ въ арміи въ Галлиполи, — нѣтъ и помину.

О далекой арміи мало знаютъ, мало интересуются ею, не понимаютъ ее. Я устроилъ публичное собраніе съ докладами объ арміи въ большомъ помѣщеніи, на которомъ выступали Карташовъ, Струве и я, и залъ былъ на половину пустъ.

Членовъ Центральнаго Комитета К.-Д. партіи съѣхалось 19 человѣкъ, число почтенное для пленарныхъ засѣданій и въ Москвѣ и въ Петроградѣ. Милюковъ уже изобрѣлъ свою новую тактику для партіи и сталъ ее пропагандировать въ своихъ «Послѣднихъ Новостяхъ», не сговорившись съ товарищами по Центральному Комитету. Какъ и на Югѣ Россіи, онъ повелъ свою линію и думалъ, что партія за нимъ послѣдуетъ. Но и здѣсь онъ остался въ меньшинствѣ, ни Центральный Комитетъ, ни партія за нимъ не послѣдовали. У насъ состоялись многочисленнныя дневныя и вечернія засѣданія. Много было разговоровъ и споровъ. Впервые съѣхались послѣ Россіи руководители и большею частью основатели большой

вліятельной партіи, лидеръ которой повелъ самочинно свою политическую линію. Предсѣдательствовали мы по очереди.

Мы допытывались у Милюкова, въ чемъ должна выразиться демократизація партіи. Насколько помню, онъ объяснялъ, что тактически мы должны сблизиться и столковаться съ лѣвыми партіями, съ правыми соціалистами, а въ програмномъ отношеніи болѣе выдвинуть интересы крестьянства: — то есть мы должны дѣлать ставку на крестьянъ, быть классовой крестьянской партіей? — На послѣдовавшій утвердительный отвѣтъ, И. И. Петрункевичъ нашъ doyen, близкій Милюкову человѣкъ, никогда не отличавшійся правизной, ему рѣзко возразилъ, что К.-Д. партія, защищая интересы трудящихся, была всегда надсословной и надклассовой, что нельзя въ эмиграціи мѣнять основныя положеня и характеръ партіи, которые могли бы быть измѣнены лишь всероссійскимъ съѣздомъ. Горячо возражалъ ему Родичевъ, Набоковъ и нѣкоторые другіе. На его соглашательство съ соціалистами, я замѣтилъ ему, что онъ надѣется въѣхать въ Россію на лѣвыхъ... товарищахъ (или что то въ этомъ родѣ по Думской терминологіи), но что онъ ошибется и это ему не удастся. Когда, наконецъ, дѣло дошло до баллотировки, Милюковъ оказался въ меньшинствѣ. Такимъ образомъ произошелъ Милюковскій расколъ; онъ со своими единомышленниками (Винаверъ, Волковъ, Демидовъ, Харламовъ, Гронскій) вышли изъ основной К.-Д. партіи, образовавъ свою Демократическую группу партіи Народной Свободы, или что тоже — Демократическую Группу Конституціонно-Демократической партіи, то есть получился демократизмъ въ квадратѣ.

Послѣ этого засѣданія, происходившаго въ редакціи «Послѣднихъ Новостей» въ домѣ Денисова на Place Bourbon, я проводилъ немного Набокова по Place Concorde и онъ мнѣ говорилъ о статьѣ, которую онъ пишетъ въ «Руль» о расколѣ партіи. Тогда же я ему возразилъ й по-

томъ постоянно это доказывалъ, что терминъ — расколъ не вѣренъ, а что произошелъ **«отколъ» отъ партіи.**

И дѣйствительно, за рубежомъ не только Центральный Комитетъ, но всѣ безъ исключенія организованныя группы партіи, въ Балканскихъ странахъ, въ Берлинѣ и друг., остались при старой тактикѣ и отказались перейти на новую. Даже К.-Д. группа Парижа, этой цитадели Милюкова, на бурномъ засѣданіи которой я присутствовалъ, не приняла его тактики и партія, хотя бы претепрѣвшая уронъ отъ откола, не поколебалась.

Я привѣтствовалъ опредѣленный отколъ, такъ какъ самочинная тактика такого виднаго члена, какъ Милюковъ, вредила всей партіи. Другіе же члены Ц. К. и на совѣщаніи и впослѣдствіи стремились найти компромиссъ, замазать разногласія, думая этимъ спасти партію, но на самомъ дѣлѣ эти «средняки» только могли углубить трещинки въ партіи и дѣйствительно произвести въ ней расколъ и погубить ее. Лучше было отколоть часть партіи, чѣмъ разбередить весь ея организмъ! Потребовалась хирургія. Милюковъ тоже былъ противъ компромисса. Разъ что партія не пошла за нимъ, онъ считалъ, будто политическій водораздѣлъ и въ эмиграціи и въ будущей Россіи долженъ пройти по тѣлу партіи. Онъ это высказывалъ публично и проводилъ въ своей газетѣ. А потому и я, всегда стоявшій за дисциплину въ партіи и пробиравшій въ Кіевѣ Ефимовскаго за нападки въ прессѣ на того же Милюкова, считая, что онъ, послѣ откола вышелъ изъ партіи, счелъ тогда же возможнымъ, какъ и Набоковъ и другіе, отъ него отмежеваться въ газетныхъ статьяхъ, а теперь, послѣ столькихъ уже лѣтъ, вспомнить исторію этого откола.

На этихъ же совѣщаніяхъ Центральнаго Комитета меня просили сдѣлать докладъ объ арміи и Русскомъ Совѣтѣ, но я отказался это сдѣлать, а подробно выяснилъ мой взглядъ, отвѣчая на критику моего «поправѣнія» и Врангелизма.

Милюковъ относился отрицательно къ существованію арміи какъ таковой. Но и большинство моихъ друзей, не отколовшихся отъ партіи, не раздѣляли моего взгляда на политическое и національное значеніе остатковъ русской арміи и относились отрицательно къ Русскому Совѣту. Уже передъ отъѣздомъ моимъ въ Константинополь они устроили обѣдъ спеціально, чтобы уговорить меня выйти изъ Русскаго Совѣта. Я сказалъ, что подумаю и сдѣлаю надлежащіе для себя выводы. Набоковъ, видя мое убѣжденное настаиваніе на свободѣ мнѣнія, испугался этихъ словъ, думая, что я могу уйти изъ партіи, и послѣ обѣда говорилъ мнѣ, что это послѣ ухода Милюкова, погубило бы партію. Но я передъ самымъ отъѣздомъ подалъ мотивированное заявленіе объ уходѣ моемъ изъ Центральнаго Комитета партіи. И на это мнѣ было не легко рѣшиться: съ основанія партіи я былъ членомъ Центральнаго Комитета и первые пять лѣтъ, до перенесенія Центральнаго Комитета изъ Москвы въ Петербургъ, его предсѣдателемъ. Этимъ шагомъ я хотѣлъ подчеркнуть моимъ друзьямъ и всей партіи, какое значеніе я придаю арміи и дѣйственной поддержкѣ ея и что въ этомъ отношеніи тактика партіи съ 1918 года, установленная въ Москвѣ и на югѣ Россіи должна неукоснительно продолжаться до окончанія борьбы, то есть и въ эмиграціи.

Съ самаго моего пріѣзда въ Парижъ, я вступилъ въ организаціонное бюро по созыву Національнаго Съѣзда, которое уже энергично работало подъ предсѣдательствомъ Н. В. Тесленко, собираясь ежедневно у Бурцева въ редакціи его «Общаго Дѣла» на rue Montmartre.

Теперь, послѣ Зарубежнаго Съѣзда, многимъ стало ясно, какъ сложно дѣло подготовки подобнаго съѣзда. Положенія и доклады были разработаны очень обстоятельно.

Торжественное открытіе Съѣзда состоялось въ Hôtel Majestic, «величественной» гостинницѣ которой суждено было стать мѣстомъ попытокъ объединенія эмиграціи,

которое до сихъ поръ все еще не имѣетъ величественнаго характера.

За отказомъ предсѣдательствовать Бурцева, главнаго иниціатора и популяризатора съѣзда, я принужденъ былъ согласиться по постановленію бюро взять предсѣдательствованіе на себя и уже подготовилъ вступительную рѣчь. Но чаша эта меня миновала. Передъ самымъ открытіемъ съѣзда нѣкоторые члены бюро заявили, что въ интересахъ единенія лучше снять мою кандидатуру, какъ слишкомъ опредѣленно «армейскую» и «Врангелевскую» (!). Тогда же была выдвинута кандидатура Карташова, который потомъ и былъ единодушно выбранъ въ предсѣдатели.

Насколько сложно дѣло единенія разсыпаннаго по разнымъ странамъ бѣженства, показываетъ слѣдующій эпизодъ. Мнѣ поручено было по французски произнести привѣтствіе Франціи. Я сказалъ приблизительно тоже, что и въ тостѣ на «Вальдекъ Русо», а именно что къ счастью и къ несчастью русскимъ приходится съѣхаться въ Парижѣ и затѣмъ благодарилъ Францію за гостепріимство и кончилъ — Vive la France! На слѣдующій день мы едва отговорили Берлинскихъ делегатовъ Набокова и кн. И. С. Васильчикова, говорившихъ, что послѣ этого имъ нельзя вернуться въ Берлинъ, не заявлять публично ихъ протеста, каковой былъ приложенъ къ журналу.

Какъ всегда, горячо и краснорѣчиво говорилъ Эрлишъ. Среди массы привѣтствій я настоялъ на произнесеніи привѣтствія именно отъ непопулярнаго Русскаго Совѣта.

Не буду здѣсь говоритъ о всѣхъ треніяхъ и трудностяхъ, которыя пришлось преодолѣть на долго засѣдавшемъ днемъ и вечеромъ съѣздѣ и въ бюро его. Подробные отчеты можно найти въ «Общемъ Дѣлѣ». Въ общемъ Съѣздъ прошелъ удачно и съ подъемомъ. Онъ выдѣлилъ Національный Комитетъ, который вотъ уже пять лѣтъ работаетъ съ своими отдѣлами во многихъ стра-

Засѣданіе Національнаго Комитета — Парижъ 1921 г. (слѣва направо: Ф. И. Родичевъ, Г. И. Сліозбергъ, Кн. Пав. Долгоруковъ, К. И. Зайцевъ, Маклецовъ, Пасманникъ, М. М. Федоровъ, А. В. Тыркова).

нахъ. На съѣздъ не были привлечены, какъ ихъ нѣкоторые называли «большевики справа», то есть Рейхенгальцы и Соціалисты; демократическіе демократы не пришли на съѣздъ. Иниціаторы его не стремились къ теоретически желательному, но практически неосуществимому, тогда всеэмигрантскому объединенію, старались образовать здоровый центръ, къ которому впослѣдствіи могли бы примкнуть и справа и слѣва элементы, способные въ нужную минуту подняться на надпартійную національную высоту. На съѣздѣ и въ Національномъ Комитетѣ приняли участіе представители тѣхъ же группъ, которыя входили и въ Національный Центръ, а затѣмъ и въ Объединеніе Общественныхъ и Государственныхъ Дѣятелей на Югѣ Россіи, то есть К.-Д., бывшіе октябристы, конституціонные монархисты, торгово-промышленники и нѣкоторыя другія пофессіональныя группы. Національный Комитетъ преемственно продолжалъ дѣло начатое Національнымъ Центромъ въ Москвѣ и въ основу его легли завѣтные надпартійные лозунги Корнилова и Добрарміи. Однимъ изъ основныхъ мотивовъ съѣзда было — всемѣрная поддержка арміи. Предсѣдателемъ Національнаго Комитета былъ выбранъ Карташовъ, технически слабый предсѣдатель, но покрывавшій этотъ недостатокъ своимъ высокимъ нравственнымъ авторитетомъ.

Около 10-го іюля я выѣхалъ тѣмъ же путемъ въ Константинополь, мало насладившись, изъ за засѣданій и метро, Парижемъ, столь прекраснымъ весной.

14-е іюля французы отпраздновали на пароходѣ иллюминаціей и концертомъ. Снова, Корсика, огни городковъ Мессинскаго пролива, Эгейское море, Галлиполи и Константинополь.

Я лѣтомъ жилъ въ Константинополѣ въ хорошей комнатѣ и много ходилъ по Стамбулу и ѣздилъ на Принцевы острова и въ Босфоръ. Излюбленными моими мѣстами были поэтическій Эйюбъ въ концѣ Золотого Рога, развалины крѣпости Румели-Хисаръ на европейскомъ и Бей-

косъ на азіатскомъ берегу Босфора. Въ послѣднемѣ была чудная аллея платановъ, въ дуплахъ которыхъ могла поселиться цѣлая семья, казино съ музыкой и красивымъ паркомъ, подымающимся въ гору. Хорошъ также запущенный паркъ лѣтней русской посольской дачи въ Буюкъ-Дере, обращенной въ бѣженское общежитіе. На Принцевыхъ островахъ чудный видъ на Константинополь, но растительность чахлая, малорослыя сосны, нѣтъ пышной свѣжей зелени Босфора. На островѣ Халки, передъ собраніемъ съ моимъ докладомъ, я присутствовалъ на всенощной въ русской церкви съ хорошимъ хоромъ бѣженцевъ. Видѣлъ также въ Константинополѣ вертящихся, а въ Скутари воющихъ, или скорѣе лающихъ дервишей, кажется теперь уже уничтоженныхъ вмѣстѣ съ феской Кемалемъ.

По улицамъ Константинополя, съ музыкой и съ портретами то Венизелоса, то короля Константина, съ кликами въ ихъ честь, проходили ихъ сторонники-греки, когда одинъ изъ нихъ бралъ верхъ. Не успѣвали художники закончить ихъ портреты, какъ происходилъ переворотъ, и приходилось Константина перекрашивать въ Венизелоса и наоборотъ.

ПОК сталъ работать, какъ отдѣлъ Національнаго Комитета. При проѣздѣ на шеркетѣ въ началѣ Босфора можно было часто видѣть длинную фигуру Врангеля, шагающаго безъ фуражки по маленькой палубѣ Лукулла.

Кажется въ августѣ итальянскій торговый пароходъ, шедшій изъ большевицкаго Батума, средь бѣла дня, круто повернулъ съ форватера широкаго въ этомъ мѣстѣ Босфора и, направившись прямо на Лукуллъ, стоявшій близъ берега на постоянной стоянкѣ русскаго стаціонера, перерѣзалъ его пополамъ и, не остановившись, прошелъ къ Константинополю. Врангель съ женой въ это время были на храмовомъ праздникѣ греческаго монастыря Влахернской Божьей Матери на Золотомъ Рогѣ. Вѣрующіе люди говорили, что Она спасла Главнокоман-

дующаго. Немногочисленные люди, бывшіе на борту, спаслись, кромѣ дежурнаго мичмана Сапунова, который, видя неминуемую гибель яхты, передъ самымъ носомъ надвигающагося итальянца, бросился въ каюту предупредить людей и погибъ славною смертью при исполненіи своего долга. Такъ опустился въ воду на своей мачтѣ послѣдній Андреевскій флагъ, развѣвавшійся на Босфорѣ.

Мы собрались въ посольствѣ, гдѣ были уже Врангель и экипажъ Лукулла, потерявшіе весь свой багажъ. Была также и вдова Сапунова, которая еще не теряла надежды, что мужъ ея подобранъ однимъ изъ пароходовъ. Баронесса Врангель потеряла послѣднія свои драгоцѣнности.

При этомъ обнаружилось возмутительное безправіе и беззащитность русскихъ, лишенныхъ опоры своего государства. Несмотря на крайне подозрительныя въ политическомъ отношеніи обстоятельства катастрофы, союзное командованіе не нашло повода даже къ уголовному преслѣдованію итальянцевъ, гражданскій искъ о потерѣ яхты вчинить некому было и лишь послѣ долгихъ судебныхъ хлопотъ командѣ удалось получить съ итальянской компаніи гроши за погибшее ихъ имущество. Врангель вновь поселился въ посольствѣ.

Зимой началась переброска войскъ изъ Галлиполи и Лемноса черезъ Константинополь и Варну, въ Болгарію и Сербію. Союзники торопили съ упраздненіемъ военныхъ лагерей; изстрадавшіяся и истосковавшіяся въ пустынныхъ лагеряхъ части, съ радостью ѣхали въ славянскія земли. Начальникъ штаба генералъ Шатиловъ энергично работалъ въ Сербіи и Болгаріи, подготовляя пріѣздъ воинскихъ частей и расквартированіе ихъ тамъ. Когда проѣзжалъ Кутеповъ, мы ему устроили въ посольствѣ торжественную встрѣчу и до двадцати представителей различныхъ организацій, привѣтствовали его рѣчами. Галлиполійскій подвигъ уже побѣдилъ значительную часть эмиграціи. Въ моей рѣчи я высказалъ надежду, что армія и на новыхъ мѣстахъ останется надпартійной, въ

чемъ заключается смыслъ ея существованія и даже условіе самаго ея бытія, какъ національной силы. Далѣе я сказалъ, что «Кутепія», «Кутеповщина» стали нарицательными именами, правда ругательными у враговъ арміи, и что мы ничего не имѣемъ противъ широкой славы о Кутеповщинѣ, такъ какъ клевета отпадетъ и имя это останется символомъ доблести русскаго солдата, не выпускающаго и на чужбинѣ, при невѣроятно трудныхъ условіяхъ, изъ своихъ рукъ знамени, хотя со всѣхъ сторонъ его стараются вырвать у него. Въ заключеніе я провозгласилъ славу генералу Кутепову и его сподвижникамъ, всѣмъ Галлиполійскимъ подвижникамъ.

Въ своемъ общемъ отвѣтномъ словѣ Кутеповъ далъ прямой отвѣтъ и на высказанную мной мысль; онъ сказалъ, что какъ **въ Галлиполи у него въ палаткахъ рядомъ лежали и монархисты, и республиканцы, также внѣпартійна армія останется и на новыхъ мѣстахъ.**

И, какъ всегда, слово его согласовалось съ дѣломъ. Армія осталась вѣрна лозунгамъ, вывезеннымъ Врангелемъ съ Юга Россіи, хотя, распыленной среди гражданскаго населенія небольшими группами, ей труднѣе было не втягиваться въ политиканство, чѣмъ въ изолированныхъ военныхъ лагеряхъ.

Тутъ-то на транспортахъ я видѣлъ слезы на глазахъ многихъ воиновъ, когда Врангель только быстро проходилъ, здороваясь съ ними. Онъ, побѣжденный, не оставилъ ихъ, спасъ отъ большевиковъ, и на чужбинѣ, разлученный съ ними союзниками, все время заботился о нихъ и боролся изъ за нихъ. Авторитетъ побѣжденнаго вождя не умалился, люди готовы слѣдовать за нимъ по первому его зову.

Пробывъ полтора года въ Константинополѣ, въ концѣ февраля 1922 года я выѣхалъ въ Софію.

X.

БѢЛГРАДЪ. 1922-1923 г. г.

Послѣ огромнаго, шумнаго, крикливаго и красочнаго Константинополя, сѣренькіе провинціальные Софія и Бѣлградъ производятъ впечатлѣніе маленькихъ губернскихъ городовъ.

Сначала Врангель предполагалъ поселиться въ Софіи и я былъ туда командированъ для подготовки выборовъ въ Русскій Совѣтъ отъ бѣженства въ Болгаріи. Въ Сербіи выборы уже были произведены, а въ Болгаріи встрѣчались большія затрудненія вслѣдствіе режима Стамболійскаго. Я замѣнилъ посланнаго ранѣе Шульгина. Грязная въ мартѣ мѣсяцѣ, плоская, безъ воды Софія произвела на меня плохое впечатлѣніе. Красивый соборъ построенъ на средства Государя. На главной улицѣ Царя Освободителя — конный памятникъ Александру II. Въ Софіи засталъ Кутепова и Шатилова. Я собралъ представителей русской общественности и приступилъ къ выясненію способовъ организаціи выборовъ въ Русскій Совѣтъ. Порайонныхъ выборовъ, какъ въ Сербіи, невозможно было произвести и намѣчались выборы отъ организацій и группъ.

Я былъ радушно встрѣченъ мѣстной К.-Д. группой, предсѣдателемъ которой состоялъ К. Н. Соколовъ (Осважный), издававшій здѣсь газету. Около него и этой газеты и группировалась Софійская общественность. Со-

фійская группа К.-Д. была монархическаго толка и настаивала, чтобы и остальныя К.-Д. группы стали таковыми. Я еще изъ Константинополя писалъ Соколову о невозможности этого и съ формальной стороны, за невозможностью собрать съѣздъ и измѣнить программу въ эмиграціи. Въ партіи всегда были идеологи какъ монархіи, такъ и республики, и конституціонность строя и демократичность программы были существенными ея чертами, а не форма правленія. Кромѣ формальной невозможности, пересмотръ программы нежелателенъ и по существу, такъ какъ теперь необходимо болѣе широкое объединеніе межпартійное на тактической платформѣ, а постановка програмнаго вопроса разъединила бы и членовъ партіи. Поэтому, какъ я писалъ, Соколовъ съ Софійцами дѣлалъ ту же ошибку, что и Милюковъ съ Парижанами, ставя остро вопросъ о республиканизмѣ партіи, хотя у Милюкова было къ тому болѣе формальныхъ основаній, такъ какъ партія перешла въ 1917 году на республиканскую позицію. Такимъ образомъ, у меня было рѣзкое разногласіе съ моими Софійскими товарищами, что не помѣшало намъ дружелюбно спорить и вмѣстѣ засѣдать по субботамъ вечеромъ въ ресторанчикѣ, гдѣ особенно налегалъ на вино Э. Д. Гриммъ, смѣнившій вскорѣ вѣхи и скакнувшій отъ Соколова къ большевикамъ.

Небольшая, но сплоченная Соколовымъ группа, осталась одинокой въ своей позиціи и остальныя К.-Д. группы отнеслись отрицательно къ ея затеѣ. Какъ «ни Ленинъ, ни Колчакъ» для соціалистовъ, такъ и Милюковъ, и Соколовъ не увлекли за собой К.-Д. партію заграницей.

Нашъ Константинопольскій К.-Д. И. Лукашъ при моемъ содѣйствіи издалъ тогда въ Софіи первое появившееся въ печати описаніе Галлиполи, талантливый свой очеркъ — «Голое поле».

Земскій Союзъ продолжалъ и здѣсь обслуживать бѣженцевъ и армію, а Союзъ Городовъ, гдѣ я началъ было

работать, открылъ въ Болгаріи нѣсколько гимназій и школъ.

Какъ только я переѣхалъ изъ плохой дешевой гостиницы въ хорошую комнату на Аксаковской ул., Врангель вызвалъ меня въ Бѣлградъ. Комнату эту нашелъ мнѣ И. М. Калинниковъ, издававшій правую русскую газету и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ убитый въ разгарѣ стамболійщины. Изъ за этого же режима Врангель отказался отъ намѣренія поселиться въ Софіи.

Бѣлградъ лучше расположенъ, чѣмъ Софія. Онъ лежитъ на холмѣ при сліяніи Савы съ Дунаемъ, что напоминаетъ мѣстоположеніе Нижняго и русскую ширь. Небольшой городокъ обстраивается и растетъ, оказавшись послѣ войны столицей втрое увеличившейся страны. По ту сторону и Дуная и Савы была прежняя Австрія и маленькій городокъ Земунъ, который по сравненію съ Бѣлградомъ носитъ отпечатокъ благоустройства и австрійской культуры, какъ и ближайшіе придунайскіе городки Карловцы, Новый Садъ, Панчево. Особенность Бѣлграда — что на весь городъ всего четыре церкви и сотни кафановъ на каждомъ шагу. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ русскіе балалаечники.

Я поселился въ домикѣ изъ двухъ комнатъ на краю города среди вишневаго сада, цвѣтущаго весной и съ вишнями лѣтомъ. На диванѣ у меня долго ночевалъ мой племянникъ-добровoлецъ, по болѣзни уѣхавшій изъ Галлиполи. Сначала онъ служилъ въ ресторанѣ, а потомъ работалъ при паровой прачешной и на сахарномъ заводѣ. Останавливались также братъ, Олсуфьевъ и Алексинскій.

Въ другой комнатѣ жила хозяйка съ пятилѣтнимъ сыномъ Радко. Она, говорившая на иностранныхъ языкахъ, вдова полковника, дочь генерала, сама убирала мою комнату, таскала воду, колола дрова: — подлинный сербскій демократизмъ. Ко мнѣ она благоволила, какъ къ отмѣнному самцу (удареніе на а), то есть совершенно одинокому, безъ хозяйства, тогда какъ семейныхъ бѣжен-

цевъ квартирохозяйки не долюбливали и у нихъ происходили постоянно стычки.

Сербское правительства щедро помогало бѣженству, въ частности русскому студенчеству. Гимназіи русскія при помощи Сербовъ были въ нѣсколькихъ городахъ. (Я принималъ участіе въ засѣданіяхъ Согора). Кромѣ того, небогатая сербская казна содержала два русскихъ института, кадетскіе корпуса. Россія не забудетъ, то, что сдѣлала тогда для насъ небогатая Сербія и стоявшій несмѣнно во главѣ правительства старикъ Пашичъ.

Въ державной комиссіи игралъ видную роль М. В. Челноковъ, у котораго я часто бывалъ, такъ какъ вмѣстѣ съ другими столовался у его хозяйки. Какъ Московскій городской голова онъ былъ въ почетѣ у Сербовъ.

Малодѣятельный К.-Д. комитетъ собирался рѣдко; въ немъ участвовали К.-Д. изъ Новаго Сада и Суботицъ.

Отдѣлъ Національнаго Комитета, подъ предсѣдательствомъ проф. Салтыкова былъ, напротивъ, очень дѣятеленъ и собирался еженедѣльно. Въ немъ, между прочимъ дѣятельное участіе принималъ генералъ Добророльскій, котораго я встрѣчалъ на войнѣ, когда онъ былъ начальникомъ штаба у Радко-Дмитріева. Потомъ онъ перешелъ къ большевикамъ. Дѣятельное участіе принималъ въ качествѣ товарища предсѣдателя и С. Н. Ильинъ, начальникъ политической части Главнокомандующаго, понимавшій необходимость реальной, не только на словахъ, связи арміи съ общественностью. Онъ, какъ исключеніе въ окруженіи Врангеля, былъ дѣйствительно непартійнымъ человѣкомъ, вполнѣ раздѣлялъ надпартійную платформу Національнаго Комитета и цѣнилъ поддержку имъ арміи. Вслѣдствіе его непартійности, правые его не долюбливали, считая его лѣвымъ. Человѣкъ замѣчательно работоспособный, корректный и самоотверженный (работавшій усиленно, несмотря на мучительную болѣзнь), онъ былъ незамѣнимымъ помощникомъ Главнокомандующаго.

Генералъ Миллеръ, бывшій командующій Сѣвернымъ фронтомъ, смѣнилъ начальника штаба генерала Шатилова. Миллеръ былъ хорошій работникъ, во всѣ мелочи входившій самъ и очень упорядочившій и сократившій расходы по арміи. Съ нимъ было пріятно работать въ Русскомъ Совѣтѣ. Въ политикѣ, какъ покажетъ дальнѣйшее, онъ разбирался слабо. Кажется осенью онъ былъ назначенъ представителемъ Врангеля въ Парижѣ.

Русскій Совѣтъ сталъ терять свой Константинопольскій характеръ. Въ него вошли выборные отъ Сербіи крайніе правые — Скаржинскій, Локоть и другіе, что придавало окруженію Врангеля партійный оттѣнокъ и поводъ къ нареканіямъ. Нужно отдать справедливость этимъ правымъ, что въ Русскомъ Совѣтѣ они держали себя вполнѣ корректно. Но проф. Локоть продолжалъ въ «Новомъ Времени» усиленную кампанію за смѣну національныхъ лозунговъ арміи — партійными — за вѣру, **Царя** и отечество. Правда, когда я поднялъ вопросъ о недопустимости для человѣка, работающаго при арміи, выступать публично противъ ея надпартійнаго знамени и Врангель поддержалъ меня, Локоть оставилъ армію въ покоѣ въ своихъ статьяхъ. Къ этому же времени Врангель рѣшилъ отказаться отъ политической роли и передать ее въ Парижъ В. Кн. Николаю Николаевичу. Вслѣдствіе этого въ серединѣ лѣта Русскій Совѣтъ, сыгравшій извѣстную роль въ первый самый трудный періодъ пребыванія арміи на чужбинѣ, былъ упраздненъ и преобразованъ въ маленькій чисто техническій финансово-контрольный комитетъ, членомъ котораго и я остался.

Все сербское бѣженство было отлично сорганизовано по колоніямъ право-монархическими организаціями, во главѣ которыхъ стояли Скаржинскій, Палеологъ и другіе. Центральныя группы жаловались на засиліе правыхъ, но мало проявляли активной организаціонной работы. Правые были недовольны платформой Врангеля, но все-таки его и армію поддерживали. Большую роль у нихъ

игралъ и Митрополитъ Антоній, жившій въ Карловцахъ, гдѣ ранѣе собрался злополучный церковный соборъ, большинство котораго съ Антоніемъ во главѣ вынесло чисто политическія партійныя (легитимно-монархическія) резолюціи, результатомъ чего было аннулированіе постановленій собора Патріархомъ Тихономъ и назначеніе имъ младшаго въ іерархическомъ санѣ Митрополита Евлогія главой всѣхъ европейскихъ церквей.

Я познакомился съ Митрополитомъ Антоніемъ, какъ предсѣдателемъ Парламентскаго Комитета въ Бѣлградѣ. Онъ образованный, живой и интересный собесѣдникъ.

Какая атмосфера была въ Бѣлградѣ видно изъ того, что правые съ «Новымъ Временемъ» вмѣсто стремленія къ общему объединенію, стремились и преуспѣвали лишь въ единеніи своемъ партійномъ; они считали лѣвыми даже такихъ лицъ, какъ Родзянко и Челноковъ. Перваго такъ травили и такъ ему угрожали, что онъ, къ стыду русскихъ, долженъ былъ обратиться къ Пашичу за разрѣшеніемъ носить револьверъ! А ему дѣйствительно грозила опасность, если припомнить убійства Гужона и генерала Романовскаго.

Къ чести Сербовъ (и къ стыду русскихъ политикановъ), когда Родзянко умеръ, Сербы устроили ему торжественные похороны, какъ Предсѣдателю Русской Думы, за счетъ государства. Они же оказывали ему при жизни и Хомякову, матеріальную помощь.

Врангель поселился на пригородной дачѣ въ Топчидерѣ. Онъ жилъ съ семьей, съ своими престарѣлыми родителями и дѣтьми. Это были три поколѣнія русской, культурной помѣщичьей семьи. Самъ Врангель до Военной Академіи окончилъ Горный Институтъ, а старикъ-баронъ былъ извѣстнымъ знатокомъ искусства и писателемъ по исторіи искусства. И дача съ большой террасой съ видомъ на Бѣлградъ и Саву, напоминала помѣщичій домъ, а 29 іюня и 11 іюля самоваръ на террасѣ и именинные пироги напоминали русскій усадебный укладъ жизни.

Прирожденный военный вождь, Врангель и въ частной семейной жизни, отнюдь, но проигрывалъ.

У короля онъ былъ только разъ, вскорѣ послѣ своего пріѣзда. Король былъ съ нимъ очень любезенъ, интересовался арміей, но на этомъ ихъ отношенія и прекратились. Ни онъ, ни правительство, стѣсненные международными и внутренними парламентскими условіями, офиціально не могли къ нему относиться иначе, какъ къ частному лицу, и армію, какъ таковую, и Врангеля, какъ Главнокомандующаго, признавать не могли. Все, что они могли дать и дали — это дружественный нейтралитетъ и гостепріимство.

Лѣтомъ состоялась свадьба короля съ дочерью румынскаго короля. Красивъ былъ торжественный пріѣздъ румынской королевской флотиліи съ невѣстой по Дунаю и Савѣ. Живописенъ былъ и кортежъ въ день свадьбы. Разумѣется не было той пышности, что на нашихъ церемоніяхъ, но блескъ придворныхъ мундировъ замѣняли болѣе живописные костюмы представителей многочисленныхъ народностей, разросшагося королевства, ѣхавшихъ верхомъ (Черногорцы, Хорваты, мусульмане-Боснійцы, Далматинцы и т. д.).

Въ іюлѣ я ѣздилъ съ комиссіей въ Катаро продавать англичанамъ часть серебра Петроградской ссудной казны, вывезенной Добрарміей черезъ Новороссійскъ. Продано было только заложенное серебро, а всѣ вклады сохранены. Изъ закладовъ сохранено все имѣющее историческое и художественое значеніе, напримѣръ, извѣстная коллекція монетъ В. Кн. Георгія Михайловича, а также всѣ заклады, по которымъ владѣльцами ихъ наводились справки, послѣ многочисленныхъ публикацій въ русскихъ газетахъ. Всѣмъ до извѣстнаго срока предоставлялось выкупить свои заклады, а тѣ, которые этого не сдѣлали и не заявили о своихъ закладахъ, имѣли и имѣютъ получить за проданныя ихъ заложенныя вещи сумму заклада въ англійскихъ фунтахъ и лишь сверхъ

этого полученная сумма (довольно значительная) поступила въ оскудѣвшую казну арміи на ея нужды по переселенію и устройству на новыхъ мѣстахъ. Эта операція навлекла много обвиненій на Командованіе. Была опубликована Финансово-Контрольнымъ Комитетомъ подробная записка, почему она съ точки зрѣнія юридической, финансовой и политической сочла правильнымъ производство этой операціи. Такимъ образомъ, всѣ мы наравнѣ съ Врангелемъ приняли на себя отвѣтственность за операцію. Здѣсь я лишь кратко приведу мои личные политическіе мотивы и соображенія цѣлосообразности.

Всѣ закладчики могли и могутъ еще получить извѣстную сумму въ размѣрѣ залоговой оцѣнки. Иначе при неустойчивости международныхъ отношеній они могли бы и ничего не получить, напримѣръ, если бы Сербія признала большевиковъ и имущество Сссудной Казны было бы имъ передано. А въ то время какъ разъ говорили о возможности ухода Пашича и вслѣдъ за великими державами-союзницами, признанія большевиковъ. Съ этой точки зрѣнія по моему цѣлесообразнѣе было бы продать и вклады. На примѣрѣ Лукулла и многихъ другихъ мы видѣли безправное положеніе русскихъ и русскаго имущества. При затянувшемся нашемъ бѣдствіи на долгіе годы на это имущество въ чужеземныхъ рукахъ, какъ бы на вымороченное, могла какая нибудь держава-кредиторъ наложить запрещеніе и т. д. И неужели надо было сохранять это имущество съ рискомъ, чтобы оно попало большевикамъ, которые уже ничего не уплатили бы владѣльцамъ серебра, разъ что они не считаютъ, напримѣръ, нужнымъ вернуть румынамъ захваченное у нихъ золото?

Катаро находится на, исключительномъ по своей красотѣ и природѣ, Далматинскомъ побережьѣ Адріатическаго моря, полномъ памятниковъ средневѣковой итальянской старины, такъ какъ Далмація была провинціей Венеціанской республики. Глубокая Катарская бухта, по которой маленькій пароходъ идетъ четыре часа, со ста-

рыми городками на берегу и на высокихъ горахъ, напоминаетъ итальянскія озера. Въ глубинѣ бухты у подножія Черной горы, откуда идетъ въ гору дорога въ черногорское Цетинье, какъ бы прилѣплена въ огромной скалѣ старая итальянская грѣпость Катаро, обнесенная рвами и стѣнами съ башнями, въ таможенныхъ складахъ которой хранилось русское серебро. Въ городкѣ живописная толпа далматинцевъ и черногрцевъ.

Петръ I присылалъ въ Катарскую бухту русскій флотъ для обученія и здѣсь остались памятники этого. Въ одномъ изъ домовъ Катаро находится статуя Петра, но совсѣмъ на него не похожая. Въ маленькомъ городкѣ Перастро, въ который мы ѣздили на лодкѣ, въ Думѣ находится портретъ Петра и картины съ изображеніемъ флота. Въ Перастро, какъ вѣроятно и въ другихъ городкахъ, находится рядъ итальянскихъ необитаемыхъ дворцовъ, густо заросшихъ плющемъ, которые можно купить за 3-4000 франковъ.

Кропотливая процедура сдачи серебра англичанамъ (взвѣшиваніе и проч.) и окончательная торговля съ ними продолжалась около недѣли. Спасеніемъ въ іюльскую жару было купанье въ морѣ нѣсколько разъ въ день.

Грустно было погружать ящики съ русскимъ серебромъ на англійскій пароходъ и смотрѣть, какъ онъ отчаливаетъ. Но вотъ еще одинъ изъ многочисленныхъ мотивовъ продажи серебра: было нѣсколько случаевъ покражъ, и одна со взломомъ, несмотря на то, что складъ таможни оберегался сербскимъ карауломъ. Охрана и администрація Сссудной Казны стоили не дешево арміи.

Изъ Катаро я заѣхалъ на два дня еще покупаться въ живописный Дубровникъ (Рагуза) на Далматинскомъ побережьѣ. Это сохранившійся Венеціанскій городокъ, полный итальянскаго ренессанса, съ старыми церквами, монастырями и дворцами. Славянское населеніе Далмаціи преимущественно католическое. Чудная растительность, живописные острова, благоустроенный австрійцами ку-

рортъ съ совремнными большими гостинницами и хорошими шоссе. Здѣсь же сохранился живописный полуразрушенный дворецъ русской княжны Таракановой.

На обратномъ пути по гористой узкоколейной дорогѣ я заѣхалъ въ Сараево, представляющій изъ себя смѣсь современнаго австрійскаго города съ турецкимъ. Значительная часть Боснійцевъ — славяне, предки которыхъ были обращены Турками въ мусульманство. Въ Сараевѣ, Дубровникѣ и городкахъ Катарскаго залива — обширная русская колонія. Въ Дубровникѣ и Герцеговинѣ — школы Согора.

Войскамъ русскимъ жилось на новыхъ мѣстахъ не легко, особенно въ Болгаріи. Въ Сербіи ихъ устраивали на тяжелыя лѣсныя и шоссейныя работы, а часть (кавалерія) была взята на Сербскую службу въ пограничную стражу, причемъ, напримѣръ, на Албанской границѣ, приходилось жить въ дикой мѣстности въ уединенныхъ пикетахъ, а офицеры служили нижними чинами подъ командой сербскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ.

Въ Болгаріи многіе работали въ угольныхъ копяхъ Перника, а отчасти были разбросаны маленькими группами и въ одиночку, на казенныхъ и частныхъ работахъ и мѣстахъ. Въ такихъ случаяхъ Командованіе задавалось цѣлью въ центрѣ района устраивать ячейку-околодокъ, въ которомъ заболѣвшіе и безработные могли получить пріютъ, лѣченіе, устраивались библіотечки, церкви и т. п. Такимъ образомъ, и разбросанные чины имѣли тяготѣніе къ своимъ полковымъ ячейкамъ, гдѣ сохранялось и ихъ боевое знамя. И всѣ люди въ разсѣяніи были зарегистрированы и дорожили этой регистраціей и зачисленіемъ въ свою часть. И въ разсѣяніи это была **армія.** Тутъ свершилось чудо № 3, пожалуй самое чудное изъ чудесъ. Если въ Галлиполи и на Лемносѣ трудно было сохранить армію, какъ таковую, то въ такомъ разсѣяніи поддержать воинскій духъ и даже воинскую дисциплину, было прямо невѣроятно. Къ тому же въ Болгаріи воцарилась стамбо-

лійщина. Диктаторъ Стамболійскій съ партіей земледѣльцевъ были вѣрными друзьями большевиковъ, которые были здѣсь хозяевами положенія. Началось преслѣдованіе нашихъ контингентовъ. Были высланы Кутеповъ, всѣ высшіе командиры и даже Соколовъ, мирно читавшій лекціи въ университетѣ, какъ редакторъ бѣлогвардейской газеты. Но образцовая организація намѣтила рядъ замѣстителей командировъ и по мѣрѣ, какъ тѣ выселялись, ихъ замѣняли другіе, до совсѣмъ юныхъ включительно. Стамболійцы, подстрекаемые большевиками, боялись, что русская армія приметъ участіе въ переворотѣ противъ нихъ. Послѣдовалъ рядъ репрессій и провокацій, чтобы втянуть контингенты въ безпорядки, ночью подбрасывалось оружіе, чтобы доказать ихъ причастность, ихъ привлекали къ суду. Было нѣсколько случаевъ убійства русскихъ. И тѣмъ не менѣе не было **ни одного случая,** чтобы чины арміи пошли на провокацію и нарушили дисциплину. Они, въ неимовѣрно тяжелыхъ условіяхъ трудовой жизни и удручающей обстановки безправія, безпрекословно исполняли приказъ Врангеля не вмѣшиваться въ болгарскія дѣла, несмотря на разобщенность съ своимъ вождемъ и непосредственными начальниками. Въ это же время былъ убитъ отважный генералъ Покровскій, готовившій (помимо Врангеля) партизанскій набѣгъ въ Россію.

Этотъ тяжелый періодъ «болгарскихъ звѣрствъ», продолжавшійся до переворота и убійства Стамболійскаго, армія выдержала съ честью. Потомъ командный составъ вернулся, отношеніе правительства стало благожелательнымъ къ русскимъ воинамъ и они могли уже спокойно продолжать свою трудовую жизнь. Но само населеніе болгарское и въ самый разгаръ стамболійщины относилось къ русскимъ очень доброжелательно.

Осенью Врангель съ семьей переѣхалъ въ Сремскіе-Карловцы. Тутъ у него въ ноябрѣ состоялось военное совѣщаніе съ высшимъ командымъ составомъ и военными

агентами изъ другихъ странъ. Хотя Врангель, придерживавшійся правильной не партійной платформы, и не разбирался иногда въ политическомъ положеніи и дѣлалъ тактическія ошибки, но онъ все же лучше и вѣрнѣе схватывалъ это положеніе, чѣмъ его военные совѣтники. Послѣ этого Карловцевскаго совѣщанія и, думается, подъ давленіемъ общей Бѣлградской атмосферы, въ политической линіи Врангеля замѣчаются неровности, шероховатости, непослѣдовательность.

На этомъ же совѣщаніи было рѣшено передать армію подъ верховное командованіе В. Кн. Николая Николаевича. Этотъ правильный самъ по себѣ актъ, способствовавшій объединенію военнаго элемента всѣхъ фронтовъ, былъ сдѣланъ нѣсколько поспѣшно и неловко. Со стороны могло казаться, что Великому Князю навязали эту обузу («безъ меня меня женили»), а на самомъ дѣлѣ Врангель доказалъ, насколько неосновательны были нареканія на него въ бонапартизмѣ. Думаю, что онъ поспѣшилъ съ этимъ актомъ именно потому, что эти нареканія ему надоѣли.

Вскорѣ я былъ командированъ въ Прагу для переговоровъ съ тамошними русскими организаціями и съ Чешскимъ правительствомъ относительно принятія въ университетъ и, главнымъ образомъ, въ среднія учебныя заведенія, юношей изъ арміи, главнымъ образомъ изъ Болгаріи, гдѣ создавалось особо тяжелое положеніе.

Остановившись на день въ Будапештѣ, я пріѣхалъ въ старую красивую Прагу съ ея Градчанами, этимъ Чешскимъ кремлемъ. Пріятно было посѣтить этотъ культурный русскій центръ, окунуться въ московскую интеллигентскую среду, свидѣвшись съ моими партійными друзьями — профессорами Кизеветтеромъ, Новгородцевымъ, Струве и другими. Пріятно было видѣть П. И. Новгородцева, съ которымъ я скитался по югу Россіи и у котораго я здѣсь нѣсколько разъ обѣдалъ въ кругу его семьи,

пріѣхавшей изъ Россіи и за участь которой онъ такъ мучился.

Здѣсь я собралъ членовъ Центральнаго Комитета партіи К.-Д., которыхъ оказалось до десяти человѣкъ, болѣе чѣмъ въ Парижѣ (не отколовшихся). Впослѣдствіи число ихъ еще увеличилось переѣхавшими изъ Парижа и Женевы.

Я дѣлалъ докладъ и велъ бесѣду съ многочисленными студентами-галлиполійцами, которые, какъ и въ другихъ городахъ, были лучшими по успѣхамъ студентами. Они считали себя въ отпуску по арміи, дорожили своей связью съ частями, въ которыхъ числились, и здѣшней своей корпораціей. Пріѣхавшіе сюда большею частью еще изъ Галлиполи при содѣйствіи Врангеля и Кутепова, они наглядно опровергали клевету Милюкова и соціалистовъ на Командованіе въ какой то кабалѣ молодежи въ арміи. (Извиняюсь за рѣзкость выраженія. Но въ арміи такъ именно восприняли выступленія Милюкова и имѣли на то право. Я же хочу допутить лишь ошибку съ его стороны, вызванную его корреспондентами-отщепенцами изъ арміи, обиженными на Командованіе, не способными на подвигъ арміи, къ которому Командованіе ихъ призывало. Вѣдь даже часть интеллигенціи въ Константинополѣ оказалась слѣпой и глухой, когда она подъ бокомъ проглядѣла армію. Психологическое явленіе предубѣжденности).

Въ это время Милюковъ уже перемѣнилъ нѣсколько свой взглядъ на армію. Онъ долженъ былъ признать фактъ существованія арміи и высказывалъ даже дружелюбное къ ней отношеніе, но въ то же время выступилъ ея «защитникомъ отъ Врангеля и Кутепова»! (Sic!). Это было такъ же остроумно, какъ если бы Врангель и Кутеповъ взяли подъ свою защиту демократическихъ демократовъ отъ Милюкова и Винавера. Какъ Демократическая группа К.-Д. партіи не существовала бы въ эми-

граціи безъ Милюкова, такъ и русской арміи не было бы зарубежомъ безъ Врангеля.

Главный Комитетъ Согора перенесъ изъ Константинополя въ Прагу свою широкую и культурную дѣятельность и въ немъ я тоже встрѣтилъ моихъ товарищей и друзей, у которыхъ я и остановился.

Изъ правительства я видался по дѣлу моей командировки съ министромъ Гирсой, который очень сочувственно отнесся къ нему, обѣщавъ свое содѣйствіе въ принятіи молодежи будущей осенью съ начала академическаго года, при новомъ бюджетѣ. Былъ я у нашего друга Крамаржа, женатаго на москвичкѣ Абрикосовой, въ его чудномъ домѣ на холмѣ близъ Градчанъ, съ видомъ на всю Прагу.

При мнѣ былъ вечеръ русскихъ соколовъ, упражненія которыхъ вызываютъ восторгъ даже у чешской публики.

На обратномъ пути я заѣхалъ въ Моравскую Тшебову, гдѣ находится русская гимназія Согора на 550 учениковъ, перенесенная изъ Константинополя и содержимая чешскимъ правительствомъ.

Нельзя не оцѣнить широкую и планомѣрную помощь въ дѣлѣ обученія дѣтей и юношей, оказываемую Чехами. Правда они это дѣлаютъ за русскій счетъ, вывезя русскій золотой фондъ изъ Сибири, но другіе бы на ихъ мѣстѣ могли этого не дѣлать для русскихъ бѣженцевъ при ихъ безправіи и при установившихся международныхъ обычаяхъ.

Гимназія помѣщается въ прекрасныхъ каменныхъ баракахъ среди покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ холмовъ, близъ маленькаго мѣстечка. Какъ съ педагогической точки зрѣнія, такъ и со стороны оборудованія (дортуары, церковь, театръ, механическая прачешная и проч.) этотъ гимназическій городокъ производитъ прекрасное впечатлѣніе и бѣженство съ благодарностью будетъ вспоминать главную иниціаторшу и руководительницу этого начинанія, члена Согора А. В. Жекулину.

Вѣна, въ которой я остановился на день, столь красивая и до войны оживленная и веселая, производитъ теперь тяжелое впечатлѣне. Переживаемый ею кризисъ и крушеніе имперіи сильно отразилось на ея внѣшности и на уличной жизни.

Весной 1923 года я вновь былъ въ Парижѣ послѣ двухлѣтняго отсутствія. Я выбралъ наиболѣе дешевый и простой (одна транзитная виза) путь; черезъ Италію на Загребъ, Тріестъ, Венецію, Миланъ и Туринъ. Ѣхалъ я четыре дня въ тихихъ поѣздахъ съ семью многочасовыми остановками. При ѣздѣ сидя, въ переполненномъ III классѣ эти остановки имѣютъ свои преимущества (отдыхъ, мытье) и дали возможность увидѣть и походить по главному городу Хорватіи Загребу, который гораздо болѣе благоустроенъ, чѣмъ Бѣлградъ, а также и по словенскому живописному городу Любляны.

Остановился я въ Парижѣ снова въ посольствѣ у Маклаковыхъ. Такъ какъ на этотъ разъ не было съѣздовъ, то я болѣе видѣлъ надземный Парижъ, который такъ хорошъ весной. Кадетскія засѣданія были очень рѣдки, а Національный Комитетъ собирался еженедѣльно по середамъ — президіумъ и по пятницамъ — общія собранія. Обсуждались главнымъ образомъ вопросы болѣе широкаго объединенія и возглавленія. По прежнему энергиченъ хлопотливый М. М. Федоровъ, который много сдѣлалъ и для студенчества. Парижъ и Франція все болѣе стягиваютъ къ себѣ бѣженство, студенты и офицерство тянутся сюда и съ Балканъ, и изъ Германіи. Константинополь и Берлинъ пустѣютъ. Тысячами работаютъ они на большихъ автомобильныхъ заводахъ, много студентовъ шоферовъ, приказчиковъ и т. п. Многія полковыя ячейки и казацкія станицы переносятся съ Балканъ во Францію. Парижъ все болѣе дѣлается общественнымъ, политическимъ, дѣловымъ, культурнымъ и церковнымъ центромъ эмиграціи.

Мы въ Національномъ Центрѣ въ это время подверг-

лись усиленному напору со стороны военныхъ, главнымъ образомъ Врангелевскаго представительства. Разъ что армія признала В. Кн. Николая Николаевича своимъ вождемъ (съ чѣмъ и мы, разумѣется, считались и признавали), то генералы **требовали,** чтобы мы его признали безоговорочно и національнымъ политическимъ вождемъ. Это бравымъ генераламъ, но наивнымъ политикамъ, казалось очень простымъ. Общественность и политику они трактовали какъ роту и ротное обученіе. Объединить политическій фронтъ на Николаѣ Николаевичѣ имъ казалось такъ же просто, какъ «равненіе направо» (именно направо) по командѣ ротнаго командира.

Если монархисты охотно признали Николая Николаевича своимъ вождемъ еще до арміи именно потому, что онъ царскаго рода, то Національному Комитету и другимъ группамъ въ него входящимъ, какъ надпартійнымъ, именно потому это было гораздо сложнѣе. Нѣкоторые видѣли въ этомъ признаніи предрѣшеніе будущаго государственнаго строя. Впослѣдствіи и генералы должны были убѣдиться, насколько политическое объединеніе и вопросъ возглавленія въ эмиграціи сложны. Тогда же они съ своей упрощенной психологіей говорили, что мы противъ Великаго Князя и арміи (!), а одинъ доблестный генералъ въ Бѣлградѣ даже сказалъ, что Долгорукова слѣдуетъ повѣсить (!).

Мы никогда не вмѣшивались въ чисто военныя дѣла и я лично и въ Россіи, и въ эмиграціи, все время работая при арміи, строго этого придерживался. Теперь, къ сожалѣнію, въ гражданскую войну и въ эмиграціи генераламъ нельзя обойтись безъ политики. Но правъ Струве, когда онъ, возражая недавно генералу Краснову по поводу болѣе чѣмъ странныхъ пріемовъ его политической полемики въ послѣднее время, высказалъ, что мы противъ того, чтобы политика проникала въ казармы, но бѣда, и когда казарма проникаетъ въ политику.

Вслѣдствіе невѣрной информаціи о политическомъ по-

ложеніи въ Парижѣ, Врангель совершенно отвернулся отъ Національнаго Комитета и сталъ съ своими генералами вѣрить въ то прожектерство И. П. Алексинскаго, коего объединительные проэкты повсюду проваливались, какъ напримѣръ, мертворожденная въ Парижѣ «Бесѣда», организація подъ предсѣдательствомъ Третьякова, съ первыхъ шаговъ взявшая невѣрный тонъ и быстро заглохшая. Началось метаніе въ поискахъ общественной опоры. Мнѣ тѣмъ болѣе было досадно за Врангеля, что я въ перспективѣ его огромныхъ заслугъ и національнаго подвига и цѣня его лично очень высоко, считалъ его политическіе промахи очень мелкими слагающими. У другихъ же теперь, когда политика выступаетъ на первый планъ, политическая перспектива нарушалась, тактическія ошибки Врангеля застилали его славное прошлое и этотъ періодъ далеко не способствовалъ его популярности въ широкихъ общественныхъ кругахъ.

Нужно сказать, что Національный Комитетъ, несмотря на политическія ошибки Врангеля и на его измѣнившееся отношеніе къ Національному Комитету, продолжалъ неизмѣнно поддерживать армію и Врангеля, какъ ея Главнокомандующаго. Мнѣ кажется, Врангель не дооцѣнивалъ эту стойкую, нелицепріятную поддержку вѣрныхъ друзей арміи.

Въ это время уже усиленно говорили о признаніи большевиковъ Франціей и, уѣзжая изъ Парижа, я не былъ увѣренъ, что вновь вернусь въ посольство.

Обратно въ Бѣлградъ я поѣхалъ въ началѣ іюля тѣмъ же путемъ. Послѣ двухъ дней пути я остановился съ утра до вечера въ Венеціи ровно на полъ пути, чтобы покупаться въ Лидо и освѣжиться.

Въ Бѣлградѣ умерли трое изъ моихъ сослуживцевъ при арміи. Еще зимой умеръ Н. А. Ростовцевъ, теперь, вскорѣ послѣ моего возвращенія, мы на той же «гроблѣ» схоронили, умершаго послѣ двухъ операцій, С. Н. Ильи-

на, а осенью въ городкѣ Панчево похоронили гр. Мусина-Пушкина.

Ильинъ послѣдне мѣсяцы могъ менѣе конечно вліять на политическіе шаги импульсивнаго, порывистаго Врангеля, жившаго въ Карловцахъ. Я его засталъ въ клиникѣ послѣ первой операціи. Несмотря на свою слабость, онъ живо интересовался и долго разспрашивалъ про парижскія настроенія и говорилъ, что посѣднее время ему трудно было продолжать работу. Изъ всѣхъ лицъ, работавшихъ при арміи, я наиболѣе сходился во взглядахъ съ Ильинымъ и считаю его смерть большою потерею для Врангеля. Его замѣнилъ Чебышевъ. Изъ ближайшихъ сотрудниковъ Врангеля Чебышевъ, Львовъ и Даватцъ стали сотрудничать въ «Новомъ Времени», которое потомъ становится какъ бы офиціозомъ Врангеля.

За неимѣніемъ средствъ на изданіе собственной газеты и за прекращеніемъ «Общаго Дѣла» въ Парижѣ, я считаю правильнымъ это сближеніе. Благодаря этому сотрудничеству «Новое Время» значительно улучшилось, Локоть сталъ писать рѣже и менѣе агрессивно, А. Столыпинъ и нѣкоторые другіе сотрудники должны были совсѣмъ уйти. Но конечно жаль, что не было своей національной непартійной газеты и близость хотя бы и улучшеннаго «Новаго Времени», но все таки партійной монархической и націоналистической газеты, не могла не налагать извѣстной окраски и на Командованіе.

Когда я вернулся изъ Парижа, то нѣкоторые мои друзья въ Бѣлградѣ упрекали меня, что я рѣзко разошелся въ вопросахъ тактики съ нашими генералами. Я не такъ понималъ мое служеніе арміи, а генераловъ не считаю особой породой людей, съ которыми нельзя спорить и не соглашаться. Другое дѣло при наличіи фронта, тогда надо было наименѣе отвлекать политикой военачальника; у Деникина я былъ всего одинъ разъ, а у Врангеля въ Крыму раза три, при чемъ я не счелъ нужнымъ загружать его жалобами на политику проводимую

его подчиненными, хотя самъ я являлся жертвой этой плохой политики. Другое дѣло теперь, когда фронта нѣтъ и, хотя борьба продолжается, но позиціонная и окопы наши, увы! отнесены далеко отъ предѣловъ Россіи. Теперь приходилось подолгу говорить и спорить съ Врангелемъ и его генералами, которые сами начали споръ и рѣзко поставили по своей политической неопытности нѣкоторые тактическіе вопросы и предъявляли упорныя требованія равненія по нимъ.

Я еще въ Константинополѣ совѣтовалъ Врагелю, чтобы быть откровеннымъ до конца, при случаѣ объявить, что онъ лично монархистъ по убѣжденію. Отъ этого только выиграла бы его, какъ Главнокомандующаго, надпартійная позиція — умѣть ставить на второй планъ свои личные политическіе взгляды, когда выступаютъ общенаціональныя задачи спасенія Родины. Нѣкоторые, напримѣръ, и. д. начальника штаба, находили напротивъ, что гораздо лучше, какъ это было съ Корниловымъ и съ Деникинымъ, — никому неизвѣстно было, монархисты они или республиканцы. Но все обличіе и тонъ у тѣхъ были иные, чѣмъ у Врангеля, а потому здѣсь откровенность до конца могла быть только полезна. Врангель и высказался тогда въ одномъ изъ своихъ приказовъ или обращеній, въ этомъ смыслѣ.

Но какъ это было далеко отъ того, что по тону, да и по существу, творилось теперь въ Бѣлградѣ. Ведя борьбу съ крайними правыми, Врангель, подъ вліяніемъ окруженія и Бѣлградской атмосферы, дѣлалъ уже уступки монархической партійности, чему много было примѣровъ.

Какъ на одинъ изъ такихъ примѣровъ укажу на его распубликованную рѣчь: — «Мы, старые офицеры, служившіе при русскомъ Императорѣ въ дни славы и мощи Россіи, мы пережившіе ея позоръ и униженіе, мы не можемъ не быть монархистами. И воспитывая будущее поколѣніе русскихъ воиновъ, тѣхъ, кто будетъ ковать мощь

и славу нашей родины, мы можемъ лишь радоваться, что они мыслять такъ же, какъ и мы».

Тутъ уже значительное уклоненіе отъ личнаго исповѣдованія вѣры — къ партійности. Да и фактически тутъ не все вѣрно. Хоть подавляющее большинство офицеровъ монархисты, но есть и республиканцы. Какъ по тону и содержанію эта рѣчь отличается отъ рѣчи Кутепова въ Константинополѣ, въ которой онъ говорилъ, что у него въ палаткахъ въ Галлиполи рядомъ лежали и монархисты и республиканцы и что и впредь армія будетъ столь же безпартійна.

Кромѣ фактической неточности въ рѣчи Врангеля заключается и призывъ къ воспитанію военной молодежи въ партійномъ духѣ.

Это говорилось, правда, въ то время, когда по приказу 82 офицерамъ запрещалось участвовать во всѣхъ партіяхъ, въ томъ числѣ и монархическихъ, что вызвало столько возраженій, а затѣмъ и исключеній и разъясненій къ этому приказу.

Когда такимъ образомъ съ умѣренными монархистами и «Новымъ Временемъ» у Врангеля установилась entante cordiale, онъ подвергался усиленнымъ нападкамъ неумѣренныхъ правыхъ. Въ Бѣлградѣ, правда, они только шипѣли, но сдерживались, не желая порвать съ арміей. И пріѣзжавшій сюда Марковъ произносилъ сдержанныя рѣчи и ублажалъ Врангеля при его посѣщеніи. Но въ то же время въ Берлинѣ въ органѣ Высшаго Монархическаго Совѣта на него рѣзко нападали и прямо ругали его.

Уже въ Парижѣ я убѣдился, что на разговорахъ объ объединеніяхъ и возглавленіяхъ далеко не уѣдешь, хотя я съ 1918 года только и дѣлалъ съ учрежденія Національнаго Центра, что призывалъ къ объединенію и до сихъ поръ продолжаю работать надъ этимъ въ Національномъ Комитетѣ. Разобщенность эмиграціи съ Россіей, даже противобольшевицкой, все растетъ и намъ необходимо знать подлинныя положеніе и настроенія въ Россіи. И я

рѣшилъ самъ проникнуть въ Россію. Въ Бѣлградѣ уже я пріобрѣлъ для этого нѣкоторые старые предметы крестьянскаго обихода и въ сентябрѣ, послѣ полуторолѣтняго пребыванія въ немъ, я окончательно покинулъ Бѣлградъ и выѣхалъ въ Парижъ.

Тепло проводили меня мои Бѣлградскіе товарищи, члены Національнаго Комитета, вечерникой и ужиномъ Врангель съ чинами штаба и членами Финансово-Контрольнаго Комитета. (Какъ мы его въ шутку звали Фи-ко-ко). Въ отвѣтъ на рѣчь Врангеля, я его благодарилъ за то, что онъ мнѣ помогъ въ эмиграціи «не распылиться».

Начальникомъ штаба тогда былъ генералъ Абрамовъ, а генералы Миллеръ и Шатиловъ были въ Парижѣ.

XI.

ПАРИЖЪ. ПОЛЬША. РОССІЯ — 1923-1924-1925-1926 г. г.

Пять мѣсяцевъ, проведенныхъ мной на этотъ разъ въ Парижѣ, кромѣ работы въ Національномъ Комитетѣ съ разговорами все объ объединеніи и возглавленіи, причемъ мы старались унять чрезмѣрно ретивыхъ и услужливыхъ друзей В. Кн. Николая Николаевича, я главнымъ образомъ занялся подготовкой моего путешествія въ Россію. Нужно было выбрать маршрутъ и, что особенно трудно, добыть средства для поѣздки четырехъ лицъ. По ряду соображеній лично для себя я рѣшилъ ѣхать на Польшу.

Что касается средствъ, то трудно было достать денегъ и изъ за конспиративности цѣли, но особенно трудно было бороться съ обывательщиной, отсутствіемъ жертвенной готовности служить общему дѣлу.

Для характеристики этого настроенія приведу здѣсь мой отвѣтъ одному пріятелю въ Бѣлградѣ, который писалъ мнѣ, что удивляется, что я не могу найти потребную сумму въ Парижѣ, гдѣ сравнительно еще столько состоятельныхъ русскихъ вообще и, въ частности, моихъ родственниковъ и друзей. Я ему на это писалъ:

«... Дѣйствительно, денегъ здѣсь у русскихъ болѣе, чѣмъ на Балканахъ. Но здѣсь много обывателей, а гражданъ мало. Здѣсь жизнь большого города болѣе засасываетъ, болѣе оторванности отъ Россіи; тамъ какъ то къ ней ближе, особенно соприкасаясь съ арміей, когда ощущаешь, что борьба продолжается.

Конечно и здѣсь все патріоты, любящіе Россію и мечтающіе въ нее вернуться. Но мечтаютъ и ноютъ импотентно, какъ три сестры — «въ Москву, въ Москву!» Какъ тѣ, вмѣсто того, чтобы скопить денегъ и на вакансіяхъ взять билетъ и съѣздить въ Москву, только ныли и никогда въ Москву не попали, такъ и намъ не попасть при такомъ пассивномъ патріотизмѣ въ Москву, при отсутствіи дѣйственнаго, жертвеннаго патріотизма. (Я не говорю о большинствѣ членовъ арміи, которые пойдутъ умирать по первому зову, хотя людей иниціативы и у нихъ думается, мало.) Никто изъ моихъ политическихъ и партійныхъ друзей пальцемъ о палецъ не ударилъ, чтобы помочь въ моихъ хлопотахъ. Только нашъ Москвичъ Третьяковъ отнесся сочувственно, переговоривъ кое съ кѣмъ, кое съ кѣмъ изъ промышленниковъ познакомилъ меня. И болѣе всего, значительную часть нужной суммы внесъ русскій крупный промышленникъ но... иностранный подданный, который отнесся удивительно сознательно и сочувственно къ моему плану. Съ близкими же мнѣ лично людьми я даже не могъ говорить о моихъ намѣреніяхъ, среди нихъ нѣтъ гражданъ, всѣ обыватели. Всѣ они поглощены цѣликомъ своими личными имущественными и семейными дѣлами, причемъ нѣкоторые занимаются раздуваніемъ своихъ семейныхъ дрязгъ и прожиганіемъ жизни по увеселительнымъ учрежденіямъ Парижа. Посвящать ихъ въ эти дѣла и просить денегъ было бы дико. Они ничего не поняли бы, не почувствовали; у нихъ другое на умѣ, другіе расходы...»

Съ большими хлопотами доставъ минимальную, необходимую сумму, въ мартѣ я выѣхалъ въ Польшу, остановившись на день въ Прагѣ, чтобы повидать брата. Если бы я собралъ большую сумму, то поѣздку можно было бы лучше обставить, съ меньшимъ рискомъ.

Въ Прагѣ я засталъ умирающими Новгородцева и г-жу Кизеветтеръ.

Въ Варшавѣ я послѣдній разъ былъ въ сентябрѣ 1914

года, когда нѣмцы подходили къ ней и когда польскія дамы бросали цвѣты сибирскимъ стрѣлкамъ, отразившимъ нѣмцевъ отъ Варшавы въ кровавыхъ бояхъ подъ ней въ Ракитно и Песечной и когда стекла в городѣ звенѣли отъ орудійныхъ выстрѣловъ.

Старая Варшава очень выигрываетъ весной, благодаря ея красивымъ паркамъ и скверамъ.

Въ величественномъ православномъ соборѣ только еще начали разборку куполовъ, колокольня уже была разрушена.

Я сначала остановился у моего московскаго пріятеля Ледницкаго. Я былъ встрѣченъ въ Варшавѣ, какъ другъ поляковъ, такъ какъ наша партія первая провозгласила автономію Польши и со многими польскими дѣятелями я встрѣчался съ начала столѣтія на русско-польскихъ совѣщаніяхъ въ Варшавѣ и у меня въ домѣ, въ Москвѣ. Премьеръ В. Грабскій, Р. Дмовскій и другіе были со мной во второй Думѣ, а проф. Петражицкій, какъ и Ледницкій, были членами Центральнаго Комитета К.-Д. партіи. Ледницкій устроилъ у себя большой раутъ, гдѣ было русское и польское общество, архіепископъ Роопъ, — членъ первой Думы, члены Сейма.

Я былъ пріятно пораженъ любезностью публики на улицахъ и въ трамваѣ, гдѣ вопреки тому что я слышалъ и что было, кажется, года два тому назадъ, не только можно было спрашивать по русски, но и всѣ охотно по русски отвѣчали. Въ нѣсколькихъ радушныхъ русско-польскихъ семьяхъ я пріобрѣлъ истинныхъ друзей.

Политическое и экономическое положеніе Польши въ тискахъ между нѣмцами и большевиками ужасное. При возрожденіи Германіи опора на отдаленную Францію окажется недостаточной и Польша неминуемо задохнется въ этихъ тискахъ. Увлеченные имперіализмомъ поляки недостаточно это учитываютъ и побаиваются сильной, государственной Россіи. Тогда какъ единственный выходъ для Польши — ставка на будущую Россію, они, ненавидя

и боясь большевиковъ, въ то же время не прочь, чтобы они подолѣе похозяйничали въ Россіи и еще ее ослабили. Введенная при мнѣ Грабскимъ стабилизація денегъ врядъ ли выведетъ Польшу изъ финансоваго и остраго во всѣхъ областяхъ экономическаго кризиса. Наблюдаются застой всей хозяйственной жизни страны и многочисленные крахи.

На одномъ изъ чаевъ съ видными политическими дѣятелями и военными, поляки допытывались у меня, какъ я и мои друзья смотримъ на теперешнюю границу и не будемъ ли мы впослѣдствіи за ея измѣненіе. Я отвѣтилъ, что недостаточно знакомъ съ этимъ вопросомъ съ исторической и этнографической точекъ зрѣнія, да и теперь, при отсутствіи Россіи, этотъ вопросъ меня и не интересуетъ. (На самомъ дѣлѣ поляки продвинулись на востокъ значительно далѣе такъ называемой линіи Керзона).

Мой отвѣтъ разочаровалъ поляковъ. Они мнѣ возразили: — «Вотъ всѣ вы, русскіе, такъ неопредѣленно отвѣчаете. Только Савинковъ не только гарантируетъ намъ неприкосновенность границъ, но говоритъ, что у Россіи довольно земли, что она еще можетъ удѣлить Польшѣ сотни тысячъ десятинъ изъ Пинскихъ лѣсовъ и болотъ».

Это было еще до поѣздки въ Россію Савинкова, которому легкомысленные поляки вѣрили и передавали не мало денегъ.

Я возражалъ, что пусть они вѣрятъ террористамъ и авантюристамъ, но всѣмъ теперешнимъ обѣщаніямъ Савинкова или Долгорукова, Иванова, или Петрова — грошъ цѣна. Мы въ свое время умѣли терпѣть, когда насъ за автономію Польши правые считали измѣнниками и расчленителями Россіи. Теперь и правые не будутъ посягать на независимость Польши. Въ интересахъ Россіи — сильная процвѣтающая Польша, какъ тѣмъ болѣе и Польшѣ въ виду агрессивнаго германизма и емкости русскаго рынка необходима сильная Россія. Если Россія и пожелаетъ урегулировать дружелюбно свою польскую грани-

цу, то Польшѣ гораздо выгоднѣе на это пойти и получить при содѣйствіи сильной Россіи дѣйствительный выходъ къ морю вмѣсто нелѣпаго Данцигскаго коридора. Нѣкоторые мои собесѣдники съ этимъ согласились, а въ Савинковѣ поляки вѣроятно разочаровались, когда онъ черезъ два мѣсяца, арестованный большевиками, какъ говорятъ, выдалъ нѣсколькихъ поляковъ.

Но, какъ я говорилъ, ставка на большевиковъ и на ослабленіе Россіи еще не была тогда въ Польшѣ изжита и, если ея оріентація не измѣнится, то плоды этой близорукой политики будутъ для Польши самые плачевные.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ (май, іюнь) я прожилъ на Волыни, близъ г. Ровно, въ гостяхъ у барона Штейнгеля, члена первой Думы, въ его живописномъ имѣніи, верстахъ въ сорока отъ совѣтской границы, среди сплошь малороссійскаго православнаго населенія. Здѣсь я отпустилъ бороду, дѣлалъ окончательныя приготовленія къ путешествію и сговаривался въ Ровно черезъ евреевъ съ проводниками.

Привожу изъ «Руля» (сентябрь, октябрь 1924 г.) описаніе моего неудавшагося путешествія.

Недѣля во власти ГПУ.

Уже около семи лѣтъ властвуютъ большевики. Эмиграція ждетъ взрыва изнутри, въ Россіи многіе чаютъ толчка извнѣ. Создался заколдованный кругъ. Между эмиграціей и Россіей, даже антибольшевицкой, все болѣе и болѣе, создается отчужденность, взаимное непониманіе, а подчасъ недовѣріе и недружелюбіе.

Необходима смычка эмиграціи съ Россіей, чтобы рознь не увеличивалась, чтобы создать взаимное пониманіе, сговоръ. Намъ необходимо уяснить себѣ потустороннія чаянія и положеніе вещей; въ Россіи должны узнать наши настроенія. Тамъ должны узнать, что мы (говорю о

бѣженскомъ центрѣ, къ которому примыкаетъ все болѣе и болѣе эмигрантовъ и къ которому, вѣрю, въ скоромъ времени примкнетъ подавляющее большинство ихъ), не хотимъ навязать странѣ тотъ или другой политическій строй, что ничего мы не хотимъ принести на остріѣ штыка, что по нашему живущіе въ Россіи, самъ изстрадавшійся народъ русскій долженъ рѣшить свою судьбу и опредѣлить форму государственнаго строя, что мы стремимся въ Россію не мстителями, а примирителями, что мы считаемъ вынужденныхъ служить въ красной арміи и въ разныхъ вѣдомствахъ русскими людьми, которые послужатъ наряду съ нами возрожденію родины. Для всего этого необходимо преодолѣть стѣну, выросшую между нами и Россіей возможно большему числу лицъ авторитетныхъ, могущихъ своей прошлой и настоящей дѣятельностью внушить къ себѣ довѣріе и увѣренность, что они не стремятся къ реставраціи, сумѣютъ учесть совершившееся и хотятъ только, чтобы существовала Россія правовая, свободная, мирная.

Многіе отправились уже въ Россію, нѣкоторыхъ поощрялъ на это и я. Подбивать на дѣло, сопряженное съ смертельнымъ рискомъ, имѣетъ право лишь тотъ, кто и самъ въ нужный моментъ готовъ подвергнуться риску, и, когда по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, этотъ моментъ наступилъ, я рѣшился пробраться въ Россію.

Легально ѣхать я не могъ. Въ 1917 и въ 1918 годахъ я уже нѣсколько разъ былъ на волоскѣ отъ смерти. Вмѣстѣ съ Кокошкинымъ и Шингаревымъ я былъ арестованъ, какъ членъ Учредительнаго Собранія, и просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости около трехъ мѣсяцевъ. Они были убиты, я уцѣлѣлъ. Потомъ въ Москвѣ я еще разъ былъ арестованъ, подвергся нѣсколькимъ обыскамъ и съ чужимъ паспортомъ, перемѣнивъ обличіе, пробрался въ Кіевъ и на югъ Россіи. Своей теперешней поѣздкой, предпринятой преимущественно въ видахъ правильнаго освѣ-

домленія, я никого не подводилъ, такъ какъ не связанъ былъ ни съ какой организаціей.

Въ Варшавѣ и въ Ровно я пріобрѣлъ и остальные предметы и принадлежности костюма, все старое, потрепанное, — длинный кафтанъ, очки, кошель, кружку, ножъ и т. п. Въ Польшѣ я прожилъ четыре мѣсяца въ приготовленіи путешествія. Мнѣ пришлось въ Варшавѣ и въ Ровно разыскивать и вести переговоры съ евреями-контрабандистами относительно перехода границы и полученія большевицкаго паспорта. Я отпустилъ длинные волосы и бороду. Мнѣ очень трудно было остаться незамѣченнымъ. Многіе газеты сообщили о моемъ прибытіи. Одна газета выразила удивленіе, что польское правительство мнѣ разрѣшило въѣздъ, и это было перепечатано въ какой-то нѣмецкой газетѣ. Еврейская газета «Моментъ» прислала ко мнѣ интервьюера, котораго я не принялъ и выйдя въ коридоръ сказалъ, что политикой теперь не занимаюсь и интервью дать не могу. На слѣдующій день (какова наглость!) подъ невозможнымъ кричащимъ заглавіемъ замѣтка, что я не счелъ возможнымъ высказаться по поводу польско-еврейскихъ отношеній и глубоко вздохнулъ, какъ бы высказывая этимъ сожалѣніе о невозможности теперь высказаться и надежду, что настанетъ время, когда это можно будетъ сдѣлать. При этомъ давалось названіе гостинницы и номеръ моей комнаты, какъ бы къ свѣдѣнію большевицкихъ агентовъ. Эта замѣтка смутила министерство, которое должно было продолжить мнѣ визу на пребываніе въ Польшѣ.

Послѣдніе полтора мѣсяца я прожилъ въ деревнѣ въ приграничной полосѣ, окончательно измѣнивъ обличіе. Изъ длинной козлиной бороды я выстригъ всѣ несѣдые волосы, такъ что въ очкахъ, съ котомкой на спинѣ, въ моемъ костюмѣ я походилъ на стараго дьячка-странника.

Наканунѣ моего отъѣзда мнѣ пришлось имѣть дѣло съ польскими властями. Срокъ моей польской визы кончался 1-го іюля, а мой отъѣздъ долженъ былъ состоять-

ся лишь 3-го іюля, а въ послѣднія минуты былъ перенесенъ на 6-ое іюля. 4-го поздно вечеромъ на усадьбу, гдѣ я жилъ, являются изъ города два полицейскихъ, смотрятъ паспортъ и на другое утро везутъ меня за десять верстъ къ коменданту. Сначала я думалъ, что полиція узнала о моихъ намѣреніяхъ. Я ссылаюсь на болѣзнь. И дѣйствительно, я въ послѣднее время болѣлъ желудкомъ (колитъ) и лѣчился. Комендантъ, а затѣмъ староста очень корректно и любезно отстрочиваютъ мнѣ визу на семь дней. На другой день 6-го іюля я двинулся въ Россію.

Пріѣхавъ въ 4 часа въ городъ въ условленное мѣсто, я встрѣтился съ двумя евреями, пріѣхавшими изъ Варшавы къ мѣстнымъ, и переодѣлся въ мой костюмъ. Эти евреи, кромѣ полученнаго задатка, въ случаѣ благополучнаго прохода границы, должны были получить оставленные мною у третьяго лица доллары, изъ которыхъ мои проводники, два молодыхъ парня — Петры, какъ оказывается, получали немного. Вопреки обѣщанію, паспорта большевицкаго я не получилъ, а таковой я имѣлъ получить въ одномъ мѣстечкѣ уже въ Россіи. Пройдя окраинами города, мы подошли къ ждавшей насъ подводѣ съ старикомъ хохломъ и проводникомъ Петромъ. Простившись съ евреями, мы поѣхали недалеко отъ полотна желѣзной дороги, по которой безъ надлежащаго разрѣшенія, нельзя было ѣхать. Мы проѣхали верстъ пятьдесятъ по живописной бывшей Волынской губерніи, съ селами, чисто малороссійскаго характера, съ православными церквами. Какъ и въ той мѣстности, въ которой я жилъ послѣднее время, населеніе деревенское сплошь малороссійское, православное, а въ городахъ и мѣстечкахъ — преимущественно еврейское, съ польскими войсками и чиновниками.

Когда уже стемнѣло, мы подъѣхали къ деревнѣ въ трехъ верстахъ отъ г. Острога, находящагося на самой границѣ. По дорогѣ къ намъ подсѣлъ другой Петръ, съ которымъ на другой день я и пошелъ въ Россію. Въ вер-

стѣ отъ деревни мы сошли съ подводы, на которой старикъ тотчасъ же уѣхалъ обратно, а мы уже въ темнотѣ, огородами и усадьбами, перелѣзая черезъ заборы, соблюдая тишину, чтобы не привлечь вниманія людей и собакъ, стали пробираться къ деревнѣ. Постучали тихонько въ заднее оконце одной хаты. Узнавъ кто стучитъ, черезъ нѣсколько минутъ дѣвочка намъ отворила заднюю дверь. Не входя въ хату, не зажигая огня и въ полной тишинѣ, мы поднялись по жиденькой лѣстницѣ на чердакъ, гдѣ и переночевали на свѣжемъ сѣнѣ.

7-го іюля весь день провелъ въ темнотѣ на чердакѣ, куда свѣтъ проникалъ лишь черезъ щели. Приграничныя селенія сплошь занимаются контрабандою и проводомъ перебѣжчиковъ. Часто бываютъ обыски, постоянно заходитъ полицейская стража, а потому, чтобы не попасться и не подвести хозяевъ, нужна крайняя осторожность. Въ хатѣ была лишь одна старуха и дѣвочка-подростокъ, приносившая намъ воду, яйца, молоко. У меня была еще провизія съ собой. Много было времени для спанья и для думъ. Въ послѣдній разъ я повторялъ вытверженную наизусть мою, Семена Дмитріевича, біографію, сына псаломщика изъ Томска, съ семейнымъ положеніемъ съ исторіей, какъ я попалъ въ Польшу и почему безъ паспорта возвращаюсь въ Россію. Планъ Томска съ главными улицами и церквами я тоже изучилъ, на случай допроса. Въ рукавѣ кафтана подмышкой у меня было зашито 90 долларовъ, а въ простой холщевой сумѣ — 50. На рукахъ у меня было 69 долларовъ. Когда на улицѣ слышались голоса или проѣзжала телѣга, мы совершенно притаивались, все время боясь прихода полиціи или сосѣдей. Днемъ въ хату зашелъ полицейскій и что то спрашивалъ насчетъ коатрабандистовъ. Разговоръ глухо слышенъ былъ черезъ трубу на чердакѣ. А вдругъ онъ вздумаетъ обыскивать хату и чердакъ! Къ счастью, черезъ нѣкоторое время онъ ушелъ. Часа черезъ полтора на улицѣ раздался шумъ. Поднявшаяся къ намъ дѣвочка разсказала, что въ

верстѣ отъ деревни поймали четырехъ разыскиваемыхъ контрабандистовъ.

Когда стемнѣло, въ десятомъ часу мы съ двумя Петрами вышли. Они понесли мою суму и котомку. Ночь была душная, темная. Мы направились на сѣверъ отъ г. Острога, параллельно границѣ, чтобы верстахъ въ восьми ее перейти. Вскорѣ мы свернули съ дороги и пошли черезъ поля и кустарникъ. Было очень трудно идти въ темнотѣ черезъ поля спѣлой ржи и пшеницы, черезъ рыхлую пахоть и колючій кустарникъ. Ноги вязли въ пашнѣ. Ремешокъ одного лаптя ослабъ и онъ сталъ сниматься. Спѣлая рожь и подсѣвъ изъ вьюнковъ опутывали ноги. Сравнительно легко было идти по бѣлоснѣжной гречѣ, но мы избѣгали ее и старались скорѣе пробѣжать полосу, такъ какъ на ней мы были замѣтнѣе. Мы старались избѣгать малѣйшаго шума; я, несмотря на хроническій кашель и отдышку, старался не кашлять, въ чемъ мнѣ помогли напряженные нервы. Нѣсколько разъ я откашлялся, уткнувъ ротъ въ рукавъ, и разъ при приступѣ кашля, уткнулся въ землю, какъ мнѣ заблаговременно рекомендовали проводники. Постоянно мы останавливались, прислушивались и залегали во ржи, какъ что-либо заслышится, отдаленный ли лай, стукъ ли телѣги. Я любилъ въ деревнѣ отдаленный лай собакъ и громыханіе запоздалой телѣги. Но теперь эти звуки возбуждали жуть и долго навѣрно мнѣ будутъ непріятны. Какъ тати мы ныряли въ рожь и снова двигались въ путь, когда звуки стихали. «Чу, опять песъ брешетъ!» — съ досадой шептали проводники.

Разъ залаяли двѣ собаки и стали къ намъ быстро приближаться. А что, если это полицейскія собаки-ищейки. Потомъ я узналъ, что таковыя дѣйствительно имѣются на границѣ, но выдрессированныя, онѣ идутъ молча по слѣду человѣка и дѣлаютъ по немъ стойку, какъ по дичи. Къ счастью, собаки, не дойдя съ четверть версты до насъ,

свернули въ сторону и лай сталъ удаляться. Вѣроятно, онѣ гнались за зайцемъ.

Дойдя до границы, Петръ первый (въ отличіе отъ второго) взялъ мой паспортъ, который я взялъ на случай ареста въ Польшѣ, для отсылки его моему знакомому въ Варшаву и пошелъ обратно. Я снялъ кафтанъ, но и въ одной рубашкѣ обливался потомъ. За спиной старая котомка военнаго образца. Вправо гдѣ то вдали маячилъ яркій электрическій свѣтъ, какъ мнѣ объяснилъ проводникъ —таможни. Мы прошли отъ границы версты три и миновали самую опасную зону. Я изнемогалъ отъ жары, въ горлѣ пересохло, бѣлье — хоть выжми, ноги запутываются во ржи. Мнѣ евреи наврали, что придется идти пѣшкомъ лишь 5-6 верстъ: мы уже прошли верстъ 11, а до Славуты, куда мы шли, оказывается оставалось еще верстъ 12. Очевидно, безъ дороги до свѣту не дойдемъ. Хотѣлось ругаться, что такъ неразумно составили маршрутъ. Но Петръ умолялъ даже шепотомъ не говорить, въ виду опасности. На другой день онъ увѣрялъ, будто онъ велъ меня на хуторъ, лежащій въ двухъ верстахъ, но ранѣе я объ хуторѣ ничего не слышалъ. Когда онъ залегалъ во ржи, я въ изнеможеніи припадалъ къ землѣ, уже родной, русской. Но при какихъ условіяхъ пришлось снова вступить на нее!

При опаскѣ за каждый шагъ, за каждый шорохъ, при страшномъ физическомъ утомленіи, я не могъ, конечно, наслаждаться теплой украинской ночью. Но и при притупленной воспріимчивости, я все же ощущалъ ея красу. И у «гробового входа», въ который я могъ ежеминутно вступить, «она красою вѣчною сіяла». Я только что на польской Волыни въ деревнѣ, перечитывалъ А. Толстого. И, припадая къ землѣ въ эту знойную ночь, я вспомнилъ Іоанна Дамаскина и его «въ полѣ каждую былинку и въ небѣ каждую звѣзду»...

— «Кто идетъ. Руки вверхъ!» — Этотъ окрикъ раздался неожиданно саженяхъ въ пяти впереди насъ во вто-

ромъ часу ночи, вскорѣ послѣ того, какъ мы вышли на полевую тропу и я воспрянулъ духомъ послѣ многочасовой ходьбы по цѣлинѣ. Впереди, чуть выше насъ на темномъ фонѣ неба вырисовывался силуэтъ красноармейца въ шлемѣ, который я видалъ ранѣе только на рисункахъ. Онъ выстрѣлилъ и свистнулъ. Справа и слѣва отозвались свистки. Мы попали въ большевицкую засаду и о бѣгствѣ нельзя было и думать. Съ дуломъ револьвера, направленнымъ на насъ, онъ подошелъ къ намъ, снова требуя руки вверхъ. Мы сбросили суму и котомку. Прежде чѣмъ поднять руки, я успѣлъ взять въ карманѣ приготовленные на этотъ случай доллары и зажать ихъ въ рукѣ, такъ какъ по словамъ проводниковъ, при поимкѣ красноармейцы отбираютъ деньги. Ощупавъ наши карманы на предметъ поиска въ нихъ оружія, нашъ плѣнитель, оказавшійся товарищемъ-слѣдователемъ изъ Кривина, разрѣшилъ намъ опустить руки. Подошли двое другихъ. Краткій опросъ и насъ повели. Минута была скверная, я сразу понялъ, что все мое предпріятіе рухнуло и что перспектива мнѣ грозитъ не изъ пріятныхъ. Но вѣдь и шелъ я на все. И чѣмъ болѣе мнѣ угрожала опасность, тѣмъ болѣе я былъ хладнокровенъ. Я сразу вошелъ въ роль дряхлаго старца, что мнѣ въ эту минуту впрочемъ было не трудно изъ за крайней усталости и ни разу не сбился при опросѣ и затѣмъ при разговорѣ во время ходьбы съ моей шпаргалки-біографіи. Я незамѣтно досталъ изъ кармана огромные очки и въ Кривинѣ явился восьмидесятилѣтнымъ старикомъ плохо видящимъ и слышащимъ, сутуловатымъ, прихрамывающимъ, полуинтеллигентомъ изъ духовнаго званія.

Впереди шелъ Петръ съ слѣдователемъ. Вдругъ слышу крикъ послѣдняго и Петръ получаетъ отъ него въ зубы такъ, что фуражка слетаетъ на землю. И на другой день въ арестной его красноармейцы все дразнили, не потерялъ ли онъ «кашкета»? Въ чемъ дѣло? Слѣдователь

мнѣ объясняетъ, что Петръ намекнулъ ему, что мы можемъ откупиться.

— Стыдно вамъ, старикъ, такими дѣлами заниматься, — говоритъ слѣдователь — предлагать взятки.

— Это вы врете, господинъ, что я вамъ предлагалъ... — шамкаю я.

— Какъ вру, какъ вы смѣете, — вспылилъ онъ и хватается за прикладъ винтовки, — вѣдь вашъ проводникъ за васъ предлагалъ.

— Вотъ и выходитъ, Ваше Благородіе, что врете, — мало ль, что малый брешетъ, а я ни слова о томъ не молвилъ. Все можете отъ меня отобрать, какъ теперь въ вашей я власти, а ничего не давалъ отъ себя и не дамъ.

— Какое еще тамъ благородіе. Это у васъ въ Польшѣ такъ! Нѣтъ въ Совѣтской Россіи ни господъ, ни благородій, всѣ равны. Ну, что говорятъ о насъ въ Польшѣ?

Отошелъ, сталъ разговаривать. А контрабандисты увѣряли меня, что если мы натолкнемся на польскую или русскую стражу, то ихъ подкупятъ, и потому набивали цѣну за переходъ, чтобъ хватило и на подкупъ. А на самомъ дѣлѣ у моего Петра не было ни гроша и я все время ареста содержалъ его на мой счетъ. Черезъ полчаса, около двухъ часовъ ночи мы пришли въ с. Кривинъ къ помѣщенію Г. П. У.

8 іюля. Шагая черезъ спящихъ на полу арестованныхъ, мы прошли въ комнатку, занимаемую карауломъ. Кромѣ коекъ красноармейцевъ — столъ, скамьи. Въ углу, какъ и во всѣхъ казармахъ и канцеляріяхъ Г. П. У. большой литографированный портретъ Ленина. Намъ приказали раздѣться и приступили къ обыску и допросу. Всего я подвергся у большевиковъ тремъ допросамъ. Допрашивалъ въ присутствіи другихъ арестовавшій насъ слѣдователь. Прощупывали швы, стучали по каблукамъ, нѣтъ ли въ нихъ пустоты и т. п. Сначала подвергся осмотру Петръ. Я подъ предлогомъ жары снялъ кафтанъ съ зашитыми долларами и незамѣтно подбросилъ его на

уже осмотрѣнную одежду Петра. Въ грубомъ холщевомъ мѣшкѣ зашитыхъ долларовъ не прощупали. У меня взяли бывшіе въ кошелѣ 69 долларовъ, изъ которыхъ 4 дали мнѣ на продовольствіе, а остальные отобрали подъ расписку. Кромѣ того отобрали у меня порошки съ висмутомъ отъ желудка и порошокъ съ ядомъ, бывшимъ у меня на всякій случай.

Обращеніе рѣзкое, но со мной, какъ съ старикомъ, сравнительно вѣжливое. Надъ Петромъ и его упавшимъ «кашкетомъ» издѣвались, кричали на него, запугивали. По мѣрѣ допроса заполнялись анкетные листы (откуда, куда, зачѣмъ, семейное положеніе, профессія и т. д.), потомъ нами подписанные. Особенно заинтересовался слѣдователь найденой у меня въ кошелѣ бумажкой съ пятью цифрами, которые я долженъ былъ отослать съ проводникомъ и означавшими: — прибылъ благополучно, надлежащій паспортъ полученъ, — чтобы евреи получили причитающуюся имъ сумму. Я сказалъ, что это мнѣ объясняли размѣнъ долларовъ на польскія и русскія деньги. Слѣдователь не повѣрилъ, но сказалъ, что завтра на допросѣ выяснитъ правду. Въ Польшу я якобы попалъ въ поискахъ попавшаго въ плѣнъ сына. Паспортъ мой якобы украли. Правдоподобіе послѣдняго подтверждалось дѣйствительно вырѣзаннымъ у меня лѣтомъ между Брестомъ и Ковелемъ въ вагонѣ изъ кармана во время сна бумажникомъ съ 80 долларами, слѣдъ чего остался на холщевой курткѣ. Обращеніе на «вы», «товарищъ» или «гражданинъ». Я во все время пребыванія въ Россіи ни разу не назвалъ никого товарищемъ, изрѣдка говорилъ гражданинъ, иногда нарочито въ стилѣ моей роли, говорилъ — господинъ, Ваше Благородіе, какъ и крестился часто и говорилъ — «благодареніе Богу, какъ Богъ дастъ» и т. п., чѣмъ вызывалъ насмѣшки и реплики, что Бога нѣтъ. Часа въ три ночи насъ отпустили спать. Въ камерѣ арестованныхъ все было переполнено и намъ разрѣшили спать въ женской камерѣ на полу, такъ какъ на-

ры были заполнены женщинами и дѣтьми. Подстилки никакой, въ головѣ — сума.

Утромъ въ семь часовъ прогулка въ садикѣ передъ домомъ. Здѣсь у забора, на улицѣ колодецъ, гдѣ умываемся и беремъ воду для питья. Утромъ и вечеромъ даютъ кипятокъ и я завариваю въ кружкѣ свой чай. Позади дома на огородѣ ужасная яма-уборная, куда ходятъ по пяти человѣкъ съ конвойнымъ. Такъ какъ заграничныхъ газетъ нельзя было брать съ собой на случай благополучнаго прохода въ Россію, то бумаги никакой. Хата имѣла три комнаты: женская камера, маленькая прихожая, гдѣ дежурилъ красноармеецъ съ винтовкой, мужская камера, (дверей нѣтъ) и примыкающая къ ней сзади комната караула, гдѣ насъ ночью допрашивали, съ плохо прикрывающейся, висящей на одной петлѣ, дверью. Грязь ужасна, ночью воздухъ отвратительный. Мнѣ, какъ старику, уступили мѣсто на нарахъ у стѣнки къ караульной. Лежали тѣсно, какъ сельди, большинство на полу, а также подъ нарами, — особо вшивое мѣсто. Выборный изъ арестованныхъ староста (уволенный желѣзнодорожный служащій) завѣдывалъ внутреннимъ распорядкомъ, подметаніемъ и мытьемъ (женщины) половъ, командированіемъ на работы, когда поступало требованіе отъ начальства, (большею частью уборка присутствія) и т. п. Продовольствія никакого не полагалось, а нѣкоторые сидѣли десять дней и болѣе и денегъ не имѣли. Имущіе дѣлились съ неимущими и хоть скудно, хоть хлѣбомъ, но всѣ кое-какъ кормились... Рядомъ была лавочка и кооперативъ, гдѣ можно было купить хлѣбъ, яйца, колбасу, сало, табакъ. Доллары тамъ принимались, но за нихъ давали только 1 р. 50 коп., тогда какъ имъ цѣна около 2 р. Золотыхъ я ни разу не видѣлъ, но говорятъ, что они ходили наравнѣ съ бумажными червонцами (10 р.), которыхъ тоже не видѣлъ, вслѣдствіе ничтожныхъ моихъ оборотовъ. Обращались бумажные рубли и полтинники, серебряныя 20, 15 и 10 коп. съ плохимъ какимъ то оловяннымъ звономъ.

Хоть въ мою роль и не входило разыгрывать богача, но приходилось подкармливать неимущихъ. Красноармейцы постоянно обращались за табакомъ и спичками.

Большая часть моихъ товарищей (безъ ковычекъ) были молодые контрабандисты и перебѣжчики босяцкаго типа въ лохмотьяхъ. Были и болѣе зажиточнаго вида. Я своимъ видомъ не дисгармонировалъ со всей компаніей. Нѣкоторые профессіоналы попадались по нѣсколько разъ. Составъ арестованныхъ мѣнялся: партіями отсылались въ Славуту или обратно въ Польшу, приводимые вновь пойманные, главнымъ образомъ ночью. Особенно грубо красноармейцы обращались съ контрабандистами: нерѣдко попадало прикладами, если замѣшкаются или возражаютъ. При допросѣ вновь приводимыхъ — рукоприкладство, окрики и угрозы, слышимые сквозь плохо прикрывающуюся дверь и съ моего мѣста на нарахъ у стѣны караульной. По словамъ арестованныхъ, избіеніе практикуется и въ польскихъ арестныхъ.

Особенно сильно влетѣло молодому парню, убѣжавшему отъ уборной-ямы. Понятно озлобленіе стражи, такъ какъ дежурному красноармейцу грозило за побѣгъ два года тюрьмы, если бы его не поймали. Но изъ караульной парень вернулся какъ ни въ чемъ не бывало и сейчасъ же сталъ крутить папироску; очевидно бывалый. Когда его спохватились, красноармейцы сказали: «Ничего, черезъ часъ поймаемъ». Была снаряжена погоня и, дѣйствительно, часа черезъ два его привели.

Сидѣли съ нами и коммунисты, два чеха и одинъ галичанинъ. Они тоже пробирались въ Россію безъ паспорта. Красноармейцы объяснили мнѣ, что въ Россію пропускаютъ лишь коммунистовъ съ командировками партійныхъ ячеекъ, а остальныхъ высылаютъ обратно: пусть работаютъ у себя дома. Въ прошломъ году еще, по ихъ словамъ, всѣхъ перебѣжчиковъ пропускали въ Россію и будто за одинъ годъ черезъ европейскую границу прошло 950.000 человѣкъ (?). Въ этомъ же году большинство

перебѣжчиковъ высылаютъ обратно: «Когда намъ плохо приходилось, гдѣ вы были? А теперь, когда мы окрѣпли, вы и переходите къ намъ». Очень много среди арестованныхъ евреевъ, преимущественно бѣдныхъ. По слухамъ изъ Россіи переѣзжаютъ и переходятъ болѣе зажиточные евреи.

Не только замѣчается массовое переселеніе въ Россію русскихъ съ польской Волыни, но и евреевъ, а также среди арестованныхъ перебѣжчиковъ встрѣчались и поляки. Была, напримѣръ, польская семья изъ мужа, жены и двухъ малыхъ дѣтей изъ подъ Вильны. Они тамъ продали все имущество до посуды и подушекъ включительно, а теперь, пойманные на границѣ, препровождаются обратно въ Польшу, гдѣ невозможно найти заработка, вслѣдствіе кризиса.

Ужасное впечатлѣніе въ Кривинѣ, кромѣ тѣсноты, грязи и вони, производитъ и грубость красноармейцевъ. Матерщина, соединенная съ богохульствомъ, съ упоминаніемъ Христа и Богоматери виситъ въ воздухѣ. Кромѣ дежурнаго и другіе красноармейцы снуютъ все время черезъ нашу камеру въ караульную. Особенно отличается шестнадцатилѣтній Сережка, маленькаго роста, винтовка котораго съ штыкомъ на аршинъ выше его шлема, что производитъ карикатурное впечатлѣніе. Третье слово его — богохульство и матерщина, вошедшія въ обиходъ его рѣчи, а также постоянныя насмѣшки и угроза прикладомъ. Сначала я его возненавидѣлъ, но потомъ, узнавъ, что онъ ужъ седьмой годъ при красной арміи, то есть съ самой революціи, поговоривъ съ нимъ, когда онъ меня конвоировалъ, я его лишь искренне сожалѣлъ. Вѣдь онъ, дитя революціи, попалъ въ красноармейскую среду девятилѣтнимъ ребенкомъ. Изъ него, смышленнаго и бойкаго малаго, при другихъ обстоятельствахъ, могъ бы выйти хорошій русскій парень.

Мнѣ припомнились дѣти полковъ, которые совершали съ полками походъ, вмѣсто того, чтобы учиться въ шко-

лѣ. Они, одѣтые въ форму, играли въ ужаснѣйшую игру — въ войну; ихъ ласкали баловали и даже награждали Георгіемъ.

Врядъ ли тѣ, которые уцѣлѣли, стали хорошими работниками и людьми отъ такого развращающаго воспитанія и игры съ кровью... И если изъ нихъ вышли мерзавцы, то они такіе же безъ вины виноватые, какъ и отвратительный бѣдный Сережка.

Я на себѣ за все время не только не испыталъ рукоприкладства, но и грубости и красноармейцы величали меня, кромѣ традиціоннаго «товарища», отцомъ и дѣдомъ. Мои товарищи по аресту, во всемъ мнѣ помогали, ухаживали за мной, называли меня дѣдушкой. Вѣдь, несмотря на то, что мнѣ подъ шестьдесятъ лѣтъ, я сходилъ за восьмидесятилѣтняго старика. Два раза мнѣ хотѣли поцѣловать руку, принимая за священника.

Очень трудно было всю недѣлю, безъ перерыва, не только на допросахъ, но и въ теченіе всего дня играть роль. Вѣдь если бы я хоть разъ сбился съ тона глубокаго старика и полуинтеллигента, то я пропалъ бы. Не только мы все время были на виду красноармейцевъ, но среди насъ были и арестованные большевики. А какъ трудно было мучимому жаждой, когда приносили ведро съ мутнымъ кипяткомъ, не побѣжать къ нему съ своей кружкой съ засыпаннымъ чаемъ, чтобы не остаться безъ кипятка, а ковылять къ нему покряхтывая. Но я сразу влегъ въ мою роль и ни разу не сфальшивилъ. Труднѣе было держаться на допросахъ, когда болѣе интеллигентные люди васъ спеціально допытывали и сбивали.

Послѣ «обѣда» (сухоѣденіе изъ лавки), меня съ проводникомъ Петромъ вызвали въ другое помѣщеніе Г. П. У. черезъ улицу на допросъ. Съ нимъ мы сговорились уже ранѣе, что отвѣчать по поводу совмѣстнаго съ нимъ путешествія. Это былъ самый трудный изъ трехъ допросовъ. Тотъ же слѣдователь допрашивалъ меня около полутора часовъ. На всѣ вопросы у меня были гото-

вые подробные отвѣты, согласно моей, еще въ Парижѣ составленной и написанной Томской біографіи. Около четверти часа онъ допытывался относительно злополучной записки съ цифрами. Я упорно твердилъ, что это жидъ мнѣ писалъ въ Дубно при размѣнѣ денегъ и, что я въ этихъ цифрахъ ничего не понимаю... Дѣйствительно, въ Польшѣ только что произведена была стабилизація валюты, и марки ихъ сотнями тысячъ и милліонами переведены на злоты и гроши, такъ что иностранцу съ франками и долларами сначала трудно было оріентироваться. Слѣдователь бѣсился, вскакивалъ, ходилъ по комнатѣ и угрожалъ, что меня перешлютъ въ Харьковъ и въ Москву и тамъ сумѣютъ узнать правду, церемониться не будутъ. — «Стыдно вамъ, старикъ врать; это вы или что либо въ Россіи должны сообщить или въ Польшу». — «Зачѣмъ мнѣ врать. Добрался я, слава Те, Господи, до Россіи, не помирать же мнѣ въ Польшѣ. А если пошлете меня въ Харьковъ, то Бога благодарить буду и за Васъ помолюсь. Я и то путь держу на Харьковъ, въ клиникахъ тамъ лечь хочу полѣчиться. Больно тамъ хорошо лѣчатъ. Четыре года тому назадъ въ нихъ лежалъ».

— «Въ молитвахъ вашихъ не нуждаюсь, Бога никакого нѣтъ, это вы имъ только народъ морочите, чтобъ вамъ на хлѣбъ подавали. А правду я отъ васъ все-таки узнаю. Изморомъ возьму, а узнаю». — «Со мной, что хотите можете сдѣлать, въ вашей я власти. А что касаемо измора, то много ли мнѣ, при моей древности и хилости, жить осталось. Смерти я не боюсь. Привелъ бы Богъ поближе къ Томску умереть, въ Сибири. А въ Бога я всю жизнь вѣрилъ, съ этимъ и помру, грѣхъ такъ говорить о немъ. И правды теперь не стало, какъ Бога забыли». А самъ все крещусь и кашляю. Потомъ онъ чуть меня не поймалъ на русскихъ деньгахъ. Я забылъ, когда были введены червонцы и сдѣлалъ видъ, что сначала не разслышалъ его вопроса, какія у меня были деньги при переходѣ моемъ якобы полгода назадъ въ Польшу въ пои-

скахъ сына... Потомъ я что-то началъ говорить о царскихъ деньгахъ и керенкахъ. — «А червонцевъ не было?» — «Нѣтъ, не было». — «А какъ же вы по желѣзной дорогѣ къ Польшѣ подъѣхали... Вѣдь въ то время уже не брали старыхъ денегъ». — «Это, говорю, какъ вырѣзали у меня кошель съ паспортомъ, то червонцы украли, а сначала въ Россіи они у меня были». «Гдѣ въ Польшѣ были?» — «Въ Дубно, въ лѣчебницѣ лежалъ, привелъ Богъ помолиться у Почаевской Божьей Матери» и т. д. — «А откуда же у васъ доллары?» — «Помогли добрые люди, да было еще у меня нѣсколько золотыхъ русскихъ съ личностью Государевой, ихъ и вымѣнилъ на американскія деньги по совѣту людей». Много еще разспрашивалъ меня слѣдователь и я уже точно и подробно на все отвѣчалъ...

Очевидно я и этотъ экзаменъ выдержалъ, такъ какъ иначе, если бы въ чемъ нибудь былъ заподозрѣнъ, то былъ бы задержанъ впредь до телеграфнаго запроса въ Томскъ и другіе отдаленные пункты, на которые ссылался. Надо отдать справедливость слѣдователю — онъ былъ очень рѣзокъ, но не грубъ. Интересовался, какъ и при другихъ допросахъ, что говорятъ о Совѣтской Россіи въ Польшѣ? — «Слышалъ, — говорю, — что въ газетахъ писали о голодѣ, да что бандитовъ большевики снаряжаютъ нападать на границу». Смѣется. — «Что касается голода, то сами видите, какой у насъ урожай, а гдѣ есть недородъ, туда подвезутъ изъ урожайныхъ мѣстъ. Что касается бандитовъ, то намъ нѣтъ въ нихъ надобности. Народная Совѣтская Россія миролюбива, а если бы захотѣла, могла бы легко смять Польшу. Теперь мы окрѣпли, не то что въ началѣ, когда и Врангель былъ на Югѣ и Сибирь мы недовоевали». — «Къ какому обществу, вы, товарищъ, принадлежали въ Россіи?» — Я, будто не понимая вопроса, отвѣчалъ: — «Ни къ какому обществу я, господинъ, не приписанъ». — «Господъ у насъ нѣтъ, всѣ равны». — «Ни къ какому обществу, потому я не кресть-

янинъ, а духовнаго сословія». — «Не то, къ какому союзу или политической партіи?» — «Православный я, русскій и прописанъ я въ Томскѣ». — «Въ союзѣ Архангела Михаила не состояли?» — «Никакъ нѣтъ, и не слыхалъ про то». — «А что вы дѣлали въ Почаевѣ?» — «Богу молился, да болѣлъ. Второй разъ сподобился я у Почаевской Божьей Матери побывать, говорилъ я крестясь, я и не вѣдалъ, что она теперь къ Польшѣ отошла. А что мнѣ Польша. Не умирать же мнѣ въ ей... Сынка не разыскалъ, а выправлять пашпортъ, сказывали, болѣе года пройдетъ, да и денегъ уйма уйдетъ, не хватитъ, а стараго больного человѣка, вишь сказывали, свободно черезъ границу пропустятъ, не то, что призывного. Опять таки, какой я контрабандистъ. Умереть бы въ Россіи. Уже вы сдѣлайте такую милость, направьте на Харьковъ и въ Сибирь, не возвращайте въ Польшу». — «Отправимъ васъ въ Шепетовку, тамъ разсудятъ». А въ Шепетовкѣ высшая инстанція пограничаго Г. П. У. и ея особенно боятся контрабандисты и перебѣжчики. Въ Славутѣ — средняя инстанція.

Когда я разсказалъ въ арестной о допросѣ, то всѣ пришли къ заключенію, что дѣло мое обстоитъ хорошо и что меня черезъ Шепетовку отпустятъ въ Россію. Они не знали, какой я опасности подвергаюсь, если тамъ какой-либо слѣдователь, или другой служащій въ Г. П. У. бывшій въ Москвѣ, или видѣвшій меня на югѣ Россіи, меня узнаетъ.

Весь день почти приходилось лежать на нарахъ, такъ какъ ходить изъ за тѣсноты нельзя было. Приводили новыхъ и уводили партіями и въ одиночку. Вечеромъ снова часъ прогулки — толчея въ садикѣ передъ арестной и кипятокъ, потомъ перекличка и провѣрка. Когда дежурный красноармеецъ рапортовалъ слѣдователю, что насъ въ мужской камерѣ 26 человѣкъ, а оказалось 27 (одного недавно привели), то ему сильно влетѣло. Слѣдователь его ругалъ и стыдилъ, что красное дѣло такими служа-

щими не можетъ дѣлаться и, что если онъ еще разъ будетъ замѣченъ въ небрежности, то онъ его посадитъ подъ арестъ на шесть мѣсяцевъ. Очевидно, это не было простой угрозой, такъ какъ вытянувшійся красноармеецъ повидимому струхнулъ. Подъ вечеръ вывели партію перебѣжчиковъ, отправляемыхъ обратно въ Польшу.

Ночью духота и вонь нестерпимая. Изъ подъ наръ, наиболѣе вшиваго мѣста, къ намъ направлялись постоянно струи такого зловонія, что даже лежавшіе рядомъ со мною босяки, не вытерпѣли, разбудили старосту и тотъ сталъ ругать обитателей подъ нарами, убѣждая ихъ проситься «до вѣтра». Дежурившій красноармеецъ вытащилъ изъ подъ наръ за ноги одного парня, приказалъ спать на полу посреди комнаты и для назиданія ткнулъ нѣсколько разъ прикладомъ подъ нары. Но ничего не помогло и обитатели нижняго этажа напоминали намъ о себѣ всю ночь. Мнѣ плохо спалось и уснулъ я лишь подъ утро.

9 іюля. День однообразно тянется по вчерашнему. Въ 7 часовъ чай и прогулка. Томительно невѣдѣніе дальнѣйшей судьбы. Сначала говорили, что насъ отправятъ утромъ. Дремлю на нарахъ. Слушаю оживленные разговоры. Всѣ въ одинъ голосъ утверждаютъ, что въ Россіи лучше жить, чѣмъ въ Польшѣ. Здѣсь урожай и въ голодъ въ Россіи не вѣрятъ. Сравниваютъ цѣны, не здѣшнія лавочныя, а базарныя въ деревняхъ, которыя нѣкоторымъ извѣстны. Оказывается, что хлѣбъ и нѣкоторые продукты дешевле, сахаръ дороже, чѣмъ въ Польшѣ. Предметы контрабанды изъ Польши — мануфактура, водка, кокаинъ и проч. («Познанка»-водка польская въ большомъ почетѣ). Изъ Россіи несутъ табакъ и золотые, царскіе и большевицкіе, которыхъ очень много на Кресахъ у евреевъ. Нѣкоторые перебѣжчики попадаются въ третій, четвертый разъ и все же намѣрены по водвореніи въ Польшу, вновь идти въ Россію и въ концѣ концовъ они достигаютъ своего. Рѣзкіе, гортанные голоса евреевъ.

Большинство арестованныхъ — преступный элементъ съ точки зрѣнія государственной (какъ и я преступникъ по отношенію къ большевикамъ), но живя съ ними въ тѣсномъ общеніи, совершенно естественно подходишь къ нимъ, какъ наши великіе русскіе писатели — по человѣчески, человѣчно. Контрабандисты въ огромномъ большинствѣ молодежь. Одного постарше, посолиднѣе на видъ, не босяцкаго типа, я спросилъ почему онъ занимается контрабандой. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что семья большая, земли мало — не прокормить, — такъ не бандитомъ же становиться. Контрабанда — это прибыльный, рискованный промыселъ-спортъ; къ перебѣжничеству прибѣгаютъ изъ за нужды.

Днемъ пришла пятилѣтняя дѣвочка, спрашивать арестованнаго батюшку. Позвали меня. Оказывается мѣстный священникъ, прислалъ свою дочъ узнать про меня. Черезъ полчаса пришла молодая еще жена его и принесла мнѣ теплый молодой картофель, салатъ изъ огурцовъ, бѣлый хлѣбъ, сухарей и бутылку молока. Спасибо добрымъ людямъ — хорошо пообѣдалъ, послѣ нашего сухоѣденія подѣлился съ друзьями. Звала вечеромъ прійти къ нимъ чай пить, говоритъ, что разрѣшаютъ. Дежурный красноармеецъ обѣщалъ повести меня, если разрѣшать.

Но часовъ въ пять велѣли мнѣ и Петру съ вещами отправиться въ Славуту. Сборы — минуты три и мы съ конвоиромъ шагаемъ въ Славуту, до которой четырнадцать верстъ. Конвоиръ убѣждалъ нанять подводу, но съ меня запросили три доллара, которыхъ у меня не было. День очень жаркій и по песку большака идти очень трудно. Убѣдилъ конвоира идти другой дорогой, по луговымъ тропинкамъ. Если бы не жара, то была бы пріятная прогулка. Типичный малороссійскій пейзажъ, убранные покосы, спѣлые хлѣба, которые уже начинаютъ жать, греча, купы деревьевъ, рѣчки, хутора и села, утопающіе въ фруктовыхъ садахъ. Проходимъ задами трехъ селъ съ деревянными церквами. Одна изъ нихъ старинная, съ

звоницей, напоминающая галиційскія церкви. Такъ пересохло въ горлѣ, что не смотря на продолжающееся разстройство желудка, пилъ нѣсколько разъ изъ колодцевъ и рѣчекъ. Недалеко отъ дачной мѣстности Славута вновь начался сыпучій песокъ, забирающійся въ лапти и перетершій въ труху носки. Въ началѣ вѣковаго соснового бора чудный холодный родникъ, у котораго посидѣли, покурили. Въ концѣ торговаго еврейскаго мѣстечка помѣщаются казармы и канцелярія Г. П. У., куда мы подошли часовъ въ восемь.

Помѣщеніе гораздо просторнѣе и опрятнѣе Кривинскаго. Военный слѣдователь, приступившій къ нашему допросу, интеллигентный, вѣжливый, въ своемъ щегольскомъ френчѣ напоминаетъ энглизированнаго, изящнаго гвардейскаго офицера. Послѣ поверхностнаго сравнительно обыска и осмотра вещей, подробный допросъ-анкета. Никакого попустительства, та же формальность, что и въ Кривинѣ, но атмосфера культурнѣе, обращеніе менѣе рѣзкое. Ко мнѣ чаще обращаются съ ласковымъ «дѣдъ, дѣдушка», чѣмъ «товарищъ, гражданинъ». Когда случился у меня приступъ кашля, слѣдователь распорядился принести мнѣ воды. Тѣ же вопросы о настроеніяхъ въ Польшѣ, относительно совѣтской власти, моей политической партійности и т. д. На мою просьбу отпустить меня въ Харьковъ, онъ сказалъ — «Навѣрно васъ, дѣдушка, отправятъ въ Харьковъ, что вамъ въ ваши годы трепаться по границамъ». Въ концѣ допроса я поблагодарилъ за ласковское обращеніе (повторяю безъ всякаго попустительства).

Когда допросъ кончался, вошли три какихъ то чина и тоже стали интересоваться разговорами о Польшѣ. На мои отвѣты возразили — «если бы Россія захотѣла, то въ порошокъ могла бы стереть Польшу. Мы во всякій моментъ можемъ выставить 12 милліоновъ (?)». Веселый молодой человѣкъ сталъ подшучивать надо мной и запугивать моего проводника Петра — «Какъ васъ зовутъ, товарищъ?»

обращается онъ къ нему. — «Петръ». — «По отчеству?» — «Онуфріевичъ». — «Въ каторгу васъ, Петръ Онуфріевичъ, ушлемъ вмѣстѣ съ дѣдомъ», и т. п. кричитъ онъ зычнымъ голосомъ и съ веселыми глазами. Мой Петръ оторопѣлъ и струсилъ къ удовольствію говорившаго. Я, поддѣлываясь подъ тонъ шутившаго, говорю: — «Чего, Петя уши развѣсилъ? Ты не вѣрь ему. Вишь глаза у него ласковые; можетъ онъ и мухи не обидитъ. Для смѣху брешетъ. Вишь, баринъ чудить вздумалъ». — «Какой я баринъ? Въ народной совѣтской республикѣ, гражданинъ, равноправіе, нѣтъ баръ и господъ». — «А если равенство правовъ, то отпустите помирать на родину въ Сибирь». — «На каторгу васъ, гражданинъ, вы преступникъ» и т. д.

По поводу равноправія припомнился мнѣ разговоръ съ красноармейцемъ въ Кривинѣ. Онъ говорилъ, что прежде чиновники, помѣщики и попы объѣдали народъ, а теперь самъ народъ правитъ, пусть графы и князья поголодаютъ, потому теперь равноправіе. «Хорошо, говорю, равноправіе, коли отъ него у народа животъ подводитъ». Вообще я не поддѣлывался подъ большевиковъ, придерживался роли богобоязненнаго старорежимнаго старика.

Послѣ допроса Петра отвели въ арестную съ обычнымъ тюремнымъ режимомъ, а меня слѣдователь провелъ самъ въ удивительное учрежденіе — въ арестное помѣщеніе, лишенное всякой стражи, безъ красноармейцевъ, съ однимъ выборнымъ старостой. Помѣщеніе было не лучше Кривинскаго. То же переполненіе. Я помѣстился на полу у двери въ маленькой передней, гдѣ воздухъ былъ получше, но къ утру было свѣжо отъ постояннаго хожденія на дворъ.

10 іюля. Кромѣ передней, двѣ комнаты безъ раздѣленія на мужскую и женскую. Комната поменьше была занята евреями, а побольше остальными арестованными. Такимъ образомъ, самоопредѣлилась національная дифференціація въ странѣ національнаго равенста. Въ нашей

вольной арестной — преимущественно семейные и тѣ, которые, по мнѣнію начальства, не предпримутъ побѣга. Два старика за семьдесятъ лѣтъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: «а вѣдь вы постарше меня будете»; такъ удачно принялъ я обличіе дряхлаго старика.

Кромѣ меня, въ передней помѣщалась на ларяхъ славная крестьянская семья изъ Нѣжинскаго уѣзда. Я примостился на полу у ларей. Мужъ — 35 лѣтъ, рослый, съ правильнымъ греческимъ профилемъ, начинающая старѣть жена его, съ грустными красивыми глазами и прелестная живая дочь лѣтъ четырнадцати. Я спросилъ, знаютъ ли они въ Нѣжинскомъ уѣздѣ село Володково-Дѣвица (имѣніе моей невѣстки). Оказалось, что они изъ сосѣдняго села, знали помѣщицу княгиню Голицыну, а потомъ Долгорукову, знали про построенныя ими больницу, школу. Они бѣжали восвояси, лишившись мѣста на желѣзной дорогѣ. Несли много имущества и даже самоваръ. Я какъ бы приписался къ ихъ семьѣ: хлѣбъ и пищу намъ давали на четырехъ. Они меня обслуживали посудой, даже покупали мнѣ яйца, молоко и бѣлый хлѣбъ на базарѣ, дочь приносила воду, пришила пуговицы, подбирала соръ. Я имъ давалъ чай, сахаръ и мою казенную порцію — большой кусокъ чернаго хлѣба и супъ съ костями и затхлой крупой. Варили мнѣ яйца и молоко въ сосѣднемъ домѣ, въ бѣдной еврейской семьѣ, чрезвычайно услужливой, отказавшейся брать деньги за это. Утромъ и вечеромъ полагался удивительный чай — кипятокъ съ цикоріемъ.

До пяти часовъ нельзя было удаляться далеко, дальше саженей 200, на случай, если вызовутъ въ Г. П. У. или на работу, а съ пяти часовъ можно было идти куда угодно. Молодежь ходила спать въ боръ, куда-то на сѣновалъ и даже разъ — въ театръ. Позади дома былъ чудный боръ. Я бродилъ по немъ днемъ и чудно спалъ на мхѣ куда лучше, чѣмъ на жесткомъ полу у постоянно отворяющейся наружной двери.

Цѣлый день арестованные жгли передъ домомъ костры изъ шишекъ и хвороста и готовили на нихъ борщъ, картошку. Чтобы покупать на базарѣ провизію, продавали кто штаны, кто кофту. Дѣти играли въ пескѣ. Еврейская комната кишѣла дѣтьми и грязь тамъ была невообразимая. Въ одной еврейской семьѣ ихъ было пять штукъ.

Красноармейцы лишь изрѣдка приходили, вызывая кого-либо къ слѣдователю, или когда требовался нарядъ на работу. Кошмаромъ сравнительно съ Славутой и ея свободнымъ арестнымъ режимомъ представлялись грязь, вонь и тѣснота въ Кривинѣ съ постоянно висящей въ воздухѣ бранью красноармейцевъ и рѣзкостью, задерганностью другихъ чиновъ. На работу требовалось много народу. Кромѣ уборки помѣщеній, — расчистка съ выкорчовываніемъ площадки подъ футбольную игру для команды. 13-го въ воскресенье предстояло открытіе игры. Мой сосѣдъ — черниговскій крестьянинъ, томившійся въ бездѣльи, охотно шелъ на работу, тогда какъ большинство арестованнныхъ евреевъ старались увильнуть отъ этой безплатной повинности. Дочь его Анюта съ охотой шла мыть полы.

Приходилъ докторъ и опрашивалъ насъ. Я заявилъ, что боленъ грудью и кашляю. О наиболѣе меня безпокоившемъ разстройствѣ желудка не сказалъ, чтобы не положили въ госпиталь. Весь день меня не вызывали и ничего о моей отправкѣ не объявляли.

11 іюля. Часовъ въ 10 утра, когда я дремалъ въ бору за арестной (чтенія, конечно, никакого не было), меня позвалъ староста и вручилъ бумажку, по которой я, Семенъ Дмитріевичъ, и беременная еврейка вызывались въ больницу, которая помѣщалась версты за полторы на усадьбѣ звѣрски замученнаго князя Сангушко. Мы съ еврейкой безъ конвойнаго отправились, прошли все мѣстечко. Оживленный базаръ на площади съ старыми каменными рядами. Нѣсколько старыхъ домовъ алексан-

дровской эпохи, соборъ, большая синагога. Типичное торговое еврейское мѣстечко.

Усадьба Сангушко обнесена массивной чугунной изгородью. Главный домъ, окрашенный въ желтое, представляетъ изъ себя развалину. Во флигелѣ помѣщается больница и амбулаторія. Насъ, какъ арестованныхъ, приняли внѣ очереди. Амбулаторія обыкновеннаго типа, чистая. Два врача, фельдшера, сестры. Персоналъ, какъ мнѣ показалось, преимущественно еврейскій. Врачъ и его помощникъ какъ будто мной очень заинтересовались, мнѣ даже казалось, что черезчуръ, ужъ очень они меня съ любопытствомъ разсматривали. Я жаловался на грудь и удушье. Раздѣли и очень внимательно прослушали. Прописали лѣкарство и дали за печатью справку для слѣдователя слѣдующаго содержанія: У. С. С. Р. Славутская Совбольница, 11/7 1924 г. № 4250. Арестованный тов. Дмитріевъ страдаетъ эмфиземой легкихъ, артеріосклерозомъ и рѣзко выраженнымъ міокардитомъ, почему и нуждается въ постоянномъ клиническомъ лѣченіи. Райврачъ (подпись неразборчива). На печати Шепетовскій Окружной Отдѣлъ здароохраненія У. С. С. Р. Славутская гминная больница.

Справку эту дали по моей просьбѣ, очевидно вслѣдствіе моего ходатайства направить меня въ Харьковскую клинику. Пока въ аптекѣ готовили лѣкарство, я въ окна осмотрѣлъ больницу. Чистота и порядокъ обыкновенной земской больницы. Хотя у меня не было полагающейся посуды, мнѣ дали для лѣкарства бутылку. Но, выйдя, я вылилъ лѣкарство, такъ какъ мнѣ нужно было не оно, а справка для слѣдователя, съ которой я надѣялся скорѣе раздѣлаться съ пограничнымъ Г. П. У.; бутылку же, которую тутъ достать не легко, я употребилъ подъ молоко, купленное на базарѣ. Справка у меня сохранилась на память.

Около часа я побродилъ по усадьбѣ. Въ развалинахъ дома среди мусора виднѣются остатки овальнаго зала съ

лѣпными орнаментами. Въ этомъ домѣ былъ звѣрски растерзанъ во время большевицкаго переворота восьмидесятилѣтній князь Сангушко. Когда толпа подступила грабить домъ, то, какъ мнѣ передавали, онъ вышелъ на балконъ и сталъ убѣждать, что историческія и художественныя вещи для нихъ большой цѣнности не представляютъ, что онъ это собиралъ всю жизнь. На это онъ получилъ отвѣтъ, что никакого у него имущества теперь нѣтъ, а что все принадлежитъ народу, т. е. имъ. Онъ схватилъ охотничье ружье, чтобы обороняться. Тогда нѣсколько человѣкъ ворвались въ домъ, его стали бить, топтать ногами и сбросили съ балкона. Толпа его разорвала на части. Въ домѣ была замѣчательная коллекція польскихъ королевскихъ древностей. Между прочимъ, въ одной комнатѣ стоялъ походный шатеръ короля Яна Собѣсскаго со всѣми принадлежностями. Все было уничтожено. Въ запущенномъ паркѣ большія тѣнистыя аллеи; одна изъ нихъ приводитъ къ костелу. Мнѣ мерещилась въ этихъ темныхъ аллеяхъ высокая, сутуловатая фигура злополучнаго старца. Поболтавшись на базарѣ, поговоривъ съ горожанами и селянами, я отнесъ докторскую справку въ Г. П. У. къ слѣдователю. Прочтя ее, онъ сказалъ, что навѣрно меня скоро пустятъ въ Россію. Увѣренный въ этомъ я провелъ въ хорошемъ настроеніи большую часть дня въ бору и на улицѣ, вступая въ разговоръ съ приходящими къ колодцу.

12 іюля. Въ 8 часовъ утра послѣ чая меня вызываютъ съ вещами въ Г. П. У.; я былъ увѣренъ, что меня пошлютъ на Шепетовку и далѣе въ Россію. Но какой-то чинъ объявляетъ, что я высылаюсь обратно въ Польшу. Я ссылаюсь на справку врача, на мой возрастъ, — все напрасно, таково распоряженіе старшаго слѣдователя. Прошу повидать его, но безуспѣшно. Съ одной стороны радъ, что освобождаюсь отъ грозившей, вслѣдствіе ареста, опасности, съ другой стороны — страшно досадно, что все предпріятіе мое, съ такимъ трудомъ подготовленное, рушит-

ся. — «Получите, ваши деньги обратно. Сколько у васъ взяли въ Кривинѣ?» — «65 долларовъ». — «Расписку имѣете?» — Подаю. — Оказывается въ ней значится лишь 55 долларовъ. Я объясняю, что ночью въ Кривинѣ не прочиталъ расписки, не до того было, что плохо вижу. Считаютъ деньги, оказывается — 65 долларовъ, кои мнѣ цѣликомъ и возвращаютъ, несмотря на разницу въ 10 долларовъ съ распиской.

Насъ пятерыхъ, въ томъ числѣ и Петра, ведутъ обратно въ Кривинъ подъ конвоемъ трехъ красноармейцевъ. При проходѣ черезъ базаръ, далъ имъ по ихъ просьбѣ рубля два на закуску и табакъ. Они уговаривали меня нанять подводу, зная, что у меня есть деньги. — «Все равно отберемъ на границѣ», говорили они, но ничего подобнаго не случилось, да и конвоировали другіе. Я отказался. День былъ прохладный, за подводу просили дорого и пройти четырнадцать верстъ было въ такое утро пріятно. Я снова попросилъ не идти песчанымъ большакомъ и мы скоро свернули на луговыя тропы, но шли по иному пути, чѣмъ на-дняхъ. Тотъ же мирный малороссійскій пейзажъ, полный свѣжести и зелени.

Въ село ѣхало много телѣгъ съ празднично одѣтымъ людомъ. Оказалось, что сегодня Петровъ день по старому стилю и народъ ѣхалъ къ обѣднѣ. Итакъ, я справлялъ свои именины въ Россіи! Хоть и подъ конвоемъ красноармейцевъ, но прогулка въ это свѣжее утро была пріятна. Мы шли не торопясь, присаживались курить.

Припомнился мнѣ Петровъ день въ нашемъ чудномъ подмосковномъ, гдѣ я пять трехлѣтій предводительствовалъ, когда съѣзжались со всего уѣзда и пріѣзжали изъ сосѣднихъ уѣздовъ, за столъ, скорѣе за столы садилось до 80 человѣкъ — ярмарка, народный праздникъ...

Между тѣмъ мы подошли къ рѣкѣ Горынь, которая извиваясь, какъ змѣй Горынычъ, впадаетъ въ Припять. Намъ пришлось, разувшись и засучивъ штаны, которые все таки намочили, перейти черезъ впадавшую въ Горынь

рѣчку. Крестьянскія дѣвушки, идущія къ обѣднѣ, высоко поднявъ подолъ, тоже переходили рѣчку. Наша стража отпускала имъ недвусмысленныя солдатскія остроты; тѣ, не смущаясь и отнюдь не запуганныя, бойко давали имъ реплики.

Когда мы поднялись на берегъ, вдругъ набѣжала туча и ударилъ громъ. Сейчасъ же полилъ ливень съ градомъ величной въ лѣсной орѣхъ. Мы побѣжали обратно къ дикой грушѣ у берега Горыни. Когда мы бѣжали, градъ колотилъ въ затылокъ и больно сѣкъ уши. Лошади, въ пасшемся на лугу табунѣ, стали какъ-то ежиться, потомъ бѣситься, бросились, несмотря на крикъ мальчишекъ, вплавь въ рѣку и подстегиваемые градомъ, умчались на другой берегъ, вѣроятно, въ деревню. Груша плохо насъ защищала, градъ отсѣкалъ листья и цѣлыя вѣтви и мы промокли насквозь какъ и наши мѣшки. Вскорѣ засіяло солнце и мы зашагали по землѣ, бѣлой отъ града, который минутъ десять хрустѣлъ подъ ногами.

— «Была засуха, попы перемолили, не только дождь вымолили, но и градъ», острили красноармейцы. Градомъ сильно побило и попутало рожь. Какъ и въ польской Волыни, несмотря на казавшійся хорошій урожай, умолотъ ржи вышелъ неважный, вслѣдствіе бывшей засухи.

Я шелъ позади съ красноармейцемъ, симпатичнымъ парнемъ, который сталъ передо мной обнаруживать свои познанія: гроза — это разрядъ электричества, а не отъ Ильи Пророка; градъ — отъ охлажденной атмосферы вверху, гдѣ воздуха нѣтъ; неба никакого нѣтъ и т. п. Отъ метеорологіи перешелъ къ астрономіи, къ Марсу, къ потухнувшей планетѣ лунѣ, потомъ перебросился въ политическую экономію: — причина войнъ — капитализмъ; народы соперничаютъ въ торговлѣ и правительства въ угоду капиталистамъ, объявляютъ войны. Когда будетъ міровая революція и капитализмъ будетъ побѣжденъ, не будетъ и войны и т. д. Въ общемъ, обнаруживается, при поверхности знаній, при хватаніи верховъ на курсахъ, чи-

танныхъ имъ, рядомъ — полное невѣжество. Много говорилъ за эту недѣлю съ красноармейцами. Обнаруживается необыкновенный у нихъ апломбъ и самоувѣренность, то, что подмѣтилъ кн. С. Волконскій и другіе, описывающіе красную Россію, гдѣ ученики получаютъ готовыя формулы мышленія, прежде чѣмъ научаются размышлять. Приведу схематически нѣсколько самоувѣренныхъ сентенцій: — «Бога нѣтъ, попы — шпіоны». «Мы защитники народной власти въ красной Россіи, мы — авангардъ пролетаріата всего міра. Намъ бы только позволили, одной ротой завоюемъ Волынь, тамъ все населеніе съ нами (миролюбіе пролетаріата?). Въ случаѣ войны Россія выставитъ 12 милліоновъ, никто не устоитъ, Польшу сотремъ. Это невѣрно, что нѣмцы намъ помогаютъ, мы сами по себѣ. Теперь въ Германіи управляютъ буржуи, арестуютъ нашихъ въ Берлинѣ, совѣтская власть не можетъ съ ними дружить... Мы сами поможемъ нѣмецкому народу» и т. д. Вообще, не мало задорнаго пафоса и воодушевленія.

Правда, въ пограничной полосѣ, вѣроятно, отборный коммунистическій матерьялъ, наиболѣе отчаянный. Потому же, вѣроятно, много татаръ. Въ Кривинской стражѣ при арестной ихъ было человѣкъ пять. Евреевъ среди красноармейцевъ замѣтилъ мало, но среди другихъ чиновъ Г. П. У. ихъ порядочно. Срокъ службы здѣсь двухлѣтній, а внутри Россіи полуторалѣтній, но скоро ожидается и тамъ введеніе двухлѣтней службы. Содержаніе здѣсь нѣсколько болѣе, а главнымъ образомъ, стража получаетъ большой процентъ съ захваченной контрабанды, не говоря про побочные доходы съ контрабандистовъ и перебѣжчиковъ. Меня арестовало начальство — комендантъ, слѣдователь и фельдшеръ, а рядовые красноармейцы, говорятъ, при поимкѣ отбираютъ деньги и отпускаютъ за откупъ. Одѣты хорошо, френчи, сапоги, шлемы, кожанныя крутки. Безобразна зимняя форма — темное сукно и зеленые широкіе галуны. Зимой получаютъ валенки, шубы, папахи.

Офицеровъ нѣтъ, а есть товарищи-командиры, товарищи-слѣдователи и т. д. Внѣ строя или службы — вмѣстѣ сидятъ, курятъ, не встаютъ. При дежурствѣ и службѣ, повидимому, — дисциплина строгая и наказанія серьезныя.

Мой собесѣдникъ по дорогѣ въ Кривинъ былъ серьезнѣе и вдумчивѣе общаго уровня своихъ товарищей, много разспрашивалъ про Сибирь, Польшу, на мои замѣчанія по поводу хулиганства Сережки, отвѣчалъ, что тотъ еще молодъ, глупъ. Въ отрицательномъ отношеніи къ войнѣ, я, какъ пацифистъ, ему не возражалъ, изображая изъ себя сибиряка, тронутаго толстовствомъ. Но относительно большевицкихъ методовъ и разжиганія вражды и пренебреженія божескими законами рѣзко возражалъ и ставилъ его подчасъ въ тупикъ. Онъ не находился возразить ничего, кромѣ задолбленныхъ формулъ. Но шагая съ нимъ въ этотъ Петровъ день въ Россіи, я осязалъ, что онъ такой же русскій человѣкъ, какъ и я, и что при другихъ условіяхъ, безъ разжиганія въ немъ классовой розни и злобы, на которой ничего нельзя создавать, а лишь разрушать, мы съ нимъ оба могли бы быть равноправными русскими гражданами.

Яркое солнце смѣнялось нѣсколько разъ дождемъ и мы два раза заходили укрыться на хутора... Въ чистенькихъ хатахъ висѣло много образовъ, хотя обитавшіе въ нихъ молодые парни и были повидимому въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ красноармейцами, постоянно проводящими здѣсь арестованныхъ. Въ первомъ часу подошли мы къ арестной въ Кривинѣ, гдѣ мнѣ еще пришлось помаяться два дня, опустившись снова въ атмосферу смрада, грубости и скованности арестантскимъ режимомъ. Сначала намъ сказали, что отправятъ партію вечеромъ, но какія-то бумаги не были досланы и мы переночевали въ Кривинѣ. Мнѣ уступили мое прежнее мѣсто на нарахъ у стѣны. Одежда наша высохла на насъ, такъ какъ

переодѣться было не во что. Вообще за все время ни разу не раздѣвался, не переодѣвался.

13 іюля. Въ Кривинѣ засталъ наполовину старыхъ знакомыхъ, наполовину вновь арестованныхъ. Много молодыхъ парней, недурно пѣли хоромъ малороссійскій пѣсни, разсказывали анекдоты съ адюлтерными похожденіями, не слишкомъ неприличные и не очень смѣшные. Къ священнику «къ шпіону, къ контрреволюціонеру» меня не пустили.

Въ 7 часовъ вечера намъ объявили, что насъ поведутъ на границу и мы сейчасъ же пошли въ сопровожденіи двухъ конвоировъ. Кромѣ меня съ Петромъ, въ нашей партіи находились еще два еврея и одинъ русскій парень. Пройдя около четырехъ верстъ, мы подошли къ пограничному посту, одинокому зданію, окна котораго свѣтились издалека. Вокругъ пустынно, внутри чисто, — большая комната заполнена койками для команды, въ углу сидитъ корректный, но не общительный начальникъ поста. Надъ нимъ большой портретъ Ленина, портреты другихъ видныхъ большевиковъ, большая красная звѣзда и на бумажныхъ лентахъ большевицкія изреченія. У входа сосудъ съ водой, вѣроятно, кипяченой и съ надписью — «не пейте сырой воды». Въ одномъ изъ Г. П. У. я видѣлъ листовку относительно борьбы съ сифилисомъ, обясняющую, что эта болѣзнь — нечастье, но не позоръ, котораго слѣдовало бы стыдиться и скрывать.

Минутъ черезъ сорокъ, когда совсѣмъ стемнѣло, насъ повели къ польской границѣ. Я просилъ красноармейцевъ такъ насъ подвести, чтобы не попасться польской стражѣ. Они сказали, что такъ всегда и дѣлаютъ. Минутъ черезъ двадцать они остановились и мы пошли подъ предводительствомъ Петра, который заработалъ на этой операціи у партіи долларовъ сорокъ. Опять пошли пѣшкомъ полями. Сначала было темно. Вслѣдствіе бывшаго дождя, мѣстами скользко и я нѣсколько разъ упалъ. Перелѣзли нѣсколько изгородей. Черезъ часъ взошла луна.

Когда она пряталась за тучи, мы шли гуськомъ, когда появлялась — прятались во ржи, лежа въ ней иногда минутъ пятнадцать. Какая красота смотрѣть прильнувъ къ землѣ сквозь высокую запутанную рожь на полную луну и серебристые облака; совсѣмъ тропическій, фантастическій пейзажъ! «И въ полѣ каждая былинка и въ небѣ каждая звѣзда» чудесны въ этомъ пейзажѣ.

Заляжетъ впереди Петръ и мы всѣ ложимся, когда забрешетъ вдали собака или послышится стукъ колесъ или почудится какой либо шорохъ. Разъ стукъ колесъ сталъ приближаться все ближе и ближе, какъ будто ѣхали совсѣмъ на насъ, слышенъ былъ разговоръ ѣдущихъ, очевидно дорога подошла совсѣмъ близко къ тому мѣсту, гдѣ мы лежали. Хоть мнѣ въ Польшѣ не угрожала уже такая опасность, какъ въ Россіи, но все-таки не хотѣлось попадаться въ такомъ видѣ, въ такомъ мѣстѣ и безъ паспорта польскимъ властямъ во избѣжаніе хлопотъ и проволочки.

Пройдя отъ границы версты три, въ часъ ночи мы дошли до деревни, гдѣ и заночевали. На этотъ разъ переходъ границы былъ не такъ утомителенъ: ночь была прохладная и полями мы крались только въ Польшѣ, а съ красноармейцами мы шли по дорогамъ. Да и ложились мы изъ за луны разъ пятнадцать. Запрятавъ троихъ нашихъ компаньоновъ въ коноплѣ, Петръ провелъ меня снова огородами и черезъ плетни къ задней двери хаты, постучалъ тихонько въ окно, устроилъ меня, а самъ вернулся къ троимъ и провелъ ихъ куда то въ другую деревню.

14 іюля. Я помѣстился въ чистой клунѣ при хатѣ, и съ удовольствіемъ послѣ стольких дней, проведенныхъ на голомъ полу и на нарахъ, растянулся на душистомъ сѣнѣ. Здѣсь мнѣ пришлось переночевать двѣ ночи, такъ какъ Петръ ѣздилъ въ городъ узнавать у другого Петра относительно моего паспорта. Оказывается, онъ отослалъ его уже моему знакомому въ Варшаву. Днемъ тоже приш-

лось въ темнотѣ проваляться на сѣнѣ изъ опасенія сосѣдей и стражниковъ. Когда стемнѣло я сидѣлъ въ хатѣ. Моимъ хозяиномъ оказался семидесятилѣтній хохолъ. Прелестный пятилѣтній внукъ его съ голубыми ясными глазами, въ большой отцовской шляпѣ, пряталъ меня отъ оконъ въ уголъ, чтобы съ улицы не замѣтили. Пограничный промыселъ обогащаетъ населеніе, но и развращаетъ его.

15 іюля. Въ три часа ночи старикъ-хозяинъ повезъ меня на подводѣ на станцію за 50 верстъ, такъ какъ безъ паспорта и спеціальнаго разрѣшенія я не могъ ѣхать въ пограничной полосѣ по желѣзной дорогѣ, хотя послѣдняя польская станція Могиляны была подъ бокомъ. Къ счастью въ мѣстечкѣ Здолбуново по средамъ бываетъ базаръ; когда разсвѣло, ѣхало много подводъ и мы не обратили на себя вниманія. Проѣхавъ богатыя чешскія колоніи, дремучій казенный лѣсъ, бывшій удѣльный, и покормивъ лошадей на базарной площади Здолбунова, мы объѣхали г. Ровно и прибыли на станцію. Въ поѣздѣ къ счастью паспорта не справшивали и я благополучно пріѣхалъ въ Варшаву, гдѣ польскія власти съ большой предупредительностью продлили мнѣ визу на моемъ просроченномъ паспортѣ, благодаря чему, я могъ пожить и отдохнуть болѣе мѣсяца въ имѣніи моихъ пріятелей на Волыни.

**
*

Какія я могу сдѣлать заключенія изъ моей краткой неудавшейся поѣздки? Мнѣ проводникъ предлагалъ идти черезъ два дня вновь въ Россію въ другомъ мѣстѣ, какъ и дѣлаютъ, въ случаѣ неудачи большинство перебѣжчиковъ. Если бы мнѣ не угрожала такая опасность по политическимъ соображеніямъ при вторичной поимкѣ, а главное — не было бы ослабляющаго желудочнаго заболѣванія, то я навѣрно и рѣшился бы на это.

Я пріобрѣлъ цѣнныя техническія свѣдѣнія относитель-

но перехода границы, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать.

Съ населеніемъ, кромѣ арестованныхъ, мало общался наединѣ и по случаю полевыхъ работъ, преимущественно говорилъ съ стариками. Старики опредѣленно говорятъ, что прежде жилось лучше, всего было вдоволь и дешевле стоило. Но ссылаясь на экономическія условія, политическихъ соображеній они обыкновенно не высказываютъ, когда же и относились отрицательно къ красной власти, то о преимуществѣ какого-либо государственнаго строя не говорили, упорно возвращаясь къ экономической, а отчасти моральной разрухѣ при большевикахъ. Этимъ какъ бы подтверждается мой давнишній, уже пятилѣтній, прогнозъ, что послѣ всего пережитаго, у крестьянина явится прежде всего не тоска по царю, или президенту, сидящимъ въ Москвѣ, или въ Петроградѣ, а грубо выражаясь, тоска по городовому, то-есть по твердой и законной власти, опирающейся на вооруженную силу и охраняющей его и его трудъ на принадлежащемъ ему клочкѣ земли. Но это уже мои субъективныя убѣжденія и впечатлѣнія.

Я привелъ въ моемъ повѣствованіи по возможности объективный, правдивый фактическій матерьялъ, скорѣе нѣсколько штриховъ въ добавленіе къ имѣющемуся уже обширному матерьялу къ характеристикѣ большевицкой власти. Мои наблюденія кратковременны, случайны, вглубь Россіи мнѣ не удалось проникнуть, но нѣкоторый интересъ они могутъ представить, такъ какъ матерьялъ этотъ выхваченъ въ глухой приграничной мѣстности съ ея боевымъ характеромъ, гдѣ ничего не было показного, какъ это можетъ быть въ большихъ центрахъ; къ тому же это наблюденіе не туриста, а арестанта, не только наблюдавшаго, но и испытавшаго не себѣ эту власть въ мелкихъ ячейкахъ Г. П. У.

Но мои русскіе и польскіе пріятели въ Варшавѣ, когда я имъ сдѣлалъ сообщеніе о моей неудавшейся попыт-

кѣ, настаивали, чтобы я высказался о прочности, по моимъ наблюденіямъ, большевицкой власти. Того же, можетъ быть, хотятъ и нѣкоторые читатели. Тогда перейдемъ опять въ область субъективнаго.

A priori можно сказать, что власть, построенная подъ видомъ равноправія на неравенствѣ классовъ и на классовой враждѣ, власть разрушающая, но не созидающая — непрочна, какъ зданіе, построенное на пескѣ. Я же лично за эту недѣлю осязательнѣе, нагляднѣе осозналъ характеръ этой власти, чѣмъ за всѣ годы эмиграціи по отзывамъ другихъ. И, шагая въ партіи арестантовъ по сыпучимъ пескамъ Славуты, слушая заученныя формулы самоувѣренныхъ въ своихъ энциклопедическихъ познаніяхъ, но невѣжественныхъ по существу красноармейцевъ, я осязательно представилъ себѣ, что несомнѣнно налаженный военно-полицейскій административный аппаратъ большевиковъ представляетъ изъ себя какъ бы тяжелый желѣзный стержень, глубоко вотнутый въ песокъ, и который, какъ бы зыбокъ не былъ песокъ, можетъ долго еще простоять безъ сильнаго толчка, или упорнаго раскачиванія его.

Таковы законы равновѣсія, таковы вѣчные и непреложные законы природы, какъ и сіяніе вѣчной красы природы, несмотря на уродливыя подчасъ уклоненія вѣнца природы — человѣка. Теперь, когда я отдохнулъ отъ физическихъ и моральныхъ переживаній моей поѣздки, выпуклѣе передо мной вырисовывается краса малороссійской природы въ эту іюльскую недѣлю, выхваченную изъ моего эмигрантскаго быта, несмотря на необычность условій, въ которыхъ пришлось эту недѣлю прожить.

Августъ 1924 г.
С. Городокъ, Ровенскаго уѣзда.
Польская Волынь»

Такимъ образомъ, мнѣ не удалось проникнуть въ Россію. О «засыпкѣ рва» между нами и большевиками не

можетъ быть рѣчи, слишкомъ велико этико-политическое различіе. Но перепрыгивать черезъ ровъ слѣдуетъ, хотя бы и съ нѣкоторымъ рискомъ сломать шею. То, что я не сломалъ себѣ шеи показываетъ, что болѣе молодымъ и менѣе меня извѣстнымъ по общественно-политической дѣятельности людямъ это не такъ трудно.

Если я упоминаю о красѣ природы въ своемъ повѣствованіи, даже словами Іоанна Дамаскина, то все же я менѣе, чѣмъ онъ въ изображеніи А. Толстого, сентименталенъ. Тотъ говоритъ:

«И посохъ свой благославляю,
И эту бѣдную суму,
И въ полѣ каждую былинку.
И въ небѣ каждую звѣзду».

Былинками и звѣздами я восхищался, но къ палкѣ своей оставался равнодушенъ, а суму мою готовъ былъ подчасъ проклясть, такъ какъ она рѣзала мои бѣдныя плечи.

Жизнь моя въ Варшавѣ и на Волыни и близкое знакомство съ перебѣжчиками показали мнѣ, насколько ошибочна окраинная политика поляковъ и относительно русскаго меньшинства. Не буду говорить о томъ, что узналъ въ Варшавѣ отъ другихъ, отъ русской общественности, группирующейся около Русскаго Дома, Русскаго Комитета и газеты «За Свободу» (Арцыбашевъ, Философовъ), кратко разскажу лишь видѣнное мной.

Правда, поляки знали лишь двѣ Россіи, царскую, участвовавшую въ дѣлежѣ Польши и чинившую ненужныя національныя ущемленія, противъ которыхъ русское прогрессивное общество боролось, и Россію большевицкую, а потому нельзя требоватъ отъ обывательской массы, не учитывающей настроенія русской интеллигенціи, любви къ Россіи. Но здоровый эгоизмъ долженъ былъ бы подсказать польскимъ государственнымъ дѣятелямъ и политикамъ, испытавшимъ на себѣ недостатки русской поли-

тики, пагубность не только повторенія, но и углубленія ея недостатковъ въ области культурной, церковной и національной. Националистическая, шовинистическая политика даетъ всегда обратные результаты.

Впослѣдствіи въ Бесарабіи я убѣдился, что и политикя Румыніи грѣшитъ тѣми же, если не большими недостатками.

Въ большіе праздники по новому стилю, введенному правительствомъ при помощи автокефальной церкви, всѣ церкви на Волыни пусты, а въ будничную службу, въ дни праздниковъ по старому стилю — переполнены. Страсти въ защитѣ Тихоновской церкви и стараго церковнаго стиля противъ автокефаліи разгорѣлись до того, что архимандритъ застрѣлилъ митрополита Георгія за введеніе имъ автокефаліи и отдѣленія отъ Тихоновской церкви, и, horribile dictu, большинство русскихъ было на сторонѣ убійцы.

Какъ я могъ убѣдиться на Волыни, изъ казенныхъ учрежденій сплошь увольняются всѣ русскіе, православные, которые, лишенные заработка, устремляются въ Россію. Среди перебѣжчиковъ въ Россіи я встрѣчалъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, напримѣръ, семью изъ Нѣжина, нѣкоторые изъ которыхъ работали десятки лѣтъ и теперь остались безъ мѣста. Большевики же щеголяютъ тѣмъ, что принимаютъ на службу и поляковъ, и евреевъ. Въ связи съ этимъ и другими политическими и экономическими условіями большевицкій режимъ въ пограничномъ районѣ представляется населенію земнымъ раемъ и очень многіе переходятъ границу. Поляки — хорошіе пропагандисты для большевиковъ.

Когда я разсказывалъ премьеру Грабскому мои впечатлѣнія о Волыни и о путешествіи въ Россію, онъ два раза меня съ интересомъ выслушалъ и соглашался съ моей оцѣнкой недостатковъ польской окраинной политики, которая и въ сеймѣ, и въ прессѣ тоже сильно критикуется. Онъ указывалъ на трудности молодой государст-

венности и на то, что имъ предпринято для устраненія недостатковъ. Зная Грабскаго, какъ умнаго и широкаго политическаго дѣятеля, я ему вѣрю. Но и тутъ повторяется старая исторія: поляковъ въ Петербургѣ бывало встрѣчали всегда крайне любезно, обѣщали устранить несправедливыя стѣсненія и виновныхъ въ нихъ лицъ, а на мѣстахъ, на дѣйствіяхъ мѣстной администраціи это ничуть не отражалось.

Я прожилъ еще и отдохнулъ въ концѣ лѣта полтора мѣсяца на Волыни у Штейнгеля въ его старой усадьбѣ на островѣ въ десять десятинъ на запруженной рѣкѣ. Я ходилъ съ ружьемъ на утокъ по зарослямъ рѣчки въ холмистыхъ берегахъ покрытыхъ дубовымъ лѣсомъ, съ бѣлыми мазанками и селами, ѣздили мы на именины къ сосѣднему батюшкѣ, на пикникъ, словомъ — вспомнилъ старую русскую жизнь.

Изъ Варшавы я выѣхалъ въ Парижъ въ концѣ сентября, когда Саксонскій Садъ и чудные парки Лозенокъ и Бельведера уже позолотились.

На этотъ разъ въ Парижѣ пришлось въ послѣдній разъ и не надолго, остановиться въ посольствѣ и на миломъ лѣвомъ берегу, который я полюбилъ за эти годы бѣженства. Вскорѣ состоялось признаніе Франціей Эріо большевиковъ и сдача имъ посольства со всѣмъ его имуществомъ. Одного массивнаго столоваго серебра было на много сотенъ тысячъ, которое большевики все равно должны были ликвидировать изъ за литого государственнаго герба на немъ. Вывезенъ былъ только архивъ за послѣдніе семь лѣтъ, съ дѣлами, на которыя у большевиковъ не имѣлось въ Петроградѣ въ министерствѣ копій. Серпъ и молотъ и красный флагъ замѣнили государственный гербъ и флагъ на старомъ особнякѣ аристократической улицы Гренелль...

А парижская общественность все объединялась и возглавлялась, а М. М. Федоровъ все хлопоталъ...

Вопросъ о возглавленіи бѣженства В. Кн. Николаемъ

Николаевичемъ длится уже годами. Его политическая фигура растетъ, благодаря его нѣсколькимъ интервью съ дѣйствительно національной, надпартійной платформой, всецѣло воспріявшей лозунги Добрарміи, и благодаря **мудрой** его позиціи, отклоняющей суетню около его особы правыхъ, и, частью, военныхъ, желающихъ провозгласить его вождемъ съ безоговорочнымъ ему подчиненіемъ, то есть произвести его въ диктаторы въ безвоздушномъ пространствѣ эмиграціи. Лавры Голицыныхъ-Муравлиныхъ не даютъ, очевидно, многимъ покоя и они стремятся ко второй «Кирилліадѣ». В. Кн. Николай Николаевичъ благосклонно, какъ ему и подобаетъ, принимая всѣхъ, въ то же время отклоняетъ «до Россіи» предложенія не въ мѣру услужливыхъ друзей и говоритъ то же, что и Гоголевская невѣста, но въ болѣе вѣжливой формѣ: — Отойдите... господа! — Отъ этого его политическій обликъ отнюдь не умаляется; напротивъ. И правые своей немудрой политикой сыграли пожалуй положительную, но неблагодарную роль — repoussoir'а для его мудрой политики.

Если бы въ Англіи случилось что либо подобное русской революціи, то вождемъ вѣроятно у нихъ былъ бы не принцъ Валійскій или Іоркскій, а генералъ Китченеръ или другой генералъ.

Въ Германіи и монархисты оказались умнѣе русскихъ монархистовъ. Они оставляютъ Гогенцоллерновъ пока въ покоѣ и вождями монархистовъ и націоналистовъ являются не Кронпринцъ или Эйтель-Фридрихъ, а генералы Гинденбургъ и Людендорфъ. Мало того, монархистъ Гинденбургъ дѣлается президентомъ республики.

У насъ, къ сожалѣнію, не выдвинулся генералъ, за которымъ пошли бы всѣ военные и преобладающее большинство эмиграціи. Таковымъ явился В. Кн. Николай Николаевичъ. Вспомнимъ еще разъ, что намъ писалъ Щепкинъ въ 1919 году изъ Москвы передъ своимъ разстрѣ-

ломъ — «... если за этой властью идутъ войска, то какова бы она ни была, она должна быть признана всѣми».

И потому мы готовы признать власть Николая Николаевича, когда наступятъ время и условія, о которыхъ онъ самъ говоритъ, **несмотря** на то, что онъ Великій Князь, тогда какъ монархисты признаютъ его **потому что** онъ Великій Князь. Мы его пріемлемъ, вѣря въ его національную надпартійность, цѣня его мудрую, осторожную позицію, которая зачастую раздражаетъ правыхъ.

Монархистъ Гинденбургъ совершенно для него неожиданно оказался президентомъ и корректнымъ слугой Германской Республики. Для него — Deutschland, Deutschland über alles.

Таковымъ же мы пріемлемъ и монархиста Николая Николаевича, для котораго тоже: Россія, Россія превыше всего, который готовъ отдать свою жизнь на освобожденіе Родины, независимо отъ того будетъ ли въ ней монархія или республика. Три года уже я провожу эту линію по отношенію къ Николаю Николаевичу въ Національномъ Комитетѣ и большинство его, какъ мнѣ кажется, теперь придерживается тѣхъ же взглядовъ. А сколькіе топорные политики говорили, что я иду противъ Николая Николаевича и арміи!

Въ концѣ лѣта 1925 года стало выходить «Возрожденіе» подъ редакціей нашего стараго друга — Струве, газета наиболѣе близкая къ лозунгамъ арміи и Національнаго Комитета. Одно имя Струве гарантируетъ, что эта большая газета, будетъ чистой и культурной и я очень надѣюсь, что она станетъ неофиціальнымъ органомъ арміи. «Возрожденіе» заполнило пробѣлъ между «Послѣдними Новостями» и монархическими листками, въ чемъ ощущалась насущная потребность.

Но, привѣтствуя появленіе «Возрожденія», редактируемаго товарищемъ предсѣдателя Національнаго Комитета Струве, во избѣжаніе недоразумѣній президіумъ Національнаго Комитета счелъ нужнымъ отмежеваться отъ га-

зеты и заявить, что она отнюдь не является его офиціозомъ. Такъ какъ Струве не пожелалъ этого сдѣлать въ «Возрожденіи», то я, тоже товарищъ предсѣдателя Національнаго Комитета, сдѣлалъ это въ Рижской газетѣ «Слово».

Въ чемъ же различіе? Во-первыхъ «Возрожденіе» имѣетъ явный уклонъ къ монархизму въ своей идеологіи, тогда какъ Національный Комитетъ строго надпартіенъ. Индивидуалистъ Струве съ своей газетой является лишь однимъ изъ теченій, представленныхъ въ коалиціонномъ Національномъ Комитетѣ. Струве сузилъ политическій діапазонъ «Возрожденія» сравнительно съ болѣе широкимъ объединеніемъ Національнаго Комитета. Отсюда разница и въ вопросахъ тактики. Такъ, напримѣръ, Струве считаетъ умѣстнымъ и полезнымъ настойчиво подчеркивать происхожденіе Николая Николаевича отъ «царскаго корня», фактъ и безъ него всѣмъ хорошо извѣстный. Этимъ подчеркиваніемъ онъ только суживаетъ сферу вліянія Николая Николаевича. Онъ его представляетъ эмиграціи не русскимъ Гинденбургомъ, а какимъ-то Эйтель-Фридрихомъ, то есть скорѣе умаляетъ его фигуру.

Вотъ нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ, не особенно для широкой публики осязательныхъ расхожденій нашихъ съ «Возрожденіемъ», газетой дѣйствительно національной и не узко-партійной.

Я пробылъ на этотъ разъ въ Парижѣ вслѣдствіе моей бѣдности безвыѣздно полтора года. Ни разу въ жизни столько не прожилъ на одномъ мѣстѣ. Уѣхалъ я по личнымъ дѣламъ въ началѣ марта, когда часть эмиграціи очень ужъ рьяно и съ большими чаяніями готовилась къ... объединенію и возглавленію на Зарубежномъ Съѣздѣ.

Послѣ роскошнаго дворца посольства за эти полтора года я жилъ и въ хорошей комнатѣ у родственниковъ и въ маленькой гостинницѣ на пятомъ этажѣ, а послѣднюю

зиму въ пятидесяти-франковой холодной мансардѣ съ керосиновымъ освѣщеніемъ и отопленіемъ, на седьмомъ этажѣ, поднимаясь по крутой черной лѣстницѣ, совершенно темной.

Одинъ изъ немногихъ моихъ пріятелей, рискнувшихъ подняться ко мнѣ, тяжело дыша, говорилъ, что и высоко же я забрался. На это я ему показалъ изъ моего круглаго окна въ скатѣ крыши чудный видъ на кишащую внизу авеню, на Тріумфальную Арку и Эйфелеву башню вдали и сказалъ, что въ бѣженствѣ я подымаюсь все выше и выше, а не опускаюсь.

Кн. Павелъ Долгоруковъ.

Кишиневъ. 1926 г.

ДЕСЯТЬ ПАСХЪ

Москва, Москва, Екатеринодаръ, Сочи, Константинополь, Бѣлградъ, Парижъ, Варшава, Парижъ, Кишиневъ; вотъ, гдѣ мнѣ пришлось встрѣтить послѣднія Пасхи, вотъ, какъ пришлось скитаться въ бѣженствѣ!

1917 годъ. Въ Московскомъ Кремлѣ. Несмотря на неудачную войну и февральскую революцію, Москва въ последній разъ встрѣчала Праздникъ съ обычной торжественностью. Масса народу въ соборахъ и на площади, гулъ колоколовъ, обиліе свѣта отъ свѣчей и плошекъ. На Святой я вмѣстѣ съ другими поѣхалъ отъ Государственной Думы на фронтъ, который уже въ значительной мѣрѣ сталъ разлагаться, бесѣдовать съ войсками. Мою рѣчь я начиналъ съ «Христосъ Воскресе!» съ привѣтомъ отъ Москвы, гулъ колоколовъ которой еще у меня въ ушахъ... Сотенная или тысячная толпа солдатъ отвѣчала мнѣ — «Воистину Воскресе!»

1918 годъ. Опять **Московскій Кремль.** Зимой я былъ арестованъ и сидѣлъ съ Шингаревымъ и Кокошкинымъ въ Петропавловской Крѣпости. Вышелъ я изъ Крѣпости уже одинъ. Кремль держался на запорѣ засѣвшими въ немъ большевиками. На Пасху они его открыли для публики. Но Свѣтлая Ночь почему-то была совершенно темна въ Кремлѣ и площади его не были освѣщены. Народу было очень мало, въ соборахъ и на соборной площади совершенно просторно. Площадь во время Крестнаго хо-

да была освѣщена нѣсколькими плошками на Иванѣ Великомъ и рѣдкими свѣчами въ рукахъ людей. Было мрачно и зловѣще. Объ обычной торжественности и помину нѣтъ. Даже колокола Московскіе, казалось, менѣе весело, какъ то глухо перекликались. Разговлялся я у овдовѣвшей недавно М. Ф. Кокошкиной.

1919 годъ. Екатеринодаръ. Соборъ переполненъ, трудно войти. На площади ожидаемъ Крестнаго хода. Теплая южная ночь благодатной Кубани. Много Московскихъ друзей, здѣшніе новые пріятели. Въ склепѣ величественнаго собора прахъ Алексѣева, впослѣдствіи вывезенный, а на возвышенномъ берегу Кубани около Екатеринодара бѣлѣетъ деревянный крестъ надъ могилой Корнилова у фермы, гдѣ онъ былъ убитъ снарядомъ. Передъ приходомъ большевиковъ, тѣло его перенесли в другое мѣсто, но оно было ими найдено и подверглось поруганію на улицахъ Екатеринодара... Но въ эту тихую Пасхальную ночь мы не предвидѣли страстныхъ седмицъ, которыя пришлось намъ вскорѣ пережить; положеніе наше окрѣпло, лѣтомъ мы перебрались въ Ростовъ; вышли на большую Московскую дорогу. Въ эту благостную южную ночь мы надѣялись черезъ годъ услышать другіе, далекіе пасхальные колокола, теперь еще болѣе далекіе...

1920 годъ. Послѣ оставленія Ростова и злополучной эвакуаціи Новороссійска, я передъ Севастополемъ пробылъ мѣсяцъ въ Феодосіи и жилъ въ одномъ домѣ съ французской военной миссіей. Передъ Пасхой французы получили распоряженіе послать транспортное судно въ **Сочи** за бѣженцами. Такъ какъ въ Сочи находился мой братъ съ семьей, которому пора было эвакуироваться, то я прикомандировался къ молодому лейтененту въ качествѣ переводчика и помощника. Въ Великую Субботу мы выѣхали. Море было совершенно спокойное. Мы съ лейтенантомъ были одни, ѣхали какъ бы на своей яхтѣ.

Стрѣляли въ кувыркающихся дельфиновъ. Къ Сочи подъѣхали въ Пасхальное Воскресенье на разсвѣтѣ. Кавказское побережье агонизировало. Отступающіе отъ Туапсе войска разрозненными группами тянулись по шоссе. Въ гостинницѣ «Ривьера» мы посѣтили генерала Шкуро, принявшаго командованіе надъ этими войсками. Затѣмъ у него разгавливаніе съ выпивкой. Тутъ же духовенство приходитъ съ крестомъ и поетъ «Христосъ Воскресе»! Показалъ молодому французскому лейтенанту характерную русскую бытовую картину. Принявъ на бортъ болѣе тысячи бѣженцевъ, мы въ тотъ-же вечеръ отплыли на Ялту.

1921 годъ. Послѣ паденія Севастополя, Босфоръ въ изумрудныхъ берегахъ и мы въ изгнаніи. Полтора года пришлось прожить въ шумливомъ, красочномъ **Константинополѣ**, съ его чуднымъ Стамбуломъ, Золотымъ Рогомъ и живописными панорамами Босфора и Принцевыхъ острововъ. Не мало бѣды перевидало здѣсь русское бѣженство и армія въ Галлиполи и на Лемносѣ. Въ Пасхальную ночь маленькая посольская церковь переполнена. Стоятъ на лѣстницѣ, во дворѣ, усердно молятся о скоромъ (!) возвращеніи. Свѣжая ночь. Вѣтеръ задуваетъ свѣчи. На этомъ посольскомъ дворѣ цѣлыми днями толпятся бѣженцы, много военныхъ, не выдержавшихъ или побоявшихся Галлиполійскаго испытанія. Вѣтеръ, задувающій наши свѣчи, колышетъ послѣдній Андреевскій флагъ на маленькомъ «Лукуллѣ», на которомъ живетъ Врангель. Но скоро и этому флагу суждено было опуститься со своей мачтой на дно Босфора, а вслѣдствіе безправія русскихъ на чужбинѣ, виновники этого злодѣянія среди бѣла дня даже не были привлечены къ отвѣтственности.

1922 годъ. Въ Бѣлградѣ пришлось прожить тоже полтора года. Сюда пріѣхалъ изъ Константинополя Вран-

гель съ своимъ штабомъ. Видъ русскаго губернскаго города. Русская ширь. Сліяніе у города Саввы съ Дунаемъ, напоминаетъ Нижній. Въ маленькой русской церкви на старой «гроблѣ» (кладбище), которое теперь посереди города, идетъ Пасхальная заутреня. Большинство стоитъ вокругъ церкви. Черезъ открытыя низкія окна слышно богослуженіе. Вѣтра нѣтъ и свѣчи не гаснутъ на воздухѣ. Впослѣдствіи въ эту церковь перенесено было большинство знаменъ, съ русской честью вывезенныхъ изъ Россіи. Теперь они оберегаются тамъ днемъ и ночью почетнымъ карауломъ отъ Союза Офицеровъ. Немало въ этой церкви мы отпѣвали нашихъ друзей и товарищей, которыхъ приняла въ свое гостепріимное лоно старая гробля за городомъ... Армія и бѣженство томятся на чужбинѣ и въ Свѣтлую Заутреню молятся о воскресеніи Россіи.

1923, 1925 г. г. Первую Пасху я провелъ въ Парижѣ, когда я на два мѣсяца пріѣзжалъ по общественно-политическимъ дѣламъ изъ Бѣлграда и остановился у Маклакова въ посольствѣ. Хорошъ Парижъ весной, съ его чудными парками и авеню. Въ Свѣтлый Праздникъ верхняя и нижняя церкви не могутъ вмѣстить всѣхъ молящихся и дворъ полонъ народу. И въ обычные воскресные дни во время обѣдни здѣсь толпится много народу. Здѣсь встрѣчаются знакомые, разговариваютъ, а потому дворъ этотъ прозванъ «брехаловкой», которая войдетъ въ исторію русскаго бѣженства. Въ Свѣтлую Ночь въ церкви и на дворѣ «весь Петербургъ», «вся Москва». Парижъ все болѣе и болѣе притягиваетъ къ себѣ бѣженство, Берлинъ и Балканы пустѣютъ и въ 1925 году это уже «вся Россія», это дѣловой, рабочій, финансовый, политическій, культурный и церковный центръ, это зарубежная русская столица. Теперь переполненіе еще болѣе, но церковная жизнь сосредоточивается не только на улицѣ Дарю, «Христосъ Воскресе» раздается и въ маленькихъ церковкахъ въ при-

городахъ Парижа, близъ заводовъ, на которыхъ работаютъ бѣженцы. И ихъ обходятъ маленькіе, но торжественные крестные ходы съ мерцающими огоньками. И въ самомъ Парижѣ пасхальная служба совершается въ недавно учрежденномъ Сергіевскомъ подворьѣ, въ его величественномъ, стильномъ, древне русскомъ по росписи храмѣ. Противъ церкви на улицѣ Дарю во время заутрени бойко торгуютъ предметами разгавливанія русскіе гастрономическіе магазины и ресторанчики. Ближайшіе улицы de la Néva и Pierre le Grand полны автомобилей и автобусовъ. Пасху 1925 года мнѣ пришлось уже жить въ скромной комнатѣ, такъ какъ большевики, признанные Франціей (Эріо), заняли передъ Рождествомъ посольство.

1924 годъ. Четыре весеннихъ мѣсяца я провелъ въ Польшѣ, подготовляясь къ моему путешествію въ Россію, и на Пасху я былъ **въ Варшавѣ.** Съ православнаго собора только что начали снимать обшивку куполовъ. Величественное зданіе трудно поддавалось разрушенію и затѣмъ еще потребовалось для этого два года. Разрушена тоже хорошенькая церковь Гродненскаго гусарскаго полка. Пасхальная служба происходила въ старомъ соборѣ на Прагѣ и въ домовой церкви на Медовой. Народу очень много. Съ введеніемъ автокефаліи православной церкви въ Польшѣ введенъ и новый стиль церковный. Борьба за старый стиль велась здѣсь отчаянная. Дошло до того, что архимандритъ, сторонникъ Тихоновской церкви и стараго стиля, застрѣлилъ митрополита Георгія, совмѣстно съ польскимъ правительствомъ вводившаго автокефалію польской церкви и новый стиль. И, horribile dictu, большинство русскихъ сторонниковъ Патріарха Тихона, сочувствовали убійцѣ! Заставить крестьянъ перейти на новый церковный стиль оказалось не такъ то легко. Какъ въ Пасхалную Заутреню, такъ и въ другіе праздники, церкви пусты, а на обѣднѣ очередному

святому въ дни праздниковъ по старому стилю, церкви полны. Я прожилъ близъ совѣтской границы на Волыни нѣсколько мѣсяцевъ среди чисто русскаго, малороссійскаго населенія и наблюдалъ эту упорную его борьбу за старый стиль, съ которымъ принуждены были считаться въ концѣ концовъ и администрація и церковное начальство. Среди духовенства эта мѣра внесла расколъ. Тѣхъ, которые въ угоду начальству не служили въ будни, когда по старому стилю были праздники, населеніе стало бойкотировать и ѣздить въ сосѣдніе приходы...

Варшава съ своими скверами и парками, особенно Лозенки и Бельведеръ, весной красива и нарядна.

1926 годъ. Кишиневъ. Вопросъ о новомъ церковномъ стилѣ въ Бесарабіи, введенномъ румынской автокефальной церковью, также остро воспринимается русской публикой, какъ и въ Польшѣ. Въ русскихъ церквахъ требуется пѣніе и произнесеніе нѣсколькихъ молитвъ по румынски! Когда въ большинствѣ русскихъ церквей Пасха была уже отпразднована, на Страстной недѣлѣ по старому стилю, было опубликовано распоряженіе новаго министерства ген. Авереско о невчиненіи препятствій справлять праздники по старому стилю. Епископъ Гурій, подчиняясь автокефальному синоду, не разрѣшалъ этого. Произошло смятеніе и смѣшеніе. Въ нѣкоторыхъ церквахъ произошло вродѣ двойного отправленія пасхаліи. Въ двухъ маленькихъ домашнихъ церквахъ, одна противъ другой, въ которыхъ Пасха по новому стилю не справлялась, — торжественное служеніе по старому стилю. Сначала крестный ходъ изъ одной церкви, потомъ изъ другой. Такъ какъ церкви крошечныя, то заутреня служится на улицѣ, передъ пріютской церковью. Тысячная толпа заполняетъ всю улицу. Погода теплая и совершенно тихая. Свѣчи горятъ, какъ въ комнатѣ. Эта заутреня на

улицѣ, обсаженной, начинающей распускаться бѣлой акаціей, удивительно торжественна и живописна.

Какъ и на Волыни два года тому назадъ, здѣсь чувствуешь себя, какъ бы въ Россіи. И радостно, и тяжело.

Кн. Пав. Долгоруковъ.

1927 годъ. Одиннадцатая Пасха и послѣдняя *. «Харьковъ, Г. П. У. Чернышевск. ул. 9/У, 27. Христосъ Воскресе! Поздравляю Васъ всѣхъ съ Праздникомъ. Получилъ 7/У твое письмо отъ 10/IУ. Открытку не получалъ до этого. Морально чувствую себя хорошо, но желудокъ въ послѣдніе мѣсяцы испортился, въ родѣ колита. У меня сломалась искусственная челюсть, что затрудняетъ жеваніе, главнымъ образомъ хлѣба (сѣраго). Что касается платья, то хотя у меня ужасная рвань, но пока я здѣсь, мнѣ ничего другого и не требуется. Относительно моей участи еще ничего не знаю. Недавно я получилъ изъ Москвы черезъ Политич. Красный Крестъ (Е. П. Пѣшкова) ватное пальто и бѣлье, котораго у меня теперь достаточно. Два раза получилъ оттуда же и припасы, что оч. пріятно. Мнѣ здѣсь сказали, что заграницей въ газетахъ появилось извѣстіе о моемъ разстрѣлѣ въ Москвѣ. Сообщи родственникамъ и друзьямъ, что я считаю извѣстіе о моей смерти по меньшей мѣрѣ преждевременнымъ. — Много читаю. Знакомлюсь съ новыми писателями, съ наслажденіемъ перечитываю Л. Толстого, Мамина-Сибир., Чехова, Лѣскова...»

---

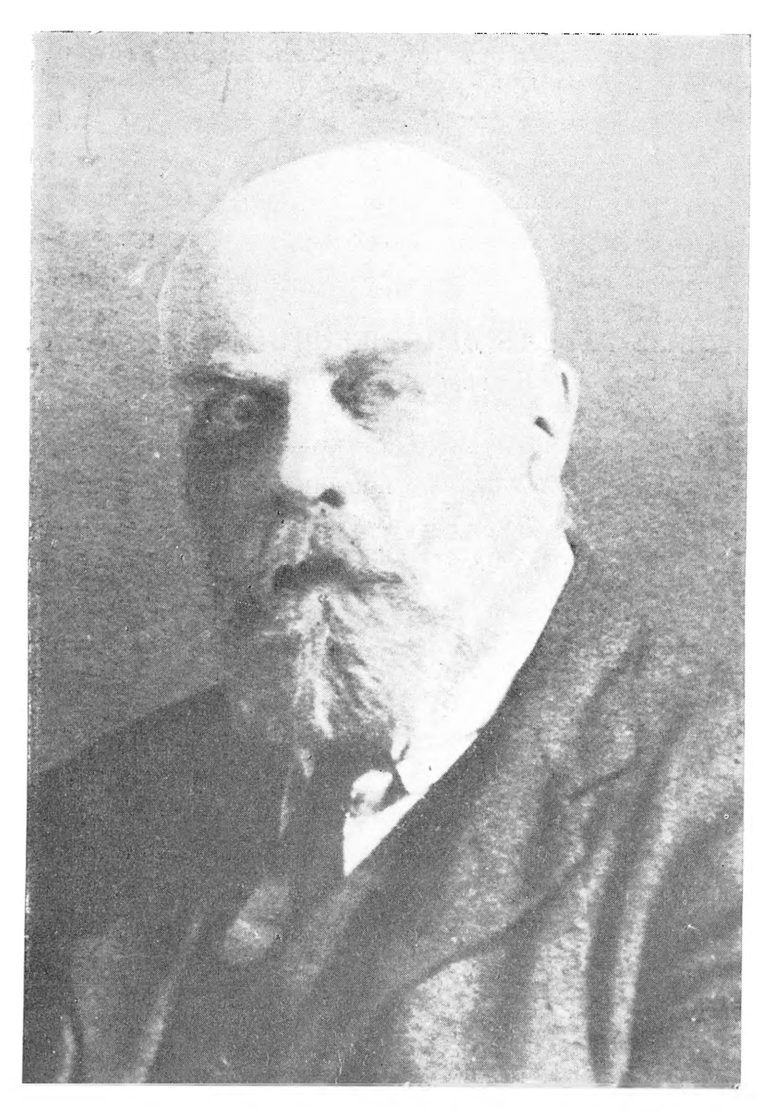
* Приводимыя здѣсь строки взяты изъ письма со штемпелемъ Харьковское Г. П. У., написаннаго Кн. Павломъ Дмитріевичемъ Долгоруковымъ его брату въ Прагу изъ тюрьмы, послѣ десяти мѣсяцевъ заключенія и за мѣсяцъ до разстрѣла.

КНЯЗЬ ПАВЕЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ДОЛГОРУКОВЪ.

(Біографическій очеркъ).

«... Мужественная душа
инстинктивно ищетъ жертвы,
случая пострадать, духовно
крѣпнетъ въ испытаніяхъ.»

Изъ «Записокъ»
Свящ. о. Ал. Елчанинова
(стр. 33.)



Князь Павелъ Дмитріевичъ Долгоруковъ, Парижъ, 1924 г.

I.

ДѢТСТВО, ГИМНАЗИЧЕСКІЕ И СТУДЕНЧЕСКІЕ ГОДЫ.

Эти отрывочныя воспоминанія не могутъ претендовать на полную біографію моего покойнаго брата, ни со стороны фактической, ни съ точки зрѣнія освѣщенія его душевнаго склада, такъ какъ мы жили вмѣстѣ лишь въ дѣтствѣ и учились въ разныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а затѣмъ на разныхъ фактультетахъ Московскаго университета. И такъ какъ я никогда не велъ никакихъ записокъ и писалъ эти воспоминанія лишь въ 1941 году, когда мнѣ было уже 75 лѣтъ и прошло болѣе полъ-столѣтія со времени нашей молодости, то многое улетучилось изъ моей памяти и «не много лицъ мнѣ память сохранила» и тѣмъ менѣе датъ. Кромѣ того у меня подъ руками почти не было печатнаго матеріала. Поэтому въ первой части моего очерка мнѣ пришлось болѣе описывать бытовую обстановку и общественную атмосферу, среди которыхъ складывалась и протекала жизнь моего брата.

Мы съ моимъ братомъ Павломъ Дмитріевичемъ были близнецы. Родились мы въ Царскомъ Селѣ 9-го мая 1866 года. По внѣшности мы были очень похожи другъ на друга, насъ и потомъ посторонніе часто смѣшивали, а новорожденныхъ насъ невозможно было различить. Послѣ крещенія, какъ гласитъ семейное преданіе, Петру была надъ колѣнкой повязана красная шерстинка, но шерстинка эта потомъ будто бы развязалась и незамѣтно упа-

ла на полъ. Увидавшая это кормилица, испугавшись, не знала, съ котораго изъ младенцевъ она упала, и повязала ею перваго попавшагося. Такимъ образомъ мы, можетъ быть, всю жизнь носили не принадлежавшіе каждому изъ насъ имена.

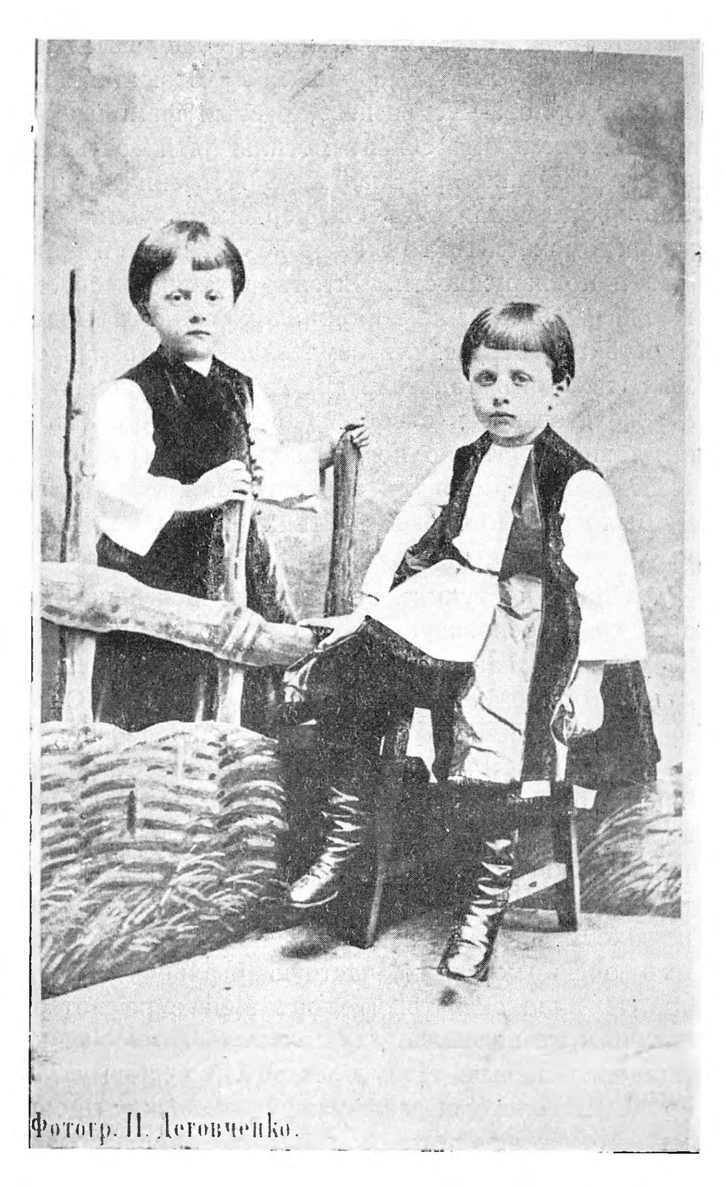
Когда намъ было всего нѣсколько мѣсяцевъ, родители наши переѣхали въ Москву, въ купленный старинный большой двухъэтажный особнякъ, около строившагося тогда Храма Спасителя. Домъ этотъ съ своими толстыми стѣнами и сводами нижняго этажа, уцѣлѣвшій отъ пожара двѣнадцатаго года, былъ съ многими надворными постройками, двумя большими дворами и огромнымъ садомъ, выходящимъ на три улицы. Приблизительно въ тѣ же годы переѣхали изъ Петербурга въ Москву и нѣкоторыя другія семьи, намъ родственныя или близкія. Въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ въ извѣстныхъ придворно-гвардейскихъ кругахъ высшаго петербургскаго общества вообще наблюдалась нѣкоторая тяга въ Москву, какъ центръ русскости и славянофильскаго теченія. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ вызвала много шуму статья Ивана Сергѣевича Аксакова подъ заглавіемъ: «Въ Москву», которая говорила о желательности возвращенія столицы изъ Петербурга въ Москву и являлась протестомъ противъ западничества и оторванности отъ народа петербургскаго періода русской исторіи. Можно вообразить, какъ перевернулся бы въ гробу Аксаковъ, если бы могъ узнать, что его призывъ былъ осуществленъ большевиками! Коренными москвичами были и идеологи только что проведенныхъ великихъ реформъ: братья Самарины, Кн. Черкасскій, Кошелевъ, съ которыми и съ ихъ семьями, а равно и съ эпигономъ славнофильства И. С. Аксаковымъ, наша мать, урожденная Графиня Орлова-Давыдова, поддерживала дружественныя отношенія. Будучи дѣтьми мы забѣгали иногда на такъ называемые «швейные вечера» моей матери. Одинъ разъ въ недѣлю по вечерамъ у нея собиралось нѣсколько десятковъ дамъ

шить для отправляемыхъ въ Сибирь семейныхъ арестантовъ, изъ находящейся около нашего дома пересылочной тюрьмы. Обыкновенно во время работы что нибудь читалось вслухъ. Помню, какъ И. С. Аксаковъ однажды читалъ отрывки изъ только что написанной имъ поэмы «Бродяга»: «Приди ты, немощный, приди, ты радостный, звонятъ ко всенощной, къ молитвѣ благостной»... Читалъ онъ нараспѣвъ, немного въ носъ, кадансируя, и подражая благовѣсту. Въ эту тюрьму, называемую Колымажнымъ дворомъ, вслѣдствіе того, что тамъ помѣщались когда то колымаги, то есть экипажи, Царя Алексѣя Михайловича, наша мать имѣла постоянный доступъ и оказывала отходящимъ въ Сибирь и звенящимъ кандалами и съ наполовину обритыми головами каторжанамъ матерьяльную и духовную помощь. Вмѣстѣ съ ней работала очаровательная старушка монахиня мать Маргарита изъ Вознесенскаго монастыря, находившагося въ Кремлѣ, который былъ также отъ насъ не далеко. На мѣстѣ Колымажнаго двора выстроенъ былъ впослѣдствіи музей Императора Александра III. Мы все дѣтство съ матерью посѣщали кремлевскія старинныя церкви, особенно прелестную церковь Спаса на Бору, а на страстной недѣлѣ Кремлевскіе соборы съ ихъ уставными богослуженіями и чуднымъ синодальнымъ хоромъ. На Святой Заутрени мы бывали въ дворцовой церкви Рождества Богородицы возлѣ старинной Грановитой Палаты, откуда смотрѣли на кишащую народомъ сначала темную соборную площадь, а затѣмъ, когда въ полночь раздавался гулкій ударъ въ колоколъ на Иванѣ Великомъ, на который сразу откликались звоны сорока сороковъ московскихъ церквей и вся площадь заполнялась огоньками тысячъ зажженныхъ свѣчей — на гирлянды крестныхъ ходовъ вокругъ соборовъ и многочисленныхъ замоскворѣцкихъ церквей. Наша мать воспитывалась въ строго религіозной православной семьѣ, но съ нѣкоторымъ протестантскимъ уклономъ, идущимъ отъ одной изъ нашихъ прабабокъ — Гр. Кел-

леръ, создательницы благотворительныхъ полумонашескихъ городскихъ и деревенскихъ женскихъ общинъ. По переселеніи въ Москву, наша мать вошла цѣликомъ въ московскую церковно-православную жизнь и посѣщала, часто вмѣстѣ съ нами, богослуженія нѣкоторыхъ священниковъ, напримѣръ, извѣстнаго тогда своимъ краснорѣчіемъ о. Ключарева, впослѣдствіи Харьковскаго епископа Амвросія. Особенно близки мы были съ умнымъ и сердечнымъ о. Іоанномъ Иванцовымъ-Платоновымъ, нашимъ духовникомъ, профессоромъ Московскаго университета и настоятелемъ церкви Александровскаго военнаго училища. Припоминается его чтеніе 12 Евангелій, когда онъ и самъ и многіе изъ стоящихъ рядомъ юнкеровъ, и изъ многочисленной публики — плакали.

Послѣ разныхъ боннъ и гувернеровъ, главнымъ образомъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, у насъ много лѣтъ былъ гувернеромъ коренной москвичъ, очень образованный и пропитанный славянофильской идеологіей П. И. Шаповаловъ.

Лѣтъ до девяти ходили мы въ русскихъ рубашкахъ, а зимой въ тулупчикахъ и мѣховыхъ шапкахъ. Лѣтомъ мы ѣздили въ наше родовое подмосковное майоратное имѣніе Волынщина, Рузскаго уѣзда. Тамъ стѣны комнатъ нижняго этажа стариннаго дома были увѣшаны портретами нашихъ предковъ по Долгоруковской линіи, исполненными большей частью извѣстными французскими портретистами. Въ домѣ и на дворѣ были выставлены отличія и военные трофеи нашихъ предковъ. А въ прiусадебной церкви, находящейся возлѣ самого дома, возвышались ихъ грандіозные надгробные памятники, начиная съ сподвижника Екатерины Кн. В. М. Долгорукова-Крымскаго. Въ Волынщинѣ мы играли съ крестянскими мальчиками, по буднямъ въ бабки, а по воскресеньямъ устраивали сраженія съ штурмомъ двухъ враждующихъ крѣпостей, устроенныхъ на обрывахъ находящагося въ паркѣ оврага. Осенью мы обыкновенно ѣздили въ подмосков-



Москва, 1872 г. (Кн. Павелъ Дмитріевичъ сидитъ).

ное имѣніе нашего дѣда Орлова-Давыдова, Отрада, Серпуховскаго уѣзда. Тамъ въ огромномъ дворцѣ Екатерининскихъ временъ были плафоны, изображающіе морскія побѣды Гр. Орлова-Чесменскаго, разныя фамильныя реликвіи и въ семейномъ склепѣ могилы пяти братьевъ Гр. Орловыхъ. Дѣдушка Гр. Владиміръ Петровичъ Орловъ-Давыдовъ воспитывался въ Оксфордскомъ университетѣ и былъ англоманомъ не только по воззрѣніямъ и привычкамъ, но и по наружности. Читалъ постоянно огромные листы "Times". Онъ былъ хорошимъ хозяиномъ и однимъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ землевладѣльцевъ. Въ сороковыхъ годахъ онъ подавалъ Императору Николаю I записку о желательности освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но по англійскому образу, то есть въ качествѣ безземельныхъ арендаторовъ. За эту записку ему было предложено выѣхать на нѣсколько лѣтъ изъ Россіи.

13-ти лѣтъ я поступилъ въ находящуюся близъ нашего дома 1-ю Московскую классическую гимназію, гдѣ раньше учился и нашъ старшій братъ, въ то время уже студентъ историко-филологическаго факультета. Онъ находился подъ вліяніемъ славянофильскаго теченія, дружилъ, какъ и мы, съ младшимъ поколѣніемъ Самариныхъ и во время русско-турецкой войны, будучи студентомъ 1-го курса, поѣхалъ съ товарищемъ своимъ по гимназіи и университету П. Н. Милюковымъ, санитаромъ въ московскій лазаретъ на Кавказскомъ фронтѣ. Братъ же Павелъ не захотѣлъ изучать классическихъ языковъ и поступилъ въ очень хорошую частную реальную гимназію Фидлера. И, надо скаяать, что онъ ничего не потерялъ, не поступивъ въ казенную классическую гимназію, которая незадолго передъ тѣмъ претерпѣла реформу Министра Гр. Д. А. Толстого, заключавшуюся, между прочимъ, въ томъ, что изъ ея программы было исключено совсѣмъ естествознаніе.

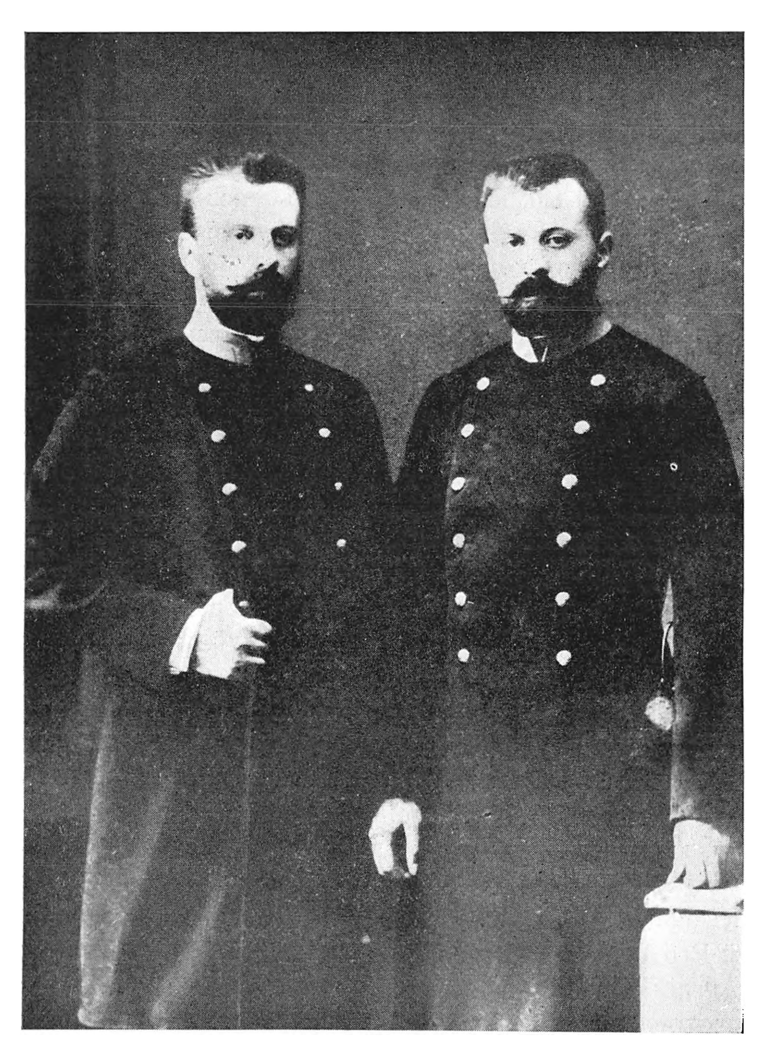
Между тѣмъ братъ имѣлъ тяготѣніе, какъ разъ къ

Москва, 1879 г. Съ матерью. (Кн. Павелъ Дмитр. сидитъ).

естественнымъ наукамъ. Для того, чтобы имѣть возможность поступить въ университетъ на естественный факультетъ, онъ по окончанiи реальнаго училища подготовился въ теченiе года къ сдачѣ экзамена зрѣлости, занимаясь древними языками съ двумя отличными преподавателями, славившейся тогда въ Москвѣ частной гимназiи Поливанова, Никольскимъ и Копосовымъ. Они оба были русскiе въ отличiе отъ большинства преподавателей древнихъ языковъ — чеховъ, наводнившихъ тогда казенныя гимназiи. Въ большинствѣ премилые люди, чехи, однако, придерживались нѣмецкаго схоластическаго и грамматическаго метода преподаванiя въ ущербъ ознакомленiю учащихся съ красотами античной культуры. Эта, такъ называемая «гимнастика ума» должна была дисциплинировать мозги молодежи и заглушать въ ней вольнодумство.

Въ университетѣ мы, — 18-ти лѣтнiе юноши, послѣ смерти матери и отъѣзда отца на постоянное житье въ имѣнiе, очутились на полной свободѣ, обладая при томъ достаточными средствами. Это повлiяло отчасти на то, что мы отдали, можетъ быть, слишкомъ много нашего времени на 1-мъ курсѣ традицiонному московскому студенческому буршеству съ его Татьяниными днями, Стрѣльнами, Ярами, цыганскими хорами и тройками. Это былъ первый годъ только что введеннаго новаго университетскаго устава, долженствовавшаго также дисциплинировать молодежь при помощи инспекторовъ, педелей, форменныхъ тужурокъ, мундировъ и шпагъ. Но молодежь продолжала бурлить и студенческiя исторiи стали еще чаще, съ закрытiемъ на нѣкоторое время университета, съ пощечиной инспектору Брызгалову на студенческомъ концертѣ въ Благодорномъ Собранiи, съ шумными и многолюдными студенческими сходками, съ загономъ студентовъ казаками въ находившiйся противъ университета экзерциргаузъ (манежъ) и съ избiенiемъ студентовъ мясниками Охотнаго Ряда, находившагося также около

университета. Мы съ братомъ держались въ сторонѣ отъ студенческаго движенія и были скорѣе зрителями или свидѣтелями его. И хотя намъ претили нововведенія новаго университетскаго устава, но намъ противна и жалка была и разъяренная распропагандированная студенческая толпа съ большой примѣсью нестуденческаго элемента, пользующагося ею, какъ пушечнымъ мясомъ. И какъ понятно намъ было то, порою очень острое раздраженіе противъ студенческой толпы, которое позже, почти черезъ 20 лѣтъ, испытывалъ первый, со времени введенія новаго устава, выборный ректоръ Московскаго университета, Кн. С. Н. Трубецкой, жизнь свою положившій за университетъ и его автономію въ борьбѣ съ тупой революціонностью снизу и реакціей сверху. Помню, какъ однажды, бывшій въ наше время попечителемъ Московскаго учебнаго округа Графъ Капнистъ вызывалъ къ себѣ насъ съ братомъ наряду съ нѣкоторыми другими студентами для выясненія причинъ безпорядковъ. Врядъ ли изъ этихъ достаточно таки безплодныхъ разговоровъ удалось ему что-либо выяснить. Да, пожалуй, и намъ самимъ тогда не вполнѣ была понятна природа царившей среди насъ неурядицы. Если, очевидно, и была идущая извнѣ пропаганда, преслѣдующая на почвѣ академическихъ безпорядковъ свои политическія цѣли, то она находила почву среди зеленой, воспріимчивой и экспансивной молежи, какъ это бываетъ всегда, когда отцы не могутъ въ нармальныхъ условіяхъ заниматься политикой, критикой и легальной оппозиціей и быть, что называется «оппозиціей Его Величества», а не «Его Величеству». А, напримѣръ, въ Англіи студенты занимаются ученіемъ и между прочимъ подготовленіемъ къ серьезному занятію политикой посредствомъ практики въ ораторскомъ искусствѣ, устройства показательныхъ парламентскихъ засѣданій и т. п. Свободное же время и избытокъ молодыхъ силъ они употребляютъ на гребной и другіе виды спорта. Мы съ братомъ изъ области спорта увлекались только-что появившими-



Москва, 1889 г. На послѣднемъ курсѣ Университета (Кн. Павелъ Дмитр. держитъ руку за бортомъ).

ся тогда англійскими велосипедами съ болшимъ переднимъ колесомъ и маленькимъ заднимъ.

Въ учебномъ отношеніи естественный факультетъ, въ отличіе отъ историко-филологическаго, на который поступилъ я, почти не потерпѣлъ отъ введенія новаго университетскаго устава. Составъ профессоровъ былъ очень хорошъ. Особенно славился тогда профессоръ ботаники Тимирязевъ. На старшихъ курсахъ братъ сосредоточился главнымъ образомъ на занятіяхъ по зоологіи, по преимуществу у приватъ-доцента Мензбира, а также у профессора Богданова и спеціально у профессора Зографа по ихтіологіи. Подъ руководствомъ послѣдняго онъ основалъ на Анофріевскомъ озерѣ, находящемся вблизи отъ нашего подмосковнаго имѣнія, научную ихтіологическую станцію, фукціонировавшую до самой большевицкой революціи. Не знаю, функціонируетъ ли она и теперь. И самые послѣдніе шаги брата на родинѣ, передъ оставленіемъ ея съ Врангелевской эвакуаціей изъ Севастаполя, случайно связаны съ ихтіологіей, такъ какъ вслѣдствіе царившей тогда въ Севастополѣ жилищной тѣсноты, онъ ютился въ сыромъ нежиломъ помѣщеніи научной морской ихтіологической станціи, находящейся близъ Графской пристани, откуда отчаливали всѣ отходившіе суда и катера. Изъ нашей студенческой жизни вспоминается одна наша продѣлка. Пользуясь нашимъ сходствомъ, я дважды, на протяженіи одной недѣли, держалъ экзаменъ по богословію, одинъ разъ за себя, другой за брата — у протоіерея Сергіевскаго, читавшаго свой курсъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ, одинаково почти не послѣщавшихъ его лекцій. Онъ не только никогда никого но проваливалъ на экзаменахъ, но даже не ставилъ отмѣтки ниже четверки тѣмъ, которые почти ничего не могли отвѣтить.

Въ студенческіе годы мы съ братомъ въ лѣтніе каникулы предприняли нѣсколько поѣздокъ для изученія Россіи. Такъ, мы ѣздили на пароходѣ по Волгѣ, по лѣсистой Ка-

мѣ и по живописной быстрой Чусовой, а потомъ по желѣзной дорогѣ чрезъ Уралъ въ Екатеринбургъ, гдѣ въ то время была промышленная выставка. Изъ Екатеринбурга мы ѣздили на Тагильскій и Исетскіе металлургическіе заводы и любовались чудными уральскими лѣсами. Во время этой поѣздки мы тоже выкинули одну студенческую продѣлку. Вскорѣ по отходѣ парохода изъ Нижняго, насъ, юнцовъ съ еле пробивающимися бородками, пригласили какіе-то типы играть въ винтъ «по крупной». Увидѣвъ это, буфетчикъ сжалился надъ нами, отозвалъ одного изъ насъ и шепнулъ, что это извѣстная шайка пароходныхъ шулеровъ. Въ винтъ они намъ проиграли болѣе 300 рублей, можетъ быть, нарочно, и потомъ старались вовлечь насъ въ азартную игру, но мы послѣ полученнаго предупрежденія забастовали и такимъ образомъ перехитрили шулеровъ. Въ Казани вся эта компанія по одиночкѣ вышла, причемъ одинъ, имѣвшій южный типъ, надѣлъ большіе темные очки.

Однажды лѣтомъ мы отправились на Кавказъ. (Нижеслѣдующее описаніе поѣздки черезъ главный Кавказскій хребетъ я привожу по случайно сохранившемуся у меня моему черновому наброску, сдѣланному для писавшейся тогда исторіи Нижегородскаго драгунскаго полка). Находясь на Минеральныхъ Водахъ, мы сошлись съ офицерами этого полка. Командиръ его Кн. Васильчиковъ предложилъ намъ принять участіе въ качествѣ «военныхъ корреспондентовъ» въ военной поѣздкѣ 15-и офицеровъ и 75-и нижнихъ чиновъ. Мы должны были пройти изъ Кисловодска въ Сухумъ съ переваломъ черезъ Главный хребетъ по первобытнымъ вьючнымъ тропамъ для рекогносцировочнаго изслѣдованія, въ цѣляхъ проложенія шоссейной дороги на Сухумъ черезъ Главный хребетъ. За 10 лѣтъ до этого, во время русско-турецкой войны, Сухумъ, лежащій на побережномъ шоссе и окруженный горами, подвергся обстрѣлу турецкихъ судовъ и, не имѣя путей сообщенія внутрь страны, былъ отрѣзанъ отъ подвоза

снарядовъ, войсковыхъ подкрѣпленій и провіанта. Тогда еще не было Военно-Сухумскаго шоссе, для проведенія коего впослѣдствіи, вѣроятно, воспользовались изслѣдованіями нашей экспедиціи. Мы купили двухъ верховыхъ лошадей и одну вьючную. Отрядъ сопровождалъ извѣстный Тифлисскій фотографъ Ермаковъ съ нѣсколькими фотографическими аппаратами. На одной изъ вьючныхъ лошадей везли заряды съ пироксилиномъ для взрыва непроходимыхъ скалъ. Съ нами ѣхалъ проводникомъ пожилой отставной полковникъ-осетинъ въ черкескѣ и папахѣ, на мулѣ, знавшій эту часть Кавказа. По мѣрѣ продвиженія мы брали еще мѣстныхъ проводниковъ. Путь до Сухума продолжался 10 дней. Сначала мы ѣхали по недурнымъ каменистымъ проселочнымъ дорогамъ холмистаго предгорья чрезъ осетинскіе аулы. При приближеніи къ Главному хребту горные кряжи поднимались все выше, а въ глубинѣ долинъ журчали быстрые потоки. На вершинахъ лѣсистыхъ горъ стали попадаться развалины старинныхъ православныхъ церквей и монастырей особаго кавказскаго стиля. Началъ чувствоваться Лермонтовъ. Переправившись въ бродъ чрезъ верховье Кубани, на которой стоялъ сравнительно большой аулъ съ остатками Тибердинскаго укрѣпленія, мы вошли въ узкую долину ея горнаго притока рѣки Тиберды. Селеній больше не встрѣчалось. Сначала изрѣдка попадались отдѣльныя жилища, а затѣмъ лишь шалаши пастуховъ, пасшихъ козъ и овецъ. По мѣрѣ того, какъ мы подымались на главный хребетъ, природа становилась все суровѣе. Дремучій и высокій лѣсъ съ поваленными могучими гніющими стволами и вывороченными корнями, сталъ рѣдѣть, мельчать, перешелъ въ низкій кустарникъ и, наконецъ, совѣмъ исчезъ. Ночевали мы подъ открытымъ небомъ, кутаясь въ бурки, зажигая костры, пока былъ лѣсъ. Небольшой запасъ сучьевъ для согрѣванія чая мы везли послѣдніе два дня съ собой. По мѣрѣ того, какъ мы подымались, воздухъ все свѣжѣлъ. Вдалекѣ, въ горныхъ складкахъ, сталъ виднѣть-

ся снѣгъ. Плохая и узкая проселочная дорога перешла въ тропу, по которой мы большею частью шли пѣшкомъ, ведя въ поводу лошадей и перескакивая съ камня на камень. И только нашъ проводникъ невозмутимо ѣхалъ на своемъ мулѣ, почти не слѣзая съ него. Наша тропа, то шла внизъ по ущелью вдоль клокочущаго и заглушающаго человѣческій голосъ потока, то круто подымалась, иногда зигзагами на большую высоту и тогда мы пробирались по узкому карнизу между отвѣсной скалой и крутымъ обрывомъ, на днѣ котораго еле виднѣлся потокъ, казавшійся безшумнымъ ручейкомъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ для расширенія пѣшеходной тропы или для устраненія слишкомъ большихъ камней, приходилось прибѣгать къ пироксилину. Въ одномъ мѣстѣ сорвалась вьючная лошадь фотографа съ однимъ изъ аппаратовъ и съ частью негативовъ, и мы видѣли, какъ она летѣла въ пропасть, перевернувшись нѣсколько разъ въ воздухѣ. Альбомъ сохранившихся чудныхъ видовъ, вѣроятно пропалъ при разгромѣ нашего имѣнія большевиками.

Взятая нами провизія стала истощаться, осталось лишь нѣсколько бурдюковъ кахетинскаго вина. И, вотъ, наткнувшись на послѣднюю стоянку пастуховъ, многіе изъ насъ, какъ солдаты, такъ и офицеры, бросились доить козъ, а кромѣ того запасаться козьимъ сыромъ и кукурузными лепешками. Дальше и травы не стало и мы шли по голымъ скаламъ, порою скользкимъ отъ налетавшихъ ливней или отъ тающаго снѣга. Поражала полная тишина и отсутствіе шума деревьевъ или птичьяго щебетанія. Наконецъ, мы вступили въ область вѣчнаго снѣга. Мы шли, то по довольно широкому снѣговому полю горнаго кряжа, то сравнительно узкимъ ущельемъ, утопающимъ въ глубокомъ снѣгу и съ блестящими ледяными сосульками на выдающихся скалахъ. Порою приходилось пробивать путь въ снѣгу и льду лопатами и кирками, разъ продѣлали туннель въ большомъ снѣжномъ обвалѣ. 14 іюля мы достигли самаго высокаго пункта

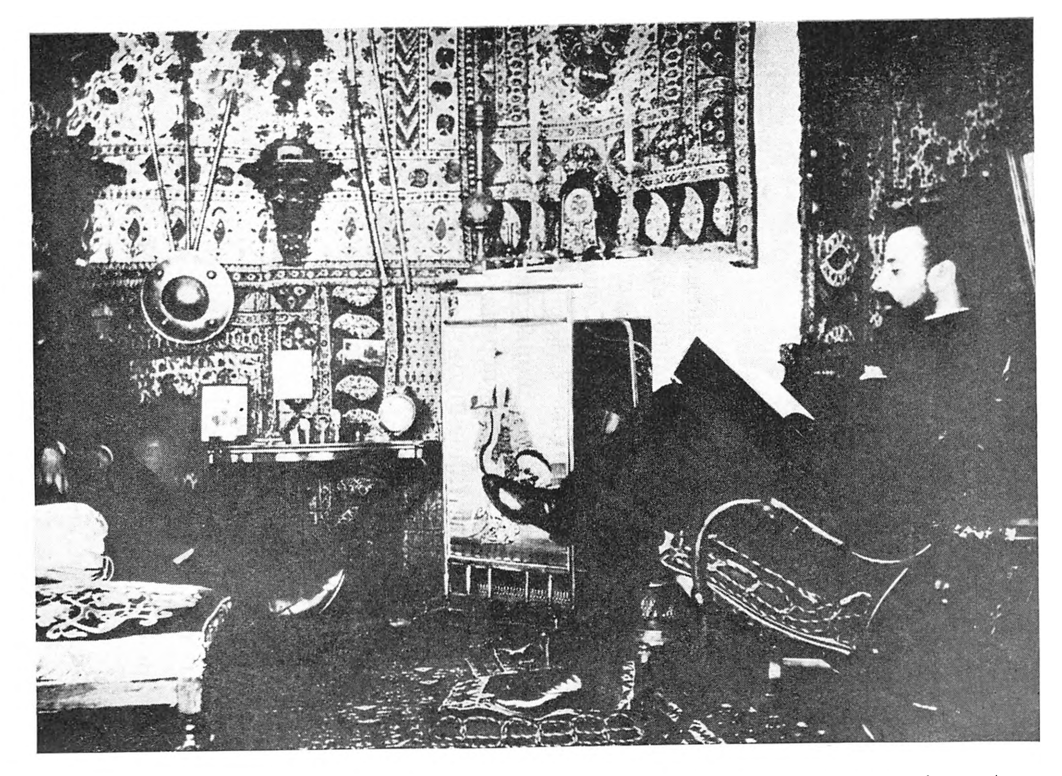
Клухорскаго перевала около 9600 футовъ высоты, съ небольшимъ Тибердинскимъ озеромъ, изъ котораго среди снѣговъ и подъ снѣговыми туннелями, водопадомъ низвергалась рѣка Тиберда. По озеру плавали льдины. При ослѣпительномъ солнцѣ снѣгъ не таялъ. Со времени вступленія въ область снѣговъ большинство офицеровъ надѣвало для предохраненія глазъ дымчатыя очки, а солдаты по старому кавказскому обычаю, обводили глаза темно-сѣрыми кругами пороха, что придавало имъ какой то трагическій и устрашающій, театральный видъ. Это будто бы притягивало къ себѣ, а отъ глазъ разсѣивало ослѣпляющіе солнечные лучи. При продолжающейся мертвой тишинѣ, при ясной солнечной погодѣ и при отсутствіи какой бы то ни было растительности въ пейзажѣ были лишь три очень опредѣленныя краски: бѣлый сверкающій снѣгъ, обнаженныя части скалъ, кажущихся отъ снѣгового контраста черными, и темное, темное синее небо. Невольно воспоминались строки изъ «Мцыри». ... «небесный сводъ такъ чистъ, что ангела полетъ прилежный взоръ слѣдить бы могъ, онъ такъ прозрачно былъ глубокъ, такъ полонъ ровной синевой!». Къ этимъ основнымъ тремъ цвѣтамъ присоединялся здѣсь темно-изумрудный цвѣтъ прозрачной воды глубокаго Тибердинскаго озера. Послѣ короткаго привала мы тронулись по довольно длинной снѣжной котловинѣ и затѣмъ стали спускаться на южный склонъ главнаго хребта вдоль верховья Цебельдинскаго потока, прорывающагося среди массы снѣга и снѣговыхъ глетчеровъ и обваловъ. Тѣ же путевыя трудности, что и при подъемѣ, только по мѣрѣ спуска и усиленія дѣйствія солнечныхъ лучей, ноги людей и лошадей стали то скользить по мокрымъ скаламъ, то тонуть въ рыхломъ снѣгу. Скоро снѣга прекратились стала появляться растительность, но уже совсѣмъ другая, болѣе яркая, буйная и разнообразная, съ массой вьющагося плюща и какихъ то другихъ ліанъ. Въ зелени деревьевъ щебетало много птицъ съ яркимъ опереніемъ. Черезъ нѣ-

На Кавказѣ, 1886 г. (Кн. Павелъ Дмитр. въ кителѣ сидитъ).

сколько часовъ, ниже, мы прошли черезъ остатки деревни, покинутой, судя по развалинамъ минарета, магометанскимъ населеніемъ. Большинство населенія этого края, 9 лѣтъ тому назадъ, послѣ русско-турецкой войны, ушло въ Турцію. Въ запущенныхъ садахъ были спѣлые плоды сливъ, персиковъ и грозди зрѣющаго уже винограда, которые мы срывали, не слѣзая съ лошадей. Ночевали мы уже въ небольшой абхазской деревнѣ, откуда на слѣдующій день пошли болѣе отлогой проселочной дорогой для двухколесныхъ арбъ, запряженныхъ большею частью рогатымъ скотомъ. Шли мы цѣлый день, спускаясь среди буйной и казавшейся намъ тропической растительности, большая часть которой была вѣчно зеленая. Но край былъ опустѣвшій и не только отъ послѣдствій войны и вѣроисповѣдныхъ разногласій, но и отъ другого бича этого, казалось бы, земного рая: массы мошкары и зловредныхъ комаровъ — распространителей губительной маляріи, называемой здѣсь сухумской лихорадкой. Нѣсколько человѣкъ нашей экспедиціи заболѣло этой изнурительной болѣзнью и двое офицеровъ впослѣдствіи даже умерло. Идя по долинѣ все той же рѣчки мы вышли, наконецъ, къ берегу Чернаго моря и поднявшись немного на сѣверъ по шоссе вошли въ Сухумъ, носившій еще слѣды разрушенія отъ обстрѣла съ морскихъ судовъ въ 1876 году. Изъ Сухума мы совершили поѣздку въ расположенный на берегу моря Ново-Аѳонскій монастырь, произведшій на насъ благопріятное впечатлѣніе своею культурной хозяйственной дѣятельностью и, между прочимъ, замѣчательнымъ фруктовымъ садомъ, достигшимъ въ десятилѣтній срокъ удивительныхъ размѣровъ. Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха въ Сухумѣ, экспедиція двинулась въ обратный путь, но уже другимъ маршрутомъ для изслѣдованія удобопроходимости другого перевала. Мы распростились съ нашими военными друзьями и продали имъ нашихъ трехъ лошадей, которыя имъ замѣнили погибшихъ или пострадавшихъ въ походѣ. На

обратномъ пути мы посѣтили Батумъ, Абасъ-Туманъ и Тифлисъ. Въ Тифлисѣ мы накупили восточныхъ ковровъ, подушекъ и разнаго оружія, украшавшихъ потомъ кабинетъ моега брата въ нашемъ московскомъ домѣ. Изъ Тифлиса мы поѣхали до Владикавказа по Военно-Грузинской дорогѣ, на которой тогда еще не было автомобилей и по зигзагамъ и крутымъ поворотамъ горнаго шоссе лихо неслись перекладныя почтовыя тройки, содержимыя богатой татаркой.

По окончаніи нами университета въ 1889 году я поступилъ вольноопредѣляющимся въ Нижегородскій драгунскій полкъ, знакомый намъ по Сухумской экспедиціи, а братъ былъ освобожденъ отъ воинской повинности, такъ какъ однимъ глазомъ почти ничего не видѣлъ, вслѣдствіе отложенія сѣтчатки, случившейся у него неизвѣстно по какой причинѣ. Для опредѣленія болѣзни его положили почему то на нѣсколько дней въ военный госпиталь и одѣли даже въ казенное бѣлье и халатъ.



Москва, 1888 г. Кн. Павелъ Дмитр. въ своемъ московскомъ кабинетѣ.

II.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ДО 1918 ГОДА.

По настоянію отца, происходившаго изъ петербургской придворной семьи и бывшаго въ молодости кавалергардомъ, братъ по окончаніи университета поступилъ чиновникомъ въ Государственную Канцелярію при Государственномъ Совѣтѣ, чтобы слѣдовать, такимъ образомъ, традиціямъ служилаго дворянства. Это былъ привилегированный разсадникъ и первая ступень для будущихъ петербургскихъ чиновниковъ и сановниковъ. Прослужилъ онъ тамъ недолго, кажется не болѣе одного или полутора года и, выйдя въ отставку, переѣхалъ въ Москву въ наше родовое подмосковное имѣніе, Волынщину Рузскаго уѣзда.

Въ 1891 году намъ обоимъ пришлось работать по борьбѣ съ разразившимся тогда «Самарскимъ голодомъ». Я пробылъ въ разныхъ мѣстахъ Самарской губерніи до весны, завѣдуя продовольственно-санитарными отрядами, оборудованными на частныя средства, а братъ въ самой Самарѣ до лѣта 1892 года. Онъ принималъ участіе совмѣстно съ его предшественникомъ по предводительству въ Рузскомъ уѣздѣ Московской губерніи Княземъ А. Г. Щербатовымъ и съ нашимъ родственникомъ Княземъ А. А. Ливеномъ, предводителемъ дворянства въ Броницкомъ уѣздѣ Московской губерніи, въ завѣдываніи рабо-

тами по возведенію и укрѣпленію огромной дамбы при впаденіи рѣки Самары въ Волгу. Главнымъ уполномоченнымъ по «голоднымъ» работамъ всего Волжскаго района былъ генералъ Анненковъ, извѣстный своими оросительными сооруженіями въ пустыняхъ Средней Азіи. Не знаю, насколько технически, Самарская дамба была цѣлесообразно задумана и исполнена и достигла ли она намѣченной цѣли, урегулировать устье рѣки Самары, но главная цѣль заключалась въ томъ, чтобы дать голодающему народу заработокъ вмѣсто деморализующей иногда даровой помощи. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ губерніи были организованы болѣе мелкія и простыя работы, какъ напримѣръ, заготовка лѣсныхъ матерьяловъ, или выравниваніе снѣжныхъ ухабовъ на транспортныхъ дорогахъ, по которымъ шло огромное количество продовольственныхъ обозовъ. Работы эти давали заработокъ нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ голодающихъ.

Вскорѣ послѣ работы по Самарскому голоду, мой братъ сталъ принимать участіе въ земскихъ и дворянскихъ Рузскихъ уѣздныхъ и Московскихъ губернскихъ выборахъ и собраніяхъ. Въ Москвѣ онъ жилъ въ своей квартирѣ въ половинѣ сводчатаго нижняго этажа нашего московскаго дома, а въ Волынщинѣ поселился въ одномъ изъ четырехъ одноэтажныхъ полукруглыхъ флигелей, стоящихъ кругомъ двора этой старинной усадьбы Екатерининскихъ временъ. Отецъ занималъ другой флигель, а на лѣто переходилъ въ большой домъ. Волынщина находилась въ шести верстахъ отъ г. Рузы, на живописныхъ берегахъ рѣки Озерны, вытекающей изъ Анофріевскаго озера и впадающей въ рѣку Рузу, притокъ Москва-рѣки. Въ концѣ зимы братъ сталъ ежегодно до самой Міровой войны ѣздить заграницу, главнымъ образомъ въ Италію, а оттуда въ Парижъ съ заѣздомъ въ Монако, гдѣ кромѣ рулетки интересовался и богатѣйшей океанографической станціей. Затѣмъ цѣлый рядъ лѣтъ мы сравнительно мало видѣлись съ братомъ, такъ какъ я поселился въ своемъ

имѣніи въ Курской губерніи, сталъ тамъ хозяйничать и втянулся въ земскую работу. Только на Рождество и на Пасху съѣзжались мы къ старику-отцу въ Волынщину. Такъ что въ слѣдующій десятилѣтній періодъ до начала земскихъ съѣздовъ, у меня сохранилось мало воспоминаній о жизни и дѣятельности Павла Дмитріевича.

Послѣ ухода Князя Щербатова изъ предводителей дворянства Рузскаго уѣзда, на эту должность былъ избранъ мой братъ, пробывшій въ ней пять трехлѣтій. Онъ купилъ у своего предшественника деревянный домъ въ Рузѣ, въ которомъ принималъ по установившемуся обычаю членовъ земскихъ собраній, судебныхъ съѣздовъ и т. п. Тамъ же онъ устраивалъ совѣщанія учителей и учительницъ начальныхъ школъ. Тогда злободневнымъ вопросомъ была выработка школьныхъ сѣтей для достиженія всеобщаго обученія. Въ виду разселенія большинства сельскаго населенія Московской губерніи небольшими деревнями, иногда на большомъ разстояніи отъ школы, много вниманія въ Рузскомъ уѣздѣ удѣлялось, особенно на время распутицъ и снѣжныхъ заносовъ, устройству ночлеговъ при школахъ съ такъ называемыми приварками теплой пищи, а также налаживанію очередныхъ подводъ для подвоза дѣтей изъ отдаленныхъ деревень. Братъ принималъ ближайшее участіе въ работѣ и Московскаго губернскаго земства и близко сошелся съ выдающимся земскимъ дѣятелемъ, предсѣдателемъ Московской губернской земской управы Д. Н. Шиповымъ, и съ нѣкоторыми его ближайшими сотрудниками, какъ по выборамъ, такъ и изъ такъ называемаго 3-го элемента. Мнѣ не привелось быть на Московскихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, но мнѣ передавали, что братъ не отличался краснорѣчіемъ и не претендовалъ на него, но всѣ его выступленія носили дѣловой и искренний характеръ. Впослѣдствіи же его общественно-политическія выступленія большею частью сжатыя и краткія, отличались конкретностью и силою убѣжденія. Главная же его работа въ гу-

бернскомъ земствѣ была въ разныхъ закрытыхъ комиссіяхъ.

Позже, когда онъ былъ уже предсѣдателемъ Центральнаго Комитета партіи Народной Свободы, кто-то пустилъ про него довольно злую шутку: Lieder ohne Worte, надъ которой онъ самъ добродушно смѣялся. Мнѣ передалъ одинъ очевидецъ сцену на Московскомъ дворянскомъ собраніи, произведшую на него большое впечатлѣніе. Обсуждался вопросъ объ исключеніи изъ дворянскаго собранія Ѳ. Ѳ. Кокошкина за его участіе въ подписаніи Выборгскаго воззванія. Павелъ Дмитріевичъ хладнокровно читалъ по карандашному наброску свою рѣчь въ его защиту, не обращая вниманія на неблагопріятное для него настроеніе собранія, рѣзко враждебнаго въ отношеніи Ѳ. Ѳ. Кокошкина, на собраніи не присутствовавшаго. Но когда кто-то позволилъ себѣ грубую реплику, касавшуюся Милюкова, Павелъ Дмитріевичъ вдругъ вскипѣлъ, стукнулъ кулакомъ по столу и заявилъ, что недостойно такъ выражаться о лицѣ, ничѣмъ не запятнанномъ, хотя и находящемся въ другомъ политическомъ лагерѣ, чѣмъ ораторъ. Бѣдный Павелъ Дмитріевичъ не предвидѣлъ, какъ ему впослѣдствіи, уже въ эмиграціи, придется разойтись съ Милюковымъ по програмнымъ и особенно по тактическимъ вопросамъ. У него, впрочемъ, политическія разногласія не переходили въ личную непріязнь.

Въ самомъ началѣ двадцатаго столѣтія братъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи учительскихъ обществъ и союзовъ. Такъ, онъ предсѣдательствовалъ на первомъ съѣздѣ учительскихъ обществъ взаимопомощи, происходившемъ въ Москвѣ на рождественскихъ каникулахъ 1902-1903 г. г. Во время своего предводительства братъ мой получилъ придворное званіе камергера.

Одновременно съ общественною дѣятельностью Павелъ Дмитріевичъ сталъ заниматься и своими хозяйственными дѣлами, причемъ показалъ себя достаточно практичнымъ и предпріимчивымъ хозяиномъ. Главнымъ

образомъ онъ развилъ въ нашихъ имѣніяхъ лѣсное хозяйство, особенно въ большомъ лѣсномъ имѣніи на сѣверѣ Костромской и на югѣ Вологодской губерніи въ уѣздахъ Чухломскомъ и Галичскомъ. Имѣніе это было запущено, далеко отъ желѣзныхъ дорогъ и въ немъ издавна хозяйничали крестьяне, отпущенные на оброкъ, а дешевый лѣсной матерьялъ, продаваемый за безцѣнокъ, сплавлялся по рѣкѣ Костромѣ. Братъ построилъ большой лѣсопильный заводъ съ выдѣлкой паркета и нѣкоторыхъ другихъ деревянныхъ издѣлій. Особенно поднялась цѣнность этого имѣнія при прохожденіи близъ него вновь выстроенной Петербургско-Вятской желѣзной дороги. Доходы съ него шли главнымъ образомъ на содержаніе дачи-богадѣльни на Охтѣ у Петербурга, въ которой содержалось около 15 старыхъ нашихъ фамильныхъ служащихъ пенсіонеровъ. Завѣдывалъ и привелъ ее въ порядокъ также мой братъ. Въ Волоколамскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 30 отъ Волынщины, онъ пріобрѣлъ близъ строящейся Московско-Виндавской желѣзной дороги большое лѣсное имѣніе, изъ котораго доставлялъ въ Москву дрова и въ которомъ построилъ также лѣсопильный заводъ. Уже будучи въ эмиграціи, онъ написалъ изъ Бѣлграда письмо въ "Times", напечатанное тамъ 5 октября 1923 года и перепечатанное въ «Рулѣ» отъ 12 октября, въ которомъ онъ протестуетъ по поводу появившагося въ англійской торговой газетѣ перечня лѣсного матеріала въ Россіи, годнаго для отправки въ Англію. Среди перечисленныхъ тамъ 26 лѣсныхъ складовъ указанъ и его лѣсопильный заводъ въ Костромской губерніи съ готовымъ матеріаломъ на 600 тысячъ золотыхъ рублей. Въ своемъ письмѣ онъ заявлялъ, что при постройкѣ завода онъ подъ него сдѣлалъ въ банкѣ долгъ, который онъ или его наслѣдники должны будутъ со временемъ заплатить. Въ концѣ письма онъ обращался къ извѣстной честности и порядочности англичанъ въ торговыхъ дѣлахъ и предостерегалъ отъ покупки награбленнаго имущества.

Въ своей деревенской жизни братъ отдавалъ дань нѣкоторымъ традиціоннымъ помѣщичьимъ занятіямъ. Такъ, онъ завелъ въ Волынщинѣ охоту съ гончими, а во время моихъ пріѣздовъ туда на Пасху мы увлекались поэтической весенней охотой — тягой вальдшнеповъ и тетеревинымъ токомъ. Затѣмъ онъ завелъ недурную конюшню, состоящую изъ нѣсколькихъ рысаковъ и троекъ, бравшихъ призы на немудренныхъ бѣгахъ, устроенныхъ имъ въ Рузѣ во время своего предводительства. Въ девяностыхъ же годахъ братъ принималъ ближайшее участіе въ зарожденіе и дѣятельности Московскаго Художественнаго Театра, занявшаго столь видное мѣсто въ тогдашней жизни Москвы и въ русскомъ театральномъ дѣлѣ вообще. Онъ состоялъ и пайщикомъ этого акціонернаго предпріятія. Тамъ онъ сошелся и съ такими интересными лицами, какъ Вл. И. Немировичъ-Данченко, артисты Станиславскій, Качаловъ, Москвинъ и др., а также встрѣчался съ Чеховымъ, Горькимъ, Леонидомъ Андреевымъ. Привлекъ его къ этому театру нашъ родственникъ А. А. Стаховичъ бывшій адъютантъ Великаго Князя Сергѣя Александровича въ бытность его Московскимъ генералъ-губернаторомъ. Большой театралъ, Стаховичъ впослѣдствіи, уже будучи генераломъ, выступалъ въ небольшихъ роляхъ на сценѣ этого театра. Во время господства въ Москвѣ большевиковъ онъ, будучи и раньше очень нервнымъ, сталъ всего опасаться и между прочимъ боялся, когда Павелъ Дмитріевичъ, скрывавшійся тогда отъ большевиковъ по разнымъ квартирамъ, посѣщалъ его поздно вечеромъ. Послѣ того, какъ пришли реквизировать его квартиру, онъ такъ разстроился, что повѣсился на дверной ручкѣ. Можетъ быть, черезъ семейство Стаховичей, близкихъ къ Гр. Льву Толстому, братъ познакомился съ нимъ и его семьей. Изрѣдка онъ бывалъ у Толстыхъ въ ихъ домѣ въ Хамовническомъ переулкѣ, а разъ, какъ то зимой, ѣздилъ въ Ясную Поляну для открытія тамъ по порученію Московскаго Общества Грамотности народной

Въ Ясной Полянѣ (изъ «Иллюстрованной Россіи» № 25-за годъ 1927). Графъ Левъ Николаевичъ Толстой, Графиня Александра Львовна Толстая, Кн. Павелъ Дмитр. Долгоруковъ, пріѣхавшій въ Ясную Поляну для открытія народной читальни Московскаго Комитета Грамотности.

библіотеки. Существуетъ фотографія, какъ по глубокому снѣгу гуськомъ идутъ Толстой, мой братъ и Александра Львовна, всѣ въ тулупахъ и мѣховыхъ шапкахъ.

Особое мѣсто въ дѣятельности брата занимало его участіе въ пацифистскомъ движеніи. И странное дѣло! Увлеченіе этой идеей явилось у насъ обоихъ одновременно, несмотря на то, что мы въ продолженіи довольно долгаго времени передъ этимъ не видались. Такъ какъ мы оба получили нѣкоторыя аналогичныя побужденія извнѣ, то въ данномъ случаѣ это явленіе можно объяснить случайностью, но зарожденіе одновременно одинаковыхъ мыслей и желаній, еще съ дѣтства наблюдалось у насъ довольно часто; это будто бываетъ вообще нерѣдко у близнецовъ. Неизвѣстно, дѣйствуютъ ли тутъ какіе то неизслѣдованные флуиды или можетъ быть, у близнецовъ вмѣстѣ съ внѣшнимъ сходствомъ бываютъ иногда и одинаковые нервы или мозгъ, расположенные къ тождественнымъ воспріятіямъ и проявленіямъ. Въ началѣ девяностыхъ годовъ я прочелъ нашумѣвшій тогда и переведенный на всѣ языки пацифистскій романъ Баронессы Берты Зуттнеръ «Долой оружіе!», который произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что я, будучи въ Вѣнѣ, счелъ нужнымъ познакомиться съ жившей тамъ авторшей романа и разспрашивалъ ее о формахъ и достиженіяхъ пацифистскаго движенія въ разныхъ странахъ. А братъ, будучи почти въ то же время въ Парижѣ, познакомился тамъ съ нѣкоторыми сторонниками пацифизма, изъ которыхъ одинъ — Пуанкаре, посѣтилъ его черезъ нѣкоторое время въ Москвѣ. Съѣхавшись, по обыкновенію, на Рождество въ деревнѣ, мы рѣшили попытаться заложить пацифистское общество въ Россіи. Затѣмъ въ Москвѣ мы образовали инициативную группу, въ которую кромѣ насъ двоихъ, вошли еще двое: профессоръ международнаго права Гр. Комаровскій и профессоръ психологіи Абрикосовъ изъ семьи извѣстныхъ фабрикантовъ кондитерскихъ издѣлій. Выработанный уставъ общества мы представили

въ Петербургъ на утвержденіе. Въ этомъ уставѣ, въ отличіе отъ ученія нѣкоторыхъ сектъ и отчасти Льва Толстого, было сказано, что цѣлью общества является лишь пропаганда идей разрѣшенія международныхъ конфликтовъ мирнымъ способомъ и соотвѣтствующее воздѣйствіе на законодателей, а не сопротивленіе существующимъ законамъ и не отказъ отъ исполненія воинской повинности, пока таковая существуетъ. Въ Петербургѣ мы встрѣтили сочувственный пріемъ у Архіепископа Финляндскаго Антонія, впослѣдствіи Митрополита Петербургскаго, извѣстнаго широтою своихъ взглядовъ. Я надѣялся, что онъ, или примкнетъ къ инициіативной группѣ, или хотя бы въ одной своей проповѣди или статьѣ выскажетъ свое сочувствіе, чтобы духовенство, молящееся о мирѣ всего міра, примкнуло къ этому движенію. Но онъ намъ объяснилъ, что при тогдашнемъ положеніи русской церкви ничего не можетъ предпринять въ этомъ направленіи, пока этого не одобритъ Синодъ и его Оберъ-Прокуроръ, а эти послѣдніе должны руководствоваться взглядами на этотъ предметъ правительства. Менѣе сочувственный пріемъ встрѣтили мы въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, отъ котораго собственно зависѣло утвержденіе устава. Приблизительно черезъ полъ года мы получили письменное увѣдомленіе, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ признаетъ возбужденіе этого вопроса преждевременнымъ. Вскорѣ послѣ этого Императоръ Николай II предложилъ образовать международный трибуналъ для разсмотрѣнія и разрѣшенія международныхъ конфликтовъ, и въ Гаагѣ былъ основанъ Дворецъ Мира. Такимъ образомъ, при бывшемъ тогда в Россіи авторитарно-бюрократическомъ строѣ, для подобнаго дѣла не было признано нужнымъ допустить содѣйствіе общественнаго мнѣнія, а дѣло было двинуто сверху посредствомъ правительственнаго и дипломатическаго аппарата. Но Гаагскій трибуналъ, по замыслу заслуживающій всякаго сочувствія, расцвѣлъ пышнымъ, но кратковремен-

нымъ пустоцвѣтомъ и, можетъ быть, именно потому, что оказался преждевременнымъ безъ достаточной подготовки общественнаго мнѣнія всѣхъ странъ. А бѣдному иниціатору его суждено было вести двѣ кровопролитныя, неудачныя войны, приведшія къ гибели и династію, и Россію. Черезъ нѣсколько лѣтъ моему брату удалось таки основать въ Москвѣ небольшое Общество Мира, не успѣвшее, однако, развить своей дѣятельности, такъ какъ его пришлось закрыть при возникновеніи Міровой войны. Въ выпущенномъ имъ, какъ предсѣдателемъ этого общества, по этому поводу воззваніи, онъ призывалъ всѣхъ къ исполненію своихъ гражданскихъ повинностей, разъ война объявлена, но, писалъ онъ «ничто не можетъ измѣнить идеологіи, являющейся частью духа извѣстнаго человѣческаго типа; придетъ время, когда гуманитарная идея, сила всечеловѣческихъ чувствъ, стремящихся къ солидарности народовъ, начнетъ побѣждать». Противъ царившаго одно время увлеченія милитаризаціей дѣтей, посредствомъ организаціи «отрядовъ потѣшныхъ», этой игрой въ солдатики, братъ напечаталъ въ газетѣ «Утро Россіи» (2 ноября 1910 года) статью, въ которой между прочимъ писалъ: «Не надо пріучать ребенка къ убійству человѣка; пусть уже взрослый исполняетъ свой тяжелый долгъ. Нѣкоторые говорятъ, что это печальная необходимость, что надо пріучать дѣтей къ борьбѣ съ внѣшними врагами. Но неужели, чтобы бороться съ внутренней смутой, надо играть въ потѣшную казнь, покупать игрушечную висѣлицу?» Далѣе онъ приводитъ желательный примѣръ организуемыхъ въ Канадѣ юношескихъ пожарныхъ дружинъ, воспитывающихъ въ молодежи дисциплину, отвагу и въ то же время хорошія чувства.

Въ началѣ столѣтія Павелъ Дмитріевичъ участвовалъ и даже предсѣдательствовалъ на мировомъ пацифистскомъ конгрессѣ въ Стокгольмѣ. Къ сожалѣнію, у меня не сохранилось текста его выступленій на этомъ конгрес-

сѣ. Будучи идеологомъ пацифистскаго движенія, онъ, однако, во время, и Японской, и Великой войны былъ уполномоченнымъ по отрядамъ Краснаго Креста, причёмъ въ послѣднюю состоялъ во главѣ санитарнаго отряда Всероссійскаго Союза Городовъ на Галиційскомъ фронтѣ въ арміи генерала Радко-Дмитріева. Этотъ послѣдній незадолго передъ тѣмъ, какъ былъ со многими другими разстрѣлянъ большевиками въ Пятигорскѣ, разсказывалъ, какъ онъ вмѣстѣ съ моимъ братомъ обходилъ передовыя позиціи подъ Тарновымъ, недалеко отъ Кракова, обстрѣливаемыя тяжелыми снарядами изъ дальнобойныхъ германскихъ орудій, называемыхъ «Бертами», и удивлялся, что, когда при звукѣ летящаго снаряда всѣ, даже самые храбрые военные, невольно нагибались, братъ стоялъ на самомъ виду, какъ ни въ чемъ не бывало. Можетъ быть, здѣсь не было подвига храбрости, а просто какое то физическое свойство отсутствія страха. Другіе свидѣтели говорили, что только двое, стоявшіе рядомъ, не нагибались: онъ и Радко-Дмитріевъ. Во время борьбы въ Москвѣ съ большевиками въ 1917 году мой братъ все время былъ въ обстрѣливаемомъ Александровскомъ училищѣ, находящемся около нашего дома, и тамъ всячески поддерживалъ героевъ-юнкеровъ, съ оружіемъ въ рукахъ погибавшихъ въ неравной борьбѣ. Затѣмъ онъ продѣлалъ у генераловъ Деникина и Врангеля всю кавказскую и крымскую кампанію бѣлаго противобольшевицкаго движенія, усиленно работая, и словомъ, и перомъ, и личнымъ примѣромъ, поддерживая героическую духомъ, но слабую числомъ и матерьялно Добровольческую армію. При Новороссійской катастрофѣ мой братъ, будучи уже пожилымъ человѣкомъ, до послѣдней минуты, носился по отступающимъ частямъ Бѣлой Арміи и убѣждалъ не складывать оружія и биться до конца, пока, наконецъ, одинъ французскій офицеръ, не убѣдилъ его, въ виду угрожающей опасности, сѣсть на отходившій катеръ.

Вотъ, что говорится про эти дни въ книгѣ В. Х. Даватца и Н. Н. Львова «Русская армія на чужбинѣ» (стр. 44):

«Когда слышались разговоры вродѣ того, что кадетизмъ нѣсколько испортилъ свое лицо, вспоминался старый князь въ отрепанной одеждѣ, на дырявомъ диванѣ, въ тѣсной промерзлой коморкѣ, гдѣ то въ закоулкахъ Новороссійска. Нордостъ врывался ураганомъ въ каменную яму, куда были брошены люди. Сыпной тифъ вырывалъ то одного, то другого изъ близкихъ людей. Разнузданные солдаты, посланные отогнать зеленыхъ въ горы, перебили своихъ офицеровъ и ушли въ горы. На вокзалѣ площадная ругань и драки между пьяными офицерами. А старый князь все съ тѣмъ же упорствомъ настаиваетъ, что нужно идти въ Крымъ и биться до конца.»

Наконецъ, уже зарубежомъ, онъ, начиная съ Константинополя состоялъ въ Русскомъ Совѣтѣ при генералѣ Врангелѣ, ѣздилъ въ Галлиполи, гдѣ сошелся съ генераломъ Кутеповымъ, продолжалъ состоять членомъ Русскаго Совѣта и въ Бѣлградѣ, а по отъѣздѣ оттуда генерала Врангеля переѣхалъ въ Парижъ. Тамъ онъ рѣзко разошелся съ прежнимъ своимъ соратникомъ по конституціонно-демократической партіи П. Н. Милюковымъ и не столько вслѣдствіе вызваннаго такъ называемой неотактикой распада партіи, сколько вслѣдствіе его недоброжелательнаго отношенія къ остаткамъ Добровольческой Арміи. Но вотъ какую газетную замѣтку написалъ мой братъ въ 1923 году въ Бѣлградѣ, то есть въ самый разгаръ его работы при остаткахъ Добровольческой Арміи зарубежомъ и послѣ всего пережитаго имъ съ этой арміей на Югѣ Россіи и въ Галлиполи. Замѣтка эта переведена на французскій языкъ и предназначалась, очевидно, для помѣщенія въ иностранныхъ газетахъ, но неизвѣстно, удалось ли это осуществить:

«Послѣ потрясеній войны человѣчество въ смятеніи. Но это временно. Человѣчество нельзя вогнать въ тупикъ

и мысль человѣческая, сама природа человѣка пробьется въ концѣ концовъ. Въ исторической перспективѣ человѣчество медленно, но неуклонно движется впередъ. Въ это не только надо вѣрить, но надо и работать въ этомъ направленіи. Вѣра безъ дѣлъ мертва. Я, лишенный Родины, испытывающій превратности бѣженства, вѣрю въ прогрессъ человѣчества, даже послѣ такого смятенія, такихъ потрясеній, безумія и преступленія, какъ міровая война. Необходимо подчинять частное общему, политическія страсти, законы человѣческіе подчинять высшимъ, вѣчнымъ законамъ истины и справедливости. Въ частности необходимо моральное осужденіе всѣми цивилизованными народами и подавленіе ими воинствующаго соціализма, коммунизма и очага его — русскаго большевизма. Безъ уничтоженія этого очага насилія и регресса мира на землѣ быть не можетъ и эволюція человѣчества задерживается. А при дальнѣйшей эволюціи человѣчества культурныя національныя единицы дадутъ сочетаніе, въ которомъ международныя границы утратятъ теперешнее ихъ политическое значеніе и угрозу миру. Необходимо здоровое національное развитіе, государствъ. Я убѣжденный пацифистъ, (но отнюдь не антимилитаристъ) полагаю, что послѣ кровопролитныхъ войнъ, когда и побѣдителямъ не сладко, проповѣдь пацифизма плодотворна. Но считаясь съ современной государственностью съ современнымъ человѣчествомъ съ его тысячелѣтними навыками и пережитками, пацифизмъ долженъ быть строго эволюціонный, безъ всякихъ ломокъ и нивелировокъ, ведущихъ къ большевизму и регрессу.»

Царствованіе Императора Николая II съ самаго начала прошло въ наростаніи общественнаго движенія противъ начавшагося въ царствованіе Александра III усиленія бюрократическо-авторитарнаго строя съ ежегодно возобновляемымъ положеніемъ объ усиленной охранѣ и съ урѣзываніемъ Великихъ реформъ Императора Александра II. Роковое раздѣленіе русскихъ, по выраженію, кажется, министра Кривошеина, на «мы» и «они», то есть на бюрократію и земщину, становилось все рѣзче. Къ первой справа примыкали реакціонно-черносотенные круги, а ко вто-

рой слѣва радикально-революціонные. Въ центрѣ находились элементы, которые могли бы быть связью между правительствомъ и обществомъ, но при всемъ желаніи продуктивно работать и быть полезными оставались какъ бы между двумя стульями, какъ это часто бываетъ съ умѣренными элементами во время обостренной борьбы крайностей. Достаточно упомянуть фамиліи нѣсколькихъ лицъ, которые, и по своимъ убѣжденіямъ и по соціальному положенію при правовомъ строѣ были бы просвѣщенными, но отнюдь не черносотенными и не реакціонными консерваторами. По выраженію, кажется, Кн. Вяземскаго, современника Пушкина, возрожденному нынѣ П. Б. Струве «они были бы либеральными консерваторами». Въ условіяхъ же тогдашняго режима они не смогли свои гражданскія и патріотическія чувства и устремленія примѣнять къ работѣ въ государственномъ аппаратѣ и быть посредниками между «мы» и «они» при постепенномъ «спускѣ на тормозахъ» существововавшаго строя. Они могли бы быть этими полезными тормозами, своего рода необходимыми, задерживающими центрами и для прогрессивныхъ теченій. Въ описываемое же время они вмѣсто строительной и созидательной работы были отброшены или въ общественное небытіе, или же въ ряды оппозиціи. Вотъ нѣкоторые имена: проф. Б. Н. Чичеринъ, бывшій въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ готовъ XIX столѣтія Московскимъ городскимъ головой и отъ этой должности устраненный, затѣмъ въ началѣ XX столѣтія Кн. С. Н. Трубецкой, бывшій Ректоромъ Московскаго университета, и кратковременные: Оберъ-Прокуроръ Синода А. Д. Самаринъ и два Министра Внутреннихъ Дѣлъ — Кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій и Кн. Н. Б. Щербатовъ. Со всѣми ними связывали насъ или личныя знакомства, или дружба нашихъ семей. Мы и многіе наши пріятели, работавшіе по преимуществу въ земствѣ въ качествѣ предводителей и предсѣдателей земскихъ управъ, чувствовали, что земское самоуправленіе, уѣздное и губернское, есть,

какъ тогда говорили, зданіе безъ фундамента (мелкая земская единица и всесословная волость) и безъ крыши (земскій соборъ). И при этомъ тогда, то есть въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, подходъ къ этому вопросу былъ не столько политическій, сколько дѣловой. Чувствовалась необходимость обмѣна мнѣній и информаціи по разнымъ вопросамъ земскаго хозяйства, получившаго тогда значительное развитіе. Естественно, что мысль о необходимости иногда съѣзжаться возникла въ Москвѣ и не только отъ того, что тамъ, какъ въ центрѣ Россіи, сходились 10 желѣзныхъ дорогъ, но и потому, что многіе земцы пріѣзжали въ Московское губернское земство, богатое и составомъ дѣятелей и средствами, получаемыми съ обложенія города Москвы, знакомиться съ нѣкоторыми образцово поставленными сторонами земскаго хозяйства. И вотъ мы: братъ мой — предводитель дворянства Рузскаго уѣзда и я предсѣдатель Суджанской уѣздной земской управы Курской губерніи въ самомъ началѣ этого столѣтія, какъ то случайно, безъ опредѣленно созданнаго плана, съ двумя, тоже общественными дѣятелями: Ярославскимъ земцемъ Кн. Д. И. Шаховскимъ и Звенигородскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Московской губерніи Гр. Павломъ С. Шереметевымъ — образовали иниціативную группу, которая понемногу «обросла» еще нѣсколькими близкими намъ столичными и провинціальными общественными дѣятелями, которые рѣшили съѣзжаться въ Москву раза два или три въ годъ, чтобы сговариваться насчетъ болѣе успѣшнаго веденія нѣкоторыхъ отраслей земскаго хозяйства. Черезъ годъ насъ было уже болѣе двадцати человѣкъ. Вотъ ихъ перечень: **Гр. В. А. Бобринскій** — предсѣдатель Богородицкой уѣздной земской управы Тульской губерніи, **Кн. Н. С. Волконскій** — предсѣдатель Рязанской губернской земской управы, **Гр. П. А. Гейденъ** — предводитель дворянства Опочевскаго уѣзда Псковской губерніи, **Ф. А. Головинъ** — членъ Московской губернской земской управы,

впослѣдствіи предсѣдатель 2-ой Государственной Думы, **Кн. Павелъ и Петръ Долгоруковы, М. Д. Ершовъ** — земецъ Богородицкаго уѣзда Тульской губерніи, **Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ** — членъ Московской губернской земской управы, впослѣдствіи членъ Учредительнаго Собранія, убитый большевиками въ Петербургской тюремной больницѣ, **Кн. Г. Е. Львовъ** — предсѣдатель Тульской губернской земской управы, впослѣдствіи глава Временнаго Правительства, **Н. Н. Львовъ** предсѣдатель Саратовской губернской земской управы, **В. А. Маклаковъ** — привлеченный къ кружку въ качествѣ секретаря, **А. А. Мухановъ** — Черниговскій губернскій предводитель дворянства, **Ю. А. Новосильцевъ** — предводитель дворянства Темниковскаго уѣзда Тамбовской губерніи, **Гр. Д. А. Олсуфьевъ** — предводитель дворянства Комышанскаго уѣзда Саратовской губерніи, **Гр. М. А. Олсуфьевъ** — предсѣдатель Дмитровской уѣздной земской управы Московской губерніи, **В. М. Петрово-Соловово** — земецъ Тамбовской губерніи, **Р. А. Писаревъ** — земецъ Тульской губерніи, **А. А. Свѣчинъ** — предсѣдатель Черниговской губернской земской управы, **А. А. Стаховичъ** — предводитель дворянства Елецкаго уѣзда Орловской губерніи, **М. А. Стаховичъ** — Орловскій губернскій предводитель дворянства, **Н. А. Хомяковъ** — земецъ Смоленской губерніи, впослѣдствіи предсѣдатель 3-ей Государственной Думы, **М. В. Челноковъ** — членъ Московской губернской земской управы, впослѣдствіи городской голова г. Москвы, **Кн. Д. И. Шаховской, Гр. Павелъ С. Шереметевъ, Д. Н. Шиповъ** — предсѣдатель Московской губернской земской управы, **Н. А. Шишковъ** — земецъ Самарской губерніи. (В. М. Петрово-Соловово и Ю. А. Новосильцевъ, оба женатые на дочеряхъ Кн. А. А. Щербатова, бывшаго Московскаго городского головы, были учениками и послѣдователями Б. Н. Чичерина, принимавшаго также участіе въ земствѣ Тамбовской губерніи. Позже въ Московскомъ особнякѣ Новосильцева, унаслѣдованномъ имъ отъ Кн. Щербатова,

происходили иногда земско-городскіе съѣзды. На третьей дочери Кн. Щербатова былъ женатъ Кн. Е. Н. Трубецкой, такъ же, какъ и его братъ Сергѣй Николаевичъ — профессоръ-философъ и талантливый публицистъ). Потомъ число участниковъ было болѣе 30. Никакого устава нашъ кружокъ не имѣлъ и задачи его не были формально опредѣлены. Было лишь установлено: новыхъ членовъ принимать по единогласному выбору записками. Ко времени написанія этихъ строкъ, то есть въ 1941 году, большинства членовъ этого кружка уже не было въ живыхъ. Въ Россіи были живы, насколько извѣстно, лишь Ф. А. Головинъ, Кн. Д. И. Шаховской и Гр. П. С. Шереметевъ, а въ эмиграціи — В. А Маклаковъ и я. Названіе кружку было дано: «Бесѣда» и рѣшено было также назвать и издательство сборниковъ на общественныя темы. По мѣрѣ нарастанія оппозиціоннаго политическаго настроенія въ странѣ, и въ частности въ земствѣ и въ «Бесѣдѣ» все болѣе стало выявляться конституціонное теченіе. Желательный строй его для Россіи рисовался намъ конституціонно-монархическимъ. Кружокъ былъ отчасти зародышемъ земскихъ съѣздовъ, а большинство его вошло въ конституціонно-демократическую или кадетскую, то есть К. Д. партію, она же партія народной свободы, а нѣсколько членовъ въ болѣе правую партію «мирнаго обновленія», лидерами коей въ 1-ой Государственной Думѣ были Гр. П. А. Гейденъ и М. А. Стаховичъ. Самымъ правымъ членомъ кружка можно считать Д. Н. Шипова, большого идеалиста, придерживавшагося славянофильской идеологіи единенія царя — Помазанника Божія — съ народомъ, посредствомъ совѣщательнаго народнаго представительства. По своему темпераменту и по своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ человѣкомъ очень умѣреннымъ и выдѣлялся главнымъ образомъ, какъ выдающійся земскій работникъ. Но тѣмъ не менѣе онъ былъ впослѣдствіи устраненъ Министромъ Плеве изъ предсѣдателей Московской губернской управы. Нѣкоторые члены «Бе-

сѣды» вошли передъ образованіемъ констаитуціонно-демократической партіи въ коалиціонную организацію «Освобожденіе». Въ этой организаціи члены «Бесѣды» и будущіе конституціоналисты составляли ея правое крыло, а она коалировала и съ болѣе радикальными группировками республиканцевъ и правыхъ соціалистовъ (какъ напримѣръ фабіанцевъ, народныхъ соціалистовъ и т. п.), добивавшихся соціалиьныхъ реформъ мирнымъ, конституціоннымъ путемъ. Изъ видныхъ земскихъ дѣятелей и будущихъ основателей, какъ Союза Освобожденія, такъ и Конституціонно-Демократической партіи, въ «Бесѣду» не вошли, напримѣръ, такіе лица, какъ И. И. Петрункевичъ и В. Е. Якушинъ, внукъ декабриста, хотя и близкіе многимъ изъ насъ, но слишкомъ радикально настроенные по отношенію къ средней ея линіи. Послѣ образованія политическихъ группировокъ и партій «Бесѣду» въ нѣкоторыхъ кругахъ стали шутливо называть «палатой лордовъ». И въ самомъ дѣлѣ, въ ея составъ входили почти исключительно представители дворянства, родовой аристократіи и крупнаго землевладѣнія. Но сословно-эгоистическаго и реакціоннаго духа западныхъ аграріевъ въ ней не было. «Бесѣда», какъ и образовавшіяся потомъ конституціонныя партіи, были завершеніемъ того стремленія русской интеллигенціи всего XIX столѣтія увидѣть въ Россіи правовой строй и представительный образъ правленія, которое началось съ декабристовъ и даже ранѣе. И роковымъ несчастіемъ для Россіи было то, что введеніе этого строя запоздало и пришло не данное добровольно сверху, а добытое требованіями снизу. Будь эта коренная реформа дана раньше, быть можетъ, многихъ бѣдъ Россія могла бы миновать. И виною этому были и верхи, не сумѣвшіе вовремя и смѣло пойти на политическія реформы и уступки, и низы революціонно и террористически дѣйствовавшіе и приведшіе къ роковымъ катастрофамъ 1825 г. и 1881 г., повлекшимъ за собой такія же роковыя реакціи и задержки.

«Бесѣда», послѣ того, какъ она сыграла извѣстную роль, хотя бы въ нѣкоторыхъ слояхъ, въ смыслѣ оформленія политическихъ настроеній и партій, просуществовала до 1905 года и за послѣдніе два года своего существованія продолжала главнымъ образомъ свое издательское дѣло. Одинъ перечень заглавій изданныхъ ею сборниковъ, уже рисуетъ отчасти характеръ ея дѣятельности. Надо сказать, что эти сборники имѣли у публики большой успѣхъ и имѣли также, надо полагать, извѣстное воспитательное вліяніе на тогдашнее общество. Успѣшному выполненію своихъ задачъ наше издательство было обязано удачному объединенію въ немъ практическихъ земскихъ дѣятелей, такъ сказать, голоса земли, съ живой и энергичной редакціей надавно народившагося тогда въ Петербургѣ юридическаго журнала «Право», состоящей изъ выдающихся молодыхъ ученыхъ юристовъ-теоретиковъ В. М. и I. В. Гессеновъ, Набокова, Петражицкаго, Лазаревскаго. По мѣрѣ наростанія прогрессивно-политическихъ настроеній этотъ, по началу спеціально юридическій органъ, пріобрѣлъ и политическое значеніе и имѣлъ большое распространеніе. При помощи редакціонно-издательскаго опыта вышеупомянутыхъ лицъ, ведшихъ журналъ «Право», «Бесѣда» издала нѣсколько сборниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были въ два тома. Первый сборникъ носилъ названіе «Мелкая земская единица». Для нахожденія авторитетныхъ авторовъ статей, главнымъ образомъ профессоровъ, въ эту эпоху реакціи, не могущихъ преподавать въ русскихъ университетахъ, пришлось мнѣ объѣхать чуть ли не полъ Европы. Для описанія мѣстнаго самоуправленія въ Германіи былъ приглашенъ извѣстный Берлинскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» Г. Б. Іоллосъ, впослѣдствіи членъ 1-ой Государственной Думы, убитый крайними правыми, профессоръ Эрисманъ — для Швейцаріи, профессоръ М. М. Ковалевскій — для Франціи, П. Г. Виноградовъ, тогда профессоръ Кембриджскаго университета — для Ан-

глии. Исторію мѣстнаго самоуправленія въ допетровской Руси вмѣсто уѣзжавшаго тогда для чтенія лекцій въ Америку П. Н. Милюкова, пришлось поручить инспектору одного изъ московскихъ женскихъ институтовъ молодому историку М. Н. Покровскому, давшему намъ очень дѣльную статью безъ всякой марксистской подкладки, позже соціалъ-демократу и не доброй памяти комиссару народнаго просвѣщенія большевицкаго правительства. Затѣмъ были еще изданы сборники «Нужды деревни». «Аграрный вопросъ». Подготовленъ къ изданію былъ сборникъ «Общественное призрѣніе въ Россіи и въ другихъ странахъ». Послѣднимъ появился сборникъ «Государственный строй европейскихъ странъ». Редакторомъ сборника «Аграрный вопросъ» и авторомъ его основной статьи былъ приглашенъ М. Я. Герценштейнъ, домовладѣлецъ особняка въ Гранатномъ переулкѣ въ интеллигентско-дворянскомъ кварталѣ Москвы, ученый экономистъ и въ то же время финансовый дѣятель практикъ. Какъ политикъ, онъ вошелъ потомъ въ конституціонно-демократическую партію и, принадлежа къ ея правому крылу, былъ однимъ изъ главныхъ авторовъ ея аграрной программы. Вскорѣ послѣ роспуска 1-ой Государственной Думы, въ которую онъ вошелъ депутатомъ отъ Москвы по настоянію Павла Дмитріевича, уступившаго ему, какъ спеціалисту по первостепенному для Россіи земельному вопросу, свою выдвинутую партіей кандидатуру, онъ былъ убитъ темными личностями, подосланными крайне правыми организаціями. Вскорѣ послѣ него былъ убитъ и Г. Б. Іоллосъ, его другъ дѣтства. По своей природѣ и убѣжденіямъ они оба были мирные, культурные и умѣренные прогрессивные люди, буржуазнаго толка. Послѣ ихъ смерти была воспроизведена трогательная ихъ фотографическая группа, когда они были 17-ти лѣтними пріятелями гимназистами Одесской гимназіи. Можетъ быть, не безъ вліянія на ихъ трагическую судьбу было то, что они оба по происхожденію были евреями.

Кажется въ 1904 году сталъ выходить въ Москвѣ маленькими синенькими книжками небольшой политическій журналъ «Московскій Еженедѣльникъ», издаваемый и редактируемый братьями Князьми С. Н. и Е. Н. Трубецкими. Въ какихъ то совѣщаніяхъ по этому изданію, не помню, организаціонныхъ или програмно-редакціонныхъ, принимали участіе и мы съ братомъ.

Въ политической организаціи «Освобожденіе» мой братъ принималъ ближайшее участіе, въ такъ называемой группѣ А., (такъ какъ вся организація было разбита на маленькія группы, разсѣянныя по столицамъ и по всей Россіи). Группа А. находилась въ Москвѣ и отчасти исполняла вмѣстѣ съ одной Петербургской группой функціи центральнаго комитета. Въ составъ ея входили кромѣ насъ двоихъ Кн. Д. И. Шаховской и профессора П. И. Новгородцевъ, В. И. Вернадскій и С. А. Котляревскій. Офиціальнымъ органомъ этой организаціи, какъ извѣстно, былъ журналъ того же наименованія, издававшійся сначала въ Штуттгартѣ, а затѣмъ въ Парижѣ, эмигрировавшимъ тогда П. Б. Струве. Мой братъ былъ въ числѣ основателей и членовъ центральныхъ комитетовъ, какъ «Союза Освобожденія», такъ и Конституціонно-Демократической партіи. Онъ былъ патріотомъ послѣдней, настаивая, какъ это видно и по его воспоминаніямъ, на сохраненіи ея уже въ эмиграціи, когда партія стала распадаться, и упорно называлъ происшедшій въ ней расколъ, произведенный главнымъ образомъ Милюковымъ, — отколомъ. И хотя не слѣдуетъ преувеличивать удѣльнаго вѣса эмиграціи вообще, но, разумѣется, значеніе русской такъ называемой политической эмиграціи могло бы быть больше и ея роль активнѣе, если бы въ ней удалось создать сплоченное національное государственное коалиціонное ядро, оставивъ роскошь политическихъ оттѣнковъ и разногласій, и то въ минимальныхъ предѣлахъ, до времени возвращенія къ реальной политикѣ на роди-

нѣ въ связи съ существующими тамъ силами и настроеніями.

Во время русско-японской войны братъ ѣздилъ на Дальній Востокъ во главѣ пяти санитарныхъ отрядовъ. Я мало знаю про этотъ періодъ дѣятельности брата. У меня не сохранилось о немъ письменнаго матерьяла и разсказовъ брата о его работѣ во время русско-японской войны я также не припоминаю. Во-первыхъ мы мало въ то время видѣлись, а затѣмъ главное наше вниманіе было поглощено наростающими общественными настроеніями внутри страны. Меня выписала тогда в Петербургъ наша родственница Гр. Е. В. Шувалова, снаряжавшая на свой счетъ санитарный отрядъ на Дальній Востокъ и предложившая мнѣ стать во главѣ его. Но я отклонилъ это предложеніе, предпочтя продолжать мою работу въ качествѣ предсѣдателя земской управы. На такое рѣшеніе, очевидно, повліяло то, что эта несчастная война, долженствовавшая завершить естественный ростъ и Drang nach Osten Россіи, но легкомысленно и несвоевременно вызванная предпринимательской авантюрой небольшой клики петербургскихъ дѣльцовъ и проведенная безъ достаточной подготовки и освѣдомленности, не создала въ странѣ достаточнаго подъема.

Про земско-городскіе съѣзды и ихъ роль въ политической жизни Россіи того времени достаточно писалось. Упомяну лишь про участіе въ нихъ моего брата и про нѣкоторые характерные эпизоды. Братъ все время былъ дѣятельнымъ членомъ организаціоннаго комитета, часто предсѣдателемъ съѣздовъ и предоставлялъ для большинства засѣданій бэль-этажъ нашего московскаго дома. Эти съѣзды, доходившіе подъ конецъ до 200 человѣкъ и болѣе, подобно предшествовавшимъ совѣщаніямъ «Бесѣды», хотя офиціально и не зарегистрировались, но не были конспиративными и имѣли организаціонно-иниціативный органъ. Про нихъ говорилось на земскихъ собраніяхъ, писалось въ газетахъ, на нихъ съѣзжались лица,

совсѣмъ между собой не знакомые. Въ одной изъ комнатъ былъ разставленъ большой столъ съ продажей политической легальной литературы, главнымъ образомъ, сборниковъ «Бесѣды» и многочисленныхъ ростовскихъ брошюръ Парамонова. Продавались и нѣкоторыя иностранныя сочиненія по государственному праву. Въ другой комнатѣ былъ платный буфетъ съ чаемъ и закусками. Нѣкоторыя засѣданія сняты на фотографіяхъ, между прочимъ, на одной изъ нихъ изображена группа участниковъ съѣзда, снятыхъ на балконѣ. На другой фотографіи снятъ моментъ, когда предсѣдательствовавшій тогда братъ, стоя, что-то говоритъ. На третьей — когда въ залъ засѣданія явился полицеймейстеръ Носковъ, стоящій около предсѣдателя и предлагающій собранію разойтись, а В. А. Маклаковъ что-то горячо возражаетъ и жестикулируетъ. На одномъ изъ этихъ засѣданій выдвинулась и позднѣйшая кандидатура въ предсѣдатели Государственной Думы С. А. Муромцева. Обыкновенно президіумъ сидѣлъ вмѣстѣ съ организаціоннымъ комитетомъ за длиннымъ столомъ на одномъ уровнѣ со всѣмъ заломъ. Иногда, особенно при неопытныхъ предсѣдательствующихъ, многолюдныя собранія принимали нѣсколько хаотическій характеръ. Когда предсѣдательствующимъ былъ намѣченъ С. А. Муромцевъ, то онъ, не взирая на нетерпѣливость нѣкоторыхъ изъ участниковъ съѣзда, торопившихся, кто по дѣламъ, кто на поѣздъ, потребовалъ, чтобы для предсѣдателя было устроено возвышеніе. Прошло минутъ 20 пока бѣгали въ дворницкую и по сараямъ, достали нѣсколько пустыхъ ящиковъ, чѣмъ то ихъ покрыли и водворили на нихъ кресло и столикъ предсѣдателя. И вотъ, на этомъ подіумѣ возвысилась величавая фигура Муромцева, который тихимъ голосомъ и неторопливой, но внушительной манерой говорить, такъ овладѣлъ собраніемъ, что безъ всякихъ съ его стороны внѣшнихъ проявленій власти, напоминаній или звонковъ можно было слышать, какъ муха пролетитъ и всѣ голосованія и ре-

золюціи проходили быстро и въ полномъ порядкѣ. При обсужденіи вопроса объ автономіи Польши на земско-городскомъ съѣздѣ въ началѣ сентября 1905 года Павелъ Дмитріевичъ сказалъ слѣдующее:

«Для меня польскій вопросъ не есть только вопросъ политическій, но является и моральной проблемой и дѣломъ народной совѣсти Россіи. Не вижу возможности половинчатаго рѣшенія вопроса. Единственный выходъ, на которомъ можно согласиться, — есть возстановленіе независимой Польши.»

Для того времени подобное заявленіе даже для прогрессивной среды являлось очень смѣлымъ.

Братъ былъ также участникомъ депутаціи (въ іюлѣ 1905 года), посланной земско-городскимъ съѣздомъ къ Государю, къ которому Кн. С. Н. Трубецкой обратился съ своей замѣчательной рѣчью, умолявшей его, не опираясь на отдѣльныя сословія, внять голосу всей страны и провести нѣкоторыя необходимыя реформы, которыя дали бы возможность Царю вмѣстѣ съ народомъ мирно вести страну по пути преуспѣянія. Я, хотя и былъ тоже избранъ въ эту депутацію, но не поѣхалъ, предугадывая безплодность этого шага, въ виду слабоволія бѣднаго Государя и ежедневнаго давленія на него его ближайшаго окруженія въ противуобщественномъ направленіи. И хотя мой прогнозъ, къ несчастью, отчасти оправдался, но съ тактической и политической стороны поведеніе брата въ данномъ случаѣ было правильнѣе. Надо было, хотя бы для очищенія нашей совѣсти, людямъ въ нашемъ положеніи, сдѣлать всѣ шаги, хотя бы кажущіеся почти безнадежными, для достиженія мирнаго разрѣшенія надвигавшагося кризиса. Какъ извѣстно жизнь пошла по иному пути. Разразилась всеобщая забастовка, реформа была вынуждена и только послѣ этого созваны были «лучшіе люди», какъ назвалъ въ своей привѣтственной рѣчи въ Зимнемъ

дворцѣ Государь, прибывшихъ въ Петербургъ членовъ 1-ой Государственной Думы.

Послѣднимъ многолюднымъ собраніемъ земско-городскихъ съѣздовъ было, кажется, то, которое происходило въ октябрѣ 1905 года во время всеобщей политической забастовки въ темной Москвѣ безъ газа и электричества. Въ большой залѣ нашего дома, еле освѣщенной нѣсколькими свѣчами и керосиновыми лампами, въ первомъ часу ночи, царило нервное выжидательное настроеніе. Вдругъ, въ залу вбѣгаетъ, запыхавшись, сотрудникъ «Русскихъ Вѣдомостей» А. Н. Максимовъ и громко заявляетъ, что только что возстановлена телефонная связь съ Петербургомъ и получено сообщеніе, что дана конституція. И къ концу его словъ, какъ будто по нарочитому мановенію какого-то театральнаго «начальника эффектовъ» въ залѣ вдругъ засвѣтились всѣ электрическія люстры и канделябры. Поднялся громъ голосовъ, предсѣдательствующій прокричалъ нѣсколько словъ и съ трудомъ немного успокоилъ собраніе. Послѣдовало нѣсколько краткихъ рѣчей и почти всѣ направились въ литературно-художественный кружокъ, тогдашній центръ общественной и артистической Москвы.

Въ 1906 году при выборахъ депутатовъ въ 1-ую Государственную Думу, братъ, какъ выше было сказано, снялъ свою кандидатуру, выдвинутую Московскимъ городскимъ комитетомъ, въ пользу М. Я. Герценштейна. Сейчасъ же послѣ выборной кампаніи въ 1-ую Государственную Думу, задержавшей его ежегодную весеннюю поѣздку заграницу, братъ на этотъ разъ поѣхалъ лишь на двѣ недѣли и, какъ обычно, въ Италію и затѣмъ чрезъ Ривьеру въ Парижъ, гдѣ пробылъ всего четыре дня. Здѣсь онъ встрѣтился съ В. А. Маклаковымъ, прямо пріѣхавшимъ въ Парижъ тоже послѣ Московскихъ выборовъ. Тутъ они сдѣлались жертвой неправильныхъ слуховъ, будто они оба, и даже отъ лица конституціонно-демократической партіи, противодѣйствовали заключавшемуся въ

Парижѣ русскому правительственному займу наканунѣ созыва Государственной Думы. Эти слухи затѣмъ расширились въ Петербургѣ и сдѣлались предметомъ не только случайно возникающихъ сплетень и пересудовъ, но отчасти и злостныхъ нападокъ со стороны противниковъ партіи справа и слѣва по мотивамъ прямо противоположнымъ. Правые обвиняли кадетовъ въ противогосударственныхъ дѣйствіяхъ, а лѣвые въ недостаточной оппозиціонности. Я считаю нужнымъ остановиться на выясненіи этого вопроса болѣе подробно, такъ онъ, несмотря на его давность, имѣетъ и нѣкоторый историческій интересъ, давая въ свое время врагамъ К. Д. партіи возможность обвинять ее въ негосударственности. И этими слухами были введены въ заблужденіе нѣкоторые авторитетные люди, оперировавшіе невѣрными свѣдѣніями уже въ эмигрантской печати и тѣмъ ихъ закрѣпившіе. Я же кромѣ того считаю своимъ долгомъ выступить въ защиту моего брата, такъ какъ онъ самъ этого не дѣлалъ, когда это были лишь слухи и сплетни, а когда они получили закрѣпленіе въ печати, его уже не было въ живыхъ. Вотъ, что пишетъ В. А. Маклаковъ въ своей статьѣ «Изъ прошлаго» въ № 66 «Современныхъ Записокъ» о легендѣ кадетскаго противодѣйствія займу 1906 года:

«Въ свое время объ этомъ было много разсказовъ неточныхъ и фантастическихъ. Зная, что онъ ни въ чемъ не провиненъ, Долгоруковъ равнодушно и даже насмѣшливо слушалъ какую напраслину на него распускаютъ, не спорилъ и никому не отвѣчалъ. А между тѣмъ, онъ еще до поѣздки своей заграницу предсѣдательствовалъ на Московскомъ засѣданіи Центральнаго Комитета К.-Д. партіи, на которомъ было рѣшено отнестись отрицательно къ предложенію болѣе радикальныхъ группировокъ участвовать въ кампаніи противъ займа.»

Братъ случайно ѣхалъ въ одномъ поѣздѣ съ Маклаковымъ до Варшавы. Вотъ, что послѣдній пишетъ въ вышеупомянутой статьѣ:

«Мы разстались въ Варшавѣ. Долгоруковъ собирался позднѣе пріѣхать въ Парижъ, и я оставилъ ему свой адресъ. Разговора о займѣ у насъ съ нимъ не было . Мы собирались отдыхать отъ всякой политики... Тутъ (въ Парижѣ) мнѣ сообщили, насколько здѣшняя эмиграція поглощена вопросомъ о займѣ; что образовался франко-русскій комитетъ, для противодѣйствія займу; что здѣсь всѣ удивляются, почему кадеты въ этомъ вопросѣ стоятъ въ сторонѣ».

Затѣмъ В. А. Маклаковъ разсказываетъ, какъ этотъ комитетъ настаивалъ, чтобы онъ посѣтилъ Министра Финансовъ — Пуанкаре, вмѣстѣ съ членомъ комитета Жильяромъ. Когда же онъ отказывался вслѣдствіе отрицательнаго отношенія его партіи къ участію въ агитаціи противъ займа и вслѣдствіе хотя бы того, что время для такой агитаціи пропущено, ибо заемъ тогда уже былъ заключенъ, и уже печатались заемные листы, — то они увѣряли, будто французамъ важно познакомиться съ пріѣхавшимъ изъ Россіи членомъ партіи, только что побѣдившей при выборахъ въ Государственную Думу. Маклаковъ, однако, колебался, тѣмъ болѣе, что Жильяръ внезапно уѣхалъ изъ Парижа и ему пришлось бы ѣхать на назначенный пріемъ одному. Но какъ разъ въ тотъ день, когда было назначено посѣщеніе Пуанкаре, къ нему неожидано входитъ только что пріѣхавшій въ Парижъ Павелъ Дмитріевичъ, раньше знавшій Пуанкаре по пацифистскимъ конгрессамъ, который даже посѣтилъ брата въ свою бытность въ Москвѣ. Братъ согласился на просьбу Маклакова поѣхать къ Пуанкаре. Визитъ ихъ былъ коротокъ и Пуанкаре удивилъ ихъ неожиданнымъ для нихъ сообщеніемъ, что Совѣтъ Министровъ рѣшилъ поставить условіемъ, чтобы получаемыя по займу деньги могли расходоваться лишь съ разрѣшенія Государственной Думы. Это собственно было понятно само собой, такъ какъ воспользоваться займомъ до созыва Государственной Думы нельзя было успѣть. Но понятенъ былъ интересъ, ко-

торый проявляли члены французскаго правительства къ членамъ либеральной партіи, которая будетъ составлять большинство Думы, тогда какъ до сихъ поръ во Франціи знали больше радикальную и революціонную русскую эмиграцію обыкновенно соціалистическаго направленія. Въ этомъ же убѣждаетъ и бывшій передъ тѣмъ у Маклакова длинный и интересный разговоръ съ тогдашнимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Клемансо, который касался всевозможныхъ политическихъ темъ и менѣе всего вопроса о займѣ. Изъ словъ, сказанныхъ Клемансо, что, теперь, когда заемъ уже заключенъ, не имѣетъ смысла агитировать противъ его реализаціи, можно было заключить, что тогдашняя русская эмиграція обращалась къ нему съ такимъ предложеніемъ. В. А. Маклаковъ пишетъ:

«Жильяръ (членъ франко-русскаго комитета) за два или три дня до отъѣзда изъ Парижа пришелъ съ новымъ предложеніемъ. Такъ какъ правительство (французское) рѣшеніе уже приняло, то съ этой стороны нечего было дѣлать. Но комитетъ задумалъ обращеніе къ обществу путемъ воззванія въ газетахъ и расклейки афишъ. Насъ Жильяръ спрашивалъ, согласны ли мы присоединиться къ воззванію и дать наши подписи не отъ себя лично, а отъ партіи. А если мы не захотимъ подписать общее съ Комитетомъ воззваніе, то согласимся ли написать его отдѣльно. Конечно, мы не хотѣли.»

Между прочимъ Кремансо сказалъ:
«банкиры сумѣютъ всучить его (заемъ) публикѣ. Я самъ совѣтовалъ своей прислугѣ подписаться на этотъ заемъ. Не можетъ же всякій консьержъ по поводу займа дѣлать политику».

Есть основаніе думать, что представителямъ франко-русскаго комитета удалось проникнуть не только къ Клемансо и Пуанкаре, но и къ Президенту Республики Фальеру. В. А. Маклаковъ не отрицаетъ, что члены К. Д. партіи, какъ вѣроятно, и многіе русскіе, интересующіеся по-

литикой, жалѣли, что заключенiе займа не было отложено до созыва Думы. Послѣ того, какъ въ бесѣдѣ съ Клемансо о займѣ было сказано лишь нѣсколько словъ, разговоръ касался другихъ, интересующихъ обѣ стороны вопросовъ и часть его передана въ вышеупомянутой статьѣ Маклакова.

Насколько невѣрные слухи о противодѣйствiи въ Парижѣ заключенiю займа со стороны Маклакова и брата были распространены, свидѣтельствуетъ то, что даже такое лицо, какъ тогдашнiй лидеръ конституцiонно-демократической партiи П. Н. Милюковъ, который, казалось бы, долженъ былъ знать дѣла партiи и имѣлъ собственноручно написанное объясненiе брата, повѣрилъ этимъ слухамъ. Тѣмъ болѣе простительно, что этимъ укоренившимся слухамъ повѣрило и еще болѣе напутало такое лицо, какъ Эрiо, который въ серединѣ тридцатыхъ годовъ въ палатѣ заявилъ, что русскiе либералы, какъ напримѣръ Милюковъ, грозили въ свое время непризнанiемъ займа. Вполнѣ понятно, что Эрiо въ этомъ давнишнемъ и чужомъ дѣлѣ не слишкомъ разбирался и не дѣлалъ различiя между тѣми или другими представителями кадетской партiи и членами франко-русскаго комитета. Вѣдь даже П. Н. Милюковъ вотъ что пишетъ черезъ 30 лѣтъ послѣ описываемыхъ событiй въ своей статьѣ: «Русскiе либералы и заемъ 1906 года», въ «Послѣднихъ Новостяхъ» отъ 5-го марта 1936 года:

«Мнѣ пришлось отвѣтить г. Эрiо печатно, что ни я, ни партiя народной совободы, не только не вели подобной пропаганды, но, напротивъ партiя дезавуировала (какъ позже будетъ видно изъ словъ проф. Н. И. Карѣева, такого факта дезавуацiи никогда не было. П. Д.) нѣкоторыхъ своихъ членовъ, когда были получены свѣдѣнiя, оказавшiяся, какъ увидимъ дальше, невѣрными, что эти члены агитируютъ въ Парижѣ противъ признанiя займа. Я пояснилъ въ интеревью, данномъ газетѣ "Liberté", что рѣчь идетъ о двухъ членахъ партiи, покой-

номъ Павлѣ Дмитріевичѣ Долгоруковѣ, разстрѣлянномъ впослѣдствіи большевиками и В. А. Маклаковѣ. Долженъ признать, что и самъ я до послѣдняго времени раздѣлялъ мнѣніе, что такая пропаганда съ угрозой неплатежа, дѣйствительно велась обоими этими членами, въ Парижѣ. Но теперь появились подробныя объясненія В. А. Маклакова (въ только что вышедшей книжкѣ «Современныхъ Записовъ») и мнѣ удалось найти въ моихъ старыхъ бумагахъ, краткое, но точное и обстоятельное объясненіе Кн. Долгорукова, которое показываетъ, что я былъ неправъ по отношенію къ моимъ партійнымъ товарищамъ, и что они въ данномъ случаѣ вполнѣ раздѣляли мнѣніе партіи.»

Это откровенное публичное признаніе П. Н. Милюкова своей ошибки нельзя не признать весьма почтеннымъ и честнымъ актомъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Кстати приведу здѣсь дальнѣйшія строки изъ той же его статьи, рисующія отношеніе К. Д. партіи къ вопросу о дезавуаціи правительственныхъ займовъ вообще.

«Къ факту заключенія займа передъ самымъ созывомъ Думы, какъ къ попыткѣ освободиться отъ ея политическаго воздѣйствія на правительство, мы всѣ относились отрицательно. Но отсюда еще далеко до той заграничной кампаніи противъ займа и (буду говорить словами тогдашней моей статьи въ «Рѣчи»), до тѣхъ прямыхъ и формальныхъ угрозъ банкротствомъ, которыхъ требовали отъ насъ группы болѣе лѣвыя. Нечего и говорить, что всѣ толки о какихъ то прямыхъ дипломатическихъ переговорахъ о займѣ между партіями и иностранными правительствами, — толки, такъ усердно распространявшіеся съ цѣлью дискредитировать партію, есть сплошная ложь и клевета. Я указалъ тогда же, что требованія лѣвыхъ «финансоваго бойкота» правительства не новы: уже съ 9 января 1905 года они обращались сначала къ земскимъ и городскимъ съѣздамъ, потомъ къ партіи К. Д., но что многочисленные посѣтители митинговъ партіи народной свободы должны хорошо помнить ея всегдашнюю аргументацію противъ непризнанія долговъ. А затѣмъ я формулировалъ точку зрѣнія партіи слѣду-

ющимъ образомъ: «Партія всегда считала, что ни одно правительство не можетъ отказаться отъ исполненія обязательствъ, принятыхъ на себя предыдущимъ законнымъ правительствомъ; и какъ бы высоко не поднимались волны партійной полемики, эта аксіома политической азбуки не забывалась представителями партіи.»

И насколько эти слова П. Н. Милюкова по отношенію къ партіи вѣрны, настолько же его тогдашнія утвержденія о дезавуированіи партіей В. А. Маклакова и Павла Дмитріевича Долгорукова не соотвѣтствуютъ истинѣ, что видно изъ напечатаннаго въ сборникѣ «Право» отчета кадетскаго съѣзда въ апрѣлѣ 1906 года, то есть послѣ ихъ заграничной поѣздки. Предсѣдателемъ съѣзда предложенъ былъ Кн. Павелъ Дмитріевичъ Долгоруковъ и Н. И. Карѣевъ отъ лица Петербургскаго Городского Комитета мотивировалъ это такими словами:

«За послѣднее время это уважаемое имя трепалось, дѣлались попытки облить потоками грязи, мы всѣ очень рады возможности протестовать противъ этого. Мы должны заявить, что нашимъ предсѣдателемъ долженъ быть Кн. Долгоруковъ».

Предложеніе Карѣева было принято при общихъ рукоплесканіяхъ.

Если даже Милюковъ самъ былъ введенъ и ввелъ другихъ въ заблужденіе, то тѣмъ болѣе простительно, что такое лицо, какъ тогдашній Министръ Финансовъ Гр. В. Н. Коковцевъ, ведшій въ 1906 году въ Парижѣ переговоры о займѣ, стоявшій далеко отъ русскихъ партійныхъ дѣлъ и не имѣвшій ни нужды, ни желанія въ нихъ разбираться, сталъ жертвою ходившихъ потомъ слуховъ по поводу эпизода, въ общемъ незначительнаго и для него никакого значенія не имѣющаго. Вотъ, что онъ пишетъ на стран. 155 и 156 т. I своихъ воспоминаній, изданныхъ имъ уже въ эмиграціи, болѣе четверти вѣка послѣ собы-

тій, имъ описываемыхъ, и семь лѣтъ спустя послѣ смерти брата. Во время посѣщенія имъ Президента Республики Фальера, послѣдній сказалъ:

«Но Вы должны быть готовы къ, тому, что это (то есть заключеніе займа П. Д.) пройдетъ не совсѣмъ гладко, потому что здѣсь находятся Ваши соотечественники, которые ведутъ самую энергичную кампанію противъ заключенія займа.»

Затѣмъ приводится разсказъ Фальера, какъ онъ, благодаря посредничеству Анатоля Франса, принялъ русскихъ, которые неожиданно для него, заговорили о займѣ. Именъ ихъ онъ Гр. Коковцеву не назвалъ.

«Изъ словъ Президента Республики я понялъ, что визитъ къ нему былъ сдѣланъ послѣ того, какъ попытка этихъ русскихъ людей, добиться свиданія съ Министромъ Финансовъ (Пуанкаре) не увѣнчалась успѣхомъ. Впослѣдствіи имена этихъ двухъ лицъ стали всѣмъ извѣстны: Кн. П. Д. Долгоруковъ и Гр. Нессельроде. Въ бытность мою въ Парижѣ я нигдѣ не встрѣчался съ ними, но впослѣдствіи въ засѣданіяхъ Думы мнѣ не разъ приходилось публично выступать по этому поводу и всякій разъ на мое заявленіе объ этомъ печальномъ эпизодѣ со скамей оппозиціи неизмѣнно раздавалось: «Опять Министръ Финансовъ разсказываетъ басни, которыхъ никогда не было.»

Благодаря авторитетности автора этихъ строкъ и категоричности его утвержденія у читателя получается впечатлѣніе, что мой братъ былъ у Президента Фальера и при томъ послѣ того, какъ ему не удалось добиться свиданія съ Министромъ Финансовъ Пуанкаре. А между тѣмъ братъ былъ только у послѣдняго и, какъ выше было сказано, случайно и короткое время и послѣ того, какъ заемъ былъ уже заключенъ. А на стран. 152 Гр. Коковцевъ говоритъ какъ разъ про Пуанкаре:

«Его содѣйствію я обязанъ главнымъ образомъ тѣмъ, что не уѣхалъ изъ Парижа съ пустыми руками.»

У Президента же Фальера братъ совсѣмъ не былъ и свиданія съ нимъ не добивался. Надо полагать, что во время посѣщенія Гр. Коковцевымъ Фальера, брата еще не было въ Парижѣ, такъ какъ Фальеръ говорилъ о могущихъ встрѣтиться затрудненіяхъ для заключенія займа, тогда какъ ко времени пріѣзда брата въ Парижъ заемъ уже былъ заключенъ. Послѣ появленія воспоминаній Гр. Коковцева ко мнѣ стали обращаться его читатели, а иногда обращаются и до сихъ поръ, съ недоумѣннымъ вопросомъ, какимъ образомъ Павелъ Дмитріевичъ могъ участвовать въ такомъ актѣ? Было даже нѣсколько случаевъ, когда лица, думавшія, что это я противодѣйствовалъ въ Парижѣ заключенію займа, упрекали меня въ этомъ антигосударственномъ образѣ дѣйствій. Я долженъ оговориться, что изъ чтенія воспоминаній Гр. Коковцева и, главное, изъ моей съ нимъ переписки, я вынесъ впечатлѣніе, что онъ, повидимому, съ полной добросовѣстностью отнесся къ своему освѣщенію даннаго эпизода такъ, какъ онъ ему дѣйствительно представлялся и лишь случайно и главнымъ образомъ благодаря авторитетности своего имени подкрѣпилъ циркулировавшіе въ свое время невѣрные слухи.

Вотъ, что пишетъ Гр. В. Н. Коковцевъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ, написанномъ 4-го сентября 1941 года:

«Изъ страницы 156 (моихъ воспоминаній), съ очевидностью выясняется, что въ бытность мою въ Парижѣ я не имѣлъ никакого понятія о томъ, кто именно изъ русскихъ общественныхъ дѣятелей находился въ Парижѣ во время заключенія этого займа и кто изъ нихъ посѣщалъ Президента Республики Фальера.»

И далѣе:

«Указывается совершенно опредѣленно, что Президентъ не упомянулъ мнѣ ни одного имени. Слухи о вол-

нующемъ Васъ событіи, конечно, ходили. Изъ Думскихъ круговъ они неизбѣжно переходили въ такъ называемые «кулуары», а изъ нихъ перекочевывали и въ газетные круги.»

В. А. Маклаковъ 6-го октября 1941 года пишетъ Гр. Коковцеву:

«Насколько я понимаю, ему (Петру Дмитріевичу Долгорукову) больно, что Вы какъ будто продолжаете думать, что именно его братъ велъ кампанію противъ займа и съ этой цѣлью былъ у Фальера. Ему хотѣлось бы слышать отъ Васъ, что Вы теперь этого не думаете. Въ Вашемъ письмѣ ко мнѣ Вы пишете: «Истинное возстановленіе истины принадлежитъ цѣликомъ Вамъ, а вовсе не мнѣ». Если эту фразу можно понять такъ, что мой разсказъ о томъ, что дѣлалъ Долгоруковъ въ Парижѣ, считается истиной, которую я возстановилъ, то это Ваше сужденіе и было бы для него тѣмъ самымъ успокоеніемъ, которое онъ такъ хотѣлъ получить».

Мнѣ же В. А. Маклаковъ пишетъ отъ 9-го октября 1941 года:

«Я позволилъ себя указать Гр. Коковцеву, что если мой разсказъ о происходившемъ въ Парижѣ онъ считаетъ «возстановленіемъ истины», то это было бы для Васъ очень дорого и просилъ его разрѣщенія сообщить Вамъ его. На это я получилъ отвѣтъ, который кончается такими словами: «Не разрѣшите ли мнѣ вернуть Вамъ всю мою переписку съ Кн. Долгоруковымъ и просить Васъ отвѣтить ему такъ, какъ Вы сами намѣтили въ Вашемъ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ. Я всецѣло присоединяюсь и къ Вашему объему отвѣта и къ его формулировкѣ». Радъ, что я (то есть В. А. Маклаковъ), который больше всѣхъ виноватъ въ томъ, что Павелъ Дмитріевичъ оказался какъ бы замѣшаннымъ въ это дѣло, смогъ, хотя и поздно, опровергнуть распущенную про него неправду.»

Въ 1907 году братъ былъ выбранъ отъ города Москвы въ 2-ую Государственную Думу, которая собралась

въ февралѣ и просуществовала всего 3 ½ мѣсяца, будучи настроена еще непримиримѣе къ правительству, чѣмъ 1-ая Дума. Во 2-ой Думѣ конституціонно-демократическая фракція, въ которую входилъ братъ, уже не составляла ея большинства, какъ въ 1-ой Думѣ. Усилились лѣвыя группы и появилась партія правыхъ. Вся сессія прошла въ непрерывномъ остромъ боѣ между «мы» и «они», то есть между правительствомъ и оппозиціей. Особенно бурлили и рѣзко выступали соціалъ-демократы съ своими темпераментными кавказскими ораторами и соціалисты-революціонеры, вмѣсто прежней болѣе неопредѣленной фракціи трудовиковъ. Мнѣ пришлось быть лишь на одномъ засѣданіи этой Думы, происходившемъ въ аванзалѣ Таврическаго дворца, вслѣдствіе обвалившагося ночью потолка въ залѣ засѣданій. Братъ не выступалъ въ Думѣ съ рѣчами; онъ только вносилъ нѣсколько разъ разныя дѣловыя предложенія и по большей части отъ имени конституціонно-демократической фракціи, напримѣръ, о порядкѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ, о проэктахъ резолюцій и т. п. Между прочимъ онъ говорилъ по вопросу объ отправкѣ привѣтственной телеграммы Финляндскому Сейму. Онъ вообще не былъ рѣчистъ и не претендовалъ на роль оратора. А для обостренной, часто митинговой атмосферы этой Думы онъ совсѣмъ не подходилъ. Онъ по своимъ наклонностямъ былъ безусловно политикомъ въ настоящемъ и буквальномъ смыслѣ этого слова, происходящаго отъ греческаго πόλις — городъ, то есть гражданиномъ, государственникомъ, а не тѣмъ, что у насъ иногда подразумѣвается подъ этимъ словомъ, а именно политикомъ, играющимъ въ партійныя бирюльки. Нужно оговориться, что политикомъ у насъ можно было быть лишь настолько, насколько русская дѣйствительность это позволяла. И нельзя было равняться, напримѣръ, съ такой страной, какъ Англія, въ которой политическая свобода слова завоевана уже давно, гдѣ имѣются цѣлыя династіи политиковъ —

государственныхъ дѣятелей, гдѣ въ университетѣ преподается ораторское искусство и устраиваются показательныя парламентскія засѣданія. А у насъ въ младенческіе годы представительнаго образа правленія политическими ораторами являлись главнымъ образомъ представители интеллигентскихъ профессій, въ которыхъ наиболѣе пріобрѣталась привычка къ публичнымъ выступленіямъ, какъ напримѣръ, адвокаты, профессора, земскіе и городскіе дѣятели. Вслѣдствіе того, что представительный образъ правленія у насъ былъ недавно завоеванъ снизу, большинство думскихъ ораторовъ было оппозиціонно настроено и къ нимъ примкнули радикальные и въ большинствѣ малокультурные митинговые ораторы лѣвыхъ секторовъ. У многихъ нашихъ политиковъ того времени не могло быть достаточно государственныхъ навыковъ, а иногда и государственнаго смысла, вслѣдствіе отсутствія у нихъ привычки къ отвѣтственной, созидательной государственной работѣ. Эти навыки, переходившіе порой въ рутину, были у чиновничества, а требованія жизни, проявляющіяся иногда въ бурливой формѣ, у земщины. Рознь между «мы» и «они» въ первыхъ Думахъ не только не уменьшалась, но, напротивъ, увеличивалась и отношенія обострялись.

Къ моему брату, по его политической оріентировкѣ подходило опредѣленіе — «консервативнаго либерала», то есть опредѣленнаго и стойкаго либерала, но умѣряемаго достаточнымъ количествомъ задерживающихъ центровъ. Сторонникъ соціальныхъ реформъ, онъ былъ противникомъ соціализма съ его классовой борьбой и обобществленіемъ орудій производства. Будучи истиннымъ демократомъ,опять таки въ правильномъ смыслѣ этого слова, онъ не былъ снобомъ радикализма, чѣмъ грѣшили у насъ нѣкоторые представители буржуазіи и промышленности. Онъ не былъ ни народникомъ, ни кающимся дворяниномъ, ни толстовцемъ-опрощенцемъ. Въ немъ были одновременно съ искреннимъ демократизмомъ нѣко-

торыя характерныя черты русскаго барина. Очень показателенъ для его политической физіономіи тотъ фактъ, что никакого участія не только въ подготовкѣ, но и въ разговорахъ о предполагавшемся дворцовомъ переворотѣ онъ не принималъ, что видно изъ книги С. П. Мельгунова «На путяхъ къ дворцовому перевороту», въ которой авторъ книги отмѣчаетъ «большое для того времени безпристрастіе Кн. П. Д. Долгорукова».

Въ началѣ 1911 года Павлу Дмитріевичу пришлось оставить и должность предводителя дворянства. Такъ какъ я въ то время жилъ съ семьей почти безвыѣздно въ своемъ Курскомъ имѣніи и почти не видался съ братомъ, то и тогда вѣроятно не зналъ сути и подробностей сопровождавшихъ это обстоятельство, а позже во всякомъ случаѣ забылъ ихъ. Поэтому привожу въ качествѣ свидѣтельскихъ показаній письма двухъ запрошенныхъ мною по этому вопросу лицъ уже послѣ смерти брата. Вотъ, что писалъ мнѣ 21-го апрѣля 1928 года изъ Сербіи покойный М. В. Челноковъ, бывшій Московскій городской голова:

«Противъ Павла Дмитріевича походъ открылъ губернаторъ, привлекши его къ отвѣтственности за «превышеніе власти» по статьѣ, лишающей права участвовать въ выборахъ. Обвиненіе было нелѣпое. Въ Московской губерніи во всѣхъ уѣздахъ всегда крестьяне засыпали сѣмена, а весной ихъ для посѣва разбирали безъ разрѣшенія губернскаго присутствія, а съ согласія уѣздной земской управы и предводителя. Понятно, Павелъ Дмитріевичъ слѣдовалъ общему порядку и разрѣшалъ сѣмена разбирать. Въ Московской губерніи хлѣбные магазины всегда служили только для храненія сѣмянъ, а продовольственные запасы хранились въ процентныхъ бумагахъ. Поэтому крестьяне, не трогая продовольственныхъ средствъ, на сѣмена смотрѣли, какъ на свою собственность и сдавали ихъ въ магазинъ для удобства — на храненіе; даже не допускалась мысль, чтобы возможно было отказать въ выдачѣ. Павелъ Дмитріевичъ, получивъ за-

просъ отъ губернатора, отвѣтилъ ему, что разобрать сѣмена онъ разрѣшилъ, какъ дѣлалъ всегда, и какъ дѣлается испоконъ вѣка во всей губерніи. Въ отвѣтъ на это послѣдовало привлеченіе его къ отвѣтственности. Уѣздная земская управа, которая должна была бы раздѣлить отвѣтственность съ Павломъ Дмитріевичемъ, была оставлена въ покоѣ, такъ же, какъ двѣнадцать остальныхъ предводителей и уѣздныхъ земскихъ управъ, поступавшихъ совершенно такъ же, какъ Павелъ Дмитріевичъ. Въ этой постыдной исторіи интересно отношеніе Князя Павла Дмитріевича къ своимъ коллегамъ по Дворянскому собранію. Князь остался совершенно спокоенъ, сохранилъ лично хорошія отношенія съ предводителями и только иногда надъ ними иронически подшучивалъ.»

Въ концѣ 1940 года я запросилъ проживающаго въ Парижѣ нашего знакомаго москвича В. Ф. Малинина, не помнитъ ли онъ что нибудь объ этомъ дѣлѣ. Вотъ, что онъ мнѣ написалъ:

«По вопросу о вашемъ братѣ Кн. Павлѣ Дмитріевичѣ, могу Вамъ сообщить, что будучи членомъ Московской городской управы отъ 1907 до 1917 года, я отлично помню свое участіе въ составѣ особаго присутствія Московской судебной палаты съ сословными представителями при разборѣ дѣла о Павлѣ Дмитріевичѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами по обвиненію въ сообщничествѣ по подстрекательству крестьянъ Рузскаго уѣзда къ неисполненію ими какихъ то обязанностей, какихъ точно не помню. Отлично помню, какъ Павелъ Дмитріевичъ отказался отъ защитника и защищался самъ. Князь былъ признанъ виновнымъ, наказаніе же состояло въ отчисленіи отъ должности предводителя по суду, что по закону лишало Павла Дмитріевича возможности занимать вообще выборныя должности. Этого, конечно, и добивались не столько дворяне, сколько правительство. Я, какъ Вы знаете, будучи не лѣвымъ, чувствовалъ искусственность процесса, какъ способа изъятія Павла Дм. изъ общественной дѣятельности, и поэтому остался при особомъ мнѣніи.»

Слѣдствіе и дѣло тянулись очень долго. Начались передъ выборами въ 3-ю Государственную Думу, въ которыхъ онъ, какъ подслѣдственный, не могъ участвовать, и закончились въ декабрѣ 1910 года. «Возможно», — добавляетъ В. Ф. Малининъ — «что въ связи съ этимъ приговоромъ послѣдовало и лишеніе придворнаго чина камергера.» Я не имѣю никакихъ данныхъ утверждать, чтобы этотъ приговоръ съ формальной стороны былъ неправильнымъ. Однако, надо имѣть въ виду, что въ общемъ спеціально введеный для политическихъ процессовъ судъ съ сословными представителями по своей объективности былъ ниже суда присяжныхъ и болѣе способенъ поддаваться административному давленію, какъ и вообще судъ временъ Министра Юстиціи Щегловитова. А что касается лишенія придворнаго званія, то не надо забывать, что такой же карѣ подверглись въ ту эпоху и такіе лица, какъ Черниговскій губернскій предводитель дворянства А. А. Мухановъ и В. Д. Набоковъ, которые, будь въ Россіи правовой строй, были бы консерваторами чистѣйшей воды и вѣрнѣйшей опорой трона.

Во время Великой Войны мы съ братомъ оказались въ двухъ сосѣднихъ арміяхъ на Галиційскомъ фронтѣ: онъ въ 3-ей арміи генерала Радко-Дмитріева на Краковскомъ направленіи, въ качествѣ начальника санитарнаго отряда Всероссійскаго Союза Городовъ, а я въ 8-ой Брусиловской на Перемышльскомъ направленіи, призванный въ качествѣ прапорщика запаса армейской кавалеріи. Нѣсколько разъ до меня доходили похвальные отзывы о дѣятельности санитарнаго отряда, дѣйствовавшаго подъ его начальствомъ. Разъ только съѣхались мы съ нимъ весной 1915 года на два дня во Львовѣ въ военно-тыловой обстановкѣ. Припоминается мнѣ посѣщеніе нами нашего хорошаго знакомаго Н. А. Хомякова, предсѣдателя 3-ей Государственной Думы, въ то время главноуполномоченнаго Россійскаго Краснаго Креста. Помню, съ какимъ интересомъ онъ разспрашивалъ насъ, пріѣхавшихъ съ фрон-

та, о настроеніяхъ арміи. Тогда уже началась тревога, связанная съ недостаткомъ боевого снаряженія, съ огромными нашими потерями и съ дрогнувшимъ уже кое-гдѣ настроеніемъ нашихъ солдатъ. О полномъ развалѣ арміи въ концѣ войны и о гражданской войнѣ, братъ пишетъ въ своемъ очеркѣ «Великая разруха».

Этотъ періодъ жизни брата, хотя и косвенно, но достаточно ярко изображенъ въ его статьѣ, написанной тогда же, но нигдѣ не напечатанной, воспроизводимой ниже полностью.

Пасха на фронтѣ.

Зимой 1914-1915 г. г. передовой отрядъ Союза Городовъ, коего я былъ уполномоченнымъ, работалъ въ пяти верстахъ отъ фронта (р. Дунаецъ) въ г. Тарновѣ, въ Галиціи, при третьей арміи, командиромъ которой былъ болгаринъ генералъ Радко-Дмитріевъ, разстрѣлянный впослѣдствіи въ Пятигорскѣ большевиками. Всю зиму нѣмцы, подкрѣплявшіе австрійскій фронтъ, обстрѣливали насъ изъ 16-ти дюймовой «Берты», снаряды которой, почти въ ростъ человѣка, вырывали вороники сажени въ три діаметромъ, разрушили вмѣстѣ съ вокзаломъ нашу амбулаторію и, взметая изъ воронокъ камни и землю, обсыпали ими насъ и раненыхъ, разбивая стекла въ окнахъ.

Мы ѣздили на фронтъ, снабжая стоявшій тамъ Ровенскій полкъ книгами изъ Московскаго общества грамотности, подарками и гостинцами, присылаемыми изъ Россіи. Офицерамъ привозили также пиво, солдатамъ табакъ.

При многомѣсячной позиціонной въ этомъ мѣстѣ войнѣ, обстрѣлъ обыкновенно былъ вялый. Мы оставляли автомобиль въ халупѣ-штабѣ, въ лощинкѣ и идя прорытыми ходами, кое гдѣ перебѣгая открытое мѣсто, разда-

вали подарки въ передовыхъ окопахъ. Съ нашего возвышеннаго берега въ бинокль хорошо можно было видѣть австрійцевъ и ихъ окопы на другомъ, низменномъ берегу Дунайца. Налѣво виднѣлся разрушенный шоссейный мостъ, а вправо, вдали, мостъ желѣзной дороги на Краковъ, одна изъ фермъ котораго свисла надъ рѣкой. Изрѣдка пропоетъ на высокихъ нотахъ вражеская ружейная пуля.

Иногда же бывалъ сильный, порой ураганный орудійный огонь, на который мы, за недостаткомъ снарядовъ, почти не отвѣчали. Напримѣръ, когда я привезъ пріѣхавшаго послѣ Пасхи на фронтъ священника Востокова, я не узналъ мѣстности, изрытой воронками. Снаряды ложились по сторонамъ шоссе, халупа, въ которой мы такъ часто пили чай у Ровенцевъ, была разнесена и догорала. Штабъ укрылся въ цементной широкой трубѣ подъ шоссе, куда поспѣшили и мы. Въ этой трубѣ о. Востоковъ отслужилъ краткій пасхальный молебенъ съ «Христосъ Воскресе!» Въ передовые окопы насъ не пустили. И тутъ во второй линіи окоповъ, люди зарылись въ нихъ, но снаряды нерѣдко разрушали ихъ. О потеряхъ ничего нельзя было знать, такъ какъ телефонъ былъ порванъ.

Въ этомъ году наша и заграничная Пасха совпадали. Не помню какимъ образомъ, но какъ то само собой, безъ инициативы Командованія, установилось перемиріе на первые три дня Праздниковъ. Кажется инициатива исходила отъ австрійскаго летчика, сбросившаго листки съ призывомъ прекратить стрѣльбу на три дня.

Пріѣзжаемъ мы съ праздничными подарками и идемъ христосоваться въ передовые окопы. Тамъ, гдѣ мы обыкновенно быстро перебѣгали или шли въ ходахъ согнувшись, идемъ совершенно спокойно и стоимъ во весь ростъ на поверхности окоповъ.

Къ Дунайцу, неширокому въ этомъ мѣстѣ, послѣ обѣда начинаютъ подходить наши и австрійскіе солдаты; моютъ бѣлье, перекрикиваются.

Я прошу у офицера разрѣшенія тоже пойти къ рѣкѣ. Онъ колеблется, говоритъ, что не имѣетъ права разрѣшить, что это самочинно солдаты ходятъ и что не отвѣчаетъ, что установившееся перемиріе не нарушится въ любой моментъ. Тогда я рѣшаюсь тоже самочинно спуститься къ Дунайцу.

Подхожу къ солдатамъ на берегу. На другомъ берегу офицеръ садится и что-то пишетъ. Солдаты весело перекликаются чрезъ рѣку на разныхъ языкахъ, не понимая другъ друга. Да и трудно на разстояніи разобрать слова. Потомъ офицеръ, привязавъ записку къ камешку, перебрасываетъ его мнѣ черезъ рѣку.

На запискѣ по нѣмецки написано: Г. русскому доктору (у меня на рукавѣ была повязка Краснаго Креста). Потомъ стихи такого содержанія: мы военные враги, уничтожаемъ другъ друга. Въ дни великаго Праздника пусть мы хотъ на нѣсколько дней будемъ братьями; пусть въ эти великіе дни замолкнутъ пушки. Потомъ мы опять сцѣпимся въ жестокомъ бою и, подъ конецъ — "Gott strafe England".

Англія недавно присоединилась къ антантѣ и центральные союзники были особенно обозлены на нее. Этотъ возгласъ повторялся у нихъ всюду.

Я пишу отвѣтъ въ прозѣ; радуюсь тоже, что во время Праздника у насъ установились человѣческія отношенія и т. д. Такъ какъ онъ задѣлъ нашихъ союзниковъ, то въ концѣ считаю нужнымъ приписать — "Doch Gott strafe Deutschland — истинную виновницу войны». Подписалъ я полной своей фамиліей, какъ пасифистъ, предсѣдатель Общества Мира въ Москвѣ и, завернувъ въ записку камешекъ, перебросилъ его.

У нашихъ солдатъ появилась гармошка. Они поютъ, приплясываютъ. Австрійцы не захотѣли отстать. Видно, какъ къ окопамъ бѣжитъ солдатъ и скоро у нихъ появляется чудная гармоника, на которой виртуозно играютъ вѣнскіе вальсы...

И эти человѣческія отношенія, прорывающіяся у враговъ среди смертоносной борьбы, какъ весенняя травка, пробивающаяся среди камней на берегу Дунайца, обнадеживаютъ, что по окончаніи борьбы оба народа мирно будутъ жить въ добрососѣдскихъ отношеніяхъ и что въ концѣ концовъ и человѣчество дойдетъ до того, что международные споры не будутъ разрѣшаться человѣческой бойней. Но это, увы (!) еще будетъ не скоро и атавизмъ потребуетъ еще обильныя людскія гекатомбы.

Но и въ будничные дни человѣческія отношенія чередуются съ человѣческимъ озвѣрѣніемъ.

Между Тарновымъ и Дунайцемъ мнѣ пришлось быть въ окопахъ, которые отстоятъ отъ австрійскихъ окоповъ всего на 40-50 саженей и между ними течетъ ручеекъ. Ясно слышенъ простой разговоръ изъ вражескихъ окоповъ. Днемъ стоитъ только высунуть голову, чтобы моментально васъ «сняли». А вечеромъ, когда перестрѣлка кончается, солдаты съ обѣихъ сторонъ ходятъ къ ручью за водой, бесѣдуютъ, угощаютъ другъ друга табакомъ.

Когда солнце стало склоняться, пришелъ приказъ офицера вернуться отъ Дунайца за линію окоповъ и я вѣжливо распростился съ поэтомъ и другими офицерами, козырнувъ другъ другу, и всѣ разошлись въ разныя стороны.

Изъ халупъ на шоссе близъ моста высыпали женщины, дѣти, которыя какъ то ухитрились въ нихъ жить между вражескими окопами подъ ураганнымъ огнемъ.

По ту сторону шоссе находился, разрушенный домъ и исковерканный воронками паркъ Графини Тарновской.

Когда я шелъ изъ окоповъ къ автомобилю открытымъ полемъ, то осмотрѣлъ большое дуплистое дерево, все изрѣшеченное пулями. За этимъ деревомъ мы стояли съ Радко-Дмитріевымъ, когда онъ, обходя позиціи, не захотѣлъ идти къ окопамъ черезъ ложбину и траншеями, а пошелъ напрямикъ черезъ бугоръ и мы были жестоко обстрѣляны.

Слѣдующіе два дня перемиріе строго соблюдалось и я привозилъ смотрѣть окопы персоналъ отряда и сестеръ милосердія.

Вскорѣ мы были переведены въ Карпаты за Ясло и къ Дуклинскому перевалу. Въ обстрѣливаемую ураганнымъ огнемъ Горлицу, я могъ проникнуть только ночью, когда огонь стихалъ, но не прекращался.

Черезъ нѣсколько дней здѣсь произошелъ Горлицкій прорывъ нашего фронта, повлекшій за собой злополучное Галиційское отступленіе.

Кн. Пав. Долгоруковъ.

Май 1915 года.

Въ началѣ второй главы своего очерка «Великая разруха» братъ разсказываетъ о посѣщеніи имъ уже послѣ революціи казачьей дивизіи подъ командой генерала Краснова. А вотъ что послѣдній пишетъ объ этомъ въ своемъ разсказѣ «На внутреннемъ фронтѣ». (Архивъ Русской Революціи т. I стран. 97-98):

«10-го апрѣля 1917 г. къ намъ въ дивизію пріѣзжалъ Кн. Павелъ Долгоруковъ, членъ к. д. партіи. Онъ смотрѣлъ собранную для этого случая Донскую бригаду — 16-й и 17-й Донскіе полки и сказалъ весьма патріотическую рѣчь. На рѣчь отвѣчали я и начальникъ штаба IУ кавалерійскаго корпуса, генералъ-маіоръ Черячукинъ, а затѣмъ одинъ урядникъ 16-го полка, который отъ имени казаковъ клялся, что казачество не положитъ оружія и будетъ драться до послѣдняго казака (съ нѣмцами), — до общаго мира въ полномъ согласіи съ союзниками. Кн. Павелъ Долгоруковъ ѣздилъ со мною въ окопы, занятые пластунскимъ дивизіономъ. Онъ присутствовалъ при смѣнѣ пластуновъ съ боевого участка, видѣлъ ихъ жизнь въ окопахъ и былъ пораженъ ихъ выправкою, чистотою одежды, молодцеватыми отвѣтами и знаніемъ своего дѣла. Все это онъ мнѣ высказалъ въ самой лестной формѣ и потомъ задумчиво добавилъ: — «Если бы это было такъ во всей арміи!»... — «А что»? спросилъ я. Мы на позиціи были далеки отъ жизни. Въ гости къ намъ никто

не пріѣзжалъ, письма политики не касались, газеты были старыя. Мы вѣрили, что великая безкровная революція прошла, что Временное Правительство идетъ быстрыми шагами къ Учредительному Собранію, а Учредительное Собраніе къ конституціонной монархіи съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ во главѣ.

— «Я видѣлъ Московскій гарнизонъ», сказалъ Кн. Долгоруковъ. «Онъ ужасенъ. Никакой дисциплины. Солдаты открыто торгуютъ форменною одеждою и дезертируютъ. Армія вышла изъ повиновенія. Спасти можетъ только наступленіе и побѣда». — «И наступленіе не спасетъ, — отвѣчалъ я, — потому что такая армія побѣды не дастъ».

Послѣ свиданія во Львовѣ слѣдующій разъ мы встрѣтились съ братомъ и опять таки на два дня на Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи въ августѣ 1917 года, на которомъ я былъ еще въ военной формѣ. Сидѣли мы съ нимъ рядомъ въ залѣ Большого Театра, въ которомъ происходили засѣданія Совѣщанія, слушали интересныя горячія рѣчи ораторовъ и чувствовали всю безнадежность положенія... На Театральной площади стояли десятки вагоновъ забастовавшаго трамвая. Чувствовалось приближеніе катастрофы. Принимали мы съ братомъ участіе также въ соединенномъ засѣданіи бывшихъ членовъ четырехъ Государственныхъ Думъ, происходившемъ въ зданіи нашей alma mater.

О жизни Павла Дмитріевича съ момента этого нашего свиданія въ Москвѣ и до слѣдующей встрѣчи уже на Югѣ Россіи, я знаю лишь по его разсказамъ, такъ какъ, живя въ это время въ разныхъ мѣстахъ, мы съ нимъ не видѣлись. Въ дополненіе къ тому, что онъ самъ разсказываетъ въ «Великой разрухѣ» о всемъ имъ пережитомъ въ это время, приведу лишь выдержку изъ его очень характернаго письма къ Гр. С. В. Паниной по поводу отсутствія представителей К.-Д. партіи на открытіи Учредительнаго Собранія (5-го января 1918 года). Письмо это

было написано имъ изъ Петропавловской Крѣпости 9-го января 1918 года. Вотъ, что онъ, между прочимъ, писалъ въ своемъ письмѣ:

«Пожалуйста доведите до свѣдѣнія Петроградскаго и Московскаго отдѣленій Ц. К., что единственный день, что мнѣ дѣйствительно было непріятно быть на запорѣ — это 5 января, потому что никто изъ К.-Д. фракціи не явился въ У. Собраніе и я не могъ восполнить этотъ пробѣлъ. 6-го на прогулкѣ я сказалъ объ этомъ А. И. и Ѳ. Ѳ. (Андрею Ивановичу Шингареву и Ѳедору Ѳедоровичу Кокошкину. П. Д.) и они **оба** нашли также, что это была ошибка. По моему слѣдовало-бы по крайней мѣрѣ 2 изъ Петроградскихъ и Московскихъ членовъ У. Собранія явиться и постараться отъ фракціи прочесть краткую декларацію изъ 2-хъ пунктовъ — по вопросу о суверенной власти У. Собранія и по вопросу о мирѣ и возстановленіи прочности союзовъ. Почему никто не явился? Бываютъ моменты, когда надо дерзать. Тѣмъ болѣе, что можно было предвидѣть, что сессія будетъ краткая. Всего хорошаго. До скораго (?) свиданія».

III.

УЧАСТІЕ ВЪ БѢЛОМЪ ДВИЖЕНІИ И РАБОТА ДЛЯ БѢЛОЙ АРМІИ ЗАГРАНИЦЕЙ.

Во время борьбы Добровольческой арміи съ большевиками мнѣ, заболѣвшему послѣ войны довольно острой формой сердечной болѣзни, пришлось лѣчиться и спасаться отъ большевиковъ сначала въ Эссентукахъ и Кисловодскѣ, а затѣмъ въ Сочи. За все это время мнѣ удалось лишь два дня провести вмѣстѣ съ братомъ въ Екатеринодарѣ во время пребыванія тамъ Ставки генерала Деникина. Павелъ Дмитріевичъ былъ въ разгарѣ своей общественно-политической работы, направленной къ поддержкѣ населеніемъ арміи. Всѣ дни его уходили на писаніе газетныхъ статей, на разныя совѣщанія, публичныя засѣданія и лекціи и на переговоры съ отдѣльными лицами, какъ штатскими такъ и военными. Небольшая убогая комнатка его, въ которой на диванѣ помѣщался обыкновенно еще кто нибудь, была вся завалена кипами газетъ, листовокъ, гранокъ, афишъ, каррикатуръ. Все время дверь отворялась и безпрерывно чередовался рядъ посѣтителей, между которыми были и его прежніе столичные сотрудники и знакомые. Черезъ день послѣ моего пребыванія въ Екатеринодарѣ, онъ долженъ былъ ѣхать на фронтъ съ какой то спеціальной миссіей. Личныя условія жизни Павла Дмитріевича въ Екатеринодарѣ и Ростовѣ были очень тяжелы. Вотъ, что, вспоминая объ

этомъ времени, писала въ своемъ письмѣ ко мнѣ отъ 28-го ноября 1941 года изъ Нью-Іорка Гр. С. В. Панина:

«...А потомъ Югъ, гдѣ онъ ходилъ въ костюмѣ сшитомъ изъ дерюжнаго мѣшка, а сапоги свои шнуровалъ бѣлыми тесемками. Я помню, какъ чернилами красила эти тесемки и вѣчно зашивала дыры его костюма и рубашекъ...»

Въ концѣ февраля 1920 года уже будучи въ Новороссійскѣ, Павелъ Дмитвіевичъ, какъ онъ объ этомъ кратко пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, вмѣстѣ съ проф. А. В. Маклецовымъ и др. создалъ общество формированія боевыхъ отрядовъ. Цѣль общества — пополненіе Добровольческой арміи. Говоря о настроеніяхъ, царившихъ въ Новороссійскѣ передъ эвакуаціей, начальникъ такъ называемаго Освага, то есть освѣдомительно-агитаціоннаго отдѣла Добровольческой арміи, проф. К. Н. Соколовъ пишетъ въ своей книгѣ «Правленіе ген. Деникина» (стран. 355):

«Проще всѣхъ смотрѣлъ на вещи и бодрѣе всѣхъ держался, конечно, Князь П. Д. Долгоруковъ. У него было очень ясное и твердое рѣшеніе, несмотря ни на что, идти до конца съ Добровольческой арміей.»

Въ Феодосіи, гдѣ братъ прожилъ нѣкоторое время послѣ переѣзда въ Крымъ, онъ составилъ для городской управы проэктъ обращенія послѣдней къ генералу Врангелю, о чемъ онъ пишетъ въ «Великой разрухѣ», въ которомъ управа говорила о необходимости связи населенія съ арміей и выражала готовность оказывать ей всяческое содѣйствіе.

Въ послѣдній разъ въ Россіи встрѣтились мы съ Павломъ Дмитріевичемъ уже въ Севастополѣ, глубокой осенью 1920 года передъ самой «Врангелевской» эвакуаціей. Я мѣсяца полтора работалъ тамъ въ Союзѣ Горо-

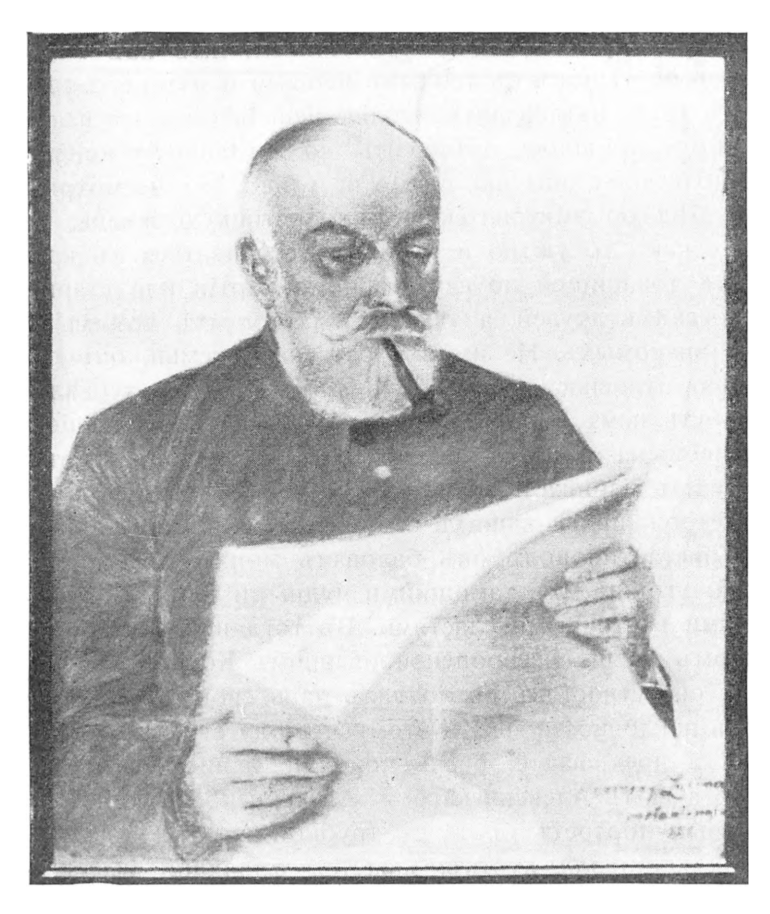
довъ, развившемъ довольно широкую дѣятельность въ привоенныхъ гражданскихъ учрежденіяхъ. Жили мы въ неотапливаемомъ помѣщеніи морского акваріума, въ которомъ и мыться можно было лишь, проведенной туда, морской водой. Приблизились послѣдніе дни Крыма. Царили неимовѣрная дороговизна, квартирная тѣснота, недоѣданіе, очереди. И среди общаго смятенія, планомѣрно подготовлялась по прозорливой мысли генерала Врангеля, отстаивавшаго каждую пядь русской земли, удивительная эвакуація болѣе 100 тысячъ чиновъ арміи и гражданскаго населенія на 150 судахъ, русскихъ и иностранныхъ. Скудно продовольствовались мы въ жалкихъ столовыхъ. Семья моя, вывезенная мною съ большимъ трудомъ изъ Алушты за недѣлю до эвакуаціи, послѣднія двѣ ночи тоже провела со мной въ сыромъ подвальномъ помѣщеніи акваріума, находившагося близъ Графской пристани, что при невозможности достать подводу, было очень важно. Ночью по нашимъ ногамъ бѣгали крысы и кого то изъ насъ укусили.

Это были дни эвакуаціонной суматохи, безконечныхъ вереницъ обозовъ къ пристани въ пять рядовъ съ часовыми остановками, а въ послѣдніе сутки съ большими пожарами складовъ Краснаго Креста.

Пребываніе моего брата въ Севастополѣ, переѣздъ въ Константинополь, жизнь его тамъ и потомъ въ Бѣлградѣ и Парижѣ описаны въ его воспоминаніяхъ и потому я ограничусь лишь описаніемъ тѣхъ немногихъ отдѣльныхъ чертъ или сценъ изъ тогдашней его жизни, свидѣтелемъ которыхъ я былъ и которыя могутъ дополнить его очеркъ и оживить его образъ.

Въ Константинополѣ онъ, очень стѣсненный въ средствахъ, ютился въ маленькихъ убого меблированныхъ комнаткахъ узенькихъ греческихъ домовъ, довольно примитивныхъ. Почему то онъ часто мѣнялъ квартиры. Обѣдалъ онъ въ русскихъ столовыхъ, а ужиналъ обыкновенно овечьимъ сыромъ и оливками. Однажды онъ при мнѣ

сталъ было раскладывать привезенный имъ изъ Россiи холщевый мѣшокъ съ теплыми вещами и изъ него посыпалась труха изъѣденныхъ молью вещей, такъ что все содержимое пришлось выбросить, по тогдашнему константинопольскому обычаю, прямо на улицу. Но, несмотря на свою бѣдную эмигрантскую и холостяцкую жизнь, онъ умѣлъ какъ то уютно и интимно устраиваться въ кругу своихъ товарищей по службѣ и по партiи или старыхъ московскихъ друзей, а также въ семейныхъ домахъ новыхъ знакомыхъ. Не имѣя собственной семьи, онъ родственно относился къ моей и, чѣмъ могъ, матерьяльно помогалъ намъ, главнымъ образомъ, обмундированiемъ, получаемымъ въ Константинополѣ отъ американцевъ, а позже изъ Парижа ношеннымъ платьемъ нѣкоторыхъ лучше устроившихся нашихъ знакомыхъ и родственниковъ. Въ Константинополѣ онъ баловалъ моихъ малолѣтнихъ дѣтей, угощая ихъ тамошними чудными фруктами и дешевыми восточными сластями. Въ тогдашнемъ дореформенномъ и еще неевропеизированномъ Константинополѣ и его окрестностяхъ онъ отдалъ дань своимъ туристическимъ наклонностямъ. Къ этому перiоду его жизни относится и прекрасный, очень похожiй, написанный женой хирурга И. П. Алексинскаго — Алексинской-Лукиной, пастельный портретъ брата съ трубкой во рту, въ коричневой холщевой курткѣ, кажется выданной американскимъ Краснымъ Крестомъ, и съ Бурцевскимъ «Общемъ Дѣломъ» въ рукахъ. Въ Константинополѣ братъ продолжалъ свою гражданскую работу при Врангелевской армiи и вмѣстѣ съ тѣмъ работалъ въ Союзѣ Городовъ въ его культурно-просвѣтительномъ отдѣлѣ въ городѣ, въ лагеряхъ и на островахъ. Въ обѣихъ этихъ отрасляхъ намъ пришлось тогда работать вмѣстѣ. Въ это время генералъ Врангель, послѣ удачно проведенной эвакуацiи армiи, стремился посредствомъ крупныхъ военныхъ лагерей въ Галлиполи, на Лемносѣ и въ Чаталджѣ сохранить духъ армiи и оградить ея чиновъ отъ хаотическаго распыленiя



Константинополь, 1921 г. Портретъ, написанный пастелью художницей Т. Алексинской-Лукиной.

съ угрозой для нихъ подвергнуться нуждѣ и опусканію, а съ другой стороны подготовлялъ планъ группового разселенія съ трудовыми и учебными цѣлями. И то и другое ему удалось успѣшно осуществить. Работа была живая и интересная, но соединенная съ многими осложненіями о огорченіями, какъ со стороны не вполнѣ насъ

понимавшихъ и не всегда къ намъ дружелюбныхъ иностранцевъ, такъ и внутри самой эмиграціи. Въ ней развивалась тогда столь вредная и безпочвенная политическая диференціація съ групповыми препирательствами. Братъ мой, неизмѣнный и ярый сторонникъ идеи единенія эмиграціи, всѣми силами боролся съ этимъ разбродомъ, впослѣдствіи столь повредившимъ достоинству и престижу эмиграціи, а, можетъ быть, и нѣкоторымъ ея возможнымъ практическимъ достиженіямъ. Въ Константинополѣ у русскихъ еще живо было чувство только что покинутой родины, не остылъ еще пылъ недавней борьбы съ большевиками, и на лицо были остатки арміи и олицетворяемой ею государственности. А потому возможна была коалиціонная работа въ такихъ организаціяхъ, какъ Политическій Объединенный Комитетъ (такъ называемый ПОК) и Центральный Объединенный Комитетъ (такъ называемый ЦОК). Послѣдній состоялъ изъ представителей Земскаго Союза, Союза Городовъ и Россійскаго Краснаго Креста, занимавшихся просвѣтительной и благотворительной помощью русскому бѣженству. Благодаря авторитету этого объединенія, русскимъ въ Константинополѣ и его окрестностяхъ удавалось получать большую и организованную помощь отъ французовъ и, главнымъ образомъ, отъ американцевъ. Но уже въ Константинополѣ сталъ чувствоваться парижскій кренъ части эмиграціи налѣво, а въ Бѣлградѣ направо. И уже тамъ стали проявляться нѣкоторые признаки обыкновеннаго для всѣхъ эмиграцій превращенія политической эмиграціи въ обывательскую массу съ стремленіемъ къ самоустроенію по преимуществу и съ забвеніемъ единаго на потребу. И очень можетъ быть, что уже тогда въ душу брата начало болѣзненно проникать разочарованіе въ эмиграціи, этомъ, казалось по идеѣ, наслѣдникѣ бѣлаго движенія.

Какъ въ Россіи онъ въ Бѣлой арміи видѣлъ единственную противобольшевицкую національную силу, такъ и въ заграничныхъ ея организованныхъ остаткахъ онъ видѣлъ

тотъ государственный, національный и надпартійный элементъ, который поможетъ поддержать въ эмиграціи духъ съ тѣмъ, чтобы со временемъ чинамъ арміи сообразно съ обстоятельствами или идти съ оружіемъ въ рукахъ на освобожденіе родины, или обладая пріобрѣтенными знаніями и навыками, быть полезными работниками по возсозданію Россіи. Впослѣдствіи мнѣ галлиполійцы, уже въ другихъ странахъ, разсказывали какое впечатлѣніе производили на нихъ выступленія брата во время его пріѣзда на нѣсколько дней въ Галлиполи. Вѣдь онъ былъ первымъ общественнымъ дѣятелемъ, посѣтившимъ этотъ лагерь. Тогда нѣкоторые слабые элементы армейскихъ контингентовъ, тяготившіеся скудостью жизни и строгостью дисциплины, начали покидать Галлиполи и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ устроившихся, сильныхъ волею индивидуалистовъ, увеличили собой толпы русскихъ безработныхъ на базарахъ, на папертяхъ мечетей и въ ночлежныхъ благотворительныхъ пріютахъ Константинополя. Стала проникать и идущая изъ Парижа пропаганда, говорящая, что генералы искусственно и вопреки желанію иностранцевъ закабаляютъ воинскихъ чиновъ въ несуществующую армію, что это, молъ, какая-то кастовая игра въ солдатики и т. п. И поэтому, по словамъ моихъ собесѣдниковъ-галлиполійцевъ очень цѣнно было нѣкоторымъ начинавшимъ колебаться услышать авторитетное слово штатскаго человѣка, извѣстнаго общественнаго дѣятеля, говорившаго убѣжденно и убѣдительно о необходимости существованія въ эмиграціи сплоченныхъ силъ или организацій, какъ для русскаго національнаго дѣла вообще, такъ и для самихъ военныхъ.

Вотъ, что писалъ Павелъ Дмитріевичъ изъ Галлиполи 24 декабря 1920 года о положеніи русскихъ воинскихъ частей:

«Я думалъ, что Галлиполи въ Турціи и только, пріѣхавъ сюда, по греческимъ флагамъ узналъ, что попалъ

заграницу и что Галлиполи уступлено Греціи. Я вложилъ персты въ зіяющія еще раны воспрянувшей арміи. По пріѣздѣ представлю подробный отчетъ, что здѣсь пережилъ и перестрадалъ, глядя на страданія десятковъ тысячъ русскихъ людей, заброшенныхъ на этотъ пустынный полуостровъ и въ городъ, большинство домовъ котораго — развалины послѣ бомбардировки при форсированіи Дарданеллъ и землетрясенія. Теперь лишь вкратцѣ пишу, кричу о здѣшнихъ бѣдствіяхъ, чтобы и всѣ вы о нихъ кричали, чтобы крикъ нашъ былъ услышанъ въ Константинополѣ, въ Европѣ, въ Америкѣ. Время не ждетъ, зима въ разгарѣ. Всякое промедленіе не подобно смерти, а неминуемо есть смерть многихъ людей.»

Затѣмъ идетъ описаніе яркой картины страшнаго недостатка во всемъ: въ жилищахъ, въ одеждѣ, обуви, одѣялахъ, въ пищѣ, въ топливѣ, въ деньгахъ на мелочные расходы, въ медицинской помощи, въ баняхъ, («Развиваются ревматизмъ, тифы, цынга»), въ газетахъ, въ книгахъ, руководствахъ для изученія языковъ, въ словаряхъ.

«Я присутствовалъ на смотру войскъ генераломъ Врангелемъ. Трогательно было смотрѣть на стройные дисциплинированные остатки русскаго войска, выстроившіеся безъ оружія въ лохмотьяхъ передъ своимъ вождемъ».

Въ представленномъ, по возвращеніи въ Константинополь послѣ недѣльнаго пребыванія въ Галлиполи, докладѣ Павелъ Дмитріевичъ писалъ:

«Это **военный** лагерь, а не бѣженскій. При благопріятныхъ условіяхъ это кадръ будущей военной мощи или же сообразно съ требованіями времени резервъ дисциплинированныхъ и жертвенныхъ работниковъ при возсозданіи Россіи. Но присмотрѣвшись ближе и лично переговоривъ мнѣ стало ясно, что при теперешнихъ условіяхъ **армія виситъ на волоскѣ** и можетъ легко обратиться въ бѣженцевъ, въ банды, распылиться... Послѣ смотра генералъ Врангель въ палаткѣ долго бесѣдовалъ съ генералитетомъ и командирами полковъ. Устранивъ изъ палатки

прочихъ офицеровъ и пригласивъ меня присутствовать при этой интимной, чисто военной бесѣдѣ по устройству и заданіямъ войска въ столь тяжелыхъ и необычныхъ условіяхъ, генералъ Врангель какъ бы демонстративно подчеркнулъ **желательность тѣсной связи войска съ общественностью.**

Между прочимъ онъ говорилъ, что при реконструкціи арміи, надо болѣе дорожить ея качественнымъ составомъ, чѣмъ количественнымъ и что извѣстный отборъ неизбѣженъ. По окончаніи бесѣды генералъ Врангель благодарилъ меня за мой интересъ къ арміи и разрѣшилъ мнѣ вести бесѣды съ офицерами по матеріальнымъ вопросамъ и общеполитическимъ и передать имъ нашъ взглядъ на задачи арміи въ эмиграціи, наши чаянія, прибавивъ, что онъ очень сочувствуетъ ознакомленію черезъ меня общественности съ положеніемъ арміи. Послѣ выясненія матерьяльныхъ нуждъ въ каждомъ полку мной велась съ офицерами общая политическая бесѣда. Нѣкоторые полковые командиры сначала въ разговорѣ со мной относились скептически къ политической бесѣдѣ, говоря, что армія должна быть внѣ политики, но по окончаніи бесѣды въ государственно-національномъ духѣ, они жали мнѣ руку, благодарили и просили вновь пріѣзжать въ виду пользы такой информаціи и полной неосвѣдомленности войска.»

Будучи горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ сохраненія арміи и призывая общественность къ поддержкѣ Галлиполи, братъ говорилъ, однако: «Пусть сомнѣвающіеся, упавшіе духомъ, отойдутъ отъ арміи», считая, что отъ этого только выиграетъ единство и духовная цѣлость тѣхъ, кто въ Галлиполи останется. Свой докладъ онъ заканчиваетъ такъ:

«Нужно постоянное общеніе между остатками арміи и общественными организаціями. Надо видѣть то вниманіе, съ которымъ слушали мою информацію, горячія рукопожатія и слезы слушателей, ихъ благодарность, слышать просьбы вновь пріѣхать, массу въ общемъ вопросовъ, которыми они меня забрасывали, и въ общихъ бесѣдахъ и въ частныхъ разговорахъ, къ которымъ они

такъ стремились. Пріемъ, сдѣланный мнѣ въ Галлиполи генераломъ Врангелемъ, штабомъ корпуса и, наконецъ, самой арміей свидѣтельствуетъ о благопріятныхъ условіяхъ для объединенія русской общественности съ арміей, которое должно послужить фундаментомъ будущей русской государственности.»

Черезъ годъ, въ серединѣ декабря 1921 года братъ привѣтствовалъ отъ Русскаго Національнаго Комитета, представленнаго въ Константинополѣ Политическимъ Объединеннымъ Комитетомъ, проѣзжавшаго съ воинскими частями изъ Галлиполи черезъ Константинополь въ Болгарію генерала Кутепова рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ:

«Ровно годъ тому назадъ я посѣтилъ Галлиполи. Тогда многіе здѣсь говорили: «арміи нѣтъ и не можетъ быть». Тогда я, вернувшись удостовѣрилъ: «Армія существуетъ, но виситъ на волоскѣ. Необходимо ее морально и матеріально поддержать... Но и при скудной нашей моральной и матеріальной поддержкѣ Вы изъ тонкаго волоска скрутили жгутъ, прочный канатъ и не только сохранили, но твердой рукой поставили ввѣренныя Вамъ части на необыкновенную во всѣхъ отношеніяхъ высоту, высоту національной Арміи. Національный Комитетъ зоветъ всѣхъ русскихъ людей встать на надпартійную національную высоту для борьбы за Россію, для работы надъ воссозданіемъ въ ней государственности.»

Тогда братъ мой не могъ еще предвидѣть, что пребываніе русскихъ внѣ родины затянется надолго и что изъ двухъ задачъ, поставленныхъ генераломъ Врангелемъ остаткамъ русской арміи зарубежомъ: 1) сохраненіе военныхъ кадровъ и добровольческаго воинскаго духа дисциплины и жертвенности и 2) групповое разселеніе на трудовыхъ и учебныхъ началахъ, съ сохраненіемъ того же духа — первая будетъ — отходить на второй планъ, а вторая пріобрѣтетъ преобладающее значеніе и такъ блестяще удастся.

Заложенный въ окрестностяхъ Константинополя въ русскихъ воинскихъ частяхъ закалъ помогъ многимъ и многимъ русскимъ людямъ въ эмиграціи не опуститься при неблагопріятныхъ бѣженскихъ условіяхъ и достойно провести годы ожиданія возможности вернуться въ Россію и плодотворно въ ней работать.

Братъ и потомъ постоянно призывалъ къ возможно тѣсному единенію всей эмиграціи съ остатками арміи. В. Х. Даватцъ («Годы», стрн. 37) пишетъ:

«Мы знаемъ почти трогательное отношеніе къ Арміи, которое продолжалъ выявлять частнымъ образомъ такой крупный дѣятель кадетской партіи, какъ проф. П. И. Новгородцевъ; но изъ видныхъ партійныхъ лидеровъ только одинъ кн. Павель Долгоруковъ имѣлъ мужество открыто встать на ея сторону и въ полномъ смыслѣ этого слова связать себя съ ея судьбою.»

Особенно необходимость ближе связаться съ остатками арміи, какъ со стержнемъ русской національной идеи въ эмиграціи, Павелъ Дмитріевичъ ощутилъ, когда во время своихъ поѣздокъ въ Парижъ все больше сталъ разочаровываться въ возможности ея самой объединиться. Изъ Константинополя лѣтомъ 1921 года онъ ѣдетъ въ Парижъ для участія въ образованіи Русскаго Національнаго Комитета, предсѣдателемъ коего былъ А. В. Карташовъ, а дѣятельнымъ членомъ М. М. Федоровъ. Въ числѣ товарищей предсѣдателя былъ и Павелъ Дмитріевичъ, принимавшій потомъ участіе въ работахъ Бѣлградскаго отдѣленія Комитета. Одно время онъ возлагалъ было надежды на объединительную работу этого Комитета и впрягся въ нее, но съ теченіемъ времени, повидимому, сталъ въ ней разочаровываться.

Начиная съ Константинополя и кончая Парижемъ, братъ много времени и вниманія отдавалъ политическимъ задачамъ русской эмиграціи. Онъ продолжалъ быть большимъ патріотомъ конституціонно-демократической пар-

тіи и болѣзненно переживалъ всѣ бывшіе въ ея средѣ разногласія и отколы, но все же въ общей противобольшевицкой борьбѣ онъ умѣлъ становиться выше узкопартійныхъ позицій. Характернымъ въ этомъ отношеніи является его докладъ въ засѣданіи константинопольской группы этой партіи 24 сентября 1921 года. Изъ этого доклада, между прочимъ, выясняется и позиція брата, какъ «непредрѣшенца» относительно формы правленія, или скорѣе относительно способа возглавленія будущей власти въ національной Россіи, построенной на правовыхъ основахъ. Надо сказать, что нѣкоторые относились презрительно къ термину «непредрѣшенецъ». Онъ же убѣжденно считалъ себя таковымъ, не боялся вообще ходячихъ жупеловъ, какъ напримѣръ, будучи либераломъ, открыто признавалъ себя сторонникомъ «Кутеповщины». Вотъ существенная часть его доклада, касающаяся предложенія Софійской группы объявить партію стоящей за монархическій образъ правленія, въ противовѣсъ принятому еще въ Россіи рѣшенію партіи послѣ паденія династіи объявить себя республиканской, поддерженному въ эмиграціи новой тактикой Милюкова:

«Мы не должны въ переживаемое тяжелое время забывать главную нашу задачу: борьбу съ большевизмомъ, и поэтому въ настоящій момоентъ ошибочно выдвигать такой сложный програмный вопросъ, какъ монархія или республика, который неминуемо приведетъ къ дальнѣйшему нашему разслоенію и ослабленію противобольшевицкаго фронта. Софійскіе наши товарищи берутся предугадать волю согражданъ, оставшихся въ Россіи. Я отношусь не только скептически, но и совершенно отрицательно къ подобнаго рода попыткамъ партіи, какъ таковой, ибо, съ моей точки зрѣнія, во-первыхъ, нѣтъ достаточно данныхъ для исчерпывающаго прогноза, во-вторыхъ, самый методъ признанія монархіи въ угоду требованій широкихъ якобы массъ, методъ въ условіяхъ эмиграціи не столько демократическій, сколько демагогическій. Если вамъ интересно знать, монархистъ ли я или республиканецъ — то лично за себя скажу, что я въ принципѣ за республиканскую форму правленія, ибо, это, по моему, болѣе со-

вершенная политическая форма. Конечно, если бы обстоятельства потребовали возстановленія монархіи, то я, какъ полагаю и всѣ мы независимо отъ нашихъ персональныхъ симпатій и убѣжденій, по вопросу о формѣ правленія — подчинились бы этому. Долженъ сказать, что «тоски по монархіи» я лично не ощущаю, скорѣе у меня ощущеніе «тоски по городовомъ», то есть по твердой власти. Мой прогнозъ, — что и въ Россіи, у всего народа растетъ «тоска по городовомъ». Разумѣется, говоря въ переносномъ смыслѣ этого слова. Гораздо важнѣе, чѣмъ та или другая форма власти, чтобы власть эта была твердая, во всеоружіи принудительнаго военно-полицейскаго аппарата для возстановленія порядка и элементарной государственности въ странѣ значительно одичавшей, гдѣ царитъ вражда и анархія, гдѣ разрушены всѣ устои и господствуетъ разнузданность, расхлябанность и деморализація. Какъ реакція, все болѣе и болѣе будетъ расти тоска по порядку. Лозунгъ: «земля и воля» будетъ замѣненъ лозунгомъ — «земля и порядокъ», какъ демократическій и для насъ вполнѣ пріемлемый. Мой прогнозъ сводится также къ тому, что намъ предстоитъ длительный періодъ диктатуры, можетъ быть, смѣны диктаторовъ. Вообще я считаю, что Россіи будетъ нужна твердая, въ первое время, даже жестокая власть для возстановленія порядка. Я полагаю, что цѣлесообразнѣе, чтобы этотъ твердый порядокъ извѣстное время насаждался властью диктатора и чтобы монархъ, если намъ такового не избѣжать, или республиканское правительство не были бы вынуждены неизбѣжно жестокими мѣрами возстанавливать гражданскій миръ и правопорядокъ, возбуждая противъ себя озлобленіе различныхъ группъ. Пусть это выпадетъ на долю диктаторовъ. Вообще, для насъ — ка-де, отдающихъ себѣ ясный отчетъ въ относительной, съ точки зрѣнія правового порядка, цѣнности формъ правленія, не забывающихъ о существованіи, съ одной стороны, южно-американскихъ «республикъ» съ огромной властью правительствъ и президентовъ, а съ другой стороны, норвежской («мужицкой») и англійской монархій съ ихъ властными парламентами, — недопустимо совершать въ настоящій моментъ такой тактическій промахъ. Мы присутствуемъ на пожарѣ зданія, надо его тушить, надо спасать, что можно, а тутъ совладѣльцы

вмѣсто дружнаго отстаиванія послѣднихъ стѣнъ, готовыхъ рухнуть и послѣдняго своего имущества, затѣваютъ ожесточенный споръ о стилѣ будущаго зданія. Я всѣ эти три года неуклонно призываю не увлекаться программными вопросами, а къ надпартійнымъ объединеніямъ, къ сплоченію. Я указывалъ, что только тѣ политическія группировки цѣлесообразны и государственны, которыя, не отрекаясь отъ своихъ программъ мирнаго времени, въ моменты національныхъ потрясеній строятъ свою платформу на надпартійныхъ общенаціональныхъ лозунгахъ. Меня называютъ правымъ ка-де; мнѣ это совершенно безразлично, мнѣ смѣшно это слушать. Вообще надо оставить банальное и нелѣпое дѣленіе на лѣвыхъ и правыхъ. Я считаю, что Софійская группа предприняла такой же губительный по отношенію къ партіи шагъ, какъ въ декабрѣ сдѣлалъ Милюковъ, ибо если Милюковъ ведетъ партію въ объятія С.-Р-овъ, то Софійская группа влечетъ ее въ Рейхенгалль. Что касается меня, то, если бы партія потянулась въ эти двѣ стороны, я предпочелъ бы при этихъ условіяхъ уйти изъ партіи и объявить себя Врангелевцемъ или даже Кутеповцемъ и продолжать служить Арміи, такъ какъ она вѣдь стоитъ на болѣе надпартійной національной позиціи. Хотя я увѣренъ, что командованіе и большая часть офицерства и монархисты, но вывелъ же, по свидѣтельству Карташова, Кутеповъ въ Галлиполи по приказанію Врангеля изъ употребленія «Боже Царя храни». И считаясь съ психологіей офицерства, вывелъ постепенно, не приказаніемъ, а путемъ убѣжденія въ нецѣлесообразности проявленія арміей монархической партійности, когда въ ея рядахъ умирали за цѣлость Россіи и монархисты и республиканцы, всѣмъ надо быть сплоченными и въ предстоящей борьбѣ.»

Въ 1922 году я проѣздомъ изъ Константинополя въ Прагу заѣзжалъ на двѣ недѣли въ Бѣлградъ и остановился тамъ у брата на окраинѣ города въ маленькомъ деревянномъ домкѣ, мелкопомѣстнаго типа, среди большого сада съ фруктовыми деревьями. Изъ прежнихъ своихъ друзей онъ тогда ближе всего сошелся съ бывшимъ Московскимъ городскимъ головой М. В. Челноковымъ, ранѣе членомъ Московской губернской земской управы,

этимъ интереснымъ и одареннымъ самородкомъ и самоучкой изъ купцовъ-старообрядцевъ, имѣвшимъ у Сербскаго правительства до дѣламъ русской эмиграціи большой вѣсъ. Жилъ въ Бѣлградѣ и нашъ другъ дѣтства Н. Н. Львовъ, наѣзжалъ и останавливался у Павла Дмитріевича Гр. Д. А. Олсуфьевъ. Обѣдали обыкновенно всей компаніей, доходившей человѣкъ до 15, въ частной столовой у квартирохозяйки Челнокова. Часто игрывалъ мой братъ со своими друзьями въ шахматы. Нѣкоторую дань своему прежному умѣренному сибаритству онъ отдавалъ, купаясь въ рѣкѣ Савѣ съ ея чуднымъ песчанымъ многолюднымъ пляжемъ, съ недурнымъ ресторанчикомъ при ея впаденіи въ Дунай. Мнѣ показывали нарисованную на него каррикатуру, изображающую его довольно тучное тѣло, лежащее на пескѣ съ газетой, кажется, «Общимъ Дѣломъ», въ рукахъ. Дань же своему артистическому и туристическому духу онъ имѣлъ возможность отдать при посѣщеніи для сдачи и частичной ликвидаціи такъ называемой серебряной казны живописнаго адріатическаго побережья, переполненнаго остатками столь любимаго имъ итальянскаго средневѣковья.

Въ Бѣлградѣ эмигрантская общественная атмосфера для работы Павла Дмитріевича въ интересахъ русскихъ воинскихъ частей была очень тяжелая. Какъ говоритъ въ своей книгѣ «Русская Армія на чужбинѣ» (стрн. 52) В. Х. Даватцъ:

«Одно имя Князя П. Долгорукова, представителя К. Д. партіи, было ненавистно для правыхъ»...

Напротивъ, съ генераломъ Врангелемъ у него установились близкія и довѣрчивыя отношенія. О нихъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ писемъ къ нему генерала Врангеля. Въ Константинополѣ они начинались обращеніемъ: «Ваше Сіятельство» или «Милостивый Государь», затѣмъ въ Сербіи сначала: «Глубокоуважаемый», потомъ «Глубо-

коуважаемый и дорогой», а подъ конецъ просто — «Дорогой». Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ писемъ:

«Всемѣрно цѣня Вашъ большой государственный и жизненный опытъ, Ваше неизмѣнно горячее и искреннее участіе въ судьбахъ Русской Арміи и русскаго бѣженства, я прошу Васъ продолжать Вашу исключительно полезную работу въ Русскомъ Совѣтѣ на прежнемъ основаніи.» (Яхта Лукуллъ 20 сентября 1921 года). «Въ стремленіи привлечь широкіе круги общественности къ контролю надъ расходованіемъ суммъ, находящихся въ распоряженіи Главнаго Командованія, я предполагаю учредить особую для этой цѣли комиссію и пригласить къ участію въ ней общественныхъ дѣятелей. Глубоко цѣня ту неизмѣнную нравственную и дѣловую поддержку, которую Вы оказывали мнѣ и Вашу духовную связь съ Арміей, я прошу Васъ не отказать въ любезномъ согласіи на вхожденіе Ваше въ эту комиссію». (Сремски Карловци. 10 сентября 1922 года). «Съ большимъ сожалѣніемъ я освѣдомился о Вашемъ рѣшеніи оставить непосредственное участіе въ работахъ финансово-контрольнаго комитета и покинуть Бѣлградъ. Я всегда крайне цѣнилъ Вашу дѣятельность на пользу Арміи, съ которой Вы связаны неразрывными узами съ перваго года вооруженной борьбы за освобожденіе Россіи. Вы были въ Екатеринодарѣ и Ростовѣ, оставались до самой послѣдней минуты въ Новороссійскѣ, а затѣмъ работали въ Крыму. Ваши труды на Армію не прекратились ни въ Константинополѣ, ни въ Бѣлградѣ. Въ обоихъ этихъ городахъ работа гражданскихъ и общественныхъ учрежденій осложнялась исключительно тяжелыми условіями, въ которыя ставила Армію и Главное Командованіе, не поддававшаяся никогда точному учету международная обстановка, скудость средствъ, непониманіе частью нашей общественности лежавшихъ на ней обязательствъ по бережному отношенію къ послѣдней нашей національной цѣнности. Вы принадлежали къ той небольшой горсти нашихъ общественныхъ дѣятелей, которые и умомъ и сердцемъ понимали значеніе Арміи, несостоятельность предъявлявшихся къ ней съ разныхъ сторонъ требованій и линію поведенія которой, надлежало относительно нея держаться каждому человѣ-

ку, любящему Россію. Вы много потрудились для Арміи, пренебрегая тягостными личными неудобствами, которыя, вѣроятно, Вамъ удалось бы избѣгнуть въ другихъ мѣстахъ. Въ Русскій Совѣтъ Вы принесли съ собой обширный жизненный опытъ и Вашими сужденіями, всегда безпристрастными, безъ примѣси малѣйшей партійности, значительно способствовали разрѣшенію вопросовъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ интересами Арміи и русскаго дѣла. Наконецъ, не могу не отмѣтить, что, несмотря на скудость средствъ, Вы, бюллетенями, издаваемыми совмѣстно съ Н. Н. Львовымъ, своевременно и полно освѣдомляли общественное мнѣніе о жизни Арміи, напоминая русскимъ людямъ, что Армія по прежнему жива. Я съ чрезвычайнымъ удовлетвореніемъ узналъ о Вашемъ желаніи не терять связи съ Арміей и о Вашей готовности содѣйствовать полученію реальныхъ возможностей для ея существованія.» (Сремски Карловци. 8 ноября 1923 г.). «Сижу въ занесенныхъ снѣгомъ Карловцахъ и предаюсь невеселымъ думамъ. За внутренними распрями, интригами, борьбой мелкихъ самолюбій, объ общемъ врагѣ, кажется, совсѣмъ забыли. А между тѣмъ сейчасъ, повидимому, врагъ самъ переживаетъ тяжелую внутреннюю борьбу, а слѣдовательно почва для работы наиболѣе благопріятна. Вы пишете о желательности моего переѣзда въ Парижъ. Я самъ это учитываю въ полной мѣрѣ.» (12 января 1924 г.). «Прежде всего хочу высказать Вамъ глубокое преклоненіе передъ тѣмъ, что Вы сдѣлали. (Дѣло идетъ, очевидно, о первой попыткѣ проникнуть въ Россію. П. Д.). Я не говорю о Вашихъ друзяхъ, но и политическіе враги Ваши, какъ бы ни смотрѣли они на Васъ, всѣ тѣ изъ нихъ, кто честенъ, не можетъ не отдать должное Вамъ. Радъ былъ узнать изъ Вашего письма, что Вы успѣли пріѣхать въ Парижъ къ Національному съѣзду. Какъ близкій Арміи человѣкъ, Вы еще разъ имѣли возможность сказать, что эта Армія изъ себя представляетъ, какъ далека она отъ того, что пытаются приписать ей и Милюковы и Марковы». (Сремски Карловци 14 сентября 1924 г.). «Послѣднія скудныя наши достоянія на исходѣ и всѣ мои усилія направлены къ тому, чтобы окончательно поставить на ноги всѣхъ моихъ соратниковъ. Начатая мною 5 лѣтъ тому назадъ работа по переходу Арміи на

трудовое положеніе, по переводу ея на основы самообезпечиванія въ настоящее время уже закончена». (Сремски Карловци. 18 октября 1925 г.).

Въ одномъ изъ писемъ, посылая Павлу Дмитріевичу книгу «Казаки на Чаталджѣ и на Лемносѣ», генералъ Врангелъ заканчиваетъ свое письмо словами:

«Примите эту книгу, какъ искреннюю благодарность мою и моихъ соратниковъ за Ваше неизмѣнное сочувствіе и помощь намъ въ нашемъ правомъ дѣлѣ».

Изъ Бѣлграда братъ заѣзжалъ въ концѣ 1922 года проѣздомъ въ Парижъ на короткое время ко мнѣ въ Прагу для содѣйствія устройству тамъ русскихъ военныхъ въ высшія, а ихъ дѣтей въ среднія учебныя заведенія для чего онъ привезъ мнѣ письмо отъ генерала Врангеля. Онъ разсказывалъ тогда, какія козни творятъ противъ Врангеля и его окруженія Бѣлградскіе русскіе крайне правые элементы, въ борьбѣ съ коими Врангелю пришлось издать, надѣлавшій въ свое время большой шумъ, приказъ № 82, запрещавшій воинскимъ чинамъ вступать въ какія-либо политическія организаціи. Уже тогда Врангель началъ тяготиться Бѣлградской атмосферой и сталъ подумывать о необходимости переѣхать въ другое мѣсто. Но будучи для части русской Бѣлградской эмиграціи слишкомъ лѣвымъ или скорѣе слишкомъ культурнымъ и здравомыслящимъ, для довольно значительной части Парижской русской эмиграціи онъ былъ слишкомъ правымъ, или, пожалуй, слишкомъ военнымъ. И вотъ, въ 1925 году онъ переѣхалъ въ Брюссель, а братъ еще въ 1923 году въ Парижъ, который сталъ все болѣе играть роль русскаго эмигрантскаго центра, особенно послѣ того, какъ туда переселилась значительная часть русской эмиграціи изъ Берлина. Остановился тогда братъ, какъ и въ первую свою поѣздку въ Парижъ, въ домѣ русскаго посольства на rue de Grenelle у В. А. Маклакова, жив-

шаго тамъ до признанія Франціей большевиковъ и до передачи имъ посольскаго дома. Съ Маклаковымъ его связывали не только пріятельскія отношенія, установившіяся между ними на общественно-политической почвѣ, но и давнишнія московскія воспоминанія, такъ какъ братъ въ дѣтствѣ и юношествѣ лѣчился у его отца, извѣстнаго московскаго окулиста. Это было въ послѣдній разъ, что братъ въ эмиграціи пользовался культурной и комфортабельной обстановкой. Но во всемъ остальномъ это пребываніе въ столь любимомъ имъ когда-то Парижѣ, было ему очень тяжело. Сербія ближе была русской эмиграціи, чѣмъ Франція, не только большей географической близостью къ Россіи, но и близостью расовой и религіозной и тѣмъ, что русская эмиграція, состоящая главнымъ образомъ изъ чиновъ арміи и изъ участниковъ бѣлаго движенія на Югѣ Россіи, играла болѣе видную и почетную роль въ Сербіи, съ большей благодарностью помнившей спасительную жертвенность Россіи во время Великой войны, чѣмъ Франція. Но главное разочарованіе вызвала въ братѣ сама эмиграція, разрозненная и ушедшая, въ значительной своей части исключительно въ заботы о своемъ устройствѣ. Въ одномъ изъ своихъ тогдашнихъ писемъ Павелъ Дмитріевичъ писалъ:

«Здѣсь много обывателей, а гражданъ мало. Патріотизмъ русскихъ эмигрантовъ въ Парижѣ еще менѣе дѣйствененъ, болѣе импотентенъ, чѣмъ на Балканахъ (сестро-Чеховскій: «въ Москву, въ Москву!»). Необходимостью активной работы въ Россіи мало интересуются. Собралъ на это небольшую сумму, главнымъ образомъ, среди инородцевъ, жившихъ въ Россіи, шведовъ и армянъ. На собранныя деньги въ Россію на активную работу могутъ отправиться лишь 3-4 человѣка, то есть работа будетъ партизанская, кустарная. Чтобы отправить большую партію людей и литературы, вообще хорошо все обставить и оборудовать, денегъ нѣтъ. Въ самоотверженныхъ людяхъ для отправки недостатка нѣтъ».

Покойный Н. И. Астровъ, видѣвшій Павла Дмитріевича въ то время въ Парижѣ, разсказывалъ потомъ, какъ его возмутила картина, когда въ его присутствіи два пріятеля брата, значительно моложе его, развалившись одинъ на мягкомъ креслѣ, другой полулежа на диванѣ, критиковали такъ называемыя активистическія настроенія и снисходительно смотрѣли на бѣдно одѣтаго старика, въ волненіи ходившаго передъ ними изъ угла въ уголъ, и убѣждавшаго ихъ въ необходимости для политической эмиграціи имѣть объединяющее, одушевляющее и по возможности информированное ядро.

IУ.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ РОССІЮ

По возвращеніи въ Бѣлградъ изъ своей первой рекогносцировочной поѣздки въ Парижъ, Павелъ Дмитріевичъ уже опредѣленно задумалъ проникнуть въ Россію и узнать о царящихъ тамъ настроеніяхъ, чтобы эмиграція могла изъ этого сдѣлать нужныя заключенія для дальнѣйшей своей тактики. А кромѣ того, какъ говорилъ онъ впослѣдствіи:

«Надо чтобы кто нибудь изъ насъ, стариковъ, показалъ примѣръ активности, а то не можемъ же мы лишь на словахъ призывать къ ней молодежь и подбивать ее, можетъ быть, на напрасныя жертвы.»

Несмотря на житейскія невзгоды, къ которымъ онъ относился съ философскимъ равнодушіемъ, онъ углублялся и закалялся въ своемъ гражданскомъ и нравственномъ міросозерцаніи. Объ этомъ онъ какъ бы самъ свидѣтельствуетъ въ концѣ своихъ воспоминаній, когда воспроизводитъ сказаныя имъ со свойственнымъ ему юморомъ слова по поводу замѣчанія кого-то о высотѣ его послѣдней парижской квартиры на 7-омъ этажѣ: «въ бѣженсвѣ я поднимаюсь все выше и выше, а не опускаюсь». Но, можетъ быть, наиболѣе характеризующей его настроенія и даже больше, — если и не измѣненіе, не отказъ отъ своего прошлаго, то углубленіе его міровоз-

зрѣнія, — является одна фраза изъ его некролога убитаго В. Д. Набокова:

«Извѣстную фразу Набокова о власти исполнительной и законодательной смѣло можно вложить въ его уста съ такой перефразировкой: законы человѣческіе да подчинятся законамъ Божескимъ»...

Въ послѣдній разъ мы видѣлись съ братомъ въ 1924 году, когда онъ былъ на два дня въ Прагѣ по дорогѣ въ Варшаву, куда онъ ѣхалъ, чтобы черезъ польскую границу проникнуть въ совѣтскую Россію. Между прочимъ онъ читалъ мнѣ тогда письмо, которое онъ оставлялъ нѣкоторымъ нашимъ родственникамъ, находившимся въ эмиграціи и обладавшимъ еще нѣкоторымъ остаткомъ средствъ, о необходимости для тѣхъ, кто не можетъ дѣйствовать лично, хоть деньгами жертвовать на русское національное дѣло и тѣмъ давать примѣръ другимъ и имѣть возможность съ достоинствомъ обращаться съ просьбой о пожертвованіяхъ, какъ къ русскимъ, такъ и къ иностранцамъ. Надо сказать, что у него всегда, какъ въ частной жизни, такъ и въ общественной, была склонность къ нравоученіямъ и преподаніямъ совѣтовъ, къ чему молодежь, съ которой онъ общался, не всегда относилась съ подобающимъ вниманіемъ и почтительностью. Внѣшность свою онъ тогда еще не измѣнялъ. Былъ бодръ и спокоенъ. Рѣшеніе идти въ Россію у него было окончательное и непоколебимое. Никакіе доводы съ сомнѣніями и предостереженіями на него не дѣйствовали. Всѣхъ конспиративныхъ подробностей его плановъ мы въ нашихъ разговорахъ не касались. Но, какъ потомъ обнаружилось, была произведена большая и тщательная подготовительная работа. Все было разработано до мельчайшихъ подробностей, будущая роль странника, подъ видомъ котораго онъ потомъ проникъ въ Россію, была тщательно подготовлена и разучена. Къ своимъ преж-

нимъ мотивамъ необходимости для него идти въ Россію, онъ прибавилъ еще и то, что онъ холостъ и слѣдовательно, что онъ рискуетъ лишь собой. Полагаю, что этотъ мотивъ былъ вызванъ его желаніемъ деликатно снять съ меня, какъ съ семейнаго, упрекъ въ недостаточной активности. Насколько онъ предвидѣлъ все и былъ готовъ къ наихудшему, видно изъ его тогдашнихъ распоряженій на случай смерти или ареста. Онъ оставилъ мнѣ составленное имъ незадолно передъ тѣмъ духовное завѣщаніе. Между прочимъ онъ сказалъ, что въ случаѣ его ареста не слѣдуетъ вѣрить никакимъ его словамъ или отреченіямъ, которыя могутъ быть оглашены отъ его имени большевиками, даже за его подписью, что показываетъ, что онъ предвидѣлъ не только возможность разстрѣла, но и вымучиваніе какихъ нибудь признаній и показаній. И тѣмъ не менѣе, онъ, видимо, шелъ на все съ спокойной рѣшимостью. А затѣмъ помимо другихъ рѣшающихъ и основныхъ причинъ и цѣлей въ немъ безусловно была сильна ностальгія. Тоска по родинѣ такъ ярко выступаетъ въ тѣхъ строкахъ помѣщеннаго имъ въ газетѣ «Руль» описанія первой его попытки проникнуть въ Россію, въ которыхъ онъ касается чувствъ, вызванныхъ у него русской природой и русской деревней, среди которыхъ онъ вдругъ очутился. С. Яблоновскій уже въ некрологѣ Павла Дмитріевича («Борьба за Россію» № 30 отъ 18 іюня 1927 г.), вспоминая свою встрѣчу съ нимъ въ Новороссійскѣ, пишетъ:

«Гр. Петровъ, бывшій священникъ, депутатъ, литераторъ, многолѣтній мой сотрудникъ по газетѣ «Русское Слово» встрѣтился со мной въ Харьковѣ и вписалъ мнѣ въ тетрадь: «Рожденные летать, не должны ползать». Гр. Петровъ. Харьковъ 6 окт. 1919 г.» Этотъ перифразъ Горьковскаго афоризма, отнесенный Гр. Петровымъ къ большевикамъ, увидалъ у меня Кн. П. Д. Долгоруковъ въ Новороссійскѣ. Онъ взялъ перо и быстро написалъ подъ словами Петрова: «Отъ хорошей жизни не полетишь! Не хочется улетать. Хоть бы поползать, да въ Россіи». Кн. Пав. Долгоруковъ. 13 февр. 1920 г.»

Не чувствуется ли въ этихъ словахъ брата страстная привязанность къ родинѣ, дѣлающая столь труднымъ разставаніе съ ней? Отсюда такое цѣпляніе за Новороссійскъ и такое отстаиваніе имъ тамъ послѣдней пяди родной земли. Отсюда же и настойчивое стремленіе его проникнуть изъ эмиграціи въ Россію для выясненія возможностей скорѣшаго ея освобожденія отъ антинаціональной власти.

И не этой ли любовью къ своему родному государству объясняется его привязанность на чужбинѣ къ остаткамъ русской арміи, какъ къ символу россійской государственности и какъ къ устойчивому хребту и связуещему цементу русскаго разсѣянія. Этимъ же, можетъ быть, объясняется и то разочарованіе, которое вызвала въ немъ неспособность русской эмиграціи объединиться и выдѣлить изъ своего состава активный и авторитетный центръ для руководства ея тактикой въ цѣляхъ достиженія единаго, что по мнѣнію брата есть намъ на потребу. Изъ этихъ душевныхъ глубинъ, столь почвенныхъ, исходила его единоустремленность, которая въ глазахъ поверхностныхъ и равнодушныхъ наблюдателей могла даже казаться донкихотскимъ маньячествомъ!...

О томъ, какъ братъ готовился къ своему первому путешествію и каковы тогда были его настроенія, очень ярко разсказываетъ въ своемъ письмѣ Баронъ Ф. Р. Штейнгель, въ имѣніи котораго и до и послѣ своего проникновенія въ Россію жилъ Павелъ Дмитріевичъ:

«Мы съ Павломъ Дмитріевичемъ хотя и были прежде знакомы, но были довольно чужды другъ другу, а послѣднее время, когда онъ прожилъ у насъ почти весь 1924 годъ, мы такъ съ нимъ сдружились, что онъ уѣзжая, оставилъ мнѣ свою карточку, на обратной сторонѣ которой написалъ, перефразируя извѣстную пословицу: «Новый другъ, лучше старыхъ двухъ», а на лицевой сторонѣ: «Отецъ Павелъ. Городокъ 1924 г.» (Очевидно здѣсь имѣлся въ виду обликъ странника, который онъ тогда

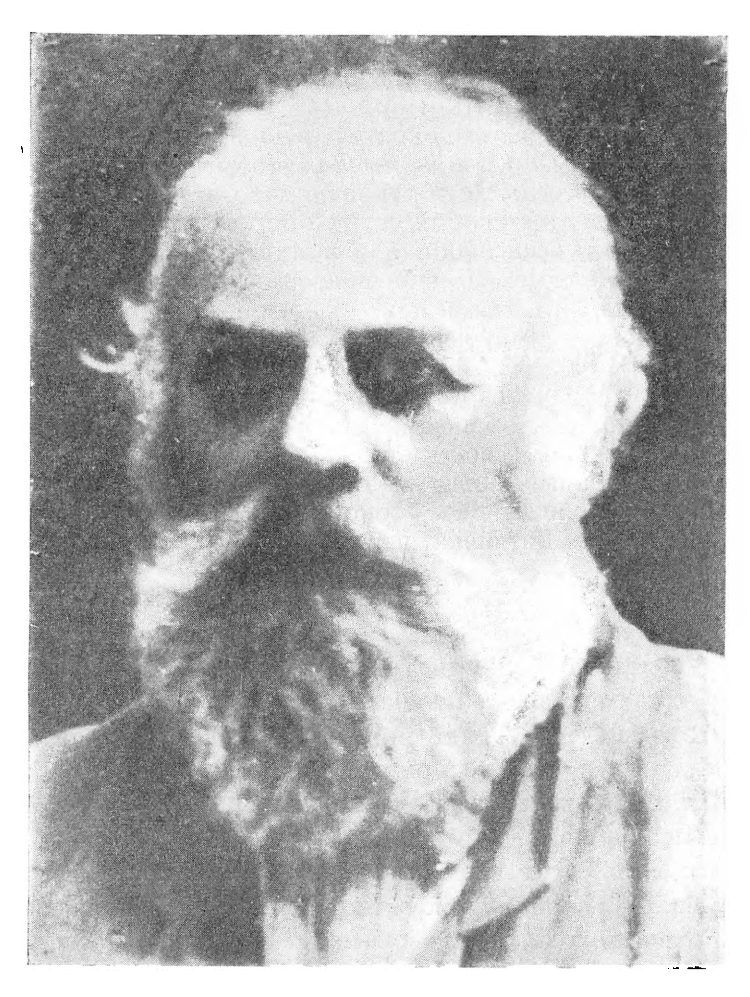
принялъ. П. Д.). Пріѣхалъ къ намъ первый разъ Павелъ Дмитріевичъ скоро послѣ нашего Рождества (1923 г.), то есть, кажется въ январѣ 1924 г. Пріѣхалъ онъ въ ужасномъ видѣ: ободранный, весь въ заплатахъ, вродѣ какого то бродяги. Но видъ его тѣмъ не менѣе, какъ всегда, былъ и въ такомъ нарядѣ представительный и, какъ всегда, онъ держалъ себѣ съ большимъ достоинствомъ, но также и съ большимъ смиреніемъ. Любопытно, что во всей фигурѣ Павла Дмитріевича было что то, что, несмотря на его оборванный видъ, внушало всѣмъ какое то особое почтеніе. Его осанка, его руки, вообще вся манера себя держать сразу показывали, что этотъ человѣкъ въ лучшемъ смыслѣ слова «баринъ». Когда онъ въ первый разъ пришелъ въ нашу церковь, мы были уже въ церкви и стояли на своемъ мѣстѣ, на которомъ я стою уже 49 лѣтъ. Павелъ Дмитріевичъ опоздалъ и скромно сталъ сзади въ уголкѣ. И тотчасъ церковный староста крестьянинъ, принесъ ему коврикъ и подалъ большую почетную свѣчу. (Это у насъ обычай стоять въ извѣстные моменты службы съ большими свѣчами). Никто не говорилъ крестьянамъ кто это, а по виду его можно было принять за нищаго. Въ какомъ восторгѣ онъ былъ отъ всего въ деревнѣ. Была хорошая зима, много снѣга. Все ему напоминало родину. Онъ съ наслажденіемъ кушалъ наши давно имъ невиданныя блюда и нашъ обѣдъ казался ему такимъ обильнымъ, что онъ говорилъ, что даже забылъ, что такъ ѣдятъ. Онъ все говорилъ, что мы живемъ по старинному и что это такъ успокаиваетъ — видѣть, что жизнь какъ будто не перемѣнилась и что есть еще такіе, вотъ, старые помѣщики какъ мы, которые даже всѣ старыя традиціи соблюдаютъ. Наступила весна; какъ онъ радовался, какъ восхищался чуть ли не каждой травкой! Особенно, помню я, онъ любилъ въ жаркій день, когда я, стоя подъ вербой, ловилъ рыбу на удочку, лежать около меня на травѣ; онъ будто бы читалъ что-то, но на самомъ дѣлѣ, я бы сказалъ, созерцалъ природу, находя то тотъ, то другой видъ похожимъ на Ваши мѣста. Онъ говорилъ: «Ваши малороссійскія бѣлыя хатки хороши, но мнѣ дороже бревенчатыя избы (сѣрыя)». И такъ какъ амбары (клуни) крестьянъ именно такія, то, смотря издали на эти амбары среди зелени на холмѣ (внизу протекаетъ рѣчка), онъ вздыхалъ и все повторялъ: «Какъ хо-

рошо, совсѣмъ какъ у насъ!» Помню также какъ мы всей семьей и съ нимъ ѣздили на заливные луга во время сѣнокоса. Тутъ эта ширь, эта даль, рѣка Горынь привели его прямо въ восторгъ. Онъ пѣлъ полнымъ голосомъ разныя пѣсни. У насъ была большая веранда; около нея было цѣлое море сирени очень высокой; росли также волоцкіе орѣхи и большая ель. Вотъ на этой верандѣ любилъ Павелъ Дмитріевичъ сидѣть иногда подолгу одинъ. Любилъ онъ также видъ изъ окна своей комнаты на мѣловыя горы и лѣсъ, любилъ свою комнатку и, когда пришлось ее покинуть, то за вѣшалкой съ полотенцемъ послѣ его отъѣзда обнаружили карандашную надпись, что въ этой комнатѣ счастливо провелъ столько-то времени такой-то. Бывали мы съ нимъ и у нашихъ знакомыхъ: у сосѣдняго священника, у нашего мельника еврея (очень порядочнаго) и его жены на ихъ праздникѣ — Пуримъ. Онъ и тамъ держалъ себя очень просто и всѣ его любили. Особенно нравилась всѣмъ его удивительная простота въ обращеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ что то въ высшей степени благородное. Съ самаго его пріѣзда жена моя непремѣнно хотѣла привести его костюмъ въ порядокъ, но это было трудно, такъ какъ онъ не давалъ и приходилось тихонько пока онъ спалъ брать его платье и жена моя латала это платье, насколько было возможно. Бѣлья у него было всего двѣ смѣны и онъ не хотѣлъ давать его намъ въ стирку. Ранней весной онъ ѣздилъ по какимъ то дѣламъ на короткій срокъ въ Варшаву. Съ весны мы стали замѣчать у Павла Дмитріевича какія то странности. Всякій разъ, что ему заштопывали платье, на слѣдующій же день опять все было разодрано. Волосы и бороду онъ не стригъ и поэтому совсѣмъ обросъ. Къ обѣду приходилъ съ руками совершенно вымазанными глиной и, когда его спрашивали, то увѣрялъ, что лѣчитъ такъ ревматизмъ. Наконецъ, онъ позвалъ меня какъ-то въ свою комнату и, заперевъ дверь, сказалъ, что долженъ серьезно поговорить со мной, но чтобы я далъ слово никому не говорить того, что онъ мнѣ скажетъ. И тутъ онъ мнѣ разсказалъ свой планъ перейти границу, бывшую недалеко отъ нашего имѣнія и отправиться въ СССР переодѣтымъ не то дьячкомъ, не то странникомъ богомольцемъ. Планъ его былъ очень наивенъ, что я и сталъ ему доказывать. Деньги у него были, но онъ не считалъ ихъ свои-

ми. Я спрашивалъ, какая же цѣль толкаетъ его на такой шагъ? Онъ отвѣтилъ, что «тотъ, кто посылаетъ людей на смерть, долженъ и самъ показать примѣръ, когда его туда зовутъ идти, тѣмъ болѣе, что я одинокъ, уже старъ, надо показать примѣръ молодымъ». Я сталъ прямо со слезами умолять его отказаться отъ этого плана. Онъ былъ непреклоненъ. Тяжело было слушать его, но мы видѣли, что переубѣдить его невозможно и въ глубинѣ души преклонялись передъ его спокойной рѣшимостью пожертвовать собой для родины. Я спрашивалъ его, почему онъ не посовѣтуется съ друзьями. Онъ отвѣчалъ, что, кромѣ меня, знаютъ еще только два человѣка — одинъ въ Парижѣ, другой въ Варшавѣ. Этотъ другой, врочемъ, прiѣзжалъ къ нему сюда и мы вмѣстѣ пытались удержать его, но напрасно. Въ концѣ iюня по старому стилю онъ ушелъ. 29-го iюня н. с., (хотя мы церковные праздники празднуемъ по ст. ст.), мы праздновали (онъ сказалъ, что празднуетъ свой день Ангела по нов. ст.), его именины. Былъ и традицiонный пирогъ и все прочее, какъ полагается. Павелъ Дмитрiевичъ былъ очень тронутъ. Когда наступилъ день, который онъ себѣ назначилъ для отъѣзда, онъ пришелъ ко мнѣ въ спальню, гдѣ я лежалъ (я былъ боленъ). Мы крѣпко обнялись, цѣловали другъ друга; онъ попросилъ меня благословить его, что я со слезами и сдѣлалъ. Какъ произошелъ его переходъ границы Вы знаете изъ его статей въ «Рулѣ». Не помню сейчасъ, сколько времени его не было, но, вдругъ, подъѣзжаетъ къ нашему двору возокъ и на немъ Павелъ Дмитрiевичъ въ видѣ странника. Конечно, мы всѣ очень удивились и очень обрадовались. Пошли, разумѣется, разспросы. Онъ кратко сказалъ только, что его вывезли обратно. Потомъ онъ намъ подробно разсказалъ какъ все было и сказалъ, что будетъ для наглядности разсказывать одѣтый такъ, какъ онъ тамъ ходилъ и говорить будетъ тѣмъ говоркомъ, которымъ тамъ говорилъ. Одѣтъ онъ былъ въ длинный подрясникъ, какой носятъ монахи (его сшили ему въ Ровно); черезъ плечо висѣла котомка, онъ былъ въ очкахъ; въ рукѣ палка; вообще онъ выглядѣлъ странникомъ-дьячкомъ. Писалъ онъ свои статьи для «Руля» у насъ въ Городкѣ. Павелъ Дмитрiевичъ сидѣлъ у окна и писалъ и я, какъ сейчасъ, вижу его согнутую надъ столомъ фигуру. Онъ говорилъ мнѣ, что не унываетъ отъ

неудачи, что многому научился и теперь повторитъ свое намѣреніе въ другомъ мѣстѣ и немного погодя. Онъ согласился еще погостить и пробылъ у насъ до 1-го сентября. Въ этотъ день мы окончательно простились и сердце у меня сжималось отъ мысли, что мы на этотъ разъ разстаемся навсегда, хотя мы знали, что онъ ѣдетъ въ Парижъ. Онъ взялъ съ собой черный деревенскій хлѣбъ, кое что изъ деревенскаго обихода и цвѣты. Мы очень сдружились съ Павломъ Дмитріевичемъ за время его пребыванія у насъ, онъ сталъ какъ бы членомъ нашей семьи. Сначала Павелъ Дмитріевичъ писалъ намъ ласковыя письма и вдругъ затихъ. Отъ одного знакомаго я узналъ, что онъ жилъ въ Парижѣ въ мансардѣ, гдѣ даже печки нѣтъ, совсѣмъ нищимъ, обросшимъ, и я понялъ, что онъ снова отправился въ свой послѣдній путь. Здѣсь всѣ его искренно любили и когда мы служимъ по немъ панихиды, всѣ горячо молятся объ упокоеніи души «убіеннаго Болярина Павла.» Батюшка нашъ поминаетъ его на всякой ектеніи.»

Послѣ неудачной и, какъ оказалось, столь рискованной попытки проникнуть въ Россію, можно было думать, что братъ не станетъ больше туда стремиться. Особенно въ этомъ всѣхъ убѣдилъ появившійся вскорѣ въ «Рулѣ» рядъ его статей, въ которыхъ онъ подробно описалъ эту попытку. Но, какъ оказалось, онъ немедленно же задумалъ предпринять новую и сталъ къ ней готовиться. Непонятное въ такомъ случаѣ опубликованіе своего путешествія, чѣмъ онъ не могъ не привлечь на себя вниманія большевиковъ, можно объяснить, пожалуй, тѣмъ, что онъ именно этимъ думалъ ихъ обмануть, исходя изъ того предположенія, что и они подумаютъ, что онъ уже не рискнетъ, будучи на виду, на новую попытку. Но можно дать этому и другое объясненіе. Приготовленіе и организація новаго путешествія были еще сложнѣе и дороже, чѣмъ перваго. Люди, занимавшіеся нелегальнымъ переводомъ черезъ совѣтскую границу рисковали многимъ и брали за свои услуги очень дорого. Они увѣряли, будто они должны были въ случаѣ неудачи откупаться отъ крас-



Ровно, 1924 г. Кн. Павелъ Дмитр. передъ своимъ первымъ путешествіемъ въ Россію.

ноармейцевъ. Своихъ средствъ у брата почти не было, а доставать ихъ на политическія цѣли отъ другихъ, какъ это видно изъ его воспоминаній, было очень трудно. И вотъ, онъ рѣшился напечатать свой очеркъ за хорошій гонораръ, который онъ получилъ изъ «Руля».

Въ Парижѣ, послѣ возвращенія изъ Польши, онъ встрѣтилъ у нѣкоторыхъ скептическій, но у другихъ восторженный пріемъ. Вотъ, напримѣръ, что писалъ ему его Ѳеодосійскій знакомый С. С. Крымъ изъ своего имѣнія на югѣ Франціи съ большими фруктовыми садами и виноградниками:

«Прочиталъ первую часть Вашихъ статей въ «Рулѣ» и не могу удержаться, чтобы не передать Вамъ всего моего восхищенія и уваженія передъ Вашимъ подвигомъ. Это не революціонный порывъ, а то, что намъ всѣмъ такъ не хватаетъ: подвижничества. Если бы Вы вздумали отдохнуть въ нашемъ уголку, нашъ домъ къ Вашимъ услугамъ».

Но братъ не воспользовался этимъ приглашеніемъ и жилъ въ Парижѣ въ очень тяжелыхъ моральныхъ и матеріальныхъ условіяхъ. Послѣднее свое полуторогодовое пребываніе тамъ въ **1924** и **1925** г. г. онъ былъ занятъ главнымъ обазомъ подготовленіемъ вновь задуманнаго путешествія въ Россію, и изысканіемъ необходимыхъ для этого средствъ, что сопровождалось многими хлопотами, переговорами, перепиской и часто разочарованіемъ. И хотя онъ интересовался предстоящимъ Зарубежнымъ Съѣздомъ и въ письмахъ своихъ убѣждалъ меня принять въ немъ участіе, но, какъ это видно изъ его воспоминаній, онъ уже не вѣрилъ въ возможность объединенія эмиграціи. Въ этотъ періодъ жизни брата всѣхъ ближе была къ нему очаровательная, умная и живая старушка А. В. Гольштейнъ, проживавшая постоянно въ Парижѣ, не на много пережившая Павла Дмитріевича. Она относилась къ нему съ родственной, можно сказать материнской теплотой и была посвящена въ большинство его плановъ. Съ ней онъ поддерживалъ переписку изъ Кишинева и изъ Россіи до тюрьмы включительно и отъ нея я получилъ большинство документовъ, касающихся этого времени жизни брата. Жилъ онъ въ этотъ пріѣздъ почти

все время въ чрезвычайно бѣдной, чисто бѣженской обстановкѣ. Мнѣ пришлось черезъ два года жить въ занимаемой имъ тогда комнатѣ, о которой онъ говоритъ въ заключительныхъ строкахъ своихъ воспоминаній. Это была комната, вѣроятно для прислуги, въ 7-мъ этажѣ, въ которую надо было подыматься по крутой винтообразной круглой каменной лѣстницѣ, абсолютно темной. Брату, довольно тучному по комплекціи, было тогда уже 58 лѣтъ и кромѣ того онъ страдалъ одышкой. Вѣроятно ему приходилось тратить не менѣе пяти минутъ и дѣлать нѣсколько остановокъ, чтобы добраться до своей комнаты. Комната освѣщалась керосиновой лампой и отапливалась керосиновой грѣлкой. А дѣло было зимой. Меблировка: старая деревянная кровать, столъ, твердый стулъ и табуретъ. И повидимому, онъ, судя по его собственнымъ разсказамъ и по разсказамъ очевидцевъ, какъ тогда, такъ и въ Бѣлградѣ, въ Константинополѣ и во время Гражданской войны на Югѣ Россіи, совершенно просто и благодушно относился къ невзгодамъ внѣшней обстановки и съ какимъ то равнодушнымъ достоинствомъ носилъ въ бѣженствѣ поношенное или даренное старье. Онъ говаривалъ:

"Il y avait avant "des nouveaux riches" et nous sommes maintenant des "nouveaux pauvres".

Надо сказать, что ему удалось вывести въ эмиграцію гроши и никакихъ цѣнныхъ вещей онъ съ собой не имѣлъ. А раньше, по своимъ привычкамъ, онъ не чуждъ былъ извѣстнаго барскаго сибаритства, какъ въ Россіи, такъ и въ своихъ ежегодныхъ заграничныхъ поѣздкахъ. Былъ довольно частымъ посѣтителемъ лучшихъ столичныхъ ресторановъ. Его московская квартира, квартира стараго холостяка, была хорошо и уютно обставлена. Онъ былъ долголѣтнимъ членомъ московскаго англійскаго клуба, хотя никогда не игралъ въ карты, а любилъ лишь, и это со студенческихъ годовъ, бильярдъ и шахматы. Былъ даже членомъ фешенебельнаго петербургска-

го яхтъ-клуба и нерѣдко останавливался въ имѣвшихся при немъ комнатахъ для пріѣзжающихъ. Но яхтъ-клубъ ему пришлось оставить послѣ того, какъ онъ былъ лишенъ придворнаго званія. Это его нѣкоторое сибаритство, никогда, однако, не было у него преобладающей чертой, а соединялось съ болѣе возвышенными стремленіями. Такъ, его любимая страна была Италія съ ея искусствомъ. Онъ изъѣздилъ ее вдоль и поперекъ. Въ Москвѣ онъ увлекался Художественнымъ Театромъ и былъ посѣтителемъ Литературно-Художественнаго Кружка. Въ Монако онъ интересовался океанографической станціей, въ Парижѣ — Лувромъ, въ Константинополѣ — византійской стариной, на Адріатикѣ — природой и итальянской стариной.

V.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ И ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ХАРЬКОВѢ ДО АРЕСТА.

О предстоящихъ намѣреніяхъ Павла Дмитріевича и его планахъ проникновенія въ Россію, на этотъ разъ черезъ Бессарабію, я зналъ еще меньше, чѣмъ при первомъ путешествіи, передъ которымъ мы видѣлись. Онъ и на этотъ разъ хотѣлъ по дорогѣ заѣхать ко мнѣ въ Прагу, чтобы передать мнѣ нѣкоторые документы и подробно переговорить и, можетъ быть, проститься. Но въ послѣднюю минуту ему пришлось почему то перемѣнить маршрутъ и онъ проѣхалъ черезъ Вѣну, не заѣзжая въ Прагу. Извѣстилъ онъ меня объ этомъ краткимъ письмомъ, въ которомъ говорилъ, что болѣе подробное письмо, а также и нѣкоторые документы, которые онъ не хотѣлъ довѣрять почтѣ, будутъ мнѣ доставлены однимъ вѣрнымъ лицомъ. Не знаю, что онъ написалъ или хотѣлъ написать, но получилъ я нѣкоторые касающіеся его документы лишь послѣ его смерти.

Въ письмахъ своихъ изъ Кишинева, откуда онъ предпринялъ свою вторую поѣздку въ Россію, онъ касался главнымъ образомъ возмутительныхъ пріемовъ румынъ въ насильственной денаціонализаціи русскихъ, живущихъ въ Бессарабіи. Передъ своей первой попыткой проникнуть въ Россію и послѣ нея, онъ такъ же страдалъ душой при видѣ насильственной полонизаціи въ восточной части Польши.

Какъ и передъ первымъ путешествіемъ въ Россію, въ Кишиневѣ нашлись люди, очень тепло отнесшіеся къ брату, при помощи которыхъ онъ готовился въ путь. Вотъ, что писалъ объ этомъ періодѣ Ю. Ф. Семеновъ въ «Возрожденіи» (отъ 15 іюня 1927 года) уже послѣ смерти Павла Дмитріевича:

«Тамъ онъ познакомился и подружился съ одной большой семьей, гдѣ душа его была согрѣта вниманіемъ и любовью четырехъ поколѣній. Старый Князь, такой большой, грузный, въ Парижѣ столь вялый и неподвижный, тутъ, на русской границѣ, наканунѣ ея перехода весело игралъ съ маленькой дѣвочкой въ мячъ, шутилъ, смѣялся, говорилъ стихи и даже пѣлъ. И маленькая дѣвочка, когда ея большой другъ ушелъ въ неизвѣстность, молилась каждый вечеръ въ своей кроваткѣ «за дядю Павлика».

О семьѣ этой съ любовью пишетъ и самъ Павелъ Дмитріевичъ въ конспективномъ описаніи своего второго путешествія, озаглавленномъ имъ «Матерьялъ для воспоминаній». Въ немъ онъ разсказываетъ, какъ онъ готовился къ своему путешествію, описываетъ переходъ границы и всѣ тѣ 40 дней, которые онъ провелъ на свободѣ уже будучи въ СССР. Набросокъ этотъ былъ составленъ имъ въ Харьковѣ, когда онъ находясь на нелегальномъ положеніи скрывался тамъ подъ чужой фамиліей. Помѣченъ онъ 3-мъ іюля 1926 г., слѣдовательно онъ былъ законченъ всего за десять дней до ареста брата. Нелегальнымъ способомъ этотъ набросокъ былъ доставленъ заграницу. И хотя по понятнымъ причинамъ на немъ было написано: «конфиденціально», но, очевидно онъ предназначался со временемъ для дальнѣйшей разработки и опубликованія. Конечно, написаніе его и особенно пересылка заграницу представляли большой рискъ. Можно думать, что причины, побудившія Павла Дмитріевича на этотъ рискъ были слѣдующія. Считая съ одной стороны очень важнымъ,

чтобы его очеркъ дошелъ до друзей и сталъ извѣстенъ въ эмиграціи, а съ другой стороны не будучи увѣренъ, что ему удастся вернуться за границу и даже болѣе, — боясь, что при обыскѣ или арестѣ документь можетъ попасть въ руки большевиковъ, братъ считалъ меньшимъ рискомъ, не только для себя, но прежде всего для другихъ, довѣрить свой очеркъ своему спутнику по путешествію въ Россію, чѣмъ оставлять этотъ очеркъ у себя на рукахъ. Дѣйствительность въ полной мѣрѣ оправдала этотъ его, на первый взглядъ такой рискованный, шагъ.

Въ письмѣ отъ 5-го мая 1926 года Павелъ Дмитріевичъ писалъ:

«Т. к. живу инкогнито, то почти никого не видаю. Послѣ 25-го вѣроятно начну передвиженіе.»

3-го іюня онъ писалъ въ Парижъ:

«Думаю сегодня отправиться въ путешествіе. Если осенью не вернусь въ Парижъ, то обращусь вѣроятно зимой, передъ Рождествомъ относительно присылки С-хоз. орудій, для чего Ю. Ф. и Мих. М-а убѣдительно прошу согласно оставленной мной инструкціи похлопотать для общаго дѣла убѣжденно и рьяно, какъ М. М. умѣетъ». (Дѣло шло, очевидно, о денежныхъ средствахъ. Ю. Ф. и Мих. М-а — Ю. Ф. Семенова и М. М. Федорова. П. Д.).

До своего ареста Павелъ Дмитріевичъ пользовался для переписки нѣсколькими заранѣе условленными именами. Первая лаконическая открытка была получена отъ него изъ Одессы отъ 9 іюня 1926 года:

«Дорога была очень тяжелая. Пріѣхалъ благополучно. Привѣтъ друзьямъ. Мих. Петровъ».

Въ чемъ именно заключалась эта тяжесть, видно изъ его уже упоминавшагося выше очерка «Матерьялъ для

воспоминаній», который и приводимъ здѣсь полностью. (Тремя звѣздочками въ текстѣ этихъ «Матерьяловъ» обозначены имена цѣлаго ряда лицъ, какъ проживавшихъ въ Румыніи, такъ и находившихся въ Россіи).

МАТЕРЬЯЛЪ ДЛЯ ВОСПОМИНАНІЙ 1926 г. 3 іюля. Харьковъ.

Неудача поѣздки въ Совдепію изъ Польши въ 24 г. Рѣшилъ все-таки осуществить. Полтора года безвыѣздно въ Парижѣ. «Объединеніе и возглавленіе». Подготовка къ Зарубежному Съѣзду. ВЪ НАЧАЛѢ МАРТА выѣхалъ въ Бухарестъ, предварительно списавшись съ *** Взялъ съ собой тотъ же багажъ и тѣ же старыя вещи костюма простолюдина, что и въ Польшу. 3 недѣли въ Бухарестѣ въ плохенькой гостиницѣ. Съ *** у ***. Очень любезенъ. Выдалъ свидѣтельство на имя Долгова, мои документы остались въ ... Меня узналъ ***, приставъ моего участка въ Москвѣ, к-й закрывалъ въ Москвѣ собранія. Бухарестъ — среднее между Буда-Пештомъ и Бѣлградомъ, ближе къ послѣднему. Съ середины февраля началъ отпускать бороду. ВЪ КОНЦѢ МАРТА въ Кишиневъ. Переполненный поѣздъ. На вокзалѣ встрѣтилъ меня ***. Съ нимъ къ ***. Оч. милые старики. Пригласили остановиться у нихъ. Прожилъ три дня. Потомъ хорошая комната съ чуднымъ пансіономъ у ***. Премилые люди — 3 женскихъ поколѣнія. Окраина города. Маленькій паркъ. Красивый видъ на холмистыя окрестности. До 5-6 ч. сидѣлъ дома, писалъ воспоминанія. Вечеромъ гулялъ по парку у ***. Никого, кромѣ родственниковъ моихъ хозяевъ и ген. ***, к-ые знали, кто я, не видалъ. Удивительно милые люди, стойкіе русскіе патріоты, носители семейныхъ-дворянскихъ традицій, религіозно-нравственныхъ устоевъ. Красивая порода, типы Тургеневской женщины, хотя нѣтъ русской крови.

Попалъ въ интернаціоналъ — греко-молдаво-грузинскій. Г-жа ***, дочь, внучка 4 л., есть еще и прабабушка (4 полколѣніе), полконникомъ к-ой былъ въ 77 году В. Кн. Н. Н. 4 поколѣнія, 4 сестры и братъ. Мужчины живутъ и работаютъ въ оставленныхъ имъ по аграрному закону 110 гектаровъ земли и виноградниковъ въ

разгромленныхъ усадьбахъ. Семьи — въ Кишиневѣ. Ужасныя сцены, пережитыя при разгромахъ большею частью нашими разложившимися войсками. Убійства, грабежи, разрушенныя дворянскія гнѣзда. Кишиневъ лѣтомъ, благодаря садамъ, бульварамъ и хорошей посадкѣ на улицахъ, выигрываетъ. Пушкинъ (?) «Городъ грязи, городъ галокъ и воронъ, гдѣ диктаторъ ...... Кишиневскій Цицеронъ». -- (розыскать все стихотвореніе). Весной на бульварахъ масса сирени. Сады, спускающіеся къ рѣчкѣ и лугу съ сочной травой. Совсѣмъ русская деревня. Соловьи. Чудные запахи. Нѣсколько красивыхъ прогулокъ при закатѣ солнца. Въ городѣ всѣ говорятъ по русски. Надписи — по румынски. Непріязнь моихъ друзей и вообще русскихъ къ румынамъ. Ихъ близорукая національистическая политика съ обруснѣніемъ, какъ въ Польшѣ. Та же исторія съ афтокефальной церковью и новымъ стилемъ. Сельское населеніе и часть городского придерживается стараго стиля. Недоразумѣнія со Страстной и Пасхой. Новое Министерство Авереску во время Страстной недѣли объявило о свободѣ справлять службу по старому стилю, а Синодъ и еп. Гурій требовали по новому стилю. Смятеніе. Въ нѣкоторыхъ церквахъ по старому стилю, въ нѣкоторыхъ -- по новому, въ нѣкоторыхъ смѣшанно. Пасхальная ночь по старому стилю въ маленькой домашней церкви. Масса народу, а потому заутреня на улицѣ передъ церковью. Оч. красиво. Тепло, тихо, свѣчи не гаснутъ. Разговлялись у *** до 7 ч. утра. Выборы въ парламентъ: Удивительное давленіе правительства. Стѣсненіе передвиженія по ж. д. въ дни выборовъ. По общимъ отзывамъ — коррупція въ Румыніи процвѣтаетъ, населеніе тяготѣетъ къ Россіи, даже большевицкой. Обросъ бородой,какъ два года тому назадъ. Въ послѣднее время рядъ прощальныхъ ужиновъ у моихъ новыхъ друзей, съ обильной ѣдой и выпивкой. Жилъ въ Кишиневѣ въ большомъ довольствѣ матерьяльномъ сравнительно съ моимъ бѣженскимъ бытомъ и морально согрѣтый радушіемъ, какъ бы родственнымъ тономъ моихъ хозяевъ и новыхъ друзей. Гораздо теплѣе отношенія, чѣмъ у большинства дѣйствительныхъ родственниковъ. Несмотря на стѣсненія, сравнительно съ прежнимъ, матеріальное состояніе (ютятся въ маленькихъ комнаткахъ), почти ничего съ меня не взяли за пансіонъ и всей семьей собрали

еще мнѣ на мое путешествіе болѣе 10.000 лей. Трогательное отношеніе, къ которому не привыкъ въ Парижѣ среди друзей и родственниковъ, и личное отношеніе ко мнѣ и патріотическій порывъ. Если бы вся эмиграція была такова, какъ мои новые интернаціональные друзья. Тонъ по отношенію ко мнѣ дала ⁂ Тургеневская женщина. Въ послѣдніе дни пріѣхала милая ⁂ съ мужемъ, съ которой у меня связаны чудныя Римскія воспоминанія въ 10-11 г. г. Послѣдніе 4 дня переѣхалъ на квартиру радушнаго ⁂. Всѣ члены семьи по нѣскольку разъ въ день посѣщали меня, вечеромъ ужинали. Провизія въ дорогу. ⁂ израненный, скромный герой георгіевецъ. Мой попучикъ въ Харьковъ офицеръ ⁂ 30 лѣтъ рекомендованный ⁂. Читалъ нѣсколько разъ моимъ друзьямъ написанныя мои воспоминанія 1917-1926 г. г. съ успѣхомъ. Послѣ трогательныхъ напутствій и благословеній (образочки) 5 іюня въ 5 часовъ утра выѣхалъ по жел. дорогѣ въ г. Бѣльцы. Кромѣ ⁂ ѣдетъ съ нами офицеръ ⁂ спеціалистъ по переправѣ черезъ Днѣстръ. Страшные ливни размыли путь. Полземъ, стоимъ въ полѣ пока чинятъ путь. Опоздали въ Бѣльцы на 4 часа и нашъ поѣздъ ушелъ. Пришлось ночевать. ⁂ пошелъ въ городъ за 3 версты за извозчикомъ. Проѣхали черезъ весь городъ на окраину, еле двигаясь въ грязи. Остановились у двухъ радушныхъ хохлушекъ, женъ русскихъ офицеровъ, работающихъ каменщиками въ Яссахъ. Онѣ работаютъ въ полѣ. Маленькій домикъ, удивительное радушіе. Варенники. Одна оч. хорошенькая. Чудные голоса — контральто и сопрано. Гитара, мандолина, мандола. Прекрасно поютъ украинскія пѣсни. Концертъ и выпивка до 1 ч. ночи. Во все время пути порядочно выпивали для бодрости. 6-го въ 5 час. утра встали и выѣхали по жел. дор. на Резину, на Днѣстръ. Подъѣзжаемъ къ Днѣстру, гористая, каменистая мѣстность, тунель. Ж. д. мостъ взорванъ. Резина — маленькое мѣстечко. Еврейская Корчма. Комиссаръ — румынъ (у насъ бумаги отъ ⁂). На другомъ тоже возвышенномъ берегу — Совдепія, тоже мѣстечко. Видны вагоны, люди, долетаютъ крики. Хорошее мѣстное вино. Переночевали. Кромѣ багажа веземъ еще немного (долларовъ 50-60), контрабанды (духи, пудра, шелков. чулки), такъ какъ выгоднѣе, чѣмъ размѣнъ валюты по твердому курсу на червонцы. Надѣемся выручить въ 5-7 разъ. 7-го ѣдемъ впяте-

ромъ въ повозкѣ — я, ***, комиссаръ, капралъ пограничн. стражи — по живописному борегу Днѣстра часа 3 ½. Высокіе, каменистые берега вышиной съ Рейнскіе, но немного отступя.

Вслѣдствіе ливней мѣстами потоками нагромождены камни. Идемъ пѣшкомъ. Повозка съ трудомъ беретъ препятствія. На противоположномъ концѣ взорваннаго моста красноармеецъ смотритъ на насъ въ бинокль, а потомъ въ подзорную трубу. Деревушки хохлацкаго вида на обоихъ берегахъ, но ограды сложенныя изъ камня, почему видъ заграничный. Завтракаемъ на пограничномъ посту (пикетѣ). Обильная провизія изъ Кишинева, мамалыга, овечій сыръ, лукъ, вино. Пріѣзжаемъ къ мѣсту назначенія, гдѣ предстоитъ переправа — тоже пикетъ. Высокія горы на обоихъ берегахъ. Видна тропинка наискось, по которой мы должны взобраться. Говорятъ ее завалило тоже камнями. Жарко, сплю подъ яблоней. Ужинъ. Осмотръ нашихъ вещей и бумагъ капраломъ. *** везетъ пропаганду. *** недоволенъ. Лодка маленькая, дубовая, волненіе. Большевицкіе часовые стоятъ на разстояніи версты другъ отъ друга, 2 раза въ сутки проходитъ конный патруль человѣкъ въ 5. Все дѣло въ томъ, чтобы переправиться между часовыми, не наткнуться на патрули. Зимой переходятъ по льду. Мы выбрали время, когда луна всходитъ въ 2 часа, а до того — ночи темныя. Къ сожалѣнію вѣтеръ стихъ (удобнѣе ѣхать на лодкѣ и идти, когда деревья шумятъ) и было совсѣмъ тихо. Около 10 ч. спустились тихо съ пикета на берегъ. Около часа сидѣли на берегу. Налѣво въ мѣстечкѣ на противоположномъ берегу звуки стихаютъ. Я вздремнулъ на берегу. *** совсѣмъ голый на случай броситься въ воду, безшумно подвелъ лодку. Сажусь. У меня на плечахъ сумка 20-25 фунтовъ, у *** мѣшокъ съ моими и его вещами пуда 2 ½. Сижу одинъ минутъ 20 въ лодкѣ, слышенъ шепотъ на берегу — «лодка». Посреди рѣки въ темнотѣ ничего не видно, но слышенъ всплескъ весла. Слышно, какъ румынскіе пограничники щелкаютъ взводимыми курками. Окрикъ. Оказывается — рыбаки съ румынскаго берега 2 лодки. Громкій разговоръ капрала, комиссара. Я сижу въ лодкѣ одинъ и ничего не понимаю. Капралъ почему-то стегаетъ плеткой пограничника, тотъ кричитъ (оправдывается). На другомъ берегу слышно какъ кто-то громко

мяукаетъ, вдали ему отвѣчаетъ другое мяуканье. Очевидно часовые, услышавшіе нашъ шумъ. Досадно на румынъ, что такъ нашумѣли и испортили дѣло (я увѣренъ, что сегодня переправа не состоится). Потомъ все стихло. Черезъ 1/4 часа *** подводитъ двѣ маленькія рыбацкія лодки съ двумя рыбаками, я пересаживаюсь въ одну, *** садится въ другую и, сцѣпившись, мы отчаливаемъ. Темнота и тишина. Еле слышно всплескиваютъ два весла-лопаты. Ѣдемъ затаивъ дыханіе кажется 3-5 минутъ, *** остался на берегу. Какъ оказывается, онъ послѣ нашего отъѣзда намѣревался шумѣть на берегу, чтобы отвлечь вниманіе, но мы ничего не слышали. Мы, кажется, переплыли почти поперекъ, а не наискось, къ началу тропинки, какъ предполагалось, и это было причиной нашихъ злоключеній. Очевидно въ попыхахъ не объяснили толкомъ рыбакамъ. Уткнулись около берега въ мель. Безшумно съ *** сошли въ воду и вышли на берегъ. Пробѣжали саженей 10 плоскаго берега до кустиковъ и камней, гдѣ начинается бугорокъ. Пошли, прислушиваясь, потихоньку вверхъ, межъ камней, стараясь не шумѣть. Пройдя холмикъ, подошли къ крутой горѣ. Стали подыматься. Ливни навалили камни, которые постоянно срываются. Совершенно темно и, къ сожалѣнію, совершенно тихо, не шелохнетъ. У насъ башмаки съ резиновыми подошвами для тишины. Слышны соловьи и лягушки на Днѣстрѣ. Ясно слышенъ лай собаки на румынскомъ берегу. Подымаемся наискось вправо среди мелкаго кустарника и хаоса камней. Тропинку, которая оказалась значительно правѣе, которую ясно было видно съ того берега и по которой легко сравнительно выйти, такъ и не нашли. То подымаемся, то подойдя къ крутизнѣ, спускаемся. Начинаемъ выбиваться изъ силъ и изрѣдка присаживаемся. Справа — круча. По разсчету внизу у берега — постъ пограничника. ***, идущій впереди, умоляетъ меня не дышать такъ громко. А у меня клокочетъ въ груди, съ трудомъ удерживаюсь отъ кашля. Даже уткнуться въ землю, какъ въ Польшѣ, для кашля, здѣсь негдѣ. Вдругъ слышу, какъ будто шагахъ въ 30 позади насъ шаги. Думаю, что насъ услышали и идутъ вслѣдъ. Останавливаю палкой ***, который изъ за контузіи не слышитъ на правое ухо. Онъ тоже слышитъ шаги, но какъ потомъ говорилъ, думаетъ, что они были на берегу. Минутъ 15 при-

таились. Потомъ опять карабкаемся. Все насквозь пропотѣло, даже сумка на спинѣ. *** отчаивается найти тропинку и понятія не имѣетъ, гдѣ мы находимся. Если заберемъ слишкомъ вправо, то выйдемъ въ лощину съ мѣстечкомъ, что будетъ пагубно. Уже идемъ значительно болѣе часа. Все чаще присаживаемся. По нѣскольку разъ падаемъ. Полземъ по отвѣснымъ скаламъ, хватаясь руками за скалы и кустарники. Луна должна взойти въ 2 часа, а конца горы, подымающейся, какъ казалось отвѣсной скалой, не видно. Я съ моими 7 ½ пудами пыхчу, кувыркаюсь, опять карабкаюсь. Не видно, куда ступаетъ нога. Почти каждый шагъ приходится ощупывать, твердая ли почва, не движется ли камень, нѣтъ ли обрыва. Небо стало блѣднѣть со стороны луны. Т. к. поднялись очень высоко, то при остановкахъ осмѣливаемся перешептываться. Т. к. почти выбились изъ силъ, а луна всходитъ, а затѣмъ скоро и разсвѣтъ, то является предположеніе, что придется на день остаться здѣсь, прилегши въ камняхъ и мучаясь отъ жажды. Снизу отъ патрулей сравнительно безопасно. Но сверху пастухи могутъ пасти козъ и наткнуться на насъ. Надъ кровавымъ Днѣстромъ, поглотившимъ столько жертвъ, да и теперь еще поглощающимъ, подымается туманъ. (Чиновникъ сигуранци въ Бухарестѣ, когда отговаривалъ меня идти, говорилъ, что большевики недавно разстрѣляли 8 перешедшихъ границу, привязали къ трупамъ мѣшки съ газетами, ругающими румынъ и бросили въ рѣку напротивъ къ румынскому берегу).

Поютъ пѣтухи и заливаются соловьи, но я не наслаждаюсь природой. ***, которому 30 лѣтъ, т. е. вдвое моложе меня, рѣшается съ отчаянія взять въ лобъ остающуюся скалу. Удивительно, какъ онъ со своимъ тяжелымъ мѣшкомъ выдержалъ. Полземъ прямо вверхъ. Руками работаемъ не менѣе, чѣмъ ногами. Къ счастью кустарникъ прочный, рѣдко обрывается. Все же я еще два раза сорвался и задержался о другой кустарникъ и скалы. Минутъ 15 прокарабкались 20-25 саженей. Еще совсѣмъ темно. Потомъ къ счастью почувствовали подъ ногами полоску земли, идущей вкось наверхъ. Вѣроятно козья тропка. Пробираясь по ней вдругъ вышли, къ нашему восторгу, на вершину горы, гдѣ начиналось плоскогорье. Пріятная минута. Луна, вышедшая на короткое время за

горой, уже зашла. Востокъ уже замѣтно свѣтлѣлъ. Мы почти вышли къ сторожкѣ, гдѣ должны были ночевать, т. е. около 1 ½ версты лѣвѣе тропы, которую такъ и не нашли. Всего вмѣсто 25-30 минутъ шли 2 ½ часа. Поскорѣе отошли отъ обрыва, чтобы наши силуэты съ мѣшками на разсвѣтѣ не были замѣчены снизу и свободно пошли къ сторожкѣ. *** нѣсколько разъ ходившій здѣсь, говоритъ, что днемъ не рѣшился бы взобраться напрямикъ. Къ нашему огорченію ея обитателей не было, она была пуста, на запорѣ, никто не откликался. Внутри слышались часы. Крыша была разрушена. Что случилось съ хозяевами? (Какъ впослѣдствіи оказалось — разрушеніе отъ урагана). Пришлось идти къ нимъ въ деревню (версты 3). Идемъ преимущественно полемъ, не дорогой, чтобы не встрѣчать никого. Востокъ алѣетъ. Свѣтаетъ. У большой деревни (съ совѣтомъ, комсомольцами и т. д.) идемъ дорогой, спѣшимъ, чтобы придти ранѣе, чѣмъ деревня встаетъ и пойдутъ на работу. Солнце встаетъ. Совсѣмъ свѣтло. Встрѣчаемъ одного старика, потомъ другого. Здороваемся. Отвѣтъ — «Пошли Богъ здоровья». Проѣзжаетъ телѣга. Запоздали. Лаютъ собаки. Выгоняютъ скотину. Наконецъ, подходимъ къ дому, почти на краю деревни. Я захожу за сарай. *** идетъ на рекогносцировку, все ли благополучно съ хозяевами. Оказывается все благополучно. Насъ радушно принимаютъ. Сельскій интеллигентъ. Яичница съ саломъ. Ѣсть ничего не могъ. Но выпилъ два стакана чая съ лимономъ и 8-7 стакановъ мѣстнаго вина. Какой восторъ послѣ пересохшаго горла. Матрацъ на полу. Уснулъ какъ убитый. 8 ІЮНЯ. Всталъ въ 12 часовъ дня. Съ наслажденіемъ умылся. Меня, а также и ***, всего ломитъ три дня. На плечахъ опухоли отъ сумки. Особенно ноетъ въ колѣняхъ, гдѣ у меня было ранѣе растяженіе жилъ. Лѣвая рука въ кости болитъ (въ правой была палка, ею преимущественно цѣплялся и на нее падалъ (вправо круча). На всемъ тѣлѣ преимущественно въ ногахъ (и у ***) ссадины, кровоподтеки, синяки. Подмазали іодомъ ранки. Вчера ничего не замѣчали. Пообѣдали — чудный борщъ, жареная, домашняя колбаса, рисовая каша, сотовый медъ, домашнее винцо. У бѣднаго *** черезъ недѣлю оказалась отъ натуги грыжа и ему предстоитъ операція. Онъ нѣсколько разъ туда переходилъ, но въ первый разъ пришлось такъ туго и идти

безъ тропы. Поѣхали парой на трясучей повозкѣ. Урожай, какъ въ Бессарабіи, чудный. Море хлѣба, почти уже въ ростъ человѣка. Все время трепещутъ жаворонки и падаютъ съ выси въ пшеницу. Нѣсколько русскихъ и молдавскихъ селъ малороссійскаго типа, но болѣе камня. Мы въ Молдавской республикѣ. Въ лѣску, въ оврагѣ, извѣстномъ бандитизмомъ, *.* приготовляетъ револьверъ. Трясемся на повозкѣ. Тѣло отъ вчерашняго ноетъ. Перепадаетъ дождь. Покатые холмы. У станціи еврейская корчма. Сплю. Въ 11 час. поѣздъ на Одессу. Хозяйка любопытствуетъ, откуда ѣдемъ. Отмалчиваемся. 3-ій («жесткій») классъ. Забираюсь наверхъ, разстегиваюсь. *.* говоритъ, что я храпѣлъ на весь вагонъ и что ночью комендантъ поѣзда и агентъ ГПУ, обходя, уставились на меня, покачали головой и ушли. У меня до Харькова никакого документа (на всякій случай вмѣстѣ съ біографіей придумана цѣлая исторія). Порядки. 9 ІЮНЯ утромъ Одесса. Въ гостиницу. Т. к. безъ ночевки, то документы не спрашиваются. Часа за два до насъ выпалъ небывалый градъ съ куриное яйцо, шелъ полтора часа. Масса поврежденій и по всему городу выбиты стекла. Пожарные оттаиваютъ на улицахъ, на низкихъ мѣстахъ градъ, слѣпившійся въ аршинъ толщиной. Мы выѣхали въ 5 час. дня и градъ еще лежалъ, несмотря на жару, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кучами, очевидно, не растаялъ и къ ночи. Пѣшее большое движеніе, экипажнаго почти нѣтъ. Рѣдкіе народные бѣлые автобусы (единственное бѣлое движеніе, которое до сихъ поръ замѣтилъ). Въ толпѣ, какъ въ Харьковѣ, косоворотки, темныя и бѣлыя рубахи съ ремешками, рабочія фуражки, татарскія парчевыя ермолки. Многіе съ портфелями — служащіе различныхъ учрежденій. Обѣдали на Приморскомъ бульварѣ. Портъ совершенно пустъ, безъ пароходовъ. Вообще впечатлѣніе отъ Одессы — замиранія. Очевидно, вслѣдствіе кризиса портовой жизни. Многихъ рабочихъ и служащихъ увольняютъ. Выѣхали въ маленькомъ купэ «мягкаго» вагона. Пріятно было растянуться, т. к. мы одни въ купэ, то и безопаснѣе, чѣмъ въ «жесткомъ» вагонѣ. Рядомъ съ нами въ купэ — комендантъ и ГПУ. Порядокъ и чистота большіе. Проводникъ отбираетъ билеты и даетъ квитанцію. Въ дорогѣ не безпокоютъ. За бросаніе окурковъ въ вагонѣ и на станціяхъ — штрафъ. Мостъ въ Кременчугѣ

черезъ Днѣпръ охраняется. Окна затворяются. На одной станціи тысячъ 50 шпалъ. Поѣздъ ползетъ болѣе сутокъ. Скорые, говорятъ, скоро ходятъ (отъ Харькова въ Москву и Севастополь 16 часовъ). Вечеромъ, когда ⁂ пошелъ на станцію, слышу въ сосѣднемъ купэ спрашиваютъ у двухъ евреекъ документы наши сосѣди. Нѣтъ. «Какъ же въ дорогѣ и нѣтъ документовъ?» — Увѣренъ, что и меня спросятъ. Къ счастью не спросили. И еврейки какъ-то доѣхали до Харькова. Въ Кременчугѣ и въ Полтавѣ ѣлъ на вокзалѣ. Чай въ купэ. ВЪ ХАРЬКОВѢ 10-го ВЕЧЕРОМЪ. Встрѣтилъ вызванный по телеграфу офицеръ. Привезъ въ гостиницу «Красная Москва». Въ тотъ же вечеръ раздобыли мнѣ паспортъ на 59-лѣтняго Сидорова. Взодохнулъ свободнѣе. Комната хорошая, чистая, но безъ умывальника. ⁂ поѣхалъ къ женѣ и матери. 11-го ІЮНЯ. Ѣдемъ съ ⁂ по Сумской. Меня узнаетъ проф. ⁂, бывшій у меня лекторомъ въ Севастополѣ въ 20-мъ году. Пораженъ. Я недоволенъ, что сразу узналъ. Пригласилъ обѣдать. Годъ былъ въ командировкѣ въ Берлинѣ. Намѣревался остаться заграницей. Но эмиграція и особенно монархисты произвели на него такое удручающее впечатлѣніе своей оторванностью и неспособностью, нежеланіемъ понять, что происходитъ въ Россіи, что предпочелъ вернуться, несмотря на гнетъ и придавленность интеллигенціи (политическая информація особо). Переполненіе и оживленіе въ Харьковѣ страшное. 380 тысячъ жителей. Порядокъ. Хорошіе быстрые автобусы ходятъ съ Парижской регулярностью. Движеніе огромное. Та же рабоче-демократическая толпа, портфели, ермолки. Столовыя переполнены. Квартирный кризисъ. Трамваи переполнены. На каждомъ шагу полуправительственные магазины, кооперативовъ, «Ларек» и др. Всякаго товару и снѣди масса, но дороговизна страшная. Жизнь (не говоря про мануфактуру), раза въ три дороже Парижской. Милиція, внѣшній порядокъ. На галеркѣ, стоя въ театрѣ. Гастроли Московс. Мал. Театра, знакомые артисты. Пьеса Островскаго. Молодой человѣкъ уступилъ мнѣ сидячее мѣсто. Послѣ случая съ опознаніемъ меня проф. ⁂, ношу на улицѣ очки и кое-что еще измѣнилъ въ обличіи. Къ хорошо знакомому доктору. Не узналъ меня. Минутъ 10 выслушивалъ. Кромѣ эмфиземы, склероза и міокардита (ослабленіе сердечн. мышцъ), что было найдено у меня 2 года

тому назадъ въ Словутѣ, когда я былъ арестованъ ГПУ, нашелъ еще расширеніе аорты. Запретилъ курить (продолжаю) и предписалъ водовое лѣченіе. Отложу до обоснованія на мѣстѣ. Потомъ я ему открылся. Пораженъ. Какъ проф. *** говорилъ, что послѣ встрѣчи со мной не могъ сосредоточиться на экзаменѣ, такъ и докторъ сказалъ, что ему трудно было потомъ принимать больныхъ. Черезъ день имѣлъ съ нимъ интересную бесѣду. Удивился, что при моемъ сердцѣ, тучности и лѣтахъ могъ продѣлать такой трудный переходъ. Не рекомендуетъ повторять. Изъ моихъ земско-кадетскихъ знакомыхъ — почти никого въ Харьковѣ не осталось. Придавленность и гнетъ страшный. Шпіонажъ во всю. Прозябаніе. Нѣсколько времени, какъ терроръ усилился, масса арестовъ и ссылокъ на Соловки. Докторъ говоритъ, что если бъ я зналъ, какой теперь терроръ, то навѣрно не рискнулъ бы пріѣхать (?). Пока лишь общее впечатлѣніе отъ видѣннаго и слышаннаго и отъ 3-4 разговоровъ съ лицами. Съ офицерами (нашими) почти еще не говорилъ. Въ деревнѣ не былъ. Намѣреваюсь посѣтить украинскую деревню и великорусскую. Выписалъ одного человѣка изъ Москвы, чтобы подготовить пребываніе тамъ и квартиру, такъ какъ тамъ мнѣ гораздо опаснѣе. Какъ только будетъ подготовлено, выѣду туда и въ Петроградъ. Хотѣлъ посѣтить Волгу, Кубань и Донъ, но изъ-за дороговизны врядъ ли придется, если паче чаянія не получу подкрѣпленія изъ заграницы. Дороговизна убиваетъ меня, т. к. курсъ доллара искусственно поддерживается въ 1 р. 94 к., а размѣнъ на черной биржѣ почти невозможенъ. Чувствую себя превосходно. Отдохнулъ отъ перехода еще въ Одессѣ и на желѣзной дорогѣ. Тѣло болѣе не болитъ, ссадины заживаютъ. Желудокъ хорошо работаетъ, такъ какъ двигаюсь, а въ Кишиневѣ слишкомъ много ѣлъ и совершенно не двигался изъ-за конспиративности и отсутствія цѣли хожденія. Правильно сдѣлалъ, что рѣшился во что бы то ни стало побывать въ Россіи, даже послѣ моей неудачи 2 года тому назадъ. Необходимо личное общеніе эмиграціи съ Россіей. Какъ оживились тѣ немногіе, съ которыми пришлось видѣться. Одинъ назвалъ меня первой ласточкой (это я-то ласточка!). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего отъѣзда (вѣроятно придется уѣхать заграницу, т. к. при затяжномъ процессѣ здѣсь

пребывать и работать мнѣ небезопасно, да и нельзя), я уполномочилъ и принялъ мѣры къ болѣе широкой огласкѣ здѣсь моей информаціи черезъ нѣкоторое время послѣ моего выѣзда изъ Россіи, о нашихъ центральныхъ эмиграціонныхъ теченіяхъ, въ отличіе отъ партійно-монархическихъ, которыя приносятъ огромный вредъ эмиграціи, превращая ее въ Кобленцъ, обрекая на отчужденіе отъ противобольшевицкой здѣшней публики, которая совершенно отрицательно относится къ партійности. Хотя Милюковская, республиканская партійность не менѣе вредна, чѣмъ монархическая, но она здѣсь менѣе замѣтна. А монархическая партійность придаетъ колоритъ всей эмиграціи. То, что намъ было ясно и въ эмиграціи, отсюда еще нагляднѣе представляется, а именно, что тѣ, кто теперь не могутъ подняться на національно-надпартійную высоту и играютъ въ монархическія игрушки, — обрекаютъ себя на вѣчную эмиграцію и вредятъ дѣлу сліянія эмиграціи со здѣшней противокоммунистической публикой. О Зарубежномъ Съѣздѣ и «Возрожденіи» совѣтскія газеты довольно много писали. И то, что по этимъ газетамъ и по рѣдкимъ доходящимъ слухамъ публика здѣсь узнала, она въ Съѣздѣ и въ позиціи Струве разочарована. Объясняю здѣсь всюду мудрую позицію В. Кн. Н. Н.-ча. О немъ знаютъ, но какъ о чемъ то очень отдаленномъ и реально-проблематичномъ, мало интересуются. Это все мои первоначальныя, еще поверхностныя впечатлѣнія. Могутъ впослѣдствіи быть коррективы. Войны и интервенціи никто не хочетъ. Добрармія оставила здѣсь плохія воспоминанія (командованіе Май-Маевскаго, ген. Шкуро). О Врангелѣ лучшаго мнѣнія, чѣмъ о Деникинѣ, какъ болѣе властномъ и упорядочившемъ по слухамъ фронтъ и тылъ. Его въ 20-мъ году ожидали съ нетерпѣніемъ. Теперь болѣе вѣрятъ въ эволюцію, въ финансово-экономическій кризисъ, въ паденіе червонца. Желаютъ экономической блокады Европой. Боятся положительныхъ результатовъ франко-совѣтскихъ переговоръ. Надо все сдѣлать, чтобы повліять на французовъ, предостеречь общественное мнѣніе. Всѣ политическія организаціи должны этимъ заняться. Недостаточно дѣлается. ЗАДАЧА МОМЕНТА. Привѣтъ друзьямъ отъ лимитрофовъ.

Задержался въ Харьковѣ, т. к. не удалось еще связать-

ся съ Москвой и кое-что еще здѣсь додѣлать (организовать). Уже болѣе трехъ недѣль живу здѣсь все въ гостиницѣ (хорошей), что и дорого и съ конспиративной точки зрѣнія плохо. Вообще пора перемѣнить мѣсто. Кромѣ проф. *$_*^*$, узнавшаго меня на улицѣ въ первый день, по слухамъ меня узналъ еще одинъ господинъ, знавшій меня въ Севастополѣ. Можетъ быть еще и другіе узнали. Непріятно бываетъ, когда вглядываются, оглядываются на меня. Правда видъ у меня — обросшій, необычный — среднее между К. Марксомъ и Богомъ Саваофомъ. Днемъ на людныхъ улицахъ и въ трамваяхъ стараюсь мѣнять обличье (очки, прихрамываю и пр.). Былъ разъ въ театрѣ, 2 раза въ кино «Коллежскій регистраторъ», Пушкинскій «Станціонный смотритель» съ передѣланнымъ концомъ, очень хорошіе русскіе, зимніе пейзажи, тройки ямщицкія, деревни, лѣсъ и пр. Народа всюду масса, оживленная жизнь бьетъ ключемъ, несмотря на дороговизну (въ 3-3 ½ раза дороже Парижа). Хороши трамваи, автобусы, милиція, пригородные поѣзда въ дачныя мѣстности. Плохи тротуары и поливка. Пыль. Жара и духота. Замѣчателенъ молодой (лѣтъ 25) загородный паркъ — подражаніе лѣсу съ березовыми, хвойными и лиственными рощицами и лужайками. Запущенъ. Полная иллюзія натуральнаго лѣса. Часто бываю въ немъ, лежу, читаю. Въ Троицынъ день за небольшую плату — гулянье. Десятки тысячъ. Переполненъ. На свиданія для разговоровъ ѣзжу туда же. Арестъ милиціонеромъ какого то субъекта и отобраніе у него револьвера. Другой разъ арестъ на улицѣ нѣсколькими милиціонерами сопротивлявшагося ломовика. У конныхъ милиціонеровъ — хорошія лошади жандармскаго типа. На базарѣ арестъ крестьянки, торговавшей безъ свидѣтельства. Она удачно упиралась и сопротивлялась двумъ милиціонерамъ, которымъ, кажется, такъ и не удалось ее арестовать. Рынокъ старый, крытый, благоустроенный, чистый. Вокругъ лавки ларьки, латки и телѣги крестьянъ. Продуктовъ масса, какъ и въ магазинахъ, но все на валюту страшно дорого. Обѣдъ въ маленькой столовой изъ двухъ блюдъ (хорошій) 65-80 коп. Милиціонеры подаютъ знакъ свисткомъ и извозчики и ломовики безпрекословно сворачиваютъ. Въ столовыхъ, на улицахъ почти всѣ одѣты бѣдно, демократично: рубахи бѣлыя или темныя, толстовки, косоворотки,

молодежь — много рабочихъ и подъ рабочихъ въ кепкахъ или татарскихъ ермолкахъ (на это теперь идетъ парча) съ засученными рукавами, съ открытымъ воротомъ, съ рѣшительнымъ видомъ. У очень многихъ — портфели, т. к. всѣ служатъ. Очень распротсранено радіо. На массѣ домовъ — радіопріемники. На нѣкоторыхъ площадяхъ вечеромъ — громкоговорители. Часто слушаю такимъ образомъ популярныя лекціи, музыку. На бульварчикѣ вечеромъ на «горкѣ». Изрѣдка видаю ⁂ въ больничномъ саду и ⁂ у него (съ женой). Разъ къ вечеру поѣхалъ на дачу къ ⁂. Дожидался на скамьѣ часа полтора. Узналъ. Обрадовался. Въ дачныхъ поселкахъ — водопроводъ и электричество. Немного поговорили. Условились видѣться въ Харьковѣ (въ противоположность ⁂ смѣновѣховцу ⁂, говоритъ: «власть стоитъ вверхъ ногами, все на обманѣ»). Въ Полтавѣ рабочіе безпорядки недавно были, пришлось имъ прибавить, милиція не могла ничего сдѣлать и т. п. Но гнетъ и запуганность страшные. Дачные поѣзда (канунъ Троицы) отходили изъ Харькова переполненными. Поѣзда — аккуратно. Порядки. Чистота въ вагонахъ. Троица по ст. ст. 22. УІ. Въ приходской церкви — мало народу. Въ трехъ соборахъ (Благовѣщенскій на базарѣ, Кафедральный и Украинскій) народу много. Величествен. своды. Во всѣхъ трехъ пѣніе превосходное, въ одномъ лучше другого. Не уступаютъ лучшимъ московскимъ хорамъ. Потомъ часто ходилъ въ эти соборы на всенощную и къ обѣднѣ въ воскресенье. Сидѣлъ на скамейкѣ и наслаждался чуднымъ пѣніемъ (склонность къ концертамъ) и наблюдалъ молящихся. Есть молодежь, но немного. Какъ будто свобода религіи. Церкви открыты, колокола гудятъ на главныхъ улицахъ. А служащіе въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ и, напримѣръ, студентки боятся ходить, чтобы не потерпѣть. Въ церкви видѣлъ вновь старую Россію, степенный староста съ тарелкой, сѣдой сторожъ-мужичекъ въ кафтанѣ съ сѣдой бородкой истово крестившійся, на видъ старый чиновникъ, ставящій свѣчи, прикладывающійся ко всѣмъ иконамъ, молодой рабочій или приказчикъ въ сѣрой блузѣ съ симпатичной женой въ платочкѣ и 3-мя сыновьями 4-6 лѣтъ въ такихъ же блузкахъ, которыхъ они заставляютъ хорошо стоять, наклонять головы и т. п., болѣе пожилыхъ женщинъ. Усердно молятся. Въ соборѣ служитъ митро-

политъ, въ хорѣ поютъ солисты изъ оперы. На Украинѣ автокефальная церковь. Среди духовенства полный расколъ, много живоцерковниковъ. Духовенство оказалось не на высотѣ: плохой отпоръ большевикамъ. Въ украинскомъ соборѣ — службы по украински («нехай будэ благословеніе Божіе на всіх вас», «нехай пріидэ царствіе Твое» и т. п.). Въ концѣ всенощной поется молитва — гимнъ украинскій за спасеніе Украины. Большинство становится на колѣни. До чего разладъ и паденіе духовенства: утверждаютъ, что одинъ архіерей — чекистъ. Т. к. въ Троицу столовыя и булочныя открыты, то въ понедѣльникъ — Духовъ День по ст. ст. попался: все было закрыто. Провизіей не запасся. Даже кипятку нельзя достать. Наконецъ надоумѣли пообѣдать на вокзалѣ, гдѣ купилъ и хлѣбъ. Оказывается въ Духовъ День теперь празднуется «День отдыха». По вечерамъ хорошіе концерты на площадяхъ, громкоговорители. 22. УІ въ 5 час. на главной площади демонстрація противъ англійскаго меморандума. Хорошо организовано. Принуждены всѣ служащіе въ учрежденіяхъ идти, какъ и отъ сбора въ пользу англійскихъ забастовщиковъ нельзя отказаться, такъ что то и другое — принудительный характеръ. Часа полтора стоялъ въ толпѣ. Масса красныхъ знаменъ съ золотыми надписями. Картонные плакаты (5-7 тысячъ). Съ балкона Дворца Труда главари украинской республики и профессіональныхъ союзовъ — рѣчи. Аплодисменты, ежеминутно — интернаціоналъ (проф. союзн. оркестры). Резолюція принимается поднятіемъ руки. Я руки не подымалъ и фуражки не снималъ во время интернаціонала. Въ Полтавѣ были надняхъ рабочіе безпорядки. Милиція и войска не могли или не хотѣли съ ними справиться и рабочимъ прибавили плату. Слухи, что въ Москвѣ крупные рабочіе безпорядки (провѣрить). Въ газетахъ разумѣется ничего. Евреевъ очень много въ Харьковѣ (80.000?). Во всѣхъ учрежденіяхъ доминируютъ. Антисемитизмъ очень силенъ среди интеллигенціи и, говорятъ, среди крестьянъ. Въ воскресенье на ту же дачу по ж. д. Народу масса. Все время страшная жара (36°). Перепадаютъ небольшіе дожди, грозы. И ночи душныя. Пообѣдавъ у ***, пошелъ съ нимъ къ ***. Иетересный разговоръ о мѣстныхъ настроеніяхъ. Всѣ (и жены и дочери) служатъ въ различныхъ учрежденіяхъ. Жена *** изъ Чер-

нигова, знала Николу (нашего старшаго брата. П. Д.). Пьемъ чай, кофе, вино въ саду. Потомъ съ *** и ребятишками идемъ по хорошей лощинкѣ съ хатами къ пруду, гдѣ купаемся. Огромное наслажденіе. Живописное мѣсто. Покосъ въ разгарѣ. Чисто малороссійскій пейзажъ. Затѣмъ присутствовалъ на домашнемъ концертѣ, *** отличный піанистъ. Со скрипкой и віолончелью — тріо Аренскаго и Чайковскаго. Потомъ ходилъ съ *** по рельсамъ и разговаривалъ. Говорятъ, что крестьяне ругаютъ большевикомъ, но пассивны. Мои прогнозы какъ будто вѣрны. Поѣздъ и трамваи переполнены. Философское воспріятіе. Разговоръ съ проф. *** въ паркѣ. Выясняется его окончательное смѣновѣховское пасованіе предъ большевиками, какъ предъ стихіей, отсутствіе національнаго чувства, трусость (сваливаетъ на жену). Просилъ больше у него не бывать. Дороговизна устрашаетъ меня. За долларъ, который въ Парижѣ представлялъ большую величину, здѣсь даютъ всего 2 р. 20 коп., т. е. въ день минимально надо истратить 6-8 руб... Вѣроятно весь планъ поѣздки поэтому не придется выполнить; Волгу, Кубань отставить, а жаль, разъ что я уже здѣсь. Телеграфировалъ въ Парижъ... Семенову, еще переслать 150 дол. Скоро мой фондъ истощится. На улицахъ полное отсутствіе войскъ и военной музыки. Можетъ быть въ лагеряхъ? Томлюсь въ гостиницѣ. Ремонтъ. Грязь и вонь. Прислуга отвратительная: 5 разъ горничная совсѣмъ не убирала. Надѣюсь завтра съѣхать на квартиру. Цѣлыми днями иногда нечего дѣлать. Информаціонная и организаціонная работа идетъ своимъ чередомъ, но туго. Масса препятствій. Конспиративность и запуганность. Меня, какъ новаго человѣка боятся. Связался съ офицерскимъ кружкомъ и съ нѣкоторыми другими лицами. Много разговору, результаты малые. Необходимо болѣе частое и живое единеніе съ эмиграціей. Много потерялъ времени на связь съ Москвой (для организаціи пріѣзда туда), но пока безуспѣшно. Еще 14-го написалъ ***, съ просьбой, чтобы онъ пріѣхалъ сюда или ***, или ***. До сихъ поръ нѣтъ отвѣта. Поручилъ 20-го офицеру побывать отъ моего имени у *** и спросить отвѣтъ. Онъ пишетъ, что адресатъ испугался при его приходѣ и захлопнулъ дверь. Поручилъ другому (вчера) разыскать *** или *** Досадно. Придется завоевывать Москву. Очевидно запуганы и лучшіе друзья,

которые въ 18-мъ году самоотверженно мнѣ помогали спастись изъ Петропавловской Крѣпости и бѣжать изъ Москвы, а теперь трусятъ и смотрятъ на меня, какъ на пришельца съ того свѣта. При такомъ отношеніи и запуганности лучшихъ и надежнѣйшихъ друзей, трудна будетъ организаціонная дѣятельность. Если числа до 7-УІІ не удастся связаться и подготовить пріѣздъ, (квартиру, ночлегъ, документъ я имѣю), то придется ѣхать уже такъ и самому тамъ устраиваться, хотя въ Москвѣ это мнѣ не легко и днемъ на улицѣ тамъ мнѣ врядъ или много можно показываться, разъ что въ Харьковѣ меня узнавали. Плохой симптомъ гнета и пришибленности, если съ 18-го года съ людьми произошла такая метаморфоза. Очень это меня огорчаетъ. Писалъ я со всѣми предосторожностями и вполнѣ конспиративно. И не только не пріѣхали въ Харьковъ, чтобы повидаться, но даже ни строчки. Осторожность необходима, но трусость, особенно у мужчинъ, противна. Мало гражданской доблести, оттого и проигрываемъ. Разочарованъ въ этомъ отношеніи въ интеллигенціи и больше вижу мужества у военныхъ, у военной молодежи. Они полны жертвенности идти по первому призыву. Но иниціативы въ революціонной работѣ и у нея мало. Радъ видѣть Россію, русскую природу, русскихъ людей, но подобное возвращеніе и пребываніе на родинѣ, очевидно, будетъ не радостное. Морально не весело постоянно быть на чеку, видѣть въ каждомъ «товарищѣ» возможнаго врага, а пріятели... въ кусты. Посмотримъ.

Извозчиковъ много на дутыхъ шинахъ. Характеръ толпы (опрощенной, часто нарочито демократической) совсѣмъ иной. Вывѣски совершенно непонятны, кромѣ сокращеній — украинизація. Радъ, когда прочитаешь — парикмахеръ, папиросы... Говорятъ всѣ по русски, всюду, хотя для службы требуется для всѣхъ, даже профессоровъ, сдача экзамена украинскаго языка. Черезъ два года собираются въ университетѣ преподавать по украински. Профессора въ отчаяніи. Прочелъ въ газетахъ, что въ Ровно (въ Городкѣ) убитъ сподручный Петлюры атаманъ Оскилко. Я его хорошо зналъ и видѣлъ чуть не каждый день у Штейнгеля въ Городкѣ, гдѣ его жена была въ школѣ учительницей. Онъ былъ щирымъ самостійни-

комъ и придерживался изъ тактическихъ соображенiй польской орiентацiи, издавая въ Ровно газету «Дзвинъ» съ польской субсидiей.

⁂

Какова же была цѣль этого второго путешествiя брата въ Россiю, предпринятаго съ такимъ трудомъ и съ такимъ рискомъ? Послѣ первой неудавшейся попытки проникнуть въ Росiю, онъ самъ старался выдвинутъ чуть ли не главной побудительной причиной ностальгiю, желанiе на старости лѣтъ еще разъ взглянуть на родину. Послѣ его ареста въ Харьковѣ его заграничные друзья также выдвигали этотъ мотивъ на первый планъ, желая смягчить его участь или, по крайней мѣрѣ, не ухудшить ее. Теперь, по прошествiи пятнадцати лѣтъ послѣ его смерти и по ознакомленiи съ нѣкоторыми матерiалами, нельзя не признать, что главною и почти единственною цѣлью его стремленiя въ Россiю была цѣль политическая. Но зная и его политическую зрѣлость и его темпераментъ, нельзя предполагать, чтобы онъ пошелъ на какую-нибудь легкомысленную авантюру. Онъ не имѣлъ намѣренiя приступать къ немедленной организацiи какого-нибудь переворота и еще менѣе террористическаго акта. Чувствуя оторванность русской политической эмиграцiи отъ Россiи, онъ хотѣлъ освѣжить у русской эмиграцiи чувство Родины. Сознавая отсутствiе организованной связи между нами и антибольшевицки настроенной частью русскаго народа, онъ считалъ необходимымъ завязать и укрѣпить эту связь. Онъ понималъ, что и эта задача трудная и длительная. Окончательные выводы изъ своихъ впечатлѣнiй и изъ его рекогносцировочно-информацiоннаго путешествiя онъ сдѣлалъ бы позже. И лишь потомъ онъ, на основанiи этихъ выводовъ, приступилъ бы самъ къ выработкѣ тактическаго плана или предоставилъ бы это другимъ. Затѣмъ онъ считалъ необходимымъ кому нибудь изъ старшаго поколѣнiя показать другимъ примѣръ

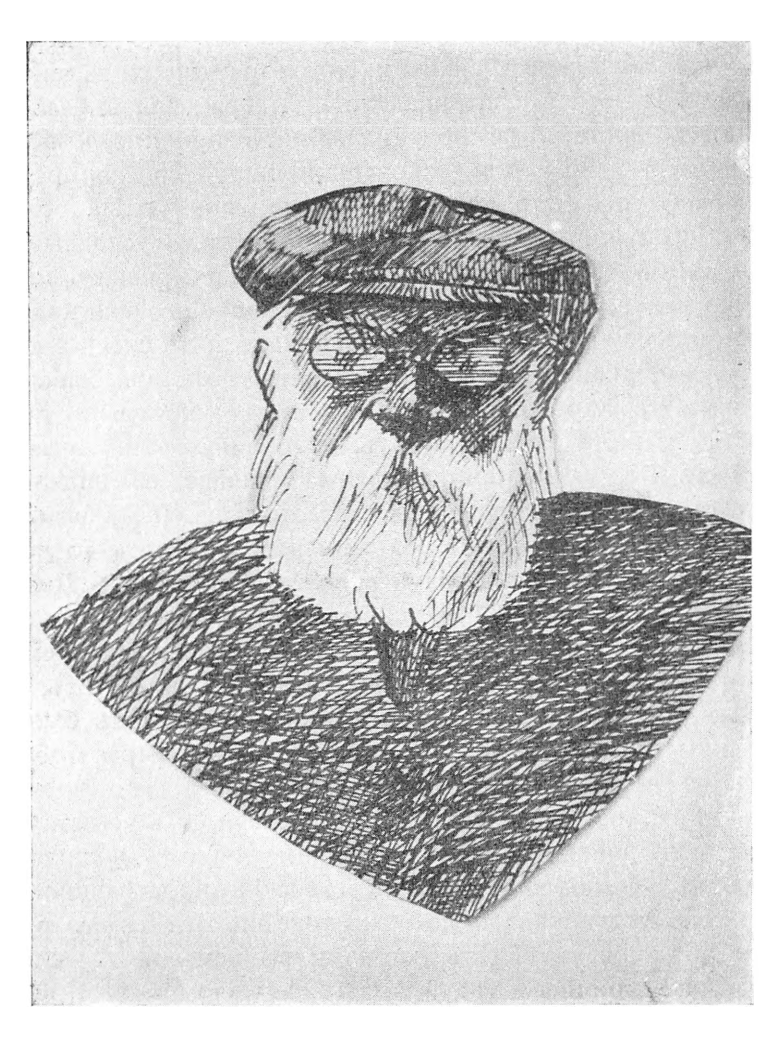
труда, подвига и жертвенности, нужныхъ для активной работы по спасенію Россіи. Можетъ быть, наконецъ, онъ своимъ появленіемъ изъ заграницы въ СССР и отчасти предполагавшимися и ведшимися бесѣдами хотѣлъ побудить находившихся «тамъ» къ большей активности; хотѣлъ расширить политическія перспективы у дезоріентированныхъ и запуганныхъ многолѣтнимъ терроромъ людей, напомнивъ имъ о гражданскомъ долгѣ и призвавъ ихъ къ работѣ по спасенію родины.

И даже болшевицкому слѣдствію, продолжавшемуся въ теченіе его одиннадцатимѣсячнаго сидѣнія въ тюрьмѣ и готовившему матеріалъ для громкаго политическаго процесса, не удавалось въ его дѣйствіяхъ найти состава преступленія. Только уже послѣ разстрѣла Павла Дмитріевича въ большевицкой прессѣ наряду съ другими ложными свѣдѣніями о немъ, какъ напримѣръ, о томъ, будто онъ былъ руководителемъ русскихъ эмигрантскихъ монархическихъ организацій, появилось сообщеніе, что онъ намѣревался устроить какую-то организацію пятерокъ. О томъ, что состава преступленія въ дѣйствіяхъ Павла Дмитріевича не найдено, свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ, что арестованные въ Харьковѣ въ связи съ его дѣломъ четыре его знакомые земца и члены кадетской партіи, съ которыми онъ въ Харьковѣ общался, вскорѣ были выпущены на свободу безъ всякихъ для нихъ послѣдствій. И, наконецъ, о томъ же говорятъ и полученныя чрезъ одно лицо, нынѣ уже умершее, завѣренія назначеннаго Павлу Дмитріевичу правозаступника, а именно, что его жизни опасность не угрожаетъ и что самое большее, что его ожидаетъ, это ссылка куда-нибудь на сѣверъ за незаконный переходъ границы.

Арестованъ былъ Павелъ Дмитріевичъ 13 іюля 1926 года, когда онъ пробирался въ Москву послѣ почти двухмѣсячнаго пребыванія въ Харьковѣ. Когда собственно онъ былъ опознанъ большевиками и когда началась слѣжка за нимъ, установить невозможно. Существовало у

нѣкоторыхъ, правда немногочисленныхъ лицъ, предположеніе, что ГПУ было въ курсѣ его плановъ еще до перехода имъ совѣтской границы и что оно все время за нимъ слѣдило. Но эта версія никакого подтвержденія въ дальнѣйшихъ фактахъ не получила. Братъ принималъ всевозможныя мѣры для законспирированія своего предпріятія. Напримѣръ, онъ измѣнилъ свою внѣшность, имѣлъ фальшивый паспортъ и пользовался условными словами и нѣсколькими фамиліями. Но надо признать, что трудно найти человѣка менѣе его подходящаго для конспираціи, какъ по своей наружности, такъ и по своей смѣлости, довѣрчивости и неосторожности. Вотъ два бывшіе съ нимъ въ Харьковѣ случая, разсказы о которыхъ дошли до меня. Одинъ человѣкъ, который хорошо зналъ меня въ Россіи, но брата никогда раньше не видалъ, встрѣтивъ его, принялъ его, несмотря на измѣненный видъ, за меня, вслѣдствіе сохранившагося у насъ до послѣдняго времени сходства и воскликнулъ: «Петръ Дмитріевичъ, Вы ли это? И въ такомъ видѣ и здѣсь!» На это братъ застигнутый врасплохъ отвѣтилъ незнакомому ему человѣку на людной улицѣ среди бѣлаго дня: «Нѣтъ, я Павелъ Дмитріевичъ». А вотъ другой случай. Онъ былъ однажды на какомъ то представленіи въ театрѣ и сидѣлъ на галеркѣ. Когда послѣ представленія во время игры или пѣнія интернаціонала всѣ встали, онъ не всталъ и не снялъ шапки. Сидѣвшій съ нимъ рядомъ пожилой человѣкъ, думая, что это деревенскій простолюдинъ, сталъ его подталкивать, но онъ спокойно отвелъ его руку и продолжалъ сидѣть, какъ ни въ чемъ не бывало. Тогда тотъ прошепталъ: «Что ты, дѣдушка, Толстой что ли съ того свѣта пришелъ?»

Его пребываніе въ Харьковѣ затянулось на много дольше, чѣмъ онъ хотѣлъ и онъ самъ считалъ это опаснымъ, съ конспиративной точки зрѣнія. Онъ считалъ также нежелательнымъ трехнедѣльное проживаніе его въ гостиницѣ. Причинъ этой задержки было двѣ. Первая —



Харьковъ, 1926 г. Портретъ-набросокъ Кн. Павла Дмитр. Долгорукова.

это запуганность тѣхъ лицъ въ СССР, на помощь которыхъ онъ разсчитывалъ, и которая его не менѣе огорчала, чѣмъ равнодушіе эмиграціи въ Парижѣ. Вторая причина — недостатокъ денегъ, главнымъ образомъ, изъ за принудительнаго низкаго курса привезенныхъ имъ съ собой долларовъ, а также изъ за страшной дороговизны. Это заставило его прибѣгнуть къ такому неосторожному шагу, какъ посылка въ Парижъ телеграммы, хотя и подъ вымышленнымъ именемъ, съ просьбой о переводѣ ему полутораста долларовъ. Недостатокъ денегъ тоже заставилъ его, какъ онъ писалъ, дѣйствовать болѣе кустарно, чѣмъ онъ раньше намѣревался, а кромѣ того сократить свой маршрутъ, не побывавъ, напримѣръ, какъ онъ предполагалъ, въ Волжскомъ районѣ. Въ началѣ іюля братъ рѣшился, наконецъ, ѣхать въ Москву, хотя принять всѣ необходимыя мѣры предосторожности не оказалось возможнымъ. Какъ видно изъ одного его письма въ Парижъ еще изъ Кишинева, онъ просилъ содѣйствія въ устройствѣ ему одной конспиративной явки недалеко отъ Серпухова. Эта комбинація не удалась и онъ, повидимому, рѣшился идти въ находящійся верстахъ въ десяти отъ станціи Лопасня женскій монастырь, игуменьей и основательницей котораго была наша родная тетушка престарѣлая Мать Магдалина, въ міру Графиня Орлова-Давыдова, нынѣ уже покойная. Шагъ опять-таки рискованный, такъ какъ, если бы даже тетушкѣ удалось при неожиданной встрѣчѣ съ нимъ и, можетъ быть, въ присутствіи другихъ, не выразить удивленія, онъ все же могъ быть узнанъ другими. Изъ монастыря онъ, неизвѣстно какимъ способомъ, хотѣлъ пробраться до Москвы. На станціи Лопасня онъ былъ арестованъ и отвезенъ обратно въ Харьковъ, гдѣ и былъ заключенъ въ тюрьму ГПУУ (Украины) на Чернышевской улицѣ.

УІ.

11-и МѢСЯЧНАЯ ТЮРЬМА И РАЗСТРѢЛЪ

Большевики продолжительное время не объявляли объ арестѣ Павла Дмитріевича и заграницу въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ проникали разныя, иногда противорѣчивыя, свѣдѣнія относительно мѣста его заключенія. По однимъ свѣдѣніямъ онъ содержался въ Харьковской тюрьмѣ, по другимъ — въ Москвѣ во «внутренней» тюрьмѣ. Я еще въ декабрѣ получилъ письмо отъ редактора «Руля» І. В. Гессена, въ которомъ было сказано:

«Получилъ печальную вѣсть объ арестѣ Павла Дмитріевича. Повидимому это сообщеніе исходить отъ одного индуса, который просидѣлъ пять лѣтъ въ разныхъ совѣтскихъ тюрьмахъ и теперь, наконецъ, отпущенъ и прибылъ въ Ригу.»

Черезъ пять дней тотъ же І. В. Гессенъ пишетъ:

«Павла Дмитріевича предполагаютъ судить. Представьте себѣ, что за него чрезвычайно рьяно хлопочетъ извѣстный большевикъ Рязановъ и надѣется добиться ликвидаціи дѣла безъ суда. Во всякомъ случаѣ жизни его опасность не угрожаетъ».

А вотъ, что писала мнѣ 31 декабря 1926 года Е. Д. Кускова:

«Очень, очень хорошо, что за него хлопочетъ Рязановъ. Между прочимъ, Рязановъ состоитъ директоромъ Института Маркса и Энгельса, помѣщающагося въ московскомъ особнякѣ Павла Дмитріевича.»

Затѣмъ выяснилось, что официальныя справки о братѣ можно получать чрезъ Международный Политическій Красный Крестъ и въ частности чрезъ работающихъ въ немъ Е. П. Пѣшкову (жену Максима Горькаго) или чрезъ Вѣру Фигнеръ и что чрезъ это же учрежденіе можно оказывать заключеннымъ матеріальную помощь. Послѣ долгаго состоянія неизвѣстности о положеніи брата при увѣренности, что онъ арестованъ, но безъ официальныхъ данныхъ, которыя бы давали возможность, если и не хлопотать о немъ, то оказать ему помощь, въ началѣ декабря 1926 года, наконецъ, мной были получены и таковыя. Это дало возможность вступить съ нимъ въ переписку. 22-го февраля 1927 года. Е. П. Пѣшкова въ письмѣ изъ Варшавы (по дорогѣ въ Соренто) сообщила, что судьба брата рѣшится надняхъ и что она —

«Передъ отъѣздомъ получила завѣреніе, что ничего страшнаго П. Д. не грозитъ. Дѣло будетъ разрѣшено судебнымъ порядкомъ. Когда мнѣ давали справку о Пав. Долгоруковѣ, мнѣ сказали, что при содержаніи его обращено вниманіе на его возрастъ. Посылаемъ ему бѣлье отъ насъ и продуктовую посылку на 20 р., внесенные двумя его прежними знакомыми.»

16-го января 1927 года мнѣ писалъ А. В. Карташовъ изъ Парижа, что ему пишутъ изъ Риги отъ 2-го января:

«Только что пріѣхалъ изъ Харькова мой хорошій знакомый. Онъ разсказывалъ какъ арестовали Кн. Долгорукова и еще четырехъ лицъ. Въ настоящее время всѣ, кромѣ Князя, выпущены, но выпущены они такими, что стали походить не на живыхъ людей, а на какіе то движущіеся скелеты. По свѣдѣніямъ опытныхъ людей Павлу

Дмитріевичу ничего трагическаго не угрожаетъ, такъ какъ ничего компрометантнаго повидимому нѣтъ! Но все же онъ сидитъ и будетъ сидѣть до суда.»

Изъ тюрьмы братъ написалъ мнѣ нѣсколько открытокъ и закрытыхъ писемъ съ обратнымъ адресомъ на верху письма: Харьковъ. Чернышевская улица. ГПУУ. По этому адресу я ему все время и писалъ.

Еще 1-го августа, уже находясь въ тюрьмѣ, братъ написалъ кому то въ Харьковѣ до востребованія нелегально посланное имъ изъ тюрьмы письмо, написанное карандашомъ, на клочкѣ бумаги, измѣненнымъ почеркомъ и по новой орфографіи, подписанное Ив. Савельевъ. Письмо это впослѣдствіи было доставлено заграницу также, конечно, нелегальнымъ способомъ. Большую часть этого законспирированнаго письма понять трудно. Дѣло шло о неудавшейся поѣздкѣ въ П. (вѣроятно въ Полтаву), откуда пришлось вернуться въ Х. (въ Харьковъ) съ вокзала, не побывавъ въ городѣ и не попавъ въ родной К. — (?) Въ письмѣ говорилось о какомъ то коммерческомъ предпріятіи, объ оконченной оцѣнкѣ и пріемѣ товара, о несостоявшемся засѣданіи правленія... Въ концѣ письма братъ писалъ:

«Коммерческія дѣла Михаила Петрова не важны. Въ минуты откровенности онъ сознается, что дѣло рушится, но его не оставляетъ надежда на дальнѣйшее будущее, надѣется, что черезъ нѣсколько времени (лѣтъ?) дѣло еще наладится. Онъ совершенно бордъ и спокоенъ относительно своей участи и относится къ ней философски. Единственно, что его мучаетъ, это то, что онъ подвелъ своимъ крахомъ компаньоновъ, которые потерпѣли изъ за довѣрія къ нему. Матеріально (ѣда, помѣщеніе) онъ пока обставленъ вполнѣ удовлетворительно, благодаря жизни у Мачехи. Иски въ судѣ будутъ разсматриваться въ Х., вѣроятно, не ранѣе декабря. Разумѣется, отъ этого суда нельзя ожидать ничего хорошаго. Но онъ спокойно къ этому относится, сознавая, что въ коммерческомъ дѣлѣ безъ риска нельзя и считалъ бы себя даже

счастливымъ человѣкомъ, если бы не убытки довѣрившихся ему компаньоновъ. Если вернетесь восвояси, то постарайтесь передать поклонъ брату и сказать ему, что онъ можетъ обо мнѣ не заботиться, теперь я чувствую себя вполнѣ хорошо. Я пролежалъ около 3-хъ недѣль въ больницѣ, теперь устроился въ домѣ отдыха, очень хорошемъ.»

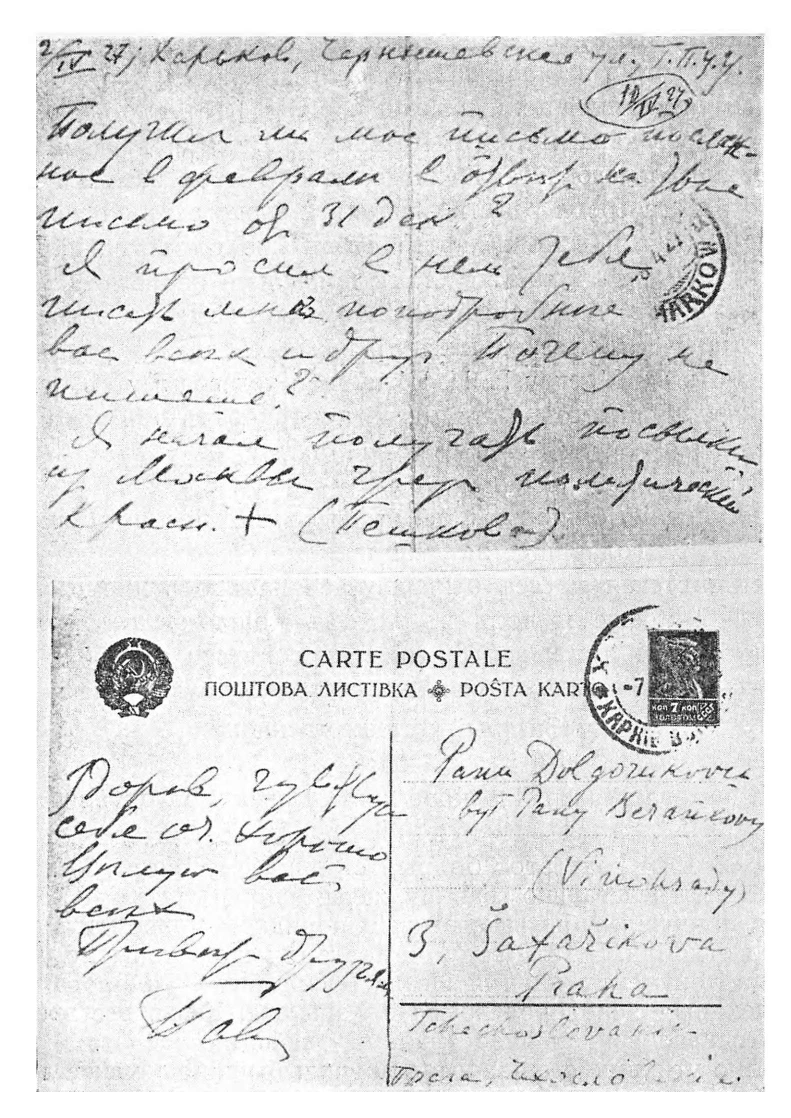
Подъ «Домомъ отдыха» явно подразумѣвалась тюрьма; адресатомъ Павла Дмитріевича былъ вѣроятно его спутникъ по походу въ Россію, офицеръ-эмигрантъ. А явная и даже неудачная иносказательность этого письма видна хотя бы изъ того, что «коммерсантъ», сообщая о постигшемъ его «крахѣ», говоритъ въ концѣ письма, что онъ счастливъ! (Счастливъ, очевидно, отъ чувства исполненнаго имъ своего долга).

Тюрьма, въ которой братъ провелъ 11 мѣсяцевъ, была. повидимому, дѣйствительно относительно хорошая. Это объясняется тѣмъ, что она являлась для СССР образцовой и была показной: въ ней содержались арестованные иностранцы и она посѣщалась консулами соотвѣтствующихъ государствъ. Всѣ письма брата изъ тюрьмы отличаются спокойствіемъ и бодростью. Онъ благожелательно отзывается даже о тюремныхъ надзирателяхъ. Врядъ ли это можно объяснить тѣмъ, что онъ принужденъ былъ такъ писать или лишь желаніемъ успокоить этимъ своихъ близкихъ: скорѣе это слѣдуетъ приписать дѣйствительно его спокойному темпераменту и жертвенному стоицизму. Характерно для его настроенія въ тюрьмѣ письмо его (по старой орфографіи) отъ 17-го февраля 1927 года, въ которомъ онъ писалъ:

«Получилъ твое письмо отъ 31/XII. Былъ страшно обрадованъ. Чувствую себя очень хорошо. Здоровье по возрасту хорошо. Матеріально обставленъ вполнѣ удовлетворительно и ни въ чемъ не нуждаюсь. Хотя у меня только лѣтняя рвань, но франтить не передъ кѣмъ. Къ счастію я привыкъ къ холодной одеждѣ еще съ Москвы и,

когда менѣе 10°, гуляю по двору въ лѣтнемъ. Да и въ эмиграціи я не избалованъ и послѣднюю зиму жилъ въ Парижѣ въ мансардѣ безъ печи и электричества. Теперь я живу въ бельэтажѣ, электричество, центральное отопленіе. Въ камерѣ оч. тепло. Столъ улучшенный, гигіеническій, вполнѣ сытный. Итакъ, по обстоятельствамъ, относительно обставленъ хорошо. Я совершенно спокоенъ и бодръ. Вѣдь я шелъ на это, сознавая, что мало шансовъ не быть узнаннымъ, особенно въ Москвѣ. Я прожилъ въ Харьковѣ на свободѣ и былъ опознанъ и арестованъ 13/УІІ уже подъ Москвой. Обращеніе чиновъ ГПУ вполнѣ корректнос и предупредительное (разрѣшеніе лампы, улучшеннаго стола, обливаніе теплой водой, ежемѣсячное омовеніе и проч.). Всего болѣе имѣю соприкосновенія съ надзирателями (изъ красноармейцевъ). Тутъ достиженіе огромное: не только со мной, но и со всѣми безъ исключенія заключенными (а есть и безпокойные) обхожденіе вѣжливое, гуманное и я за 7 мѣсяцевъ ни разу не слышалъ (по корридору) ни одного окрика или грубости. Со мною, какъ съ старикомъ, даже иногда трогательно внимательны и стараются по возможности облегчить мою участь. Съ нѣкоторыми изъ надзирателей готовъ былъ бы прямо подружиться при другихъ обстоятельствахъ: такіе славные парни! Читаю много. Наслаждаюсь чтеніемъ. Выборъ книгъ довольно удовлетворительный. День проходитъ удивительно быстро. Вчера получилъ чрезъ Пѣшкову (Горькая), которую я зналъ по Художественному Театру, изъ Москвы 10 р. отъ Политическаго Краснаго Креста. До рѣшенія моей судбы на судѣ мнѣ ничего не нужно. Желаю всѣмъ быть столь же бодрыми, что и я.»

Въ другомъ письмѣ онъ парадоксально утверждалъ, что въ тюрьмѣ онъ наслаждается свободой отъ текущей суеты, срочныхъ обязательствъ, отвѣтственныхъ шаговъ. Интересно, что при заключеніи въ Петропавловскую Крѣпость въ ноябрѣ 1917 года, какъ онъ пишетъ объ этомъ въ «Великой разрухѣ», онъ испыталъ то же чувство свободы — освобожденія отъ всѣхъ заботъ и жизненной суеты.


2/IV 27, Харьков, Чернышевская ул., Г.П.У.У.

Получили ли мое письмо посланное в феврале с открыткой? Вот письмо от 31 дек.? Я просил в нем тебя писать мне поподробнее о вас всех и др. Почему не пишете? Я начал получать посылки из Москвы через политический Красн. + (Пешкова).

CARTE POSTALE
ПОШТОВА ЛИСТІВКА — POŠTA KART…

Здоров, чувствую себя от. хорошо. Целую вас всех. Привет друзьям.

Paní Dolgorukovci
byt Paní Serafinovy
(Vinohrady)
3, Šafaříkova
Praha
Tchecoslovaquie
Praha, Čechoslovakie

Харковъ, 1927 г. 2-го апрѣля, открытка Кн. Павла Дмитр. Долгорукова изъ Харьковской тюрьмы Г. П. У. У.

Несмотря на то, что компетентные люди изъ СССР сообщали, что судъ долженъ состояться въ скоромъ времени, слѣдствіе все затягивалось. Доходили слухи, что готовится громкій политическій процессъ. Но, вѣроятно, не удавалось напасть на достаточно интересныя данныя для обвинительнаго акта. Понятно, что по мѣрѣ затяжки дѣла тревога среди родственниковъ и знакомыхъ заключеннаго росла. Въ концѣ февраля въ иностранныхъ и русскихъ заграничныхъ газетахъ появилось извѣстіе о разстрѣлѣ Павла Дмитріевича, изо дня въ день повторявшееся. Послѣ нѣсколькихъ тревожныхъ дней я рѣшился послать въ Москву Е. П. Пѣшковой телеграмму съ оплаченнымъ отвѣтомъ. 2-го марта послѣдовалъ отъ нея слѣдующій отвѣтъ: "Communication fausse hier reçu lettre votre frère remerciant argent".
(Сообщеніе ошибочно, вчера получено письмо Вашего брата, благодарящее за деньги).

Совѣтская пресса откликнулась на сообщеніе о разстрѣлѣ позже и вотъ въ какомъ пошло-фельетонномъ стилѣ. 9-го апрѣля 1927 года въ совѣтскихъ офиціальныхъ «Извѣстіяхъ» появилась статья подъ заглавіемъ

«Знатный путешественник»

или

как застрял в Харькове князь Павел Долгоруков.

«В 1924 году этот бодрый старик (ему около 60 лет) перешел нелегально границу, желая «поработать» в СССР. Но принужден был экстренным порядком поворотить назад оглобли. В 1926 году он повторил свою попытку. Добыв документы на имя Ивана Васильевича Сидорова, он проживал некоторое время в Харькове. Князь все время устраивал свидания со «своими» людьми. Все это были давно утихшие старички и старушки бывшие земские деятели, увядшие либералы, засохнувшіе кадеты. Когда Долгоруков перед этими «мощами» выкладывал свои планы, они отмахивались от князя всеми имевшимися в их распоряжении руками и ногами.

В свое время в белой печати сообщали: «В

Харькове арестован прибывший туда нелегально из-за границы князь Павел Долгоруков и приговорен к смертной казни». Через неделю прибавили: «Приговор над князем Долгоруковым приведен в исполнение». Вслед за этим специально приспособленные «очевидцы» и «собственные корреспонденты» описывали подробности казни Долгорукова. Какое мастерство! Какая сила воображения! Получился, как говорится у Чехова, сюжет, достойный кисти Айвазовскаго. «Глубокой ночью (моросил мелкий дождик, луна была заблаговременно спрятана за темные большевистские тучи) чекисты в кожаных тужурках, обвешанные кинжалами и пулеметами, увели князя далеко за город... На холме (под которым зарыты тысячи большевистских жертв) князь стоял с гордо поднятой головой и провозглашал лозунги за «единую, неделимую». Перед самым расстрелом князь нечаянно обронил слезу, она упала на жилет, с жилета на штиблет, с штиблета на націонализованную землю...» А дело обстоит совсем иначе. Князь действительно «застрял» в Харькове, находится в учреждении, которое в виду преклонного возраста князя заботится о том, чтобы он сидел на одном месте. Но о смерти князь не думает».

А самъ Князь писалъ въ своемъ письмѣ изъ Харьковской тюрьмы 9-го мая, то есть ровно за мѣсяцъ до своего дѣйствительнаго разстрѣла:

«Мнѣ здѣсь сказали, что заграницей въ газетахъ появилось извѣстіе о моемъ разстрѣлѣ въ Москвѣ. Сообщи родственникамъ и друзьямъ, что я считаю извѣстіе о моей смерти преждевременнымъ.»

Писалъ онъ это съ присущимъ ему спокойнымъ юморомъ, который въ данномъ случаѣ, когда знаешь о происшедшемъ потомъ, звучитъ такъ трагично пророчески. Въ эмиграціи нѣкоторые предполагали, что эти слухи о состоявшемся будто бы разстрѣлѣ Павла Дмитріевича пущены самими большевиками съ провокаціонной цѣлью добыть, наконецъ, какой нибудь обвинительный матерьялъ для предстоящаго процесса въ виду слишкомъ затя-

нувшагося слѣдствія. Извѣстіе о смерти будто бы развяжетъ многимъ языки и конспирація сдѣлается менѣе осторожной. Возможно и другое объясненіе. Слишкомъ естественнымъ является вообще появленіе разныхъ невѣрныхъ слуховъ, а въ данномъ случаѣ особенно, при столь затянувшемся слѣдствіи и при нервномъ напряженіи столькихъ лицъ, слѣдившихъ за исходомъ дѣла. Вполнѣ возможно, что это сенсаціонное извѣстіе впервые появилось на страницахъ какой нибудь эмигрантской русской газеты.

Н. И. Астровъ въ письмѣ своемъ отъ 1-го марта 1927 года, еще до полученія мною успокоительной телеграммы отъ Е. П. Пѣшковой, какъ бы подготовляя уже меня къ тому, что можетъ случиться съ Павломъ Дмитріевичемъ въ будущемъ и что дѣйствительно и случилось, писалъ:

«Я все же хочу сохранить надежду, что сообщенное въ газетахъ извѣстіе ложно. Но душа болитъ, сознавая нашу безпомощность. Мы непостижимо молчимъ и бездѣйствуемъ. Когда мои братья были убиты въ Москвѣ большевиками, Павелъ Дмитріевичъ пришелъ ко мнѣ въ Ростовѣ и сказалъ, что въ нашихъ условіяхъ борьбы мы не можемъ и не должны искать утѣшенія въ печали. Я понялъ его слова и запомнилъ ихъ.»

Въ совѣтскомъ офиціозѣ «Правда» отъ 19 апрѣля 1927 года телеграммой ТАСС изъ Харькова напечатаны слѣдующія свѣдѣнія, сообщенныя корреспонденту —

«председателем тамошнего ГПУ товарищем Балицким о бывшем князе Павле Долгорукове: он был членом государственного совета в 1905 г. Были даже разговоры, что в случае свержения монархии Долгоруков будет президентом республики, в 1917 г. он бежал и, как активный враг советской власти, декретом Совнаркома, был об'явлен вне закона. После этого Долгоруков связал свою судьбу с монархической эмиграцией. Летом 1924 г. Дол-

горукову, перешедшему границу со стороны Польши и задержанному советской пограничной стражей, удалось вскоре бежать заграницу.»

Тутъ, что ни слово, то неправда, обнаруживающая легкомысленную неосвѣдомленность или завѣдомое желаніе дезинформировать.

Между тѣмъ наступила и прошла весна. Слѣдствіе все тянулось и заграницу все поступали извѣстія, что вотъ-вотъ будетъ назначено дѣло, которое должно окончиться легкимъ сравнительно наказаніемъ за нелегальный переходъ совѣтской границы. Но 7-го іюня произошло въ Варшавѣ убійство совѣтскаго посла Войкова, участника Екатеринбургскаго злодѣянія, гимназистомъ Борисомъ Ковердой. А въ ночь съ 9-го на 10-ое іюня въ СССР были разстрѣляны 20 человѣкъ и въ томъ числѣ Павелъ Дмитріевичъ, находившіеся въ разныхъ мѣстахъ, между собой незнакомые и никакого отношенія къ Варшавскому убійству не имѣвшіе. Нѣкоторые изъ нихъ были арестованы по другимъ дѣламъ и долго сидѣли въ тюрьмахъ. Другіе, какъ напримѣръ, Б. А. Нарышкинъ, инвалидъ Великой войны, ходившій на костыляхъ, сынъ бывшаго сенатора и товарища Министра Земледѣлія, находились на волѣ и были арестованы непосредственно передъ разстрѣломъ. Вотъ списокъ 19-и разстрѣлянныхъ вмѣстѣ съ братомъ. Эльвенгренъ, Малевичъ-Малевскій, Евреиновъ, Скальскій, Поповъ, Щегловитовъ, Вишняковъ, Сусалинъ, Мураковъ, Павловичъ, Нарышкинъ, Поповъ-Каратовъ, Микулинъ, Лучевъ, Карапенко, Гуревичъ, Мазуренко, Анненковъ, Мещерскій. Противъ каждой фамиліи стояла «мотивировка» приговора. «Мотивировка», касающаяся Павла Дмитріевича была слѣдующая:

«Долгоруков Павел бывший князь и крупный помещик, член ЦК кадетской партии, который после разгрома белых эвакуировался с остатками врангелевской армии в Константинополь, где состоял членом врангелев-

ской финансовой контрольной комиссии, затем переехал в Париж, где являлся заместителем председателя белогвардейского «Національного комитета» в Париже, принимал руководящее участие в зарубежных монархических организациях и их деятельности на территории СССР; в 1926 году нелегально пробрался чрез Румынию на территорию СССР с целью организации контр-революціонных, монархических и шпионских групп для подготовки иностранной интервенции.»

Сообщеніе о приговорѣ заканчивалось слѣдующей фразой:

Приговор приведен в исполнение.
Председатель ОГПУ Менжинский.
Москва 9 июня 1927 года.

Такъ долго готовившійся судъ надъ Павломъ Дмитріевичемъ не состоялся и «высшая мѣра наказанія» примѣнена по безсудному постановленію ОГПУ. Такимъ образомъ обнадеживающее предсказаніе якобы сдѣланное большевикомъ Рязановымъ, что дѣло, можетъ быть, обойдется безъ суда, исполнилось, только не въ лучшую сторону, а въ худшую. Въ № 30 «Борьбы за Россію» отъ 18-го іюня 1927 года, почти цѣликомъ посвященномъ разстрѣлу 20-и, было напечатано:

«Иниціаторами разстрѣла, по даннымъ Московской рабочей группы, весьма освѣдомленной обо всемъ, что происходитъ въ Кремлѣ, являются Орджоникидзе, Уншлихтъ и растерявшійся Сталинъ. Часть членовъ коллегіи ОГПУ вмѣстѣ съ Менжинскимъ были противъ массоваго разстрѣла, и князь Долгоруковъ былъ включенъ послѣднимъ въ списокъ подлежащихъ разстрѣлу послѣ продолжительнаго совѣщанія членовъ коллегіи ОГПУ и Политбюро.»

А въ обнародованныхъ спискахъ его имя всюду поставлено было первымъ.

Тогда, какъ извѣстіе объ арестѣ брата проникло заграницу лишь чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, сообщеніе о

разстрѣлѣ 20-и было немедленно же разнесено телеграфомъ по всему свѣту, хотя о большинствѣ безсудныхъ разстрѣловъ, какъ единоличныхъ, такъ и групповыхъ, большевики обыкновенно умалчиваютъ. Повидимому, въ данномъ случаѣ имѣлось въ виду не столько наказаніе или месть, сколько устрашеніе, предупреждающее террористическіе акты противъ большевицкихъ агентовъ. Выбраны были, вѣроятно, болѣе или менѣе замѣтные люди, разстрѣлъ которыхъ могъ произвести наибольшее впечатлѣніе въ тѣхъ или другихъ кругахъ. Неизвѣстно были ли они раньше намѣчены въ качествѣ заложниковъ, но объ этомъ ни имъ, ни кому-либо другому не было заранѣе объявлено. Такимъ образомъ эта расправа не подходитъ даже подъ такое сомнительное юридическое понятіе, какъ заложничество.

Согласно большинству частныхъ и газетныхъ сообщеній, разстрѣлъ всѣхъ 20-и лицъ былъ произведенъ одновременно въ Москвѣ. Такъ какъ безусловно братъ находился въ заключеніи въ Харьковѣ, то слѣдовательно надо предположить, что всѣ намѣченныя жертвы были спѣшно привезены въ Москву изъ разныхъ мѣстъ и тамъ вмѣстѣ разстрѣляны. Сообщались и такія подробности, что «Князь Долгоруковъ держался мужественно и ободрялъ другихъ». Передавали будто —

«Кн. Долгоруковъ передъ разстрѣломъ потребовалъ, чтобы ему дали умыться и красноармейцы, хотя и исполнили его просьбу, но смѣялись надъ нимъ, не зная, очевидно, что таковъ старинный русскій обычай — по возможности придти въ могилу чистымъ. А въ данномъ случаѣ нельзя было думать о омовеніи тѣла послѣ смерти.»

Вотъ, что писала Латвійская газета «Саргсъ» въ номерѣ отъ 18 іюня 1927 года:

«Всѣ приговоренные къ смертной казни уже утромъ 9-го іюня были переведены изъ Бутырской тюрьмы во

внутреннюю тюрьму ГПУ. Отъ обреченныхъ не скрывали ожидающей ихъ участи. Наиболѣе хладнокровно къ этому отнеслись князь Долгоруковъ и Нарышкинъ. Приговоренный Коропенко лишился разума и его пришлось отвезти на мѣсто казни связаннымъ. Во внутренней тюрьмѣ ГПУ смертники были помѣщены въ общей камерѣ. Нѣкоторые изъ нихъ выразили желаніе написать прощальныя письма своимъ близкимъ. Имъ въ этомъ было отказано. Нѣсколько лицъ, настаивавшихъ на своемъ правѣ написать письмо, были выведены въ сосѣднее помѣщеніе и тамъ избиты. Разстрѣлъ 20 жертвъ краснаго террора былъ совершенъ въ ночь на 10 іюня въ подвальномъ помѣщеніи ГПУ. Въ разстрѣлѣ участвовали чекисты: Маги, Вейсъ и Карповъ. Послѣ убійства трупы были сложены на грузовикъ и отвезены въ сторону Воробьевыхъ горъ, гдѣ они были брошены въ заранѣе приготовленныя могилы.»

Тождественное — въ смыслѣ указанія мѣста разстрѣла — сообщеніе было мной получено отъ лица, заслуживающаго полнаго довѣрія и жившаго въ то время въ Москвѣ. Процитирую отрывокъ изъ соотвѣтствующаго письма ко мнѣ этого лица, такъ какъ онъ очень характеренъ въ смыслѣ представленія о поведеніи Павла Дмитріевича:

«Про разсказъ ***, служившей въ Институтѣ Маркса и Энгельса въ Вашемъ домѣ, Вы знаете: будто бы наканунѣ разстрѣла ея сослуживица, проходя черезъ переднюю, увидала швейцара, страшнаго наглеца, стоявшаго на вытяжку передъ какимъ-то высокимъ господиномъ; и когда господинъ ушелъ, то швейцаръ сказалъ, что это бывшій владѣлецъ и эта барышня подѣлилась тотчасъ же съ секретаршей Института, которая немедленно куда то о семъ позвонила.»

Но приходили заграницу и другія свѣдѣнія. Такъ въ газетѣ «За Свободу» отъ 1 іюля 1927 года сообщалось:

«По даннымъ Московской рабочей группы, освѣдомленной о всѣхъ мѣропріятіяхъ вождей компартіи, князь

Долгоруковъ былъ разстрѣлянъ въ Харьковѣ, а не въ Москвѣ, какъ сообщалось иностранной прессой. Въ серединѣ мая князю Долгорукову былъ врученъ обвинительный актъ, но срокъ судоразбирательства сообщенъ не былъ.»

Въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ Е. Д. Кускова, ссылаясь на очень освѣдомленныхъ лицъ, находившихся въ то время въ СССР, также сообщала, что Павелъ Дмитріевичъ былъ разстрѣлянъ въ Харьковѣ.

Итакъ, гдѣ именно былъ разстрѣлянъ братъ и гдѣ находится его могила и вообще, существуетъ ли она, — неизвѣстно.

Доходили слухи, неизвѣстно, насколько вѣрные, будто и въ Россіи извѣстіе о гибели брата произвело сильное впечатлѣніе. Сообщалась между прочимъ такая фраза: «Наконецъ то мы видимъ, что эмиграція не забыла насъ, не забыла Россію.»

Впечатлѣніе заграницей отъ полученнаго извѣстія было огромное и не только въ средѣ русской эмиграціи, но и у иностранцевъ, и при томъ не только въ буржуазныхъ и либеральныхъ кругахъ, но даже среди соціалистовъ и рабочихъ. Можетъ быть впечатлѣніе это усилилось неожиданностью извѣстія про безсудную расправу, распространеннаго самими большевиками съ такою поспѣшностью. Какъ разъ въ предшествующіе годы не было массовыхъ казней, сопровождающихся ихъ оглаской. Хотя большевики и продолжали уничтожать своихъ враговъ, но дѣлали это въ тайникахъ подваловъ чеки, по одиночкѣ и преслѣдуемое лицо большею частью пропадало безслѣдно, а говорить или печатать объ этомъ воспрещалось. Это относительное карательное затишье совпало съ объявленной еще Ленинымъ экономической передышкой, называемой НЭП-омъ. Эти большевицкія уступки дали поводъ всѣмъ, кто не видѣлъ единственнаго выхода для освобожденія Россіи отъ большевизма въ опредѣленной борьбѣ съ нимъ, — надѣяться на его эво-

люцію. И это теченіе было не только распространено у значительной части иностранцевъ, но и среди части русской эмиграціи стало развиваться «мирнообновленческое» и у нѣкоторыхъ даже соглашательское направленіе, у однихъ, можетъ быть, вполнѣ искренно, у другихъ же оно прикрывало иногда безсознательно обывательскія бѣженскія настроенія. А потому и самый фактъ разстрѣла двадцати лицъ безъ предъявленія имъ какихъ-либо не только мало-мальски основательныхъ, но правдоподобныхъ обвиненій и способъ нарочито поспѣшной и демонстративной огласки этой расправы сдѣлали то, что эффектъ получился, какъ отъ разорвавшейся бомбы. Вѣдь это уже не было время такъ называемаго военнаго коммунизма 1918-1920 годовъ. И уже трудно было, какъ это дѣлали защитники большевиковъ раньше, оправдывать или извинять массовый разстрѣлъ завѣдомо невинныхъ людей послѣ покушенія на Ленина и убійства Урицкаго, тѣмъ, что это былъ періодъ еще неустановившейся революціонной власти. За 10 лѣтъ существованія этой революціонной власти жизнь, казалось бы, могла уже войти въ нормальную колею. И пожалуй, этотъ разстрѣлъ не столько произвелъ ожидавшееся отъ него устрашающее впечатлѣніе, сколько вызвалъ омерзеніе къ варварскому режиму и сочувствіе къ его противникамъ. А жертвенный порывъ молодыхъ людей, уходившихъ изъ эмиграціи въ Россію на дѣло спасенія Родины, въ концѣ двадцатыхъ годовъ скорѣе усилился. Вотъ, что писалъ П. Б. Струве въ «Возрожденіи» (№ 739) по поводу разстрѣла 20-и:

«Совѣтской власти нужно произвести психологическій эффектъ, нужно, проявить силу и рѣшимость и возможно большее число людей запугать. На самомъ дѣлѣ такой образъ дѣйствій обнаруживаетъ, наоборотъ, полную слабость и даже растерянность большевицкой верхушки. И эта слабость совѣтской власти еще болѣе подчеркивается ея невѣроятной лживостью.»

VII.

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ ПАВЛА ДМИТРІЕВИЧА: ПАНИХИДЫ, РѢЧИ НА СОБРАНІЯХЪ ПРОТЕСТА, СТАТЬИ, СОБОЛѢЗНУЮЩІЯ ПИСЬМА, НЕКРОЛОГИ. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ нѣкоторыхъ большихъ пунктахъ скопленія русской эмиграціи состоялись засѣданія протеста противъ безсудной расправы большевиковъ съ своими политическими противниками, а панихиды служились въ сотняхъ городовъ всѣхъ материковъ до Австраліи включительно. Какъ о собраніяхъ, такъ и о панихидахъ печатались сообщенія и въ иностранныхъ газетахъ. Изъ кипы мною полученныхъ писемъ, вырѣзокъ изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ, некрологовъ, изъ коихъ многіе были съ портретомъ покойнаго Павла Дмитріевича, отчетовъ о засѣданіяхъ приведу нѣкоторыя выдержки. (Какъ это ни странно, но наше сходство, дававшее поводъ къ смѣшиванію насъ съ первыхъ дней рожденія, повело къ тому, что къ нѣкоторымъ некрологамъ, напримѣръ въ польской газетѣ "Swiat", былъ ошибочно приложенъ мой портретъ).

«Въ Парижѣ въ церкви на рю Дарю состоялась панихида по кн. П. Д. Долгоруковѣ и 19-и съ нимъ убіеннымъ. Служилъ Митрополитъ Евлогій, сказавшій прочувствованное слово, пѣлъ хоръ Аѳонскаго. Кто запоздалъ, тому уже не пробраться. Церковь, украшенная къ Троицѣ березками, была полна молящимися, какъ въ богослу-

женія, совершаемыя въ большіе праздники. Никогда эмиграція не была представлена такъ полно, какъ на этой исторической панихидѣ. Сошлись республиканцы, монархисты, народные соціалисты и просто соціалисты, православные и не православные, христіане и не христіане. Среди собравшихся руководители эмигрантскихъ организацій, представители посольствъ окраинныхъ государствъ, чины сербскаго, болгарскаго и греческаго посольствъ, члены кавказскихъ делегацій и украинскихъ союзовъ, президіумъ русско-еврейской общины «Огель Іаковъ». «Въ Берлинѣ въ русской церкви была отслужена торжественная панихида по 20 казненнымъ въ Москвѣ. Церковь была настолько наполнена молящимися, что нѣкоторые не могли войти въ храмъ и принуждены были оставаться на улицѣ. Во время пѣнія «вѣчной памяти» въ церкви раздались рыданія. Въ редакцію газеты поступило нѣсколько анонимныхъ писемъ отъ лицъ, называющихъ себя совѣтскими служащими, съ выраженіемъ сожалѣнія о томъ, что по своему положенію они не могли присутствовать на панихидѣ.»

Въ Латвіи, вѣроятно, вслѣдствіе политической обстановки и боязни недоразумѣній съ совѣтскимъ представительствомъ, что ясно видно изъ приводимой ниже газетной замѣтки, панихиду пришлось отслужить въ болѣе скромной обстановкѣ:

«Трагическое впечатлѣніе произвела панихида, отслуженная при огромномъ стеченіи народа въ рижскомъ кафедральномъ соборѣ. Ее служитъ одинъ отецъ Василій Рупертъ, безъ діакона, безъ хора, безъ полнаго освѣщенія — вѣдь устроители не намѣрены были дѣлать изъ панихиды никакой демонстраціи и передъ панихидой обратились къ очередному священнику, желая только исполнить религіозный долгъ — помолиться за погибшихъ братьевъ... Но отъ скромности обстановки впечатлѣніе было еще сильнѣе — не на праздникъ собрались молящіеся, а на великую скорбь... И совершенно неожиданно звучитъ прекрасное стройное пѣніе тутъ же организованнаго хора. Здѣсь и пѣвцы отдѣльныхъ хоровъ и

учащаяся молодежь обоего пола.» «Въ старинномъ и крошечномъ университетскомъ городкѣ Юрьевѣ, въ Эстоніи, также была отслужена въ Успенскомъ Соборѣ панихида по жертвамъ краснаго террора. Церковь была полна молящимися, а во время пѣнія «Со святыми упокой» и «Вѣчной памяти», всѣ преклонили колѣна.» «Въ Ревелѣ на панихиду по князѣ П. Д. Долгоруковѣ и всѣмъ съ нимъ убіеннымъ въ Александро-Невскомъ Соборѣ явилось огромное количество молящихся, не только русскихъ, но также много нѣмцевъ и эстонцевъ».

Въ славянскихъ странахъ торжественныя панихиды были отслужены въ большихъ городахъ русскими, а иногда и мѣстными епископами; служились панихиды и во многихъ мелкихъ пунктахъ, причемъ часто присутствовало по преимуществу мѣстное населеніе. «Трогательная молитва» — такъ озаглавило Бѣлградское «Новое Время» свою маленькую замѣтку:

«Въ Банатскомъ Новомъ Селѣ по собственному почину сербскаго священника о. Чедомира Урицкаго отслужена панихида по убіенномъ князѣ Павлѣ Долгоруковѣ и 19 съ нимъ.» «Въ Рущукѣ (Болгарія) по иниціативѣ мѣстнаго отдѣленія Общества Галлиполійцевъ отслужена панихида «по старомъ, вѣрномъ другѣ арміи, Павлѣ Долгоруковѣ и по жертвамъ краснаго террора Совѣтской Россіи.» «Церковь была переполнена молящимися русскими и болгарами.» «Съ огромной чуткостью отозвался Харбинъ на призывъ помолиться за убіенныхъ большевиками въ Москвѣ: Свято-Николаевскій Соборъ былъ переполненъ. Тамъ молящіеся стояли плечомъ къ плечу. Масса публики толпилось въ церковной оградѣ.» «На Восточно-Китайской желѣзной дорогѣ рабочими и служащими была отслужена панихида по разстрѣляннымъ въ Москвѣ 20-ти патріотамъ.»

Русскій Національный Комитетъ въ Парижѣ издалъ протестъ, обращенный «къ правительствамъ и общественному

мнѣнію цивилизованныхъ націей», за подписью Предсѣдателя А. Карташова и Товарищей Предсѣдателя М. Федорова и В. Бурцева. Протестъ этотъ былъ переведенъ на иностранные языки и разосланъ въ наиболѣе вліятельныя газеты, помѣстившія его по большей части на видномъ мѣстѣ. Въ заключительной его части говорится:

«Псевдо-русское правительство охотно пользуется желаніемъ европейцевъ играть съ ними въ международное право, но обращается съ правомъ по готтентотски. Юнаго убійцу убійцы русской царской семьи оно требуетъ казнить по всей строгости формальнаго закона, а само уже казнило 20 лицъ, неповинныхъ въ данномъ дѣлѣ, несмотря на лживыя характеристики нѣкоторыхъ изъ нихъ, хорошо извѣстныхъ всей Россіи, какъ напримѣръ, извѣстнаго республиканца и одного изъ основателей конституціонно-демократической партіи, Князя Павла Долгорукова, обманно названнаго сейчасъ боьшевиками «лидеромъ монархистовъ.»

Въ Прагѣ по случаю Московскаго разстрѣла былъ созванъ партіей славянскихъ соціалистовъ митингъ протеста. Вотъ выдержка изъ газетнаго отчета объ этомъ чешскомъ собраніи:

«Послѣ ликованія коммунистическаго «Руде Право» по случаю безсудныхъ казней и тягостнаго двусмысленнаго молчанія по этому поводу крупныхъ соціалистическихъ газетъ съ ихъ повышеннымъ негодованіемъ по поводу убійства Войкова, — значеніе этого митинга особенно велико. Были приглашены въ качествѣ гостей представители различныхъ политическихъ группировокъ изъ среды русской эмигрантской колоніи. Большой залъ народнаго дома былъ переполненъ. Редакторъ партійнаго органа Ф. Шварцъ между прочимъ сказалъ: «Въ Прагѣ бывали собранія протеста противъ насилія австро-венгерскихъ властей надъ русскимъ населеніемъ Галиціи, противъ преслѣдованія соціалистовъ въ Совѣтской Россіи, но ни-

когда общество не было такъ потрясено, какъ нынѣ при возобновленіи террора надъ русскимъ народомъ и примѣненіемъ большевицкимъ правительствомъ безсудныхъ казней надъ своими политическими противниками». Докладчикъ посвящаетъ нѣсколько словъ памяти убитаго П. Д. Долгорукова и указываетъ, что «онъ былъ не монархистъ, а русскій демократъ, боровшійся съ самодержавіемъ». И. Стшибрный, бывшій министръ, членъ парламента и лидеръ партіи сказалъ въ своей рѣчи: «Обязанность соціалиста и демократа энергично протестовать противъ гнусныхъ дѣйствій совѣтской власти, тяжко компрометирующихъ соціализмъ. Мы протестуемъ противъ всякаго убійства, дѣлается ли оно противъ Бога, цезаря или во имя массовой диктатуры.» Отъ русской эмиграціи говорилъ П. Юреневъ, указавшій прежде всего, что эмиграція не вмѣшивается въ мѣстные партійные споры и онъ самъ, будучи здѣсь чужимъ (возгласы по всему залу: «Вы не чужой, вы нашъ братъ!») выступаетъ лишь для того, чтобы сказать правду о рабоче-крестьянской власти въ Россіи. Правительство, не признающее за рабочими права на стачки, не дающее имъ свободы слова, разстрѣливающее крестьянъ и рабочихъ, можетъ только прикрываться въ своихъ преступныхъ дѣйствіяхъ ихъ интересами. Ложь большевиковъ давно понялъ русскій народъ, теперь ее начинаютъ понимать въ Европѣ». Слабыя попытки мѣстныхъ коммунистовъ сорвать собраніе выкриками и распространеніемъ зловонныхъ газовъ были быстро ликвидированы, немедленно были открыты большія окна и безчинствующіе были выведены изъ зала.»

Парижская Лига Правъ, во главѣ которой стоятъ лидеры соціалистовъ и лѣвыхъ демократовъ, приняла слѣдующую резолюцію:

«Полагая, что ни въ какой странѣ политическое убійство не можетъ оправдать кровавыхъ репрессалій противъ лицъ, завѣдомо неотвѣтственныхъ за это убійство, — Лига протестуетъ противъ неподдающагося извиненію преступленія, каковымъ являются массовые разстрѣлы противниковъ строя со стороны чеки.»

М. М. Федоровъ писалъ въ «Борьбѣ за Россію» въ № отъ 18 іюня 1927 года:

«Я только что получилъ трогательное письмо отъ одного голландца, стоящаго во главѣ одного изъ крупнѣйшихъ міровыхъ предпріятій въ Лондонѣ. До глубины души возмущенный позорнымъ «бестіальнымъ» убоемъ въ Москвѣ ни въ чемъ, кромѣ горячей любви къ родинѣ, неповинныхъ русскихъ патріотовъ, я предлагаю принять на свое содержаніе двойное (то есть 40) число русскихъ юношей, чтобы дать имъ возможность, завершивъ образованіе, послужить въ свое время своей великой родинѣ».

Извѣстный русскій публицистъ, народный соціалистъ С. П. Мельгуновъ писалъ въ статьѣ «Борьба идетъ» въ «Борьбѣ за Россію»:

«Мы не можемъ не отнестись съ критическимъ осужденіемъ къ акту, совершенному въ Варшавѣ Ковердой. Революціонный актъ долженъ имѣть мѣсто только на территоріи той страны, съ деспотіей которой ведется борьба. Подвергая критической оцѣнкѣ подобные террористическіе акты со стороны цѣлесообразности, мы не можемъ, однако, не проникнуться психологіей убійцы Войкова. Не надо быть «монархистомъ», дабы съ омерзеніемъ относиться къ кровавой бойнѣ, устроенной большевиками царской семьѣ. Печать принесла сообщеніе, что за убійство Войкова въ Москвѣ разстрѣляно 20 человѣкъ. Въ опубликованномъ спискѣ первымъ стоитъ П. Д. Долгоруковъ — «руководитель монархическихъ организацій заграницей». Нѣтъ, не «монархистомъ», ментающимъ о возстановленіи стараго, былъ Кн. Павелъ Долгоруковъ, а благороднымъ русскимъ патріотомъ.»

«Иллюстрированная Россія» № 25 отъ 18 іюня 1927 г. въ значительной части посвятила разстрѣлу 20-и, а главнымъ образомъ Павлу Дмитріевичу. На обложкѣ данъ (помѣщенный выше) снимокъ Павла Дмитріевича въ Ясной Полянѣ. Въ текстѣ — его послѣдній парижскій портретъ и интересная фотографія, изображающая много-

людное засѣданіе Общества Мира, состоявшееся въ Москвѣ, въ зданіи Городской Думы въ февралѣ 1910 г. подъ предсѣдательствомъ Павла Дмитріевича. Засѣданіе было созвано по случаю визита французскихъ парламентаріевъ къ русскимъ народнымъ представителямъ. Павелъ Дмитріевичъ изображенъ стоящимъ на трибунѣ, рядомъ съ нимъ предсѣдатель французской парламентской делегаціи Эстурнель Констанъ. Позади ихъ — большая статуя Императрицы Екатерины II. Въ текстѣ журналъ даетъ рядъ отзывовъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей по поводу разстрѣла, а именно: Н. Д. Авксентьева, М. Л. Гольдштейна, Гр. В. Н. Коковцева, В. А. Маклакова, П. Н. Милюкова, Г. Б. Сліозберга и П. Б. Струве. Ниже приводятся выдержки изъ заявленій трехъ лицъ, говорящихъ по преимуществу о Павлѣ Дмитріевичѣ:

Н. Д. Авксентьевъ. «Изъ казненныхъ я зналъ только князя Долгорукова, къ которому относился всегда съ величайшимъ уваженіемъ и съ которымъ вмѣстѣ дѣлилъ роль узника въ Петропавловской крѣпости, куда мы были заключены послѣ октябрьскаго переворота. Несмотря на грозившую ему опасность, онъ велъ себя мужественно, проявлялъ поразительную безпечность, совершенно не думая о себѣ. Зато вспоминаю, какъ онъ рыдалъ, узнавъ объ убійствѣ Шингарева и Кокошкина.»

П. Н. Милюковъ. «Безсудный разстрѣлъ вызвалъ негодованіе общественной совѣсти всего человѣчества и несомнѣнно создастъ единый моральный фронтъ противъ совѣтской власти. Князь Павелъ Долгоруковъ, котораго я близко зналъ, былъ кристально чистымъ человѣкомъ. Болѣе безобиднаго и незлобиваго человѣка трудно встрѣтить. Его заслуги передъ освободительнымъ движеніемъ, котораго сами коммунисты не отрицаютъ и памятники котораго они теперь такъ тщательно собираютъ, дѣлаютъ это преступленіе еще болѣе безчестнымъ, еще болѣе мерзкимъ.»

П. Б. Струве. «Разстрѣлъ двадцати съ незабвеннымъ кн. П. Д. Долгоруковымъ во главѣ есть въ данной психологической атмосферѣ не просто гибель отдѣльныхъ людей. Это событіе можетъ оказаться много обѣщающимъ сѣменемъ общенароднаго освободительнаго подвига. Лично князя Павла Дмитріевича я любилъ и цѣнилъ за его душевное благородство и беззавѣтный свободолюбивый патріотизмъ.»

Наконецъ, прицитирую еще и весьма характерную статью — откликъ на совершенное ими убійство, — большевицкой «Правды» отъ 28 іюня 1927 года, тѣмъ болѣе, что статья эта Сталина:

«Недавно был получен на имя Рыкова протест известных деятелей английского рабочего движенія Ленсбери, Макстона и Брокуэя по поводу расстрела двадцати террористовъ и поджигателей из рядов русских князей и дворян. Я не могу считать этих деятелей английского рабочего движенія врагами СССР. Но они хуже врагов, так как, называя себя друзьями СССР, они тем не менее облегчают своим протестом русским помещикам и английским сыщикам организовывать и впредь убийства представителей СССР. Они хуже врагов, так как они своим протестом ведут дело к тому, чтобы рабочие СССР оказались безоружными перед лицом своих заклятых врагов. Они хуже врагов, так как не хотят понять, что расстрел двадцати «светлейших» есть необходимая мера самообороны революции. Недаром сказано: «избави нас бог от таких друзей, а с врагами мы сами справимся». Что касается расстрела двадцати «сиятельных», то пусть знают враги СССР, враги внутренние, так же, как и враги внешние, что пролетарская диктатура в СССР живет и рука ее тверда.»

Европейское общественное мнѣніе, осудившее было поступокъ Коверды, сразу измѣнило свое отношеніе къ совѣтской власти и къ поступку Коверды послѣ разстрѣ-

ла 20 человѣкъ, находя, что этотъ поступокъ сталъ психологически понятенъ. Приведу выдержки изъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ иностранныхъ заграничныхъ газетъ:

«Таймсъ»: «Актъ мести въ отношеніи людей, сидѣвшихъ мѣсяцы въ тюрьмѣ безъ предъявленія къ нимъ обвиненія, вызываетъ омерзеніе во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ.» **«Вестминстерская Газета»**: «Державы, подписавшія Локарнское соглашеніе должны немедленно установить единую политику въ отношеніи СССР.» **«Кельнская Газета»:** «Въ эту ночь разстрѣла совѣтская власть сама уничтожила всѣ результаты предпринятаго ею моральнаго наступленія.» **«Берзенъ Курьеръ»**: «Совѣтской политикой руководитъ палачъ». Соціалистическій **«Форвертсъ»**: «Во всемъ культурномъ мірѣ раздается крикъ ужаса и возмущенія противъ варварскаго правительства.» **«Локаль Анцейгеръ»**: «Въ ужасномъ избіеніи въ Москвѣ проявилась послѣ періода нѣкотораго спокойствія, истинная природа большевизма. Государство, которое разстрѣливаетъ безъ суда двадцать своихъ гражданъ, ставитъ себя внѣ цивилизаціи. Всѣ обвиненія, предъявлявшіяся въ свое время царизму, блѣднѣютъ въ сравненіи съ этимъ позорнымъ преступленіемъ.» Большевизанствовавшая **«Фоссова Газета»**: «Разстрѣлъ двадцати привелъ къ тому, что совѣтская власть сразу потеряла моральный престижъ». **«Пти Паризьенъ»**: «Подобные пріемы вызываютъ противъ совѣтской власти негодованіе цивилизованнаго міра.» Официіальный **«Танъ»**: «Московская трагедія создана тиранами, которые мечутся въ страхѣ и отчаяніи, предвидя пораженіе, въ то время, когда ихъ осуждаетъ здравый разсудокъ, когда ихъ отвергаетъ человѣческая совѣсть. Если совѣтскій строй вернется къ тѣмъ отвратительнымъ дѣяніямъ, которыя покрыли несмываемымъ позоромъ время 1918-1920 годовъ, если онъ будетъ только утвержденіемъ дикаго варварства и самъ себя поставитъ внѣ права, предъ всѣми народами встанетъ вопросъ, возможно ли поддерживать какія либо сношенія съ такою властью.» **«Журналь де Деба»**: «Казни русскихъ, якобы «царистовъ» нигдѣ не подымутъ престижа совѣтска-

го правительства». **«Виктуаръ»** и **«Авениръ»** требуютъ немедленнаго разрыва отношенiй.

Отдѣльныя вырѣзки изъ газетъ Сѣверной и Южной Америки, Китая, Японiи, Персiи, Южной Африки — заставляютъ думать, что пресса почти всего мiра отозвалась на московскiе разстрѣлы.

Приведу выдержки изъ нѣкоторыхъ соболѣзнующихъ писемъ, полученныхъ мною по случаю смерти Павла Дмитрiевича. Наша двоюродная сестра **Княгиня А. П. Ливенъ** писала:

«Я только что вернулась изъ церкви. На панихидѣ было столько народа, что въ нашемъ обширномъ соборѣ было тѣсно. Служилъ Митрополитъ, пѣлъ большой хоръ. «О плачущихъ и болѣзнующихъ» тоже помолились. Можетъ быть не напрасно погибъ нашъ братъ. Можетъ быть эта безобразная и безмысленная месть вновь откроетъ притупившiеся, привыкшiе къ большевицкимъ звѣрствамъ глаза. Я увѣрена, что онъ былъ простъ до конца.»

Изъ письма **А. В. Гольштейнъ**: «Вчера должны были признать, что безвозвратное совершилось. Вчера же съ горькими слезами перечитали извѣстную Вамъ рукопись и еще яснѣй поняли его великую душу. Мало кто изъ насъ можетъ съ нимъ сравняться... Величiе его духа выявляется въ необыкновенной простотѣ: ни одной громкой фразы, ни малѣйшаго самовозвеличенiя. Онъ совершилъ свой подвигъ съ какимъ-то нечеловѣческимъ забвенiемъ своей личности. Ни возвеличенiя, ни ложной скромности: для него его подвигъ какое-то очередное дѣло. Дѣловая оцѣнка и тутъ же какой ѣлъ борщъ и варенники. А вѣдь смерть онъ принялъ сознательно: еще въ 24-омъ году, когда шелъ въ Россiю въ первый разъ, въ своихъ, какъ онъ говорилъ «инструкцiяхъ» нѣсколько разъ говорится: «въ случаѣ моей смерти.»

Письмо **Генерала Врангеля**: «Нѣтъ словъ выразить чувства негодованія передъ совершенными палачами русскаго народа преступленіями, передъ трусливымъ раболѣпіемъ міровой «демократіи», остающейся безучастнымъ свидѣтелемъ этого. Вашъ покойный братъ былъ однинъ изъ немногихъ, дѣлившихъ съ родной мнѣ Арміей весь ея крестный путь, оставшійся ей вѣрнымъ въ несчастіи. Наша совмѣстная съ нимъ работа въ Константинополѣ и Бѣлградѣ дала мнѣ возможность оцѣнить и искренно полюбить его. Въ его лицѣ «бѣлое» дѣло теряетъ вѣрнаго и испытаннаго друга.»

Князь В. А. Оболенскій: «Павелъ Дмитріевичъ шелъ сознательно на мученичество и смерть. И онъ такъ просто пошелъ въ Россію и навѣрно просто принялъ заключеніе и казнь. Былъ онъ вѣдь мужественный человѣкъ. Намъ всѣмъ казалось тогда, что это ненужная жертва съ его стороны, да и онъ, вѣроятно, считалъ ее нужной больше для себя, для своей совѣсти, не мирившейся съ безцѣльнымъ эмигрантскимъ житьемъ. А вотъ, оказалось, неожиданно для насъ всѣхъ, что пожертвовалъ онъ собой не только для себя, а для Россіи, и что его смерть стала огромнымъ событіемъ. Всѣ газеты всѣхъ направленій, русскія и иностранныя, полны негодующими статьями, а среди русскихъ ощущается тоже какой-то единый порывъ. Вчера на панихидѣ церковь не могла вмѣстить огромную толпу. Затрудняюсь даже опредѣлить ея размѣры. Во всякомъ случаѣ это были не сотни, а тысячи. За всю эмиграцію я не видѣлъ ни одной панихиды, привлекшей такую толпу. И были всѣ. Павелъ Дмитріевичъ такъ скорбѣлъ при жизни о томъ, что мы всѣ враждуемъ другъ съ другомъ. А вотъ его смерть всѣхъ объединила. И это объединеніе не было шаблоннымъ обычаемъ почтить память покойнаго. Всѣ пришли въ церковь, объединенные общимъ чувствомъ печали, любви и преклоненія передъ величайшимъ примѣромъ самоотверженности.»

К. І. Зайцевъ: «Павелъ Дмитріевичъ былъ рыцаремъ — рѣдкое сейчасъ явленіе. Рыцаремъ онъ и ушелъ въ тотъ

10 Іюля

Глубокоуважаемый
Князь Петръ Дмитріевичъ

Примите Вы мои самыя
искреннія чувства соболѣз-
нованія въ постигшемъ
Васъ горѣ.

Нѣтъ словъ выразить
чувства негодованія

передъ совершенными на-
силіями русскаго народа
преступленіями, передъ
трусливымъ равнодушіемъ
"новой" демократіи, ос-
тающейся безучастными
свидѣтелями этого.

Вашъ покойный братъ
былъ однимъ изъ лучш-

-ности служившему родной моей Армии весь ея крестный путь, оставшемуся ей верным в несчастии. Наша совместная с ним работа в Константинополе и Белграде дала мне возможность оценить и

[illegible] полюбить его. В его лице [illegible] теряет верного и испытанного друга. Прошу Вас принять мое искреннее соболезнование, оставаясь уважающий Вас и искренне преданный

П. Врангель

Письмо Генерала П. Н. Врангеля изъ Брюсселя отъ 10-го іюня 1927 г. по поводу смерти Кн. Павла Дмитр. Долгорукова.

міръ. Его нельзя жалѣть. Его прекрасная смерть какъ-то вложится и уже вложилась въ дѣло освобожденія — удѣлъ завидный для всякой мужественной натуры. Въ сонмѣ мученниковъ, коими держалась и крѣпла идея Россіи, будетъ блистать и его честное имя. Вѣчная ему память!»

Проникновеніе Павла Дмитріевича въ СССР и его смерть вдохновили бывшаго секретаря Гр. Льва Толстого — В. Ф. Булгакова даже на написаніе драмы подъ названіемъ «Рюриковичъ», весьма впрочемъ далекой отъ біографически вѣрнаго изображенія какъ характера, такъ и дѣйствій Павла Дмитріевича.

Приведу выдержки изъ нѣсколькихъ некрологовъ:

М. М. Федоровъ. («Борьба за Россію» № 30). «Князь Павелъ Дмитріевичъ Долгоруковъ — прямой потомокъ Рюрика — сохранилъ въ себѣ величавыя черты того аристократизма, который знаменуетъ высокій культурный отборъ, служеніе высшимъ идеаламъ и чистоту душевную, соединенные обычно съ личной скромностью и простотой. Вся жизнь Павла Дмитріевича была направлена къ дѣйственному и безкорыстному служенію родинѣ и своему народу. Богатый земельный собственникъ, онъ былъ однимъ изъ основателей партіи Народной Свободы, которая во главу угла своей экономической политики положила разрѣшеніе земельнаго вопроса въ Россіи въ полномъ соотвѣтствіи съ чаяніями русскаго народа.»

Н. И. Астровъ, послѣдній Московскій городской голова кончаетъ некрологъ слѣдующими словами: «Прямой, нисходящій отъ Рюрика, потомокъ основателя Москвы, потомокъ Князя Михаила Черниговскаго, умученнаго въ Ордѣ, Князь Павелъ Долгоруковъ палъ отъ руки московскихъ палачей.»

П. Б. Струве. («Возрожденіе» № 739). «Когда-то богатый человѣкъ, привыкшій къ барскому довольству, онъ

стоически переносилъ «эмигрантскую нужду» и жилъ только одной мыслью о Россіи, ея освобожденіи и возрожденіи. Жертвенность Князя Павла Дмитріевича и его одержимость мыслью о Россіи внушала величайшее уваженіе и была прямо трогательна. Этотъ немолодой, грузный человѣкъ мужественно и какъ-то тихо-смиренно несъ крестъ бѣженства, впиривъ свой умстренный взоръ въ столь далекую и столь близкую, въ столь опасную и чужую и столь притягательную и родную Россію. И онъ ушелъ туда съ какой-то завѣтной мыслью-мечтой о неотвратимой жертвѣ, которой требуетъ отъ него родина.»

Въ нѣсколькихъ статьяхъ, рѣчахъ и письмахъ Павелъ Дмитріевичъ называется «Рыцаремъ безъ страха и упрека». Хотя это выраженіе и является нѣсколько избитымъ, но оно очевидно напрашивается при воспоминаніи о томъ, какъ онъ отважно выступалъ на враждебно настроенномъ къ нему дворянскомъ собраніи, какъ стоялъ съ генераломъ Радко-Дмитріевымъ подъ обстрѣломъ во время Великой войны, какъ участвовалъ въ Москвѣ въ 1917 году въ отстаиваніи юнкерами отъ большевиковъ Александровскаго училища, какъ покидалъ однимъ изъ послѣднихъ Новороссійскъ, какъ наконецъ, рѣшился проникнуть въ СССР.

Въ заключеніе привожу почти полностью два некролога. Написаны они двумя лицами, хорошо знавшими Павла Дмитріевича и дружившими съ нимъ, первый съ самого дѣства, а второй близко стоялъ къ нему подъ конецъ его жизни и былъ въ курсѣ всѣхъ его приготовленій въ Парижѣ къ послѣдней поѣздкѣ въ Россію. Лицо это было знакомо и съ «Матеріаломъ для воспоминаній».

Рѣчь Н. Н. Львова на собраніи въ память Павла Дмитріевича 3-го іюля 1927 года въ Бѣлградѣ.

«Я помню съ дѣтскихъ лѣтъ близнецовъ Петрика и Павлика Долгоруковыхъ.

Помню, какъ будто я вижу передъ собой, большой долгоруковскій особнякъ въ Москвѣ среди широкаго двора за чугунной рѣшеткой. Помню старыя, раскидистыя деревья тѣнистаго сада. Помню каждую комнату: прихожую съ парадной лѣстницей, бѣлый залъ, гдѣ шумною гурьбою мы бѣгали дѣтьми, играя въ казаки-разбойники. А черезъ много лѣтъ кабинетъ подъ сводами въ нижнемъ этажѣ, гдѣ въ товарищескомъ кругу мы горячо обсуждали общественные вопросы.

Помню земскіе съѣзды, большую залу, переполненную представителями земствъ, съѣхавшихся со всей Россіи.

Все это прошло.

Воспоминанья объ этомъ прошломъ связываютъ меня съ Долгоруковымъ.

Какъ дороги для меня эти воспоминанія о старой Москвѣ... На нашу долю выпалъ свѣтлый удѣлъ — свѣтлое дѣтство и свѣтлая молодость. Дѣтство въ родномъ домѣ, дѣтство, согрѣтое любовью всѣхъ окружающихъ въ тихомъ семейномъ укладѣ старой Москвы, дѣтство съ его молодостью, наивной радостью и красотой. Знаютъ ли свѣтлое дѣтство современныя поколѣнія? Знаютъ ли они молодость съ чувствомъ дружбы, съ увлеченіями, съ ея порывомъ къ возвышенному, съ ея идеализмомъ? Въ сумятицѣ все растоптано. Все свѣтлое отлетѣло отъ земли. Несложная простая жизнь, жизнь замкнутая въ своемъ семейномъ кругу, не городская, а деревенская жизнь, — мирно протекала въ дворянскихъ особнякахъ старой Москвы. Мы росли вдали отъ шума улицы. Мы не знали грубости, жестокостти и злобы, не знали ненавистей. Въ этихъ комнатахъ стараго дома, гдѣ вѣяло тишиной деревенской усадьбы, слагался особый русскій идеализмъ.

Въ старой Москвѣ въ сороковыхъ годахъ въ дружномъ кружкѣ Станкевича сходились и Герценъ и Бѣлинскій и Кирѣевскій и Аксаковъ, славянофилы и западники, но люди одного и того же порыва русскаго идеализма. Герценъ на чужбинѣ, въ изгнаніи съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ объ этомъ московскомъ кружкѣ. Такъ и для меня дороги воспоминанья о такомъ же московскомъ кружкѣ на рубежѣ двухъ столѣтій, собиравшемся у брать-

евъ Долгоруковыхъ, и называвшемся «Бесѣдой». Въ немъ не было ничего революціоннаго. Какъ далеки были мы отъ этихъ ненавистей, отъ этой мути, поднявшейся съ низовъ... Какъ чужда была для насъ классовая вражда... Всѣ были одушевлены общественной дѣятельностью. Среди насъ были люди разныхъ политическихъ взглядовъ, но не было ни одного карьериста. Мнѣ хорошо извѣстно современное отрицательное отношеніе къ «дворянскимъ гнѣздамъ» къ этимъ «безпочвенникамъ утопистамъ».

На примѣрѣ Кн. Долгорукова я покажу вамъ, на какую стойкость въ борьбѣ былъ способенъ этотъ идеалистъ прошлаго, этотъ благородный отпрыскъ стараго русскаго княжескаго рода. Я хотѣлъ бы нарисовать передъ вами нравственный обликъ Князя Павла Долгорукова. Рюриковичъ по происхожденію, потомокъ московскихъ князей, Князь Павелъ Долгоруковъ и по своимъ родственнымъ связямъ и по своему богатству принадлежалъ къ высшему кругу русской знати. Но въ немъ и тѣни не было княжеской спѣси. Ничего дѣланнаго, выдуманнаго, надутаго, никакой позы въ немъ не было. Я бы сказалъ, что онъ былъ по своимъ внутреннимъ свойствамъ демократъ, если бы слово это не было такъ извращено современностью. Въ немъ не было никакого тщеславія, желанія выдвинуться, покрасоваться. Онъ не искалъ для себя ни почестей, ни отличій. Въ общественной дѣятельности онъ не добивался первой роли. Онъ выполнялъ свой долгъ упорно и настойчиво, какъ бы онъ ни казался незначительнымъ. Либералъ по убѣжденію, онъ не былъ человѣкомъ громкой фразы, не былъ хрупкимъ идеалистомъ. Онъ умѣлъ отстаивать свои убѣжденія и бороться за нихъ. Но прежде всего Кн. Павелъ Долгоруковъ былъ русскій. Я бы назвалъ его патріотомъ, если бы это иностранное слово могло бы передать тотъ особый укладъ русской души, гдѣ любовь ко всему своему родному глубоко заложена въ скрытыхъ корняхъ, а не выявляется въ одной наружной внѣшней окраскѣ. Онъ былъ спокоенъ и мужественъ. И эти моральныя свойства его возвышались до подлиннаго героизма.

Представьте себѣ Новороссійскъ зимою 19 года. Ка-

менный подвалъ, куда врываются леденящія струи нордъ-оста. Старики, женщины, семьи съ дѣтьми, больные, раненые — всѣ свалены въ одинъ подвалъ. Сыпной тифъ выхватываетъ свои жертвы среди знакомыхъ, близкихъ, родныхъ.

Умираетъ Зноско-Боровскій, умираетъ Пуришкевичъ, Князь Евгеній Трубецкой... Грабежи въ городѣ. Страхъ нападенія зеленыхъ. Отрядъ, посланный на усмиреніе возставшихъ, перебилъ своихъ офицеровъ и ушелъ въ горы. На улицахъ разнузданная солдатчина. На вокзалѣ ругань и драки. Я помню въ это время Кн. Долгорукова. Какъ сейчасъ вижу его на дырявомъ диванѣ въ сырой, темной коморкѣ. Казалось, нѣть выхода. Люди кончали самоубійствомъ. И я помню на собраніи среди растерянныхъ, упавшихъ духомъ твердое заявленіе Кн. Павла Долгорукова: «Нужно идти въ Крымъ и продолжать борьбу». Всѣ спѣшили спастить изъ Новороссійска. Долгоруковъ остался. Онъ сошелъ съ мола и сѣлъ на англійскій катеръ когда красные уже вошли въ городъ и шла стрѣльба на улицахъ. Имя Долгорукова неразрывно связано съ арміей. Пацифистъ по убѣжденію, онъ сталъ упорнымъ поборникомъ вооруженной борьбы противъ большевиковъ. Въ немъ заговорило глубокое русское чувство. Онъ взялъ бы винтовку и сталъ бы рядовымъ, какъ и другіе, если бы не его преклонный возрастъ. Онъ никогда не стремился выдвинуться, онъ былъ и остался рядовымъ. Да, какъ рядовой, онъ выполнилъ свой жизненный подвигъ. Онъ могъ бы уйти, какъ сдѣлали это другіе и никто не осудилъ бы его. Его ближайшіе друзья покинули армію. Долгоруковъ остается. И въ Крыму, такъ же какъ въ Екатеринодарѣ, при Деникинѣ, такъ же и при ген. Врангелѣ, онъ отдаетъ всѣ свои силы на служеніе бѣлому дѣлу.

Нелегка была его задача. Его обвиняли, что онъ связалъ себя съ реакціоннымъ теченіемъ. А въ Константинополѣ! Кто только не отвернулся въ эти дни отъ русской арміи, кто только не лягалъ ослинымъ копытомъ раненаго льва? Спѣшили перебраться въ другой лагерь подальше отъ тѣхъ, кто былъ обреченъ, казалось, на гибель въ Галлиполи. Милюковъ объявилъ «новую тактику», порвалъ съ бѣлымъ движеніемъ. На этой почвѣ про-

изошелъ разрывъ. Морально Долгоруковъ не могъ оставаться съ Милюковымъ. Мы не забудемъ той травли, которой подвергался Долгоруковъ за свою вѣрность арміи, мы не забудемъ всѣ эти издѣвательства и смѣшки, когда Кн. Павелъ Долгоруковъ приложилъ свою руку къ продажѣ серебра ссудной казны. «Князь Серебряный» — издѣвались надъ Кн. Павломъ Долгоруковымъ. Долгоруковъ узналъ измѣну друзей, извѣдалъ «презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ». Многіе здѣсь въ изгнаніи опустились, сбились съ пути, потеряли самихъ себя. Долгоруковъ морально выросъ въ этихъ невзгодахъ.

Перенеситесь мысленно въ старую Москву прошлаго вѣка, представьте себѣ всю эту обстановку богатаго княжескаго дома, гдѣ выросъ Кн. Долгоруковъ, представьте себѣ бѣлую залу съ колоннами Московскаго дворянскаго собранія, гдѣ появлялся молодой Князь Долгоруковъ, Рузскій предводитель дворянства. Представьте себѣ роскошную подмосковную усадьбу «Волынщина», родовое гнѣздо Кн. Долгоруковыхъ, у параднаго крыльца чугунныя пушки, свидѣтели боевой славы Кн. Долгорукова, покорителя Крыма Екатерининскихъ временъ. А послѣ?... Бродяга, старикъ съ котомкой за плечами пробирается украдкой черезъ русскую границу, скрывается во ржахъ, припадаетъ и цѣлуетъ русскую землю... Представьте себѣ эту картину и вы поймете всю трагедію русской жизни, вы поймете также, сколько любви къ русской землѣ сохранилось въ этомъ старомъ сердцѣ... Отчего Долгоруковъ пошелъ въ Россію? Вѣдь это безразсудство, — скажутъ иные. Да, безразсудство. А развѣ не безразсудство остаться послѣднимъ на новороссійскомъ молу? Развѣ не безразсудство упорно отстаивать продолженіе борьбы, когда все потеряно. Развѣ не безразсудство приложить руку къ продажѣ катарскаго серебра и принять на свое имя ушатъ грязи? Все это безразсудство. Но безъ этого безразсудства человѣчество погибнетъ въ болотѣ моральнаго паденія. Долгоруковъ могъ бы уйти въ частную жизнь. Онъ могъ бы устроиться у своихъ богатыхъ родственниковъ въ Парижѣ. Но онъ не захотѣлъ. Для него невыносима была эта жизнь въ вынужденномъ бездѣйствіи среди людей свѣтскаго круга, столь чуждыхъ всему

тому, чѣмъ мучился Долгоруковъ. Онъ зналъ на что онъ идетъ. Единственно, о чемъ онъ заботился, чтобы большевики не запятнали его имя. Передъ уходомъ онъ оставилъ письмо, для опроверженія большевицкой клеветы.

Въ борьбѣ, которую мы ведемъ, намъ нужны не декларацiи, не программы, намъ нуженъ личный примѣръ. Гнететъ сознанiе ненужности нашей жизни и смерти. Кровь Долгорукова пролита не напрасно. До него столько было казней, убiйствъ заложниковъ — и общее равнодушiе покрывало всѣ эти злодѣйства. Теперь не такъ. Что-то совершилось въ мiрѣ, — и сквозь туманъ и мглу лучъ свѣта промелькнулъ во тьмѣ. Совѣсть пробудилась въ людяхъ.

Отнынѣ два имени связаны неразрывно между собою: имя Бориса Коверды и имя Князя Павла Долгорукоа, и не по случайному совпаденiю по времени выстрѣла Коверды и смерти Долгорукова, а по внутренней ихъ связи. Въ обоихъ было нѣчто героическое. Много разъ я говорилъ вамъ: «Кубанскiй походъ продолжается». Старый генералъ Алексѣевъ, одиноко идущiй въ степи, и мальчикъ кадетъ. Не то же ли мы видимъ теперь? Князь Долгоруковъ, обрекшiй себя на смерть за Россiю, и героическая рѣшимость мальчика — Бориса Коверды.

Ужасъ заключается въ томъ, что такая страшная трагедiя великаго народа происходитъ въ средѣ маленькихъ людей. Трагизмъ всего происходящаго даже не ощущается ими. «Жизнь налаживается» — говорятъ вамъ; «на базарѣ все купить можно». Вамъ говорятъ: «нужно признать революцiю»... «Большевизмъ эволюцiонируетъ»... Не то же ли это самое, что «на базарѣ все купить можно»? Примириться, склонить голову, наладить сожительство съ большевиками... Нѣтъ, никогда, — и раздается выстрѣлъ Коверды. И вспоминаются слова ген. Алексѣева передъ выступленiемъ въ Кубанскiй походъ: «Нужно зажечь свѣточъ, чтобы оставалась хотя-бы одна свѣтлая точка среди охватившей Россiю тьмы». Этотъ свѣточъ, угасающiй свѣточъ, вновь зажгли Борисъ Коверда и Князь Павелъ Долгоруковъ»...

Некрологъ, помѣщенный въ «Возрожевіи» отъ 9-го іюня 1928 года въ первую годовщину смерти Павла Дмитріевича за подписью А. Баулера: «Не всякому выпадаетъ счастье встрѣтить на жизненномъ пути человѣка такой нравственной высоты, какимъ былъ покойный Князь Павелъ Дмитріевичъ Долгоруковъ. Горько оплакивая его, люди, пользовавшіеся его дружескимъ довѣріемъ, не могутъ не чувствовать гордости и благодарности судьбѣ за эту встрѣчу и это довѣріе.

Навсегда останется въ памяти время, когда онъ готовился ко второй поѣздкѣ въ Россію. Съ непреклонной энергіей, вопреки всему, онъ шелъ къ своей цѣли. Приводилъ въ порядокъ дѣла, писалъ распоряженія на случай своей смерти — онъ всегда ее предвидѣлъ — тренировался гимнастикой и другими тѣлесными упражненіями, зная по опыту, сколько физическихъ силъ надо затратить въ предстоящемъ путешествіи ему, далеко не молодому, грузному и больному человѣку. Его отговаривали, его упрашивали — онъ все слушалъ, но всѣ чувствовали, что его рѣшеніе непоколебимо, что никакія слова не повліяютъ на его желѣзную волю. У него было спокойствіе человѣка настолько увѣреннаго въ необходимости и справедливости своихъ дѣйствій, что говорить объ этомъ уже совсѣмъ безполезно. Все продумано, все ясно...

Въ день перехода черезъ границу онъ написалъ намъ письмо. «Думаю сегодня отправиться въ путешествіе», пишетъ онъ. Затѣмъ цѣлый рядъ мелочей, точно онъ на дачу переѣзжалъ: отчего не внесли отъ него 10 франковъ на инвалидовъ. Отчего одинъ изъ его знакомыхъ не передалъ другому его знакомому какихъ-то стиховъ, которые онъ годъ тому назадъ поручилъ ему передать. «Кажется, онъ до сихъ поръ не передалъ. Это безобразіе. Когда будете мнѣ писать (ужъ не сюда), то прошу написать — «стихи (не) переданы». Тутъ же проситъ передать брату изъ денегъ, заработанныхъ въ Парижѣ, 100 франковъ на развлеченія (а всѣхъ денегъ было 400 франковъ), причемъ съ условіемъ, чтобы братъ пошелъ въ опредѣленную таверну; проситъ также, чтобы брата угостили гречневой кашей, какъ угощали его, Павла Дми-

тріевича... И все это въ день перехода, когда компетентные люди уже тамъ, у границы, предупреждали его о грозящей опасности. Возможность смерти была не за горами, а онъ хлопоталъ о передачѣ кому-то стиховъ.

Мучительное безпокойство переживали въ теченіе многихъ недѣль тѣ изъ его друзей, которые знали, что онъ въ Россіи, когда перестали приходить отъ него всякія извѣстія. Неизвѣстность томила, одолѣвали мрачныя предчувствія, страхъ за него холодомъ проходилъ по спинѣ при всякомъ воспоминаніи о немъ. Хотѣлось не помнить, хотѣлось не вѣрить какому-то властному голосу, вдругъ среди ночи шептавшему гдѣ то внутри — «погибъ Павелъ Дмитріевичъ». Употребляли вся усилія, чтобы узнать что-нибудь, гдѣ-нибудь. Но плотно захлопнулись двери ада... Неужели надо оставить всякую надежду навсегда?

Страхъ оправдался, — пришло извѣстіе объ арестѣ Павла Дмитріевича. Горе было большое. Но все же онъ живъ, содержится въ Харьковской тюрьмѣ. Горе осталось, а была надежда — можетъ быть, безумная — что и на этотъ разъ не узнаютъ, кто онъ, какъ не узнали при первой его поѣздкѣ въ Россію.

Кто онъ — узнали. Было страшно, но создалась новая надежда. Доходили свѣдѣнія, что его будутъ судить за безпаспортный переходъ черезъ границу, конечно, долго продержатъ въ тюрьмѣ — годъ, два — и сошлютъ. Неужели будутъ разстрѣливать стараго чековѣка за то, что онъ захотѣлъ побывать на родинѣ? Разумѣется, большевики изверги, но вѣдь есть предѣлъ звѣрству и извергов. Да и глупо съ ихъ стороны убить зря человѣка извѣстнаго въ Европѣ. Имъ выгоднѣй держать его у себя и распускать о немъ всякіе слухи. Эту возможность, впрочемъ, Павелъ Дмитріевичъ предвидѣлъ и принялъ надлежащія мѣры заранѣе...

Шли мѣсяцы. Брату его удалось посылать ему коекакое пособіе на улучшеніе пищу и даже получать отъ него изъ тюрьмы письма. О, эти душу надрывающія письма! Какъ они были покойны и просты, полны нѣжной за-

боты о родныхъ, сопровождались по его привычкѣ совѣтами и нравоученіями.

Пришла и страшная вѣсть о его смерти. Горе было острое, а къ нему опять прибавилось чувство полной неизвѣстности. Когда казнятъ самого отчаяннаго злодѣя, весь міръ знаетъ всѣ подробности о послѣднихъ минутахъ его жизни. Онъ можетъ написать своимъ близкимъ, можетъ, если вѣрующій, исполнить долгъ христіанина, словомъ, умираетъ ужасной смертью, но какъ человѣкъ, а не какъ бѣшеная собака. А тутъ двери плотно захлопнулись — никто ничего не зналъ и узнать не могъ.

Все-же мало по малу кое-что сообщалось. Говорили неопредѣленно, что умиралъ Павелъ Дмитріевичъ мужественно. Въ его мужествѣ никто не сомнѣвался и безъ извѣстій. Потомъ отъ разныхъ лицъ узнавали болѣе опредѣленныя свѣдѣнія. Павелъ Дмитріевичъ, разсказывали, не только мужественно встрѣтилъ смерть, но силой своего духа, своей неизмѣнной бодростью поддерживалъ и утѣшалъ всѣхъ товарищей по несчастію. Передъ разстрѣломъ удивилъ всѣхъ: потребовалъ, чтобы ему принесли воды и тщательно вымылся. Онъ пошелъ на смерть чистый не только своей благородной душой, но и тѣломъ.

Приходилось слышать мнѣніе, что и поѣздка Павла Дмитріевича въ Россію, и жертва жизнью — безполезны. Развѣ можетъ быть безполезенъ примѣръ высокой любви къ отчизнѣ, подвигъ благородства и отважности? Красоту и величіе характера князя Павла Дмитріевича, очевидно еще не всѣ поняли. Когда станетъ извѣстна вся исторія его поѣздки, когда узнаютъ, какое мужество и силу характера надо было имѣть старому и больному уже человѣку, чтобы вынести физическое и нравственное напряженіе, необходимое для этого подвига, тогда поймутъ, что недостаточно цѣнили его, не понимали, съ какимъ человѣкомъ насъ столкнула судьба.»

* * *

Когда вдумываешься въ душевный обликъ и въ жизненный путь Павла Дмитріевича, во все высказанное имъ са-

мимъ или другими о немъ, то невольно вспоминается завѣщанное намъ древне-греческимъ міромъ опредѣленіе гармоническаго идеала человѣка «Καλὸς κ'ἀγαθός», т. е прекрасный и благостный. Что же касается послѣднихъ лѣтъ его жизни, то надо сказать, что у многихъ лицъ, знавшихъ и любившихъ его, къ чувству скорби послѣ его преждевременной смерти и преклоненію передъ его памятью присоединялось какое-то чувство радости за него и даже беззлобной зависти къ его судьбѣ. Вѣдь столь немногимъ дается счастье найти ясную и опредѣленную цѣль жизни и такъ упорно и единоустремленно идти къ ней, какъ это удалось ему. Его любовь къ своей родинѣ и къ своему народу, и притомъ любовь дѣйственная, его вдохновленность идеями непреходящей, вѣчной цѣнности дали ему силы для осуществленія того, что онъ сдѣлалъ, находясь все время въ состояніи стоической душевной ясности и просвѣтленности. Никто изъ знавшихъ его не могъ сомнѣваться въ искренности того, что онъ писалъ изъ тюрьмы: «Я бодръ и спокоенъ» и даже болѣе того — «счастливъ». Вѣдь трудъ и лишенія, страданія и мученія при условіи ихъ осмысленности и добровольности являются не проклятіемъ, а источникомъ душевнаго спокойствія и высшей духовной радости. Подчиняя все единой цѣли, онъ какъ будто не замѣчалъ всѣхъ тяготъ бѣженской жизни. «Умѣю жить и въ скудости, умѣю жить и въ изобиліи» — говоритъ его святой — Апостолъ Павелъ. (Глава 4-ая, стихъ 12-й посланія къ Филлипійцамъ). Шутливыя слова Павла Дмитріевича, относящіяся къ его послѣдней Парижской квартирѣ — «Въ бѣженствѣ я подымаюсь все выше и выше, а не опускаюсь», которыми онъ заканчиваетъ свою «Великую разруху» — являются въ сущности самохарактеристикой. И еще болѣе широкіе горизонты открываются, когда онъ, перефразируя извѣстную фразу В. Д. Набокова, пишетъ:

«Законы человѣческіе да подчинятся законамъ Божескимъ». Онъ понялъ, что самое страшное, что сдѣлалъ большевизмъ въ Россіи, это попраніе образа и подобія Божія въ человѣкѣ. И какъ бы далеко глядя и видя впередъ, онъ, будучи въ то же время реальнымъ политикомъ и русскимъ патріотомъ, указалъ на единственный путь, могущій вывести человѣчество, и въ частности Россію, изъ теперешняго тупика.

Кн. Петръ Долгоруковъ.

Прага, 1944 г.

ESTE LIBRO FUE COMPUESTO E IMPRESO
EN LOS TALLERES GRÁFICOS DE
RAFAEL TARAVILLA PAUL,
SUCESOR DE GALO SÁEZ,
Y TERMINADO DE
IMPRIMIR EL
DÍA 15 DE
SEPTIEMBRE
DE
1964

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

	Напечатано:	Следует читать:
Стр. 26 10 строчка снизу	хотила	ходила
Стр. 120 1 строчка снизу должна идти на стр. 121 третьей сверху и читаться:		когда не уехала бы из Индии
Стр. 148 4 строчка снизу	него царство	его царство